

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ ВЕЗВОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ

ТОМЪ III

1879 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Официальный отдѣлъ.

Речь директора Института кн. Везбородко Н. А. Лавровскаго, произнесенная на актѣ 30 авг. 1878 г. (стр. 1—8).—Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историко-Филологическаго Института кн. Везбородко въ Нѣжинѣ за 1877/8 учебный годъ, читанный на актѣ 30 авг. 1878 г. ученымъ секретаремъ коннееренціи П. В. Никитинымъ (9—22).—Извлеченіе изъ протоколовъ Коннееренціи Института кн. Везбородко за 1877/8 г. (23—45).—Извлеченіе изъ отчета по гимназій при Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Везбородко въ Нѣжинѣ за 1877/8 учебный годъ (46—55).

II. Неофициальный отдѣлъ.

1. Дипломатическія сношенія и борьба императора Александра I съ Наполеономъ. Речь, читанная на торжеств. актѣ по случаю юбилея рожденія Императора Александра I, 12 дек. 1877 г., орд. прее. всеобщей исторіи П. И. Люперсолюскимъ (стр. 1—57).
2. Состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I. Н. Я. Аристова (стр. 57—101).
3. Гимназія высшихъ наукъ кн. Везбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). Н. А. Лавровскаго (стр. 102—258).

III. Приложенія.

1. Речь М. Тулли Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. Р. А. Фохта (стр. 1—41).
2. Патмосскія схоліи къ Демосоену. П. В. Никитина (стр. 42—59).
3. Первобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. (Вып. II.) А. С. Будиловича (стр. 265—408).

К I E B B

Типографія М. П. Фрица аренд. Керерь, на больш. Влад. у., возлѣ пак. Ирним.

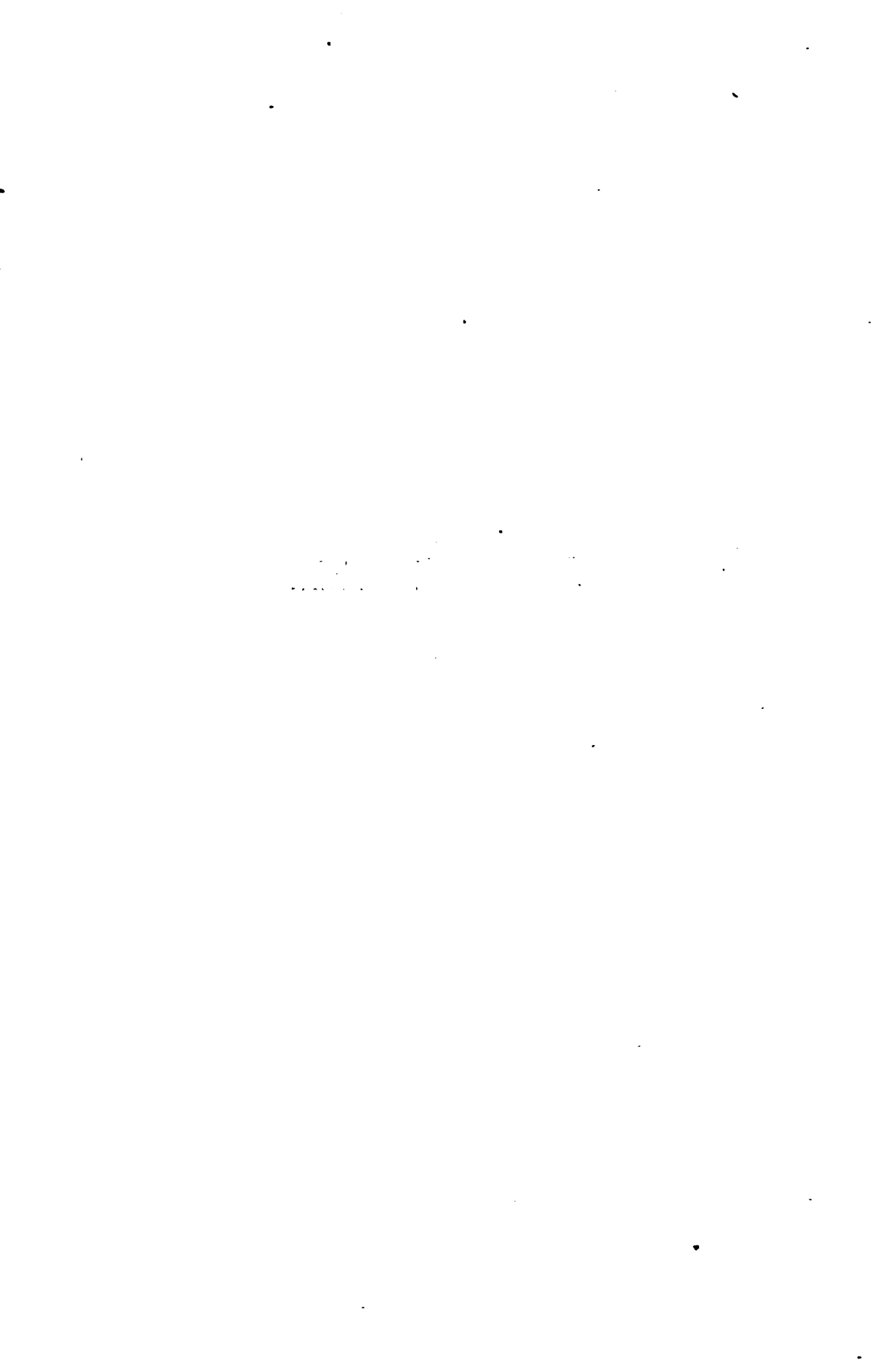
1879.

Печатано по опредѣленію Конференціи Истор.-филологич. института князя Безбородко.

Редакторъ, Ученый Секретарь Н. Гротъ.

I.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Р Ѣ Ч Ъ

директора Института князя Безбородко Н. А. Лавровскаго, произнесенная на актѣ 30 августа 1878 года.

Мм. Гг. Честѣ имѣю предложить Вашему вниманію нѣсколько свѣдѣній объ общемъ состояніи ввѣренныхъ мнѣ учебныхъ заведеній, института и гимназій, за истекшій учебный годъ, а также о принятыхъ мѣрахъ на будущій. Свѣдѣнія эти относятся главнымъ образомъ къ существенной сторонѣ заведеній, т. е. учебной.

Въ личномъ составѣ преподавателей института въ прошломъ году до полного, положеннаго по штату, числа оставались не замѣщенными только двѣ преподавательскія должности, предназначенныя для древнихъ языковъ. Въ настоящее время объ эти должности замѣщены: одна, по греческой словесности, бывшимъ дежурнымъ наставникомъ института, А. В. *Добіашемъ*, опредѣленнымъ 1-го Іюля сего года исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, и другая, по латинской словесности, окончившимъ курсъ въ С. Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ и пробывшимъ два года за границей для изученія древнихъ языковъ, П. А. *Адриановымъ*. Для замѣщенія оставшейся вакантною должности дежурнаго наставника студентовъ, конференціей приняты мѣры. Равнымъ образомъ приняты мѣры для привлеченія къ составу преподавателей особаго лица для преподаванія педагогики. Замѣщеніе послѣдней должности, не смотря на обращенныя къ этой цѣли усилія, до сихъ поръ встрѣчало затрудненія, происходящія главнымъ образомъ отъ положенія самаго предмета: педагогика, какъ извѣстно, не вошла въ составъ

наукъ, по которымъ пріобрѣтаются ученые степени магистровъ и докторовъ и соединенныя съ ними права на занятія профессорскихъ должностей, требуемая и университетскимъ и институтскимъ уставами. Положеніе же сверхштатнаго преподавателя, которое только и возможно для преподавателя педагогики, на основаніи устава, независимо отъ недостатка обезпеченія въ матеріальномъ отношеніи, само по себѣ не изъ тѣхъ, которыя привлекаютъ молодыя силы, посвящающія себя ученой карьерѣ. Руководясь этими соображеніями, конференція института пришла въ послѣднее время къ заключенію о необходимости устранить по крайней мѣрѣ одно изъ названныхъ существенныхъ затрудненій, усиливъ матеріальныя средства преподавателя педагогики: только тогда, по соображеніямъ конференціи, можно бы было рассчитывать, что преподаватель педагогики, избравшій послѣднюю свою спеціальностью и матеріально обезпеченный, посвятитъ свои лучшія силы дѣлу, къ которому будетъ призванъ. Въ этомъ смыслѣ проэктируется въ настоящее время представленіе конференціи. Должно впрочемъ замѣтить, что по крайней мѣрѣ одно изъ указанныхъ затрудненій, какъ и многое, зависитъ отъ мѣстныхъ условій: поступающій въ институтъ на какую бы то ни было должность естественно долженъ рассчитывать на институтъ, какъ на единственный источникъ своего матеріальнаго обезпеченія, такъ какъ Нѣжинъ не можетъ доставить ему никакихъ пособій, предлагаемыхъ въ изобиліи столицами.

Кромѣ того, въ личномъ составѣ служащихъ въ институтѣ произошли слѣдующія перемѣны: на мѣсто уволеннаго по прошенію бухгалтера и казначея Волынскаго опредѣленъ учитель Велижскаго уѣзднаго училища Левицкій.

Учащіеся. Всѣхъ студентовъ института въ первыхъ трехъ курсахъ къ концу истекшаго учебнаго года было 42. Въ августѣ, по произведеніи установленнаго повѣрочнаго испытанія и медицинскаго освидѣтельствованія, принято 15. Пріемъ и въ этомъ году оказывается неполнымъ. Не доискиваясь причинъ этого явленія, хотя и можно усматривать ихъ въ недостаточной извѣстности заведенія, въ недостаточной подготовкѣ оканчивающихъ общій семинарскій курсъ, въ мѣстныхъ условіяхъ, затрудняющихъ попытки поступить въ другое высшее учебное заведеніе въ случаѣ

неудачи испытанія въ институтѣ, я могу замѣтить, что настоящій пріемъ съ его непознатою должно считать послѣднимъ, такъ какъ съ будущаго учебнаго года начнется непрерывное поступленіе въ институтъ гимназическихъ стипендіатовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе института относительно ежегоднаго контингента поступающихъ будетъ навсегда обезпечено.

Учебная дѣятельность въ институтѣ въ истекшемъ учебномъ году совершалась нормальнымъ порядкомъ, вполнѣ согласно съ уставомъ, инструкціей и правилами. Третій курсъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія—классическій и славяно-русскій съ упомянутой мною въ прошломъ году условной спеціализаціей соответственно назначенію студентовъ. Успѣхи студентовъ, говоря вообще, можно назвать удовлетворительными, что доказывается и произведенными въ маѣ и іюнѣ испытаніями: всѣ студенты, за исключеніемъ одного, оставленнаго въ первомъ курсѣ, переведены въ слѣдующіе курсы. Конечно, позволительно желать большей полноты и равномерности успѣховъ, особенно если принять во вниманіе усилія, направленные къ этой цѣли; но при этомъ нельзя упускать изъ вида пробѣловъ и неравномѣрности въ предварительной подготовкѣ поступающихъ, дѣйствующихъ неблагопріятно на желаемую быстроту въ общемъ ходѣ учебнаго дѣла. Я могу съ полнымъ одобреніемъ отозваться объ усиліяхъ самихъ студентовъ подняться до уровня нормальныхъ требованій; но эти усилія, при лучшихъ условіяхъ, очевидно, сопровождались бы лучшими результатами

Съ наступающаго учебнаго года въ занятія студентовъ открывающагося теперь четвертаго курса войдетъ новый элементъ: я разумѣю предстоящіе имъ опыты практическаго преподаванія въ институтской гимназій. Опыты эти, опредѣленные уставомъ С. Петербургскаго института и утвержденные для нашего, давно примѣнялись на западѣ въ дѣлѣ приготовленія наставниковъ для низшихъ и среднихъ школъ; не новость они и у насъ: они примѣнялись въ большихъ размѣрахъ въ бывшемъ Главномъ педагогическомъ институтѣ, упраздненномъ въ 1859-мъ году, и въ меньшихъ размѣрахъ—въ возникшихъ въ слѣдъ за тѣмъ педагогическихъ курсахъ, упраздненныхъ въ 1867-мъ году по открытіи С. Петербургскаго института.

Значеніе ихъ опредѣляется признанною необходимостію для будущихъ учителей предварительнаго ознакомленія со способами и приѣмами практическаго преподаванія въ тѣхъ школахъ, для которыхъ они предназначаются. И теоретическія соображенія, и опытъ, привели къ тому заключенію, что начинающій учитель, въ надлежащей полнотѣ усвоившій себѣ необходимыя для предстоящей ему дѣятельности свѣдѣнія, въ наибольшей части случаевъ долго не можетъ освоиться съ учебной средой, въ которую вступаетъ, и съ образомъ дѣйствій на эту среду, долго дѣйствуетъ ощупью и наугадъ, тратитъ, и иногда бесполезно, много силъ и времени на выработку и усвоеніе кажущихся ему лучшими дидактическихъ приѣмовъ. Въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, т. е. если учитель, обладающій тактомъ и познаніями, послѣ продолжительныхъ усилій дѣйствительно выходитъ на истинный путь, открываетъ правильный и цѣлесообразный способъ дѣйствій, слѣдствіемъ продолжительнаго блужданія и исканія истины наугадъ оказывается совершенно непроизводительная потеря времени, вредная для учителя и еще болѣе для учащихся. Это еще наименьшее зло. Наибольшее зло является тогда, когда блужданію и исканію истины не предвидится конца, или когда оно оканчивается признаніемъ за правильный совершенно ложнаго образа дѣйствій. И въ томъ и другомъ случаѣ учащіеся являются матеріаломъ, надъ которымъ производятся недостойные и крайне вредные для нихъ опыты, жертвою учителя, не приготовленнаго къ своей дѣятельности. *Fiat experimentum in re vilis*. Опыты предварительнаго практическаго преподаванія имѣютъ цѣлію если не устранить вполне вредъ отъ неопытности учителя, то довести его до *minimum*'а сообщеніемъ признанныхъ рациональными способовъ и приѣмовъ преподаванія. Будущій учитель сначала нѣкоторое время ограничивается наблюденіемъ за процессомъ обученія достойнаго и специально призваннаго къ руководству этими опытами наставника—руководителя и за тѣмъ ему поручается сообщеніе ученикамъ стоящаго на очереди учебнаго матеріала, его объясненіе и удостовѣреніе въ усвоеніи учениками, исправленія письменныхъ ученическихъ работъ—словомъ полное отправление учительской дѣятельности въ заранѣе опредѣленныхъ размѣрахъ и рассчитанное на опредѣленное время. Дѣя-

тельность эта наблюдается, кромѣ наставника — руководителя, начальствомъ института, а также студентами тогоже курса, и за тѣмъ подвергается общему обсужденію въ особыхъ застѣваніяхъ, съ участіемъ студентовъ, оканчивающемуся выводами и въ отрицательномъ, и положительномъ смыслѣ, указаніемъ на недостатки и на способы и приемы правильнаго и рациональнаго обученія. Хотя число опытовъ для каждаго студента, по необходимости, ограничено и видоизмѣняется, смотря по числу студентовъ въ курсѣ, но недостатокъ ихъ отчасти вознаграждается присутствіемъ студентовъ на каждомъ опытѣ ихъ товарища, а также участіемъ ихъ въ обсужденіи произведеннаго опыта. Притомъ опыты вовсе и не могутъ имѣть притязанія на абсолютную полную усвоенія приемовъ и способовъ преподаванія уже потому, что послѣдніе безконечно разнообразны и видоизмѣняются по свойству учебнаго матеріала, по составу цѣлаго класса и по личнымъ особенностямъ учащихся и учащихся и т. д.; они достигаютъ своей цѣли тогда, когда успѣваютъ сообщить общее направленіе и общій характеръ учебной дѣятельности и существенныя частныя ея явленія, уяснить сознаніе будущихъ учителей относительно этой дѣятельности. Спѣшу заключить слѣдующимъ замѣчаніемъ: не должно и преувеличивать значеніе этихъ опытовъ: они безсильны или малопродуктивны, когда падаютъ на неблагоприятную почву, на ограниченныя способности и знанія, на отсутствіе или недостатокъ призванія и любви къ учительской дѣятельности; они почти излишни для немногихъ призванныхъ наставниковъ, о которыхъ, какъ о поэтахъ, можно сказать, что они рождаются. Ни на тѣхъ ни на другихъ, конечно, не можетъ рассчитывать всеобщая дидактическая практика: она естественно рассчитана на среднюю величину способностей, знанія и призванія. Но и относительно этой средней величины едва ли не должно признать справедливую мысль, иногда высказываемую, что излишество практическихъ опытовъ преподаванія, по крайней мѣрѣ въ значительной части случаевъ, можетъ скорѣе вредить, чѣмъ приносить пользу, ослабляя самостоятельность будущаго учителя, его изобрѣтательность, находчивость, механизировать, такъ сказать, его учебную дѣятельность въ зародышѣ. Необходима особенная осторожность и чувство мѣры въ опытахъ этого рода.

Библиотека института, находившаяся до сихъ поръ, благодаря обязательному предложенію нашего почетнаго попечителя, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, въ его квартирѣ, въ послѣднее время, въ слѣдствіе непрерывныхъ ежегодныхъ пріобрѣтеній въ большихъ размѣрахъ и притомъ цѣлыми библиотеками (Штеймана, Шевырева, Ричля), не могла имѣть дальнѣйшаго движенія по тѣснотѣ помѣщенія, а потому въ настоящее время размѣщена просторно и удобно, съ возможностью удовлетворять надолго будущимъ пріобрѣтеніямъ, въ пяти комнатахъ прежнихъ гимназическихъ помѣщеній. Каталогизація библиотеки приходитъ къ концу, и конференція имѣетъ въ виду въ ближайшее время приступить къ печатанію общаго систематическаго каталога.

Въ истекшемъ учебномъ году конференціей института изданъ 2-й томъ извѣстій, заключающій въ себѣ, кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ по институту и гимназій, сочиненія профессоровъ — Грота, Зенгера и Будиловича. Въ настоящее время начатъ печатаніемъ 3-й томъ, за нимъ послѣдуетъ 4-й, материалы для котораго уже приготовлены.

Дѣятельность гимназій совершалась правильно, съ замѣтнымъ совершенствованіемъ въ учебномъ отношеніи. Наступающій учебный годъ и для нея будетъ знаменательнымъ по имѣющимъ начаться съ сентября опытамъ практическаго преподаванія студентовъ. Выстъ съ тѣмъ начнется вполне дѣятельное отношеніе гимназій къ институту, обращенное къ выполненію двухъ, упомянутыхъ мной въ прежнемъ отчетѣ, цѣлей — служить школой для опытовъ преподаванія студентовъ и готовить ежегодный благонадежный контингентъ для института въ лицѣ гимназическихъ стипендіатовъ. Для руководства практическимъ преподаваніемъ студентовъ, имѣющимъ совершаться по тремъ предметамъ — греческому, латинскому и русскому языкамъ, оказались необходимыми дополнительныя учебныя силы, съ установленнымъ для того званіемъ наставниковъ-руководителей: изъ трехъ необходимыхъ наставниковъ-руководителей двое, по латинскому и русскому языкамъ, А. Θ. Абрамовъ, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ Институтѣ и два года затѣмъ пробывшій за границей, для изученія древнихъ языковъ, и И. М. Вѣлоруссовъ, окончившій курсъ

въ томъ же институтѣ и состоявшій учителемъ русскаго языка и словесности въ Архангельской гимназіи, опредѣлены въ іюлѣ нынѣшняго года. Завѣдывающій гимназіей, **Ө. А. Златоустовскій**, согласно Положенію объ институтской гимназіи, будетъ третьимъ наставникомъ-руководителемъ, по греческому языку. Въ прошедшемъ всѣхъ трехъ названныхъ преподавателей можно видѣть вѣрное ручательство успѣшной дѣятельности на новомъ для нихъ поприщѣ. Число гимназическихъ стипендіатовъ въ августѣ увеличилось 19-ю, изъ коихъ 13 поступили въ V-й классъ, 4—въ VI-й и 2—въ VII-й. Общее число стипендіатовъ, за выбытіемъ одного, 49.

Внѣшнее устройство института, съ окончаніемъ нынѣшнимъ лѣтомъ немногихъ запоздавшихъ работъ, можно считать оконченнымъ. Въ настоящее время, съ открытіемъ 4-го курса, открываются всѣ студентскія и профессорскія помѣщенія въ полномъ ихъ составѣ. Сначала, съ первыми двумя курсами, институтъ ограничивался скромными помѣщеніями въ одной сѣверной части главнаго зданія; аудиторіи находились въ гимназическихъ помѣщеніяхъ, что представляло значительныя неудобства; съ открытіемъ 3-го курса, помѣщенія студентовъ расширились цѣлымъ, надстроеннымъ надъ главнымъ зданіемъ, 3-мъ этажемъ, но аудиторіи все еще оставались въ прежнемъ помѣщеніи, такъ какъ проектированное для нихъ помѣщеніе еще занято было квартирами преподавателей; въ то же время шла дѣятельная работа по постройкѣ двухъ каменныхъ флигелей для профессорскихъ квартиръ; съ окончаніемъ послѣднихъ работъ, просторныя обширныя, прекрасно освѣщенныя аудиторіи, числомъ шесть, размѣщены въ южной части главнаго зданія. Періодъ построекъ и приспособленій въ обширныхъ размѣрахъ окончился; если въ послѣдствіи и окажется потребность въ какихъ—нибудь приспособленіяхъ второстепенной важности, то они, конечно, не представлятъ большихъ затрудненій для Правленія Института.

Обозрѣніе всѣхъ институтскихъ помѣщеній, просторныхъ и удобныхъ, ихъ весьма значительная стоимость, обязываетъ насъ выразить еще разъ глубочайшую признательность правительству за его неизмѣнную готовность всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ отзываться на удовлетвореніе всѣхъ матеріальныхъ нуждъ ин-

ститута, не останавливаться предъ новыми жертвами по часто возникавшимъ заявленіямъ о новыхъ, не входившихъ въ первоначальный проектъ, потребностяхъ. Цѣль института-образованіе наставниковъ русскаго юношества, конечно, вполне оправдываетъ принесенныя жертвы. Этою цѣлію измѣряются и обязанности всѣхъ служащихъ въ институтѣ-посвятить себя на служеніе этой цѣли, на осуществленіе ея въ предѣлахъ ограниченныхъ человѣческихъ силъ.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи и дѣятельности Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ за 187⁷/₈ учебный годъ, читанный на актѣ 30 августа 1878 года ученымъ секретаремъ конференціи П. В. Никитинымъ.

Въ 187⁷/₈ учебномъ году Институтъ князя Безбородко имѣлъ три курса студентовъ: два общихъ и третій спеціальный, раздѣлявшійся на два отдѣленія: классическое и славяно-русское. Въ отношеніи къ изученію новыхъ языковъ, студенты, безъ различія курсовъ, раздѣлялись на два отдѣленія по каждому языку—низшее и высшее; въ первомъ находились студенты, начинавшіе изученіе языка, а во второмъ—усвоившіе элементарный курсъ.

Объемъ преподаванія по отдѣльнымъ предметамъ былъ слѣдующій:

По закону Божию законоучителемъ А. Θ. Хойнацкимъ (при одной лекціи въ недѣлю въ каждомъ изъ двухъ низшихъ курсовъ) преподаны въ 1-мъ курсѣ слѣдующіе отдѣлы догматическаго богословія: введеніе въ науку догматическаго богословія съ указаніемъ его источниковъ; ученіе о Богѣ и въ частности о Богѣ единомъ по существу, но троичномъ въ лицахъ; о мірѣ и человѣкѣ, о міроправленіи, о мірохраненіи Божиюмъ, о паденіи первыхъ человѣкъ и его послѣдствіяхъ и о приготовительныхъ дѣйствіяхъ Божіихъ къ искупленію человѣка; во второмъ курсѣ изъ *догматическаго богословія*: о лицѣ Иисуса Христа и совершенномъ имъ дѣлѣ искупленія человѣка; объ освященіи человѣка и въ частности о благодати Божіей; Св. Церкви и таинствахъ; о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка; изъ *нравственнаго богословія*: общія предварительныя свѣдѣнія о нравственномъ законѣ, добродѣтели и грѣхѣ и объ основныхъ обязанностяхъ человѣка.

По предмету *философіи* исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, Н. Я. Гротомъ (при 3-хъ лекціяхъ въ 1 курсѣ и 3-хъ же сводныхъ лекціяхъ для курсовъ 2-го и 3-го) преподааны I, въ 1-мъ курсѣ: *психологія* по слѣдующей программѣ: а) введеніе: задачи психологіи, методы психологическаго изслѣдованія, пособія, общій очеркъ психической жизни, законы и процессы психическаго развитія; б) анализъ и синтезъ психическихъ явленій: явленія восприимчивости, явленія дѣятельности; II) во 2 и 3 курсахъ преподавались логика и исторія философіи, а именно: 1) слѣдующіе отдѣлы *логики*: а) введеніе: различные взгляды на предметъ, критическая оцѣнка задачъ логики; историческій очеркъ развитія логики; б) изложеніе логики, какъ ученія о познаніи: вопросъ о цѣли и критеріѣ знанія, общія основы познанія; познавательные методы: индукція: наблюденіе и опытъ, индуктивныя умозаключенія, анализъ индуктивныхъ методовъ, анализъ результатовъ индукціи; дедукція: построительная ассоціація, дедуктивныя умозаключенія, анализъ дедуктивныхъ методовъ, результаты дедуктивныхъ операцій; в) дополненія изъ области формальной логики: различные виды сужденій и умозаключеній, главнѣйшія основанія и виды доказательствъ и 2) слѣдующіе отдѣлы *исторіи философіи*: введеніе: задачи философіи въ разные моменты ея развитія, критерій оцѣнки философскихъ ученій; пособія; исторія древне-греческой философіи: іоническая школа; пифагорейцы и Эмпедокль; Элейская школа; Анаксагоръ и атомисты; софисты; Сократъ; Платонъ; Аристотель.

По греческой словесности: I, въ первомъ курсѣ, гдѣ двѣ лекціи въ недѣлю имѣлъ ординарный профессоръ П. В. Никитинъ для объясненія Гомера и повторенія греческой морфологіи и три лекціи наставникъ—преподаватель А. В. Добіашъ для занятій синтаксисомъ и чтенія греческихъ прозаиковъ, а) переведены и объяснены: первые 394 стиха IX пѣсни Одиссеи и первые 12 главъ діалога Платона „Федръ“; б) изложены: морфологія греческаго глагола, синтаксисъ наклоненій, значеніе и употребленіе важнѣйшихъ частицъ; в) подъ руководствомъ преподавателя Добіаша, студенты упражнялись въ письменномъ переводѣ съ русскаго языка на греческій; такого рода упражненія, попеременно то домашнія, то экстенпоральныя, производились еженедѣльно; г) подъ руководствомъ того же преподавателя въ домашнемъ чтеніи студентами пройдены избранныя

мѣста изъ „Анабасиса“ Ксенофонта и I, 6, 1—II, 2, 20, „Греческой исторіи“ того же автора; II) во второмъ курсѣ, гдѣ одну лекцію для чтенія Гомера имѣлъ профессоръ Никитинъ и четыре лекціи для занятій синтаксисомъ и чтенія прозаиковъ наставникъ—преподаватель Добіашъ; а) переведены и объяснены: послѣднія 360 стиховъ III и первые 136 стиховъ IV пѣсни Иліады, III, 1—16 Ѳукидида и I 6—23 Геродота; введеніемъ къ чтенію Геродота послужило указаніе отличій Геродотовскаго нарѣчія отъ аттическаго; б) изложенъ синтаксисъ падежей; в) письменныя работы производились тѣмъ же порядкомъ и подъ руководствомъ того же преподавателя, какъ и въ I курсѣ; г) въ домашнемъ чтеніи, подъ руководствомъ профессора Никитина въ первомъ полугодіи и наставника—преподавателя Добіаша во второмъ, студентами пройдены: VII и (за исключеніемъ 266—366 стиховъ) VIII пѣсни Одиссеи, III, 17—68 Ѳукидида; III) въ третьемъ курсѣ, гдѣ четыре лекціи для чтенія прозаиковъ, одну для упражненія въ переводахъ съ русскаго на греческій и двѣ для преподаванія греческихъ древностей имѣлъ профессоръ Никитинъ и одну для преподаванія греческой метрики наставникъ—преподаватель Добіашъ, а) переведены и объяснены *студентамъ обоихъ отдѣленій* курса: 1—626 стихи „Медеи“ Еврипида и 1—37 §§ рѣчи Демосѳена „о вѣнкѣ“; введеніемъ къ чтенію трагика послужили: краткій очеркъ исторіи греческой трагедіи, біографія поэта и указаніе особенностей Еврипидовой трагедіи, свѣдѣнія о важнѣйшихъ рукописяхъ и изданіяхъ Еврипидовыхъ трагедій; а къ чтенію оратора: краткій очеркъ исторіи ораторскаго искусства у грековъ, жизнеописаніе Демосѳена, съ изложеніемъ важнѣйшихъ изъ тѣхъ историческихъ событій, которыхъ касается рѣчь „о вѣнкѣ“, и свѣдѣнія о главныхъ рукописяхъ и изданіяхъ Демосѳена; б) разъ въ двѣ недѣли задаваемы были письменные переводы съ русскаго на греческій; одна лекція въ недѣлю посвящалась попеременно то разбору этихъ переводовъ, то упражненіямъ въ устномъ переводѣ съ русскаго; *студентамъ классическаго отдѣленія* изложены были: в) слѣдующіе отдѣлы греческихъ древностей: источники и пособія ученія о греческихъ древностяхъ; государственное устройство Греціи Гомеровскаго періода; государственное устройство Спарты; государственное устройство афинской демократіи; г) греческая метрика по слѣдующей про-

программъ: о родахъ риѣма, о соединеніи орхестики и мелики съ декламаціей въ разныхъ родахъ поэтическихъ произведеній; о дактилическихъ стихахъ; о метрическихъ нововведеніяхъ Архилоха, о хореическомъ тетраметрѣ, о іамбическомъ триметрѣ съ чистымъ и хореическимъ окончаніемъ, о метрикѣ Сапфо и Алкея; объ анапестическихъ стихахъ; о дохміи и соединеніи его съ другими *πόμε*; и *κῶλα*; о ѳренодическихъ дактиляхъ; о хоріамбѣ и объ отношеніи хоріамбовъ къ іоническому риѣму; д) въ домашнемъ чтеніи студентами переведены 621—804 стихи XXIV рапсодіи Иліады, 13, 22 и 23 рѣчи Лисіи и первыя 71 глава Ѳукидида.

По римской словесности I) въ первомъ курсѣ преподавателемъ—наставникомъ А. М. Фогелемъ, при шести лекціяхъ въ недѣлю, а) преподаны слѣдующіе отдѣлы латинскаго синтаксиса: ученіе о согласованіи; синтаксисъ временъ и наклоненій; синтаксисъ косвенной рѣчи; б) изъ этимологіи повторены глаголы, уклоняющіеся въ производствѣ перфекта и супина отъ общихъ правилъ, глаголы начинательные, отложительные и полуотложительные, такъ называемые неправильные, недостаточные и безличныя глаголы; в) переведены и объяснены 43 §§ рѣчи Цицерона „*pro Milone*“; въ видѣ введенія къ чтенію были сообщены свѣдѣнія о жизни, дѣятельности и характерѣ Цицерона, перечень важнѣйшихъ его произведеній, обзоръ тѣхъ событій, какія послужили поводомъ къ процессу Милона, свѣдѣнія объ обыкновенномъ у Римлянъ порядкѣ уголовного судопроизводства и о новомъ порядкѣ, установленномъ посредствомъ *lex Pompeia de vi*; свѣдѣнія о различныхъ родахъ судебныхъ рѣчей. Изученіе грамматическихъ правилъ сопровождалось постоянными устными переводами соотвѣтствующихъ правиламъ русскихъ примѣровъ на латинскій языкъ. Кромѣ того еженедѣльно производились письменныя упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, попеременно то домашнія, то экстенпоральныя; на домашнихъ чтеніяхъ переведены VI—VII кв. сочиненія Цезаря „*de bello gall*“. II) во второмъ курсѣ, гдѣ двѣ лекціи для чтенія Цицерона имѣлъ профессоръ Фохтъ и 4 для чтенія Теренція и грамматическихъ занятій преподаватель Фогель, а) переведены и объяснены 1—15 гл. рѣчи Цицерона *de imperio Cn. Pompei* и 1—85 стихи комедіи Теренція *Phormio*; чтенію комедіи предпослано было введеніе, заклю-

чавшее въ себѣ краткую исторію латинской комедіи, жизне-описаніе Теренція и свѣдѣнія о его произведеніяхъ, древнихъ комментаторахъ, важнѣйшихъ рукописяхъ и изданіяхъ, а также о метрикѣ и просодіи Теренція; б) изъ грамматики изложено было синтаксисъ падежей; письменныя упражненія въ переводѣ съ русскаго, попеременно то экстенпоральныя, то домашнія, производились еженедѣльно; в) въ домашнемъ чтеніи студентами пройдено: подъ руководствомъ профессора Фохта 15 и слѣд. до конца главы рѣчи de imperio Sp. Romae и 1—23 главы VIII книги сочиненія de bello gallico, а подъ руководствомъ преподавателя Фогеля III книга (начиная съ 22 главы) сочиненія Цезаря de bello civili; III, въ третьемъ курсѣ, гдѣ профессоръ Фохтъ имѣлъ 4 лекціи для чтенія авторовъ, 1-у для упражненій въ переводѣ съ русскаго и 3-и для преподаванія римскихъ древностей, а) переведены и объяснены для обоихъ отдѣленій курса VI книга „Энеиды“ Виргилія и I, 1—18 Ливія; б) студенты обоихъ отдѣленій были упражняемы въ устномъ и письменномъ переводѣ съ русскаго на латинскій; переведены устно отрывки 2—6, а письменно 13—20 изъ книги профессора Фохта „Материалы для перевода съ русскаго на латинскій языкъ“; в) студентамъ классическаго отдѣленія преподаны (на латинскомъ языкѣ) слѣдующіе отдѣлы римскихъ древностей: а) de urbe Roma: de situ, muro, pomoerio, portis, montibus, collibus, interiectis et adiacentibus locis; б) de hominibus Romanis: de servis, de liberis hominibus: de libertinis et ingenuis, de peregrinis, Latinis, civibus: de patriciis, et plebe, de nobilitate et ignobilibus, de classibus, de tribubus, de re militari; г) въ домашнемъ чтеніи студентами классическаго отдѣленія пройдены VII, 31—fin и VIII-я книга de bello gallico, Terentii Andr. act. IV и V и Cic. Tuscul. II, 1—7.

По исторіи русской литературы директоромъ Н. А. Лавровскимъ преподаны: I) студентамъ второго курса (при одной лекціи въ недѣлю) исторія письменной литературы Кіевского періода; II, студентамъ славяно-русскаго отдѣленія 3 курса (при двухъ лекціяхъ) исторія новой русской литературы до Карамзина и его послѣдователей включительно.

По славянской филологіи I) въ первомъ курсѣ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Брантомъ (при

двухъ лекціяхъ) преподано: а) общее введеніе въ языкознаніе (вопросъ о происхожденіи языка, дѣленіе языковъ на группы); б) краткій очеркъ географіи и этнографіи славянства; в) о церковно-славянскомъ языкѣ и его письменности и о значеніи ихъ для славянской филологіи; г) подробная фонетика церковнославянскаго языка, съ параллелями изъ новыхъ славянскихъ нарѣчій, а также и изъ прочихъ индоевропейскихъ языковъ, особенно изъ греческаго и латинскаго; II) во второмъ курсѣ профессоромъ А. С. Будиловичемъ, при двухъ лекціяхъ, изложены слѣдующіе отдѣлы славяновѣдѣнія: а) по сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій: ученіе объ образованіи корней, основъ и словъ; система склоненій и спряженій; о значеніяхъ звуковъ корней и аффиксовъ именныхъ основъ, о значеніи формъ родовъ, чиселъ и падежей; б) по исторической этнографіи славянъ: историческій обзоръ древней Сербіи, Босны, Герцеговины, Зеты, Дубровника и Хорватіи, судьбы южныхъ славянъ въ періодъ турецкаго ига, возрожденіе Сербіи, исторія Черной горы, судьбы славянъ подальшійскихъ въ древнее и новое время, очеркъ исторіи государства великоморавскаго и словаковъ подъ угорскимъ и австрійскимъ господствомъ; III) въ третьемъ курсѣ *студентамъ обоихъ отдѣленій* по исторіи русскаго языка (при одной лекціи) профессоромъ Будиловичемъ преподано слѣдующее: объ отношеніи языка древнерусскаго къ церковно-славянскому, обзоръ фонетическихъ, этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей русскаго языка по памятникамъ XI, XII, XIII, XIV и XV вѣковъ, характеристика стариннаго русскаго языка и его остатковъ въ народной словесности, исторія говоровъ русскаго языка; *студентамъ славяно-русскаго отдѣленія*: а) профессоромъ Будиловичемъ, имѣвшимъ двѣ лекціи въ недѣлю, преподаны слѣдующіе отдѣлы исторіи славянскихъ литературъ: о жизни и писательской дѣятельности Свв. Кирилла и Меѳодія, писатели и произведенія болгарской литературы временъ царя Симеона, литература втораго болгарскаго царства, богомилство въ Болгаріи; сербская и хорватская письменность древняго періода (до XV вѣка); писатели сербской эмиграціи XV—XVIII вв.; далматинская, славонская и хорватская литература XV—XVIII вв.; литература хорутанословенская XVI—XVIII вв.; возрожденіе болгарской литературы въ XVIII и XIX вѣкахъ,

возрожденіе сербской литературы въ Воеводинѣ, Сербскомъ княжествѣ и Черной горѣ въ XVIII и XIX вв.; литературы хорватская и далматская XIX в.; литература хорутанословенская со временъ Водника. б) Занятія студентовъ того же отдѣленія по славянской діалектологіи, руководимыя испр. должн. экстраординарнаго профессора Брандтомъ (имѣвшимъ также двѣ лекціи), состояли въ изученіи грамматикъ языковъ: сербо-хорватскаго, болгарскаго, чтеніи образцовъ этихъ языковъ и изученіи грамматики словацкаго языка

По предмету *всеобщей исторіи*: I, студентамъ перваго курса ординарнымъ профессоромъ П. И. Люперсольскимъ, имѣвшимъ 4 лекціи, преподаана исторія древняго міра, а именно: исторія восточныхъ народовъ: египтянъ, вавилонянъ, ассиріянъ, иранцевъ и индусовъ, исторія Греціи съ древнѣйшихъ временъ до македонскаго завоеванія, исторія римлянъ въ періодъ царей; II) студентамъ втораго курса исправляющій должность экстраординарнаго профессора, Г. Э. Зенгеръ преподавалъ общій курсъ римской исторіи до второй половины VII в. отъ основанія города; III) въ третьемъ курсѣ а) *студентамъ обоихъ отдѣленій* профессоромъ Люперсольскимъ (при двухъ лекціяхъ) преподаана средняя исторія, начиная отъ первыхъ столкновеній германцевъ съ римлянами и кончая эпохою крестовыхъ походовъ; б) *студентамъ классическаго отдѣленія* исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Зенгеромъ (имѣвшимъ также двѣ лекціи) изложенъ спеціальнѣйшій курсъ исторіи государственнаго строя Рима до второй половины VII вѣка отъ осн. гор. по слѣдующей програмѣ: а) введеніе: задачи предмета и методы его научной обработки, три эпохи въ систематизаціи римскаго права: Sigonio, Beaufort, Mommsen, характеристика второстепенныхъ пособій, состояніе источниковъ; б) эпоха царей: 1) родовая община: царь, сенатъ, народъ; отношенія къ *nomen Latinum*; 2) сословная община: происхожденіе плебеевъ, рабство, кліентела, развитіе семейнаго и вещнаго права; реформа Тарквинія Приска; конституція Сервія Туллія; в) республиканская эпоха: 1) періодъ политической борьбы; внутренняя исторія Рима до изданія писанныхъ законовъ, внутренняя исторія Рима до распредѣленія консулата между патриціями и плебеями; внутренняя исторія Рима до признанія за плебисцитами силы законовъ; конституціонная система

республики; 2) періодъ соціальной борьбы; господство олигархіи; революціонное движеніе; періодъ военныхъ узурпацій.

По русской исторіи ординарнымъ профессоромъ инспекторомъ Н. Я. Аристовымъ преподаны слѣдующіе отдѣлы: I) студентамъ 1-го курса (при двухъ лекціяхъ): а) время язычества, б) время христіанства до нашествія татаръ; в) татарское время; II) студентамъ второго курса (при двухъ лекціяхъ): а) татарское время; б) особенности въ развитіи югозападной Россіи; в) состояніе Великой Россіи во времена Іоанна III; III) студентамъ славяно-русскаго отдѣленія 3-го курса (при двухъ лекціяхъ) изложена исторія царствованія Екатерины II.

По географіи преподавателемъ И. А. Сребняцкимъ студентамъ 1-го и 2-го курсовъ (при двухъ лекціяхъ въ каждомъ курсѣ) преподаны: очеркъ исторіи развитія географической науки съ древнѣйшихъ временъ; физическое и этнографическое описаніе Европы; частное обозрѣніе отдѣльныхъ государствъ Европы.

По французскому языку, подъ руководствомъ преподавателя П. Г. Сертье, студентами низшаго отдѣленія (при 3-хъ лекціяхъ въ недѣлю) пройдены этимологія и синтаксисъ временъ, причастій, личныхъ мѣстоименій и члена, а студентами высшаго (при 2 лекціяхъ) синтаксисъ мѣстоименія и глагола. Матеріаломъ для переводовъ съ русскаго языка на французскій послужили 27 статей изъ учебника Игнатовича въ низшемъ отдѣленіи и 9 статей изъ учебника Марго въ высшемъ, а для переводовъ съ французскаго на русскій 23 статьи изъ учебника Игнатовича и 3 первыя главы изъ *Considérations* Монтескье въ низшемъ отдѣленіи и 11—20 главы изъ Монтескье и 3-й актъ трагедіи Расина *Athalie* въ высшемъ.

По нѣмецкому языку, подъ руководствомъ преподавателя Г. Д. Мургуловича, студентами низшаго отдѣленія (при 3-хъ лекціяхъ въ недѣлю) пройдена этимологія, а студентами высшаго (при 2-хъ лекціяхъ) синтаксисъ. Матеріаломъ для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій послужили 10 статей изъ сборника Кейзера въ низшемъ и 6 статей изъ той же книги въ высшемъ отдѣленіи, а для переводовъ съ нѣмецкаго на русскій въ томъ и другомъ отдѣленіи отрывки изъ тридцатилѣтней войны Шиллера.

Не ограничиваясь только приготовленіемъ къ лекціямъ и репетиціямъ, студенты занимались составленіемъ сочиненій на предложенныя гг. профессорами темы. Студенты 1-го и 2-го курсовъ представили каждый по 3 сочиненія: одно по исторіи русской и всеобщей, одно по философіи и одно по славянской филологіи; студенты классическаго отдѣленія 3 курса по 5 сочиненій: 4 по римской словесности и одно по греческой; студенты славяно-русскаго отдѣленія по два сочиненія: одно на темы по исторіи литературъ русской и славянскихъ и одно по исторіи русскаго языка или по славянской діалектологіи. Лучшія сочиненія представлены были: студентомъ 1 курса *Крыгинимъ* на тему по философіи „Ученія объ инстинктѣ“, студентомъ 2 курса *Крестинскимъ* на тему по исторіи русской литературы „Взглядъ на сочиненіе Всеволода Миллера о словѣ о Полку Игоревѣ“, студентомъ того-же курса *Шамраевымъ* на тему по русской исторіи „Внутренній бытъ татаръ въ XIII вѣкѣ“, студентомъ 3 курса *Уводскимъ* на тему по греческой словесности „Фразеологія и синонимика греческихъ глаголовъ и именъ, обозначающихъ проявленія душевной дѣятельности“, студентомъ того-же курса *Ивановымъ* на тему по исторіи славянскихъ литературъ „Андрей Качичъ-Міюичъ и его сочиненіе Razgovor ugodni naroda Slovinskoga“, тѣмъ же студентомъ на тему по славянской діалектологіи „Фонетика современнаго сербскаго языка“, студентомъ того-же курса *Святскимъ* на тему по исторіи славянскихъ литературъ „О жизни и литературной дѣятельности хорватскаго поэта Прерадовича“ и тѣмъ же студентомъ на тему по славянской діалектологіи „Система склоненій въ юго-славянскихъ нарѣчіяхъ, сравнительно съ церковно-славянскимъ языкомъ“.

О занятіяхъ конференціи.

Въ истекшемъ учебномъ году конференція имѣла 29 засѣданій

Важнѣйшія изъ мѣръ, предложенныхъ въ истекшемъ году конференціею и частію уже утвержденныхъ высшимъ начальствомъ,

касались устройства преподаванія въ Институтѣ въ будущемъ учебномъ году и пополненія учебнаго состава Института.

Конференціею составленъ проектъ устройства преподаванія въ открывающемся съ начала будущаго академическаго года четвертомъ курсѣ, состоящій въ слѣдующемъ. Въ составъ спеціальнаго преподаванія на *классическомъ* отдѣленіи четвертаго курса войдутъ: исторія римской литературы (3 лекціи въ недѣлю), исторія греческой литературы (2 лекціи), греческія богослужебныя древности (1 лекція). Для студентовъ классическаго отдѣленія обязательно будетъ домашнее чтеніе греческихъ и латинскихъ авторовъ, для провѣрки котораго назначается два часа еженедѣльно, для греческихъ и латинскихъ авторовъ попеременно. Спеціальными предметами славяно-русскаго отдѣленія будутъ: исторія славянскихъ литературъ (2 лекціи), исторія русскаго языка (1 лекція), славянская діалектологія (2 лекціи), разборъ учебниковъ церковнославянскаго и русскаго языковъ (1 лекція). Для обоихъ отдѣленій обязательно будутъ слѣдующіе предметы: толкованіе латинскихъ авторовъ (4 лекціи), толкованіе греческихъ авторовъ (4 лекціи), упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій (1 лекція), упражненія въ переводѣ съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій (1 лекція), всеобщая исторія (2 лекціи), философія (2 лекціи) и педагогика (1 лекція). Студенты того и другаго отдѣленія обязаны подачею сочиненій по предметамъ своихъ специальностей. Кромѣ того для студентовъ того и другаго отдѣленія обязательно посѣщеніе состоящей при Институтѣ гимназіи для практическихъ упражненій въ преподаваніи подъ надзоромъ наставниковъ-руководителей: для такого рода упражненій на будущій учебный годъ назначается по 6 часовъ въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій.

Въ виду предстоящаго въ будущемъ академическомъ году, вслѣдствіе открытія четвертаго курса, весьма значительнаго увеличенія числа лекцій, конференція, съ цѣлію облегченія труда профессоровъ, признала необходимымъ допустить на будущій годъ совмѣстное для студентовъ 3 и 4 курсовъ слушаніе лекцій по нѣкоторымъ предметамъ. А именно конференція предположила сдѣлать сводными лекціи по философіи, исторіи славянскихъ лите-

ратуръ, славянской діалектологіи и двѣ изъ числа трехъ, полагающихся на каждомъ изъ двухъ высшихъ курсовъ, специальныхъ лекцій по греческой словесности.

Кромѣ указанныхъ, конференціею предприняты еще слѣдующіе измѣненія въ устройствѣ преподаванія на 3-мъ курсѣ: 1) на основаніи 26 § устава Института, предположено ввести преподаваніе педагогики и для него назначено двѣ лекціи; въ виду увеличенія числа лекцій вслѣдствіе введенія преподаванія педагогики, 2) уменьшено число лекцій, назначенныхъ на классическомъ отдѣленіи для спеціального курса исторіи классическаго міра, а именно, вмѣсто двухъ лекцій, назначена одна и 3) согласно предположенію конференціи, состоявшемуся въ засѣданіи 28 апрѣля прошлаго 1877 г., назначено двѣ лекціи, вмѣсто трехъ, по философіи.

Въ распредѣленіи преподаванія во второмъ курсѣ предположены слѣдующія измѣненія: 1) назначены двѣ лекціи для преподаванія педагогики, 2) вслѣдствіе заявленія профессоровъ славянской филологіи о невозможности, при двухъ лекціяхъ по этому предмету въ первомъ курсѣ и томъ же числѣ лекцій во второмъ, заканчивать на второмъ курсѣ преподаваніе исторической этнографіи славянъ и сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, назначено по славянской филологіи, вмѣсто двухъ, три лекціи: одна для исторической этнографіи и двѣ для сравнительной грамматики. Въ виду введенія преподаванія педагогики и увеличенія числа лекцій по славянской филологіи, 3) согласно вышеуказанному предположенію конференціи, по философіи назначено, вмѣсто трехъ лекцій, двѣ и 4) согласно предположенію, состоявшемуся въ томъ же засѣданіи 28 апрѣля 1877 года, отмѣнено на второмъ курсѣ преподаваніе исторіи литературы.

Въ первомъ курсѣ на предстоящій академическій годъ оставлены тѣже предметы преподаванія и съ тѣмъ же числомъ лекцій, какъ и въ истекшемъ учебномъ году.

Вслѣдствіе заявленія преподавателя французскаго языка о томъ, что двухъ лекцій для студентовъ высшаго отдѣленія по этому языку оказывается недостаточно и что для нихъ было бы полезно присутствовать хотя на одной изъ лекцій, назначенныхъ для низшаго отдѣленія, лекціи по французскому языку распредѣ-

лены такимъ образомъ, что бы студенты высшаго отдѣленія могли присутствовать на одной изъ лекцій низшаго.

Педагогическихъ совѣщаній въ теченіи года было 4. На совѣщаніяхъ разсматривались замѣчанія, сдѣланныя наставниками въ кондуктной книгѣ, обсуждались способности, прилежаніе, поведение и характеръ каждаго студента и изыскивались мѣры какъ къ прекращенію замѣченныхъ неисправностей, такъ и къ цѣлесообразному направленію занятій студентовъ.

Объ ученыхъ трудахъ преподавателей Института.

Въ истекшемъ учебномъ году вышелъ въ свѣтъ второй томъ издаваемыхъ Институтомъ „Извѣстій“. Кромѣ официального отдѣла, въ этомъ томѣ помѣщены статьи профессоровъ: Грота „Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа“, Зенгера „Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація“ и Будиловича „Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ“. Наблюденіе за изданіемъ „Извѣстій“ было поручено конференціею исправляющему должность экстраординарнаго профессора Гроту.

Въ торжественномъ собраніи Института, 12 декабря 1877 года, въ день совершившагося столѣтія со дня рожденія Императора Александра I, были читаны рѣчи: ординарнымъ профессоромъ Люперсольскимъ „О внѣшней политикѣ Императора Александра Благословеннаго“, инспекторомъ, ординарнымъ профессоромъ Аристовымъ „О состояніи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I“ и директоромъ Лавровскимъ „Изъ перваго пятилѣтія гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко въ царствованіе Александра Благословеннаго“. По представленію конференціи, г. попечитель округа разрѣшилъ употребить до 250 руб. на напечатаніе этихъ рѣчей и къ печатанію ихъ уже приступлено.

Преподавателями Института приготовлены къ печатанію и частію уже напечатаны, кромѣ выше указанныхъ, еще слѣдующіе учено-литературные труды: инспекторомъ, ординарнымъ профессоромъ Аристовымъ „О невольномъ и неохотномъ постриженіи въ монашество у нашихъ предковъ“ (въ журналѣ „Древняя и новая Россія“), законоучителемъ Хойнацкимъ: „Библия и народъ

въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ преданіяхъ юго-западнаго края Россіи“ (въ томъ же журналѣ) и „Очеркъ изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни“ (издано отдѣльною книгою въ Житомирѣ), ординарнымъ профессоромъ Фохтомъ—рецензія на книгу Подгурскаго „Андріанка Теренція“ (въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія), ординарнымъ профессоромъ Будиловичемъ—„Очеркъ этнографической и государственной исторіи юго-славянъ“ (въ журналѣ „Гражданинъ“); исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, Протомъ напечатана въ августѣ во французскомъ журналѣ *Revue Philosophique* статья подъ заглавіемъ: „*Essai sur les principes d' une classification nouvelle des sentiments*“.

Учащіеся.

Къ 30 августа 1877 года въ 1-мъ курсѣ Института находилось 14 студентовъ, во второмъ 13 и въ третьемъ 18, а всего во всѣхъ курсахъ 45. Въ началѣ учебнаго года былъ переведенъ въ 1-й курсъ Института князя Безбородко одинъ студентъ С.-Петербургскаго Института и въ тотъ же курсъ приняты безъ экзамена два бывшихъ воспитанника гимназій. Въ теченіи года одинъ студентъ переведенъ, по прошенію, изъ перваго курса Нѣжинскаго Института въ С.-Петербургскій Институтъ и двое, по прошеніямъ, уволены: одинъ третьяго курса—со свидѣтельствомъ на званіе уѣзднаго учителя, а другой перваго курса, какъ пробывшій въ Институтѣ менѣе года, безъ такого свидѣтельства. Умерли въ теченіи года: одинъ студентъ 1-го и одинъ 2-го курса. Ко времени переводныхъ испытаній состояло: 14 студентовъ въ первомъ курсѣ, 12 во второмъ и 17 въ третьемъ. Послѣ переводныхъ испытаній, 13 студентовъ перваго курса переведены во второй, а одинъ уволенъ со свидѣтельствомъ на званіе учителя уѣзднаго училища, 12 студентовъ переведены изъ втораго курса въ третій и 16 изъ третьяго въ четвертый. Изъ числа переведенныхъ въ 3 курсъ 8 изъявили желаніе поступить на классическое отдѣленіе и 4 на славяно-русское. Одинъ студентъ третьяго курса, не подвергавшійся переводнымъ испытаніямъ по болѣзни,

допущенъ къ испытаніямъ послѣ каникулъ. Въ теченіи каникулярнаго времени, одинъ студентъ, переведенный изъ 3 курса въ четвертый, умеръ.

Изъ числа подавшихъ, предъ началомъ новаго учебнаго года, прошенія о принятіи въ Институтъ 4 приняты безъ повѣрочныхъ испытаній, какъ имѣющіе въ аттестатахъ зрѣлости по древнимъ языкамъ отмѣтки не ниже четырехъ и 11 на основаніи повѣрочныхъ испытаній. Къ 30 августа 1878 года Институтъ имѣеть: въ 1-мъ курсѣ 15 студентовъ, во 2-мъ 13, въ 3-мъ 12 и въ 4-мъ 16, а всего 56.

Учебныя пособія.

Фундаментальная бібліотека Института, къ 30 августа 1877 г. состоявшая изъ 10053 названій въ 26860 томахъ, имѣла въ теченіи года весьма значительныя приращенія. Въ отчетномъ году Институтомъ пріобрѣтена бібліотека покойнаго профессора классической филологіи въ Лейпцигскомъ университетѣ, Ричля, заключающая въ себѣ значительное число важныхъ и частію весьма цѣнныхъ изданій. Кромѣ того бібліотека постоянно пополнялась покупкою книгъ по предложеніямъ профессоровъ и преподавателей и присылкою изданій высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ. Всего въ отчетномъ году пріобрѣтено для фундаментальной бібліотеки 3795 названій въ 7439 томахъ; а къ 30 августа 1878 года въ фундаментальной бібліотекѣ состоитъ названій книгъ 13848, томовъ 34299.

Въ имѣющемся въ институтѣ минцъ-кабинетѣ состоитъ 4588 номеровъ монетъ и медалей, на сумму 2968 руб. 82 коп.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ протоколовъ Конференціи Института князя Безбородко за 187⁷/₈ годъ.

Засѣданіе 1-го сентября 1877 года.

Статья 2-я. Такъ какъ 31 августа истекъ годичный срокъ со времени утвержденія г. профессора Будиловича въ должности члена правленія Института, то въ настоящемъ засѣданіи конференція, на основаніи 35 § устава Института, *опредѣлила*: въ ближайшемъ засѣданіи произвести баллотированіе для выбора члена правленія на 187⁷/₈ учебный годъ.

Статья 3-я. Въ томъ же засѣданіи доложенъ былъ поданный на имя г. директора бібліотекаремъ Института, наставникомъ Фогелемъ, рапортъ слѣдующаго содержанія: „порученныя мнѣ въ текущемъ учебномъ году занятія съ студентами первыхъ двухъ курсовъ столько будутъ требовать времени, что я не въ состояніи буду надлежащимъ образомъ исправлять должность бібліотекаря, а потому покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство уволить меня отъ названной должности“. Вслѣдствіе такого рапорта г. Фогеля, конференція, озабочиваясь выборомъ новаго бібліотекаря, предложила принять на себя исполненіе означенной должности исправляющему должность экстраординарнаго профессора, г. Зенгеру, который и изъявилъ на то свое согласіе. *Опредѣлено*: въ ближайшемъ засѣданіи баллотировать г. Зенгера на должность бібліотекаря Института.

Статья 5-я. Вслѣдъ за вышеизложеннымъ, г. предсѣдатель заявилъ, что, въ виду признанной уже, какъ конференціею (въ

засѣданіи 4 мая 1876 г.), такъ и высшимъ начальствомъ (предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 19 іюня 1876 г. № 6270), невозможности для штатнаго бібліотекаря, назначаемаго изъ преподавателей или наставниковъ Института, посвящать занятіямъ по бібліотекѣ столько труда и времени, сколько необходимо для своевременной и точной каталогизаціи многочисленныхъ новыхъ поступленій и для правильной записи книгъ, выдаваемыхъ въ чтеніе, въ особенности же въ виду ожидаемаго въ скоромъ времени поступленія приобрѣтенной Институтомъ бібліотеки профессора Ричля, заключающей въ себѣ болѣе 3000 названій, а также и весьма значительныхъ заказовъ, сдѣланныхъ Институтомъ книгопродавцамъ, необходимо пригласить особое лицо для занятій по бібліотекѣ, подъ надзоромъ и по указаніямъ штатнаго бібліотекаря. Конференція, вполне соглашалась съ выказанными г. предсѣдателемъ доводами, *опредѣлила*: просить г. предсѣдателя озаботиться пригласеніемъ по найму соотвѣтственнаго лица въ помощники штатному бібліотекарю, съ предоставленіемъ такому лицу вознагражденія въ размѣрѣ до 600 рублей въ годъ, предоставивъ изысканіе источника для сего расхода каждый разъ правленію Института.

10-го сентября.

Статья 2-я. Въ настоящемъ засѣданіи, согласно опредѣленію конференціи, по 3 статьѣ протокола засѣданія 1-го сентября, произведены выборы члена правленія на 1877/8 учебный годъ: избранъ ординарный профессоръ А. С. Будиловичъ. *Опредѣлено*: извѣстить правленіе Института о состоявшемся избраніи профессора Будиловича въ члены правленія на 1877/8 годъ.

Статья 3-я. Въ томъ же засѣданіи, согласно опредѣленію конференціи по 4 статьѣ протокола засѣданія 1-го сентября, произведено избраніе бібліотекаря Института: избранъ исправляющій должность экстраординарнаго профессора, Г. Э. Зенгеръ. *Опредѣлено*: просить бывшаго бібліотекаря, наставника Фогеля, сдать бібліотеку г. Зенгеру.

Статья 4-я. Въ томъ же засѣданіи г. предсѣдатель заявилъ, что, согласно опредѣленію конференціи по 5 статьѣ протокола

1-го сентября, имъ приглашенъ въ помощники штатному институтскому библіотекарю учитель Нѣжинскаго уѣзднаго училища, Юскевичъ, съ вознагражденіемъ въ размѣръ до 600 рублей. *Опредѣлено:* предложить г. Юскевичу приступить къ занятіямъ по институтской библіотекѣ, подъ руководствомъ главнаго библіотекаря.

Статья 6-я. Въ настоящемъ засѣданіи, согласно 16 § правилъ для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ Института, составлено конференціею распредѣленіе репетицій на первое полугодіе 1877/8 учебнаго года.

Статья 7-я. Въ томъ же засѣданіи предметомъ сужденій было распредѣленіе сочиненій для студентовъ всѣхъ трехъ курсовъ Института на 1877/8 годъ. *Опредѣлено:* I. Для студентовъ 1 и 2 курсовъ: а) въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1877 года предлагаются темы и до 7 января 1878 года студентами обоихъ курсовъ подаются сочиненія по исторіи русской или всеобщей, при чемъ каждому студенту предоставляется выбирать, по желанію, тему изъ области того или другаго предмета; б) на послѣдней недѣлѣ предъ праздникомъ Рождества предлагаются темы. и на первой недѣлѣ великаго поста подаются обоими курсами сочиненія по предмету философіи; в) во второй половинѣ февраля предлагаются темы и до 25 апрѣля подаются сочиненія по славянской филологіи. II. Студенты 3-го курса: а) классическаго отдѣленія обязаны каждые два мѣсяца (въ мѣсяцахъ сентябрѣ, ноябрѣ, январѣ и мартѣ) представлять работы, написанныя на латинскомъ языкѣ, на темы, предложенныя г. профессоромъ, по римской словесности; по греческой словесности дается на годъ одно сочиненіе, причемъ ходъ занятій студентовъ по его составленію каждые два мѣсяца (въ мѣсяцахъ октябрѣ, декабрѣ, февралѣ и апрѣлѣ), провѣряется преподавателемъ, предложившимъ темы для сочиненія; б) студенты славяно-русскаго отдѣленія обязаны въ теченіи года представить два сочиненія: одно на темы по исторіи литературъ, русской или славянскихъ, или на темы, касающіяся изслѣдованія письменныхъ памятниковъ по русской исторіи; другое — на темы по русско-славянской лингвистикѣ. Темы для перваго сочиненія предлагаются въ сентябрѣ или началѣ октября мѣсяца, а самыя сочиненія подаются во второй половинѣ января; темы для вто-

раго сочиненія предлагаются во второй половинѣ декабря мѣсяца и сочиненія подаются во второй половинѣ апрѣля.

Статья 9-я. Въ томъ же засѣданіи, конференція озабочивалась своевременнымъ началомъ печатанія втораго выпуска „Извѣстій“ Института, *опредѣлила*: поручить профессорамъ А. С. Будиловичу и Н. Я. Гроту войти въ переговоры съ Кіевскими типографіями объ условіяхъ печатанія „Извѣстій“.

30-го сентября.

Статья 2-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевского учебнаго округа, отъ 12 октября за № 10148, которымъ, въ разрѣшеніе представленія отъ 2 сентября за № 50, увѣдомляетъ г. директора Института, что онъ, г. попечитель, утверждаетъ постановленіе конференціи Института по дѣлу о приѣмѣ въ число студентовъ Института: Адамова Петра, Аристовъ Константина, Бирюковича Михаила, Боровскаго Николая, Докучаева Ефрема, Жирнова Василия, Краузе Владиміра, Крыгина Михаила, Миткевича Константина, Назаревскаго Ивана, Преображенскаго Алексѣя, Покровскаго Алексѣя, Успенскаго Леонида и Черногора Степана. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію.

Статья 5-я. Доложены предварительныя условія, заключенныя, по порученію конференціи отъ 10-го сентября, г. профессорами Будиловичемъ и Гротомъ съ Кіевскимъ типографомъ Фрицемъ относительно печатанія 2 выпуска „Извѣстій“ Института. *Опредѣлено*: просить правленіе заключить съ типографомъ Фрицемъ контрактъ относительно печатанія 2 выпуска „Извѣстій“ Института, согласно означеннымъ въ докладной части предварительнымъ условіямъ.

Статья 6-я. Рапортъ ординарнаго профессора Будиловича слѣдующаго содержания: „Честь имѣю предложить конференціи отпечатать въ приложеніи ко II выпуску „Извѣстій“ Историко-филологическаго Института мою диссертацію, подъ заглавіемъ „Первобытныя славяне въ ихъ бытѣ и понятіяхъ по даннымъ языка“. Томъ 1-й, предвзначенный къ печатанію отдѣлъ моего труда, займетъ до 25 печатныхъ листовъ. Въ видѣ говорара я желаю

бы получить 600 оттисковъ означеннаго сочиненія“. *Опредѣлено:* диссертацию г. Будиловича, подъ заглавіемъ „Первобытные славяне въ ихъ бытѣ и понятіяхъ по даннымъ языка“, разослать гг. членамъ конференціи для прочтенія и въ ближайшемъ засѣданіи произвести баллотированіе по вопросу о напечатаніи означенной диссертациіи во 2-мъ выпускѣ „Извѣстій“ Института.

Статья 9-я. Въ томъ же засѣданіи исправляющій должность экстраординарнаго профессора, Н. Я. Гротъ, представилъ конференціи для помѣщенія во 2 выпускѣ „Извѣстій“ Института свою рѣчь подъ заглавіемъ „Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа“, произнесенную, съ разрѣшенія конференціи, на торжественномъ актѣ 30 сентября 1877 г. *Опредѣлено:* въ ближайшемъ засѣданіи произвести баллотированіе по вопросу о напечатаніи рѣчи г. Грота во 2-мъ выпускѣ „Извѣстій“ Института.

8-го октября.

Статья 2-я. Въ настоящемъ засѣданіи, согласно опредѣленію конференціи по 6-й статьѣ протокола засѣданія 30 сентября, подвергнутъ былъ баллотированію вопросъ о напечатаніи въ приложеніи ко 2 выпуску „Извѣстій Института“ диссертациіи ординарнаго профессора А. С. Будиловича, подъ заглавіемъ „Первобытные славяне въ ихъ бытѣ и понятіяхъ по даннымъ языка“, томъ I. Результатомъ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ 8, неизбирательныхъ ниодного. *Справка:* означенная диссертациія профессора Будиловича разослана была гг. членамъ конференціи для прочтенія, при отношеніи отъ 6 октября за № 59. *Опредѣлено:* напечатать диссертацию профессора Будиловича, подъ заглавіемъ „Первобытные славяне въ ихъ бытѣ и понятіяхъ по даннымъ языка“, т. I, въ приложеніи ко второму выпуску „Извѣстій“ Института.

Статья 3-я. Въ томъ же засѣданіи, согласно опредѣленію конференціи по 9-й статьѣ протокола засѣданія 30 сентября, подвергнутъ былъ баллотированію вопросъ о напечатаніи во второмъ выпускѣ „Извѣстій“ Института рѣчи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, Н. Я. Грота, подъ заглавіемъ „Сновидѣнія“, произнесенной авторомъ, съ одобренія конфе-

ренціи, на торжественномъ актѣ Института, 30 августа сего года. Результатомъ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ 8, неизбирательныхъ ниодного. *Справка:* означенная рѣчь г. Грота къ произнесенію на торжественномъ актѣ Института одобрена конференціею въ засѣданіи 27 августа. *Опредѣлено:* рѣчь г. исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Грота напечатать во 2-мъ выпускѣ „Извѣстій“ Института.

Статья 4-я. Въ томъ же засѣданіи происходило избраніе редактора „Извѣстій“ Института. Избранъ единогласно г. исправляющій должность экстраординарнаго профессора, Н. Я. Гротъ.

31-го октября.

Статья 5-я. Въ настоящемъ засѣданіи конференція Института князя Безбородко, озабочиваясь своевременнымъ приготовленіемъ ученой рѣчи для произнесенія на торжественномъ актѣ Института 30-го августа будущаго 1878 года, составленіе таковой рѣчи единогласно предложила ординарному профессору А. С. Будиловичу, который и изъявилъ на то свое согласіе. *Опредѣлено:* поручивъ ординарному профессору А. С. Будиловичу составленіе ученой рѣчи для произнесенія на торжественномъ актѣ Института, 30 августа будущаго 1878 года, просить г. Будиловича, по составленіи рѣчи, представить оную на разсмотрѣніе конференціи не позже перваго августовскаго засѣданія конференціи въ будущемъ 1878 году.

Статья 6-я. Въ томъ же засѣданіи, по поводу состоявшагося правительственнаго распоряженія о празднованіи, 12 декабря сего года, столѣтняго юбилея дня рожденія Государя Императора Александра Павловича въ особенности тѣми учебными заведеніями, которыя были основаны въ Его царствованіе, конференція Института, принимая во вниманіе, что бывшая Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ была основана въ царствованіе Государя Императора Александра Павловича, и посему предполагая почтить означенный торжественный день публичнымъ чтеніемъ, составила слѣдующую программу такового чтенія: 1) Ординарный профессоръ П. И. Люперольскій прочтетъ о „Внѣшней политикѣ

Императора Александра Благословеннаго*. Содержание: отечественная война; священный союзъ; восточныя дѣла. 2) Ординарный профессоръ и инспекторъ Н. Я. Аристовъ прочтетъ о „Состояніи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I“, по слѣдующей программѣ: мѣры для развитія образованія; министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; главное правленіе училищъ; открытіе университетовъ и новый уставъ; ученныя общества и среднія учебныя заведенія; библейское общество и народныя школы; воспитаніе по началамъ священнаго союза; противодѣйствіе протестантскому направленію и сочувствіе католической системѣ воспитанія; мистическое настроеніе; временный упадокъ преподаванія университетскаго. 3) Директоръ Института Н. А. Лавровскій прочтетъ очеркъ: „Изъ перваго пятилѣтія гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко въ царствованіе Александра Благословеннаго“ (по официальнымъ документамъ архива Историко-филологическаго Института князя Безбородко). Содержание: мѣры для первоначальнаго устройства гимназій высшихъ наукъ; составъ преподавателей и учащихся; учебная и воспитательная дѣятельность; вліяніе на ходъ преподаванія господствовавшихъ въ то время направленій; управленіе гимназіей и отношенія ея къ мѣстному обществу; Гоголь, какъ воспитанникъ гимназій высшихъ наукъ; свѣдѣнія о состояніи заведенія въ хозяйственномъ отношеніи; общая характеристика заведенія. *Опредѣлено*: вышеизложенную программу публичнаго чтенія въ день празднованія столѣтняго юбилея дня рожденія Государя Императора Александра Павловича—представить г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа на утвержденіе.

26-го ноября.

Статья 2-я. Въ настоящемъ засѣданіи г. предсѣдатель заявилъ, что, такъ какъ приглашенный имъ, на основаніи опредѣленія конференціи отъ 1-го сентября сего года, въ помощники институтскому бібліотекарю, учитель Нѣжинскаго уѣзднаго училища Юскевичъ, въ скоромъ времени, по распоряженію своего начальства, удаляется изъ Нѣжина въ довольно продолжительную командировку и уже съ 1-го декабря долженъ прекратить свои

занятія по институтской бібліотекѣ, то необходимо теперь же озаботиться избраніемъ другаго лица, которому, съ указаннаго срока, могло бы быть поручено исполненіе обязанностей помощника институтскаго бібліотекаря. Къ сему г. предсѣдатель присовокупилъ, что имъ получено заявленіе отъ учителя соединенной съ Институтомъ гимназіи, Шарко, о желаніи принять на себя исполненіе означенныхъ обязанностей на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приглашенъ былъ г. Юскевичъ. Признавая, въ видахъ бѣльшей исправности въ ходѣ занятій по бібліотекѣ и сохранности казеннаго бібліотечнаго имущества, весьма желательнымъ порученіе обязанностей помощника бібліотекаря такому лицу, которое, по мѣсту штатной своей службы, отвѣтственно предъ начальствомъ Института, конференція *опредѣлила*: 1) пригласить г. Шарко съ 1-го декабря текущаго года къ исполненію должности помощника институтскаго бібліотекаря на условіяхъ, постановленныхъ опредѣленіемъ конференціи по 5 статьѣ протокола засѣданія 1-го сентября; 2) о такомъ приглашеніи г. Шарко увѣдомить для соотвѣтствующихъ распоряженій правленіе Института.

16-го декабря.

Статья 3-я. Слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа отъ 12-го декабря за № 13523, слѣдующаго содержанія: господинъ министръ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ объясненіе конференціи Историко-филологическаго Института князя Безбородко, отъ 3-го сентября за № 52, о распредѣленіи лекцій, нашель: 1) что спеціальныя лекціи по древней исторіи назначаются въ III курсѣ съ тѣмъ, чтобы разобрать со студентами важнѣйшіе вопросы по внутренней исторіи классическаго міра и ознакомить ихъ съ источниками и методами классической исторіи. Эта, такъ называемая внутренняя, исторія классическаго міра въ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ Институтѣ составляетъ содержаніе особыхъ курсовъ по греческимъ и римскимъ древностямъ, которые особо читаются и въ Нѣжинскомъ Институтѣ; что же касается до ознакомленія студентовъ съ источниками классической исторіи, то Еяго Сіятельство

признаетъ его весьма полезнымъ въ учебномъ планѣ Института и 2) что въ курсѣ всеобщей исторіи въ Нѣжинскомъ Институтѣ обращается весьма большое вниманіе на исторію Востока. Не смотря на всю важность этой исторіи, при настоящемъ ея развитіи, въ учебномъ планѣ Института, по мнѣнію графа Дмитрія Андреевича, слѣдовало бы обращать особенное вниманіе на тѣ эпохи, свѣдѣнія о которыхъ почерпаются главнымъ образомъ изъ греческихъ и римскихъ писателей; Нѣжинскій же Институтъ опасается сократить исторію Востока и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ возможнымъ вѣка Августа и его преемниковъ пройти въ видѣ обзора во введеніи къ курсу средней исторіи. Вслѣдствіе вышеизложеннаго г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ представленное распредѣленіе лекцій въ Историко-филологическомъ Институтѣ на текущій учебный годъ, съ тѣмъ во 1-хъ, чтобы на специальныхъ лекціяхъ по древней исторіи въ III курсѣ было обращено вниманіе главнымъ образомъ на ознакомленіе студентовъ съ источниками по исторіи классическаго міра, и во 2-хъ, чтобы время Августа и его преемниковъ впредь проходило съ большею подробностью, хотя бы для того и потребовалось нѣкоторое сокращеніе исторіи Востока. *Опредѣлено*: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

Статья 7-я. Въ томъ же засѣданіи конференція, признавъ полезнымъ напечатать отдѣльною брошюрою, въ количествѣ до 300 экземпляровъ, рѣчи произнесенныя гг. директоромъ и профессорами Н. Я. Аристовымъ и П. И. Люперсольскимъ на торжественномъ актѣ 12 декабря, въ день совершившагося столѣтія со дня рожденія Императора Александра I, *опредѣлила*: просить разрѣшенія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа употребить для этой цѣли до 250 руб. изъ свободныхъ остатковъ, перечисленныхъ предложениемъ г. попечителя, отъ 18 минувшаго ноября за № 12515, изъ стат. 1 и 2 въ третью.

1878 года 3-го февраля.

Статья 2-я. Въ настоящемъ засѣданіи г. председатель доложилъ конференціи, что имъ получено отъ преподавателя Черниговской духовной семинаріи, кандидата кіевской духовной ака-

демі, Лилеева, заявленіе о желаніи занять при Институтѣ князя Безбородко должность преподавателя педагогики. *Опредѣлено:* спросить г. Лилеева, не имѣетъ ли онъ въ виду, предварительно исканія означенной должности, сдать установленный экзаменъ на званіе учителя гимназіи, чтобы такимъ образомъ удовлетворить требованію 20 статьи устава Института; въ случаѣ же полученія на таковой запросъ отрицательнаго отвѣта, предложить г. Лилееву представить въ конференцію къ 1 мая текущаго года подробную программу педагогики и дидактики и рѣшеніе какого либо педагогическаго вопроса въ видѣ работы pro venia legendi.

Статья 4-я. Въ настоящемъ засѣданіи г. исправляющій должность экстраординарнаго профессора, Г. Э. Зенгеръ, представилъ, для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ“ Института, свою статью подъ заглавіемъ: „Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація“. *Опредѣлено:* статью г. Зенгера разослать гг. членамъ конференціи для прочтенія и въ ближайшемъ засѣданіи произвести баллотированіе по вопросу о напечатаніи означенной статьи въ сборникѣ, издаваемомъ Институтомъ.

Статья 5-я. Въ томъ же засѣданіи, по рассмотрѣніи протоколовъ конференціи за истекшій учебный годъ, отмѣчены въ нихъ тѣ статьи, которыя конференція предназначаетъ къ напечатанію во второмъ выпускѣ „Извѣстій“ Института. *Опредѣлено:* препроводить протоколы съ отмѣтками въ нихъ статей, предназначенныхъ къ печатанію, на рассмотрѣніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

17-го февраля.

Статья 2-я. Согласно состоявшемуся въ предъидущемъ засѣданіи опредѣленію конференціи, въ настоящемъ засѣданіи произведено было баллотированіе по вопросу о напечатаніи въ сборникѣ, издаваемомъ Институтомъ, статьи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, Г. Э. Зенгера, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація“. Результатомъ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ семь, неизбира-

тельныхъ ни одного. *Опредѣлено:* напечатать означенную статью профессора Зенгера въ первомъ выпускѣ втораго тома „Извѣстій“ Института князя Безбородко.

Статья 4-я. Въ томъ же засѣданіи заслушанъ рапортъ, поданный на имя г. директора Института г. профессоромъ Брандтомъ, слѣдующаго содержанія: „Имѣя надобность, для разработки своей магистерской диссертациі, отправиться на каникулярное время въ юго-славянскія земли, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство исходатайствовать мнѣ отпускъ за границу, а равно и пособіе къ получаемому мною жалованью, рублей въ 300“. *Опредѣлено:* просить г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о назначеніи г. Брандту изъ суммъ министерства, въ испрашиваемомъ г. Брандтомъ размѣрѣ, пособія на поѣздку за границу для указанной учебной цѣли.

Статья 5-я. Въ томъ же засѣданіи, конференція слушала слѣдующее заявленіе г. предсѣдателя: „существующія при Институтской гимназіи стипендіи, Высочайше утвержденныя 5 іюня 1875 года, обязывающія получающихъ оныя поступленіемъ въ студенты Института по окончаніи гимназическаго курса, доселѣ не опредѣлены, по примѣру казенныхъ стипендій всѣхъ наименованій, условіями, достаточно ограждающими казенный интересъ. Между тѣмъ и по отношенію къ нимъ, какъ показалъ почти двухлѣтній опытъ, необходимы точныя опредѣленія права пользованія ими въ теченіе четырехъ лѣтъ (въ четырехъ высшихъ классахъ гимназіи), случаевъ лишенія этого права и послѣдствій этого лишенія. Возможны случаи, когда получившіе однажды стипендію, вслѣдствіе пониженія успѣховъ, послѣ примѣненія къ нимъ соотвѣтственныхъ дисциплинарныхъ мѣръ, должны быть лишены ея, какъ переставшіе удовлетворять ея цѣли; нельзя также отрицать возможности случаевъ, когда получавшіе стипендіи въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ, вслѣдствіе измѣнившагося взгляда на данное обязательство поступить въ Институтъ, пожелаютъ освободиться отъ него и средствомъ для того изберутъ пониженіе отмѣтокъ въ успѣхахъ и поведеніи. Для предотвращенія упомянутыхъ случаевъ, для поддержанія успѣховъ и поведенія на уровнѣ, удовлетворяющемъ цѣли стипендіи, и для огражденія казеннаго

интереса вообще и Института въ частности, честь имѣю предложить вниманію конференціи слѣдующій проектъ правилъ для стипендій при Институтской гимназій, Высочайше утвержденныхъ 5-го іюня 1875 года.

Правила для стипендій въ гимназій, состоящей при Историко-филологическомъ Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ 5 іюня 1875 г.

§ 1-й. Получившіе стипендію, на основаніи Высочайшаго положенія, при отличныхъ успѣхахъ и поведеніи, сохраняютъ право пользованія ею, при вполнѣ успѣшномъ прохожденіи курса и вполнѣ одобрительномъ поведеніи и во всякомъ случаѣ при отмыткахъ не менѣе 4 по древнимъ языкамъ и русской словесности.

§ 2-й. Стипендіаты, не удовлетворившіе означеннымъ выше условіямъ, лишаются стипендіи, съ обязательствомъ, или возвратить всю полученную ими стипендіальную сумму, или прослужить въ званіи учителей въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія полтора года за годъ полученія стипендіи.

§ 3-й. Стипендіаты, не удовлетворившіе означеннымъ выше условіямъ въ первомъ году пользованія стипендіею, когда опредѣляются ихъ способности и наклонности, лишаются стипендіи безъ обязательства ея возвращенія и упомянутой выше обязательной службы въ званіи учителей.

§ 4-й. Равнымъ образомъ стипендіаты, оказавшіеся неспособными удовлетворить означеннымъ выше условіямъ по причинамъ отъ нихъ независящимъ, лишаются стипендіи безъ обязательства ея возвращенія и упомянутой выше обязательной службы въ званіи учителей.

§ 5-й. Стипендіаты, отказавшіеся отъ полученія стипендіи, также обязаны, или возвратить всю полученную ими стипендіальную сумму, или прослужить въ званіи учителей, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, время по расчету полутора года за годъ полученія стипендіи.

§ 6-й. По истеченіи каждаго полугодія, педагогическій совѣтъ гимназій, въ особомъ засѣданіи, разсматриваетъ успѣхи и поведеніе стипендіатовъ и, вмѣстѣ съ полугодичными вѣдомостями, представляетъ о томъ свои соображенія и заключенія въ конфе-

ренцію Института, которая, по внимательномъ ихъ обсужденіи, опредѣляетъ продолженіе выдачи стипендіи, или ея прекращеніе.

По выслушаніи и обсужденіи изложеннаго заявленія, конференція *опредѣлила*: просить г. попечителя Кіевскаго округа ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденія вышеизложеннаго проекта правилъ для стипендій при институтской гимназіи, Высочайше утвержденныхъ 5 іюня 1875 года.

18-го марта.

Статья 2-я. Слушали слѣдующій рапортъ ординарнаго профессора, А. С. Будиловича: „Во второмъ выпускѣ „Извѣстій Историко-филологическаго Института князя Безбородко“, согласно опредѣленію конференціи, напечатана значительная часть моей диссертациі: „Первобытные славяне въ ихъ бытѣ и понятіяхъ по даннымъ языка“. Не имѣя собственныхъ средствъ для изданія остальной части означеннаго изслѣдованія, покорно прошу конференцію *неходатайствовать* для этой цѣли сумму отъ 200 до 250 руб. сер.“. Въ томъ же засѣданіи доложенъ былъ слѣдующій рапортъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, Н. Я. Грота: „Покорнѣйше прошу конференцію ходатайствовать о напечатаніи на казенный счетъ приготавливаемой мною магистерской диссертациі по одному изъ вопросовъ психологіи, а именно: „о классификаціи чувствованій“. По выслушаніи изложенныхъ рапортовъ, конференція, признавая вполнѣ полезнымъ, въ интересахъ Института, возможно скорѣйшее напечатаніе обѣихъ означенныхъ выше диссертаций на ученые степени, вошла въ сужденіе объ источникѣ, на который могли бы быть отнесены расходы по напечатанію, какъ окончанія диссертациі профессора Будиловича, такъ и диссертациі профессора Грота. Изъ доставленныхъ по сему поводу г. предсѣдателемъ свѣдѣній оказалось, что расходы по оканчивающемуся теперь печатанію втораго выпуска „Извѣстій“ Института достигли уже приблизительно размѣровъ той суммы, которая, согласно предложенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, отъ 31-го марта 1876 года за № 3836, можетъ быть ежегодно употребляема на изданіе „Извѣстій“, и что по-

сему окончаніе диссертациі профессора Будиловича и диссертациі профессора Грота не могутъ быть въ текущемъ году помѣщены въ „Извѣстіяхъ“. Вслѣдствіе сего конференція *опредѣлила*: просить г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи изъ суммъ министерства, а если это окажется невозможнымъ, изъ специальныхъ средствъ Института князя Безбородко, и именно изъ процентовъ съ капитала княгини Суворовой-Рымникской, до 250 руб. на окончаніе печатаніемъ диссертациі профессора Будиловича и до 400 р. на печатаніе диссертациі профессора Грота.

Статья 3-я. Г. предсѣдатель заявилъ конференціи о слѣдующемъ: на основаніи опредѣленія по 2 статьѣ протокола засѣданія 3-го февраля, онъ, г. предсѣдатель, письменно запросилъ преподавателя Черниговской духовной семинаріи, Лилеева, не имѣетъ ли тотъ въ виду, предварительно исканія должности преподавателя Института князя Безбородко по предмету педагогики, сдать установленный экзаменъ на званіе учителя гимназіи; а получивъ на таковой запросъ отрицательный отвѣтъ, предложилъ г. Лилееву представить въ конференцію къ 1 мая текущаго года подробную программу педагогики и дидактики и рѣшеніе какого либо педагогическаго вопроса въ видѣ работы *pro venia legendi*. На это послѣднее предложеніе г. Лилеевъ отвѣчалъ адресованнымъ на имя директора письмомъ, въ которомъ представляетъ затрудненія, какъ относительно экзамена на званіе учителя гимназіи, такъ и относительно матеріальнаго обезпеченія въ Нѣжинѣ, по причинѣ ограниченности предлагаемаго ему оклада. По выслушаніи сего письма, основываясь на неопредѣленности его содержанія, конференція признала необходимымъ объявить конкурсъ на замѣщеніе должности преподавателя педагогики въ Историко-филологическомъ Институтѣ князя Безбородко и утвердила слѣдующую программу конкурса:

1) Срокъ конкурса на замѣщеніе должности преподавателя педагогики въ институтѣ князя Безбородко имѣетъ продолжаться до 15 августа 1878 года.

2) Къ конкурсу допускаются лица, окончившіе курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ по историко-филологическому

факультету, или выдержавшіе установленное испытаніе на званіе учителя гимназіи по древнимъ или новымъ языкамъ, по русскому языку и исторіи.

3) Желающіе принять участіе въ конкурсѣ должны, въ означенный въ 1 пунктѣ сей программы срокъ, представить директору Института князя Безбородко:

а. Документы о своемъ происхожденіи и состояніи.

б. Дипломъ на ученую степень или свидѣтельство на ученое званіе, если таковыя имѣютъ, или же свидѣтельство о выдержаніи испытанія на званіе учителя гимназіи.

в. Ученые труды, печатные или рукописные, по педагогикѣ.

г. Подробную программу преподаванія педагогики, съ указаніемъ пособій и руководствъ.

Примѣчаніе: Представленіе по крайней мѣрѣ одного труда, печатнаго или рукописнаго, по педагогикѣ составляетъ необходимое условіе для допущенія къ участію въ конкурсѣ.

4) Сверхъ того, лица, могущія удовлетворить требованіямъ изложеннымъ въ предыдущемъ пунктѣ программы, должны въ началѣ сентября, въ присутствіи конференціи Института, прочесть двѣ пробныхъ лекціи по педагогикѣ, одну на тему по собственному ихъ избранію, другую по назначенію конференціи.

5) Должности преподавателя въ Институтѣ присвоены VIII классъ и права учебной службы, размѣръ вознагражденія преподавателю педагогики опредѣленъ въ 200 руб. за годовую лекцію, число лекцій предполагается до 5-ти.

18-го апрѣля.

Статья 1-я. Слушали заявленіе г. предсѣдателя слѣдующаго содержанія: „По штату соединенной съ Институтомъ гимназіи, для руководства практическими занятіями студентовъ IV курса по преподаванію, въ гимназіи полагается, считая въ томъ числѣ завѣдывающаго гимназіею, 4 наставника-руководителя, а именно два по древнимъ языкамъ, одинъ по русскому языку и одинъ по исторіи и географіи, но такъ какъ въ настоящее время въ Институтѣ не существуетъ спеціальнаго историческаго отдѣленія, а

студенты отдѣленій классическаго и славяно-русскаго, при многочисленности ихъ специальныхъ занятій, едва ли могутъ быть привлечены къ практическимъ занятіямъ по преподаванію въ гимназій исторіи и географіи, то, предварительно принятія мѣръ къ замѣщенію вакантныхъ должностей наставниковъ руководителей, надлежитъ обсудить вопросъ, необходимо ли въ будущемъ учебномъ году, съ открытіемъ въ Институтѣ 4 курса, замѣщеніе всѣхъ четырехъ положенныхъ по штату гимназій наставническихъ вакансій, или же достаточно будетъ 3-хъ наставниковъ-руководителей: двухъ по древнимъ языкамъ и одного по русскому языку и словесности. По обсужденіи этого вопроса, конференція признала возможнымъ ограничиться, впредь до учрежденія въ Институтѣ специального историческаго отдѣленія, замѣщеніемъ 3-хъ вакансій наставниковъ-руководителей: двухъ по древнимъ языкамъ и одного по русскому, а такъ какъ одна изъ двухъ вакансій по древнимъ языкамъ, а именно по греческому языку, занята уже завѣдывающимъ гимназій, то конференція просила г. предсѣдателя озаботиться пріисканіемъ кандидатовъ на должности наставниковъ-руководителей по языкамъ латинскому и русскому.

Статья 2-я. Вслѣдъ за тѣмъ г. предсѣдатель, на основаніи 11 § положенія о гимназій при Институтѣ князя Безбородко, представилъ конференціи поданное на его имя исправляющимъ должность дежурнаго наставника при Императорскомъ С-Петербургскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ, преподавателемъ древнихъ языковъ состоящей при томъ же Институтѣ гимназій, надворнымъ совѣтникомъ, Андреемъ Абрамовымъ, прошеніе слѣдующаго содержанія: „Освѣдомясь о томъ, что при вѣренной попеченію вашего превосходительства гимназій, съ будущаго 1878го учебнаго года имѣетъ открыться вакансія на должность наставника-руководителя, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ, объ опредѣленіи меня на вышеуказанную должность съ начала будущаго учебнаго года“. По выслушаніи изложеннаго прошенія и разсмотрѣніи документовъ Абрамова, а именно формулярнаго списка о службѣ и аттестата объ окончаніи курса въ Императорскомъ Историко-филологическомъ Институтѣ, конференція выразила согласіе на избра-

ніе Абрамова въ наставники-руководители состоящей при Институтѣ гимназіи по латинскому языку.

29-го апрѣля.

Статья 2-я. Въ настоящемъ засѣданіи заслушаны конференціею представленныя гг. профессорами и преподавателями Института отчеты о прочитанныхъ въ истекающемъ учебномъ году курсахъ. *Опредѣлено:* согласно предложенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, отъ 16-го августа 1877 г. за № 9085, препроводить г. попечителю, для представленія въ министерство народнаго просвѣщенія, извлеченіе изъ представленныхъ гг. профессорами и преподавателями отчетовъ.

Статья 3-я Въ томъ же засѣданіи заслушаны представленныя гг. профессорами отзывы о лучшихъ сочиненіяхъ студентовъ первыхъ двухъ курсовъ и о сочиненіяхъ всѣхъ студентовъ третьяго курса. При этомъ оказалось, что лучшія сочиненія представлены были студентами: перваго курса *Крыгинимъ* на тему по философіи „Ученія объ инстинктѣ“, втораго курса *Крестинскимъ* на тему по исторіи русской литературы „Взглядъ на сочиненіе Всеволода Миллера о словѣ о полку Игоревѣ“, и *Шамраевымъ* на тему по русской исторіи „Внутренній бытъ татаръ въ XIII вѣкѣ“, третьяго курса *Ивановымъ* на тему по исторіи славянскихъ литературъ „Андрей Качичъ-Миошичъ и его сочиненіе Razgovor ugodni naroda Slovincskoga“ и на тему по славянской діалектологіи „Фонетика современнаго сербскаго языка“, *Святскимъ* на темы по исторіи славянскихъ литературъ „О жизни и литературной дѣятельности хорватскаго поэта Прерадовича“ и по славянской діалектологіи „Система склоненій въ югославянскихъ нарѣчіяхъ, сравнительно съ церковно-славянскимъ языкомъ“, *Уводскимъ* на тему по греческой словесности „Фразеологія и синонимика греческихъ именъ и глаголовъ, обозначающихъ проявленія душевной дѣятельности“. *Опредѣлено:* о сочиненіяхъ *Крыгина, Крестинскаго, Шамраева, Иванова, Святскаго* и *Уводскаго*, какъ о лучшихъ, упомянуть въ отчетѣ за учебный годъ.

12-го мая.

Статья 2-я. Въ настоящемъ засѣданіи, конференція, полагая, что съ открытіемъ въ Институтѣ, въ слѣдующемъ учебномъ году, четвертаго курса, безусловно необходимо будетъ замѣщеніе второй профессорской вакансіи по кафедрѣ греческой словесности и принимая во вниманіе, что наставникъ А. В. Добіашъ, уже два года, въ качествѣ преподавателя по найму, съ успѣхомъ преподававшій студентамъ Института греческій языкъ, въ настоящее время, напечатавъ магистерскую диссертацию, приступилъ къ испытанію на степень магистра греческой словесности, а потому признавая справедливымъ и полезнымъ предоставить ему вакансію втораго профессора по означенной кафедрѣ, *опредѣлила*: въ ближайшемъ засѣданіи баллотировать наставника Добіаша на должность штатнаго преподавателя по кафедрѣ греческой словесности, съ званіемъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора.

13-го мая.

Статья 2-я. Въ настоящемъ засѣданіи, по выслушаніи и обсужденіи представленныхъ гг. профессорами и преподавателями программъ преподаванія, конференція составила распредѣленіе преподаванія на предстоящій академическій годъ.

20-го мая.

Статья 1-я. Слушали заявленіе г. предсѣдателя слѣдующаго содержанія: озабочиваясь пріисканіемъ кандидата на открывающуюся въ состоящей при Институтѣ гимназій, съ будущаго учебнаго года, вакансію наставника-руководителя по русскому языку и словесности, онъ, г. предсѣдатель, остановилъ свой выборъ на учителѣ Архангельской гимназій, Бѣлоруссовѣ, который, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ директоромъ С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института, два года тому назадъ окончилъ курсъ въ семь Институтѣ по словесному отдѣленію, кромѣ русской словесности занимается въ гимназій преподаваніемъ и латинскаго языка, издалъ учебникъ по теоріи словесности и службою въ гим-

нази заявилъ себя съ отличной стороны; основываясь на таковыхъ свѣдѣнiяхъ, г. предсѣдатель вошелъ въ сношенiе съ Бѣлоруссовымъ и послѣднiй изъявилъ согласiе на переводъ его въ Нѣжинъ на означенную вакансiю. По выслушанiи изложеннаго заявленiя и рассмотрѣнiи документовъ рекомендуемаго г. предсѣдателемъ кандидата, конференцiя выразила свое согласiе на ходатайство о переводѣ, съ 1-го iюля сего года, учителя Архангельской гимназiи Бѣлоруссова въ Нѣжинскую гимназiю на должность наставника-руководителя по русскому языку и словесности.

Статья 2-я. На основанiи опредѣленiя конференцiи, отъ 12-го мая, въ настоящемъ засѣданiи произведено баллотированiе наставника Добiаша на должность штатнаго преподавателя по кафедрѣ греческой словесности, съ званiемъ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. Результатомъ баллотированiя оказалось: избирательныхъ голосовъ семь, неизбирательныхъ ни одного. Посему конференцiя *опредѣлила*: просить г. попечителя Кiевского учебнаго округа ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенiя о назначенiи съ 1-го iюля сего года наставника Института князя Безбородко, Добiаша, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того-же Института по кафедрѣ греческой словесности.

24-го мая.

Статья 1-я. Въ настоящемъ засѣданiи конференцiя вошла въ сужденiе о необходимости, въ виду предстоящаго въ ближайшемъ учебномъ году весьма значительнаго увеличенiя въ Институтѣ числа лекцiй по римской словесности, пригласить, въ помощь къ имѣющимся на лицо профессору и преподавателю означеннаго предмета, еще одного преподавателя. При этомъ г. предсѣдатель сообщилъ конференцiи, что директоръ С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института рекомендуетъ кандидатомъ на указанную преподавательскую должность окончившаго курсъ въ С.-Петербургскомъ Институтѣ съ званiемъ учителя гимназiи Адрианова, который два года тому назадъ былъ командированъ за границу для приготовленiя къ профессорскому званiю, къ августу

мѣсяцу возвращается изъ за границы и намѣренъ въ скоромъ времени приступить къ испытанію на степень магистра римской словесности. Посему конференція *опредѣлила*: въ ближайшемъ засѣданіи баллотировать г. Адрианова на должность преподавателя Института князя Безбородко по предмету римской словесности.

26-го мая.

Статья 2-я. Въ настоящемъ засѣданіи, согласно опредѣленію конференціи отъ 24 мая, произведено баллотированіе учителя гимназіи Адрианова на должность преподавателя Института князя Безбородко по предмету римской словесности. Результатомъ баллотированія оказалось: избирательныхъ голосовъ семь, неизбирательныхъ ни одного. Посему *опредѣлено*: просить г. попечителя Кіевскаго ученаго округа ходатайствовать предъ г. министрами народнаго просвѣщенія объ утвержденіи, съ 1-го августа сего года, учителя гимназіи Адрианова въ должности преподавателя Института князя Безбородко по предмету римской словесности.

27-го августа.

Статья 1-я. Въ настоящемъ засѣданіи конференціи доложенъ былъ списокъ лицъ, подвергавшихся 17—22 августа текущаго года повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Института, при чемъ г. предсѣдатель, директоръ Института, заявилъ конференціи, что изъ числа подавшихъ прошенія о принятіи въ Институтъ: Бруттанъ Эрнестъ, Крѣнбергъ Артуръ, Круковскій Адрианъ и Первовъ Павелъ, какъ имѣющіе въ аттестатахъ зрѣлости по обоимъ древнимъ языкамъ отмѣтки не ниже четырехъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отъ 13 декабря 1876 г., были вовсе освобождены отъ повѣрочныхъ испытаній, всѣ-же прочіе подвергались устнымъ и письменнымъ испытаніямъ изъ языковъ латинскаго, греческаго и русскаго. По разсмотрѣніи аттестатовъ тѣхъ молодыхъ людей, которые были освобождены отъ повѣрочныхъ испытаній, и по внимательномъ обсужденіи, какъ письменныхъ работъ, такъ и устныхъ отвѣтовъ тѣхъ, которые

тогожъ испытанія подвергались, а также по выслушаніи рапорта г. врача Института о результатахъ произведеннаго имъ свидѣтельства состоянія здоровья подавшихъ прошенія о зачисленіи въ студенты Института, конференція *опредѣлила*: принять въ число студентовъ Историко-филологическаго Института князя Безбородко слѣдующихъ 15 лицъ: Бруттана Эрнеста, Дювидова Петра, Жеребцова Лонгина, Красивскаго Николая, Кренберга Артура, Комягинскаго Николая, Круковскаго Адриана, Мыславскаго Константина, Мятельскаго Михаила, Мицевича Теофила, Первова Павла, Садовскаго Андрея, Скальскаго Петра, Чернявскаго Петра и Чикилевскаго Дмитрія.

28-го вгуста.

Статья 2-я. Слушали составленный ученымъ секретаремъ отчетъ о состояніи учебной части по Институту князя Безбородко за 1877/8 учебный годъ. *Опредѣлено*: составленный ученымъ секретаремъ отчетъ одобрить къ произнесенію на торжественномъ актѣ Института 30-го сего августа.

Статья 5-я. Въ томъ же засѣданіи слушали предложеніе г. управляющаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ, отъ 14-го іюля за № 7769, слѣдующаго содержанія: г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 30 прошлаго іюня за № 7543, увѣдомилъ генераль-маіора Новикова, что онъ утвердилъ окончившаго въ 1876 г. курсъ наукъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института и возвратившагося нынѣ изъ заграничной командировки съ ученою цѣлью Адрианова преподавателемъ Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, съ 1-го августа сего года, о чемъ и будетъ внесено въ свое время въ приказъ по министерству народнаго просвѣщенія. Г. управляющій округомъ, увѣдомляя о вышеизложенномъ въ отвѣтъ на представленіе г. директора Института, отъ 31 мая за № 732, возвратилъ документы Адрианова: 1) метрическое свидѣтельство за № 424, 2) подписку, 3) свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію воинской повин-

ности за № 169, 4) аттестать объ окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ Институтѣ за № 58 и 5) формулярный списокъ о службѣ отца его. *Опредѣлено:* объ утвержденіи съ 1 августа г. Адрианова преподавателемъ Института сообщить, для надлежащихъ распоряженій, правленію Института.

Статья 6-я. Въ томъ же засѣданіи слушали предложеніе г. управляющаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ отъ 15 іюля сего года за № 7834, слѣдующаго содержанія: господинъ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 7 сего іюля за № 7723, увѣдомилъ генераль-маіора Новикова, что онъ утвердилъ наставника студентовъ Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Добіаша, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора греческаго языка означеннаго Института съ 1 текущаго іюля, о чемъ и будетъ внесено въ приказъ по министерству народнаго просвѣщенія. *Опредѣлено:* объ утвержденіи съ 1 іюля г. Добіаша въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора сообщить, для надлежащихъ распоряженій, правленію Института.

Статья 7-я. Въ томъ же засѣданіи, согласно съ мнѣніемъ ординарнаго профессора по кафедрѣ римской словесности, полагая, что распредѣленіе всѣхъ занятій по этому предмету (всего 28 лекцій еженедѣльно, а кромѣ того каждая двѣ недѣли 2 часа для производства экстенпоральныхъ работъ и 8 часовъ для повѣрки домашняго чтенія латинскихъ авторовъ) между тремя имѣющимися на лицо преподавателями, изъ которыхъ одинъ (г. Адриановъ) только что начинаетъ учебную дѣятельность, а другой (г. Фогель), кромѣ должности преподавателя, несетъ еще обязанности дежурнаго наставника, было бы обременительно для преподавателей и что было бы полезно привлечь къ преподаванію въ Институтѣ наставника-руководителя Нѣжинской гимназіи Абрамова, который, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ филологическомъ Институтѣ, два года находился въ заграничной командировкѣ для приготовленія къ профессорскому званію, а за тѣмъ, состоя при томъ же Институтѣ исправляющимъ должность дежурнаго наставника, преподавалъ въ Инсти-

тутъ нѣкоторые отдѣлы римской словесности, конференція, основываясь на заявленіи г. ординарнаго профессора Фохта о томъ, что г. Абрамовъ согласенъ взять на себя до 5 лекцій по римской словесности, *опредѣлила*: въ ближайшемъ засѣданіи баллотировать наставника-руководителя Нѣжинской гимназіи Абрамова на должность преподавателя Института князя Безбородко по предмету римской словесности.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

Изъ отчета по гимназiи при Историко-филологическомъ
Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ за 18⁷⁷/₇₈
учебный годъ.

А. Мѣры правительства и распоряженія начальства:

Изъ правительственныхъ распоряженій, какъ общихъ, такъ и относящихся спеціально къ нашей гимназiи, въ теченіи минувшаго учебнаго года, были слѣдующія:

Предложеніе г. попечителя округа, отъ 24 августа за № 9418, о принятіи къ руководству вновь пересмотрѣнныхъ учебныхъ плановъ.

Предложеніе г. попечителя округа, отъ 19 Сентября за № 10380, съ разрѣшеніемъ, по Высочайшему повелѣнію, принимать казенныхъ стипендіатовъ въ 6 и 7 классы.

Предложеніе г. попечителя округа, отъ 4 октября за № 10917, относительно надзора за учениками, оставляемыми въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ на часъ и болѣе подъ арестомъ.

Предложеніе г. попечителя округа отъ 3 декабря за № 13176, съ препровожденіемъ экземпляра инструкціи для клас-
сныхъ наставниковъ.

Предложеніе г. попечителя округа, отъ 18 іюня за № 7868, о томъ, чтобы преподаватели гимназiи не давали частныхъ уроковъ ученикамъ своего класса, а также желающимъ подвергнуться испытанію зрѣлости.

Б. Перемены въ личномъ составѣ гимназій:

1. Выбыли:

Учитель латинскаго и русскаго языковъ въ низшихъ классахъ *М. Г. Левдикъ* умеръ (мѣсто его занялъ учитель *И. Н. Михайловскій*).

Учитель латинскаго языка *Я. М. Годзинскій*, по распоряженію г. попечителя округа, отъ 3 ноября 1877 года за № 12055, переименованъ въ Житомирскую гимназію учителемъ съ исправленіемъ инспекторскихъ обязанностей.

Учитель латинскаго языка *А. А. Дилекторскій* переведенъ учителемъ латинскаго языка въ Новгородскую гимназію (21 іюня за № 4685).

2. Назначены:

Славянскій стипендіатъ *Іосифъ Добининъ*, съ 10 апрѣля 1878 г. (№ 4345) учителемъ древнихъ языковъ въ высшіе классы.

Наставникъ студентовъ С.-Петербургскаго филологическаго Института надворный совѣтникъ *А. Ѡ. Абрамовъ*, 25 іюня за № 8137 утвержденъ учителемъ латинскаго языка въ Нѣжинской гимназій и наставникомъ-руководителемъ студентовъ по этому предмету.

Учитель Архангельской гимназій *И. М. Бѣлоруссовъ*, 25 іюля 1878 г. за № 8136, утвержденъ въ должности учителя русскаго языка и словесности Нѣжинской гимназій и вмѣстѣ наставникомъ-руководителемъ студентовъ по этимъ предметамъ.

Не смотря на то, что, и при имѣвшихся уже и прежде вакантныхъ должностяхъ, вышло въ средія года и почти одновременно два учителя древнихъ языковъ, гимназія не оставалась безъ преподавателей, такъ какъ уроки были немедленно распределены между наличными преподавателями гимназій и наставниками Института, которые и занимали свободные уроки до конца учебнаго года.

Награды и повышенія:

Завѣдывающей гимназіею *Ф. А. Златоустовскій* Высочайше награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени.

Учителя математики: *К. А. Мошинскій* и *О. А. Шарко* удостоены Высочайшихъ денежныхъ наградъ, первый въ 300 р., а второй въ 250 руб.

Получили денежные пособія:

Учитель французскаго языка *П. Г. Сертье* 200 руб.

Учитель *Р. К. Музыченко-Цыбульскій* 175.

За выслугу лѣтъ и по случаю открывшихся вакансій: заслуженный преподаватель *К. А. Мошинскій*, распоряженіемъ 30 ноября 1877 года за № 15054, перешель на высшій окладъ въ 1500 руб. за 12 уроковъ и учитель *О. А. Шарко*, тѣмъ же распоряженіемъ, получилъ званіе заслуженнаго преподавателя съ окладомъ 1250 руб. за 12 уроковъ.

За выслугу лѣтъ произведены въ чины:

Указомъ правительствующаго Сената, отъ 23 сентября 1877 года, произведенъ въ статскіе совѣтники *О. А. Шарко* со старшинствомъ съ 19 ноября 1876 года.

Стипендіи и пособія ученикамъ гимназій.

Стипендіи Платона Осиповича Рудановскаго (по 100 руб. каждая) получили въ истекшемъ году ученики: II класса *Малинка* и III класса *Листопадъ*.

Казенными стипендіями (каждая въ 200 руб.) пользовался 31 ученикъ, изъ нихъ 4 именуется Императорскими стипендіатами.

20 апрѣля 1878 года вдова подполковника Людмила Платоновна Иванова изъявила желаніе учредить при Нѣжинской гимназій стипендію въ 100 руб. въ память брата своего генералъ-лейтенанта Леонида Платоновича Рудановскаго съ тѣмъ, чтобы эта стипендія называлась стипендіею Леонида Платоновича Рудановскаго и была предоставляема ученикамъ гимназій бѣднаго состоянія, православнаго исповѣданія, для чего внесено 2000 руб. 5% билетами. По ходатайству г. директора Института эта сти-

пенсія утверждена г. министромъ, о чемъ г. попечитель округа, предложениемъ отъ 12 августа за № 9058, уведомилъ начальство гимназій.

На эту стипендію еще не избранъ никто изъ учениковъ.

На основаніи § 32 устава выдано въ пособіе бѣднымъ ученикамъ въ плату за ученіе 200 руб. (10 ученикамъ).

На основаніи § 31 устава отъ платы за ученіе освобождено было въ 1-мъ полугодіи 21 ученикъ и во второмъ 21 ученикъ гимназій, а изъ учениковъ приготовительнаго класса—2 въ первомъ полугодіи и 3 во второмъ.

Нѣжинская земская управа въ пособіе бѣднымъ ученикамъ внесла въ оба полугодія истекшаго учебнаго года 600 руб. для уплаты за ученіе 30 учениковъ.

Учениковъ изъ евреевъ, получившихъ въ минувшемъ году пособіе по 60 руб. изъ еврейскихъ суммъ свѣчнаго сбора было 3.

Д. Особыя занятія преподавателей гимназій.

Учитель *К. А. Мошинскій* завѣдывалъ физическимъ кабинетомъ.

Учитель *О. А. Шарко* состоялъ членомъ правленія и, послѣ перемѣщенія Годзинскаго, былъ избранъ секретаремъ педагогическаго совѣта.

Учитель *И. Н. Михайловскій* завѣдывалъ фундаментальною и ученическою бібліотекою гимназій.

Должности классныхъ наставниковъ въ минувшемъ году исполняли:

Въ приготовительномъ классѣ *В. С. Молотковъ*.

Въ 1 классѣ гимназій учитель *Михайловскій*.

2 " " учитель *Мурзуловичъ*.

3 " " учитель *Дилекторскій*,

4 " " учитель *Шарко*.

5 " " завѣдывающій гимназією.

6 " " законоучит. *Хойтацкій*.

7 " " учитель *Мошинскій*.

8 " " учитель *Сребницкій*.

Членами экзаменаціонной комиссіи для производства испытанія лицамъ, ищущимъ учительскихъ званій разной степени, были:

Законоучитель *А. Ѡ. Хойнацкій*.

Учитель русскаго языка и словесности *И. Н. Михайловскій*.

Учителя математики: *К. А. Мошинскій* и *О. А. Шарко*.

Учитель исторіи и географіи *И. А. Сребницкій*.

Учитель приготовительнаго класса *Молотковъ*, по опредѣленію педагогическаго совѣта и съ утвержденія г. попечителя округа, занимался послѣ уроковъ съ учениками, оставляемыми за неуспѣшность.

Кромѣ постоянныхъ своихъ обязанностей, всѣ преподаватели гимназіи собирались, по мѣрѣ надобности, въ засѣданія, которыхъ въ теченіи года было 60. Въ этихъ засѣданіяхъ, кромѣ совѣщанія о приемныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, принимаемы были къ исполненію распоряженія высшаго учебнаго начальства; рѣшались текуція дѣла, обсуждались мѣры къ улучшенію учебной и нравственной части заведенія, а также разсматривались результаты испытаній въ экзаменаціонной комиссіи и давались по нимъ заключенія. Сверхъ того собирались предметныя и классныя комиссіи, изъ которыхъ 1-хъ было 8, а вторыхъ 27.

Учитель *И. А. Сребницкій* и въ настоящемъ году продолжалъ свои вечернія занятія съ VII и VIII классами, какъ и въ прошломъ. Предметомъ занятій было чтеніе сочиненій, написанныхъ учениками на темы историческаго содержанія и критическій разборъ оныхъ учениками же.

Е. Учебная часть.

Кромѣ одного урока, прибавленнаго въ предшествовавшемъ отчетномъ году по древнимъ языкамъ въ VIII классѣ, въ отчетномъ году прибавленъ одинъ урокъ русскаго языка въ 1-мъ классѣ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, и одинъ урокъ по математикѣ въ 4 классѣ по распоряженію высшаго начальства.

Отступленій отъ учебныхъ плановъ въ отчетномъ году не было.

Въ истекшемъ учебномъ году обучалось рисованію и черченію 15 учениковъ съ особою платою по 3 руб. въ годъ, которая и выдавалась преподавателю по мѣрѣ поступленія.

Гимнастикой занимались всѣ ученики гимназіи, кромѣ тѣхъ, которые, по засвидѣтельствованію врача, не могли оною заниматься.

Пѣнію обучались всѣ ученики, имѣющіе голоса.

Ж. Состояніе учебныхъ пособій.

Учебныя пособія гимназіи состоятъ: изъ основной библіотеки гимназіи, библіотеки ученической, физическаго кабинета съ естественно-историческимъ, собранія картъ, глобусовъ и чертежей, коллекціи гипсовыхъ моделей и фигуръ для рисованія и черченія.

Основная библіотека пополнилась въ отчетномъ году 169 названіями: прибрѣтенными покупкою за 533 р. 19 к. изъ суммъ отпускаемыхъ по штату на библіотеку.

Для ученической библіотеки прибрѣтено названій 39 на сумму 111 р. 27 коп.

Физическій кабинетъ увеличенъ прибрѣтеніемъ 21 предмета на сумму 169 р. 75 к.

Пособія для рисованья увеличены коллекціей изъ 40 проводочныхъ моделей геометрическихъ тѣлъ и фигуръ и другими проводочными изображеніями.

Въ пособіе при преподаваніи географіи прибрѣтенъ планетарій, а также изображенія градусной сѣти на клеенкѣ, для черченія картъ.

З. Измѣненія въ составѣ учащихся.

1. Къ началу 1877—78 учебнаго года состояло учениковъ:

въ пригот. классѣ;	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
	24	42	30	28	31	19	17	14	15

По приѣмному экзамену поступило:

въ пригот. классѣ;	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	12	11	3	„	„	1	„	„

Поступило въ теченіи учебнаго года:

въ пригот. классъ;	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	5	2	1	2	„	8	4	2

Итого въ минувшемъ учебномъ году состояло:

въ пригот. классъ;	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	29	44	31	30	31	27	21	16
						Всего	.	.
								243

Выбыло въ теченіи года до экзаменовъ:

въ пригот. классъ:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	3	5	6	6	5	2	4	„
								„

Осталось къ началу переводныхъ экзаменовъ:

въ пригот. классъ:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	26	39	25	24	26	25	17	16
								15

2. Распределеіе учениковъ по вѣроисповѣданіямъ:

Православнаго	218
Римско-Католическаго	11
Лютеранскаго.	2
Иудейскаго.	8
Единоувѣрческаго.	4
	<hr/>
	243

Распределеіе учениковъ по сословіямъ:

Дѣтей:	Дворянъ и чиновниковъ	134
—	Духовнаго званія.	47
—	Городскаго сословія.	45
—	Сельскаго	14
—	Иностранцевъ	2
		<hr/>
		243

3. Свѣдѣнія о числѣ учившихся новымъ языкамъ:

а) обоимъ	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	4	1	„	„	„	„	„

b) одному французскому:	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	12	13	13	6	11	9	11
e) одному вѣмецкому:	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	14	14	18	18	9	7	4

4. Вѣдомость о числѣ учениковъ: а) удостоенныхъ перевода въ высшіе классы, б) не удостоенныхъ перевода въ высшіе классы и с) выбывшихъ по малоуспѣшности.

а) Переведены въ высшіе классы:

Изъ пригот. класса въ I.

Переводятся 15.

Оставляются 10.

Уволенъ за неуспѣшность 1.

Изъ I класса во II.

Переводятся 24.

Оставляются 13.

Увольняется за неуспѣшность 2.

Изъ II класса въ III.

Переводятся 16.

Оставляются 12.

Изъ III класса въ IV.

Переводятся 15.

Оставляются 10.

Увольняется за неуспѣшность 1.

Изъ IV класса въ V.

Переводятся 16.

Оставляются 12.

Изъ V класса въ VI.

Переводятся 22.

Оставляются 4.

Изъ VI класса въ VII.

Переводятся 18.

Оставляются —.

Было 8.

Изъ VII класса въ VIII.

Переводятся 16.

Оставляются —.

5) Свѣдѣнія объ испытаніяхъ зрѣлости:

Въ истекшемъ учебномъ году всѣ ученики VIII класса въ числѣ 15 человекъ были допущены къ испытанію и всѣ удостоены аттестатовъ зрѣлости, а именно: *Рабиновичъ Яковъ, Дравинъ Янкель, Квитницкій Степанъ, Стефановскій Иванъ, Техановскій Андрей, Раковичъ Андрей, Петровскій Василій, Крачковскій Василій, Потъенко Василій, Кольчевскій Николай, МодзOLEVскій Казиміръ, Булахъ Иванъ, Демяновскій Николай и Радіоновъ Павелъ.*

Для полученія аттестата зрѣлости никто изъ постороннихъ лицъ не заявлялъ желанія подвергнуться испытанію.

Удостоены наградъ 2 степени за отличное поведеніе и успѣхи въ теченіи 1877—78 года 20 учениковъ; изъ нихъ трое VIII класса: *Квитницкій Степанъ, Дравинъ Янкель, Рабиновичъ Янкель*, удостоены серебряныхъ медалей.

b) Свѣдѣнія по воспитательной части:

Годовой средній выводъ изъ отмѣтокъ за поведеніе:

К Л А С С Ы:	Б А Л Л Ы:		
	5.	4.	3.
Приготовительнаго	25	1	2
I	31	10	3
II	24	7	3
III	14	12	3
IV	24	7	”
V	25	2	”
VI	20	”	”
VII	15	1	”
VIII	15	”	”
	205	30	8

И. Свѣдѣнія по хозяйственной части:

Изъ суммъ Государственнаго казначейства ассигновано на содержаніе гимназій:

а) На содержаніе личнаго состава	24773 р 80 к.
б) На содержаніе стипендіатовъ	7042 р. 13 к.
в) На хозяйственныя расходы	2700 р. — к.
	<u>Итого 34515 р. 93 к.</u>

Спеціальныя средства гимназіи состояли изъ суммы собранной за ученіе:

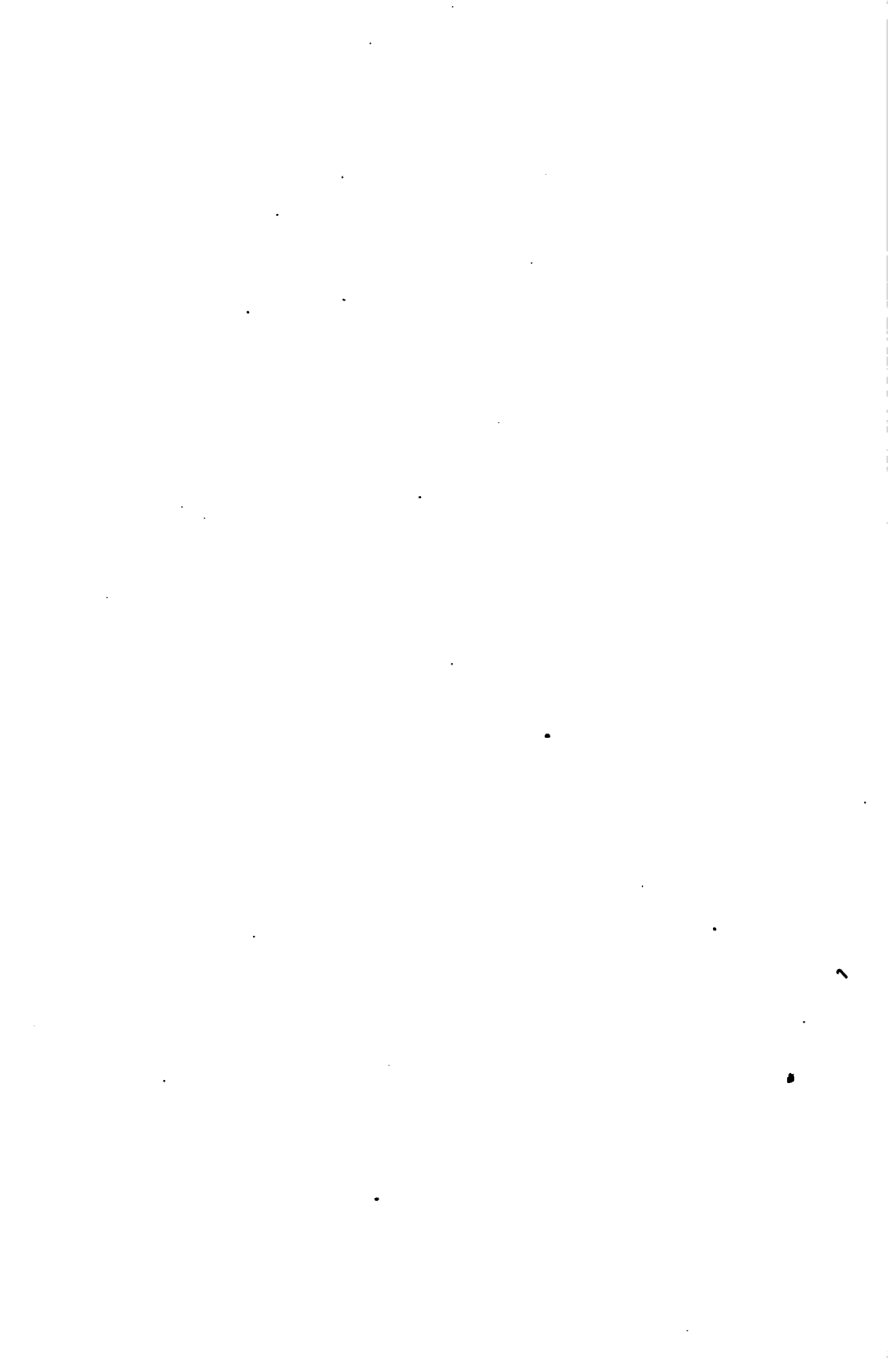
Въ 1-й половинѣ учебнаго года	1652 р.
Во 2-й половинѣ " "	1550 р.
	<u>Итого 3202 р.</u>
	<u>А ВСЕГО 37717 р. 93 к.</u>

Секретарь педаг. совѣта **О. А. Шарко.**

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ

и

БОРЬБА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I СЪ НАПОЛЕОНОМЪ.

Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ по случаю юбилея рожденія Императора Александра I, 12 декабря 1877 г., ординарнымъ профессоромъ Всеобщей Исторіи П. И. Люверсовскимъ.

Мм. Гз.

Сегодня исполнилось столѣтіе со дня рожденія русскаго Государя, царствованіе котораго было однимъ изъ самыхъ славныхъ для нашего отечества и проходило среди событій, самыхъ необыкновенныхъ и знаменательныхъ въ исторіи.

Когда Екатерина Великая обрадована была роженіемъ ей внука и поэтъ Державинъ восторженною пѣснію привѣтствовалъ въ немъ будущаго счастливаго вѣнценосца, «образецъ монархамъ и утѣшеніе сердецъ», кто могъ-бы тогда думать, какое многотрудное царствованіе предстоить этому порфирородному отроку, какія великія испытанія придется пережить ему и всей Россіи въ его царствованіе?

Природа самымъ щедрымъ образомъ одарила Императора Александра Павловича всѣми качествами ума и души, какія имѣютъ особенно высокую цѣну въ государѣ, предназначенномъ для мирнаго царствованія. Его кроткое человѣчное сердце искало себѣ пищи и наслажденія въ устройствѣ мирнаго счастья среди людей. Свѣтлый, тонкій и провидательный умъ его видѣлъ дѣйствительныя средства къ тому въ образованіи, въ умственномъ и нравственномъ развитіи народовъ. Ему дано было воспитаніе и образованіе въ духѣ новыхъ просвѣтительныхъ идей вѣка, которымъ столько сочувствовала сама Екатерина. Съ раннихъ лѣтъ въ душѣ его сложились высокіе и свѣтлые идеалы о царскомъ призваніи, благѣ государствъ и счастья народовъ.

Вступивъ въ молодыхъ лѣтахъ на престоль, Императоръ Александръ съ увлеченіемъ предался заботамъ о внутреннихъ преобразованіяхъ въ своемъ государствѣ и особенно о распространеніи въ немъ

просвѣщенія. Во внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи принята была самая миролюбивая и уступчивая политика, чтобы имѣть возможность сосредоточить все вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ страны. Таковы были расположеніе и планы русскаго царя: они вполне соотвѣтствовали истиннымъ потребностямъ и желаніямъ Россіи. Но провидѣнію угодно было подвергнуть отечество наше тяжкому испытанію. Миролюбивый русскій монархъ и мирный русскій народъ должны были выступить на борьбу съ могучею и страшною внѣшнею силой, которая тогда потрясала Европу, подавляя все передъ собою, и которой все трепетало.

Россія въ царствованіе Александра I неволею вовлечена была въ водоворотъ событій, для нея совсѣмъ чуждыхъ, внѣшнихъ и случайныхъ, не простиравшихъ изъ внутренняго хода ея собственной исторической жизни. Событія эти возникли на западно-европейской почвѣ и созданы были ходомъ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Однако и сами западные народы были весьма поражены этими событіями, а ихъ правительства были ими застигнуты неожиданно, смущены и приведены въ величайшее замѣшательство. Теперь мы хорошо видимъ и понимаемъ внутреннюю необходимость и законность всего движенія, происходившаго тогда въ западной Европѣ; но современники и сами виновники этого движенія вращались въ его круговоротѣ, не вѣдая, какими силами оно создано и какой будетъ его исходъ.

Рядъ этихъ событій открыла собою великая французская революція. Еще не успѣло совершенно скрыться ея кровавое зарево отъ испуганныхъ взоровъ Европы, какъ на ея горизонтѣ явился новый грозный метеоръ. То былъ завоеватель. Такого явленія, дѣйствительно, трудно было ожидать въ то время въ Европѣ. Вообще явленіе завоевателей принадлежитъ, по счастью, къ числу рѣдкихъ и чрезвычайныхъ въ исторіи. При томъ она привыкла видѣть этого рода явленіе совсѣмъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ какъ это было на сей разъ. Обыкновенно завоеватели выходили изъ такого народа, который только еще пролагалъ себѣ путь въ исторіи, который не имѣлъ у себя богатаго прошлаго, не обладалъ богатымъ историческимъ наслѣдіемъ, накопленнымъ вѣковыми усиліями его предковъ, словомъ—который еще долженъ быть завоевать себѣ и создать себѣ положеніе и значеніе среди другихъ народовъ. При такихъ именно условіяхъ являлись въ исторіи извѣстные намъ великіе завоеватели: Киръ, Александръ Македонскій, Аттила, Магометъ, Батый, Тамерланъ. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находились тогда народы западной Европы. Можно было думать, что въ ней улеглись уже тѣ грубыя силы, которыя рвутся къ завоеваніямъ. Политическое устройство европейскихъ государствъ сложилось, повидимому, окончательно и

прочно, а внутреннее развитіе западныхъ народовъ, казалось, достигло той степени, на которой люди способны цѣнить блага мирнаго развитія. Тѣмъ не менѣе какъ французская революція, такъ и явленіе въ Европѣ завоевателя, въ лицѣ Наполеона, вытекали изъ внутренняго склада европейской жизни, изъ хода европейской исторіи, и оба явленія, Наполеонъ и революція, находились въ тѣсной взаимной связи.

Французская революція потрясла старинный общественный строй Европы. Это былъ феодальный строй. Она расшевелила и подняла на ноги низшій слой европейскаго населенія, находившійся подъ давленіемъ остальныхъ высшихъ. То былъ бѣдный, неразвитый, но сильный и страшный своею численностію классъ населенія западной Европы. Въ его прошломъ была таже бѣдность и ничтожность, какъ и въ настоящемъ. Словомъ сказать, народныя массы, обезземеленныя и во всемъ обдѣленные феодальною Европой, теперь захотѣли и рѣшились добиться своей доли въ томъ благоденствіи и процвѣтаніи, какое было тамъ достигнуто высшими классами, не безъ содѣйствія, конечно, этихъ низшихъ и на счетъ ихъ.

Подъ грознымъ напоромъ народныхъ массъ, предводимыхъ смѣлыми и искусными вождями, запаталось стройное и покойное зданіе феодализма. Побѣдные клики революціи раздавались во всѣхъ концахъ Европы: съ трепетнымъ сочувствіемъ прислушивались къ нимъ повсюду народныя массы. Но скоро сталъ во главѣ движенія вождь, который далъ ему другой поворотъ.

Наполеонъ отлично умѣлъ оцѣнить всю громадность силы, представляемой народными массами, но также понималъ и всю ихъ безпомощность въ дѣлѣ устройства ихъ собственнаго благосостоянія. Онъ нашелъ удобнымъ подчинить эту силу своей власти и употребить ее для своихъ личныхъ цѣлей. Его военный геній и политическій умъ давали ему на то полномочіе. Въ его рукахъ эта сила стала всеокрушающею и неодолимою. Что такое создалъ онъ посредствомъ нея? Создалъ имперію и самъ принялъ титулъ римскихъ цезарей. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ систему непрерывныхъ завоеваній: того требовали его положеніе, его геній и тѣ народныя силы, которыя онъ захватилъ въ свои руки, такъ какъ необходимо было дать этимъ силамъ такое занятіе, которое было сродно имъ и въ то же время держало ихъ въ зависимости и подчиненіи у своего вождя.

Легко и быстро справлялась созданная Наполеономъ имперія съ феодальными государствами Европы, сокрушая ихъ одно за другимъ такъ, что они не успѣвали сообразить, что такое надъ ними творится. Одно изъ этихъ государствъ также украшалось именемъ священной

римской Имперіи, но въ сущности было такимъ же феодальнымъ королевствомъ, какъ и всѣ другія въ западной Европѣ, и такъ же какъ другія, должно было склонить главу предъ величіемъ и могуществомъ новаго цезаря.

Тогда имперія Наполеона стала лицомъ къ лицу съ другой имперіей, которая не была ни феодальною, ни революціонною, а законною историческою преемницею имени и наслѣдницею правъ угасшей Восточной Римской Имперіи.

Исторія нашихъ отношеній къ Франціи временъ Наполеона представляетъ два періода, различныхъ по своему характеру: первый періодъ до тильзитскаго мира и второй—послѣ этого мира. Въ первый періодъ Императоръ Александръ ведетъ борьбу съ Наполеономъ въ союзѣ съ другими европейскими государствами. Усилія его направлены къ тому, чтобы создать противъ Наполеона прочный вооруженный союзъ изъ возможно большаго числа европейскихъ государствъ и тѣмъ своевременно положить предѣлъ его самовластію и остановить въ самомъ началѣ развитіе его завоевательныхъ плановъ. Его усилія въ этомъ отношеніи остались безуспѣшными по винѣ его союзниковъ. Тогда онъ вынужденъ былъ оставить ихъ въ сторонѣ и взялъ дѣло прямо въ свои собственныя руки. Заключеніемъ съ Наполеономъ мира и союза въ Тильзитѣ русскій государь сталъ въ непосредственныя отношенія къ своему противнику: съ этого времени настаетъ новый періодъ нашихъ отношеній къ французской имперіи, въ которомъ Россія одна сама по себѣ ведетъ съ Наполеономъ борьбу, сначала дипломатическую, потомъ вооруженную, до тѣхъ поръ, пока наноситъ ему и соединенными силами всей почти Европы рѣшительное пораженіе; затѣмъ Императоръ Александръ во главѣ европейскихъ государей ведетъ свои и ихъ войска въ предѣлы Франціи и полагаетъ конецъ созданной Наполеономъ Имперіи.

I.

Въ первое время по вступленіи на престолъ Императоръ Александръ хотѣлъ имѣть дружественныя отношенія къ Франціи, какъ и къ прочимъ державамъ, «чтобы упрочить для своей Имперіи миръ, необходимый для возстановленія порядка въ разныхъ частяхъ управленія, и въ тоже время по возможности содѣйствовать ускоренію окончательнаго мира, который бы далъ Европѣ время возстановить поколебленное зданіе соціальной системы». Такъ онъ говорилъ въ своей инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ, данной отъ 4 іюля

1801 года *). Но въ той же инструкціи обнаруживается его недовѣріе къ миролюбію и умѣренности перваго консула французской республики Бонапарта. «Если первый консулъ, сказано въ инструкціи, сохраненіе и утвержденіе своей власти поставить въ зависимость отъ раздоровъ и смутъ, волнующихъ Европу; если онъ не признаетъ, что власть, основанная на неправдѣ, всегда непрочно...; если онъ позволитъ увлечь себя революціонному потоку, если наконецъ онъ ввѣритъ себя одному счастью, то война можетъ продолжиться, и при такомъ порядкѣ вещей уполномоченный, которому ввѣрены мои интересы во Франціи, долженъ ограничиться наблюденіемъ хода тамошняго правительства и тянуть время, пока обстоятельства болѣе благопріятныя позволятъ употребленіе средствъ болѣе дѣйствительныхъ». Опасенія эти относительно образа дѣйствій перваго консула французской республики стали сбываться немедленно. Незаконныя и насильственныя распоряженія его въ Италіи вызвали протестъ со стороны русскаго уполномоченнаго во Франціи Колычева. Колычевъ былъ отправленъ туда еще Императоромъ Павломъ. Французское правительство находило рѣзкимъ тонъ, какииъ онъ высказывалъ свои требованія, и жаловалось на это въ Петербургъ. Колычевъ былъ отозванъ. На его мѣсто былъ посланъ графъ Марковъ, отличавшійся самою утонченною вѣжливостію. Наполеонъ старался ввѣрить его въ своемъ желаніи сохранять наилучшія отношенія къ Россіи и былъ въ первое время весьма съ нимъ ласковъ. «Все между нами можетъ уладиться дружески, говорилъ онъ Маркову, и примирительныя наклонности (l'esprit de conciliation), которыми вы славитесь, графъ, всего болѣе служить мнѣ въ томъ ручательствомъ».

Однако, несмотря на свою изысканную вѣжливость и на примирительныя наклонности, которыя предполагалъ въ немъ Наполеонъ, новый русскій посолъ оказывался человѣкомъ весьма непреклоннымъ и настойчивымъ. Объ немъ говорили въ Россіи, что «онъ не позволитъ никому наступить себѣ на ногу». Наполеону пришлось скоро убѣдиться въ этомъ. Подобно Колычеву, Марковъ продолжалъ настаивать на отмиѣнѣ распоряженій Наполеона въ Италіи. Онъ требовалъ возвращенія сардинскому королю Пиемонта, захваченнаго французами. Наполеонъ находилъ, что русское правительство, настаивая на своемъ требованіи, вызываетъ неуваженіе къ Франціи и поступаетъ съ ней, точно съ Лукскою республикой; онъ удивлялся, что Императоръ Александръ такъ

*) Мы не дѣлаемъ ссылокъ въ своей статьѣ: сообщаемые въ ней факты заимствованы нами, главнымъ образомъ, изъ превосходнаго сочиненія г. Богдановича „Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время. Сиб. 1869“.

много заботится объ интересахъ «сардинскаго царька» (roitelet). Графъ Марковъ объяснилъ первому консулу, что участіе, принимаемое русскимъ Императоромъ въ судьбѣ сардинскаго короля, «внушено ему столько же чувствами справедливости и дружбы къ сему государю, сколько и тѣмъ, что *россійское правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ участи какой-бы то ни было изъ европейскихъ державъ.*» Такимъ образомъ при первыхъ же своихъ сношеніяхъ съ повелителемъ Франціи Императоръ Александръ давалъ ему чувствовать и понять, что не позволить ему произвольно распоряжаться въ Европѣ.

Распоряженія Наполеона въ Германіи также возбуждали неудовольствіе нашего правительства. Марковъ всякій разъ дѣлалъ настойчивыя представленія и по этимъ дѣламъ. Наполеонъ не затруднялся прибѣгать иной разъ ко лжи, съ цѣлю подорвать довѣріе германскихъ правительствъ къ Императору Александру. Марковъ своевременно и искусно разоблачалъ ложь. Наполеонъ выходилъ изъ себя отъ дѣйствій русскаго посла, который не хотѣлъ уступать ему ни въ чемъ ни шагу. Уже тогда первый консулъ усвоилъ себѣ самое безцеремонное обхожденіе съ представителями иностранныхъ дворовъ во Франціи. На представленія, на примѣръ, прусскаго посла по италіанскимъ дѣламъ ему просто отвѣчали, что французское правительство не обязано разсуждать объ этихъ дѣлахъ съ прусскимъ королемъ. Англійскій посолъ лордъ Витвортъ долженъ былъ выдерживать весьма бурныя выходки со стороны перваго консула за то, что Англія, вопреки амьенскому договору, удерживала за собой островъ Мальту. Наполеонъ воздерживался нѣкоторое время отъ подобныхъ выходокъ относительно русскаго посла. Но наконецъ— не выдержалъ. Испанскій и прусскій посланники во Франціи распространили слухъ, совершенно ложный, будто неуступчивость англичанъ поддерживается происками графа Маркова и русскаго посла въ Лондонѣ графа С. Р. Воронцова. Талейранъ сообщилъ объ этихъ слухахъ первому консулу. Въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса въ Тюльери (25 мая 1803 г.) Наполеонъ сталъ осыпать Маркова упреками. Марковъ опровергалъ взводимыя на него обвиненія. Наполеонъ, не отвѣчая ему, заговорилъ съ другими послами. Тогда Марковъ повернулся къ нему спиною и уѣхалъ изъ Тюльери. Что дальше, то хуже становились его отношенія къ первому консулу. Дошло до того, что Марковъ пересталъ являться на его публичныхъ выходахъ. Наполеонъ собственноручнымъ письмомъ (отъ 17 іюля 1803 г.) просилъ Императора Александра объ отозваніи Маркова. Однако русскій государь, согласно съ мнѣніемъ канцлера графа Воронцова, считалъ нужнымъ не спѣшить отозваніемъ своего посла. Талейранъ, исполняя волю Бона-

парта, поручилъ (въ августѣ того же года) французскому посланнику въ Петербургѣ повторить требованіе объ отозваніи графа Маркова, при чемъ на него ввоздвигались очень тяжкія обвиненія, которыя могли сильно повредить ему. Талейранъ доносилъ, между прочимъ, будто графъ Марковъ позволяетъ себѣ оскорбительныя выходки относительно своего государя. «Чего не наговорилъ онъ, утверждалъ Талейранъ, объ указѣ относительно народнаго просвѣщенія, о поощреніяхъ Его Величества крестьянскому освобожденію? Онъ безпрестанно повторяетъ фразу: «у Императора своя воля, у русскаго народа другая». Однако всѣ эти клеветы не поколебали довѣрія Императора Александра къ своему послу въ Парижѣ. Только тогда, когда самъ Марковъ сталъ просить объ увольненіи, Государь исполнилъ его просьбу. Онъ наградилъ его орденомъ св. Андрея первозваннаго и въ рескриптѣ къ нему выразилъ сожалѣніе, что лишается его службы на этомъ постѣ. Марковъ, возложивъ на себя пожалованный ему орденъ, явился на публичную аудіенцію перваго консула и громко говорилъ всѣмъ, кого встрѣтилъ на этой аудіенціи, что принимаетъ увольненіе отъ занимаемаго имъ поста, какъ величайшую къ нему милость Государя. Съ своей стороны Императоръ Александръ далъ знать первому консулу, что не вѣритъ взведеннымъ на Маркова обвиненіямъ, но отзывается его вслѣдствіе собственной его повторенной просьбы, не желая оставлять его въ непріятномъ положеніи. Русскій Государь не захотѣлъ болѣе отправлять во Францію посла, а былъ назначенъ тамъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи старшій чиновникъ нашего посольства во Франціи Убри. Впрочемъ Наполеонъ не оставлялъ въ покоѣ и второстепенныхъ чиновниковъ нашей миссіи, нападая то на одного, то на другаго изъ нихъ. Въ тоже время онъ не упускалъ случая наносить намъ и серьезный вредъ: французскіе агенты въ Константинополѣ старались возстановить противъ Россіи Порту. Императоръ Александръ видѣлъ, что необходимо «употребленіе средствъ болѣе дѣйствительныхъ» относительно консула французской республики.

Въ началѣ 1804 г. русское правительство приступило къ тайнымъ переговорамъ съ европейскими державами, съ цѣлію образовать изъ нихъ вооруженный союзъ противъ Франціи. Въ мартѣ этого года французскій консулъ позволилъ себѣ такое возмутительное поправіе международнаго права, которое произвело чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ въ Европѣ и въ самой Франціи. Это было убійство ни въ чемъ неповиннаго герцога ангіенскаго (d' Enghien). Все дѣло велось чисто разбойнически.

Несчастный герцогъ мирно жилъ во владѣніяхъ баденскаго курфирста, въ небольшомъ городкѣ Эттенгеймѣ, не питая никакихъ по-

литических замысловъ, занятый всего болѣе своею любовію къ принцессѣ Роганъ-Рошфоръ. Шпіоны Наполеона слѣдили неотступно за герцогомъ и дѣлали на него доносы, будто онъ имѣетъ сношенія во Франціи съ враждебными консулу людьми. Наполеонъ рѣшилъ такъ или иначе захватить герцога въ свои руки и покончить съ нимъ. Онъ поручилъ военному министру составить инструкцію для набѣга на городъ Эттенгеймъ. Полковникамъ Коленкуру и Орденеру поручено было взять отряды войскъ и жандармовъ и произвести съ ними этотъ набѣгъ. Порученіе было исполнено въ точности, по инструкціи, и съ полнымъ успѣхомъ. Герцогъ былъ захваченъ, привезенъ въ Парижъ и разстрѣлянъ жандармами во рву венсенскаго замка (9 марта, въ 6 час. утра).

Хотя всѣ европейскіе дворы глубоко поражены были извѣстіемъ объ этомъ ужасномъ событіи, однако хранили молчаніе. Не смолчалъ лишь русскій Государь: онъ во услышаніе всей Европы высказалъ свое негодованіе и свой протестъ противъ беззаконнаго дѣла. Въ Австріи императоръ, императрица, эрцгерцогини и все высшее общество были огорчены убійствомъ герцога; тѣмъ не менѣе австрійскій посланникъ въ Парижѣ графъ Кобенцель высказался первому консулу объ этомъ событіи, что «бываютъ обстоятельства, когда правительство поставлено въ необходимость принять для своей безопасности мѣры, не подлежащія вмѣшательству другихъ державъ». Такимъ образомъ искусная австрійская дипломатія нашла способъ оправдать насиліе. Кобенцель опустилъ лишь изъ виду то, что французское правительство для своей безопасности считало позволненнымъ дѣлать хищническіе набѣги на чужія владѣнія; теперь оно произвело такой набѣгъ на баденскія владѣнія, послѣ могло сдѣлать—на австрійскія: подлежало ли бы тогда это вмѣшательству Австріи? Пруссійскій король выказалъ въ этомъ дѣлѣ свою совершеннѣйшую безхарактерность. Въ Берлинѣ волненіе умовъ по поводу венсенскаго событія было такъ сильно, что прусское правительство прекратило было переговоры, которые оно вело съ Франціей о заключеніи съ ней оборонительнаго союза. Наполеонъ велѣлъ занять французскими войсками герцогство арембергское и за тѣмъ потребовалъ отъ Пруссіи, «въ виду раздраженія Россіи противъ Франціи», формальнаго обязательства—*не дозволять ни въ какомъ случаѣ русскимъ войскамъ проходить черезъ прусскія владѣнія*. Что же сдѣлалъ прусскій король? 12-го мая (1804 г.) онъ заключилъ съ Императоромъ Александромъ оборонительный союзъ противъ Франціи, а 1-го іюня—такой же союзъ съ Наполеономъ противъ Россіи. Мало того, онъ спѣшилъ предувѣдомить Наполеона о томъ, что Императоръ Александръ старается образовать коалицію противъ Франціи.

Когда въ Петербургѣ получено было извѣстіе о казни герцога англійскаго, Императоръ Александръ повелѣлъ Государственному Совѣту обсудить мѣры, какія русское правительство должно принять по этому случаю. Государственный Совѣтъ большинствомъ голосовъ постановилъ изложить явно, предъ лицомъ Европы, образъ мыслей нашего правительства. Тогда Государь наложилъ при дворѣ трауръ по герцогѣ англійскомъ и затѣмъ выразилъ свой протестъ въ двухъ ноткахъ. Одна предъявлена была (25 апрѣля) германскому сейму и въ ней Императоръ Александръ приглашалъ всѣ нѣмецкія державы протестовать противъ нарушенія неприкосновенности предѣловъ Германіи и требовать удовлетворенія отъ французскаго правительства. Другую ноту дасть повѣренный во Франціи вручилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ (30 апр.): въ ней Императоръ Александръ изъявлялъ ожиданіе, что первый консулъ приметъ самыя дѣйствительныя мѣры къ успокоенію германскихъ державъ и прекратитъ положеніе дѣлъ, угрожающее ихъ безопасности и независимости.

Между тѣмъ въ это самое время французскій сенатъ готовился поднести первому консулу титулъ Императора французовъ. Всѣ германскія правительства уже изъявили свое согласіе на признаніе Бонапарта въ этомъ достоинствѣ. Понятно, какое непріятное дѣйствіе долженъ былъ произвести на него протестъ русскаго Императора, выраженный такимъ торжественнымъ образомъ. Въ своемъ отвѣтѣ на русскую ноту французское правительство сослалось на молчаніе по этому предмету германскихъ государствъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ. «Императоръ германскій и король прусскій, говорилось въ отвѣтной французской нотѣ, должныствующіе принимать наибольшее участіе въ судьбѣ Германской Имперіи....., не изъявили никакого неудовольствія по сему поводу. Первый консулъ могъ-бы оставить безъ объясненія дѣло, совершенно чуждое Е. В. Россійскому Императору, но онъ всегда готовъ отвѣчать съ обычною ему откровенностію, извѣстною Европѣ и прилично великимъ державамъ». Далѣе въ нотѣ ввозидлось на русское правительство обвиненіе въ томъ, что оно само нарушаетъ независимость и безопасность другихъ державъ, держа въ Римѣ и Дрезденѣ заговорщиковъ, и предоставляя русскимъ резидентамъ распространять покровительство народнаго права на уроженцевъ государствъ, при которыхъ они аккредитованы, какъ это дѣлалъ г. Марковъ. «Такъ какъ первый консулъ, говорилось въ заключеніе, не присвоиваетъ себѣ никакого преобладанія и не вмѣшивается въ дѣйствія русскаго кабинета, то и требуетъ, чтобы въ отношеніи къ нему поступали такимъ-же образомъ».

По полученіи этой ноты французскаго правительства, русскій повѣренный во Франціи вручилъ Талейрану новую ноту отъ имени своего правительства. Въ заключеніи ея было сказано:

..... «Послѣдній насильственный поступокъ, учиненный французскими войсками во владѣніяхъ курфюрста баденскаго, довершившій прежнія оскорбленія, убѣдилъ Его Величество, что французское правительство неизмѣнно рѣшилось припять способъ дѣйствій, совершенно противный справедливости и народному праву, и потому несовмѣстный съ чувствами и правилами Его Величества.

«Какъ, по сей причинѣ, Его дальнѣйшія сношенія съ Первымъ консуломъ сдѣлались совершенно бесполезны, то нижеподписавшійся, повѣренный въ дѣлахъ Е. И. В. получилъ приказаніе извѣстить министерство вышнихъ сношеній французской республики о прекращеніи своихъ обязанностей. Е. В. Россійскій Императоръ, по полученіи извѣстія о выѣздѣ своей миссіи изъ Парижа, объявитъ генералу Гедувиллю (французскому послу въ Петербургѣ), что онъ можетъ оставить Его столицу».

Такимъ образомъ произошелъ разрывъ Императора Александра съ Бонапартомъ, наканунѣ провозглашенія сего послѣдняго Императоромъ французовъ.

Теперь русскій Государь дѣятельно приступилъ къ составленію вооруженнаго союза противъ Наполеона. Прежде всего онъ обратился къ Швеціи. Шведскій король Густавъ IV одинъ изъ всѣхъ европейскихкихъ государей присоединилъ свой протестъ къ протесту русскаго Государя по поводу венсенскаго убійства. Король Густавъ не терпѣлъ Бонапарта. Когда прусскій король Фридрихъ—Вильгельмъ и Наполеонъ, уже провозглашенный Императоромъ, обмѣнялись между собою орденами, Густавъ IV, получивъ объ этомъ извѣстіе, отослалъ обратно прусскому королю полученный отъ него орденъ Чернаго Орла и написалъ ему, что считаетъ для себя постыднымъ носить одинаковые знаки отличія съ Бонапартомъ. Швеція уже находилась въ разрывѣ съ Франціей и заключила тайный договоръ съ Англією (3 декабря н. с. 1804), когда русское правительство предложило шведскому заключить съ нимъ вооруженный союзъ противъ Франціи. Наступательный и оборонительный союзъ Россіи съ Швеціею былъ заключенъ (14 янв. н. с. 1805 г.) и однимъ изъ секретныхъ условій его постановлено, чтобы принимать и прочія державы въ этотъ союзъ со взаимнаго согласія договаривающихся дворовъ. Затѣмъ русское правительство обратилось къ Австріи, Пруссіи и Англіи, съ цѣлію привлечь и эти державы къ вооруженному союзу противъ Франціи. Дѣло, казалось, должно было

устроиться безъ труда: Англія уже и такъ находилась во враждѣ съ Франціей, Австрія и Пруссія обѣ равно испытывали давленіе надъ собою деспотизма Наполеона. Но нужно было сначала успокоить Англію относительно намѣреній Россіи на востокѣ. Когда это дѣло было улажено, Англія приступила къ союзу. Правительства обѣихъ державъ, русское и англійское, стали тогда дружными усиліями дѣйствовать на Австрію. Австрія находилась въ нерѣшительности и старалась всячески затянуть дѣло. То она отговаривалась тѣмъ, что еще неготова къ войнѣ, то соглашалась пристать немедленно къ союзу, какъ только приступитъ къ нему Пруссія. Но Пруссія питала зависть и недовѣріе къ Австріи и смертельно боялась Наполеона. Она рѣшилась остаться нейтральною, надѣясь заслужить этимъ милость Бонапарта. Новый захватъ Наполеона въ Италіи (присоединеніе къ Франціи Генуи) вызвалъ изъ нерѣшительности Австрію и она приступила къ союзу. Такимъ образомъ усиліями Императора Александра образовалась европейская коалиція противъ Наполеона.

Это была такъ называемая *3-я коалиція* противъ Франціи, состоявшая изъ 4 державъ: Россіи, Англіи, Австріи и Швеціи. Такъ какъ Англія не имѣла значительныхъ сухопутныхъ силъ, а военныя силы Швеціи вообще были не велики, то вся тяжесть войны пала на Австрію и Россію. Наполеонъ зорко слѣдилъ за военными приготовленіями Австріи, былъ наготовѣ и думалъ о томъ лишь, чтобы предупредить соединеніе силъ своихъ противниковъ и разбить ихъ войска по одиночкѣ. Австрія сама помогла ему въ этомъ. Она поспѣшила открыть военныя дѣйствія, не дождавшись прихода русскихъ войскъ. Императоръ Александръ былъ изумленъ этою поспѣшностію Австріи. Онъ далъ повелѣніе своимъ войскамъ немедленно выступить въ походъ и самъ рѣшился отправиться на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ Россіи относились съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ борьбѣ, которую обожаемый Государь предпринималъ противъ Наполеона. Жители угощали проходившія на войну войска, крестьяне дарили деньги солдатскимъ женамъ и дѣтямъ, провожавшимъ своихъ въ походъ. Когда Государь, въ день своего отъѣзда къ арміи (9 сентября), прибылъ въ Казанскій соборъ отслушать молебенъ, соборъ и всѣ ведущія къ нему улицы полны были народомъ. «Государь ѣдетъ на войну», повторяли тысячи людей, передавая эту вѣсть другъ другу. Многіе плакали. Когда Государь вышелъ изъ собора и поѣхалъ по невскому проспекту, раздались громкія восклицанія, слившіяся въ общее дружное ура! «Счастливо Государь, будь здоровъ!»—изъ глубины души напутствовали его русскіе люди. Въ этотъ день графъ Н. П. Шереметевъ пожертвовалъ

20,000 рублей на выкупъ должниковъ изъ тюрьмы; одинъ русскій купецъ, сиринскій своею имя, выкупилъ 15 человекъ. Съ такою же дѣлю Императрица Марія Федоровна послала чиновника въ городскую тюрьму: тамъ всего оставалось уже только 14 человекъ, содержавшихся за долги, которые и были всѣ выкуплены.

Война эта окончилась полнымъ пораженіемъ союзниковъ. Наполеонъ вторгнулся въ Австрію и на голову разбилъ ея войска, прежде чѣмъ русскія успѣли соединиться съ ними. 17 октября 1805 г. австрійскій главнокомандующій Мавиъ сдался съ своею арміею Наполеону подъ Ульмомъ. Наполеонъ устроился за тѣмъ противъ русской арміи, которую велъ на помощь австрійцамъ Кутузовъ. Получивъ извѣстіе о пораженіи Мавиъ, Кутузовъ не терялъ однако надежды поправить дѣло и писалъ Императору Францу: «неудача арміи Вашего Величества подъ Ульмомъ весьма чувствительна, но не въ такой степени, чтобы ее нельзя было владеть непоколебимостью и мужествомъ союзныхъ армій». Наполеонъ хотѣлъ нанести русскимъ такой же быстрый и рѣшительный ударъ, какой ему удалось нанести австрійцамъ. Кутузовъ искусными распоряженіями уклонялся отъ рѣшительной битвы, прежде чѣмъ соединится съ остальными русскими войсками, шедшими отъ береговъ Вислы подъ начальствомъ Буксевдена. Кутузовъ направился на соединеніе съ ними въ Моравію. Французская армія преслѣдовала его стремительно. Происходили время отъ времени жестокія схватки между отрядами русскихъ и французскихъ войскъ. «При встрѣчѣ грудь съ грудью французской и русской пѣхоты, свидѣтельствуемъ одинъ французскій генералъ (Думаа), французскіе гренадеры выказали величайшую неустрашимость, русскіе—свирѣпое мужество (un courage féroce); раненые, истерзаные, они сражались съ бѣшенствомъ, пока у нихъ оставалось въ рукахъ оружіе; даже дѣнные видались на воднойныхъ». При Кремсѣ Кутузовъ перебрался на лѣвый берегъ Дуная. Здѣсь приготовился пересѣчь ему путь французскій маршалъ Мортъе. Кутузовъ началъ на него и нанесъ ему полное пораженіе. Самъ маршалъ едва избѣжалъ плѣна. «Битва при Кремсѣ была настоящей рѣзней», писалъ Наполеонъ въ своемъ бюллетенѣ. Русскіе захватили въ этой битвѣ полторы тысячи плѣнныхъ, пять орудій, штандартъ и знамя. Императоръ Францъ придалъ Кутузову орденъ Маріи Терезин 1-й степени. Отъ своего Государя Кутузовъ получилъ слѣдующій рескриптъ: «Сраженіе при Кремсѣ есть новый вѣнецъ славы для Россійскаго воиска и для того, что опытъ предводительствовалъ. Моихъ словъ не достаеъ изъяснить вамъ въ всему корпусу, подъ вашимъ начальствомъ состоящему, это удовольствіе и ту признательность, кои я ощущаю съ полученія

сего пріятнаго извѣстія. Съ нетерпѣніемъ ожидаю важныя разпорочья объ отличившихся, какъ въ въ семь дѣлѣ, такъ и въ предидущихъ. На васъ возлагаю также объявить всему корпусу чувства изъявленныя въ семь рескриптѣ». При селеніи Шёнграбенъ Наполеонъ снова пытался отрѣзать Кутузову путь въ Моравію. Кутузовъ отрядилъ туда шеститысячный отрядъ подъ командой Багратиона и поручилъ ему удерживать непріятеля до послѣдней крайности, чтобы дать русской арміи время уйти отъ наступающихъ силъ Наполеона. Багратионъ блистательно выполнилъ возложенное на него порученіе. Сорокъ тысячъ французскаго войска, предвидимаго лучшими французскими маршалами, Удино, Ланномъ, Сультомъ, напали на отрядъ Багратиона. Отрядъ былъ обойденъ французскими войсками. Русскіе геройски пробивались сквозь превосходныя силы непріятеля. Нѣкоторые изъ русскихъ офицеровъ провели черезъ непріятельскій огонь свои части войскъ, поставивъ въ головѣ своихъ колоннъ взятыхъ въ плѣнъ французовъ. «Что вы дѣлаете? кричали они непріятельскимъ войскамъ; вы стрѣляете по своимъ; мы французы!» Тамъ, гдѣ нельзя было пробраться хитростію, пробивались силой, либо дрались до тѣхъ поръ, пока падали всѣ до послѣдняго человѣка. Бой длился до 11 часовъ ночи и нашъ отрядъ пробился черезъ ряды непріятеля, получивъ даже отъ австрійцевъ, не любившихъ хорошо отзываться о русскихъ, названіе «героической дружины» (Heldenschazt). «Ты живъ, этого довольно; о потерѣ не спрашиваю»: такими словами встрѣтилъ Багратиона Кутузовъ послѣ этого славнаго дѣла. Наполеонъ въ своемъ бюллетенѣ отзывался: «русскіе гренадеры вмѣзали неустрашимость». Императоръ Францъ пожаловалъ князю Багратиону командорскій крестъ Маріи-Терезіи. Получивъ донесеніе Кутузова о шёнграбенскомъ дѣлѣ, Императоръ Александръ писалъ ему: «наши сражаются геройски; нельзя ими не восхищаться; горжусь честью стоять во главѣ такого народа». На пути отъ Шёнграбена къ Брюнну Кутузовъ получилъ повелѣніе Императора Франца остановиться и дать при Брюннѣ битву Наполеону. Кутузовъ съ своей стороны не считалъ возможнымъ давать битву до соединенія съ войсками Буксгевдена и продолжалъ отступленіе. Наполеонъ между тѣмъ вступилъ въ переговоры съ Австріей и сдѣлалъ попытку начать переговоры также и съ Россіей. Онъ отправилъ съ письмомъ къ Императору Александру одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Савари, поручивъ ему поздравить нашего Государя съ прибытіемъ къ арміи.

8 сентября въ Вишау армія Кутузова соединилась съ войсками Буксгевдена. Успѣхи, одержанные русскими при схваткахъ съ французами, а также и наклонность къ миру, которую показывалъ Наполеонъ, внушили

приближеннымъ Императора Александра чрезмѣрную увѣренность въ торжество русскихъ надъ французами въ случаѣ битвы. Австрійцы также находили способъ дѣйствій русскаго полководца нерѣшительнымъ и требовали рѣшительной битвы. Иначе думалъ Кутузовъ. Онъ видѣлъ, что принятый имъ способъ веденія войны вѣрнѣе ведетъ къ цѣли. Кутузовъ понималъ хорошо, что имѣетъ дѣло съ необыкновеннымъ полководцемъ; онъ зналъ, какую силу имѣетъ надъ войсками обаяніе, производимое быстрымъ успѣхомъ, и какъ это обаяніе ослабѣваетъ, когда дѣло затягивается и успѣхъ замедляется. Впрочемъ и вообще, какъ извѣстно, Кутузовъ имѣлъ правиломъ готовить себя успѣхъ предварительными искусными распоряженіями, стараясь поставить противника въ невыгодное положеніе. Такова была его тактика въ турецкую войну (1811 года); этою же тактикою онъ побѣдилъ Наполеона въ отечественную войну. Къ сожалѣнію теперь онъ не располагалъ полною свободою дѣйствія. Его стѣсняло и присутствіе при арміи Государя, находившагося подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ и, конечно, сгаравшаго нетерпѣніемъ нанести какъ можно скорѣе своему противнику пораженіе; еще болѣе того ставило нашего полководца въ затруднительное положеніе—вмѣшательство австрійскихъ генераловъ въ ходъ военныхъ дѣйствій.

Согласно желанію Императора Александра, его штаба, а также и мнѣнію австрійскихъ генераловъ, рѣшено было дать генеральную битву Наполеону подъ Аустерлицемъ. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи союзниковъ, Наполеонъ былъ имъ весьма обрадованъ и боялся лишь, какъ бы они его не измѣнили. Поэтому старался всѣми мѣрами поддержать въ нихъ самоувѣренность. Свои войска онъ расположилъ на такой мѣстности, которая болѣе была удобна для обороны, чѣмъ для наступленія. По его приказанію Мюрать производилъ перѣшительныя рекогносцировки, которыми старался увѣрить въ желаніи уклониться отъ боя. Наполеонъ даже еще разъ отправилъ того же Савари къ Императору Александру съ предложеніемъ свиданія съ нимъ для начатія мирныхъ переговоровъ. Императоръ Александръ не изъявилъ согласія на свиданія, а отправилъ къ Наполеону для переговоровъ князя Долгорукова. Долгоруковъ, при разговорѣ съ Наполеономъ, держалъ себя гордо, точно русскіе уже одержали побѣду. Онъ сообщилъ Наполеону, что Императоръ Александръ согласится на миръ не иначе, какъ обезпечивъ независимость Италіи, Голландіи и Бельгіи. Наполеонъ отвѣчалъ на эти требованія, что, какъ видно, путемъ дипломатіи дѣло не рѣшится, и съ тѣмъ отпустилъ Долгорукова. Ему важно было убѣдиться, какъ велика самонадѣянность его противниковъ, и увидѣлъ, что степень ея

вполнѣ соотвѣтствуетъ его желаніямъ. Несомнѣваясь болѣе, что битва скоро произойдетъ, Наполеонъ сталъ дѣлать къ ней распоряженія съ свойственнымъ ему искусствомъ. Онъ располагалъ полнымъ знаніемъ мѣстности, гдѣ предстояло происходить битвѣ, и старался имѣть точныя свѣдѣнія о расположеніи войскъ непріятеля.

Совершенно иначе велось дѣло въ союзномъ войскѣ. Тамъ готовились дать битву, не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній о силахъ непріятеля, ни о расположеніи его войскъ. Мѣстность плохо знали австрійскіе военачальники, а русскіе полагались въ этомъ на нихъ. Но самое худшее состояло въ томъ, что не было въ союзномъ войскѣ единой воли и власти, которая бы всѣмъ самостоятельно заправляла. Кутузовъ имѣлъ званіе главнокомандующаго, а между тѣмъ самая битва предпринималась вопреки его убѣжденію. Планъ ея составленъ былъ австрійскимъ генераломъ Вейротеромъ и утвержденъ Императоромъ Александромъ: Кутузовъ не принималъ никакого участія въ составленіи этого плана. Наканунѣ битвы онъ было пытался отклонить отъ нея Государя черезъ посредство оберъ-гофмаршала графа Толстова: «битву мы проиграемъ, говорилъ онъ Толстому». Впослѣдствіи Императоръ Александръ ставилъ въ вину Кутузову, что онъ не былъ въ этомъ случаѣ достаточно настойчивъ. Ошибка заключалась въ томъ, что Кутузову не было предоставлено самому распоряжаться всѣмъ дѣломъ. Тогда-бы онъ, конечно, дѣйствовалъ твердо и по своему усмотрѣнію. Русскій человѣкъ не способенъ приписывать себѣ непогрѣшимость и въ трудныхъ обстоятельствахъ не охотно беретъ на себя больше отвѣтственности, чѣмъ сколько на него возлагаютъ.

20 ноября 1805 г. произошла знаменитая аустерлицкая битва, «битва трехъ императоровъ» (Drei Kaiser—Schlacht). Вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ присутствовалъ на полѣ сраженія и Императоръ Францъ. Войска, какъ русскія, такъ и австрійскія, зная объ этомъ, сражались съ отличнымъ мужествомъ. Юный русскій монархъ, еще въ первый разъ присутствовавшій въ бою, невозмутимо отдавалъ приказанія, стоя подъ картечными выстрѣлами французовъ. Цесаревичъ Копстантивъ, Милорадовичъ, князь Волконскій, Дохтуровъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій показали себя героями въ битвѣ. Кутузовъ, уже предвидѣвшій несчастный исходъ ея, сохранялъ однако свое обычное спокойствіе и самообладаніе. Онъ былъ раненъ пулею въ щеку. Узнавъ объ этомъ, Императоръ Александръ прислалъ къ нему своего лейбъ-медика Виллье: «Поблагодарите Государя, сказалъ онъ, моя рана не опасна, вотъ гдѣ смертельная рана»—и указалъ рукой на французовъ, отрядъ которыхъ близво подходилъ въ это время къ тому мѣсту, гдѣ

онъ стоялъ. Наполеонъ искусно воспользовался слабыми сторонами плана битвы, начертаннаго Вейротеромъ, именно растянутостію союзныхъ войскъ и слабостію ихъ центра. Въ самомъ началѣ битвы онъ перерѣзалъ на двое армію союзниковъ, прорвавъ ея центръ. Битва была проиграна союзниками.

Пораженіе подъ Аустерлицемъ произвело подавляющее дѣйствіе на императора Франца. Оно уничтожило въ немъ всякую охоту продолжать войну. Не медля ни мало онъ вступилъ съ побѣдителемъ въ переговоры. На другой же день послѣ битвы императоръ Францъ отправился на свиданіе съ Наполеономъ въ его лагерь. «Вѣрьте мнѣ, говорилъ ему Наполеонъ, не смѣшивайте вашихъ дѣлъ съ дѣлами Императора Александра. Лишь одна Россія можетъ нынѣ вести войну изъ прихоти (*une guerre de fantaisie*). Русская армія, будучи побѣждена, возвратится въ свои пустыни, а вы должны будете вознаградить военныя издержки уступкою своихъ областей». Миръ былъ заключенъ. Наполеонъ прежде всего потребовалъ отъ Австріи расторгненія союза съ Россіей. Императоръ Францъ согласился на это; тѣмъ не менѣе Австрія заплатилась (по пресбургскому миру 14 дек. 1805 г.) многими своими областями (между прочимъ Венеціей, Тиролемъ) въ пользу Франціи, такъ какъ, по выраженію Талейрана, «у Наполеона приходилъ аппетитъ во время ѣды».

Императоръ Александръ, конечно, не менѣе, чѣмъ его союзникъ австрійскій императоръ, былъ огорченъ пораженіемъ своей арміи, но теперь всего менѣе онъ расположенъ былъ примириться съ побѣдителемъ. Когда императоръ Францъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи заключить съ Наполеономъ миръ, онъ отвѣчалъ ему: «дѣлайте, какъ хотите, только не вмѣшивайте меня ни подъ какимъ видомъ».

Русская армія, несмотря на свое пораженіе подъ Аустерлицемъ, не потеряла мужества, не пришла въ разстройство и снова готова была вступить въ бой. Но такъ какъ Австрія заключила съ Франціей миръ, то наши войска должны были оставить австрійскія владѣнія и возвратились въ отечество.

Въ Россіи не могли понять, какъ и отъ чего наше войско не только не одержало побѣды надъ французами, но даже потерпѣло отъ нихъ пораженіе, и приписывали это измѣнѣ австрійцевъ. Князь Долгоруковъ, состоявшій въ штабѣ Государя, говорилъ открыто объ австрійской измѣнѣ. Такое тяжкое обвиненіе ни на чемъ однако не было основано. Вся вина за пораженіе, если только можно въ немъ кого бы то ни было обвинять, падала на распорядителей битвы; бѣда произошла главнымъ образомъ отъ того, что этихъ распорядителей было много. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ русскихъ генераловъ подверглись суро-

вымъ наказаніямъ за дѣло подъ Аустерлицемъ. Само собою разумѣется, что непріязненное чувство русскихъ къ Наполеону съ того времени усилилось. Въ Москвѣ, какъ всегда, особенно горячо принимали къ сердцу неуспѣхъ войны. Къ Наполеону относились тамъ весьма презрительно, называя его *Наполеошкой*, *Корсикашкой* и т. п.

Еще до аустерлицкой битвы Императоръ Александръ старался склонить къ союзу Пруссію. Тамъ военная партія сильно желала войны. Король страшился ея. Однако Пруссія дѣлала всѣ приготовления къ войнѣ, но выжидала, на каую сторону склонится перевѣсъ въ борьбѣ союзниковъ противъ Франціи. Аустерлицкая битва быстро охладила воинственность Пруссіи. Она спѣшила возобновить союзъ свой съ Франціей. Наполеонъ сдѣлалъ сначала строгое внушеніе прусскому правительству за его двоедушіе; но потомъ умиловивился и заключилъ съ Пруссіей союзъ.

Европейская коалиція распалась. Въ Англии скончался Питтъ, желавшій продолженія войны съ Франціей; во главѣ управленія сталъ Фоксъ, который былъ расположенъ къ миру. Англійское правительство вступило въ переговоры съ Франціей.

Императоръ Александръ, съ своей стороны, также тогда сдѣлалъ попытку къ мирнымъ переговорамъ съ французскимъ правительствомъ. Статскій совѣтникъ Убри отправленъ былъ съ порученіемъ къ русскому послу въ Вѣнѣ графу Разумовскому, а оттуда ему велѣно было проѣхать въ Парижъ и войти въ сношеніе съ французскимъ министерствомъ насчетъ находившихся въ плѣну русскихъ. На случай же возможности войти въ соглашеніе съ французскимъ правительствомъ, Убри былъ снабженъ полномочіемъ, которое ему предоставлялось предъявить не прежде, какъ когда французское правительство изъяснитъ готовность принять опредѣленныя условія мира. Когда Убри, по прибытіи въ Парижъ, сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ возложенное на него порученіе относительно плѣнныхъ, Талейранъ отвѣчалъ ему, что съ нимъ не вступать ни въ какіе переговоры, не относящіеся къ заключенію мира. Убри не зналъ, какъ ему поступить. Ему предстояло или возвратиться изъ Парижа ни съ чѣмъ, или превысить свое полномочіе. Онъ имѣлъ неосмотрительность рѣшиться на послѣднее. Начались переговоры. Убри не обладалъ ни характеромъ, ни искусствомъ Маркова. Это знали министры Наполеона и умѣли тѣмъ въ совершенствѣ воспользоваться, — даже выше всякой мѣры. Они, такъ сказать, атаковали нашего уполномоченнаго и не давали ему ни срока ни отдыха. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мучили его продолжительными совѣщаніями, приглашая его на нихъ внезапно, иногда въ два часа

утра, и заставляли его выдерживать пренія по 14 часовъ сряду, то съ Талейраномъ, то съ генераломъ Кларке, смѣнявшими другъ друга. Когда Убри, послѣ долгихъ преній, получалъ согласіе своихъ противниковъ на какое нибудь условіе, они въ дальнѣйшихъ преніяхъ отказывались потомъ отъ своихъ словъ. Наконецъ, измученный всѣмъ этимъ, нашъ уполномоченный заключилъ мирный договоръ, въ которомъ были условія, противорѣчившія даннымъ ему инструкціямъ. Когда данъ былъ ему для подписи этотъ договоръ, онъ брался за перо нѣсколько разъ и снова оставлялъ его. «Подпишите, подпишите, настаивали французскіе министры; отъ воли вашего Государя зависитъ утвердить или нѣтъ заключенныя вами условія.» Убри подписалъ, но за тѣмъ былъ въ горѣ. Онъ извѣстилъ русское посольство въ Лондонѣ о всѣхъ обстоятельствахъ своихъ переговоровъ и прибавлялъ, что «несетъ въ Петербургъ свою повинную голову». Въ Петербургъ онъ привезъ съ собою письмо Лагарпа къ Императору Александру, въ которомъ тотъ увѣрялъ Государя, что Убри дѣйствовалъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ и сдѣлалъ все, что только отъ него зависѣло.

Между тѣмъ русскій военный флотъ подъ начальствомъ вицеадмирала Сенявина продолжалъ военныя дѣйствія противъ французовъ въ южныхъ моряхъ. Съ помощью черногорцевъ Сенявинъ занялъ въ адриатическомъ морѣ укрѣпленную гавань Бокка-ди-Каттаро. Наполеонъ, на основаніи заключеннаго съ Австріей мира, потребовалъ отъ вѣнскаго двора закрыть русскимъ доступъ въ австрійскія гавани и задерживать наши купеческія суда, находившіяся тогда въ Триестѣ. Узнавъ объ этомъ, Сенявинъ подошелъ къ Триесту съ небольшою эскадрой и сталъ подъ самыми батареями крѣпости. Триестскій комендантъ Цахъ потребовалъ, чтобы наши суда отошли на пушечный выстрѣлъ. «Стрѣляйте, отвѣчалъ на это Сенявинъ, я увижу, гдѣ лягутъ ваши ядра и гдѣ мнѣ должно стать». Австрійцы грозили ему двадцати-тысячнымъ французскимъ корпусомъ, стоявшимъ близъ Триеста. Сенявинъ приказалъ сказать на это Цаху, что откроетъ канонаду по городу черезъ часть, если не получитъ задержанныхъ русскихъ судовъ. Австрійскій комендантъ вынужденъ былъ исполнить его требованіе.

Сенявинъ за тѣмъ, вступивъ въ соглашеніе съ черногорскимъ владыкою, митрополитомъ Петромъ Негушемъ, открылъ дѣйствія противъ французскихъ войскъ, занимавшихъ, подъ начальствомъ генерала Лористона, крѣпкую позицію близъ Рагузы. Наши союзники черногорцы были отличные воины, но имѣли странный нравъ: рѣзали головы всѣмъ плѣннымъ французамъ, которые попадались въ ихъ руки. Сенявинъ обѣщалъ выдавать имъ по червонцу за каждого плѣннаго, кото-

того ему доставят живымъ; черногорцы однако предпочитали рѣзать пѣвнымъ головы. Сенявинъ осадилъ новую Рагузу. Въ это время, вслѣдствіе подписанія русскимъ уполномоченнымъ предварительныхъ условій мира съ Франціей, Сенявинъ неожиданно получилъ высочайшее повелѣніе сдать австрійцамъ Бокку Котторскую (Каттаро), которую австрійское правительство обязалось уступить французамъ. Узнавъ объ этомъ, жители Бокки послали депутацію къ нашему адмиралу объявить ему, что они всѣ согласились между собою опустошить свою страну, покинуть ее и слѣдовать всюду за его эскадрой, лишь бы не сдѣлаться рабами Бонапарта. Многія семейства удалились въ Корфу; другія, приготовивъ къ сожженію свои дома, перебирались на суда; вездѣ раздавался плачь дѣтей и женщинъ. Сенявину предстояло или повергнуть въ отчаяніе преданное Россіи населеніе, исполнить волю Государя, или же—нарушить Высочайшее повелѣніе. «Пошлемъ къ Государю выборныхъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ, сказалъ онъ котторскимъ депутатамъ, будемъ надѣяться на его милосердіе, а въ ожиданіи отвѣта я не оставлю васъ». Онъ привелъ въ оборонительное положеніе котторскую крѣпость. Всѣ жители города вооружились. Вездѣ раздавались клики: «да здравствуетъ Сенявинъ!» Жители толпились вокругъ него, кланялись ему до земли и дѣловали слѣды его ногъ. Получивъ отъ самого Убри депешу о заключеніи съ Франціей мира и предписаніе сдать французамъ Каттаро, Сенявинъ все таки не сдавалъ крѣпости подъ тѣмъ предлогомъ, что въ трактатѣ не было объ этомъ сказано. Министръ морскихъ силъ въ Россіи черезъ нашего посла въ Вѣнѣ подтверждалъ ему Высочайшее повелѣніе о сдачѣ Каттаро австрійцамъ. Сенявинъ отвѣчалъ, что онъ послалъ по сему предмету донесеніе Государю и будетъ ждать до новаго приказанія.

Когда Убри привезъ съ собою въ Петербургъ подписанный имъ трактатъ, императоръ Александръ повелѣлъ внести это дѣло на разсмотрѣніе въ Совѣтъ. Совѣтъ единогласнымъ мнѣніемъ всѣхъ своихъ членовъ призналъ трактатъ несомнѣстнымъ съ достоинствомъ Россіи. Государь отказался его ратифицировать. Всѣ ухищренія наполеоновскихъ дипломатовъ ни къ чему не послужили. Наполеонъ излилъ свой гнѣвъ на петербургскій кабинетъ черезъ французскую печать. Оффиціальныя и неоффиціальныя французскія газеты наперерывъ осыпали упреками въ вѣроломствѣ наше правительство. Въ отвѣтъ на это императоръ Александръ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе содержаніе подписаннаго Убри трактата и указалъ причины, по которымъ считаемъ для себя невозможнымъ его ратифицировать. Вслѣдъ за тѣмъ Сенявинъ получалъ приказаніе продолжать военныя дѣйствія противъ французовъ и, если

Каттаро уже сдано имъ, то занять его снова. Сенявинъ съ успѣхомъ началъ дѣйствовать противъ французскихъ войскъ въ Далмаціи, но вслѣдствіе разрыва Россіи съ Турціей получилъ приказаніе отправиться со своей эскадрой въ Архипелагъ. Начальство въ Каттаро онъ сдалъ капитану 1-го ранга Баратынскому.

Наполеонъ скоро довелъ своего союзника короля прусскаго до послѣдняго предѣла терпѣнія. Онъ обращался съ Пруссіей, какъ съ подчиненной ему державой, столько же насильственно, сколько и презрительно. Вступивъ въ переговоры съ Россією и Англією, онъ хотѣлъ изолировать Пруссію, чтобы вполнѣ имѣть ее въ своихъ рукахъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ чувствовалъ на себѣ все давленіе желѣзной руки императора французовъ и не зналъ, какъ вырваться изъ-подъ этого давленія. Единственно, кто могъ подать ему руку помощи, былъ русскій царь. Онъ поддерживалъ, тайно отъ Наполеона, постоянныя дружескія сношенія съ императоромъ Александромъ, который, съ своей стороны, неизмѣнно выражалъ ему свою всегдашнюю готовность дѣйствовать въ союзѣ съ нимъ противъ общаго врага. Король понималъ ясно неизбѣжность разрыва съ Франціей, но выжидалъ до послѣдней возможности. Онъ хотѣлъ, чтобы къ союзу присоединилась и Австрія. Но Австрія теперь этого не хотѣла. Оставался одинъ императоръ Александръ, который хотя также старался склонить къ войнѣ Австрію, но готовъ былъ вступить въ борьбу съ Наполеономъ и безъ нея, въ союзѣ съ одной Пруссіей. Пруссія имѣла довольно большую, но плохую армію. Прусскіе генералы все были очень старые люди и все очень бездарные. Таково было мнѣніе о нихъ ихъ собственнаго генералиссимуса, герцога брауншвейгскаго, которое онъ и высказывалъ не стѣсняясь. Но сами прусскіе военные люди были о себѣ чрезвычайно высококаго понятія. Они говорили: «французы еще не имѣли дѣла съ пруссаками; пусть лишь объявятъ походъ, побѣда будетъ наша, развѣ только—слишкомъ легкая, чтобы ею гордиться». На одномъ изъ потсдамскихъ парадовъ прусскій генералъ Рюхель сказалъ: «такихъ генераловъ, какъ господинъ Бонапарте, въ арміи Его Величества нашего короля много». Это была устарѣлая армія, съ устарѣлыми формами и дисциплиной, данными ей Фридрихомъ Великимъ, но лишенная того духа, какимъ оживлялъ ее его геній. Вооруженіе было дурное, рассчитанное только для парадовъ. Ружья полировали и тѣрили съ такимъ усердіемъ, что изъ нихъ опасно было стрѣлять боевыми снарядами. Зная все это, король боялся войны. Тѣмъ не менѣе, ободряемый союзомъ съ императоромъ Александромъ, его дружбою и твердостію, поощряемый его настояніями, позволилъ себѣ смѣлый шагъ относительно

Наполеона. 25 сентября (н. ст.) 1806 г. онъ отправилъ ультиматумъ французскому правительству, вмѣстѣ съ длиннымъ письмомъ (на двадцати страницахъ) къ Наполеону, въ которомъ объяснялъ причины, побудившія его къ такому шагу. Отвѣтомъ Наполеона на прусскій ультиматумъ были призывъ къ войнѣ своей арміи и оскорбительныя выходы въ бюллетенѣ насчетъ короля и королевы. 9 октября (н. ст.) Пруссія объявила войну Франціи.

Съ тою же быстротою и легкостію, съ какою Наполеонъ нанесъ поражение Австріи, онъ сокрушилъ и Пруссію при самомъ началѣ войны 1806—1807 годовъ. Въ двухъ битвахъ, при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, происшедшихъ въ одинъ и тотъ же день (2 октября), была уничтожена прусская армія. Послѣ того всѣми въ Пруссіи овладѣла паника. Цѣлыя дивизіи слагали передъ французскими войсками оружіе безъ выстрѣла. Сильныя крѣпости сдавались гусарскимъ отрядамъ. Въ нѣсколько дней прусскій король потерялъ армію, столицу, государство. Наполеонъ вступилъ въ Берлинъ. «Душевно желаю, писалъ ему несчастный Фридрихъ Вильгельмъ, чтобы вы были приняты въ моемъ дворцѣ какъ можно лучше, къ чему я принялъ всѣ зависѣвшія отъ меня мѣры. Позвольте мнѣ, съ своей стороны, поручить великодушію вашего Императорскаго Величества мою столицу и Бранденбургію. Скучно одаренная природою эта область есть какъ-бы созданіе моего безсмертнаго дѣда. Благоволите, Государь, считать ее памятникомъ, имъ воздвигнутымъ самому себѣ: сходство между вами и симъ великимъ мужемъ, конечно, побудитъ васъ пощадить его твореніе» и проч. Не смотря на такое великое униженіе и лесть короля, Наполеонъ предъявилъ Пруссіи столь тяжолыя требованія, что Фридрихъ Вильгельмъ, при всемъ своемъ малодушіи, отказался ихъ выполнить. Онъ поручилъ свою судьбу и спасеніе своей монархіи великодушному заступничеству русскаго царя.

Получивъ извѣстіе о несчастіяхъ, постигшихъ Пруссію, Императоръ Александръ писалъ королю: «волнуемый сомнѣніемъ и душевнымъ безпокойствомъ, долгомъ считаю повторить Вашему Величеству самое торжественное обѣщаніе въ томъ, что, каковы бы ни были послѣдствія Вашихъ великодушныхъ усилій, я никогда не откажусь отъ извѣстныхъ Вамъ своихъ намѣреній. Будучи вдвойнѣ связанъ съ Вашимъ Величествомъ, въ качествѣ союзника и узами нѣжнѣйшей дружбы, не нахожу никакой жертвы, никакихъ усилій, которыхъ бы я не сдѣлалъ, чтобы доказать Вамъ вполнѣ мою преданность драгоцѣннымъ обязанностямъ, на мнѣ лежащимъ.... Соединимся тѣснѣе, нежели когда либо; будемъ вѣрны чести и славѣ, и предоставимъ прочее промыслу, который, рано или поздно, положитъ конецъ успѣхамъ хищенія и тиранства, даруя торжество святому дѣлу».

Между тѣмъ прусскія вѣрности продолжали сдаваться французамъ. Германскіе государи наперерывъ спѣшили изъявить свою покорность и преданность Наполеону. Саксонскій курфюрстъ присоединилъ свои войска къ его арміи. Баварскій курфюрстъ, получившій отъ Наполеона (по пресбургскому миру) королевскій титулъ, вступилъ съ нимъ въ родственннй союзъ, выдавъ дочь свою Августу за его пасынка Евгенія Богарне. Незадолго предъ тѣмъ предположенъ былъ бракъ великой княжны Екатерины Павловны съ наслѣднымъ баварскимъ принцемъ. Но когда Императоръ Александръ узналъ о бракосочетаніи баварской принцессы съ однимъ изъ членовъ семейства Бонапартовъ, то отказалъ въ рукѣ сестры своей наслѣдному баварскому принцу.

Получивъ извѣстіе о томъ, что Прусскій король не принимаетъ условій, предложенныхъ ему побѣдителемъ, и не оставляетъ союза съ Императоромъ Александромъ, Наполеонъ сказалъ: «на отвѣтственность короля лягутъ всѣ послѣдствія продолженія войны; если французскія войска одержатъ надъ русскими побѣду, то прусское королевство перестанетъ существовать». Такъ какъ прусской арміи уже не существовало и вся Пруссія находилась въ рукахъ французовъ, то продолжать войну съ Наполеономъ приходилось Россіи однѣми своими силами. Императоръ Александръ тщетно старался склонить къ войнѣ Австрію и Англію. Наполеонъ же успѣлъ въ это время возстановить противъ насъ Польшу и Турцію. Положеніе Россіи становилось весьма труднымъ. Императоръ Александръ опасался вторженія французовъ въ предѣлы нашего отечества. Тогда родилась въ немъ мысль о народномъ ополченіи, которая принадлежитъ ему первому въ новѣйшее время. Манифестомъ 30 ноября 1806 года онъ повелѣлъ составить *временное ополченіе* или *милицію* въ 612,000 ратниковъ, взятыхъ съ 31 губерніи; прочія губерніи обязаны были вносить деньги, хлѣбъ, оружіе и аммуницію. Однакожь вторженія французовъ въ предѣлы Россіи въ этотъ разъ не послѣдовало и народное ополченіе не принимало участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Участъ войны рѣшена была на западной нашей границѣ, между Вислою, Нѣманомъ и Бугомъ. Главнокомандующимъ русскими войсками назначенъ былъ престарѣлый фельдмаршалъ графъ Каменскій, о которомъ въ свое время съ похвалою отзывался Суворовъ, говоря, что *онъ знаетъ тактику*. Теперь ему было 69 лѣтъ, онъ плохо видѣлъ, съ трудомъ могъ ѣздить на конѣ, словомъ былъ совершенно неспособенъ командовать войскомъ, какъ и писалъ объ этомъ самъ Государю: «я лишился почти послѣдняго зрѣнія, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи изъ Вильно; ни одного города на картѣ самъ отыскать не могу...; боль въ глазахъ и головѣ; не способенъ я долго верхомъ ѣздить; пожалуйте

мнѣ, если можно, наставника, друга вѣрнаго, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при немъ въ арміи; истинно чувствую себя неспособнымъ къ командованію столь обширнымъ войскомъ». По прибытіи къ арміи онъ снова писалъ Государю о своей неспособности управлять военными дѣйствіями и просилъ замѣнить его другимъ. Однако его просьба осталась безъ послѣдствій. Начались военные дѣйствія. Понятно, какъ должно было итти дѣло при такомъ главнокомандующемъ. «Трудно повѣрить, писалъ о немъ Беннигсенъ, сколько онъ сдѣлалъ вреда и какъ онъ все разстроилъ». Наконецъ онъ самъ сложилъ съ себя командованіе и удалился изъ арміи. Начальство надъ нею онъ сдалъ старшему по себѣ генералу графу Буксгевдену, которому подчинилъ Беннигсена. Но Беннигсенъ не хотѣлъ ему повиноваться, такъ какъ былъ такимъ же корпуснымъ командиромъ, какъ и Буксгевденъ. На помощь фельдмаршалу былъ присланъ изъ Петербурга генералъ Кноррингъ, который, въ свою очередь, не хотѣлъ никому подчиняться и домогался самъ начальствованія надъ войсками. Такимъ образомъ въ русской арміи было полное безначаліе. Положеніе ея было весьма критическое. Согласно распоряженіямъ фельдмаршала, русскія войска сосредоточились у Пултуска, гдѣ графъ Каменскій намѣревался было дать сраженіе французамъ. Но при своемъ отъѣздѣ изъ арміи онъ далъ приказаніе Буксгевдену отступать и бросать на дорогѣ батарею артиллерію, если она будетъ затруднять движеніе войскъ. Беннигсенъ, несмотря на приказаніе главнокомандующаго, рѣшился дать французамъ битву при Пултускѣ. Онъ бралъ на себя громадную отвѣтственность и могъ весьма дорого заплатить въ случаѣ неудачи. Беннигсенъ былъ нелюбимъ при дворѣ. Рѣшаясь на битву, онъ вдвойнѣ нарушалъ повиновеніе, дѣйствуя вопреки приказанію главнокомандующаго, а также и предписанію Буксгевдена. Русская армія находилась въ разстройствѣ: она была изнурена переходами по дурнымъ дорогамъ, въ ненастную осень, при скудномъ продовольствіи. Мѣстность у Пултуска въ осеннее время отъ дождей становится топкою и затрудняетъ движеніе всѣхъ родовъ войскъ, но особенно артиллеріи. Несмотря на все это, Беннигсенъ сталъ твердою ногою при Пултускѣ и ждалъ непріятели. 15 декабря произошла битва. Упорный, отчаянный бой продолжался съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера, при сильной вьюгѣ, подъ густымъ снѣгомъ. Непритель отраженъ былъ на всѣхъ пунктахъ. Особенно искусно дѣйствовала русская артиллерія. Въ битвѣ, между прочимъ, участвовали, какъ начальники отдѣльныхъ отрядовъ, генералы Багговутъ и Барклай-де-Толли. Французы потеряли отъ 7 до 10 тысячъ человѣкъ. Маршалъ Ланнъ, начальствовавшій французскими войсками,

былъ раненъ. Смѣлость Беннигсена награждена была полнымъ успѣхомъ. Государь пожаловалъ ему орденъ св. Георгія 2-й ст. и 5000 червонцевъ.

Еще болѣе блистательное дѣло въ тотъ же самый день происходило при Голыминѣ. Здѣсь командовалъ русскими войсками князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ. Противъ него посланы были Наполеономъ корпуса Ожеро, Даву и Сульта, съ кавалеріей подъ начальствомъ Мюрата. Въ концѣ битвы прибылъ на мѣсто сраженія самъ Наполеонъ. Всѣ атаки лучшихъ его генераловъ были отражены съ совершеннымъ успѣхомъ княземъ Голицынымъ, имѣвшимъ предъ собою вчетверо сильнѣйшаго непріятеля. Голицынъ за это дѣло былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ 3-й степени.

Послѣ битвы при Пултускѣ Беннигсенъ назначенъ былъ главнокомандующимъ русской арміей на мѣсто графа Каменскаго. Желая оправдать лестное довѣріе Государя, Беннигсенъ рѣшился перейти въ наступленіе. Замѣтивъ, что корпусъ Бернадотта потерялъ связь съ главною арміею, онъ двинулся на него, съ цѣлю истребить его. Наполеонъ уже отвелъ свои войска на зимнія квартиры и самъ отправился въ Варшаву. Узнавъ о движеніи Беннигсена противъ Бернадотта, онъ со всѣми своими силами устремился въ тылъ русской арміи, угрожая отрѣзать ее отъ предѣловъ Россіи. Тогда Беннигсенъ оставилъ въ покоѣ Бернадотта и отступилъ къ Прейсишъ-Эйлау. Здѣсь настигъ его Наполеонъ и заставилъ дать битву. Она происходила 27 января 1807 года. Въ ней дѣйствовало 58,000 русскихъ войскъ, при 950 орудіяхъ. Бой кипѣлъ двое сутокъ почти непрерывно. Обѣ арміи сражались съ величайшимъ упорствомъ, считая эту битву за рѣшающую исходъ войны. Корпусъ Ожеро весь почти былъ истребленъ огнемъ русскихъ батарей. Русскіе брали перевѣсъ, Наполеонъ уже думалъ отступать. Но прибытіе корпуса Нея усилило армію французовъ свѣжими силами. У насъ введены были въ дѣло всѣ войска до послѣдняго баталіона. Беннигсенъ, получивъ рапорты корпусныхъ командировъ, увидѣлъ, что уже около половины русскихъ солдатъ вышло изъ строя: наличное число войскъ не превышало 30,000 человекъ. Тогда онъ призналъ за лучшее отступить. Впослѣдствіи Наполеонъ говорилъ Чернышеву: «я назвалъ себя побѣдителемъ при Эйлау, потому только, что вамъ угодно было отступить». Трудно, конечно, сказать, насколько слова его были искренни. Во всякомъ случаѣ бой остался нерѣшеннымъ и обѣ арміи разошлись въ разныя стороны: русская—на сѣверъ, къ Кенигсбергу, французская—на югъ. Военныя дѣйствія прекратились на четыре мѣсяца.

Пользуясь приостановкой военных дѣйствій, русская армія, расположенная на кантониръ - квартирахъ подъ Кѣнигсбергомъ, успѣла нѣсколько возстановить свои силы. Прусскія власти и частныя лица старались, сколько могли, помочь ея нуждамъ, снабжая наши войска продовольствіемъ, обувью, мастеровыми, врачами. Знатнѣйшіе изъ кѣнигсбергскихъ жителей составили общество для вспоможенія русскимъ раненымъ. Прусская королева прислала Беннигсену, для раздачи раненымъ, двѣсти фридрихсдорвѣ, изъявляя сожалѣніе, что «несчастныя обстоятельства не позволяютъ ей сдѣлать для храбрыхъ русскихъ воиновъ все, чего желаетъ ея сердце».

Французскія войска не менѣе нашихъ нуждались въ отдыхѣ. Наполеонъ писалъ въ это время брату своему Іосифу: «чиновники моего штаба, полковники, офицеры не раздѣвались въ продолженіи двухъ, нѣне—четырехъ мѣсяцевъ; я самъ не свидаль сапогъ цѣлыя двѣ недѣли.... Мы ведемъ войну во всемъ ея ужасѣ. Среди этихъ необычайныхъ трудовъ всѣ болѣе или менѣе больны» и проч. Онъ обратился было къ Беннигсену съ предложеніемъ перемирія, но тотъ отвѣчалъ, что «императоръ Александръ поручилъ ему сражаться, а не вести переговоры».

Наполеонъ озаботился усилить свою армію свѣжими подкрѣпленіями. Русская армія также весьма нуждалась въ подкрѣпленіяхъ. Выдержавъ цѣлый рядъ битвъ съ непріателемъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ перевѣсъ силы и искусства, сражаясь во всѣхъ этихъ битвахъ съ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ, вынося всякія лишения въ походахъ, она понесла большой уронъ въ своемъ составѣ. На пополненіе и подкрѣпленіе ея посланы были изъ Россіи резервы и гвардія, но и послѣ этого французская армія имѣла надъ нашею большой численный перевѣсъ. Какъ мы выше упоминали, императоръ Александръ, при самомъ же началѣ этой войны, въ виду полного пораженія прусскихъ войскъ, обратился къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для увеличенія нашихъ военныхъ силъ, именно—къ призыву народнаго ополченія. 18 баталіоновъ стрѣлковъ, сформированныхъ такимъ образомъ въ 18 губерніяхъ, отправлено было тогда въ армію. Но бѣольшая часть народнаго ополченія не могла быть двинута на театръ военныхъ дѣйствій по неудовлетворительности своего вооруженія. Только пятую часть милиціи считалось возможнымъ снабдить ружьями, остальныхъ предполагалось вооружить пиками. Очевидно, такого рода войско не могло быть употреблено для дѣйствій противъ регулярной непріятельской арміи. Не для того оно и назначалось. Ополченіе созвано было на случай вторженія французовъ въ предѣлы Россіи. Здѣсь, въ родной землѣ, оно съ успѣхомъ могло-бы вести

партизанскую войну, или служить, до нѣкоторой степени, для оборонительныхъ дѣйствій. Но въ чужой странѣ, при правильной войнѣ, оно лишь могло увеличить собою затрудненія нашей регулярной арміи. Уже одно продовольствіе ополченія представило бы собою неодолимую трудность, такъ какъ и безъ того продовольствіе нашей арміи оказывалось самымъ труднымъ дѣломъ въ эту войну. Словомъ о содѣйствіи народного ополченія нашей дѣйствующей арміи не могло быть и рѣчи въ этотъ разъ. Не должно забывать, что въ это же время Россія была въ войнѣ съ Турціей и Персіей: Порту успѣлъ возстановить противъ насъ Наполеонъ вскорѣ послѣ аустерлицкой битвы, а съ Персіей война велась уже съ 1804 года. Такимъ образомъ силы Россіи были развлечены. Мы одновременно вели три отдѣльныхъ войны. Особенно тяжело было тогда положеніе Россіи и нашего правительства—вслѣдствіе истощенія нашихъ финансовыхъ средствъ.

Вступая вторично въ борьбу съ Наполеономъ, Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что найдетъ себѣ сочувствіе и поддержку въ европейскихъ державахъ. Онъ имѣлъ всѣ основанія такъ думать. Англія, при открытіи войны, давала торжественныя обѣщанія союзникамъ оказать имъ свое содѣйствіе и деньгами и войскомъ: англичане хотѣли сдѣлать высадку въ Голландію или на берега Франціи. Сдѣлай это теперь Англія, Наполеонъ былъ-бы поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Еще больше могла повредить ему Австрія. Ей весьма легко было въ то время выставить отъ 100 до 150 тысячъ войска и двинуть его въ тылъ французской арміи. Императоръ Александръ старался всѣми мѣрами склонить къ этому Австрію. Наполеонъ сильно тогда опасался подобнаго движенія съ ея стороны: ему пришлось-бы тогда думать о своемъ спасеніи; поставленный между двухъ союзныхъ войскъ, онъ могъ попасть въ плѣнъ со всею своею арміей. Вмѣсто всего этого Австрія прислала къ нему въ Варшаву своего уполномоченнаго, барона Винцента, съ предложеніемъ дипломатическаго посредничества. Наполеонъ, конечно, былъ несказанно этимъ обрадованъ. Онъ весьма ласково принялъ австрійскаго посла, ткнулъ съ нимъ переговоры и дѣятельно готовился къ продолженію войны, совершенно покойный на счетъ Австріи.

Еще болѣе заслуживаетъ удивленія тогдашнее поведеніе Англіи. Ни одного изъ своихъ обѣщаній она не исполнила. Мало того, англійское правительство, безъ малѣйшаго основанія и повода, нашло возможнымъ выразить недовѣріе свое къ Россіи. Нуждаясь въ средствахъ для веденія войны, Императоръ Александръ просилъ лондонскій кабинетъ о томъ, чтобы онъ оказалъ свое содѣйствіе въ займѣ 6 милліо-

новъ фунтовъ стерлинговъ у англійскихъ банкировъ. Лондонскій кабинетъ отказалъ даже въ такой ничтожной услугѣ и свой отказъ сопровождалъ замѣчательнымъ объясненіемъ. «На займы государственныя, разсуждалъ онъ, не должно смотрѣть, какъ на займы частныхъ лицъ; въ случаѣ измѣненія дружественныхъ отношеній между правительствами, а тѣмъ паче—при разрывѣ между ними, *желаніе нанести вредъ неприятелю можетъ взять верхъ надъ совѣстнымъ исполненіемъ обязательствъ*». Между тѣмъ въ томъ же своемъ отвѣтѣ русскому правительству лондонскій кабинетъ признаетъ, что Россія всегда соблюдала вѣрность своимъ обязательствамъ; но, какъ видно, англійское правительство все таки считало болѣе вѣрнымъ судить о другихъ по себѣ. Получивъ отъ лондонскихъ мудрецовъ такое любопытное заявленіе, Императоръ Александръ, конечно, не захотѣлъ болѣе обращаться къ нимъ за содѣйствіемъ.

Представляется, на первый взглядъ, непонятнымъ это равнодушіе европейскихъ правительствъ къ дѣлу, которое они всѣ сами признавали своимъ общимъ дѣломъ, дѣломъ общеевропейскимъ. Въ частности Англія и Австрія должны были каждая видѣть свой непосредственный интересъ въ уничтоженіи или ограниченіи владычества Наполеона въ Европѣ. Англія вела съ Наполеономъ непрерывную войну и знала, что онъ изыскиваетъ всѣ мѣры и употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы подорвать ея морское могущество. Австрію онъ вытѣснилъ изъ Италіи, лишилъ вліянія и многихъ владѣній въ Германіи, могъ лишить еще многого, попать ее совершенно. Русскій государь добровольно и безкорыстно предпринялъ положить конецъ такому положенію вещей и европейскія правительства видѣли, что онъ въ состояніи это сдѣлать, если они съ своей стороны окажутъ ему необходимую поддержку. Но этого они и не хотѣли дѣлать: какаѣ же была тому причина? Причиною былъ страхъ передъ самой Россіей. Европейскія правительства видѣли, что Россія даже и одна, безъ ихъ помощи, при самыхъ неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, способна выдерживать борьбу съ наполеоновскою Франціей, столь могущественной и столь для всѣхъ ихъ страшной. Что же будетъ, когда Россія одолѣетъ Францію? Она можетъ сама тогда занять въ Европѣ мѣсто той силы, которую низложила. Ея преобладаніе или диктатура въ Европѣ будетъ тяжелѣе французской, потому что будетъ прочнѣе, постояннѣе, а особенно—потому, что Россія и русскій народъ чужды западной Европѣ, имѣютъ свой особенный характеръ, свой особенный духовный складъ и бытовое строеніе, отличные отъ тѣхъ, какіе свойственны западно-европейцамъ. Это—сила, для нихъ чуждая, а потому и особенно страшная. Таковъ взглядъ на насъ

въ западной Европѣ и онъ всегда болѣе или менѣе руководить отношеніями къ намъ западно-европейскихъ государствъ... Но сверхъ того не забудемъ, что Англія и Австрія имѣли тогда, какъ и теперь, *свои интересы на востокъ*, а тамъ-то именно, на востокѣ, и есть главный страхъ, величайшій страхъ, идущій все отъ той же Россіи.

Спрашивается, въ такомъ случаѣ, для чего же и для кого Россія и ея Государь дѣлали всѣ эти усилія, приносили всѣ эти жертвы, какихъ стоила борьба съ Наполеономъ? Не лучше ли, не полезнѣе ли бы для насъ было предоставить Европѣ самой вѣдаться съ Наполеономъ, какъ она знаетъ и можетъ? Императоръ Александръ въ продолженіи всей этой тяжелой борьбы постоянно указывалъ тѣ побужденія и цѣли, какими при этомъ онъ руководимъ былъ, высказывалъ ихъ и въ официальныхъ дипломатическихъ документахъ, и въ дружескихъ конфиденціальныхъ письмахъ къ государямъ, и на словахъ—въ разговорахъ съ разными лицами. Цѣль эта была—благо и спокойствіе народовъ Европы, обузданіе произвола и насилія, какими были проникнуты дѣйствія Наполеона, защита и охраненіе правъ государей и народовъ, которыхъ были попираемы имъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозривать искренность такихъ завѣреній императора Александра: они находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ его характеромъ, воспитаніемъ, настроеніемъ его мыслей и съ его дѣлами. Но можно и должно спросить: были-ли такія возвышенныя, безкорыстныя цѣли и побужденія въ соотвѣтствіи съ интересами Россіи?

Всѣмъ намъ, м. г., извѣстны упреки, часто дѣлаемые императору Александру за его идеализмъ, за отвлеченный гуманизмъ во внѣшней политикѣ, подъ влияніемъ котораго прямыя интересы Россіи будто-бы приносились въ жертву идеѣ общаго блага. Общепринятая политическая мудрость гласитъ, что такая гуманная, идеальная политика не пригодна въ дѣйствительности, не практична, вредна для той страны, правительство которой руководится подобной политикой. Всѣми признано, что идеальность взглядовъ и характера и въ частномъ человѣкѣ вредно отзывается на его дѣлахъ, тѣмъ болѣе неумѣстна въ государственныхъ людяхъ; что гуманныя чувства и идеальныя воззрѣнія позволительно имъ высказывать въ дипломатическихъ депешахъ и нотахъ, вообще—на бумагѣ и на словахъ, но—никакъ не прилагать на дѣлѣ.

Въ отвѣтъ на это скажемъ, что борьба, которую императоръ Александръ велъ противъ деспотизма Наполеона, находила себѣ сочувствіе во всей Россіи, принималась горячо къ сердцу всѣмъ русскимъ народомъ, какъ борьба необходимая, законная, священная. Если здѣсь сколько нибудь умѣстенъ упрекъ въ идеализмѣ, то русскій монархъ

раздѣляетъ его со всѣмъ своимъ народомъ. Онъ являлся въ этой борьбѣ выразителемъ мыслей своего народа, исполнителемъ народныхъ желаній. Въ тоже время онъ выполнялъ тѣмъ требованіе здравой, разумной государственной политики. Россія не могла безучастно относиться къ чрезвычайному усилению одной изъ европейскихъ державъ, къ потрясеніямъ, волновавшимъ Европу, не могла спокойно ждать, пока она вся окажется подъ властію деспота, не знавшаго предѣла своему честолюбію и властолюбію. Въ томъ и заключалось великое превосходство русскаго монарха предъ тогдашними европейскими правителями, что онъ обладалъ широкими и возвышенными политическими воззрѣніями. По тому самому онъ былъ дальновиднѣе ихъ всѣхъ и вмѣстѣ—сильнѣе нравственно. Каждое изъ тогдашнихъ европейскихъ правительствъ руководилось своими частными, узкими и своекорыстными побужденіями и цѣлями; оттого ни одно изъ нихъ не въ состояніи было поборотъ наполеоновской Франціи. Русскій государь одинъ былъ *идеалистомъ* между всѣми ими и потому *онъ одинъ* во всей Европѣ способенъ былъ низложить Наполеона. Идеализмъ, истинный идеализмъ, не мечтательность, есть великая сила въ исторіи, предъ которой рано или поздно склоняется всякая другая сила.

Въ чемъ, мм. гг., состоитъ могущество Россіи, о которомъ такъ много говорятъ въ Европѣ? Едва ли даютъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ. Главнымъ образомъ имѣютъ при этомъ въ виду чрезвычайную обширность нашего отечества. Но это, конечно, не составляетъ его силы, скорѣе—слабость, такъ какъ степень его населенности не соотвѣтствуетъ его обширности. Если говорить *о силѣ*, то перевѣсъ ея несомнѣнно на сторонѣ западно-европейскихъ государствъ, не на нашей. Россія уступаетъ имъ, или большей части изъ нихъ, въ степени своего развитія, а оно и составляетъ силу государствъ. Особенно это должно сказать объ нашемъ экономическомъ развитіи. Поэтому всякая война стоитъ намъ великихъ усилій. Войны обходятся намъ дороже, требуютъ отъ насъ большаго напряженія силъ и большихъ жертвъ, чѣмъ какъ отъ стоящихъ на высшей степени развитія западно-европейскихъ народовъ. Въ недавнее время на нашихъ глазахъ одна изъ великихъ европейскихъ державъ была совершенно разгромлена другою и однако она быстро послѣ того совсѣмъ оправилась. На насъ тяжелѣе ложатся послѣдствія войнъ даже и тогда, когда мы одерживаемъ верхъ надъ врагомъ. Намъ долго потомъ приходится залечивать свои раны. Наполеоновская Франція была сильнѣе Россіи. Наполеонъ скорѣе и легче могъ набирать арміи, болѣе многочисленныя, лучше вооруженныя и лучше обученныя, чѣмъ какъ въ состояніи была сдѣлать это Россія.

И однакоже, въ концѣ всего, Россія восторжествовала надъ Франціей и соединенной съ ней Европой. Мы знаемъ, мм. гг., чему, какой силѣ народное русское сознаніе приписываетъ наше торжество: приписываетъ не многочисленности нашихъ войскъ, не ихъ искуству, не гению нашихъ полководцевъ; русской народъ понимаетъ, что во всемъ этомъ мы уступали своему врагу; поэтому онъ приписываетъ свое спасеніе отъ него—заступленію Божію... Все превосходство русскихъ войскъ, сражавшихся съ французами, надъ войсками австрійскими или прусскими заключалось не въ чемъ иномъ, какъ въ ихъ необыкновенной стойкости, т. е. *въ ихъ нравственной силѣ*. Тѣ войска послѣ первой неудачи теряли духъ, слагали оружіе, обращались въ бѣгство при одномъ появленіи французовъ, сдавали имъ крѣпости и столицы—безъ выстрѣла. Русскія войска твердо выносили пораженія, отставали каждый свой шагъ до послѣдней возможности, до смерти. Такъ поступали они даже въ чужой землѣ, отставая чужое. Таковъ же былъ и русскій царь. Онъ стоялъ до конца за дѣло, которое почиталъ правымъ, и твердо выносилъ неудачи. Его соединяли съ войскомъ, равно какъ и съ цѣлымъ его народомъ, одна мысль, одно чувство, одинъ и тотъ же духъ. То была вѣра въ правду, чувство правды, негодованіе при видѣ насилій и неправды, словомъ то былъ—*идеализмъ*. Въ томъ, что русскій государь былъ человѣкомъ идеальныхъ взглядовъ и идеальнаго характера, заключалось тогда наше спасеніе и спасеніе всей Европы.

Нельзя безъ удивленія и глубокаго сочувствія видѣть, съ какою настойчивостію, съ какимъ неустаннымъ рвеніемъ, и вмѣстѣ съ какою сердечною теплотою, искренностію, дружескимъ расположеніемъ старается Императоръ Александръ склонить на сторону своихъ плановъ европейскихъ государей, какъ онъ заботливо входитъ въ ихъ положеніе, какъ заботливо относится къ ихъ судьбѣ—личной и ихъ государствъ. Онъ предостерегаетъ ихъ отъ ошибокъ, а когда они, вопреки его совѣтамъ, впадаютъ въ нихъ, старается ихъ ободрить, указывая возможность поправить дѣло, утѣшаетъ и старается помочь въ бѣдѣ; въ тоже время великодушно переноситъ ихъ недовѣрчивость, нерѣшительность, ихъ двоедушіе и невѣрность своимъ обѣщаніямъ и обязательствамъ. Ничего отъ нихъ не требуетъ для себя. Безъ сомнѣнія весьма прискорбно и больно, что къ его благороднымъ и безкорыстнымъ усиліямъ союзники его относились съ равнодушіемъ, недовѣріемъ или даже съ тайною завистію и недоброжелательствомъ. Оскорбительно для нашего народнаго чувства, что тѣ, за кого русскія войска проливали свою кровь, смотрѣли на нихъ свысока, называли варварами, и въ тоже время требовали отъ нихъ побѣдъ, немедленныхъ побѣдъ, сами будучи

способны лишь «быть битыми»; а когда наши войска терпѣли неудачи, то осыпали ихъ упреками, готовы были выпроводить ихъ изъ своей земли и спѣшили броситься въ объятія побѣдителя. Все это зналъ и видѣлъ императоръ Александръ, все это глубоко огорчало его, и несмотря на все, онъ оставался непоколебимымъ, вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ и правиламъ, старался превозмочь своею твердостью слабость другихъ: Если-бы его союзники проникнуты были тѣмъ же духомъ, какимъ—онъ, если-бы они относились столь же честно и искренно къ дѣлу, какъ онъ, то борьба, которую они вели противъ Наполеона, обошлась-бы всѣмъ имъ гораздо дешевле, успѣхъ былъ-бы достигнутъ скорѣе и легче, Россія принесла бы меньше жертвъ, а ея союзники испытали-бы меньше бѣдствій и униженія, и въ тоже время—менѣе были бы обязаны Россіи. Во всякомъ случаѣ Россія не могла уклониться отъ борьбы, не могла ея избѣжать, или же—должна была склониться предъ Наполеономъ такъ же, какъ склонились другіе.

И такъ, вѣрный самому себѣ, императоръ Александръ продолжалъ войну, несмотря на всю трудность своего положенія: Въ исходѣ мая 1807 года военныя дѣйствія возобновились. Беннигсенъ расположилъ свои войска на выгодной позиціи у Гейльсберга, укрѣпилъ ее и вознамѣрился отперть наступательныя дѣйствія противъ французовъ. Наша армія имѣла тогда 125,000 человекъ (100 т. пѣхоты, 25 т. регулярной кавалеріи и козаковъ), во французской было—свыше 200,000. Наполеонъ атаковалъ (29 мая) наши войска у Гейльсберга. Французы отражены были на всѣхъ пунктахъ. Беннигсенъ послалъ съ донесеніемъ объ этомъ къ государю своего сына. Получивъ депешу за объдомъ у прусскаго короля, императоръ Александръ сказалъ: «послѣдствія покажутъ намъ важность этой битвы и—сумѣемъ ли мы воспользоваться своимъ успѣхомъ». Наполеонъ желалъ выманить Беннигсена изъ его выгодной позиціи. Съ этою цѣлію онъ двинулъ часть своихъ войскъ къ Кѣнигсбергу. Беннигсенъ, действительно, встревожился этимъ, опасаясь потерять Кѣнигсбергъ или сообщеніе съ нимъ, тогда какъ наши войска оттуда получали жизненные припасы. Но движеніе къ Кѣнигсбергу было лишь ловкимъ маневромъ со стороны Наполеона. Беннигсенъ вдался въ обманъ и оставилъ свою позицію у Гейльсберга. Того только и нужно было Наполеону. Теперь онъ старался встрѣтиться съ арміей Беннигсена, чтобы вступить съ нимъ въ битву. 2 іюня битва произошла при Фридландѣ. Французы успѣли прежде русскихъ войскъ занять всѣ лучшія въ стратегическомъ отношеніи мѣста въ окрестностяхъ города. Битва началась съ разсвѣтомъ дня. Наша армія съ успѣхомъ выдерживала бой до вечера, но наконецъ она была подавлена превос-

ходствомъ непріятельскихъ силъ. Битва была проиграна и Беннигсенъ сталъ отступать съ своею арміею за Нѣманъ.

Часть французскихъ войскъ, посланная Наполеономъ къ Кѣнигсбергу, подошла къ городу и открыла по нему канонаду. На защиту Кѣнигсберга Беннигсенъ отправилъ отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала графа Каменскаго. Маршалъ Сультъ, желая склонить къ сдачѣ города генераль-губернатора Кѣнигсберга Рюхеля, пригласилъ его на свиданіе. Рюхель просилъ графа Каменскаго поѣхать вмѣсто него въ передовую цѣпь. Начальникъ штаба сультова корпуса, генераль Бельяръ, выѣхалъ ему навстрѣчу и предложилъ «сдать Кѣнигсбергъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ». — «Вы видите на мнѣ русскій мундиръ и — смѣете требовать сдачи», отвѣчалъ Каменскій, поворотилъ коня и поѣхалъ назадъ. Но на другой день получено было извѣстіе о битвѣ подъ Фридландомъ и приказаніе главнокомандующаго оставить Кѣнигсбергъ. Русскія войска, бывшія тамъ, присоединились къ арміи, а Кѣнигсбергъ заняли французы.

Донося, подъ первымъ впечатлѣніемъ, о фридландской битвѣ государю, Беннигсенъ представилъ ему въ преувеличенномъ видѣ потери и разстройство русской арміи. Онъ находилъ нужнымъ, для ея восстановления, заключить съ непріателемъ перемиріе. Императоръ Александръ поручилъ тайному совѣтнику Попову, находившемуся въ арміи для устройства провіантской и комиссаріатской частей, собрать точныя свѣдѣнія и увѣдомить его, дѣйствительно ли армія такъ разстроена, что не можетъ продолжать дѣйствій. Поповъ, человекъ невоенный, судилъ о дѣлѣхъ подъ вліяніемъ лицъ, которыхъ долженъ былъ считать людьми компетентными. Въ главной квартирѣ нашей господствующее настроеніе было въ пользу мира. Во главѣ лицъ, не желавшихъ продолженія войны, находился цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Получивъ донесеніе Попова, Государь далъ знать Беннигсену, что онъ можетъ вступить въ переговоры о перемиріи *отъ своего имени*. Беннигсенъ приступилъ къ переговорамъ, но чрезъ нѣсколько дней, сдѣлавъ смотръ войскамъ, писалъ Государю: «фридландская неудача не уменьшила храбрости войскъ; если обстоятельства востребуютъ, армія будетъ также сражаться, какъ сражалась она всегда; долгомъ поставляю увѣрить въ томъ Ваше Величество, дабы при возникшихъ переговорахъ не согласились на какія либо излишнія требованія Бонапарта». И такъ пораженіе не сломило духа нашей арміи, величайшія лишенія и страданія, которыя она вынесла и которыя производили такое безотрадное дѣйствіе на людей, завѣдывавшихъ нашими военными дѣлами, не ослабили ея твердости: она готова была снова *сражаться такъ, какъ сражалась всегда*.

Для переговоровъ съ Наполеономъ Государь назначилъ князя Лобанова, Наполеонъ поручилъ вести ихъ маршалу Бертье. Когда Лобановъ явился къ нему въ Тильзитъ, Бертье принялъ его весьма предупредительно и съ видимымъ удовольствіемъ. На заявленіе Лобанова, что императоръ Александръ, при всемъ желаніи мира, не приметъ оскорбительныхъ для его достоинства условій, тѣмъ паче не потерпитъ малѣйшаго измѣненія въ границахъ Россіи, Бертье отвѣчалъ, что о томъ не можетъ быть и рѣчи.

Наполеонъ, сверхъ своего обыкновенія, дѣйствительно обнаружилъ большую умѣренность при переговорахъ. Онъ понималъ, съ какимъ противникомъ имѣеть дѣло. Если-бы онъ позволилъ себѣ надменность и требовательность побѣдителя, переговоры прекратились-бы и война продолжилась. Онъ могъ надѣяться снова одержать побѣду надъ русскими; однако видѣлъ, что Россію побороть не легко и что теперь, во всякомъ случаѣ, онъ не въ состояніи этого сдѣлать. Для того, чтобы ее побороть, нужно было приготовить гораздо болѣшя силы и средства, чѣмъ какими въ это время онъ располагалъ, нужно было выждать время, покончить предварительно другія дѣла. Словомъ теперь ему былъ нуженъ миръ съ Россіей гораздо болѣе, чѣмъ—Россіи съ нимъ. Заручившись ея дружбою или даже содѣйствіемъ, онъ могъ безпрепятственно распорядиться въ Европѣ, какъ хотѣлъ.

Россія также нуждалась въ мирѣ. Нужно было дать отдыхъ войскамъ, нужно было покончить дѣла на востокѣ, въ Турціи, гдѣ война затянулась. Война съ Наполеономъ была весьма тягостна, требовала большихъ жертвъ, но никакихъ матеріальныхъ выгодъ намъ она не обѣщала. Плодами нашихъ побѣдъ воспользовались бы другіе. Сдѣлавъ еще усиліе, продолживъ военныя дѣйствія, армія наша, быть можетъ, одержала бы верхъ надъ непріателемъ; но этимъ еще отнюдь не нанесено было бы рѣшительнаго удара могуществу Наполеона, не сокрушено было-бы его владычество въ Европѣ. Россія также не въ состояніи была этого сдѣлать при теперешнихъ условіяхъ. Ей также нужно было приготовиться къ рѣшительной борьбѣ.

При такой наклонности и готовности обѣихъ сторонъ къ миру, переговоры о немъ шли успѣшно. 10 іюня подписано было перемиріе между арміями. 25 іюня произошло знаменитое *тильзитское свиданіе* обохъ императоровъ, всероссійскаго и французскаго. Въ такомъ скромномъ городѣ, какъ Тильзитъ, не могло быть при этомъ особенно пышной обстановки; однако Наполеонъ сдѣлалъ все возможное для придавія торжественности свиданію. Онъ сознавалъ, что это событіе великой важности въ его жизни. То было его торжество. Ему подавалъ дру-

жески руку и признавалъ своимъ собратомъ монархъ, авторитетъ и значеніе котораго перевѣшивали надъ значеніемъ всѣхъ остальныхъ государей въ Европѣ, взятыхъ вмѣстѣ. «Соединимся и совершимъ величайшіе подвиги нашего времени; раздѣлимъ міръ между собою; съ такими солдатами, каковы русскіе, можно завоевать весь свѣтъ». Такія рѣчи говорилъ Наполеонъ императору Александру въ Тильзитѣ. Конечно, это были льстивыя рѣчи; но въ то время вся Европа льстила предъ Наполеономъ, а онъ почиталъ нужнымъ льстить предъ русскимъ монархомъ.

Россія, по тильзитскому миру, ничею не терала изъ своихъ владѣній. Наполеонъ отнюдь не думалъ дѣлать на ея счетъ какія либо пріобрѣтенія, напротивъ старался, чтобы она сдѣлала нѣкоторыя пріобрѣтенія на чужой счетъ. Такимъ образомъ была намъ навязана бѣлостокская область, отнятая у Пруссіи, чего не хотѣлось крайне императору Александру. Цѣль Наполеона состояла въ томъ, чтобы сдѣлать Россію соучастницей въ его замыслахъ и его системѣ. Должно сказать, что до извѣстной степени онъ успѣлъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ на время. Въ Тильзитѣ былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ Россіи съ Франціею. По условіямъ этого союзнаго договора Россія брала на себя обязательство принудить Англію къ миру съ Франціею, а въ случаѣ ея упорства, объявить ей войну и пригласить къ тому же двору копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій; если они не согласятся на то, то объявить и имъ войну; она обязывалась поддерживать, за одно съ Франціею, континентальную систему въ Европѣ, направленную противъ англійской торговли. Россія втягивалась такимъ образомъ въ тѣ нескончаемыя распри Франціи съ сосѣдями, какія намѣренно заводилъ Наполеонъ изъ своихъ личныхъ видовъ, становилась сторонницей и соучастницей его посягательствъ на свободу и самостоятельность европейскихъ правительствъ. Съ своей стороны Наполеонъ принималъ на себя посредничество въ примиреніи съ Россіею Турціи; если же Порта откажется заключить миръ, то «высокія договаривающіяся стороны общими силами избавятъ отъ ига и угнетеній турокъ всѣ европейскія области оттоманской имперіи, оставивъ въ ея обладаніи лишь Константинополь и Румелію». Если бы это послѣднее условіе было серьезно и честно выполнено, то было-бы совершенно великое дѣло, но Наполеонъ—нимало о томъ не думалъ.

Извѣстіе о тильзитскомъ мирѣ, какъ естественно было ожидать, произвело большую тревогу въ Европѣ. Цѣлая буря неудовольствія и упрековъ поднялась противъ императора Александра. Его упрекали въ слабости характера, въ малодушіи, въ невѣрности своимъ союзникамъ и друзьямъ. Въ Тильзитѣ онъ особенно горячо заступился за своего

союзника короля прусскаго, противъ котораго Наполеонъ былъ чрезвычайно раздраженъ, такъ что не хотѣлъ сначала и видѣть его. Но изъ угожденія русскому государю онъ потомъ согласился его принять и даже возвратилъ ему многія изъ завоеванныхъ у него владѣній. Въ статьѣ IV-й мирнаго трактата, заключеннаго съ Россіей, сказано было: «императоръ Наполеонъ, изъ уваженія къ императору всероссійскому и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить королю прусскому, союзнику Его Величества императора всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли, ниже сего означенныя» (поименовываются за тѣмъ эти области). Несмотря на то въ Пруссіи также были весьма недовольны императоромъ Александромъ, между прочимъ были не довольны тѣмъ самымъ, что Наполеонъ выставлялъ на видъ заступничество и ходатайство русскаго государя за Пруссію. Пруссіе патриоты находили это оскорбительнымъ для чести Пруссіи, но въ то же время жаловались, что императоръ Александръ мало добился отъ Наполеона уступокъ въ пользу ихъ отечества. Ихъ претензіи въ этомъ отношеніи простирались такъ далеко, что они выработали очень хорошей планъ, какъ увеличить и округлить владѣнія Пруссіи, и надеялись, что этотъ планъ будетъ одобренъ и принятъ въ Тильзитѣ, въ то самое время, какъ тамъ рѣшался вопросъ о существованіи Пруссіи!

Въ Россіи союзъ съ Наполеономъ произвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. «На Петербургъ, на Москву, говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ современниковъ *), на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, тильзитскій миръ произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное, какъ признаніе его надъ собою власти». Шведскій посланникъ при нашемъ дворѣ Штедингъ писалъ своему государю: «неудовольствіе противъ императора болѣе и болѣе возрастаетъ и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать. Люди, преданные государю, въ отчаяніи, но между ними нѣтъ никого, кто-бы сумѣлъ пособить бѣдѣ и отважился объяснить ему вполне опасность его положенія. Не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ публичныхъ собраніяхъ толкуютъ о переменѣ правленія.....» Преданныя государю лица, во всякомъ случаѣ, хорошо поступили, что не передали ему дѣла въ томъ видѣ, какъ его передаетъ шведскій посланникъ. Они безъ нужды увеличили-бы горечь въ его сердцѣ, которой въ то время и такъ было для него довольно. Развѣ не сознавалъ онъ, что союзъ съ Наполеономъ есть тяжкое бремя, ко-

*) Вигель въ своихъ запискахъ.

торое онъ принялъ на себя съ весьма стѣсненнымъ сердцемъ, вынужденный силою обстоятельствъ? Бремя это падало главнѣйше не на кого другаго, какъ на него же и онъ принялъ его на себя не по какому либо личному расчету, котораго при этомъ никакого не могло и быть, но ради блага своего государства. По этому ничѣмъ не можетъ быть оправдано то недовольство, какое онъ встрѣтилъ и замѣчалъ кругомъ себя по возвращеніи изъ Тильзита и которое позволили себѣ высказать ему рѣзко нѣкоторые изъ его приближенныхъ, какъ напримѣръ сдѣлалъ это Новосильцовъ. Императоръ Александръ терпѣливо и съ величайшею сдержанностію перенесъ это охлажденіе, эту измѣнчивость чувствъ своихъ подданныхъ, но она оставила глубокой слѣдъ въ его душѣ на всю его жизнь. Съ этого именно времени ведетъ начало та перемѣна, которая въ немъ произошла и которая отразилась на характерѣ его управленія и на его личномъ характерѣ въ послѣдніе годы его царствованія. Въ немъ зародилась недовѣрчивость къ людямъ и, что всего печальнѣе, подорвана была его вѣра въ неизмѣнность и непоколебимость народной любви къ нему. Съ того времени онъ охладѣлъ въ своемъ рвеніи къ государственнымъ преобразованіямъ и менѣе сталъ вѣрить въ способность народовъ разумно пользоваться благами свободы. Его свѣтлый, согрѣтый вѣрою въ людей, всѣхъ чарующій идеализмъ началъ омрачаться. Таково было дѣйствіе на его впечатлительную душу и на его тонкое нравственное чувство той нравственной жесткости, какую весьма неосторожно и не кстати дали ему почувствовать въ собственной его странѣ, въ самое тяжелое для него время.

II.

Со времени тильзитскаго мира настала новый періодъ нашихъ отношеній къ Франціи. Трудно, конечно, сказать навѣрное, въ какой степени вѣрилъ или не вѣрилъ императоръ Александръ искренности Наполеона, предложившаго ему въ Тильзитѣ свою дружбу, но самъ онъ готовъ былъ стать искреннимъ другомъ своего новаго союзника, какимъ былъ для прежнихъ своихъ союзниковъ и какимъ остался для нихъ и теперь, несмотря на новый союзъ. Онъ безъ страха принялъ дружбу и союзъ челоуѣка, который всѣмъ внушалъ страхъ, принялъ безъ страха потому, что самъ былъ искрененъ и проникнутъ желаніемъ общаго блага. Онъ былъ увѣренъ въ себѣ самомъ, поэтому вѣрилъ въ другихъ и никого не страшился. По этому же самому были не основательны всѣ опасенія, какія возбудили въ Россіи союзъ и дружба его съ Наполеономъ; но эти опасенія происходили изъ любви къ своему отечеству, изъ любви къ своему государю, а потому не заслуживаютъ порицанія:

они ничему не могли повредить и никого не могли оскорбить, лишь бы высказывались искренно и чистосердечно, безъ всякой задней мысли.

Что касается до Наполеона, то онъ понималъ и раньше, а теперь воочію увидѣлъ въ Тильзитѣ, гдѣ въ цѣломъ мірѣ находится та рука, которая способна сокрушить его. Отселѣ главною задачею онъ себя поставилъ опутать эту руку всѣми возможными способами и заготовить сколь возможно большія силы и средства для борьбы съ нею, а пока ласкать ее.

Императоръ Александръ, связавъ себя союзомъ съ Наполеономъ, старался быть вѣрнымъ этому союзу и честно выполнялъ принятія имъ на себя обязательства, хотя нѣкоторые изъ нихъ были для него весьма непріятны и тягостны. Наполеонъ не умѣлъ сдержатъ себя. Уклоняясь отъ выполненія условій тильзитскаго мира и прибѣгая для того ко всякимъ уловкамъ, онъ выдалъ себя: императоръ Александръ скоро разгадалъ его и потому сталъ на сторожѣ относительно своего новаго союзника.

Первою заботою Наполеона было уединить Россію, поставить ее во враждебное отношеніе къ государствамъ, помощь которыхъ могла быть ей полезна. Этого онъ достигъ безъ труда. Австрія и Пруссія находились у его ногъ. Тильзитскій миръ ставилъ насъ въ непріязненные отношенія къ Англіи. Турція въ это время была жертвою внутреннихъ смуть: ими весьма искусно воспользовалось французское правительство для того, чтобы подчинить Порту своему вліянію и устранить всякое другое. Вслѣдствіе подстрекательствъ французскаго правительства, Порта оказывала сопротивленіе намѣренію императора Александра удержатъ за собою дунайскія княжества, занятія нашими войсками. Этому противился также и Наполеонъ. На представленія по этому предмету русскаго посла графа Толстова онъ говорилъ: «дать вамъ Молдавію и Валахію значитъ слишкомъ усилить ваше вліяніе, привести васъ въ прочную связь съ сербами, которые вамъ преданы, съ черногорцами, греками,—вашими единовѣрцами и любящими васъ». Въ то же время онъ спрашивалъ у посла своего въ Константинополь Себастіани: «если рускіе захотятъ удержатъ Молдавію и Валахію, то намѣрена ли Порта вести вмѣстѣ съ Франціею войну противъ Россіи? какія у нея военныя средства?» Наполеонъ, однакожъ, вовсе не желалъ теперь затѣвать войну на востокѣ. Его виды обращены были тогда на Испанію. Онъ снаряжалъ туда войска, но считалъ нужнымъ скрывать это отъ императора Александра. На запросъ нашего посла объ этихъ военныхъ приготовленіяхъ Наполеонъ отвѣчалъ, что намѣренъ предпринять экспедицію въ Африку, что ему хочется основать колоніи по всему сѣверному по-

бережью ея до самаго Египта, разрушить варварійскія владѣнія и захватить англичанамъ средиземное море. Опасаясь, что въ такомъ случаѣ императоръ Александръ захочетъ покончить дѣла на востокѣ, съ Турціей, Наполеонъ старался отвлечь его вниманіе и силы Россіи въ противоположную сторону, на сѣверъ, и для того указывалъ на Финляндію, предлагая завоевать ея у Швеціи, даже соглашался на то, чтобы Россія приобрѣла себѣ всю Швецію.

Императоръ Александръ, дѣйствительно, вынужденъ былъ объявить войну Швеціи. Выполняя условія тильзитскаго мира, наше правительство потребовало отъ шведскаго приступить къ вооруженному нейтралитету. Король шведскій отказалъ въ этомъ, заключилъ оборонительный союзъ съ Англіей и даже—арестовалъ нашего посла въ Стокгольмѣ. Швеціи была объявлена война и русскія войска вступили въ Финляндію. Такимъ образомъ планъ Наполеона осуществился: Россія связана была войною на сѣверѣ. Самъ онъ занялся тогда завоеваніемъ Испаніи. Шведская война окончилась успѣшно для Россіи: мы приобрѣли отъ Швеціи Финляндію. Но была здѣсь и своя неблагоприятная для насъ сторона: это завоеваніе выставляло насъ въ глазахъ Европы опасными для слабѣйшихъ своихъ соеѣдей и склонными слѣдовать системѣ хищничества, по примѣру нашего союзника. Этого, конечно, и нужно было Наполеону, но вовсе не нужно намъ. Между тѣмъ наши прямыя, жизненные интересы были совсѣмъ не на сѣверѣ, а на востокѣ, не у балтійскаго, а у чернаго моря. Шведская война и завоеваніе Финляндіи были съ нашей стороны шагомъ въ сторону отъ своего прямого пути. Хорошо еще, что мы не вздумали, въ самомъ дѣлѣ, завоевать Швецію.

Какъ бы то ни было, война на сѣверѣ окончилась и императоръ Александръ снова могъ сосредочить свое вниманіе на восточныхъ дѣлахъ. Русскія войска изъ Финляндіи двинуты были въ предѣлы Турціи. Само собою разумѣется, что это встревожило Наполеона, тѣмъ болѣе, что дѣла въ Испаніи усложнялись и покорить эту страну оказывалось отнюдь не легкой задачей. Правда Наполеонъ успѣлъ низвести съ престола испанскихъ бурбоновъ и отдалъ испанскую корону брату своему Іосифу; но испанскій народъ не хотѣлъ покоряться чужой власти; французскія войска должны были выдерживать упорную и безуспѣшную борьбу съ народнымъ движеніемъ въ Испаніи. Іосифъ, вынужденный удалиться изъ Мадрита, писалъ Наполеону: «нужно было бы 100,000 постоянныхъ эшафотовъ для поддержанія государя, осужденнаго царствовать въ Испаніи». Онъ зналъ, что брату его нравится такой языкъ и такой нещадный образъ дѣйствія. Когда тотъ же Іосифъ былъ королемъ неаполитанскимъ, Наполеонъ давалъ ему слѣдующія наставленія: «никогда

не сдерживайся общественнымъ мнѣніемъ; разстрѣливай ладзарони безъ всякаго милосердія; только спасительнымъ страхомъ можешь ты приобрести уваженіе итальянцевъ; твое поведеніе нерѣшительно; солдаты и генералы должны жить въ изобиліи; любезностями не выигрывается народная привязанность; вижу съ удовольствіемъ, что возмутившаяся деревушка сожжена». Такова была политическая мудрость Наполеона.

Какъ ни искусно и какъ повидимому ни прочно завязанъ былъ узелъ, которымъ Наполеонъ хотѣлъ опутать Россію, онъ видѣлъ, что ея государь продолжаетъ дѣйствовать самостоятельно и не позволяетъ ни въ чемъ ввести себя въ обманъ. Это раздражало Наполеона. Его замыслы разбивались о твердость и проницательность русскаго государя. Самая безупречность и честность, съ какою императоръ Александръ держалъ себя въ дѣлахъ внѣшнихъ, въ своей внѣшней политикѣ, въ своей политикѣ относительно его самого, Наполеона, вовсе не были по сердцу сему послѣднему. Въ минуты гнѣва и раздраженія Наполеонъ называлъ императора Александра «византійскимъ грекомъ». Какъ бы назвалъ онъ человѣка, который вполнѣ былъ-бы подобенъ ему самому по нравственному характеру и образу дѣйствій? Не думаемъ, чтобы онъ сдѣлалъ о такомъ человѣкѣ лестный отзывъ. Русскій народъ, какъ извѣстно, называлъ Наполеона антихристомъ, не думая, впрочемъ, оскорблять его тѣмъ, а вѣруя въ душѣ, что онъ точно антихристъ, и потому весьма его страшился.

Русскіе государи носятъ порфиру и вѣнецъ византійскихъ кесарей, русское государство усвоило себѣ государственный гербъ восточной имперіи, русскій народъ принялъ изъ Византіи свое высшее духовное достояніе, святую православную вѣру: поэтому мы русскіе никакъ не можемъ находить ничего оскорбительнаго ни въ имени грека, ни въ имени византійца. Давая это наименованіе императору Александру, Наполеонъ лишь дѣлалъ невольное признаніе самому себѣ въ томъ, что ему не удалось обмануть и опутать своими сѣтями русскаго государя.

На первыхъ же порахъ, по заключеніи тильзитскаго мира, начали возникать недоразумѣнія и неудовольствія между правительствами двухъ союзныхъ державъ. Наполеонъ по прежнему все не былъ доволенъ русскими послами, назначаемыми къ нему императоромъ Александромъ. Послѣ тильзитскаго свиданія назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ графъ Петръ Александровичъ Толстой. Онъ не любилъ Наполеона, принялъ неохотно свой высокій и блестящій постъ, и мѣнѣе всего заботился о томъ, чтобы понравиться императору французъ. Подобно своимъ предшественникамъ, Колычеву и Маркову, Толстой скоро заставилъ Наполеона желать его отозванія.

Въ сентябрѣ 1808 г. произошло новое свиданіе императоровъ Александра и Наполеона въ Ерфуртѣ. Оно было предложено императоромъ Александромъ. Онъ все еще не терялъ надежды поддержать добрыя отношенія со своимъ союзникомъ и упрочить миръ Европы путемъ соглашенія съ нимъ и взаимныхъ уступокъ. Наполеонъ старался придать особенный блескъ и пышность свиданію. Въ Ерфуртѣ прибыли короли саксонскій, баварскій, виртембергскій, братъ Наполеона король вестфальскій Иеронимъ, принцы королевскихъ домовъ и много владѣтельныхъ германскихъ князей. Оба императора, Александръ и Наполеонъ, имѣли при себѣ блестящую свиту. Въ самый день прибытія своего въ Ерфуртѣ (15 сентября) Наполеонъ принялъ наскоро короля саксонскаго, членовъ рейнскаго союза, дипломатовъ и прочихъ знатныхъ особъ; за тѣмъ поспѣшилъ на встрѣчу императору Александру, который ѣхалъ изъ Веймара. Наполеонъ ѣхалъ верхомъ, сопровождаемый своимъ штабомъ, въ андреевской лентѣ. Завидѣвъ экипажъ русскаго государя, онъ поскакалъ во всю прыть; поровнявшись съ экипажемъ, сошелъ съ коня и обнялъ вышедшаго изъ коляски императора Александра. Оба императора верхомъ торжественно въѣхали въ Ерфуртѣ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Наполеонъ проводилъ императора Александра въ назначенный для его пребыванія домъ. Обѣды, вечера, балы, спектакли чередовались въ Ерфуртѣ съ совѣщаніями императоровъ и ихъ министровъ. Наполеонъ и французы всѣми способами старались угождать русскому государю, мало обращая вниманія на другихъ коронованныхъ лицъ, прибывшихъ въ Ерфуртѣ. Одинъ изъ французскихъ ефрейторовъ, толкуя часовому, какія почести отдавать разнымъ особамъ, пріѣзжавшимъ къ Наполеону, внушалъ ему: «смотри же, это вѣдь лишь король!» Наполеонъ рассчитывалъ весьма вѣрно, что зрѣлище задушевной дружбы его съ русскимъ государемъ произведетъ устрашающее дѣйствіе на его враговъ и недоброжелателей, которыхъ у него во Франціи и во всей Европѣ было, конечно, больше, чѣмъ друзей и благожелателей, какъ это онъ хорошо понималъ. Но онъ желалъ и домогался еще большаго для себя, именно родственнаго союза съ русскимъ государемъ. Онъ много слышалъ о красотѣ и высокихъ душевныхъ качествахъ сестры императора Александра, великой княжны Екатерины Павловны. Ловкому Талейрану, бывшему съ нимъ въ Ерфуртѣ, Наполеонъ далъ порученіе развѣдать, можно ли ему надѣяться на успѣхъ, если бы онъ попросилъ руки великой княжны. Талейранъ завелъ рѣчь съ императоромъ Александромъ о тѣсномъ союзѣ Россіи съ Франціей и о средствахъ скрѣпить этотъ союзъ неразрывными узами: лучшимъ средствомъ къ тому, говорилъ

онъ, былъ бы родственнѣй союзъ императора французовъ съ русскимъ царствующимъ домомъ. На это предложеніе императоръ Александръ отвѣчалъ, что съ своей стороны онъ бы готовъ породниться съ тѣмъ, кого считаетъ своимъ искреннимъ другомъ, но, сказалъ онъ, «я имѣю неограниченную власть въ своемъ государствѣ, но не въ дѣлахъ моего семейства; вдовствующая императрица, глубоко уважаемая нами всѣми, не мѣшается въ мою политику, но и не одобряетъ ея; не трудно было бы мнѣ получить согласіе сестры моей на бракъ съ императоромъ Наполеономъ, но едва-ли можно склонить въ тому вдовствующую императрицу». Въ такомъ же смыслѣ императоръ Александръ объяснился объ этомъ предметѣ съ самимъ Наполеономъ, общая ему ходатайствовать въ его пользу, но не ручаясь за успѣхъ. Наполеонъ не зналъ, какое любопытное предложеніе и заявленіе сдѣлалъ тотъ же искусный Талейранъ уже лично отъ себя императору Александру. Онъ явился къ нему однажды и обратился съ такими рѣчами: «Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Ваше дѣло спасать Европу; но достигнуть этого вы можете только борьбою съ Наполеономъ. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь—варварь; русскій государь человѣкъ цивилизованный, а народъ его варварскій: и такъ русскій государь долженъ быть союзникомъ французскаго народа». Талейранъ въ это время уже не пользовался расположеніемъ Наполеона, какъ прежде; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утратилъ вѣру въ его счастливую звѣзду и понималъ, что эта звѣзда начинаетъ меркнуть, несмотря на то, что Наполеонъ находился тогда на высотѣ могущества и славы. Талейранъ бралъ свои мѣры въ виду случайностей будущаго: чуткій инстинктъ самосохраненія подсказалъ ему вѣрно, гдѣ должно искать защиты и спасенія, когда настанетъ роковой часъ и зданіе, воздвигнутое на песокъ Наполеономъ, пошатнется и обрушится.

Въ Erfurtѣ не было сдѣлано никакихъ важныхъ измѣненій въ существующемъ положеніи вещей. Императору Александру удалось хлопотать у Наполеона нѣкоторыя уступки и облегченія въ пользу Пруссіи. Наполеонъ далъ свое согласіе на присоединеніе Финляндіи и дунайскихъ княжествъ къ Россіи, но отстранилъ отъ себя всякое посредничество по турецкимъ дѣламъ. Въ существенномъ все осталось по прежнему въ политическомъ мірѣ. Erfurtскою конвенціей, заключенной 30 сентября, подтвержденъ былъ тильзитскій союзный трактатъ. Но важная перемѣна произошла во взаимныхъ чувствахъ обоихъ государей, Александра и Наполеона. Здѣсь уже было не то, что въ Тильзитѣ. Тогда императоръ Александръ глубоко проникнутъ былъ чувствомъ удивленія къ генію великаго человѣка и одушевленъ надеждою,

что можетъ итти объ руку съ нимъ во внѣшней политикѣ. Наполеонъ съ своей стороны питалъ увѣренность, что произвелъ сильное обаяніе на юнаго русскаго монарха, что опуталъ его хорошо условіями тильзитскаго договора, и надѣялся, что будетъ держать въ рукахъ своего могущественнаго и непреклоннаго противника, связавъ его словомъ чести. Теперь они уже успѣли разочароваться одинъ относительно другаго: Наполеонъ—въ томъ, что можетъ держать въ своихъ рукахъ русскаго государя, императоръ Александръ—въ томъ, что можетъ итти объ руку съ Наполеономъ въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Съ небольшимъ годъ истекъ со времени тильзитскаго мира: въ этотъ краткій срокъ оба вѣнценосца, державшіе въ своихъ рукахъ судьбы міра, успѣли испытать другъ друга и помѣряться между собою силами. Между ними шла въ это время безоружная, но тѣмъ болѣе знаменательная нравственная борьба. Русскій государь одержалъ въ ней полный верхъ надъ своимъ противникомъ. Онъ строго и совѣстливо выполнилъ свое слово и принятія на себя обязательства, не уронилъ отнюдь ни въ чемъ ни своего личнаго достоинства, ни величія своего сана, и вмѣстѣ съ тѣмъ не пожертвовалъ ни однимъ изъ интересовъ своего государства, не отступилъ ни на шагъ отъ своихъ правилъ, остался по прежнему поборникомъ правды, опорой и надеждою друзей общаго блага. Ничего подобнаго не могъ сказать о себѣ Наполеонъ. Самъ онъ продиктовалъ условія тильзитскаго договора для себя и для своего союзника и—не имѣлъ нравственнаго мужества выполнить эти условія. Въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ русскимъ государемъ онъ расточалъ пышныя обѣщанія, давалъ торжественныя слова чести и—самъ же первый ставилъ ихъ ни во что, нарушалъ и попиралъ безъ малѣйшаго колебанія и всякаго уваженія къ самому себѣ. Что онъ выигралъ, какія извлекъ выгоды изъ своего двусмысленнаго и лукаваго образа дѣйствій относительно Россіи и ея монарха? Нималѣйшей выгоды. Единственнымъ результатомъ его политики и образа дѣйствій было охлажденіе и утрата довѣрія къ нему лучшаго изъ государей, его искренняго и могущественнаго союзника и друга. Годичный опытъ пимало не вразумилъ Наполеона, но многому научилъ императора Александра. Твердо и безупречно выдержавъ испытаніе, снова стоялъ онъ предъ лицомъ міра во всеоружіи чести и правоты. Снова на него устремлены были взоры всей Европы, полныя надежды на его могучую защиту и помощь.

Наполеонъ не былъ варваромъ, какъ неправильно называлъ его Талейранъ. Онъ былъ вполне просвѣщенный сынъ своего вѣка, обладалъ обширнымъ умомъ и многосторонними знаніями. Въ Ерфуртѣ и

Веймарѣ, среди избраннаго образованнаго общества, гдѣ присутствовали Гёте и Виландъ, Наполеонъ изумлялъ своими историческими познаніями, мѣткими замѣчаніями о поэзіи, искусно велъ разговоръ о Тацитѣ, драмахъ Шекспира, о драматическихъ произведеніяхъ древнихъ. Онъ былъ знатокѣмъ изящныхъ искусствъ и покровительствовалъ художникамъ, ученымъ и писателямъ,—въ томъ, разумѣется, случаѣ, если они были ему вполне покорны. Равнымъ образомъ онъ принялъ на себя заботу покровительствовать религіи и церкви, опять также—подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ были ему покорны. Но искренно вѣрилъ онъ только во вѣшнюю силу и на нее одну возлагалъ свое упованіе. Ее ставилъ онъ выше всего и думалъ, что ей все должно подчиняться и все предъ ней преклоняться: наука, искусство, религія, всякая нравственная сила. И точно, мало по малу, все въ Европѣ преклонилось предъ этой вѣшной силой, воплощенной въ лицѣ повелителя Франціи, и все раболѣпствовало передъ ней: оставалась одна Россія, которая не подчинилась и не преклонилась. Правда Наполеону не покорялась также и Англія, но онъ зналъ, что нужно лишь сокрушить Россію и тогда не великое дѣло будетъ справиться съ Англіей. Англія была и есть по преимуществу сила торговая и промышленная: такого рода силу не трудно обуздать тому, кто хорошо владѣетъ оружіемъ. Итакъ прежде всего нужно было сломить силу Россіи и принудить ее къ покорности. Эта мысль не покидала Наполеона и не давала ему покоя. Но онъ не спѣшилъ ея исполненіемъ, выжидалъ терпѣливо своего времени, ибо хотѣлъ нанести намъ ударъ вѣрный и рѣшительный. Уже и теперь онъ располагалъ громадными военными силами и несмѣтными матеріальными средствами, оружіемъ, деньгами, всѣми запасами: но ему все еще казалось мало. Онъ находилъ, что не все еще подготовлено для полнаго обезпеченія ему успѣха. Австрія и Пруссія еще не были доведены имъ до того, чтобы не смѣть и думать о сопротивленіи ему или о союзѣ съ Россіей. Не были приведены къ концу испанскія дѣла. Приходилось еще выжидать время. Возвратясь изъ Erfurta, онъ по прежнему продолжалъ дружественныя сношенія съ императоромъ Александромъ, а между тѣмъ увеличивалъ свои военные силы и средства для рѣшительной борьбы.

Въ 1809 г. Наполеонъ снова разгромилъ Австрію. Онъ далъ тогда повяты и почувствовать императору Францу, что теперь существованіе австрійской монархіи зависѣть будетъ отъ его, Наполеона, милости. Французскія войска постепенно охватывали со всѣхъ сторонъ Пруссію, такъ что она ни шагу не могла себѣ позволить безъ вѣдома и воли Наполеона. Обезпечивъ себя, такимъ образомъ, со стороны этихъ двухъ

державъ, онъ обратилъ свое вниманіе на западную нашу границу. Тамъ образовано было имъ въ 1807 году варшавское герцогство, составленное изъ польскихъ областей, отнятыхъ у Пруссіи. Послѣ вторичнаго пораженія Австріи Наполеонъ присоединилъ къ герцогству три воеводства, отнятыя у нея. Такимъ образомъ у самой нашей границы онъ приготовилъ себѣ хорошій пунктъ опоры на случай войны съ нами. Въ полякахъ онъ возбудилъ надежды на возстановленіе Польши и могъ вполне рассчитывать на нихъ въ случаѣ войны съ Россіею. Наконецъ онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что наши военныя дѣйствія въ Турціи шли неуспѣшно и война затягивалась.

Послѣ ерфуртскаго свиданія, исполняя желаніе Наполеона, императоръ Александръ назначилъ въ Парижъ новаго посла, вмѣсто графа Толстова, князя Александра Борисовича Куракина. Это былъ дипломатъ осторожный, сдержанный, мягкаго и миролюбиваго характера. Наполеонъ былъ имъ больше доволенъ, чѣмъ всѣми прежними русскими послами при немъ. Одновременно кн. Куракинъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось во Франціи, и доводилъ объ всемъ до свѣдѣнія своего государя. Въ мартѣ 1809 г. онъ сообщилъ императору Александру копію мемуара, составленнаго во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ для Наполеона и, конечно, составлявшаго государственную тайну. Въ этомъ документѣ доказывалось, что союзъ Франціи съ Россіей противенъ прямымъ выгодамъ тюльрійскаго кабинета, что выгоды наполеоновой династіи требуютъ неразрывнаго присоединенія Испаніи, ослабленія Австріи и принатія всякихъ, прямыхъ и непрямыхъ, мѣръ къ тому, чтобы предупредить распространеніе Россіи и отодвинуть ея границы дальше отъ чернаго моря; что для преобладанія Франціи и безопасности Европы *необходимо возстановить Польшу*; въ заключеніи было сказано: «никто не дерзнетъ начертать планъ дѣйствій для величайшаго изъ полководцевъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что основаніемъ европейской политики должны быть разрушеніе Австріи и *ослабленіе Россіи*; когда Австрія будетъ подавлена, петербургскій дворъ приметъ правила, сообразныя съ своимъ положеніемъ, и ограничится такою долею вліянія и владычества, *какую найдетъ приличнымъ предоставить ему императоръ французскій*».

Послѣ присоединенія къ герцогству варшавскому новыхъ областей императоръ Александръ считалъ нужнымъ точно знать намѣренія Наполеона относительно Польши и воспрепятствовать ея возстановленію. Князю Куракину поручено было категорически объясниться по этому предмету съ Наполеономъ. «Я никогда не имѣлъ видовъ на Польшу, сказалъ ему въ отвѣтъ Наполеонъ, и никогда не буду имѣть ихъ; я

желаю только вашего спокойствія. Что я сдѣлалъ для герцогства варшавскаго, то я долженъ былъ сдѣлать, чтобы дать ему возможность существованія, чтобы укрѣпить его». Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи писалъ нашему министру графу Румянцову, что Наполеонъ готовъ согласиться даже на то, чтобы самое имя Польши и поляковъ исчезло не только изъ актовъ, но и изъ исторіи. Вслѣдствіе такого заявленія французскаго правительства, нашъ кабинетъ предложилъ заключить съ нимъ слѣдующую конвенцію: польское королевство никогда не будетъ восстановлено; слова: Польша, поляки—не будутъ употребляться въ публичныхъ актахъ; великое герцогство варшавское не будетъ болѣе распространяться на счетъ прежде бывшихъ польскихъ областей. Получивъ эту конвенцію, подписанную французскимъ посломъ въ Петербургѣ Коленкуромъ, Наполеонъ и министръ его Шампаньи долго не давали на нее никакого отвѣта. Наконецъ, черезъ 4 мѣсяца по ея полученіи, Наполеонъ отвѣчалъ, что не можетъ утвердить первой статьи этой конвенціи. «Я не могу, говорилъ онъ, предвзятъ рѣшеній провидѣнія и не хочу воевать съ другими государствами, которымъ придетъ фантазія восстанавливать Польшу». За тѣмъ онъ требовалъ, чтобы это соглашеніе оставалось тайнымъ, тогда какъ Россія хотѣла, чтобы оно было публичнымъ. Наконецъ Наполеонъ соглашался утвердить конвенцію, если первый пунктъ ея измѣненъ будетъ такъ: «никогда не способствовать никакому предпріятію, клонящемуся къ восстановленію Польши». Но получивъ затѣмъ изъ Петербурга уклончивый отвѣтъ на свое предложеніе относительно руки русской великой княжны, онъ рѣшительно отказался признать какую-бы то ни было конвенцію касательно Польши.

Наполеонъ вступилъ въ бракъ съ дочерью императора Франца Марію-Луизою. Императоръ Александръ былъ душевно тому радъ, такъ какъ избавлялся теперь отъ сватовства Наполеона. Онъ изъяснилъ свое удовольствіе князю Куракину за то, что онъ, несмотря на мучительные припадки подагры, присутствовалъ въ церкви при бракосочетаніи Наполеона, и отправилъ въ Парижъ, для принесенія поздравленія новобрачнымъ, брата русскаго посла въ Парижѣ, министра внутреннихъ дѣлъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Между тѣмъ все болѣе обнаруживались неприязнь Наполеона къ Россіи и его враждебные замыслы противъ нея. Въ 1810 году, возвратясь изъ путешествія въ Голландію, онъ сказалъ: «черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ; остается только Россія, но я раздавлю ее» (*dans cinq ans je serai le maître du monde; il ne reste que la Russie, mais je l'écraserai*). Въ сентябрѣ этого же года кн. Куракинъ писалъ графу Румянцову:

«я вовсе не желалъ-бы видѣть разрывъ союза, подававшего намъ основательныя надежды; но военныя успѣхи французовъ, ослабленіе Австріи и родственная съ нею связь, всё эти обстоятельства значительно понизили цѣну нашего союза. Теперь уже не Рейнъ, а Висла—граница Франціи. Туда должны быть направлены всё наши оборонительныя средства. Не осталась ли Россія единственною изъ всѣхъ державъ европейскаго материка, сохранившею и свою территорію и свои силы? Развивая ихъ и заставляя страшиться себя, мы успѣемъ болѣе, нежели угожденіями, снискать пріязнь Франціи. Будемъ ея друзьями, но не допустимъ обмануть себя».

Наполеонъ присоединилъ къ французской имперіи Голландію, владѣнія валезской республики (Valais), ганзейскіе города и все побережье нѣмецкаго моря до Ельбы. При этомъ онъ захватилъ также и *герцогство ольденбургское*, родовое наслѣдіе русскаго императорскаго дома. Владѣтельный ольденбургскій герцогъ былъ дядею императора Александра, сынъ герцога принцъ Георгъ получилъ предъ тѣмъ руку великой княжны Еватерини Павловны. Императоръ Александръ почиталъ личнымъ оскорбленіемъ для себя распоряженіе Наполеона относительно Ольденбурга. Петербургскій кабинетъ заявилъ протестъ по этому поводу какъ предъ французскимъ правительствомъ, такъ и предъ прочими европейскими дворами. Это было крайне досадно Наполеону. Шампаньи долго уговаривалъ кн. Куракина взять протестъ обратно. «Императоръ Наполеонъ, говорилъ онъ, находитъ такой формальный протестъ несообразнымъ съ чувствами дружбы, питаемыми имъ къ русскому государю, и не могущимъ послужить ни къ чему, кромѣ подтвержденія слуховъ о близкомъ разрывѣ Россіи съ Франціей». Большаго труда стоило нашимъ представителямъ при другихъ европейскихъ дворахъ вручить имъ протестъ, направленный противъ Наполеона: боялись его гнѣва, если примутъ русскій протестъ. Въ такомъ страхѣ держалъ Наполеонъ всѣхъ въ Европѣ и такъ всё предъ нимъ работѣствовали!

Континентальная система, принятая Россіею со времени тильзитскаго мира, годъ отъ году становилась тягостнѣе для нашей торговли. Застой въ ней производилъ большія затрудненія въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ. Нашъ вексельный курсъ упалъ, ассигнаціи сильно понижались въ цѣнѣ, все чрезвычайно вздорожало. Изъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ на себя нашимъ правительствомъ по тильзитскому договору, самымъ тягостнымъ была континентальная система. Желая облегчить эту тягость для своихъ подданныхъ, императоръ Александръ издалъ 19 декабря 1810 года положеніе о нейтральной торговлѣ, вторымъ запрещался ввозъ въ Россію нѣкоторыхъ предметовъ фран-

русской промышленности, на другіе—наложена была высокая пошлина, а на колониальные товары пошлина была уменьшена. Наполеонъ видѣлъ въ этомъ новомъ тарифѣ русскаго правительства нарушение континентальной системы и мѣру, направленную противъ интересовъ французской торговли. На жалобы по этому предмету, высказанныя французскимъ посломъ въ Петербургѣ Коленкурромъ, императоръ Александръ просто отвѣчалъ, что «каждый въ правѣ распоряжаться у себя сообразно съ собственною пользою».

Эти три вопроса: польскій, ольденбургскій и вопросъ о тарифѣ служили предметомъ непрерывныхъ пререканій между тюльрийскимъ и петербургскимъ кабинетами до самаго вторженія Наполеона въ Россію. Изъ нихъ наибольшую важность Наполеонъ придавалъ вопросу о тарифѣ. Наше правительство, напротивъ, совершенно справедливо признавало свое положеніе 19 декабря о нейтральной торговлѣ чисто внутреннею финансовою мѣрой, не имѣвшей никакого отношенія къ международнымъ обязательствамъ и потому не подлежащей иностранному вмѣшательству. Петербургскій кабинетъ тѣмъ болѣе имѣлъ права такъ смотрѣть на это дѣло, что Наполеонъ самъ также издавалъ у себя декреты, которыми давались *исключительныя дозволенія* (licences) на ввозъ колониальныхъ товаровъ во Францію. Русское правительство никакъ, конечно, не могло считать себя обязаннымъ соблюдать континентальную систему строже, чѣмъ какъ ее соблюдало французское, а между тѣмъ Наполеонъ этого именно и требовалъ отъ насъ, какъ онъ требовалъ того отъ другихъ европейскихъ правительствъ, находившихся въ полномъ подчиненіи у него. Что касается вопросовъ польскаго и ольденбургскаго, то они неоспоримо имѣли международный характеръ и возникли вслѣдствіе дѣйствій Наполеона, противныхъ договорамъ, заключеннымъ имъ съ Россіею. Но этимъ вопросамъ Наполеонъ не хотѣлъ придавать серьезнаго значенія. Касательно Польши онъ продолжалъ дѣлать завѣренія на словахъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія возстановлять ее, насмѣшливо и съ шутками относился къ боязни на сей счетъ русскаго правительства, а между тѣмъ ни за что не соглашался дать какое нибудь положительное, фактическое ручательство того, что слова его искренни. По ольденбургскому вопросу онъ предлагалъ уладить дѣло полюбовнымъ образомъ, но также ограничивался общими и неопредѣленными предложеніями о вознагражденіи за отнятое насиліемъ герцогство.

Обѣ стороны понимали, что сущность дѣла заключается не въ этихъ трехъ вопросахъ, что по нимъ не трудно было-бы уладить всѣ несогласія и недоразумѣнія, если-бы въ томъ только и состояло дѣло. На-

полеону важны были не Ольденбургъ, не Польша. Ему, конечно, весьма былъ желателенъ упадокъ русской торговли, такъ какъ это ослабляло Россію: вотъ почему онъ и придавалъ особенную важность вопросу о тарифѣ; но и эта сторона дѣла была для него не главною, а побочною. Ему нужна была полная покорность Россіи. Ему были невыносимы самостоятельность и независимость, съ какими она подавала свой голосъ по всѣмъ европейскимъ дѣламъ, касавшимся ея ли самой или другихъ. Вотъ въ чемъ заключалась сущность дѣла. Вотъ въ чемъ стоялъ весь вопросъ: но такого рода вопросъ не могъ быть разрѣшенъ путемъ дипломатическимъ, а лишь вооруженною борьбою. Это также понимали обѣ стороны.

Получая со всѣхъ сторонъ извѣстія о громадныхъ вооруженіяхъ Франціи, императоръ Александръ бралъ и съ своей стороны необходимыя мѣры обороны. Наполеонъ, пополняя свою и безъ того огромную армію новыми конскрипціями, вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло содѣйствовать его успѣху и увеличить затрудненія его противника. Онъ оказывалъ вниманіе польскимъ выходцамъ, проживавшимъ въ Парижѣ, старался привлечь на свою сторону Швецію, подавая шведскому правительству надежду возвратить не только Финляндію, но и остзейскія губерніи, манилъ турокъ обѣщаніями содѣйствовать имъ въ отнятіи у Россіи дунайскихъ княжествъ и Крыма. Онъ укрѣплялъ Данцигъ, усиливалъ гарнизонъ этой крѣпости, отправлялъ въ герцогство варшавское большое количество ружей и артиллерію. Съ нашей стороны укрѣпляли Ригу, приступили къ построенію новой крѣпости въ Бобруйскѣ; одна изъ дивизій, стоявшихъ въ Финляндіи, и пять дивизій молдавской арміи были направлены къ западной нашей границѣ.

Эти оборонительныя мѣры нашего правительства, конечно, не имѣли въ себѣ ничего устрашающаго: онѣ были слишкомъ скромны и незначительны сравнительно съ тѣми страшными военными силами и средствами, какими располагалъ Наполеонъ. Однакожъ онъ не упускалъ случая дѣлать и за то упреки русскому правительству. Въ тоже время старался увѣрить императора Александра въ своихъ дружескихъ чувствахъ къ нему, своемъ миролюбивомъ расположеніи и не переставалъ повторять, что считаетъ безуміемъ съ своей стороны воевать съ Россіей. «Если я буду принужденъ воевать съ вами, говорилъ онъ кн. Куракину, то совершенно противъ моей воли: вести 400,000 войска на сѣверъ, проливать кровь безъ всякой цѣли, не имѣя въ виду никакой выгоды! Что вы получили отъ своей войны въ Италіи? Погибло множество народа—единственно, чтобъ доставить славу Суворову». Иногда,

впрочемъ, онъ прибѣгалъ въ угрозамъ въ разговорахъ съ нашими дипломатическими агентами, и тогда любилъ похвастать своими громадными средствами для веденія войны съ нами. Вотъ что говорилъ онъ въ апрѣлѣ 1811 года флигель-адъютанту императора Александра Чернышеву, который привезъ ему письмо отъ своего государя: *«даю честное слово, что если только вы не начнете со мною войны, я не начну ея съ продолженіемъ четырехъ лѣтъ»*. Выжиданіе для меня чистый выигрышъ. Я уже рассчиталъ все: война съ вами остановитъ развитіе моихъ морскихъ силъ, но шестисотъ милліоновъ моей казны станетъ на все; употребивъ въ нынѣшнемъ году 100 милліоновъ на чрезвычайные расходы, буду имѣть 300,000 человекъ, не считая войскъ рейнскаго союза; на будущій годъ, издержавъ 50-ю милліонами болѣе, буду имѣть 600,000, а черезъ 4 года выставлю 800 или 900 тысячъ, и тогда—можетъ ли Россія дѣйствовать противъ меня такими же силами? Если вы не вѣрите мнѣ, я готовъ показать вамъ казну мою, а въ октябрѣ можете видѣть, сколько у меня будетъ войскъ, какъ только они придутъ изъ Италіи, Иллиріи, Голландіи и проч..... Знаю, продолжалъ онъ, что вы располагаете большими средствами, что ваши войска храбры, и я довольно давалъ сраженій, чтобы убѣдиться, отъ какой малости зависить успѣхъ ихъ, но если онъ будетъ на моей сторонѣ, то заставлю Россію раскаться въ ея поступкахъ». Съ своей стороны императоръ Александръ откровенно сознался французскому посланнику, что онъ дѣйствительно готовится къ войнѣ. «Но я приступилъ къ тому не прежде, сказалъ онъ Коленкуру, какъ получивъ вѣрныя свѣдѣнія о приведеніи въ оборонительное состояніе Данцига, объ усиленіи Торна, о довершеніи укрѣпленій Модлина, объ увеличеніи арміи Даву и данцигскаго гарнизона, о приказаніи, данномъ полякамъ и саксонцамъ, быть готовыми къ выступленію. Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, я повелѣлъ соорудить укрѣпленія, но не впереди, а позади границъ моей имперіи, на Двинѣ и Днѣпрѣ: въ Ригѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, т. е. почти въ такомъ же разстояніи отъ Нѣмана, въ какомъ отъ Парижа—Страсбургъ. Ежели-бы вашему государю вздумалось укрѣпить Парижъ, могъ ли бы я на то жаловаться? Я не вывелъ изъ Финляндіи цѣлыхъ дивизій, а только возвратилъ въ дивизіи, расположенныя въ Литвѣ, полки, дѣйствовавшіе противъ шведовъ, преобразовалъ гарнизонные баталіоны въ линейныя войска, измѣнилъ организацію моихъ депо, усилилъ гвардію, что-бы сдѣлать ее достойною сравненія съ наполеоновою. Наконецъ я вывелъ пять дивизій изъ Турціи; вы сами тому причиною, помѣшавъ мнѣ пожать условленные плоды нашего союза, весьма скудные въ сравненіи съ вашими завоеваніями. Словомъ сказать, я не допущу

напасть на себя врасплохъ. Мои генералы уступаютъ въ достоинствѣ вашимъ; я не могу равняться съ Наполеономъ ни въ искусствѣ командовать войсками, ни въ опытности, но у меня хорошіе солдаты, мои подданные мнѣ преданы, и мы всѣ готовы скорѣе погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволить, чтобы съ нами поступали какъ съ голландцами или гамбургцами. Но, даю вамъ честное слово, первый выстрѣлъ будетъ не мой. Я допущу васъ перейти черезъ Нѣманъ. Повторяю вамъ—я не хочу войны и мой народъ также не хочетъ ея; но ежели нападутъ на насъ, то стоимъ за себя».

Наполеонъ былъ недоволенъ своимъ посломъ въ Петербургъ Коленкуромъ за то, что, по словамъ его, онъ «сдѣлался русскимъ». Наполеону неприятно было, что Коленкуръ постоянно увѣрялъ его въ миролюбіи русскаго правительства, т. е. говорилъ ему сущую правду, тогда какъ ему хотѣлось не того. Ему нужно было дать дѣлу такой видъ, что русское правительство само напрашивалось на войну. Коленкуръ былъ честный человѣкъ и не хотѣлъ завѣдомо утверждать ложь. Между тѣмъ ему приказано было увѣрять русское правительство въ томъ, что Франція также не намѣрена начинать войны. Оттого ему приходилось иногда испытывать крайне затруднительное положеніе. Наполеонъ приказалъ однажды написать къ нему, что «французское правительство никогда не было такъ склонно къ миру, какъ въ настоящее время, и что армія не будетъ усилена». Получивъ эту депешу, Коленкуръ поспѣшилъ сообщить ее лично императору Александру. Государь, имѣя неоспоримыя доказательства, что Наполеонъ дѣйательно готовится къ войнѣ, отвѣчалъ на увѣренія Коленкура: «это противно всѣмъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ, господинъ герцогъ, но ежели вы скажете мнѣ, что этому вѣрите, то и я измѣню свое убѣжденіе». Такое краткое обращеніе къ честности благороднаго человѣка произвело сильное впечатлѣніе на Коленкура: онъ всталъ, взялъ свою шляпу, поклонился почтительно Государю и ушелъ, не сказавъ ни слова. «Бываютъ минуты, говорилъ онъ потомъ одной изъ своихъ знакомыхъ, когда честный человѣкъ ждетъ смерти». Коленкуръ былъ отозванъ и на его мѣсто, 9 мая 1811 года, прибылъ въ Петербургъ генералъ Лористонъ. Но и онъ доносилъ своему правительству то же самое, что Коленкуръ и что было не пріятно знать Наполеону. «Я могу доносить только то, что вижу—писалъ Лористонъ. Я излагаю дѣло въ настоящемъ видѣ, и ежели мы не останемся довольны тѣми уступками, которыя возможны, то будемъ воевать, потому что сами искали войны и—сколько я имѣлъ случай замѣтить—*война эта будетъ тяжкая*».

Война была не минуема. Теперь она уже не зависѣла болѣе отъ доброй воли обоихъ государей. Она составляла роковую историческую необходимость: чтобы избѣжать ея, нужно было—или Наполеону отречься отъ самого себя, уничтожить самому или дать уничтожить другимъ все то, что было имъ доселѣ сдѣлано, или же—отречься отъ самой себя Россіи. Ни того ни другаго не могло быть, оставалось—быть войнѣ. Время для нея созрѣло.

За Наполеономъ былъ первый шагъ. Онъ приготовилъ войну: ему должно было начать ее. Не мы къ нему, а онъ къ намъ долженъ былъ явиться. «Я допущу васъ перейти черезъ Нѣманъ», говорилъ Коленкуру императоръ Александръ. Такъ и случилось. 12 іюня 1812 года французская армія перешла черезъ Нѣманъ между Ковно и Гродно. Не было никакого формальнаго объявленія войны. Она началась, такъ сказать, сама собою.

«Великая армія» Наполеона, вступившая въ предѣлы Россіи, заключала въ себѣ 450,000 человекъ. За нею еще шли подкрѣпленія. Она имѣла позади себя богатыя европейскія страны, переполненныя населеніемъ, готовые выслать новыя полчища по слову Наполеона. Ею предводительствовалъ величайшій военный гений, доселѣ никѣмъ не побѣжденный. Россія могла выставить для встрѣчи непріятели всего 200,000. Она выступала на борьбу одна. По счастью—только что былъ заключенъ миръ съ Турціей (16 мая 1819 г.). Наши войска еще не успѣли возвратиться оттуда, какъ послѣдовало вторженіе Наполеона въ наше отечество.

Двадцать языкъ, народы просвѣщенной Европы, гордящейся передъ нами всѣмъ: образованностію, богатствомъ, своими свободными учрежденіями,—пришли изъ своихъ цвѣтущихъ странъ въ наше далекое отъ нихъ отечество, суровую страну, бѣдно одаренную природой, бѣдную людьми и произведеніями рукъ человѣческихъ,—пришли за тѣмъ, чтобы подвергнуть ее опустошенію. Странное зрѣлище представляли они собою,—зрѣлище, возбуждающее грусть и жалость! Что нужно было имъ отъ насъ? Что имъ сдѣлали мы? Никакой разумной цѣли, никакой здоровой мысли не было въ ихъ нашествіи: они пришли, повинувшись чужой волѣ, и это—была воля одного человека, котораго всѣ они называли своимъ тираномъ. Не изъ этихъ ли странъ, не отъ этихъ ли народовъ мы слышимъ вклинки о свободѣ, о братствѣ, о равенствѣ, о человѣчности? Все это были христіанскіе народы: что довело ихъ до такого нравственнаго ничтожества?

Не велики были военныя силы Россіи, но безгранично было самоотверженіе русскаго народа и несокрушима его нравственная сила.

Теперь настала для него тяжкая година испытанія. Несмѣтная вражеская сила пришла на его родную землю и разорала ее, разрушая жилища, отнимая послѣднее достояніе у жителей. Врагъ былъ немилостивый и безбожный. Онъ дѣлалъ всякія насилія надъ людьми, грабилъ и подвергалъ поруганію даже храмы Божіи. Русскихъ, которые попали въ плѣнъ французамъ, заставляли присягать Наполеону, а кто не хотѣлъ этого сдѣлать, того разстрѣливали *). При появленіи непріятеля, жители убѣгали въ лѣса или кто куда могъ, унося съ собой свои скудные пожитки, или уничтожая ихъ, зажигали свои дома, чтобы ничего не доставалось безбожному французу. Нерѣдко жители одного или вѣсколькихъ селеній обязывались присягою стоять крѣпко другъ за друга и не щадить французовъ. Малѣйшая угодливость непріятелю считалась измѣною. Случилось однажды, крестьяне какой-то деревни, уstraшенные прибытіемъ французскаго отряда, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. По удаленіи непріятеля они явились въ свою приходскую церковь къ божественной службѣ. Когда они подходили ко кресту, священникъ встрѣтилъ ихъ строгимъ укоромъ: «За чѣмъ вы здѣсь?—сказалъ онъ.— Вы не наши. Вы, предавъ православныхъ, приняли, какъ желанныхъ гостей, враговъ нашихъ».

Огромная армія Наполеона шла внутрь Россіи, угрожая уничтожить въ первомъ же бою не большую нашу армію. Но этого ей не удавалось. Наша армія геройски отстаивала каждый свой шагъ, шла безтрепетно передъ лицомъ наступавшаго врага и не давалась ему въ руки. Она отступала, потому что таковъ былъ принятый ея вождемъ планъ дѣйствія. Это былъ вождь, не русскій именемъ, но русскій по любви, преданности и самоотверженію, съ какими стоялъ за Русь: то былъ нашъ достославный *Барклай-де-Толли*. Не мало было тогда въ арміи нашей вождей и воиновъ съ такими же не русскими именами, но всѣ они одушевлены были тѣмъ же духомъ, какимъ—весь русскій народъ, и имена ихъ сіяютъ славой наравнѣ съ самыми дорогими русскому сердцу именами. Всѣ они были сынами русской земли и доказали, что любятъ Россію, что она имъ дорога и они рады пролить кровь свою за нее.

Что дальше углублялся врагъ во внутрь Россіи, то сильнѣе разгоралась душа людей русскихъ любовью къ родной землѣ и ненавистію ко врагу. Русская армія сгарала нетерпѣніемъ сразиться съ непріателемъ. Барклаю-де-Толли нужно было имѣть великую душевную твердость, великую нравственную стойкость, чтобы сдержать по-

---

*) Такъ, напримѣръ, разстрѣляны были за отказъ служить Наполеону отставной подполковникъ *Этельгардъ* и коллѣжскій ассесоръ *Шубинъ*.

рывъ своей арміи. Онъ устоялъ противъ этого порыва, противъ громкаго ропота всего русскаго войска, противъ недовѣрія и подозрѣній, какія началъ возбуждать въ русскихъ его осторожный и благо-разумный образъ дѣйствія. Тѣмъ выше его заслуга, тѣмъ славнѣе его подвигъ!

Непріятель приближался къ самому сердцу Россіи, къ первопрестольной Москвѣ. Становилось страшно за Россію. Сжалось сердце у cadaго русскаго. Ужели должна пасть и Москва? Самыя мрачныя думы и самыя безотрадныя чувства наполняли теперь душу cadaго русскаго, отъ царя до послѣдняго изъ подданныхъ. Въ это время назначенъ былъ новый вождь русской арміи — *Кутузовъ*. Не легкое бремя возложено было на него. Ему должно было на свой страхъ рѣшить роковой вопросъ: дать ли битву непріятелю, или сдать ему Москву? Маститый вождь не смутился передъ своею великою задачей и огромной отвѣтственностію, какую онъ несъ на себѣ предъ царемъ, всей русской землей и исторіей. Съ умомъ русскимъ и душею русской—стоялъ онъ на всей высотѣ своей задачи. Кутузовъ обладалъ драгоцѣннымъ даромъ спокойной и невозмутимой рѣшимости на все, что считалъ необходимымъ для успѣха возложеннаго на него дѣла. Теперь онъ облеченъ былъ полною властію, не такъ, какъ было подъ Аустерлицемъ. Кутузовъ рѣшилъ дать битву, конечно—въ увѣренности, что не проиграетъ ея; за тѣмъ—увидитъ, что ему дѣлать. Дана была знаменитая бородинская битва. Кутузовъ удержалъ за собою поле сраженія: этого было ему довольно. Онъ удовлетворилъ народному желанію, нетерпѣнію войска, далъ ему помѣряться силами со врагомъ. Его армія понесла огромный уронъ, но не была разбита, не пришла въ разстройство. На другой день онъ могъ и хотѣлъ возобновить бой, но отмѣнилъ свое рѣшеніе, потому что не въ его характерѣ было—увлекаться временнымъ успѣхомъ, давать битвы—ради блеска побѣды. Онъ смотрѣлъ на послѣдствія, заглядывалъ впередъ и любилъ дѣйствовать расчетливо и навѣрняка. Въ умѣ его уже рѣшено было другое, еще болѣе смѣлое дѣло: сдать французамъ Москву. Онъ находилъ это нужнымъ и—сдѣлалъ такъ.

2-го сентября французы вступили въ Москву. Посланные впередъ офицеры донесли Наполеону, что Москва опустѣла. «Какъ опустѣла! вскричалъ онъ. Невѣроятное дѣло. Надобно это развѣдать. Ступайте туда и приведите мнѣ бояръ (*Allez et amenez moi les boyards*)». Никакихъ бояръ тамъ не было. Наполеонъ увидѣлъ своими глазами, что Москва не только пуста, но и объята пожаромъ. Однако пожаръ потушили и—русская столица была въ рукахъ Наполеона. Осуществилась его смѣлая и гордая мечта, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ ему дума-

лось и хотѣлось. Тѣмъ не менѣе онъ надѣялся, что Россія теперь должна будетъ передъ нимъ смириться.

Въ Петербургѣ первое извѣстіе о взятіи Москвы получено было отъ частнаго лица, какого-то помѣщика, но никто не хотѣлъ ему вѣрить. Вскорѣ Государь получилъ отъ графа Растопчина слѣдующее донесеніе:

«Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ для сопровожденія арміи на рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ.

«Я послѣдую за армію. Я все вывезъ: мнѣ остается плакать объ участи моего отечества».

Получивъ это донесеніе, императоръ Александръ отправилъ въ армію князя Волконскаго съ слѣдующимъ рескриптомъ къ Кутузову (отъ 7 сент. 1812 г.):

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Съ 29 августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ, отъ 1 сентября, получилъ я чрезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ армію оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генераль-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости».

9-го сентября прибылъ въ Петербургъ полковникъ Мишб, посланный Кутузовымъ съ донесеніемъ Государю о сдачѣ Москвы. Услышавъ печальную вѣсть, Государь сказалъ: «Само провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня. Покоряюсь его волѣ, но скажите: что говорили войска, оставляя безъ выстрѣла мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы упадка въ ихъ духѣ?» Мишб объяснилъ Государю, что онъ «оставилъ армію, отъ Кутузова до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ, но—страхатся всѣ они того только, какъ-бы не заключилъ Государь мира съ Наполеономъ». Тронутый и обрадованный такимъ настроеніемъ своего войска, Александръ произнесъ свои знаменитыя слова, сдѣлавшіяся историческими: «Источивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашуся питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества». «Государь! отвѣчалъ на это Мишб, Вы подписываете въ сію минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы».

Вѣсть о взятіи непріятелемъ Москвы тяжело отозвалась въ сердцахъ каждаго русскаго. Она за живое задѣла народное чувство, народную гордость, и весь русскій народъ воспламенился однимъ желаніемъ: изгнать скорѣе врага изъ родной земли. Все поднялось на защиту ея. Народная война разгоралась съ неудержимою силой. Не нужно было ни возбуждать, ни направлять народнаго движенія: оно само собой шло и расло и, что далѣе, то становилось грознѣе. Русскій народъ пылалъ гнѣвомъ и местию!

Въ тарутинскій лагерь, гдѣ стоялъ съ арміей Кутузовъ, 22 сентября явился парламентѣромъ отъ французовъ генераль Лористонъ. Онъ жаловался Кутузову на озлобленіе, съ какимъ народъ русскій расправляется со врагомъ, и просилъ его взять противъ этого мѣры. Кутузовъ отвѣчалъ на это, что «если бы даже и желалъ онъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то не могъ-бы успѣть въ томъ, потому что русскіе считаютъ эту войну вторымъ нашествіемъ татаръ». Оказалось, впрочемъ, что Лористонъ посланъ былъ къ Кутузову Наполеономъ не съ чѣмъ инымъ, какъ съ предложеніемъ вступить въ мирные переговоры. «Не имѣю на то никакого наставленія, отвѣчалъ Кутузовъ. При отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ слова ваши, происходятъ-ли они изъ собственнаго вашего сужденія, или имѣютъ источникъ свыше, я ни въ какомъ случаѣ передать своему Государю не желаю. Я подвергъ-бы себя проклятію потомства, еслибъ сочли, что я подаль поводъ къ какому-бы то ни было примиренію. Таковъ, въ настоящее время, образъ мыслей нашего народа». Когда Кутузовъ донесъ Государю о своемъ свиданіи съ Лористономъ, то получилъ отъ него слѣдующій рескриптъ:

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ посланнаго, извѣстился я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генераль-адъютантомъ Лористономъ.

«При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и влывающихся къ миру сношеній съ непріятелемъ.

«Нынѣ же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою-же рѣшимостію повторить вамъ: дабы сіе принятое мною правило было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо..... Никакія предложенія непріятеля, писалъ въ заключеніе Государь, не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество».

Таково было дѣйствіе, произведенное на царя, войско и народъ русскій—великими успѣхами, достигнутыми французской арміей въ землѣ русской! Народный духъ возвышался и проявлялъ свою непреклонность по мѣрѣ того, какъ увеличивались опасность и страданія отечества.

Твердость царя и—народная побѣдили врага. Пробывъ пять недѣль въ Москвѣ, Наполеонъ оставилъ ее и началъ свое отступленіе изъ Россіи. Кутузовъ заставилъ его возвращаться назадъ тѣмъ же путемъ, какимъ онъ пришелъ. Грозная армія великаго завоевателя подверглась теперь страшнымъ бѣдствіямъ, всѣмъ ужасамъ бѣгства изъ чужой страны, ея же только что опустошенной. Наши войска преслѣдовали ее и наносили ей жестокия пораженія въ битвахъ. Наполеонъ покинулъ свою армію, не доведя ее до границы, и самъ ускакалъ въ Парижъ. Только жалкій остатокъ «великой арміи», менѣе 20 тысячъ, перешелъ обратно за Нѣманъ.

Съ нами Богъ!—воскликнула спасенная отъ врага, торжествующая Россія.

Не намъ, не намъ, а имени Твоему, писалъ на своемъ побѣдномъ знамени благочестивый царь русскій.

Дорогою цѣною, великими усилями и жертвами купилъ себѣ русскій народъ побѣду: но побѣда была полная и—по истинѣ великая!

Императоръ Александръ не считалъ своего дѣла оконченнымъ, пока не положитъ конца владычеству Наполеона въ Европѣ. Сама она была не въ состояніи снять съ себя свои оковы: русскій царь пришелъ къ ней на помощь. Его твердость и прямота восторжествовали надъ страхомъ и нерѣшительностію, надъ недовѣріемъ и подозрительностію европейскихъ правительствъ. Онъ повелъ за собою европейскихъ государей и ихъ войска, соединившіяся съ русскими, на великое дѣло ихъ собственнаго освобожденія. У Наполеона готова была новая армія. Предъ его именемъ все еще трепетали правительства и народы Европы. Русскій царь во всѣхъ возбудилъ бодрость и надежду. Все дѣлалось по его указанію. Его настойчивость преодолевала всѣ препятствія. Безъ него европейскія державы не имѣли-бы духа подняться противъ Наполеона, не составили-бы между собой союза; если бы и поднялись и составили союзъ, то скорѣе успѣли-бы поссориться между собой и надѣлать вреда другъ другу, чѣмъ нанести пораженіе Наполеону: во всякомъ случаѣ, въ союзѣ или по одиночкѣ, но неминуемо были-бы снова сокрушены имъ во прахъ. Императоръ Александръ сдерживалъ теперь ихъ взаимную неприязнь, спасалъ общее дѣло тогда, когда оно готово было со всѣмъ рушиться, всѣми способами старался заставить своихъ союзни-

воез ити съ нимъ до конца, не впадать ранѣе времени въ малодушіе, оставить свои мелкіе счеты до болѣе удобной минуты. Такимъ образомъ союзныя арміи шли впередъ, одерживали побѣды надъ войсками Наполеона и наконецъ—дошли до Парижа. Столица Франціи оказала мужественное сопротивленіе иностраннымъ войскамъ и сдалась имъ лишь послѣ кроваваго бою. Союзники вступили въ Парижъ. Теперь-то желали они наброситься на Францію и возместить на ней все, что потерпѣли отъ Наполеона. Александръ сдержалъ ихъ въ этомъ. Явившимся въ нему депутатамъ города Парижа онъ объявилъ, что пришелъ даровать Франціи миръ и спокойствіе. Онъ исполнилъ свое слово.

Имперія Наполеона пала. Судьбы Европы принялъ тогда въ свои руки благій и кроткій Русскій Царь.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I-го.

Петръ Великій имѣлъ своеобразный взглядъ на воспитаніе и образованіе: какъ человѣкъ дѣла и пользы, онъ видѣлъ въ наукѣ средство къ передѣлкѣ русскихъ порядковъ на иностранный ладъ, къ перенесенію иноземныхъ техническихъ свѣдѣній, хлопоталъ добыть дѣльныхъ практиковъ по всѣмъ отраслямъ сочиняемаго имъ государства, старался обучить русскихъ людей «навигацкой наукѣ и солдатскому артикулу, инженерству, артиллеріи, рисовать мачтабы, какъ корабли строятся, боцманству, т. е. осматривать корабли, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить, экипажеству и механикѣ, ремеслу мѣдному, столярному и судовымъ строеніямъ, докторскому и врачебному искусству». Очевидно, государю нужно было обученіе механическое и онъ не заботился о развитіи убѣжденій, сознанія честности и благородства въ своихъ питомцахъ; поэтому онъ заводилъ спеціальныя школы для мореходства, хирургіи, цифири и т. под. Ему надо было образовать работниковъ и исполнителей его плановъ для преобразования государства; онъ не задавался мыслью о значеніи науки, какъ нравственно—воспитательнаго начала, какъ средства для развитія человѣка.

Такой односторонній взглядъ на образованіе долго держался у правительственныхъ лицъ Россіи, несмотря на блестящую всестороннюю дѣятельность Ломоносова, колоссальный образъ котораго стоитъ одиноко среди современныхъ ему недоучекъ. Ломоносовъ въ проэктѣ открытія московскаго университета ратовалъ за свободу преподаванія, вооружался противъ полицейскихъ тягостей, мѣшавшихъ распространенію знаній, противъ духовенства, которое не допускало разумнаго преподаванія и образованія научнаго во имя религіи, и даже ругало науку въ проповѣдяхъ (1). Не смотря на учрежденіе московскаго университета, въ царствованіе Елизаветы Петровны не существовало ни настоящей науки, ни гуманнаго образованія, хотя замѣтно нѣкоторое движеніе

литературной работы и накопленіе подготовительныхъ трудовъ для будущей отечественной научной дѣятельности.

Екатерина II-я усвоила философскія идеи XVIII-го стол. и смотрѣла съ точки зрѣнія гуманизма на образованіе, какъ на способъ проложить путь къ общественному благоденствію, и вести народъ къ развитію въ добрѣ и нравственности. Лучшие люди того времени сознавали необходимость, кромѣ просвѣщенія ума, особенно заботиться объ образованіи сердца, стремились выучить питомцевъ быть добродѣтельными, честными и благовоспитанными гражданами. «Самое надежное средство, говоритъ императрица, сдѣлать людей лучшими и спасти отъ преступленій», это—усовершенствованіе воспитанія; поэтому она желала, «чтобы съ изящнымъ разумомъ соединялось изящное сердце» и умножалось въ народѣ добронравіе. Тогда механическія занятія, знаніе и наука отодвигались на второй планъ, а благородство чувства считалось верховъ совершенства въ воспитаніи; въ школахъ заботились «утверждать юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ», мало обращая вниманія на ученіе и на запасъ знаній; воображали, что чувствомъ можно перещеголять самыхъ умныхъ и образованныхъ людей.

Александръ I-й, любимецъ Екатерины II-й, воспитанъ былъ именно въ этомъ духѣ чувствительности швейцарцемъ Лагарпомъ и М. Н. Муравьевымъ, которые развивали въ царственномъ отрокѣ гуманныя философскія воззрѣнія, прекрасныя чувства и честныя стремленія, на общихъ теоретическихъ началахъ. Къ сожалѣнію, французское вліяніе преобладало, и воспитатели не поселили въ немъ особой любви къ родинѣ и не могли сообщить ему достаточный запасъ свѣдѣній о своемъ отечествѣ. Ближайшее руководство воспитаніемъ и непосредственное вліяніе Екатерины II-й отразилось на наслѣдникѣ престола очень замѣтно и во всю жизнь его выражалось въ женственности характера, идеальномъ меланхолическомъ раздумьѣ и мистицизмѣ, которые развились въ немъ при удобныхъ обстоятельствахъ. Современники и особенно женщины рисуютъ намъ портретъ благовоспитаннаго Александра слѣдующими нѣжными чертами: Выраженіе лица его служило отблескомъ безконечной ангельской доброты, изящество манеръ и любезность привлекали къ нему сердца всѣхъ окружающихъ, сразу внушали полное къ нему довѣріе; въ голубыхъ глазахъ его просвѣчивало неподражаемое выраженіе кротости и мягкости. Онъ любилъ заниматься науками, будучи одаренъ изумительною памятью, умомъ тонкимъ и проницательнымъ, легко и поверхностно все схватывавшимъ. Онъ хорошо владѣлъ нѣсколькими языками и въ особенности краснорѣчиво говорилъ пофранцузски. Самъ воспитатель Лагарпъ сознается, что онъ не на-

устремъ былъ преподавать науки наслѣднику престола, а ограничивался развитіемъ въ немъ гражданскаго чувства на основаніи историческихъ примѣровъ. По его словамъ, «правитель не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ; но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ». Во всѣхъ изображеніяхъ Александра I-го и во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы замѣчаемъ отсутствіе научнаго развитія и недостатокъ твердости воли, или лучше сказать: колебаніе его подъ вліяніями того или другаго направленія. Нельзя, конечно, винить воспитателей императора, что они не дали ему научныхъ знаній, серьезнаго образованія ума; они все сдѣлали добросовѣстно по тогдашнему времени, когда русской науки собственно и не существовало. Екатерина Великая достигла своей цѣли и дала блестящее гуманное образованіе наслѣднику престола, какъ понимали его тогда самыя высокія умы. Въ то время, когда представитель извѣженной франціи Наполеонъ Бонапарте отличался грубымъ обращеніемъ, Александръ I-й затмѣвалъ любезностью самыхъ французовъ и превосходилъ во вниманіи и уваженіи къ женщинамъ, даже дворъ Людовика XIV-го. Черезчуръ реальный Наполеонъ подшучивалъ надъ польками, что Александръ I-й очаровалъ ихъ всѣхъ своей любезностью; а о политическихъ воззрѣніяхъ его отзывался такъ: «Александръ дали въ юности плохое направленіе; у него развились неправильныя понятія о филантропіи, вслѣдствіе наставленій его наставника Лагарпа. Повѣрите ли, что мнѣ пришлось въ Эрфуртѣ оспаривать его мнѣніе, что избирательное правительство гораздо лучше преемственнаго» (2).

Одаренный прекрасными качествами ума и сердца, мягкосердечный человѣкъ по натурѣ и воспитываемый въ правилахъ широкаго гуманизма, онъ поставленъ былъ въ ложное положеніе къ родителямъ Екатерины II-й, которая хотѣла его возвести на русскій престолъ, пожимо сына своего Павла Петровича. Находясь между различными лицами враждебныхъ лагерей бабки и отца, поставленный между двухъ огней, онъ съ дѣтства привыкъ углубляться въ себя, скрывать свои чувства, отличать людей съ достоинствами и презирать пустыхъ баловней счастья. Приготавливаемый на тронъ, онъ вдругъ очутился въ тяжеломъ состояніи, когда небольшой кружокъ образованныхъ придворныхъ, по смерти Екатерины II-й, смѣнился грубыми солдатами, любимцами новаго императора, которые часто безъ церемоніи обращались съ наслѣдникомъ престола, зная о неприязни къ нему родителя. Богу одному извѣстно, что передумалъ и перечувствовалъ онъ, когда, при вѣткломъ настроѣ всего своего существа, обязанъ былъ принимать участіе въ занятіяхъ суровыхъ и смотрѣть на строгія и мелочныя распоряженія

своего отца, вспыльчиваго государя. Тяжело было задушеному юношѣ, вмѣсто мысли и знанія, заниматься шагистикой на вѣчныхъ парадахъ; грустно было наблюдать, когда необразованная ватага солдатъ грязными руками стала грубо уничтожать гуманное направленіе, навѣянное философій XVIII-го стол. Испугавшись распространенія революціонныхъ идей, Павелъ I-й послалъ Суворова за Альпы для ихъ уничтоженія; а дома принялъ строгія мѣры къ спасенію своихъ подданныхъ отъ этой заразы. Онъ запретилъ путешествовать за границу, вывозить въ Россію иностранныя сочиненія, на какомъ бы ни было языкѣ, и музыкальныя ноты. Профессоръ московскаго университета Геймъ такимъ образомъ восхвалялъ учрежденія Павла I-го въ торжественной рѣчи: «Мудрую прозорливость свою онъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣванію наукъ чрезъ учрежденіе строгой бдящей цензуры... Познанія и просвѣщеніе часто употребляются во зло чрезъ обольстительныя напѣвы вольности сирень... Сколь счастливою почитать себя должна Россія, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія». Похвала черезчуръ прозрачна и съвозъ нее сильно просвѣчиваетъ темная подкладка. До какой степени сразу замѣтнымъ сдѣлался упадокъ образованія при восхваляемыхъ прозорливыхъ распоряженіяхъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Екатерина II-я, въ видахъ заведенія училищъ по всѣмъ городамъ, приказала учредить учительскую гимназію; по сознанію министерства, въ царствованіе Павла I-го, «по малому вниманію на учебную часть, это заведеніе до того оскудѣло, что въ немъ не находилось ни единаго воспитанника, приготоваенаго наукою къ занятію учительскаго мѣста» (3).

Эти крайнія мѣры слишкомъ тяжелы были для зарождавшагося образованія и заставили Александра I-го, тотчасъ по вступленіи на престолъ, принять подъ свой покровъ незаслуженно гонимый умъ своихъ подданныхъ. Не напрасно внушалъ Лагарпъ своему питомцу, что заблужденія и предрасудки народа нельзя истребить насильственными мѣрами; просвѣщенный правитель долженъ дать свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами и неотразимою силою насмѣшки, а любовь къ просвѣщенію составляетъ драгоценную черту сильныхъ міра. Императрица Екатерина II-я служила для него идеаломъ правительницы—и внукъ ея обѣщалъ Россіи царствовать «по законамъ и по сердцу бабки своей». Образованные люди съ восторгомъ привѣтствовали, молодаго монарха, надѣясь на поднятіе уровня отечественнаго просвѣщенія. И не напрасны были ихъ ожиданія: руководствуясь во взглядѣ на просвѣщеніе идеями императрицы Екатерины II-й, Александръ I-й одушевленъ былъ мыслью распростра-

нить просвѣщеніе во всей Россіи, считая его главнымъ и естественнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія.— Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, новый государь отмѣнилъ всѣ стѣснительные указы Павла I-го насчетъ образованія, велѣлъ распечатать частныя типографіи, вывозить и издавать иностранныя сочиненія и ноты; а вскорѣ потомъ издалъ повелѣніе о пропускѣ безъ досмотра цензуры иностранныхъ книгъ для университетовъ. Быстро восстановлены запустѣвшія учебныя заведенія; всѣмъ дозволено свободно ѣздить за границу; «перестали бояться шпионства и доносовъ; искусства и литература, нестѣсняемая болѣе, привѣтствовали своего августѣйшаго покровителя» (4). Дитя гуманнаго возрѣвія конца XVIII-го стол., императоръ, неимѣя научнаго образованія и серьезныхъ познаній, однако вынесъ изъ уроковъ своихъ воспитателей сильную любовь къ наукѣ и уваженіе къ образованнымъ людямъ, которыхъ умѣлъ отличать, иногда, нестѣняясь ихъ происхожденіемъ, не въ угоду боярства, избалованнаго Екатериной II-й. Крупнымъ образцомъ на этотъ разъ можетъ служить М. М. Сперанскій, къ которому обращался Воейковъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Ты славно побѣдилъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и вичливость...
Монарху славному со славою служи,
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ».

Настроеніе душевное императора относится къ образованнымъ людямъ съ уваженіемъ сохранилось у него до конца дней (5).

Время Александра I-го особенно важно въ томъ отношеніи, что составляетъ эпоху въ умственномъ развитіи Россіи, когда началась дѣйствительно закладка научнаго и серьезнаго образованія, когда скрѣплялась связь между одностороннимъ обученіемъ Петра Великаго и сердечнымъ воспитаніемъ временъ Екатерины II-й, когда Россія покрылась какъ сѣтью учебными заведеніями и на высшее образованіе обращено сильное вниманіе. Окруженный образованными друзьями—идеалистами, молодой государь, наряду съ внутренними преобразованіями, сталъ заботиться особенно о просвѣщеніи Россіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. «Къ распространенію наукъ и художествъ, столь необходимыхъ для благоденствія народовъ», въ 1802 г. открыто Министерство Народнаго Просвѣщенія; первымъ министромъ назначенъ весьма удачно П. В. Завадовскій и это новое учрежденіе явилось могущественнымъ средствомъ для распространенія знаній въ Россіи. «Министръ народ-

наго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ—управлялъ всѣми учебными заведеніями, исключая училищъ императрицы Маріи, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи типографію, цензуру, журналистику, библиотеки, музеи и проч. Учрежденное тогда *Главное Правленіе училищъ* «обязано было особенно пешиись о успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ, образуя повсемѣстно просвѣщенныхъ и благонравныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ» (6). Екатерина II-я желала открыть еще одинъ университетъ кромѣ московскаго въ Псковѣ, Черниговѣ или Пензѣ, какъ значится въ указѣ 29 янв. 1726 г., но этому предположенію не суждено было осуществиться на практикѣ; предисада она также завести училища по всѣмъ городамъ, но не имѣла успѣха, потому что не нашлось учителей. Александръ привелъ въ исполненіе ея предположеніе, открылъ много высшихъ учебныхъ заведеній, а для гимназій и школъ приказалъ набрать учителей изъ семинаристовъ (7). Скоро составленъ былъ систематическій планъ учрежденія учебныхъ заведеній общеобразовательныхъ, водворена стройная система и полная организація образованія и воспитанія. Въ 1803 г. «для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія», опредѣлялись четыре рода училищъ: 1, *приходскія*, которыя должны быть открыты въ каждомъ приходѣ или въ двухъ, судя по числу жителей, 2, *уѣздныя*—по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, 3, *гимназій*—въ каждомъ губернскомъ городѣ, 4, *университеты*—по учебнымъ округамъ. Кромѣ существующихъ въ Вильнѣ, Дерптѣ и Москвѣ, велѣно учредить университеты въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Затѣмъ предназначались для университетовъ города: Киевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе, «но мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Тогда же предписаны правила о заведеніи всѣхъ училищъ (8). Съ особенной любовью государь относился къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ тотчасъ по вступленіи на престолъ; такъ въ актѣ дерптскому университету (1802 г. *дск.*, 12-го) выражено: «Пріятно нашему сердцу привести сіе святилище наукъ въ цвѣтущее состояніе, посему приедемъ оный университетъ въ особенное наше покровительство и защиту»; еще полнѣе высказанъ взглядъ правительства на образованіе въ актѣ, данномъ виленскому университету (4-го апр. 1803 г.): «Желая утвердить благоденствіе всѣхъ областей имперіи нашей на просвѣщеніи народномъ, какъ единственномъ основаніи онаго, мы признали за истинное, что первый и самый благонадежный шагъ въ семъ пространномъ поприщѣ есть попеченіе объ устроеніи новыхъ и исправленіи существующихъ уже заведеній для воспитанія юношества, коихъ

польза доказана многолѣтнимъ опытомъ» (9). При учрежденіи университетовъ желали въ то время избѣжать приказнаго характера, присвоили имъ особыя права: допустили выборное начало и свой судъ, организовали ихъ самоуправленіе, даровали собственную цензуру, обогатили научными средствами; подчинили имъ всѣ училища округа и т. под. Уставъ университетскій представляетъ одно изъ замѣчательныхъ явленій того времени (10).

Какъ правительство, такъ различные классы общества и частныя лица, не жалѣли денегъ на развитіе народнаго просвѣщенія.

Въ 1803 г. министерство исчислило

на 4 университета	520,000 р.
на 42 гимназій	236,000 »
на 405 уѣздныхъ училищъ	563,450 »
<hr/>	
Итого	1,319,450 р.

При энергическихъ мѣрахъ министерства, въ царствованіе Александра устроено 4 университета, 4 лицея, 58 гимназій, 100 уѣздныхъ училищъ, множество народныхъ школъ: очевидно государь желалъ на дѣлѣ доказать свое стремленіе: «и въ хижинахъ да будетъ свѣтъ». Самымъ крупнымъ событіемъ тогдашняго времени было открытіе уѣздныхъ и приходскихъ училищъ; въ казанскомъ округѣ профес. Кондыревъ ѣздилъ 3 года съ этой цѣлью, приглашалъ къ пожертвованіямъ населеніе и всюду встрѣчалъ живое сочувствіе къ дѣлу просвѣщенія и собиралъ средства; открытія училищъ сопровождалось крестнымъ ходомъ, колокольнымъ звономъ и пушечною пальбой. Пожертвованія ежегодно доходили до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ (въ 1818 г.—59,958 р.). При училищахъ старались заводить огороды и сады, библіотеки, запасъ книгъ для продажи по дешевой цѣнѣ, математическія и физическія пособія и проч. «Всѣ состоянія приняли дѣятельное участіе... Многія высшаго класса особы, и малыхъ и бѣдныхъ городовъ мѣщане явили похвальное свое усердіе» (11). Необходимость заведенія училищъ сильно чувствовалась всюду, на примѣръ, въ г. Уфѣ, правительственномъ центрѣ обширнаго края, было только одно народное училище и съ однимъ учителемъ. Открытіе повсемѣстно училищъ, рвеніе правительства въ дѣлу просвѣщенія и особенно поддержка высшихъ учебныхъ заведеній приводили въ восторгъ молодое поколѣніе. То была пора благородныхъ стремленій, теплої любви къ образованію, юношескаго пыла ко всему живому и дѣльному: открытіе университета въ Казани произвело истинный восторгъ между учениками гимназій; всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщанія ревностно трудиться, чтобы попасть въ студенты (С. Т. Аксаковъ). Не одно количество учебныхъ заведеній обращаетъ на

себя вниманіе въ царствованіе Александра, но и улучшеніе преподаванія, усиленіе средствъ и строгая система дальнѣйшаго усовершенствованія ихъ. Державинъ писалъ въ 1811 г. о недостаткахъ своего образованія и воспитанія въ 1-й казанской гимназіи и завидовалъ современникамъ, которые были счастливѣе его: «Насъ научали тогда вѣрѣ безъ катихизиса, языкамъ—безъ грамматики, числамъ и измѣренію—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ и т. под. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы можно было почерпать глубокія и обширныя свѣдѣнія». Черезъ полстолѣтія въ той же гимназіи, когда тамъ учился С. Т. Аксаковъ, преподаваніе было совсѣмъ другое и учителя, вышедшіе изъ московскаго университета, казались ученикамъ настоящими учеными (12). Въ царствованіе Александра учреждено и приведено въ лучшій порядокъ множество женскихъ учебныхъ заведеній; на этомъ пути отличалась особенно вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна и создала особое вѣдомство (13).

Кромѣ общихъ учебныхъ заведеній, возникъ цѣлый рядъ специальныхъ и техническихъ, какъ на средства правительства, такъ и на частныя пожертвованія. Въ 1803 г. окт. 9 предположено завести военныя училища и кадетскіе корпуса для содержанія 3,000 благородныхъ питомцевъ; число это могло быть увеличено, чтобы благородные юноши приобрѣтали познанія, *приличныя ихъ состоянію*, чтобы просвѣщеніе ума и образованіе сердца сдѣлало ихъ способными начинать служеніе отечеству (14). Въ 1804 г. въ Москвѣ учреждено училище торговыхъ наукъ по желанію купечества, а въ Одессѣ и Таганрогѣ открыты коммерческія гимназіи. Отличныхъ воспитанниковъ велѣно отправлять за границу для практическаго изученія коммерціи. Но такъ какъ купеческія дѣти стремились занять мѣста въ государственной службѣ по окончаніи курса, то правительство постановило допускать ихъ къ этой службѣ только черезъ 10 лѣтъ (15). Велѣно образовать горныя училища при заводахъ для обученія мастерамъ, а потомъ развивать знанія и открыть школу при горномъ кадетскомъ корпусѣ. Далѣе основаны школы ветеринарная и аптекарская при медицинской академіи, училища для приготовленія строителей и мореплавателей, учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ, лѣсныя училища въ Царскомъ Селѣ и въ г. Козельскѣ (16). Въ 1807 г. учрежденъ былъ «Комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ»; въ числѣ шести членовъ его находился М. М. Сперанскій, который былъ главнымъ дѣятелемъ улучшенія духовнаго образованія, и указалъ источникъ средствъ для содержанія училищъ и семинарій въ продажѣ восковыхъ свѣчей при церквахъ; онъ же трудился надъ составленіемъ устава духовныхъ

академії. Уставы академії, семинарій и духовныхъ училищъ обнародованы въ 1814 г. (17). Въ то же время учреждены: институтъ для приготовленія способныхъ инженеровъ, преобразованный въ 1823 г., главный педагогическій институтъ и высшее училище правовѣдѣнія (18).

Не смотря на разстроенные финансы, государь не щадилъ расходовъ на приобрѣтеніе учебныхъ средствъ; Карамзинъ говорилъ, будто миліоны тратятся *даромъ* на университеты; но государь имѣлъ другіе взгляды и потому не жалѣлъ денегъ, если онѣ требовались для учебныхъ учреждений. Не разъ давалъ онъ изъ своихъ кабинетныхъ средствъ на изданіе или распространеніе полезныхъ сочиненій (19). Заведеніе кабинетовъ, музеевъ и библиотекъ находило всегда радушную поддержку правительства (20).

Издавая правила объ—устройствѣ училищъ и о распространеніи наукъ въ имперіи, государь обращался къ народу съ слѣдующими знаменательными словами: «Мы увѣрены, что всѣ наши вѣрноподанные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ содѣйствовать нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ»... «Всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ, вспомошествовая правительству патриотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, приобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее и утвердить на предыдущее время, благосостояніе и славу ихъ отечества». Это заявленіе имѣло необычайный успѣхъ: сотни тысячъ рублей, обреченные на внѣшнія дѣла благотворительности, пожертвованы на учебныя заведенія. Особенно интересно прошеніе П. Г. Демидова на имя государя; изъ него видно, какое громадное вліяніе произвело его намѣреніе возвысить просвѣщеніе Россіи. «Съ давнихъ лѣтъ помышлялъ я, говоритъ Демидовъ, удѣлить отъ избытковъ имущества своего на какое—нибудь челоуколюбивое заведеніе; а любя науки, и почитая просвѣщеніе первымъ основаніемъ благосостоянія государства, сильнѣйшее мое желаніе всегда было спосиѣшествовать распространенію оныхъ. Величайшій и несравненный примѣръ В. И. Величества, открывающій путь ко всеобщему просвѣщенію въ Россіи, возбудилъ во мнѣ непреоборимое желаніе произвести въ самое дѣйствіе то, о чемъ помышлялъ я нѣсколько лѣтъ». И онъ пожертвовалъ 300,000 руб. и 3,578 душъ крестьянъ въ пользу высшихъ учебныхъ заведеній (21). Желая содѣйствовать благотѣльнымъ намѣреніямъ правительства къ просвѣщенію народа, цѣлыя общества и частныя лица собирали и

дарили громадныя суммы. Въ 1803 г. мая 25 слободско-украинское дворянство пожертвовало для учрежденія харьковскаго университета 400,000 рублей. Въ 1805 г. іюля 29 канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко завѣщалъ 210,000 руб. въ пользу богоугодныхъ заведеній, а его братъ Илья счелъ удобнѣе и сообразнѣе *съ видами юсударя* открыть училище высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, пожертвовавъ отъ себя мѣсто съ садомъ и обезпечивъ платежъ денегъ тремя тысячами душъ крестьянъ въ Малороссіи (22). За пожертвованія правительство разсылало рескрипты, награждало чинами и орденами благотворителей, приказывало ставить ихъ бюсты въ торжественной залѣ, утверждало почетными членами или попечителями заведеній и т. под. (23). Въ 1816 г. янв. 15 вышло распоряженіе объ—опредѣленіи наградъ лицамъ, поддерживавшимъ учебныя заведенія. Дабы жертвователей въ пользу училищъ больше поощрить и возбудить въ другихъ соревнованіе въ благотвореніямъ, назначались министерствомъ награды и почести, сообразно приношеніямъ cadaго. Эта такса наградъ за приношенія, какъ и слѣдовало ожидать, привела скоро къ пожертвованіямъ съ расчетомъ—получить высокія права. Штигилицъ, напимѣръ, пожертвовалъ 100 тыс. р., чтобы братьямъ его или одному изъ нихъ даровано было дворянское достоинство. Но когда ему отвѣчали, что руссійское дворянство не можетъ быть куплено никакимъ пожертвованіемъ и жалуется самодержавной властью за заслуги, то онъ просилъ не дѣлать его прошенія гласнымъ и не награждать ничѣмъ, а деньги предоставилъ на общепольное заведеніе (24). Они пошли на учрежденіе Ршелевскаго лица.

Забота объ улучшеніи положенія учащаго сословія проявлялась постоянно въ правительственныхъ лицахъ, которыя старались о поднятій правъ и привилегій преподавателей; въ 1803 г. вышли постановленія: не взysкивать квартирныхъ денегъ съ домовъ, занимаемыхъ профессорами,—провозить безошлинно изъ-за границы профессорамъ пожитковъ на 3000 руб. Обращено было вниманіе на матеріальное обезпеченіе учителей, которые «лишены средствъ къ приличному содержанію» и отъ выхода которыхъ въ другія должности затворялись училища. Иногда выдавали денежныя награды усерднымъ педагогамъ. Вопросы о пенсіяхъ, о чинахъ и мундирахъ для служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія возбуждались и рѣшались въ теченіе всего царствованія Александра I-го. Но при всѣхъ стараніяхъ правительства, при всѣхъ издержкахъ, при всѣхъ частныхъ и общихъ усиліяхъ, число людей, могущихъ съ честью и съ пользою заниматься преподаваніемъ, весьма было ограничено, со включеніемъ даже иноземцевъ, вызванныхъ изъ-за границы. Въ самомъ Петербургѣ должности преподавателей за-

мѣщались съ величайшимъ трудомъ. «Никто не избереть добровольно сего рода службы, по недостатку жалованья, всѣ стремятся къ другимъ выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ», заявляетъ министерство. Хотя нѣкоторые въ маломъ числѣ поступаютъ учителями въ разныя учебныя заведенія, «но вскорѣ, прельщаясь личными выгодами другаго рода службы и званій, теряютъ они ревность къ многотрудному и маловидному учительскому занятію, и оставляютъ сіе званіе, когда чрезъ пріобрѣтенный въ ономъ навыкъ могли бы наиболѣе быть полезными». Поэтому всюду большая нужда въ способныхъ учителяхъ, а иногда въ училищахъ, за выbytіемъ учителя, прерывается ученіе (25).

Права и преимущества учащихся въ царствованіе Александра также расширены сравнительно съ прежнимъ временемъ и получили стройную систему. Въ проэктѣ XVIII в. объ-основаніи московскаго университета прямо запрещается принимать крѣпостныхъ людей въ университетъ и въ гимназіи, «потому что науки почитаются благородными занятіями». Но Ломоносовъ возсталъ противъ этого заявленія и доказывалъ, что посадскіе крестьяне и несвободные люди должны учиться въ университетѣ и этими науки и ученые люди не унизятся: бывають же цари и князья съ несвободными въ церкви и вмѣстѣ слушаютъ слово божіе. «Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ». Несмотря на такія убѣжденія Ломоносова, бояре отстаивали свои исключительныя права на поступленіе въ университетъ и протестовали даже въ царствованіе Александра I-го противъ образованія крѣпостныхъ людей; но Правленіе училищъ рѣшило допустить въ университеты всѣхъ любознательныхъ людей безъ различія лѣтъ и сословій, хотя бы они были не студенты, а посторонніе слушатели (26). Входъ во святилище наукъ стали разрѣшать лицамъ низшихъ классовъ общества, податнымъ и даже крѣпостнымъ людямъ. Такъ вышло распоряженіе, чтобы изъ солдатскихъ дѣтей способнѣйшіе и оказавшіе отличные успѣхи при лучшемъ поведеніи, воспитываемые въ с.-п.-бургской гимназіи, поступали въ корпусъ учительскими помощниками. Въ горнозаводскую школу графини Стрѣгановой велѣно принимать 300 дѣтей крѣпостнаго и свободного званія для занятія мѣстъ прикащиковъ при заводахъ, въ качествѣ ремесленниковъ. Подъ вліяніемъ гуманнаго образованія, правительство считало необходимымъ предоставить свободу воспитанія лицамъ, которыя казались недостойными такого благодѣянія. Евреямъ, сибирскимъ инородцамъ, грекамъ, почтовымъ служителямъ сибирскихъ губерній предоставлены права поступленія въ русскія училища и разрѣшено самимъ заводить собственныя

школы (27). Министерство постоянно жаловалось на недостатокъ учителей и потому старалось размножать обязанныхъ службой стипендіатовъ, давая средство бѣднякамъ получить образование, посылало ихъ на казенный счетъ за границу и увеличивало средства содержанія студентовъ въ университетахъ, учредило чины, мундиры и медали въ видѣ награды (28).

Въ царствованіе Александра I-го академія наукъ, поддержанная правительствомъ, стала приносить болѣе пользы, чѣмъ въ предыдущіе годы. Въ 1803 г. іюля 25 правительство опредѣлило слѣдующія обязанности академіи наукъ: «Расширить предѣлы знаній, усовершенствовать науки, обогащать ихъ новыми открытіями, распространять просвѣщеніе, направлять познанія ко благу общему, приспособляя къ практическому употребленію теоріи и полезныя свѣдѣнія опытовъ и наблюденій». Кроме того, поставлено задачей «непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній имперіи, изыскивая средства въ умноженію источниковъ богатства и силы государствъ» (29). Академія рос., получавшая ничтожное содержаніе, не приносила почти никакой пользы. А. С. Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ ея въ 1813 г., желалъ возвысить это учрежденіе и увеличить ея окладъ, чтобы дѣйствовать плодотворно на поощреніе талантовъ и движеніе русской науки; онъ хотѣлъ подчинить ей всю литературу, типографіи и даже цензуру. Несмотря на равнодушіе мистическаго министерства къ планамъ его преобразованія академіи, настойчивый президентъ добился своего чрезъ могущественнаго Аракчеева,—и составилъ новый уставъ и штаты, утвержденные 29 мая 1818 года. На содержаніе академіи назначено вмѣсто 9 тыс.—60 тыс., на заведеніе типографіи—30 тыс., на устройство залы для публичныхъ собраній Русской бесѣды 90 тыс. Но случилось то, чего не ожидалъ Шишковъ: новые таланты развились, но поощрять ему ихъ нѣльзя было: они не признавали авторитета старика и пошли далѣе его узкихъ взглядовъ; безъ примѣси фантазіи они стали разрабатывать русскую науку, какъ Востоковъ и Карамзинъ, которыхъ онъ впрочемъ принялъ въ академію, несмотря на различіе убѣжденій. Замѣчая нападки новыхъ лицъ, онъ писалъ: «Ни я гонитель дарованій, ни я зложелатель кому нибудь, совѣсть моя со всѣхъ сторонъ чиста и спокойна. Никогда не могу я себя упрекнуть ни личностью, ни строгостью въ моихъ сужденіяхъ; но всегда наблюдалъ одну только справедливость».

Въ 1804 году, изданъ былъ уставъ о цензурѣ въ смягченномъ и просвѣтительномъ духѣ правительства, къ удовольствію писателей. Открылось много ученыхъ обществъ, которыя способствовали развитію и

распространенію научныхъ знаній въ Россіи, какъ то: въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Казани, Або, Ригѣ, Вильнѣ и проч. Посредствомъ этихъ обществъ хотѣли соединить людей науки съ городскими жителями: «общество, имѣя членами своими особъ разныхъ званій и классовъ, сближаетъ оныхъ и съ университетомъ... Тѣсная связь университета съ публикою поселяетъ въ согражданахъ любовь къ учености». Общество наукъ при харьковскомъ университетѣ имѣло цѣлью «распространеніе наукъ и знаній, какъ чрезъ ученыхъ изысканія, такъ и чрезъ изданіе въ свѣтъ общепользныхъ сочиненій». До 1818 года казанское общество имѣло уже до 100 членовъ и сношенія его велись съ образованными лицами почти всей Россіи. Достаточно сказать, что тогда возникло московское общество исторіи и древностей, чтобы судить о заслугахъ совокупныхъ трудовъ. Въ 1812 году учреждено въ С.-петербургѣ, по образцу англійскаго, библейское общество, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына. Отдѣленія библейскаго общества, размножившіяся по уѣзднымъ городамъ, собирали деньги, заводили благотворительныя кружки, раздавали даромъ книги священнаго писанія на русскомъ языкѣ, переводили евангеліе и книги новаго завѣта на чувашскій, черемисскій и мордовскій языки. Масонскія ложи, запрещенныя при Екатеринѣ II-й, открылись въ 1812 году и привлекали множество членовъ изъ молодыхъ, иногда талантливыхъ людей высшаго круга, въ числѣ которыхъ находились литераторы и впоследствии нѣкоторые изъ декабристовъ. Главной задачей ихъ было—«распространеніе всеобщаго, истиннаго образованія души и сердца»; братья помогали нуждающимся и заводили бесплатныя школы; впрочемъ такихъ дѣятелей было не много: большинство масоновъ увлекалось внѣшностью и обрядностью, какъ модой. Общества были явныя и тайныя масоновъ, мартинистовъ, иллюминатовъ и мистиковъ, и закрыты были въ 1822 году (30).

Кромѣ того нужно упомянуть, что забота правительства о просвѣщеніи выразилась въ періодическихъ изданіяхъ при Министерствахъ, въ открытіи библіотекъ, сохраненіи и описаніи памятниковъ древности и проч. (31).

Въ высшемъ обществѣ съ одной стороны мы видимъ пылкихъ, благороднѣйшихъ людей большаго образованія, друзей Александра I-го, которые сильно заботились о просвѣщеніи народа, хотя заслужили справедливыя упреки въ незнаніи родины. Съ другой стороны въ большинствѣ идутъ отсталые люди, враги всякихъ нововведеній, которые не стыдились утверждать, будто бездарная посредственность полезнѣе для дѣла, нежели даровитые и образованные; послѣднихъ, какъ опасныхъ, они старались держать въ подчиненномъ положеніи, по просту говоря,

въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ административныхъ сферахъ не мало еще оставалось приверженцевъ характера дѣятельности Павла Петровича, которые предпочитали казармы училищамъ и старались отбивать послѣднія для канцелярій и другихъ менѣе высокихъ помѣщеній. Въ разгаръ сильнаго стремленія къ умственному развитію и образованію (въ 1803 г.), подъ предлогомъ облегченія жителей, графъ Аракчеевъ изъ монастыря и семинаріи въ г. Коломнѣ хотѣлъ «сдѣлать полезнѣйшее употребленіе», именно: завести для кирасиръ казармы и конюшни. М—тъ Платонъ писалъ Аракчееву по этому случаю съ горечью, какъ опечалится духовенство отъ закрытія семинаріи и городъ, видя опороженіе священной древности, устройство казармъ и конюшенъ вблизи собора. «Подлинно, челоуѣколюбивое и христіанское дѣло изобрѣтать способы, кои бы не причиняли полезному учрежденію нарушенія, а не предосужденія для церкви и прискорбія для гражданъ, можетъ быть, большаго, нежели временный для нихъ убытокъ». Однако послѣ нѣсколькихъ грубыхъ попытокъ присвоивать училищныя дома для казенныхъ потребностей, въ 1807 г. вышло распоряженіе—не занимать учебныхъ зданій подъ присутственныя мѣста или другія гражданскія надобности (32).

Русское боярство не любило учиться и занималось съ единственной цѣлью полученія чиновъ: украинскіе дворяне пожертвовали большія суммы на учрежденіе высшаго учебнаго заведенія и горько сожалѣли, что правительство открыло университетъ въ Харьковѣ, а не кадетскій корпусъ, который давалъ закладку для движенія по лѣстницѣ чиновной. Въ 1803 г. вышло распоряженіе—не принимать въ гражданской службѣ, требующей юридическихъ и иныхъ познаній, неокончившихъ курсъ въ училищѣ, чтобы доставить образованныхъ чиновниковъ, а «трудамъ и успѣхамъ въ наукахъ открыть путь къ дѣятельности, предпочтенію и наградамъ, сопряженнымъ съ службою», чтобы отечественныя установленія предпочесть способамъ ученія иностраннымъ, недостаточнымъ и ненадежнымъ. Но черезъ 6 лѣтъ государь заявилъ: «къ вѣщшему прискорбію нашему, мы видимъ, что дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ, въ семъ полезномъ учрежденіи менѣе другихъ приѣмлетъ участія». Русскіе дворяне чуждались высокаго званія профессора университета, а педагогическія занятія считали для себя унизительными. Какъ о чудѣ своего времени, было заявлено въ газетахъ 1805 г., что Воейковъ занялъ мѣсто профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ, будучи русскимъ дворяниномъ и вдобавокъ титулярнымъ совѣтникомъ. М. И. Сухомлиновъ совершенно вѣрно замѣтилъ: «дворяне предпочитали военную службу, не отказывались и отъ гражданскихъ мѣстъ, какъ на примѣръ отъ дол-

жности судьи, но упорно избѣгали ученаго званія. Почти всѣ русскіе академики XVIII-го стол. вышли изъ крестьянскаго сословія; почти всѣ профессора русскихъ университетовъ начала XIX вѣка происходили изъ духовнаго званія». Нужно было доказывать публицистамъ того времени, что ученое званіе есть благородное, не унижающее, а возвышающее дворянина.

Въ царствованіе Александра I-го не мало было помѣщиковъ, которые злобно вооружались противъ развитія научнаго не въ однѣхъ провинціяхъ, но и въ столицахъ; вмѣстѣ съ Фамусовымъ они могли сказать: «ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина сумашествія». Эти гонители образованія, которые не задумались бы сжечь всѣ книги, являются не въ одной литературѣ: членъ библейскаго общества симбирскаго отдѣленія скупалъ книги и присылалъ ихъ для сожженія, приглашая все общество заняться истребленіемъ подозрительныхъ сочиненій. На взглядъ многихъ старовѣровъ помѣщиковъ всякое высшее учебное заведеніе служило источникомъ распространенія вольнодумства, всякая наука равнялась еретической душевредной мудрости. Хотя заводили школы для простонародья по селамъ, но общій тонъ образованія отличался ивоземнымъ и боярскимъ доморощеннымъ оттѣнкомъ; хотя пробудился въ русскомъ высшемъ обществѣ патріотизмъ и любовь къ отечественной литературѣ, но увлеченіе западомъ доходило до крайнихъ предѣловъ. То время отличалось помѣщичьимъ бездѣльемъ и поэзія служила пріятнымъ развлеченіемъ и дополненіемъ беспорядочной жизни, игра въ стихотворство ласкала барское чванство и гордость. Люди недюжинные тратили силы свои на пустое рифмоплетство и смотрѣли на него, какъ на дѣло великой важности; даже Пушкинъ, крупный поэтический талантъ, заплатилъ обильную дань своему времени въ молодые годы. Тупыя остроты, тонкія любезности, приторные сонеты и мадригалы сыпались со всѣхъ сторонъ; похвалы бездарныхъ друзей и воспѣванія сиѣсивыхъ и невѣжественныхъ вельможъ доходили до неимоверной лжи и пошлости; другъ къ другу летали на рыскахъ съ обточенными фразами и за совѣтами, какъ бы лучше подобрать сообще словечко въ куплетцы на торжества. Все это не важно, пусть бы праздные люди работали надъ механизмомъ языка, но бѣда-то заключалась въ томъ, что этимъ литературнымъ мараньямъ придавали громадное значеніе и замѣняли ими науку, что *благорожденные* пинты высккивали стишками связи и покровительства, посредствомъ тонкостей литературной лести вылѣзали на хорошую дорогу дипломатической и военной службы, а при удобномъ случаѣ становились заклятыми гонителями истиннаго образованія. По заявленію современника, гр. Ѳ. П. Толстаго,

послѣ 1812 г. «образованность и нравственныя понятія начинали до-вольно сильно развиваться въ средѣ дворянскаго сословія, особенно между молодыми людьми; но масса общества еще чуждалась серьезной дѣятельности и интересовалась больше забавами, празднествами, сплетнями и скандалами. Роскошные наряды, остроты, блескъ положенія и свѣтскость нерѣдко прикрывали внутреннюю испорченность» (33). Въ эту-то пору барскаго пустословія выступили на сцену настоящіе труженики, умные и дѣльные люди науки и воспитатели молодаго поколѣнія, дѣти духовенства, ученики семинарій и академій. По необходимости уступая дорогу, иногда бездарнымъ и празднымъ людямъ, они работали добросовѣстно, съ любовью и знаніемъ дѣла, надъ развитіемъ просвѣщенія, при своей скромной долѣ, а умѣлыя лица высокороденныя ловко загребали жаръ ихъ руками. Имъ главнымъ образомъ обязано поддержкой научное и педагогическое дѣло въ царствованіе Александра.

Помимо легкой нѣжной литературной производительности и до-рощенной чувствительности, въ образованіи водворился тогда, по выраженію Грибоѣдова, «нечистый духъ пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья». Злополучное иностранное воспитаніе со всѣми его вредными развѣтвленіями особенно сильно было до 1812 года, когда бессмысленно преклонялись предъ иностранцами. Противодѣйствіе такому ненормаль-ному явленію при Александрѣ I-мъ начинается не одними сатириче-скими выходками, какъ было при Екатеринѣ II-й, но мужи образова-ные начали доказывать нелѣпость принятой системы болѣе серьезнымъ образомъ. А. С. Шишковъ сталъ писать съ 1804 года, что русскій долженъ любить свой языкъ, свои обычаи и нравы, свою одежду и со-хранять черты стойкаго и благороднаго характера нашихъ предковъ, что блестящая наружность французовъ уловляетъ въ сѣти простоту и легкомысліе. Журналы подняли его на смѣхъ, какъ онъ дезнулъ гово-рить, «что русскому надобно русское воспитаніе, что онъ хочетъ испро-вергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество». Впрочемъ не одинъ Шишковъ ратовалъ противъ иностранцевъ, распространя-вшихъ зло въ нашемъ отечествѣ: самъ министръ народнаго просвѣще-нія въ докладѣ 25 мая 1811 года еще глубже Шишкова скорбѣлъ о несчастномъ невѣжествѣ и заблужденіи, охватившемъ бояръ, въ напра-вленіи воспитанія дѣтей. «Въ отечествѣ нашемъ, пишетъ онъ, далеко простерло корни свои воспитаніе, сообщаемое иноземцами. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, за-нятыхъ одною собственною корыстью, презирающихъ все не иностран-ное, неимѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаний.

Слѣдую дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, нельзя безъ прискорбія взирать на зло, столь глубоко внѣдрившееся въ немъ. Поставленный бодрствовать надъ воспитаніемъ своихъ согражданъ, считаю священнымъ долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависитъ переломить дѣхъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чужимъ воспитателямъ; но подѣ высокимъ вліаніемъ Монарха я могу дѣйствовать предоставленными мнѣ орудіями. Битъ можетъ, мѣра правительства послужитъ образцемъ и для каждаго частнаго гражданина. Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, потребными для званія. Не зная нашего языка и гнушаясь имъ, не имѣя привязанности къ странѣ, чуждой для нихъ, они юнымъ Россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему,—и въ нѣдрахъ Россіи изъ русскаго образуютъ иностранца. Для преподаванія наукъ они избираютъ тоже иностранцевъ, что усугубляетъ вредъ, разливаемый ихъ воспитаніемъ и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ». Борьба съ французами въ 1812 году и пожаръ Москвы отрезвительно подѣйствовали на многихъ и возбудили патриотическій настрой въ характерѣ русскихъ—и Шишковъ нашель себѣ приверженцевъ. Но онъ ставилъ вопросъ односторонне и всю вину разоренія Россіи приписывалъ вліанію французскихъ писателей «остроумныхъ, но злочестивыхъ», которые будто бы помрачили весь умъ націи и повергли ее въ бездну пороковъ (34).

Напитавшись ученіемъ французскихъ философовъ объ уваженіи къ правамъ чловѣка, Александръ I-й желалъ сдѣлать счастливымъ цѣлый свѣтъ; при отсутствіи твердой воли и при идеальномъ настроѣ психическомъ, онъ подчинялся легко окружающимъ любимцамъ и подѣ вліаніемъ старался облагодѣтельствовать неблагодарныхъ и легкомысленныхъ поляковъ и ловкихъ нѣмцевъ, въ ущербъ русскихъ интересовъ. Онъ выразилъ необычайную заботу о возвышеніи виленскаго и дерптскаго университетовъ, предпочитая ихъ русскимъ высшимъ заведеніямъ; давалъ широкія права, подѣ вліаніемъ Чарторижскаго, не только всѣмъ школамъ католическимъ, но и вреднымъ іезуитскимъ. Отжившій ложный гуманизмъ французскій нашель послѣдняго покровителя въ императорѣ Александрѣ I-мъ, который и самъ былъ полнымъ его представителемъ. Черезчуръ практическіе царедворцы, знавшіе Россію, не

могли ему долго нравиться: они слишкомъ противорѣчили, не смотря тоже на свой мягкій тонъ, его елейному настрою и мечтательнымъ стремленіямъ. Но практика жизни не ладила съ его идеальными задачами; отсюда является недовольство и желаніе поправить дѣло. Недостатокъ практической, проистекавшій изъ воспитанія, доходилъ до слабости въ Александрѣ I-мъ и обнаруживался во всѣхъ отрасляхъ государственной дѣятельности. Дипломатъ его М. Ѳ. Орловъ такими чертами рисуетъ идеальныя стремленія Александра I-го: «Когда хотѣли примѣнять чувствительность въ управленію обществами, дѣло управленія шло очень плохо. Дѣло въ томъ, что принципы, которые управляютъ человѣкомъ индивидуальво и социальво, существенно противорѣчатъ другъ другу. Милосердіе прекрасно въ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно, но милосердіе можетъ надѣлать много зла цѣлому обществу. Прощеніе обидъ само по себѣ превосходно, но оно несовмѣстно съ интересами народовъ. Презрѣніе къ богатствамъ—философически разумно въ человѣкѣ частвоиъ, но оно бессмысленно въ мужѣ государственномъ. Возстановленіе Польши могло быть прекраснымъ движеніемъ души Александра; но въ смыслѣ политическомъ это была огромная ошибка». Этому императору не сознавалъ. Излишняя деликатность, сентиментальная политика и ложное великодушіе навлекли много политическихъ бѣдствій на Россію, въ чемъ онъ самъ послѣ раскаялся. «Польша отплатила ему неблагодарностью, а Европа обвинила въ честолюбивыхъ замыслахъ. Онъ посѣялъ вѣтры, а преемникъ его пожиналъ бурю» (35). Слишкомъ широкіе просвѣтительные и гуманые замыслы Александра I-го походили на мечтанія юной и благородной души—и въ глазахъ практическихъ людей казались невозможными для исполненія. Его теоретическіе планы и порывы чувства цѣлую жизнь сталкивались съ суровой дѣйствительностью и разбивались объ—нее въ дребезги; вмѣсто того, чтобы находить причины неисполнимости стремленій въ ихъ незрѣлости и неприложимости къ дѣлу, онъ постоянно обвинялъ людей окружающихъ, какъ неспособныхъ понимать его безконечныя стремленія.

Какъ не дало ему воспитаніе знанія своего народа, а развило космополитическую любовь къ человѣчеству; такъ и начала православной религіи и ея особенности были имъ смутно сознаваемы: ясно, что французскій гуманизмъ преобладалъ надъ уроками русскаго законоучителя. Близко знавшая императора Софья Тизенгаузенъ (Шуазель-Гуфье), воспитанная въ Вильнѣ, какъ истовая полька, передаетъ мнѣніе Александра I-го, что слѣдовало бы условиться государямъ Европы и народной семьѣ жить побратски. «Члены ея хотя бы и различались вѣроисповѣданіями, но вѣротерпимость соединяла бы ихъ. Для Бога, я думаю, без-

различно—призываютъ ли его люди на греческомъ языкѣ или на латинскомъ, лишь бы только они исполняли свои обязанности въ отношеніи его да были честны».... Поэтому онъ одинаково относился и къ православію и къ католичеству въ пору своей молодости, и къ мистическимъ бреднямъ иноземцевъ подь старость. Это воззрѣніе на религіи подмѣтила таже писательница; въ 1812 году 28 апрѣля старикъ-ксендзъ села Товіаны, недалеко отъ Вилькомира, вышелъ съ крестомъ на встрѣчу ѣхавшаго государя,—онъ «выскочилъ изъ коляски, взялъ изъ его руку крестъ и приложился къ нему. Ксендзъ хотѣлъ поцѣловать руку государя, но тотъ не допустилъ этого и самъ поцѣловалъ руку старика. Александръ любилъ наше католическое духовенство, добавляетъ полька, любилъ наши деревенскіе храмы и заходилъ въ нихъ, чтобы вознестись душой къ Богу, отдохнуть отъ дѣлъ и всѣхъ государственныхъ заботъ, терній царскаго величія». При такомъ настроеніи характера, легко впасть въ заблужденіе при заботахъ о народномъ образованіи. Пользуясь дружбою императора, Чарторижскій, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и попечителя виленскаго учебнаго округа, ловко обдѣлывалъ свои дѣла полонизаціи литвы, бѣлоруссіи, волини и подоліи, стремясь возстановить польское королевство въ старинныхъ его предѣлахъ. Вездѣ въ русскомъ населеніи этихъ мѣстностей онъ открыто вводилъ польское воспитаніе, даже въ кievской губерніи; всѣ предметы въ учебныхъ заведеніяхъ читались на польскомъ языкѣ, хотя на бумагѣ значились русскій языкъ и словесность. Католическое духовенство захватило школы, назначенныя для православнаго населенія кievской, подольской и волинской губерній и имѣло надъ ними главный надзоръ. Дѣло дошло до того, что русскимъ негдѣ было учиться въ тѣхъ краяхъ, безъ знанія польскаго языка; если же поступали они въ польскія училища, то грозила опасность извращенія національныхъ воззрѣній. Успѣхи полонизаціи оскорбляли народное чувство русскихъ и возбуждали вопросъ о заведеніи собственныхъ училищъ, помимо министерскихъ.

Незная русскаго народа и презирая низости придворныхъ, Александръ I-й смотрѣлъ на своихъ подданныхъ русскихъ съ ложной точки зрѣнія, считая ихъ грубыми невѣждами, несчастной націей, неподозрѣвая могучей силы, здраваго ума и простаго чувства. Очевидно, привычка къ легкому французскому воспитанію и формѣ вѣжливости, при его мягкомъ характерѣ, при постоянныхъ внушеніяхъ о чудесной жизни европейскихъ народовъ, брала перевѣсъ—и свой народъ являлся ему по теоріи страдальцемъ отъ невѣжества. Послѣ XII-го года онъ впрочемъ смутно сознавалъ, что русскій народъ имѣетъ много сторонъ, достойныхъ полнаго уваженія, которыхъ нѣтъ у другихъ націй. Вос-

поминая о преданности своего народа, онъ приходилъ въ умиленіе: «О, мои бородачи, они гораздо лучше насъ! Они сохраняютъ патриархальные нравы, вѣру въ Бога и безграничную преданность своему государю... Мнѣ такъ плохо помогаютъ придворные въ осуществленіи моихъ плановъ, что у меня подчасъ является желаніе размозжить себѣ голову объ стѣну. Меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ, и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи». Однако ни энергическое обнаруженіе патриотическихъ стремленій, ни торжество надъ иноземцами не привели Александра I-го къ мысли о развитіи русскихъ началъ, въ ущербъ льготамъ иноземцевъ, населявшихъ Россію. Примѣръ на лицо: Екатерина II-я сильно заботилась о распространеніи знанія русскаго языка въ остзейскихъ провинціяхъ; но при Александрѣ I-мъ не обращали вниманія на господствующій языкъ, даже въ дерптскомъ университетѣ (36).

Изъ того же теоретически-гуманнаго воззрѣнія императора вытекало его уваженіе къ іезуитскому ордену, члены котораго всегда умѣли въ мутной водѣ рыбу ловить. Государь писалъ въ 1812 году: «желая торжественно ознаменовать особенное благоволеніе наше къ полоцкой іезуитской коллегіи, *толикую пользу принесшей воспитаніемъ юности*, мы предназначили возвести заведеніе сіе на степень академіи, поставивъ въ зависимость отъ нея всѣ другія іезуитскія училища въ государствѣ и уравнивъ оную въ правахъ и преимуществахъ съ университетами». Коллегіи предоставлено было право раздавать ученые степени, какъ университетамъ. Но скоро императеру пришлось разочароваться насчетъ благодѣяній и просвѣтительныхъ заслугъ іезуитскихъ патеровъ: въ 1815 году дек. 20 велѣно выслать ихъ изъ русскихъ столицъ, и закрыть училища, потому что они воспользовались довѣріемъ правительства и родителей, которые отдавали имъ для воспитанія дѣтей, «возмнили потрясать господствующую православную греческую вѣру», стали прельщать въ свое вѣроисповѣданіе, погашать любовь къ согражданамъ, отдѣлять духъ ихъ отъ духа отечества, сѣять раздоръ и вражду между семействами. Высылка всѣхъ ихъ за границу остановлена была государемъ потому, что «надлежало прежде отыскать священниковъ знающихъ иностранные языки», чтобы замѣстить по колоніямъ іезуитскія должности, хотя это было, кажется, только предлогомъ для него, чтобы не поступить съ ними такъ круто сразу. Послѣ великаго благоволенія къ іезуитамъ такая полумѣра правительства характеризуетъ настрой главы его; она вовсе не отрезвила ихъ, а болѣе поощрила къ обычной дѣятельности. По сознанію министерства 1820 года, іезуиты несмотря на высылку изъ столицъ, «осмѣлились внуше-

віями своими обольщать питомцевъ и другихъ людей грекороссійской церкви и привлекать въ свое вѣроисповѣданіе въ Сибири, въ витебской, саратовской губ.; при крещеніи еврейскихъ дѣтей употребляли насилія, а для православныхъ питомцевъ—обольщенія. Они не пеклись о благосостояніи своихъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи и пускали по міру немощныхъ и увѣчныхъ, имѣя всѣ средства призрѣть ихъ; вмѣсто благодарности, они забыли долгъ подданнической присяги; поэтому лишаются покровительства законовъ и высылаются изъ Россіи. Полоцкую іезуитскую коллегію и подвѣдомственныя ей училища велѣно упразднить, бібліотеки и учебныя пособія отобрать (37). Такимъ образомъ для всеобъемлющаго сердца государя еще нанесена была глубокая рана неблагодарными волками, которыхъ воображали сдѣлать ручными ягнятами; имъ воздавали торжественныя почести за ихъ образовательную дѣятельность на пользу русскаго юношества, но она оказалась скоро зловредною. Подъ вліяніемъ поляковъ, наслѣдіе іезуитовъ тоже перешло въ искусныя руки ихъ учениковъ: высшее училище полоцкое рѣшили отдать католикамъ піарамъ, оршанское училище и пансіонъ—доминиканамъ, витебское—базиліанамъ, мстиславское училище и пансіонъ—бернардинамъ, могилевское—бѣлому духовенству. Значить, успѣхи колонизаціи югозападнаго края опять обезпечивало само русское правительство. Дѣйствительно, министръ писалъ въ 1824 г., что основанныя училища вмѣсто іезуитскихъ служатъ разсадниками католической пропаганды и совращаютъ въ латинство православныхъ юношей, которыхъ даже заставляли носить трауръ по усопшемъ папѣ Піѣ VII; русскій языкъ оставался въ совершенномъ пренебреженіи, чѣмъ недовольны были и сами жители,—все преподавалось на польскомъ языкѣ. Попечитель виленскаго университета въ 1824 году замѣтилъ тамъ много безпорядковъ и открылъ существованіе тайныхъ политическихъ обществъ (38).

Недоброе отношеніе иностранцевъ къ Россіи и глупое подражаніе ихъ быту, увлеченіе ихъ правами и языкомъ привели серьезныхъ людей къ сознанію достоинства своей народности, святости родныхъ обычаевъ и правовъ. Они стали заявлять, что космополитъ есть нравственный уродъ и литература, не проникнутая чертами народнаго духа и обычаевъ, бесполезное бумагомараніе. Сознаніе этой истины повело къ изслѣдованію разныхъ сторонъ своего отечества. Такимъ образомъ рѣзкая реформа Петра Великаго, сто лѣтъ учившая переимчивости чужой жизни, до забвенія родныхъ началъ, въ царствованіе Александра привела къ тремъ сказочнымъ дорогамъ: иностранной, боярской и народной. Плохо понимали, куда идти, и стояли на распутіи, но по крайней-мѣрѣ важно было открытіе третьей земской дороги, которой не хотѣли

знать въ XVIII стол. Видя все нахватаемымъ сплеча съ запада, люди воспитанные въ русской обстановкѣ не могли не придти къ мысли, что русскій человѣкъ дышетъ прошедшимъ и долженъ принадлежать къ собственной націи; явилось сознание, хотя и смутное, что наше общество должно обратиться къ жизни народной. Поборники народности, не чуждаясь науки, смотрѣли на нее односторонне, боясь распространения заблужденій ума, разврата сердца и опасностей для спокойствія государственнаго, хотѣли безопаснаго просвѣщенія, т. е. огня, который бы не жегъ, по словамъ гр. Уварова. Начальникъ іезуитовъ, графъ де-Местръ писалъ русскому министру Разумовскому: «На что вамъ наука! Она творитъ людей безпокойныхъ... Да и большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не захочетъ прилежно заниматься науками. Нѣтъ такого юноши въ русскомъ дворянствѣ, который не согласился бы охотнѣе сдѣлать 3 похода и побывать въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить греческія спряженія». Разумѣется, съ такимъ отзывомъ іезуита большинство дворянъ было вполне согласно и шло въ военную службу, не учась ничему. Образование гуманное, однако, поселило въ умахъ лучшихъ людей, что крѣпостное право, противное здравому смыслу, составляетъ зло и необходимо его уничтожить въ Россіи. Патріоты же, въ родѣ Шишкова, стремившіеся къ возстановленію народныхъ нравовъ и обычаевъ, не отрѣшились отъ боярскихъ воззрѣній и стояли за крѣпостное право, не сознавая связи между образованнымъ и простымъ классомъ общества; отрицая иностранную образованность, они смутно понимали, въ чемъ заключается задача русскаго движенія народнаго. Короче: явилась необходимость разумнаго изученія русской жизни и созданія отечественной науки.

Односторонняя мысль екатерининскихъ временъ, что образование должно приготовить добронравныхъ гражданъ, въ царствованіе Александра I-го передавалась правительствомъ уже не въ такомъ видѣ: оно желало просвѣщенія ума и сердца, соединенія знанія научнаго съ благонаравіемъ и благородствомъ души. Вотъ его подлинныя слова: «Не надобно раздѣлять понятій о познаніяхъ отъ понятій о благодѣаніи въ истинномъ просвѣщеніи». Въмѣсто прежнихъ словъ: *образованія благовоспитанныхъ*, стали употреблять: «образованія полезныхъ гражданъ на службу отечества и распространенія въ немъ нужныхъ познаній» (39). Этотъ взглядъ осуществлялся на дѣлѣ—и первая четверть XIX-го стол. является знаменательнымъ временемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, эпохой зарожденія отечественной науки. Русская исторія, филологія, археологія, исторія русской литературы, этнографія получили тогда прочную закладку и признана была необходимость основательнаго ихъ

изученія. Пустота и безсодержательность литературы надоѣдала зрѣлымъ людямъ и вызывала труды болѣе серьезныя. Русская исторія отзывалась прежде хвалебнымъ гимномъ и наполнялась сердечными изліяніями; теперь наступила пора трезваго разсудочнаго направленія, которая произвела строгую критическую школу Каченовскаго; явилось множество важныхъ изданій, дѣльныхъ изслѣдованій и эти черновыя работы не можетъ обойти современный ученый, какъ основы русской науки. Около искренняго любителя отечественныхъ древностей, графа Н. П. Румянцева, составилось цѣлое общество ревностныхъ и талантливыхъ дѣятелей, которые исполняли порученія графа и вызывались сами на новые труды. Достаточно назвать имена этихъ тружениковъ, чтобы убѣдиться въ научной разработкѣ отечественныхъ древностей; около Румянцева занимались Бантышъ - Каменскій, М—тъ Евгений, Малиновскій, Калайдовичъ, Востоковъ, Тимковскій, Строевъ, Кеппенъ, Френъ, Кругъ и многіе другіе. Еще Муравьевъ сильно заботился о развитіи народнаго самосознанія и по его мысли открыто «общество исторіи и древностей». Онъ правильно смотрѣлъ на задачу историческихъ наукъ, какъ не всякій образованнѣйшій человѣкъ его времени; онъ писалъ, что въ шестивіи исторіи не надо останавливаться надъ безплодными происшествіями, утомительной картиной браней и сраженій. «Тѣ только происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Особливо достойны вниманія наблюдателя нравы, владѣющую образъ мыслей, успѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе. Изображеніе ихъ должно быть почерпнуто въ происшествіяхъ. Такъ обр. исторія какого—либо народа есть лучшее истолкованіе умоначертанія его» (40). Муравьевъ главнымъ образомъ содѣйствовалъ Карамзину въ исполненіи его громаднаго историческаго труда, который служитъ монументомъ научнаго движенія русскаго общества. Характеръ этого труда вполне отражаетъ переходное время Александра I-го въ умственномъ развитіи. Тогда люди науки не отрѣшились отъ старыхъ преданій и, кромѣ знанія законовъ жизни духовной и физической, заботились о человѣчномъ развитіи читателей; поэтому ихъ рѣчь проникнута чувствомъ; изображенія блестятъ поэтическими красками, что для науки пожалуй излишне. Глубокое патріотическое сочувствіе Карамзина ко всему великому и благородному въ исторіи и современной ему жизни, нѣжное и снисходительное отношеніе къ слабостямъ, отвращеніе отъ всего низкаго и грубаго, имѣли воспитательное значеніе для общества, не развитаго наукой. Но Карамзинъ отлично

понималъ достоинство научной стороны дѣла и обезсмертилъ себя примѣчаніями къ «Исторіи государства рос.», хотя устрасался обилія этихъ выписокъ, зная вкусъ публики. Руководимый Муравьевымъ, онъ широко взглянулъ на минувшую жизнь нашихъ предковъ: нравы и обычаи, религіозныя дѣянія и юридическая сторона, образованіе и народная экономія—все привлекало его научное вниманіе, хотя складъ государства и внѣшнія отношенія занимаютъ самое видное мѣсто.

Въ то время сознано было, что общія начала юридическія, которыхъ упорно держались въ XVIII стол., лежатъ въ основѣ каждаго законодательства, какъ непреложныя теоретическія истины; другіе же законы вырабатываются самой жизнью и могущественнымъ стремленіемъ народа въ данное время; поэтому безъ историческаго изученія народного права немыслимы никакія преобразованія въ области законодательной. Въ источникѣ своемъ, въ Римскомъ правѣ, всѣ уложенія сходятся съ здравымъ смысломъ; но для каждаго народа необходимъ сводъ законовъ, передаваемый отъ отцовъ и дѣдовъ и переработанный жизнью потомковъ; въ немъ кроется родное могучее начало. Основываясь на этомъ убѣжденіи, Шишковъ и Карамзинъ справедливо находили проектъ гражданскихъ законовъ Сперанскаго не тщательнымъ, слишкомъ общимъ, исполненнымъ безъ соображенія съ русскими законами и нравами. Плодомъ этого сознанія важности историческаго изученія отечественнаго законодательства, явился впоследствии громаднѣйшій трудъ, исполненный подъ руководствомъ Сперанскаго—«Полное собраніе законовъ рос. имперіи». Въ 1814 г. казанское общество любителей словесности читало въ публичномъ собраніи отчетъ и поставило точный этнографическій вопросъ для изслѣдованія мѣстнаго края. «Мы живемъ между многими иноплеменными народами, въ древнемъ татарскомъ царствѣ, въ виду бывшей болгарской столицы. Татары, Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Зыряне окружаютъ насъ. Армяне, Персіане, Башкиры, Калмыки, Бухарцы и Китайцы ближе къ намъ, нежели къ другимъ обществамъ... Какъ полезно собирать различныя пѣсни сихъ народовъ, сказанія, записки, повѣсти, книги, надписи и т. п... Составленіе словарей сихъ языковъ, филологическое изслѣдованіе также не бесполезно». Цѣлый рядъ важныхъ открытій, дѣльныхъ изслѣдованій и изданій въ области русской археологіи, библіографіи и филологіи ясно свидѣтельствуетъ о научномъ направленіи писателей времени Александра I-го. Опытъ древностей *Успенскаго*, труды Востокова, Памятники XII-го вѣка, Собраніе государственныхъ грамотъ, Словарь русскихъ писателей митрополита Евгенія, Историческое описаніе древностей Россійскаго музея, т. е. Оружейной палаты и множество мелкихъ и точ-

ныхъ трудовъ ручались за дальнѣйшее усовершенствованіе научныхъ пріемовъ и развитіе знаній. Въ университетахъ трудились надъ составленіемъ учебниковъ и надъ разработкой вопросовъ жизни и природы, возбуждая въ обществѣ любовь къ научнымъ занятіямъ. Оставляя легкія французскія сочиненія въ наслѣдство пустымъ людямъ, лучшіе умы съ жадностью бросились искать пищи въ нѣмецкой литературѣ и философіи Шеллинга. Самое изученіе языковъ сдѣлалось уже не цѣлью, а средствомъ пріобрѣтенія познаній (41).

Въ началѣ XIX стол. сознаніе своей народности и зарожденіе русской науки содѣйствовало развитію идеи славянской взаимности; родство Русскихъ съ Славянами приводило къ тѣсному сближенію между ними, покрайней мѣрѣ, въ теоріи, такъ какъ виѣшняя политика времени Александра была черезчуръ деликатна и осторожна, а потому и неблагопріятна для взаимныхъ славянскихъ сношеній. Когда Шишковъ упоминалъ о Чехахъ, какъ соплеменномъ и храбромъ народѣ, говорящемъ нашимъ нарѣчіемъ, Александръ замѣтилъ: «подозрительные Нѣмцы подумаютъ, что мы, сближаясь съ Богемцами, симъ родствомъ, имѣемъ на нихъ какіе—нибудь виды». Послѣ этого Шишковъ стремился сблизить Славянъ на почвѣ науки, желалъ привлечь писателей къ изслѣдованію языка и составленію сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Мысль о единеніи Славянъ безспорно принадлежитъ первому Шишкову, который старался о сближеніи и надѣлѣ: онъ завелъ сношенія со всѣми выдающимися учеными—Славянами, переписывался съ Добровскимъ, Ганкой, Юнгманомъ, Линде, Раковецкимъ, Милетичемъ, Караджичемъ и другими. По его предложенію русская Академія наукъ выбрала четырехъ ученыхъ Славянъ въ свои почетные члены; Шишковъ считалъ даже необходимымъ открыть въ русскихъ университетахъ кафедръ славянскихъ нарѣчій; но въ то время не нашлось бы подготовленныхъ профессоровъ, да и щекотливая политика едва ли бы допустила до этого преподаванія. Изслѣдуя происхожденіе словъ отъ корней въ разныхъ языкахъ, Шишковъ напалъ на счастливую мысль о сравнительномъ языковѣдѣніи, когда еще европейскіе ученые имѣли о немъ смутное представленіе; но не имѣя строго—научной подготовки не могъ работать надъ развитіемъ ея точно и сознательно, помимо фантастическихъ увлеченій (42).

Хотя русская наука выступила на прямую дорогу, но не могла сразу освободиться отъ примѣси фантазіи, общихъ мѣстъ и поучительнаго тона; законы жизни и природы сознаваемы были ощупью и съ большимъ трудомъ. Вопросы научные рѣшались большею частью на общихъ теоретическихъ основахъ, и системы строились безъ фактовъ и опыта, при помощи философскихъ воззрѣній. Пріятныя искусства пред-

ставлялись въ то время моремъ добродѣтельныхъ наслажденій, волны котораго очищаютъ умъ и сердце, омываютъ всѣ язвы общественной и нравственной жизни; даже въ области юридическихъ наукъ первое мѣсто занимало *естественное право*, въ основѣ котораго покоилось начало изящнаго блаженства добродѣтели. Но надо замѣтить, что тогда же выступилъ на сцену истинный поэтъ—художникъ Пушкинъ, который все-таки видѣлъ суроваго чела науки покрывало (43).

Переходное время въ развитіи и направленіи воспитанія и образованія отъ человѣчнаго или сердечнаго къ научному и сознательному ознаменовалось неопредѣленностью взглядовъ и непослѣдовательностью направленія. Люди науки грустно смотрѣли на крайности возрѣвнѣй и ожесточенную борьбу разныхъ кружковъ; графъ С. С. Уваровъ писалъ въ 1813 году: «Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мысли не имѣетъ предѣловъ... Это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо; кричать: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и т. под.». Даже убѣжденія лучшихъ людей страдали важными недостатками и односторонними выводами. Лопухинъ предпочиталъ образованіе сердца умственному развитію и заботился, чтобы цензура не препятствовала выпуску спасительныхъ мистическихъ книгъ, въ родѣ «путей молитвеннаго сердца». Шишковъ боялся французскихъ и нѣмецкихъ сочиненій и приписывалъ имъ распространеніе мрака лжемудрїя, разрушенія вѣры, низложенія власти и развитія беззаконія. Поэтому онъ хлопоталъ о введеніи цензуры, которая бы состояла изъ верхняго и нижняго комитета, занималась критикой сочиненій, исправленіемъ языка и т. под. Почтенный адмиралъ держалъ науку въ строгомъ подчиненіи морали и увѣрялъ, что статистика обязана извѣщать только о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе и не слѣдуетъ трудиться надъ такими пустыми вещами. Между тѣмъ Карамзинъ негодовалъ на Шишкова за желаніе распространить грамотность въ народѣ, а на Сперанскаго—за изданіе указа, которымъ запрещалось помѣщикамъ покупать крестьянъ безъ земли и продавать ихъ въ рекруты, что равнялось торгу невольниками; онъ оправдывалъ крѣпостное право, а дарованіе свободы помѣщичьимъ крестьянамъ считалъ несправедливымъ и вреднымъ. Сперанскій въ свою очередь находилъ опаснымъ переводъ Библии на русскій языкъ и считалъ образованіе для несвободныхъ людей вреднымъ, ведущимъ къ уясненію сознанія и къ большому нравственному рабству: «Изъ чловѣколюбїя столько же, сколько изъ политики, слѣ-

дуетъ оставлять работу въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободу». Мистики времени екатерининскихъ совѣтъ стали противъ строгой науки; даже такой представитель литературной дѣятельности XVIII-го стол., какъ Новиковъ, отвергалъ новыя открытiя астрономическiя и химическiя, открытiя новыхъ планетъ называлъ бреднями, а извлеченiе невѣдомыхъ газовъ—пустыми словами (44).

При неопредѣленности воззрѣнiй, при туманномъ складѣ невыясненныхъ идей, правительственныя лица должны были примкнуть къ тому кружку, котораго взгляды будетъ раздѣлять глава государства. Настроенный мыслью и фантазiей къ таинственному царству, религiозный Александръ увлекся мистическими стремленiями современными, самосозерцанiе и самоуглубленiе сталъ считать единственнымъ путемъ къ достиженiю истины, жаждалъ отыскать внутреннюю церковь. Отличаясь чистою пламенной вѣрой и глубокими христіанскими убѣжденiями, онъ потрясенъ былъ событiями 12 года и еще болѣе сталъ питать религiозное чувство, видя проявленiе перста божественнаго въ управленiи царствъ и народовъ. Въ 1818 г. онъ самъ говорилъ прусскому епископу Эллерту: «Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ божiй на обледѣнѣлыхъ поляхъ Россiи преисполнилъ мое сердце теплою вѣрой. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ его св. писанiе,— съ тѣхъ поръ повялъ я его волю, его законъ, и во мнѣ открылась твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованiе его имени и славѣ». Въ борьбѣ партiй государь не принималъ участiя, но настроенiе его было извѣстно и нашлось не мало лицъ, которыя изъ угожденiя сдѣлались мистиками и составили толпу около князя А. Н. Голицына, друга императора. Женщины, болѣе склонныя къ мистицизму, играютъ въ такое время всегда первую роль на этомъ туманномъ пути; какъ при императорѣ Павлѣ Татарінова явилась пророчицей и на своихъ вечерахъ устраивала хлыстовскiя радѣнiя; такъ и при Александрѣ I-мъ Криднеръ устроила собранiя, гдѣ вкушали пищу на волѣнахъ, пѣли псалмы и произносили проповѣди въ фантастическомъ тонѣ. А. С. Шишковъ такъ характеризуетъ эту женщину: «Женщина остроумная, но возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованiяхъ и тщеславилась показать себя вдохновенною. На моленныхъ собранiяхъ хозяйка выказывала суетное тщеславіе—прослыть у легковѣрныхъ людей посланною съ небесъ жрицею». Эта—то восторженно религiозная женщина произвела сильное впечатлѣнiе на мягкую натуру Александра, равно какъ и старѣйшины квакеровъ, у которыхъ онъ цѣловалъ руки.

Религiозныя стремленiя общества, не приготовленнаго къ принятiю науки и догматическаго ученiя церкви, выражались въ сердечномъ вдох-

новениі, въ достиженіи таинственной связи земнаго съ небеснымъ. Увлекаясь чувствомъ и воображеніемъ, мистики стали въ противорѣчіе съ православнымъ ученіемъ и въ разладъ съ наукой, которой они не понимали и чуждались. Этимъ общественнымъ броженіемъ ловко пользовались іезуиты для совращенія русскихъ бояръ въ католичество. Тогда рѣшенъ былъ вопросъ о подчиненіи вѣрѣ знанія, ума чувству—и наука представилась опасной, будто она плодитъ только людей самонадѣянныхъ, политически—ненадежныхъ и безнравственныхъ. Къ сожалѣнію, мистики и гасители просвѣщенія могли указать недостатки въ образованіи и съ жаромъ взялись за преслѣдованіе науки. Совершеніе серьезнаго дѣла не обходится безъ ошибокъ и недоразумѣній, пока оно не пойдетъ на ладъ. Какъ начало грамотности сопровождается грустными явленіями и плодитъ писарей—пьяницъ; такъ и прочному образованію предшествуютъ заблужденія, а за тѣмъ уже вырабатывается чистая истина. Это неизбежное явленіе замѣтно и въ царствованіе Александра I-го. При этомъ обыкновенно забываютъ, что заблуждаются отдѣльныя личности, ищущія истины, а найденные общими усиліями законы составляютъ всегдашнее достояніе народа, что заблужденія невѣжества опаснѣе для общества, чѣмъ заблужденія научныя.

Такимъ образомъ, насталъ поворотъ отъ развитія образованія къ умственному застою. Приверженцы системы управленія Павла I-го не унывали и двинулись впередъ, когда настало ихъ время, съ той только разницей, что дѣйствовали подъ покровомъ религіи и политики, и старались оправдывать свои распоряженія, которыя приводились прежде въ исполненіе безъ разговоровъ. Съ 1817 г. главнымъ основаніемъ ученія и воспитанія юношей поставлено религіозное просвѣщеніе, система образованія основалась на началахъ священнаго союза, изъ школы дѣлали монастырь. Тогда признали полезнымъ соединить министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Это министерство стало ратовать за чувство и фантазію, а не за умъ и разсужденія научныя. Русскимъ юношамъ безусловно было запрещено учиться въ университетахъ гейдельбергскомъ, іенскомъ, гиссенскомъ и вюрцбургскомъ, «гдѣ молодые люди черпаютъ понятія, самыя противныя религіи и нравственности». Строгости цензуры сильно возрастали; вышелъ указъ, чтобы «въ сочиненіяхъ и переводахъ ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось». Наконецъ въ 1825 г. велѣно отобрать отъ всѣхъ духовныхъ училищъ, мѣстъ и лицъ книги, заключающія въ себѣ ученіе, противное вѣрѣ и благочестію (45). Неопредѣленность требованій министерства подавала поводъ воздвигнуть полное гоненіе на юную русскую науку.

Когда научныя приобритенія государя подернулись туманомъ и овъ сталъ въ ряды мистиковъ, увеличивъ ихъ количество своимъ при- мѣромъ,—люди ловкіе, безсердечные, лишенные всякихъ убѣжденій, со всей силой ненависти, стали ратовать противъ зарождавшагося образо- ванія въ Россіи, отыскивать въ каждой невинной фразѣ профессора тлетворное растлѣніе умовъ, направленное къ гибели религіозно—нрав- ственнаго порядка и къ ниспроверженію основъ государственнаго строя. Къ этому несчастному униженію и угнетенію науки непричастенъ былъ лично императоръ, неподозрѣвая безчестныхъ стремленій самолюбивыхъ защитниковъ православія и государства, которыя и не нуждались въ ихъ эхидныхъ услугахъ. Дѣятели, въ родѣ Магницкаго, слишкомъ злоупотре- бляли высочайшимъ именемъ, когда прикрывали ложь такими сло- вами: «Повсемѣстно видимъ мы благотворныя заботы государя благоче- стивѣйшаго и вѣрныхъ исполнителей священной его воли объ—иско- рененіи пагубныхъ лжеученій, которыя, какъ потокъ подземный, уст- ремлялись подрвать святыя алтари Бога отцовъ нашихъ». Подобныя ложныя угрозы, однако, имѣли свое дѣйствіе. Приняты были строгія мѣры, чтобы вмѣсто преподаванія науки, профессеры занимались пре- слѣдованіемъ въ студентахъ духа вольнодумства, котораго не существо- вало; вмѣсто сообщенія знаній, пріучали ихъ къ дѣламъ милосердія, на что требовались деньги и свободное время, которыхъ не было въ рас- поряженіи учащихся. Студентовъ медицинскаго факультета заставляли писать кандидатскія диссертациі по предметамъ Богословія и красно- рѣчія. Отыскивая цѣлительныя средства противъ буйной гордости ра- зума, Магницкій учредилъ въ казанскомъ университетѣ цѣльную сис- тему доносовъ и шпіонства. Великому горю «неустройства врутренней полиціи» университетовъ скоро помогли искусствомъ: выгоняя дѣльныхъ профессоровъ и оставляя бездарныхъ, образовали изъ послѣднихъ пол- ный штатъ полицейскихъ чиновъ. Быстро юные университеты дожда- лись «переложенія на новые нравы», когда не успѣли еще выработать никакихъ опредѣленныхъ правилъ и обычаевъ. Въ 1823 г. Магницкій, добиваясь должности министра народнаго просвѣщенія, при посредствѣ Аракчеева, подалъ государю *новый планъ народнаго воспитанія*, въ ко- торомъ доказывалъ, что заправляли доселѣ системою образованія люди злонамѣренныя, распространяли развратъ мыслей и начала разруши- тельныя философіи германской, масонства, своевѣрія и весь легіонъ духовъ нечистыхъ. Въ основаніе русскаго воспитанія овъ совѣтуетъ положить двѣ религіи—перваго и втораго величества, чтобы уважали помазанника православной церкви Христа божія; овъ хвалился, что очистилъ казанскій округъ отъ тьмы невѣрія и уничтожилъ заговоръ на

Бога и на царей; хвалился, что тамъ помазанники божіи уважаются, хотя у Карамзина въ исторіи поносятся именами тирановъ и злодѣевъ. Къ счастью, эта дерзкая записка оскорбила деликатное чувство государя, была противна ему по нахальству и лжи и осталась безъ послѣдствій. Крайности просвѣщенія—въ духѣ религіи и фразерства противъ вольнодумства—вызывали тайныя противоположныя стремленія, во имя науки и образованности; подавленіе силы ума возбуждало протестъ противъ насилія надъ его правами; преслѣдованіе небывалыхъ затѣй возмущенія политическаго вызвало отпоръ противъ нелѣпаго отождествленія религіи и политики. «Не западныя идеи возмущали образованное общество, а Аракчеевы, Магницкіе и имъ подобныя, оскорблявшіе здравый смыслъ и нравственное чувство», справедливо замѣчаетъ одинъ изъ русскихъ писателей. Злостныя, невѣжественныя и безнравственныя выходки Магницкаго противъ науки возмущали всѣхъ порядочныхъ людей и особенно бывшаго его пріятеля М. М. Сперанскаго, который считалъ казанскаго попечителя «государственнымъ злодѣемъ» и содѣйствовалъ его паденію.

По проэктамаъ Магницкаго и друзей его нельзя дѣлать ложныя заключенія, будто государь до такой степени измѣнилъ прежнее свое воззрѣніе на воспитаніе, что былъ согласенъ съ ними во всѣхъ ихъ преслѣдованіяхъ духа тьмы, лжеученія и мятежа страстей. Нѣтъ, онъ до конца жизни относился съ уваженіемъ къ образованію и держался крѣпко съ дѣтства усвоенныхъ имъ убѣжденій, только способъ воспитанія и форма у него приняли другія черты. А. С. Шишковъ пишетъ: «Возмущенія за границей и пребыванія государя въ Австріи во многомъ переѣнили образъ его мыслей: онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи подъ именемъ высокихъ таинствъ, разрушившей всѣ связи обществъ, и о другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ... Но привязанность его или какъ бы нѣкая страсть къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что казалось онъ, самъ съ собою борясь, увлекался попереѣбно то тѣми, то другими мыслями». Онъ соглашался на мои мѣры, но разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. Если бы Александръ I-й имѣлъ возможность провѣрить, къ чему ведетъ усердное преподаваніе, направляемое самозванными апостолами, скрывающими личныя цѣли подъ покровомъ религіи, онъ отвернулся бы отъ нихъ съ глубокимъ омерзеніемъ. Государь всю жизнь стремился къ просвѣщенію народа и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ отличался искренностью и задушевностью. Нельзя винить его, когда онъ видѣлъ на бумагахъ прекрасныя плоды новой ре-

лигіозной системы, быстро возросшіе подъ искуснымъ и фразистымъ перомъ Магницкаго. Но какое бы потрясающее впечатлѣніе произвело на нѣжное сердце богобоязненнаго императора, если бы онъ зналъ о богохульствѣ на лекціяхъ казанскаго университета, происходившемъ отъ усердія быть благочестивымъ преподавателемъ по инструкціи. Тамъ профессоръ математики Никольскій, боясь лишиться мѣста, по примѣру Солнцева, каждое положеніе студентамъ высказывалъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и говорилъ примѣрно такъ: «вотъ два равные тригольника, наложимъ ихъ одинъ на другой; если Господу Богу будетъ угодно, они непремѣнно будутъ равны между собою». Къ общей потѣхѣ студентовъ, Никольскій всю математику переложилъ на богословскій правоучительный языкъ. По его остроумному объясненію, «гипотенуза въ прямоугольномъ тригольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнымъ, небесное съ земнымъ». Профессоровъ, нежелавшихъ унижать науки и подрывать уваженія къ церкви низкимъ потворствомъ властямъ, обвиняли и судили за распространеніе разрушительныхъ идей для общественнаго порядка и благосостоянія (46).

Аракчеевъ, архимандритъ Фотій, Магницкій и Руничъ своими темными дѣянiями не способны, однако, затмить блестящія личности Сперанскаго, Карамзина, Мордвинова и другихъ. Усилія первыхъ принесли временное зло и служили подрыву уваженія къ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ; за то дѣятельность благородныхъ умовъ прибавила нѣсколько ступеней въ развитіи послѣдующихъ поколѣній, приложила значительную долю богатства къ умственному капиталу нашихъ предковъ. Мы, близкіе наслѣдники этой черновой работы на пользу науки и воспитанія юношества, почтнмъ благодарной памятью ихъ труды надъ созиданіемъ русскаго образованія, особенно прославимъ стоящаго въ главѣ ихъ государя. За многія знаменитыя дѣянiя современники назвали Александра I-го *Благословеннымъ*,—да будетъ же благословенна память этого высокаго и постояннаго покровителя образованія Россіи и въ отдаленномъ потомствѣ!

Н. Аристовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Матер. для біогр. Ломоносова. *Биллярскаго*. 418 426 и друг.

(2) *Рус. Старина* 1877 г. № 12, стр. 581—2. 588—600. О космополитич. воспитаніи Александра I-го. *Рѣчь М. И. Сухомлинова*. (Прилож. къ 31 т. Запис. И. Акад. Н. № 2).

(3) *Полн. Собр. Зак.* № 20,769. Павелъ I-й скоро сослалъ въ ссылку президента рос. академіи, которую лишилъ денежныхъ средствъ, и отдалъ дома академіи въ другое вѣдомство. Александръ I-й возвратилъ президента изъ ссылки и приказалъ отпускать суммы на содержаніе академіи и далъ средства для постройки зданія (*Рѣчь Сухомлинова*, стр. 34).

(4) *Рус. Стар.* 1877 г. № 12, стр. 584. Въ 1803 г начертанъ обширный планъ народнаго образованія и нашли необходимымъ „возобновить опустѣлую учительскую гимназію, удостовѣрившись долгимъ опытомъ, сколько существованіе ея было полезно“. *П. Собр. Зак.* № 20,769. Восторгъ литераторовъ, при восшествіи на престолъ Александра I-го означенъ въ *рѣчи Сухомлинова*.

(5) Уваженіе къ наставникамъ и къ мужамъ образованнымъ Александръ I-й наследовалъ отъ своей бабки, дружившей съ философами и окружавшей будущаго императора достойными людьми. Лагарпъ и Муравьевъ внушали ему о благотворномъ вліяніи образованія и о свободѣ изслѣдованія. „Воспитаніе заблаговременно должно образоватъ вѣжные нравы юношества“, говорилъ Муравьевъ. Изъ писемъ государя къ Лагарпу видно, съ какою любовью относился онъ къ своему учителю и какъ высоко цѣнилъ пріобрѣтенныя имъ познанія и плоды воспитанія. Александръ I-й писалъ Лагарпу, что онъ обязанъ ему всѣмъ, кромѣ рожденія: „Ничто въ мірѣ не могло поколебать моеи неизмѣнной привязанности къ вамъ и всей моеи признательности за ваши заботы обо мнѣ, за познанія, которыми я вамъ обязанъ, за тѣ принципы, которые вы мнѣ внушили и въ истинѣ коихъ я имѣлъ столь часто случай убѣдиться“. (*Др. и Нов. Рос.* 1877. XII, 388).

Самую горячую любовь сохранилъ онъ къ своему воспитателю Лагарпу и въ бытность свою въ Парижѣ, послѣ славныхъ побѣдъ надъ французами, посѣтилъ вдову своего наставника, долго бесѣдовалъ съ ней о покойномъ ея мужѣ и съ благодарностью воспоминалъ о его заботахъ въ отношеніи себя. (*Рус. Стар.* 1877 г. XII, 608).

Напротивъ Александръ терпѣть не могъ тѣхъ невѣжественныхъ и пошлыхъ придворныхъ, которые безъ заслугъ и образованія добивались внѣшнихъ отличій при Екатеринѣ II-й. „Придворная жизнь не для меня создана, писалъ онъ Кочубею; я

всякій разъ страдаю, когда долженъ явиться на придворную сцену, — и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для получения вѣнскихъ отличій, нестоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лавки, а между тѣмъ они занимаютъ высшія мѣста“. (*Древ. и Нов. Рос.* 1877 г. XII. 291). Первые недѣли царствованія Александра I-го (*Рус. Архивъ* 1874 г. т. 2). *Письма Александра I-го къ кн. Васильчикову.* (*Рус. Арх.* 1875 г. кн. 1).

(6) П. С. Зак. №№ 20,406. 20,407. Сент. 8. 1802 г.

(7) Тамъ же № 30,598. Янв. 24 дня 1803 г.

(8) Тамъ же № 20,597.

(9) Тамъ же № 20,551. № 20,701.

(10) Тамъ же № 20,597 и друг.

(11) Тамъ же № 20,666. Казанс. Извѣстія 1817 г. № 61.

(12) Общеобразовательныя училища открыты въ Тулѣ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Твери, 3 училища въ Петербургѣ, распространены кругъ ученія въ кievской гимназій, открыто Неплюевское училище въ Оренбургѣ, а въ Петербургѣ учреждено 1822 г. училище для бѣдныхъ дѣтей по методу взаимнаго обученія Гердомъ — и отпускалось на содержаніе его изъ казны 10,000 р. ежегодно. (*П. Собр. Зак. №№ 24,813. 27,639. 29,211*). Общ. — основаніи петербургскаго университета. (*Тамъ же* № 27,675).

(13) Въ царствованіе Александра открыты институты женскіе въ Петербургѣ Маринскій, въ Твери и на Воляни, много женскихъ училищъ и военносиротское заведеніе. Въ послѣднемъ учили солдатскихъ дочерей грамотѣ, ариметикѣ и рукодѣлью и пристроивали къ мѣстамъ по выходу изъ училища. Въ 1824 г. государь говорилъ: „Женскія учебныя заведенія, основанныя вдовствующей императрицей, весьма много способствовали исправленію нравовъ и принесли громадную пользу всѣмъ классамъ петербургскаго общества“. *Русс. Архивъ* 1877 г. XII, 623. 628. См. Похвал. Слово инп. Маріи Федор.“ *Карамзина. 1825 г.* Домъ трудолюбія учрежденъ для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ свободнаго состоянія, чтобы со временемъ могли содержать себя трудами. *Сбор. Постан.* № 612, с. 1802.

(14) П. С. Закон. № 20,975. Планъ военнаго воспитанія въ *Сборн. распоряженій по Минист. Народн. Пров.* 1875 г. № 81. стр. 401.

(15) Въ 1804 г. „великій недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ не только въ Одессѣ, но и во всемъ тамошнемъ краѣ“ заставилъ открыть гимназію коммерческихъ наукъ и присоединить къ ней уѣздное и приходское училища. (*П. С. Зак.* № 21,266).

(16) Школы ветеринарныя, восточныхъ языковъ, училища кораблестроенія и кореплаванія, лѣсныя училища. *Указатель къ Пол. Собр. Зак. подъ сл. „училища“.* Горныя школы. *П. Собр. Зак.* №№ 20,145. 22,209. 23,894. Школы для приготовленія писцовъ и канцелярскихъ служителей. *Тамъ же,* №№ 19,335. 29,517. Для распространенія техническихъ знаній, поручено академіи наукъ извлекать изъ иностранныхъ сочиненій свѣдѣнія о ремеслахъ, художествахъ и землѣдѣліи (1802 г.). Въ 1804 г. велѣно обучать безденежно бѣдныхъ и сиротъ ремесламъ на Александровской мануфактурѣ, а также учредить школы для бѣдныхъ и сиротъ во всѣхъ городахъ. Въ 1810 г. открытъ институтъ для слѣпыхъ. *П. Собр. Зак.* № 26,135.

Къ концу царствованія Александра I-го, образованіе приняло характеръ благотворительности; наприм. желали устроить при разныхъ приказахъ обществ. призрѣнія воспитанниковъ въ особыя отдѣленія для приготовленія кавцелярскихъ служителей, „для доставленія имъ способовъ, при нѣкоторомъ образованіи, снискать средства къ основанію благосостоянія своего“. Выслуженныхъ писцовъ производить велѣно въ обер-офицерскіе чины. (*Тамъ же* № 29,517). Въ 1822 г. Руничъ нашель полезнымъ и нужнымъ обращать бѣдныхъ дѣтей воспитательнаго дома въ наставники и профессора, чтобы не отвлекать учениковъ семинарій отъ духовнаго званія, а убогимъ сиротамъ доставить хлѣбъ насущный. (*Сборн. Постан.* № 525, стр. 1638).

(17) Учрежденіе комиссіи духовныхъ учебныхъ заведеній, штаты академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. *II. Собр. Зак.* №№ 23,122. 23,124, 25,673. 25,674 и два слѣдующіе. Примуущества духовныхъ воспитанниковъ. № 28,413. „Основныя начала духовно-училищной реформы въ царств. Александра I-го“ *II. В. Знаменскаго. Правосл. Собесѣдн.* 1878 г. № 1, стр. 3—42.

(18) Главный педагогическій институтъ 1816 г. *Пол. Соб. Зак.* № 26,573. Инженерный институтъ. *Указатель къ Полн. Собр. Зак.* т. I, стр. 784—8. Училище правовѣднія. *II. Соб. Зак.* № 21,860.

Громадныя суммы отпускало правительство для устройства университетскихъ и училищныхъ зданій въ разное время. Изъ нихъ отиѣтимъ слѣдующіе случаи: въ 1804 г. на дерптскій округъ прибавлено 37,000 р. ассигн. и 300 р. сер., въ 1806 г. предположено выдавать постепенно 23,182 рейхсталера, 30 марокъ и 153,466 р. 44 к. Для покупки дома казанской гимназій 24,000 р., для тульской гимназій дополнительныхъ 14,000 р., для владимірской—30,000 р. (*Сборникъ постановл. по Мин. Нар. Просв.* №№ 101. 104. 111. 113. 117. 119).

Въ 1810 г. выдано 24,000 р. на училища московской губ. для приведенія ихъ въ лучшее состояніе.

Въ 1816 г. прибавлено на педагогическій институтъ болѣе 33,000 р. (*II. Собр. Зак.* №№ 24,458. 26,200). Въ 1817 г. ассигновано полмилліона рублей на московскій университетъ, на устройство типографіи 228,000 р. и на московскія гимназій 135,000 р. (*Тамъ же.* №№ 26,638. 26,739. *Сборн. Постановл.* № 497, стр. 1575).

Въ 1819 г. на петербургскія училища дана 21,000 р. и полмилліона на устройство харьковскаго университета (*II. Собр. Зак.* №№ 27,629. 27,675). Въ 1823 г. на петербургскій университетъ и училища отпущено болѣе милліона руб. да на устройство клиникъ при университетахъ около 90,000 р. (*Тамъ же* № 29,473. *Сборн. Постан.* № 594, стр. 1764).

(20) Для усиленія средствъ занятій въ университетахъ правительство сдѣлало слѣдующія распоряженія:

Въ 1803 г. о заведеніи минералогическихъ кабинетовъ при университетахъ. (*II. С. Зак.* № 20,677).

Въ 1705 г. минералогическій кабинетъ купленъ у доктора Крейтона для педагогическаго института за 7000 руб. (*Сборн. Постан. I, № 96, стр. 436*).

Въ 1808 г. бібліотека медика Франка куплена для казанскаго университета за 20 тыс. рубл. Московскому обществу испытателей природы дано 5,000 р. для составленія описанія московской губ. Для московскаго университета приобрѣтена бібліотека доктора Гуна за 4000 р. Въ 1809 г. купленъ у доктора Радинга минералогическій кабинетъ для петербургской гимназіи за 20,000 р. Въ 1818 г. купленъ анатомическій кабинетъ Лодера для московскаго университета за 125,000 руб. (*Сборникъ Постановл. I, №№ 149, 150, 164, 384*).

Въ 1822 г. купленъ минералогическій кабинетъ Свистунова для казанскаго университета за 30 тыс. руб. (*Сборн. Постановл. I, № 526, стр. 1642*).

1823 г. собраніе медалей и монеть приобрѣтено у гр. Сухтелена для академіи наукъ за 50 тыс. руб. *Тамъ же № 568, ст. 1723*.

1823 г. минералогическій кабинетъ купленъ у доктора Либовица для одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній за 24 тыс. руб. (*Тамъ же № 570, стр. 1726*).

1825 г. велѣно ежегодно производить слѣб. минералогич. обществу по 5000 р. (*П. С. З. № 30,310*).

(21) Воззваніе о пожертвованіяхъ сдѣлано въ 1803 г. янв. 24. (*П. Собр. Зак. № 20,785. Сборн. Постановл. I, № 22, стр. 73—74*). Въ мартъ того же года Денидовъ писалъ министру народнаго просвѣщенія: „Внутреннее удовольствіе, съ какимъ читалъ я новый планъ всеобщаго просвѣщенія въ Россіи, столь необходимаго для благоденствія и славы народовъ, произвелъ во мнѣ искреннее желаніе быть участникомъ въ семъ великомъ намѣреніи.. Не тщеславіе, а единое усердіе ко благу общему есть пружиною сего приношенія моего въ пользу учащихся“. Въ 1812 г. московскій университетъ, пострадавшій отъ нашествія французовъ, писалъ о своихъ бѣдствіяхъ и справедливо добавилъ: „Жертва ученому мѣсту есть также жертва отечеству, ибо отечество и государь признали просвѣщеніе главнѣйшею основою общаго блага“. *Казанскія Извѣстія 1813 г. № 33*.

(22) *П. С. Закон. №№ 20,775. 22,979. Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ. Тамъ же №№ 21,854. 22,248*.

Въ 1803 г. сумма, состоящая изъ 96,000 польскихъ злотыхъ, принадлежала Тринитарамъ и назначена была на искупленіе изъ неволи; по обращена потомъ на заведеніе и содержаніе училищъ югозападной Руси. Въ 1804 г. Земля донскаго войска приняла на свое иждивеніе 30 воспитанниковъ гимназіи. (*П. Собр. Зак. №№ 21,089. 21,278*).

Въ 1804 г. армянинъ Агабабовъ назначенные его умершими братьями 30,000 р. на богоугодныя заведенія употребилъ на астраханское училище, присоединивъ къ нимъ отъ себя 20,000 р. Въ 1805 г. дворянство и духовенство волинской губ. пожертвовало 194,000 р. для гимназіи; графъ Браницкій далъ 196,000 злотыхъ. Въ 1806 г. кievское дворянство собрало для гимназіи 500,000 р. (*П. Собр. Зак. №№ 21,582. 21,849. 28,374. 22,407*).

Въ 1809 г. графиня Платеръ пожертвовала въ пользу волинской гимназіи 150,000 злотыхъ. Въ 1811 г. нѣжинскіе греки открыли училище Александровское на свои средства. Въ 1812 г. майоръ Скорняковъ пожертвовалъ 15,000 р. на екатеринославскую гимназію, а секретарь Бородавка 46,000 р. въ 1819 г. (*П. Собр. Зак. №№ 24,074. 24,847. 25,265. 28,007*).

Въ 1816 г. графиня Безбородко пожертвовала 50,000 р. на образованіе дѣтей военныхъ раненыхъ или убитыхъ, „изъ суммы, предназначенной супругомъ ея въ пособіе родственникамъ его и на богоугодныя заведенія“.

Въ 1817 г. Дюкъ де-Ришелье пожертвовалъ ежегоднаго обезпеченія для одесскаго лицея 3,260 талеровъ съ своей аренды, да 100 тыс. Штиглиць.

Въ 1823 г. дворянство подольской губ. дало на гимназію 65,000 р. Въ 1824 г. открыта въ Петербургѣ Строгановыми школа мастеровыхъ, а въ Москвѣ—школа рисовальная. Въ 1825 г. Лазаревы пожертвовали для института восточныхъ языковъ 300,000 р. и построили домъ. (*П. Собр. Зак. №№ 26,363. 26,827. 29,331. 29,842. 30,309. 30,134. 30,449. 30,403.*)

(23) Высочайшіе рескрипты и благоволенія за пожертвованія московскому купечеству, Алымову, Сестренцевичу и другимъ (*Сборн. Постановл. I, №№ 40. 184. 186. 410.*) Священника села Ягоднаго, около Казани, построившаго домъ и учредившаго народную школу, государь приказалъ наградить наперстнымъ крестомъ; Кусовникову за пожертвованіе 50,000 р. дали орденъ св. Анны 2-й степени; Кушелевъ-Безбородко пожалованъ камергеромъ и проч. (*Сборн. Постан. I, №№ 114. 118. П. Собр. Зак. № 28,226.*)

(24) *П. Собр. Зак. № 26,077. Постановл. по Минист. Н. Пр. I, № 311. стр. 886.*

(25) *П. Собр. Зак. №№ 20,862. 28,489.* Въ 1805 г. 1809 г. 1811 г. 1818 г. вышли распоряженія о пенсіяхъ, обезпеченіи семействъ наставниковъ юношества и о чинахъ (*П. Собр. Зак. №№ 21,902. 23,689. 24,483. 24,574. 24,595. 27,375. 27,429. 27,606.*) Въ 1817 г. министерство сильно жаловалось, что нейдутъ въ преподаватели по скудости средствъ содержанія и заботилось объ—улучшеніи быта учителей (*Тамъ же №№ 26,591. 26,925. 27,108.*) Въ 1816 г. велѣно давать прогоны смотрителямъ и учителямъ, при переводѣ ихъ съ одного мѣста на другое (*Тамъ же, № 26,126.*)

(26) Въ 1806 г. дарована свобода дворовому человѣку, женившемуся на воспитанницѣ смольнаго института мѣщанскаго отдѣленія. Въ 1811 г. велѣно исключать изъ податнаго состоянія молодыхъ людей, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ. Въ 1812 г. дозволено утверждать по учебной части и исключать изъ окладовъ „вольноотпущенныхъ и уволенныхъ обществами, отличившихся талантами и знаніемъ наукъ или изящныхъ искусствъ“. Въ 1815 г. разрѣшено принимать въ медико-хирургическую академію питомцевъ изъ податныхъ людей; а по ветеринарной части въ 1819 г. изъ несвободнаго состоянія. Въ томъ же году дозволено принимать на медицинскіе факультеты университетовъ лицъ изъ податнаго состоянія (*П. Собр. Зак. №№ 22,004. 24,864. 24,951. 25,864. 27,703. 28,008.*)

(27) *Постан. и распор. по Мин. I, № 306, стр. 881. П. С. Закон. № 30,309.* Въ 1804 г. евреямъ дозволено заводить свои училища или поступать въ русскія: „всѣ дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей во всѣхъ російскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ“. (*Постановл. по Минист. Н. Пр. I, № 67, стр. 371.*)

(28) Учащіеся пользовались болышии покровительствомъ и получали средства для своего образованія. Въ 1808 г. состоялась посылка на три года за границу 12 студентовъ педагогическаго института, съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ имена извѣстныхъ ученыхъ профессоровъ: Кайданова, Галича, Плисова и Куницына. Содержанія имъ назначено 18,000 р. въ годъ. (*П. Собр. Зак. № 23,035. Сборн. Постан. № 143, стр. 530*). Въ 1816 г. іюня 9 велѣно послать въ Англію для изученія метода Ланкастера 4 или 5 человекъ. (*Сборн. Постан. № 313, стр. 889*).

Далѣе состоялись слѣдующія распоряженія: 1814 г. увеличить число казенныхъ воспитанниковъ при харьковскомъ университетѣ; 1815 г. при гимназіяхъ содержать воспитанниковъ и готовить для заступленія учительскихъ мѣстъ. (*П. С. Зак. №№ 25,728. 25,783*).

Въ 1816 г. мая 16 поочитель просилъ о прибавкѣ жалованья студентамъ харьковскаго университета, такъ какъ въ послѣдніе мѣсяцы года, при всей экономіи, они имѣли только одинъ пустой борщъ. Одно состраданіе къ человѣчеству уже достаточно обратить вниманіе правительства на бѣдственное состояніе казенныхъ студентовъ. (*Постан. № 310 стр. 885—6*).

Въ 1820 г. прибавлено на содержаніе казанскихъ студентовъ 5,500 р.; 1824 г. на студента казеннаго стали отпускать 500 р. вмѣсто 300. (*Тамъ же. № 600. П. Собр. Зак. № 28,254*).

Въ 1816 г. царскосельскому пансіону при лицей велѣно выдать безвозвратно 100,000 р. изъ сохранной казны, для содержанія на проценты 10 воспитанниковъ казенныхъ. (*П. С. Закон. № 26,414*).

1816 г. изданы преимущества царскосельскаго лицея, наставниковъ и воспитанниковъ; 1817 г. преимущества воспитанниковъ Ришельевскаго лицея; 1818 г. преимущества пансіоновъ московскаго университета и главнаго педагогическаго института. (*Тамъ же №№ 26,562. 26,908. 27,268*).

Забота объ—умноженіи количества казенныхъ воспитанниковъ постоянно видна въ указахъ правительства: 1817 г. увеличено число учителей 2-го разряда для низшихъ училищъ; 1819 г. при гимназіяхъ, а 1823 г. при казанскомъ университетѣ прибавили казенныхъ питомцевъ по недостатку наставниковъ. (*П. Собр. Зак. №№ 27,108. 27,959. 29,389. 29,470*). О медаляхъ студентамъ и гимназистамъ (*П. Собр. Зак. №№ 23,918. 25,666. 29,064. 30,539*). О мундирахъ и чинахъ студентовъ (*Тамъ же. №№ 27,286. 29,191*).

(29). *П. Собр. Зак. № 20,863*. Уставъ рос. академіи 1818 г. мая 29. (*Тамъ же, № 27,380*). О преобразованіи академіи наукъ и рос. академіи подробно изложено въ рѣчи *М. И. Сухомлинова. Стр. 11—34*.

(30) Извѣстія казанскаго общества 1814 г. Изъ отчета секретаря *Кондырева*. Въ 1804 г. открыто общество исторіи и древностей рос. при московскомъ университетѣ (*П. Собр. Зак. №№ 21,335. 24,492*). Въ 1806 г. медицинское общество въ Вильнѣ; 1807 г. „общество любителей отечеств. словесности въ Казани“ (*Тамъ же №№ 25,583. 27,963*); 1811 г. общество математиковъ и общество любителей рос. словесности въ Москвѣ (*Тамъ же №№ 24,614. 24,698. 24,720*).

Въ 1812 г. общество наукъ при харьковскомъ университетѣ изъ двухъ отдѣленій естественнаго и словеснаго; 1814 г. общество академической Муссы при дерптскомъ университетѣ (*П. С. Зак. №№ 25,282. 25,615*); 1816 г. курляндское общество словесности и художествъ; 1817 г. аренбургское эстское общество (*Тамъ же № 26,544. Сборн. Постановл. № 348, стр. 977*). 1817 г. петербургское минералогическое общество; 1818 г. вольное общество любителей рос. словесности въ С.-петербургѣ (*П. С. Зак. №№ 26,920. 27,233*). 1819 г. фармацевтичес. общество петербургское и общество словесности въ г. Митавѣ (*Тамъ же № 28,039. Сборн. распоряж. № 415, стр. 1214*). Кромѣ того, для улучшенія бѣлорусскихъ училищъ предположено завести общества въ 1825 г. (*Тамъ же стр. 1836*).

О русскихъ обществахъ см. *Очерки общест. движенія при Александрѣ I-мъ. Шыпина. Вѣстн. Евр.* 1870 г. кн. 12. *Библейское общество. Еюже. Вѣстн. Евр.* 1868 г. № 8—12. Изъ истор. литерат. и общест. развитія. *Пятковского т. I. О Магницкомъ. О масонскихъ обществахъ см. Рус. старина* 1878 г. II, 209—225.

(31) „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ начали издавать при главномъ управленіи училищъ; Журналъ минист. внутр. дѣлъ велъ Сперанскій съ 1804 г. до конца 1809 г.

Съ 1805 г. проявилась сильная забота объ открытіи слб. публичной библіотеки и увеличеніи средствъ для ея содержанія. (*П. С. Зак. №№ 24,377. 24,433*).

Въ 1805 г. П. П. Дубровскій пожертвовалъ партію драгоценныхъ рукописей въ слб. публичную библіотеку и получилъ за то одновременно 15,000 р., пенсіи 3,000 р. жалованья въ годъ 1200 р. и орденъ св. Анны 2-й ст., а въ 1811 г. „единственно по важности пожертвованія на пользу отечества“ удостоенъ чиномъ статскаго совѣтника, не въ принѣръ другимъ (*Рус. Арх.* 1878 г. VIII, 440). Въ 1816 г. отдана царскосельскому лицу библіотека, находящаяся въ Александровскомъ дворцѣ. (*П. С. Зак. № 26,540*).

Въ 1820—1824 годахъ много хлопотали о сохраненіи древнихъ памятниковъ Тавриды и ассигновали немалыя суммы на описаніе и изданіе ихъ (*Тамъ же. №№ 28,483. 29,105. Сборн. Постан. I, стр. 1749. № 582*).

(32) *Рус. Архивъ* 1877 г. XII, 406—410. П. *Собр. Зак. № 22,476*. Въ Ямбургѣ фабрикантъ Либъ занималъ часть духовнаго училища и просилъ, чтобы ему передали весь дошъ для фабрики, но государь написалъ: „фабрикъ у меня много, а училищъ мало; училища доставляютъ достойныхъ церкви пастырей, а безъ фабрикъ можно обойтись“. (*Рус. Стар.* 1878 г. авг. 569 въ прим.).

(33) Чацкій спрашивалъ Софью о разныхъ знакомыхъ и прибавилъ:

А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,

Въ ученый комитетъ который поселился,

И съ крикомъ требовалъ присягъ,

Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился? (*Горе отъ ума*).

Рѣчь Сухомятинова въ приложеніи къ 31 т. „Записокъ Акад. Наукъ“, № 2, стр. 39—40. Экзамены на чины. *П. С. Зак. № 23,771*. Сословныя перебранки въ журналахъ того времени стоятъ большаго вниманія. Истребленіе книгъ сибирскимъ членомъ. „Общество любит. отеч. словеса“. *Н. Попова. Рус. Вѣстн.* 1859 г. сент. Риноплет-

ство и его слѣдствія. *Рус. Архивъ*. 1866 г. стр. 880—888. 1705. „Изъ записокъ Толстаго“. *Рус. Старина*. 1878 г. II, 223. Надъ современными пѣнтами Пушкинъ не разъ подсмѣивался, напр.:

Бывало, нѣжные поэты,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили тонкій надригаль
Иль остроумные куплеты. (*Евгеній Онтимъ*).

(34) Какъ частныя лица, такъ и правительство сильно вооружались противъ легкаго иностраннаго вліянія. „Дневникъ чиновника“. *Отч. Зап.* 1855 г. т. 99; *П. Собр. Зак.* № 24,647. Въ 1812 г. янв. 19 министерство жаловалось, что иностранцы въ харьковскомъ округѣ берутъ на себя смѣлость воспитывать дѣтей, нисало не заботясь о своей обязанности; „побуждаемые однимъ корыстолюбіемъ, нерѣдко выдаютъ себя знающими такіе предметы, о которыхъ едва ли имѣютъ какое понятіе“. Такъ въ Тамбовѣ явился учителемъ праздношатающійся французъ Филинъ Фовель, присагнувшій на подданство Россіи. (*Тамъ же*, № 24,956). Въ 1812 г. министръ писалъ, что родители учениемъ языковъ замѣняютъ всегда почти совершенное воспитаніе; но „искать образца для нашей нравственности въ чуждыхъ нравахъ есть заблужденіе, давно уже чувствуемое и истинными сынами отечества истребляемое, или по крайней мѣрѣ порицаемое“. (*Сборн. Постан.* № 250 стр. 776).

Въ 1813 г. Александръ I-й, говоря о современномъ русскомъ воспитаніи, прибавилъ: „наша молодежь, научившись танцовать и болтать по французски, воображаетъ, что все уже знаетъ. Вы не можете себѣ представить, какъ нравственно испорчено наше общество: не вѣрять въ дружбу, въ возможность безкорыстной привязанности“. Разсуждая о новѣйшей педагогикѣ, слишкомъ заботящейся облегчить трудъ при изученіи науки, онъ сказалъ о системѣ Песталоцци: „желая упростить начальные приемы, онъ доводитъ молодежь до состоянія машины“. (*Рус. Старина* 1877 г. XII, 606).

Н. Н. Бавтышъ-Каменскій пишетъ: „послѣ чумы, на Москву напала другая зараза—*французолобіе*. Много французовъ и французенокъ наѣхало съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были люди очень вредные“... Много знатныхъ москвичей были жертвами ихъ обмана. При полной обезпеченности и отсутствіи серьезнаго воспитанія, подъ вліяніемъ учителей французовъ, молодой человекъ, записанный съ колыбели въ военную службу, въ 20 лѣтъ выходилъ въ отставку съ чиномъ бригадира или майора и, благодаря воспитанію, ничѣмъ серьезнымъ не могъ заняться. Ф. Вигель пишетъ другу въ Симбирскѣ: „въ Москвѣ всякій иностранецъ въ диковинку, не знаю, случалось ли тебѣ читать плохіе московскіе журналы до 1812 г. Ты бы нашелъ объявленія о пріѣздѣ всякаго неизвѣстнаго ледащаго англичанина, француза или итальянца, описаніе его костюма, наружности и, разумеется, все въ похвалу“. Поэтому картина Грибоѣдова о французѣ, собиравшемся въ Россію къ варварамъ со страхомъ и слезами и нашедшемъ самый радушный приемъ, вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности:

Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца...

Лишь ротъ раскрылъ—нибѣтъ счастье,

Во всѣхъ князевъ вселять участие.

Шишковъ писалъ, что, несмотря на силу и торжество нашего оружія въ 1812 г., мы не освободились еще отъ нравственнаго иностраннаго рабства; „какъ можетъ не впасть въ уничиженіе духъ того народа, который самъ въ себѣ отвергаетъ способность воспитывать своихъ дѣтей, (словно какъ бы природа лишила его возможности быть просвѣщеннымъ и благонравнымъ народомъ!), и что для приобрѣтенія сихъ достоинствъ долженъ онъ непременно прибѣгать къ помощи иностранцевъ“?

Самое опустошеніе Россіи въ 12-мъ году у многихъ пустыхъ людей не отбilo охоты къ французамъ. С. Т. Аксаковъ писалъ къ А. И. Казначееву 1814 года, какъ ошибались они,

„Что раззореніе, пожары и грабежъ,
Враговъ неистовство, коварство, злоба, ложь,
Собратій нашихъ смерть, страны опустошенье
Къ французамъ поселять на вѣки отвращенье;
Что поруганье дѣвъ, убійство женъ, дѣтей,
Развалины градовъ и поилъ святыхъ церквей
Межъ нами положить должны преграду вѣчну...
Я мнилъ, что зарево пылающей столицы
Освѣтитъ наконецъ злодѣевъ мрачныя лица;
Что въ страшномъ семъ огнѣ пристрастіе сгоритъ,
Что огонь сей—огнь любви къ отчизнѣ воспалитъ..
Но въ самомъ торжествѣ я вижу нашъ позоръ!
Рукою побѣдя, мы рабствуемъ умамъ“...

Толпы плѣнниковъ и грабителей болѣе сожалѣютъ, чѣмъ русскихъ воиновъ, израненныхъ въ сраженіяхъ, и во многихъ домахъ дѣлаютъ друзьями.

„Но что? дѣтей своихъ ввѣряли воспитанье
Развратнымъ бѣглецамъ, которымъ воздаянье
Одно достойно ихъ—на лобномъ мѣстѣ казнѣ“!

(Рус. Архивъ 1878 г. № 2).

(37) Пушкинъ писалъ о воспитаніи I-й половины XI стол.: „Въ Россіи домашнее воспитаніе самое недостаточное, безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусныя примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести, воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше“. Онъ считаетъ вреднымъ для воспитанія раздачу чиновъ за службу, достиженіе которыхъ сдѣлалось страстью русскаго народа. (*Девяти. вѣкъ Бартенева 1872 г.*)

(35) Рус. Стар. 1877 г. XII, стр. 662. Государь писалъ Лагарпу о своей довѣрчивости къ окружающимъ и о чернотѣ испорченныхъ душъ, прибавивъ: „часто судяшь самъ по себѣ и желая добра, ласкаешь себя тѣмъ, что другіе имѣютъ тѣже намѣренія, до тѣхъ поръ, пока опытъ не убѣдитъ въ противномъ; тогда выходишь изъ-заблужденія, но можетъ уже поздно и зло сдѣлано... Болѣе всего мнѣ доставляетъ заботу и труда согласовать частныя интересы и ненависти и заставить другихъ со-

дѣствовать единственною цѣлю—общей пользѣ.. Дружба ваша будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ въ горести". (*Др. и Нов. Рос. XII, 388*).

(36) *Рус. Стар.* 1877 г. XII. 590. 603. Матер. для исторіи образ. въ Россіи. *Сухомилова* 1865 г. 24—27. Обь-остзейскихъ провинціяхъ см. *Вѣстн. Евр.* 1877 г. XII, 644. II. С. Зак. № 30,110.

(37) *Постан.* по *Мин. Н. Просв.* I, 778. 830. II. С. Зак. №№ 25,019. 26.032. № 28,198. Въ указѣ приведены слова буллы (1773 г.) папы Климента XIV, уничтожившаго орденъ,—что іезуиты съ самаго учрежденія ихъ общества занимались низкими происками, имѣли безпрестанные раздоры съ другими орденами и несогласія съ правительствами; многіе роптали на ихъ ученіе, противное добрымъ нравамъ и истинному благочестію; всѣ вообще упрекали ихъ въ излишней склонности къ приобрѣтенію благъ житейскихъ и проч. Когда уничтожено было общество іезуитовъ, они искали покровительства Екатерины II-й, которая оказала имъ снисходительную терпимость, хотя отлично повинали ихъ, какъ видно изъ писемъ ея къ Грину. *Рус. Арх.* 1878 г. № 9. „Іезуитскому обществу не только предоставлены въ Вѣлороссіи недвижимыя имѣнія, но еще повелѣно было съ принадлежащихъ оному крестьянъ не собирать и податей казенныхъ". Но давая такія права, императрица оказывала покровительство до тѣхъ поръ, пока они не преступаютъ границъ долга, а въ 1782 г. издала указъ о согласованіи іезуитскихъ правилъ съ государственными постановленіями; въ 1800 г. они допущены къ богослуженію въ С.-петербургѣ и завели коллегію для воспитанія юношества и брали значительную плату за содержаніе пансіонеровъ. (II. С. Зак. № 28,198, марта 13).

Въ 1822 г. цесаревичъ Константинъ довелъ до свѣдѣнія государя, что многіе помѣщики польско-литовскаго края отправляли для воспитанія дѣтей своихъ къ іезуитамъ въ австрійскія владѣнія; правительство запретило это и распорядилось потребовать отъ родителей, чтобы они возвратили оттуда своихъ дѣтей. (*Сборн. Постан.* № 540, стр. 1684). Князь Одоевскій свидѣтельствуетъ, что іезуиты, которые пребывали въ Россіи и воспитывали нѣкоторыхъ лицъ, поступившихъ потомъ на службу, имѣли значеніе и вліяніе на понятія, дававшія тогда ходъ нашей правительственной дѣятельности. (*Записки Одоевс. Рус. Арх.* 1874 г.).

(38) *Сборн. Постан.* I, № 575, стр. 1766—1772. № 601, стр. 1784. Въ 1824 г. приказано уничтожить училище въ *Кейданахъ*, по случаю открытія вредныхъ правилъ и соглашеній между учащимися къ злодѣйственнымъ преступленіямъ, дабы сіе зловредное гнѣздо было искоренено (II. *Собр. Зак.* № 29.802). Въ 1825 г. по распоряженію государя велѣно учредить въ городахъ Оршѣ и Мстиславлѣ свѣтскія училища, вмѣсто управляемыхъ католическимъ духовенствомъ. (II. С. Зак. № 30.539).

(39) Обь-учрежденіи главнаго педагогич. института 1804 г. апр. 16. II. С. Зак. № 21.265. Истор. царств. Александра I-го. *Богдановича.* V, 125.

(40) Подробныя свѣдѣнія о научной дѣятельности въ царствованіе Александра I-го въ статьѣ М. П. Погодина: „Судьбы Археологіи въ Россіи". Труды I-го Археол. съѣзда. Приложение въ I-мъ томѣ 1871 г. *Сочин. Муравьева* 1856 г. т. II, 175. 242—243. О древностяхъ русскихъ. *Успенскаго.* 1813 г. „Историч. опис. древностей

рос. музея*, т. в. Оружейной палаты. *Малиновскаю* 1807 г. Исторію дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами составилъ *Бантышъ-Каменскій*.

Министерство сознавало, что исторія не есть только удачное сплетеніе фактовъ. Въ инструкціи для студентовъ, посылаемыхъ въ чужіе края, для приготовленія къ профессорскому званію, замѣчено: „Ученіе исторіи состоитъ не въ одномъ познаніи происшествій,—съ помощію оной нынѣшнее состояніе людей должно изъяснять по сличенію съ прежними происшествіями“. Впрочемъ взглядъ министерства на силу и значеніе частныхъ лицъ въ исторіи слишкомъ преувеличенъ. (*П. С. Зак.* № 23.035).

(41) Историч. обзоръ казанс. общества любит. словесн. 1814 г. 34—45. О Востоковѣ см: *Академич. Сборн.* 1873 г. Образованные дѣятели стали бросать легкую литературу и мистическія сочиненія, болѣе и болѣе увлекались нѣмецкими научными изданіями; стремясь къ приобрѣтенію знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, молодые люди отправлялись за границу съ серьезной цѣлью. Изображая современнаго образованнаго человѣка, Пушкинъ представляетъ его знакомымъ съ германской ученостію; его Владимиръ Ленской,

Съ душою прямо геттингенской,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ...
 Негодованье, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ,
 Подъ небожь Шиллера и Гете,
 Ихъ поэтическимъ огнемъ
 Душа воспламенилась въ немъ,—
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
 Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть важной простоты. (*Евгеній Онтинъ*).

(42) Статья *Первольфа*. „Древн. и Нов. Россія“. 1877 г. № 12.

(43) Адъюнктъ Срезневскій въ Казани рассуждалъ о пріятностяхъ упражненія въ словесности, которыя „подобны только неизъяснимому блаженству, которое одна добродѣтель въ сердца человѣческія вливать можетъ. Такъ! ибо добродѣтель есть единственная цѣль всѣхъ произведеній истинно—изящной словесности... Можно ли не

воспламеняться духомъ отъ восторговъ Ломоносова, не плѣняться изображеніями Хераскова и Державина, не млѣть сердцемъ отъ нѣжностей Карамзина, не трогаться меланхолическими чувствованіями Капниста?" и т. дал.

(44) *Вѣстн. Евр.* 1876 г. № 11. 1870 г. іюнь 681. *Сухомлинова*. „Матеріалы для истор. образованія Рос.“. Истор. рус. словесн. *Галахова*. 1863 г. 570.

(45) *П. Собр. Зак.* № 27,106. Въ докладѣ министра объ—открытіи Ришельевского лицея (1817 г.) между прочимъ означено: „Воспитаніе и учебное образованіе юности есть одинъ изъ предметовъ, удостоиваемыхъ особеннаго вниманія Вашего Императорскаго Величества. Въ разныхъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего, благотворнымъ попеченіемъ Вашимъ споспѣшествуемы, возникли уже и возникаютъ еще вновь многія учебныя заведенія“. Здѣсь сказано, что главнымъ основаніемъ ученія и воспитанія лицея будетъ познаніе вѣры христовой, молитвы и проч. Питомцы ежедневно вытверживаютъ по 2 или по 3 стиха изъ св. Писанія; предъ вечерней молитвой священникъ читаетъ имъ поучительную книгу. (*Тамъ же* № 26,827). Въ уставѣ Нѣжинскаго лицея (1825 г.) читаемъ: Вѣра христіанская должна составлять главнѣйшій предметъ и одушевлять весь курсъ ученія по всѣмъ предметамъ онаго. Питомцы ежедневно обязаны читать священное Писаніе въ продолженіе всего своего воспитанія. Слѣдуетъ приучать, чтобы они ничего въ теченіе дня не начинали безъ молитвы и не оканчивали; по вечерамъ идетъ назидательное чтеніе книгъ и заучиванье текстовъ новаго завѣта. (*Сборн. Постан.* № 616, стр. 1817).

Инструкція Магницкаго въ *Сборн. Пост.* стр. 1320. Эта инструкція должна быть принята въ руководство С.-петербургскимъ университетомъ 1821 г. (*П. Собр. Зак.* №№ 28,767. 29,725). Въ 1823 г. запрещено ѣздить учиться въ германскіе университеты. Но государь призвалъ, однакожъ, что всякое дѣйствіе власти въ семъ случаѣ, изъявленное въ рѣшительномъ повелѣніи, произведетъ непремѣнно нѣкоторую гласность, при коей такое распоряженіе, основанное на благоразумной предусмотрительности, содѣлается предметомъ злонамѣренныхъ толковъ“. Государь приказалъ употребить дружелюбныя увѣщанія родителямъ и опекунамъ, чтобы вызвали русскихъ студентовъ изъ этихъ университетовъ. (*П. Собр. Зак.* № 29,326).

Въ 1824 г. ноября 17 указано „войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ издаваемыхъ, такъ и впродъ издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось“ (*Сборн. Пост. стр.* 1844). Мая 15 слѣдующаго года велѣно разсмотрѣть книги, печатанныя безъ разрѣшенія Синода. „Подобныя книги, распространенныя въ немаломъ количествѣ, успѣли уже послужить къ порожденію весьма вредныхъ и заразительныхъ умствованій и толковъ, которые, разрушая священнѣйшія связи между церковію, престоломъ и отечествомъ, вводятъ въ соблазны, развращаютъ нравы и потрясаютъ спокойствіе, законы и благоденствіе народное... Соображая всѣ сіи важныя обстоятельства и силу высочайшаго повелѣнія (17 ноября 1824 г.) министръ народнаго просвѣщенія поставляетъ за непремѣнный долгъ обратиться къ св. Синоду, яко верховному блюстителю вѣры и благонравія, на коихъ основано блаженство каждаго и всѣхъ, да благословеніемъ его, богобоязненнымъ попеченіемъ и мудрыми содѣйствіями, оградится народная нравственность и воспитаніе отъ всякихъ ересей и лжеученій, помрачающихъ истинное просвѣщеніе, и тако да испол-

нѣтся священная воля благочестиваго монарха нашего, къ общему спокойствію и счастію всѣхъ его вѣрноподданныхъ“.

Здѣсь поименованы слѣдующія книги вредныя: 1. Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа христова 1820 г. 2. Тайнство креста 1820. г. 3. Путь ко Христу. *Бема*. 1815 г. 4. Побѣдная повѣсть Штиллинга. 5. Сионскій вѣстникъ. 6. Соч. г-жи Гіонъ и др.

(46) Сборн. историч. матер. I, 1876 г. Записки *Панаева*. Вѣстн. Евр. 1867 г. IV, XII, 1877 г. XII, 499. 501. 504. *Сухомлинова*. Матеріалы для исторіи образованія Россіи. *Рус. Стар.* 1875 г. обь—архимандритъ Фотій.

Кто желаетъ подробно познакомиться съ личностью и характеромъ Александра I-го; тотъ найдетъ драгоцѣнныя данныя въ письмахъ Екатерины II-й къ Гримму. *Рус. Архивъ* 1878 г. №№ 9 и 10.

Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

(1820—1832 г.).

Въ достопамятный день столѣтней годовщины со дня рожденія государя императора Александра Павловича историко-филологическій институтъ кн. Безбородко, преемственно унаслѣдовавшій великія пожертвованія на учрежденіе въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ, вмѣстѣ съ именемъ знаменитыхъ жертвователей, не можетъ не признать себя обязаннымъ предложить посильныя воспоминанія о томъ, кто призвалъ къ жизни это первое въ Нѣжинѣ высшее учебное заведеніе, кто своимъ державнымъ словомъ утвердилъ его бытіе. Въ настоящія минуты въ многочисленныхъ мѣстахъ нашего отечества чествуется память одного изъ величайшихъ русскихъ государей, при чемъ воспоминанія обще-русскаго и обще-европейскаго характера, безъ сомнѣнія и естественно, сопровождаются воспоминаніями мѣстнаго характера тамъ, гдѣ они возможны, гдѣ исторія учрежденія восходитъ ко времени его царствованія.

Нѣжинское высшее учебное заведеніе имени кн. Безбородко возникло въ 1820 году и просуществовало пять лѣтъ при жизни императора Александра. Это первое пятилѣтіе гимназіи знаменательно не только потому, что дало ей окончательное устройство, завершившееся уставомъ, высочайше утвержденнымъ только въ концѣ его, 19 февраля 1825 года, но и потому, что дало Россіи двоихъ извѣстныхъ писателей, изъ которыхъ одинъ по справедливости составляетъ славу и гордость русской литературы,—Гоголя и Кукольника; въ это же время получили образованіе П. Г. Рѣдкинъ, К. М. Базили и др., пріобрѣтшіе въ послѣдствіи почетную извѣстность въ наукѣ и на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія; этимъ же пятилѣтіемъ оканчивается управленіе главнаго организатора гимназіи и лучшаго ея директора, И. С. Орлая, перемѣщеннаго въ 1826 году въ Одесскій лицей.

Мысль о составленіи исторіи гимназіи высшихъ наукъ возникла почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Въ журналѣ конференціи 27 ок-

тября 1828 года записано предложеніе директора Ясновскаго «поручить кому-либо изъ профессоровъ составленіе исторіи гимназій съ тѣмъ, чтобы такому профессору были доставляемы секретарями гимназій всѣ нужныя свѣдѣнія и справки, по его требованію, и чтобы онъ предварительно представилъ въ конференцію планъ таковой исторіи». Конференція опредѣлила поручить составленіе исторіи Моисееву, проф. исторіи, и сообщить ему выписку изъ журнала. Выписка сообщена, но исторіи не оказалось. Въ 1859 году изданъ почетнымъ попечителемъ лицея, графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко, сборникъ, подъ заглавіемъ: «Лицей князя Безбородко», составленный коллективными трудами воспитанниковъ гимназій и лицея. Содержаніе его, кромѣ краткаго очерка Нѣжина и его лицея, составляютъ біографіи и нѣрѣдко автобіографіи основателей, почетныхъ попечителей, директоровъ, преподавателей и снискавшихъ извѣстность на литературномъ и служебномъ поприщахъ воспитанниковъ, біографіи, основанныя болѣе на личныхъ воспоминаніяхъ и послужныхъ спискахъ, чѣмъ на официальныхъ документахъ мѣстнаго архива. Послѣдній, какъ видно, до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія обязано тому потоку просвѣтительныхъ идей, который, исходя отъ виновника настоящаго торжества, охватилъ все, что способно было усвоить эти идеи и проникнуться ими. Наибольшее господство послѣднихъ и стремленіе выразить ихъ въ распространеніи учебныхъ заведеній падаютъ, какъ извѣстно, въ первое пятилѣтіе царствованія Александра Павловича, столь богатое начинаніями и въ другихъ направленіяхъ. Подъ вліяніемъ этого потока идей, графъ Илья Андреевичъ Безбородко измѣнилъ первоначальное назначеніе пожертвованія своего знаменитаго брата, князя Александра Андреевича, и, присоединивъ къ нимъ еще большія изъ своихъ обширныхъ средствъ, обезпечилъ существованіе высшаго учебнаго заведенія въ Нѣжинѣ.

Многимъ изъ васъ извѣстна достопамятная всеподданнѣйшая записка гр. Ильи Андреевича 19 іюля 1805 года. Ею былъ положенъ краеугольный камень нашему заведенію, съ нея начинается исторія послѣдняго, и въ этотъ торжественный день воспоминаній о великомъ русскомъ царѣ мы должны воспроизвести ее въ своей памяти.

«Всемиловнѣйшій Государь! Послѣ смерти покойнаго брата моего, князя Безбородко, нашель я въ бумагахъ его записку, въ коей означено желаніе его, чтобъ изъ доходовъ его имѣнія взносило было въ воспитательный домъ:

1) Въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ по смерти его, по 10,000 р.

2) По истеченіи сего времени, чрезъ 8 лѣтъ, по 20,000 рублей. Воля брата моего была, чтобъ собираемые съ сихъ суммъ по взносу проценты обрацаемы были въ пользу богоугодныхъ заведеній.

Получивъ въ наслѣдство имѣніе покойнаго брата моего, не могъ я до сихъ поръ, по разнымъ обстоятельствамъ домашнимъ, привести сего предположенія его въ дѣйствіе.

Теперь, желая исполнить оное въ точности и обратить сіе пожертваніе наиболѣзливѣйшимъ образомъ для общества, я купно разсуждалъ, что нигдѣ удобнѣе оно употреблено быть не можетъ, какъ въ малороссіи, отчизнѣ покойнаго моего брата.

Въ семъ предположеніи я изыскивалъ, на какое бы именно полезное заведеніе сумма сія, которую я взнести располагаюсь, обрацаена быть могла; и находя, что попеченіемъ правительства въ семъ краю уже основано и еще предназначается довольно пристанищъ для призрѣнія бѣдныхъ, я сужу, что всего удобнѣе и съ видами Вашего Императорскаго Величества къ распространенію просвѣщенія сообразнѣе быть можетъ устроить въ малороссіи на счетъ сего пожертвованія училище высшихъ наукъ, которое здѣсь еще не существуетъ и отъ котораго можно ожидать великой пользы, какъ для всѣхъ, такъ особливо для тѣхъ неимущихъ дворянъ и другаго состоянія молодыхъ людей, кои по скудости своей не могутъ имѣть достаточныхъ способовъ къ образованію себя и коимъ, съ учрежденіемъ сего заведенія, открыться можетъ новое средство къ приготовленію себя на службу Вашего Императорскаго Величества.

Изложивъ намѣреніе мое, долженъ я всеподданнѣйше представить о тѣхъ способахъ, кои могутъ быть преподаны къ приведенію его въ дѣйствіе. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

Какъ шесть лѣтъ по смерти брата моего минуло, то, въ слѣдствіе воли его вносить въ первыя пять лѣтъ по 10,000 р., а послѣднія восемь по 20,000 р. въ воспитательный домъ, я имѣю въ готовности за шесть лѣтъ 70,000 р. съ процентами, на сумму сію причитающимися за прошедшіе годы, что всего и составляетъ по сей 1805 годъ апрѣля по 6 число 81,920 р. А въ остающіяся впредь семь лѣтъ вносимо будетъ каждый годъ по 20,000 р. отъ меня или наслѣдниковъ моихъ въ то самое мѣсто, куда внесется сумма, нынѣ представляемая мною.

Мое желаніе есть, чтобъ суммы сіи отданы были въ государственнй заемный банкъ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ обрацались на счетъ суммъ, на содержаніе предполагаемаго училища нужныхъ.

Но какъ одни проценты сіи были бы недостаточны для основанія и содержанія сего училища, то, въ дополненіе недостатка суммъ, на сіе потребныхъ, я полагаю отъ себя:

Дать подъ означенное училище на всегда мѣсто съ садомъ, принадлежащее мнѣ въ городѣ Нѣжинѣ, коему и планъ при семъ представляю, и заготовленный для строенія дому матеріалъ, состоящій въ кирпичѣ, сколько онаго есть въ наличности. И, споспѣшествуя съ своей стороны благонамѣреніямъ покойнаго брата моего, съ сего времени и впредь на вѣчныя времена ежегодно изъ доходовъ имѣнія моего назначаю давать по 15,000 р., взносъ которыхъ чиню нынѣ съ тѣмъ, чтобъ во 1) къ построенію дома для училища употребить изъ сей ежегодной суммы, отъ меня жертвуемой, съ процентами, кои нынѣ за шесть лѣтъ, за внесенную сумму 70,000 р., составляютъ 11,920 р. А по отстроеніи уже дома, когда откроется училище, то онаа сумма, по 15,000 р., должна обрабаема быть на содержаніе того училища.

А дабы предположеніе сіе не было подвержено никакой неопредѣлительности, я предоставляю, чтобы изъ недвижимаго моего имѣнія, состоящаго въ малороссіи, 3000 душъ служили бы на всегда обезпеченіемъ училищу къ полученію съ нихъ дохода вышеозначеннаго, жертвуемаго отъ меня особо, такъ чтобы имѣніе сіе, оставаясь во владѣніи моемъ и наслѣдниковъ моихъ, не могло быть ни продано, ни заложено; и чтобъ, въ случаѣ если-бы въ послѣдствіи встрѣтились какія затрудненія со стороны наслѣдниковъ моихъ въ доставленіи вышеупомянутаго дохода, училище, на узаконенныхъ правилахъ, право имѣло оныя съ имѣнія сего взыскать, кому бы оно ни доставалось; развѣ бы, по предварительному моему или наслѣдниковъ моихъ съ правительствомъ соглашенію, предоставлено было мнѣ или наслѣдникамъ моимъ снять съ имѣнія сего условіе сіе и переложить оное на другое недвижимое имѣніе.

До времени жъ, пока я представляю на обезпеченіе училищу къ полученію предназначаемыхъ отъ меня 15,000 рублей, съ сего года на всегда жертвуемыхъ каждагодно, опредѣляемое мною имѣніе въ 3000 душахъ, которое будетъ залогомъ и безпечностію на будущія времена, отвѣтствую я всѣмъ моихъ имѣніемъ въ вѣрности и благонадежности сего платежа.

Въ семъ состоятъ способы, предназначаемые мною къ основанію въ малороссіи училища высшихъ наукъ.

При пожертвованіи семъ, какъ соотвѣтственно волѣ покойнаго брата моего, такъ и по собственному усердію моему къ общему благу, всеподданнѣйше испрашиваю:

1) Чтобъ училище сіе было устроено въ городѣ Нѣжинѣ на мѣстѣ, уступаемомъ мною.

2) Чтобъ оно наименовано было: гимназія высшихъ наукъ. Повергая сіе на высочайшее Вашего Императорскаго Величества усмотрѣніе, я смѣю ласкаться, что приношеніе сіе, бывъ сообразно благотворительнымъ попеченіямъ Вашего Величества о просвѣщеніи народномъ, привлечетъ на себя всемилостивѣйшее благоволеніе Ваше и удостоится монаршаго утвержденія».

Императоръ указомъ Сенату 29 іюля утвердилъ пожертвованіе, возлюживъ на гр. Илью Андреевича орденъ Владиміра 1-го класса и повелѣвъ поставить бюсты обоихъ жертвователей въ залѣ собранія училища, «чтобъ они были залогомъ общей признательности къ толь похвальному подвигу, предпринятому ко благу отечества» ¹⁾.

Въ слѣдъ за тѣмъ предпринята была постройка того зданія, въ которомъ мы теперь находимся, при чемъ графъ далеко не ограничивался средствами, указанными на то въ запискѣ: не смотря на предварительно заготовленный матеріалъ, крѣпостной трудъ и разныя пособія со стороны прилежащихъ къ Нѣжину имѣній гр. Безбородко, стоимость зданія возросла до 604,034 р. Постройка столь обширнаго зданія на болотистой нѣжинской почвѣ, конечно, заняла много времени; встрѣтились и другія затрудненія, замедлившія на цѣлыя 15 лѣтъ от-

¹⁾ Въмѣсто бюстовъ и теперь въ торжественномъ залѣ находятся портреты. Въ журналѣ конференціи 29 іюля 1822 года записано слѣд. мнѣніе Орлая, принятое всѣми членами конференціи, по поводу предложенной министерствомъ покупки литографическихъ портретовъ извѣстнѣйшихъ русскихъ государственныхъ мужей: „такъ какъ гимназія главнѣйшею обязанностію имѣетъ приобрѣсти портретъ августѣйшаго государя Александра I-го и бюсты высокихъ ея основателей и благотворителей, назначенные по высочайшему іюля 29 дня 1805 года повелѣнію, а равно не менѣе обявана снискать и портреты ихъ и другихъ высшихъ начальниковъ, благопоспѣшествующихъ нынѣ сему учебному заведенію какъ тщательнымъ приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ распоряженій графа Безбородко въ точной сообразности съ его волею, такъ и другими мѣрами, распространяемыми къ дальнѣйшему устройству его: то сословіе гимназій за полезное и вмѣстѣ необходимое признаетъ прежде удовлетворить покупкою сямъ, яко ближайшимъ къ его попеченію, надобностямъ; о покупкѣ же вещей, могущихъ быть только въ извѣстныхъ случаяхъ полезными, предпринимать попеченіе уже въ послѣдствіи времени, сообразно суммамъ гимназій, при настоящемъ начальномъ обзаведеніи ея еще нуждающейся и во многихъ классическихъ отечественныхъ для библиотеки книгъ и другихъ пособіяхъ“. При этомъ нельзя не пожалѣть, что не сохранилось въ гимназій портрета самого Орлая, дѣйствительно „тщательно приводившаго въ исполненіе всѣ распоряженія графа Безбородко“. Плохой портретъ Кукольника сохранился, вѣроятно, благодаря продолжительному пребыванію его семейства въ зданіи гимназій, послѣ его смерти.

крытіе гимназіи. Графу Ильѣ Андреевичу не суждено было дождаться осуществленія завѣтной мысли: онъ скончался 3 іюня 1815 года. Ближайшій наслѣдникъ его въ мужской линіи, 15-лѣтній сынъ старшей дочери, графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, въ то время еще продолжалъ свое образованіе. Только въ 1820 году 19 апрѣля послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, окончательно утвердившій высшее учебное заведеніе въ Нѣжинѣ, съ назначеніемъ графа Александра Григорьевича почетнымъ его попечителемъ, а по немъ—всегда старшаго въ его родѣ. Проектъ устава гимназіи высшихъ наукъ составленъ былъ еще за годъ передъ тѣмъ; но утвержденіе его также замедлилось слышкомъ на пять лѣтъ; въ слѣдствіе недоумѣній, возникшихъ въ главномъ правленіи училищъ, гдѣ онъ разсматривался: въ проектѣ не было назначено окладовъ секретарю правленія, кассиру, расходовъ на учебныя пособія воспитанникамъ и проч.; кромѣ того, главное правленіе училищъ признавало необходимымъ удѣлять часть доходовъ въ пособіе къ содержанію преподавателей; были, безъ сомнѣнія, недоумѣнія и относительно организаціи учебнаго дѣла, такъ какъ въ слѣдъ за тѣмъ были предлагаемы первому директору относящіеся сюда вопросы. Всѣ эти недоумѣнія своевременно сообщались почетному попечителю.

Не предвидя скорого ихъ рѣшенія, графъ обратился къ министру съ просьбой о дозволеніи открыть, впродъ до утвержденія устава, курсъ ученія въ гимназіи. Разрѣшеніе было дано и въ то же время предписано попечителю харьковскаго учебнаго округа распорядиться открытіемъ гимназіи.

Къ тому же времени удалось прискать и вполне достойнаго директора гимназіи. Замѣчательно, что первые два директора, и притомъ лучшіе, Кукольникъ и Орлай, были карпато-руссы. Послѣдній, раньше переселившійся въ Россію и успѣвшій скоро обратить на себя вниманіе высшей медицинской администраціи, указалъ на Кукольника, какъ достойнаго кандидата на одну изъ кафедръ при С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Назначенный профессоромъ римскаго права, онъ въ то же время читалъ студентамъ химію, технологію и сельское хозяйство, а въ открытыхъ послѣ публичныхъ курсахъ для чиновниковъ—физику, римское право и частное русское право. Серьезное отношеніе Кукольника къ своему дѣлу выразилось рядомъ печатныхъ курсовъ по наибольшей части упомянутыхъ предметовъ, что и доставило ему весьма почетную извѣстность. Въ 1813 году онъ назначенъ былъ преподавателемъ римскаго и гражданскаго русскаго права великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, а въ мартѣ 1819 года онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ конференціи въ только что от-

крывшемся С.-петербургскомъ университетѣ. Съ перваго взгляда не легко объяснить рѣшеніе Кукольника, продолжительною службою и учеными трудами достигшаго столь прочнаго и почетнаго положенія въ Петербургѣ, переселиться въ отдаленный и глухой край: это рѣшеніе можно объяснять только его слабымъ здоровьемъ, требовавшимъ и лучшаго климата, и болѣе покойной жизни, здоровьемъ любимой дочери, на что указываетъ его сынъ, а также убѣжденіями графа, его ученика.

Какъ бы то ни было, Кукольникъ, снабженный всѣмъ необходимымъ и девятью тысячами на первоначальныя нужды при открытіи новаго заведенія, немедленно отправился въ путь и прибылъ въ Нѣжинъ въ концѣ августа 1820 года. Тогдашній попечитель харьковскаго учебнаго округа, З. Я. Карнеевъ, которому Кукольникъ двумя письмами, изъ С.-петербурга и Нѣжина, сообщилъ о своемъ назначеніи и прибытіи на мѣсто службы, съ большимъ уваженіемъ отнесся къ достоинствамъ перваго директора гимназіи высшихъ наукъ. «Будучи удостовѣренъ въ отличныхъ вашихъ достоинствахъ, пишетъ Карнеевъ, я сердечно радъ, что Богъ благословилъ имѣть мнѣ васъ помощникомъ въ устройствѣ такого учебнаго заведенія, которое общаетъ великую для мало-россійскаго края пользу. Весьма жаль, что вамъ не можно было побывать у меня въ проѣздъ вашъ изъ С.-Петербурга. Намъ непремѣнно нужно побесѣдовать лично о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, какія потребны къ неукоснительному устройству вѣренной вамъ гимназіи, въ чемъ чрезъ переписку весьма трудно успѣть, потому болѣе, что уставъ для нѣжинской гимназіи не составленъ (т. е. не утверждёнъ) и еще неизвѣстны мнѣ въ подробности всѣ способы, г. почетнымъ попечителемъ предлагаемые».

Въ слѣдъ за тѣмъ начинается весьма энергическая дѣятельность Кукольника по первоначальному устройству заведенія и по открытію курсовъ. Нужно было обзаводиться всѣмъ, нужны были деньги, рабочія руки, прислуга, помощники, наконецъ преподаватели. А между тѣмъ еще въ сентябрѣ собралось «значительное число юношества, изъявившаго желаніе поступить въ нѣжинскую гимназію», что обязывало директора ускорить открытіемъ курсовъ. Понятна та тревога, тѣ хлопоты, непріятности, среди которыхъ вдругъ очутился почтенный, но слабый здоровьемъ, директоръ. Должно съ глубокимъ сочувствіемъ относиться къ той готовности удовлетворять всѣмъ нуждамъ зарождавшагося заведенія, какою въ своей перепискѣ постоянно обнаруживалъ почетный попечитель; но онъ былъ далеко и на переписку съ нимъ, какъ и съ харьковскимъ попечителемъ, уходило много времени, а нужды, требовавшія немедленнаго удовлетворенія, возникали непрерывно.

О деньгахъ меньше всего приходилось беспокоиться. На 210 тысячъ, пожертвованныхъ кн. А. А. Безбородко, въ 1820 году наросло процентовъ 169,108 р. 57 коп.; изъ нихъ 9 тысячъ выдано было Кукольнику, при отъздѣ изъ Петербурга, на первоначальныя нужды гимназіи. «По сношенію моему съ министромъ финансовъ, пишетъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ отъ 4 августа 1820 г., капиталъ сей переведенъ изъ банка въ комиссію погашенія долговъ для внесенія въ разрядъ долговъ неприкосновенныхъ, а упомянутые проценты переданы департаменту М. Н. П. и на нихъ взяты банковый билетъ, при чемъ сдѣлано распоряженіе впредь о правильной ежегодной высылкѣ слѣдующихъ процентовъ съ 210 тысячъ». Въ то же время графъ Куселевъ-Безбородко предписалъ своей Веркѣевской экономіи (близь Нѣжина) выдать за первую треть 1821 года 5 тысячъ изъ назначенныхъ графомъ Ильею Андреевичемъ къ ежегодному жертвованію на вѣчныя времена 15 тысячъ. Таже Веркѣевская экономія получила предписаніе графа всячески содѣйствовать устройству гимназіи: къ услугамъ послѣдней являлись, по крайней мѣрѣ въ первое время, столяры, плотники и другіе рабочіе; въ экономіи приготовлялись классныя столы, скамейки, шкафы и пр.; самъ графъ, сколько было возможно, принималъ живѣйшее участіе во всемъ, что касалось первоначальнаго устройства заведенія ¹⁾).

Труднѣе было устроиться съ людьми. Прежде всего далъ себя чувствовать крайній недостатокъ въ прислугѣ. Для устраниенія его, Кукольникъ обратился къ Харьковскому попечителю съ просьбою о доставленіи 13 инвалидовъ «добраго поведенія». «Гимназія, пишетъ директоръ, открывая свое дѣйствіе по всѣмъ частямъ, нуждается въ людяхъ, потребныхъ для услуги въ заводимомъ при оной казенномъ пансіонѣ и для стражи, коей требуетъ обширное зданіе, садъ и прочія службы, ... и она имѣетъ поводъ ожидать отъ военнаго начальства просимаго содѣйствія потому, что въ состоящемъ при ней казенномъ пансіонѣ будутъ также принимать участіе въ воспитаніи осиротѣвшія дѣти

---

¹⁾ Такъ въ мартѣ 1821 года онъ выслалъ для казенныхъ воспитанниковъ сто аршинъ сукна изъ своей остерской фабрики. Замѣчательно, что Временное правленіе гимназіи, по смерти Кукольника, нашло это сукно „толстоватымъ и годнымъ или только для шинелей воспитанниковъ, или для прислуги“. Почетный попечитель, соглашаясь съ послѣднимъ назначеніемъ сукна „по его грубоватости“, предлагаетъ для воспитанниковъ сукно отъ 8 до 10 р. за аршинъ и, въ случаѣ необходимости, съ нѣкоторою прибавкою. Выборъ же цвѣта сукна предоставляетъ правленію, „ибо уставъ еще не утверждёнъ и форма и цвѣтъ одѣянія еще не установлены“.

военныхъ высшихъ чиновниковъ, для содержанія коихъ основатели сего заведенія сдѣлали особое пожертвованіе». Эта инвалидная команда, потребовавшая большой переписки, не удовлетворила однако нуждамъ заведенія: часто приходилось отсылать назадъ военныхъ чиновъ, оказывавшихся негодными. Запросы на нее скоро прекратились. На запросъ директора объ опредѣленіи расхода на прислугу поч. попечитель совѣтуетъ «умѣрить, сколько возможно, расходы училища, ибо все должно клониться къ дѣлу, а ничего къ блеску». Значительнымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи послужила даровая прислуга, которую предлагали родители и родственники пансіонеро́въ: желая предоставить наиболѣе удобствъ своимъ дѣтямъ и родственникамъ, они не рѣдко обращались къ начальству гимназій съ убѣдительною просьбой о дозволеніи оставаться при дѣтяхъ крѣпостной прислугѣ, съ предоставленіемъ полнаго права обращать ее на службу заведенія, смотря по ея специальностямъ. Съ такою же просьбою обращался къ директору и отецъ Гоголя, предлагая своего повара безъ всякой за то платы. Въ послѣдствіи правленіе входило съ особымъ представленіемъ къ поч. попечителю о дозволеніи принимать эту даровую прислугу и получило на то разрѣшеніе.

Еще труднѣе было директору обходиться безъ помощниковъ, особенно въ первое время. Не было эконома—и директору приходилось самому исполнять его обязанности. Впрочемъ эта должность, благодаря заботливости графа, была скоро замѣщена студентомъ философіи кievской духовной академіи, изъ дворянъ, Тарнавскимъ. Особой должности бухгалтера вовсе не было положено по штату—и этотъ недостатокъ былъ особенно чувствителенъ для директора. «Хотя бухгалтеръ въ проектѣ штата не предположенъ, пишетъ онъ попечителю, однакоже я нахожу совершенную невозможность обойтись безъ него. Я объяснялъ письменно сіе обстоятельство его сіятельству и убѣдительно просилъ о присылкѣ таковаго чиновника для веденія счетовъ по крайней мѣрѣ, до открытія правленія гимназій и надлежащаго устройства оной: ибо мнѣ, при многочисленныхъ предметахъ и управленіи по всѣмъ частямъ, невозможно заняться дѣлопроизводствомъ по счетной части, требующей особеннаго и опытнаго чиновника».

Наконецъ Кукольникъ нашелъ въ Нѣжинѣ «значительное число юношества, желавшаго поступить въ гимназію». Преподавателей не было, а медлить было нельзя, въ виду высочайшаго повелѣнія открыть заведеніе и въ интересахъ юношества. Притомъ всѣ первые кандидаты въ гимназію, дѣти 8—12 лѣтъ, были крайне неравнаго приготвленія: «изъ нихъ бо́льшая часть есть такихъ, писалъ директоръ попечителю,

которые нѣсколько лѣтъ уже обучались въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и приобрѣли хорошія познанія въ предметахъ наукъ, по коимъ можно бы было размѣстить ихъ по разнымъ классамъ; но въ языкахъ, особенно же въ латинскомъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ слабыя только начала, или же вовсе имъ не обучались». Такъ какъ по проекту устава требовались непременно достаточныя познанія въ языкахъ русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ для первыхъ трехъ классовъ, т. е. для перваго трехлѣтія, и безъ этихъ познаній не дозволялось переводить учениковъ въ слѣдующіе классы, то, слѣдуя строго проекту, или должно было совсѣмъ отказываться большинству въ приемъ, или всѣхъ принимать въ первый классъ: «ни то, ни другое, по мнѣнію директора, не соотвѣтствовало бы ни отеческому попеченію правительства о народномъ просвѣщеніи, ниже цѣли сего заведенія, которое обязано всѣми мѣрами облегчать, а не затруднять воспитаніе отечественнаго юношества». Въ слѣдствіе того, директоръ предлагалъ, по прибытіи профессоровъ, произвести общее испытаніе въ предметахъ и языкахъ, а до формальнаго открытія гимназіи употребить всевозможныя усилія къ исполненію познаній учениковъ особенно по языкамъ; предъ открытіемъ же гимназіи произвести новое испытаніе, по которому и распредѣлить учениковъ по классамъ. «Я питаюсь несомнѣнною надеждою, заключаетъ свое донесеніе директоръ, что такимъ образомъ, при помощи Всевышняго и при особенномъ усердіи наставниковъ, можно до такой степени уравнять свѣдѣнія прилежныхъ учениковъ, что и время прежняго ихъ ученія не будетъ для нихъ потеряннымъ, и поддержится уваженіе заведеній, въ коихъ они прежде сего обучались, и предписанія устава гимназіи, при самомъ объявленіи онаго, будутъ въ надлежащей мѣрѣ исполнены». Распоряженіе это было утверждено министромъ, при чемъ предписано объявить родителямъ, что «они должны уже оставаться довольными имѣющимъ быть, по состояніи устава, распредѣленіемъ дѣтей ихъ по классамъ, какое, на основаніи устава, начальствомъ гимназіи, по открытіи оной, сдѣлано будетъ». Изъ приложеннаго къ представленію директора распредѣленія часовъ ученія, начавшагося съ сентября, видно, что двухчасовые уроки продолжались ежедневно отъ 8 часовъ утра до 12 и отъ 2 до 4 по полудни, что наибольшая ихъ часть (десять уроковъ) посвящена языкамъ, остальные же—закону Божію (два урока), ариѳметикѣ (одинъ), исторіи и географіи по одному, рисованію (два) и чистописанію (одинъ). Въ 6 часовъ по полудни воспитанники ежедневно должны были заниматься «чтеніемъ книги, составленной изъ четырехъ евангелистовъ и дѣяній апостольскихъ»; остальное время посвящалось на повтореніе уроковъ и на отдохновеніе. Всѣхъ

поступившихъ въ гимназію въ первый разъ было 17. Преподаваніе, до прибытія профессоровъ, и притомъ безмездно, было поручено слѣд. лицамъ: преподаваніе закона Божія—священнику Григоровичу, законоучителю повѣтоваго училища, французскаго языка—иностраницу французской націи Аману (въ послѣдствіи надзирателю), нѣмецкаго—представленному къ утвержденію въ надзиратели Зельднеру, рисованіе-художнику Павлову; всѣ же остальные предметы—латинскій языкъ, русскую грамматику, ариметику, исторію и географію принялъ на себя самъ директоръ. Вскорѣ прибыли въ Нѣжинъ и вступили въ должность: младшій проф. нѣмецкаго языка Миллеръ и русскаго Чекиевъ. Обученіе языкамъ, при всей неравномѣрности познаній, по недостатку наставниковъ, происходило одновременно и совмѣстно. Но еще въ это время предполагалось установить особое распредѣленіе учениковъ по обученію языкамъ, независимое отъ распредѣленія ихъ по классамъ по обученію остальнымъ предметамъ.

Такова была дѣятельность перваго директора Нѣжинскаго высшаго училища имени кн. Безбородко. Его слабое здоровье не выдержало усиленнаго труда, соединеннаго притомъ, безъ сомнѣнія, со множествомъ мелкихъ и крупныхъ непріятностей: онъ впалъ въ ипохондрію, къ которой, по свидѣтельству сына, имѣлъ предрасположеніе, и 6 февраля 1821 года скончался ¹⁾.

Изъ официальныхъ бумагъ того времени видно, что внезапная смерть директора произвела большую тревогу не только въ средѣ преподавателей, но и родителей воспитанниковъ. На другой день первые донесли обоимъ попечителямъ, что директоръ, «будучи одержимъ внутреннею гемороидалною болѣзнію (въ отношеніи къ Нѣжинскому полицеймейстеру отъ 8 февраля—«будучи уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ самъ проговаривался, одержимъ гемороидалною болѣзнію и силь-

¹⁾ Тѣло покойнаго, 9 февраля, „при стеченіи многочисленнаго народа всякаго званія и при сопровожденіи воспитанниками, вынесено было младшими профессорами и учителями къ литургіи для отпѣванія въ Благовѣщенскій монастырь, въ предшествованіи архимандрита сего монастыря и прочаго какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго духовенства“. Послѣ отпѣванія и надгробной рѣчи проф. Никольскаго, оно было провождено тѣмъ же порядкомъ въ Ветхій монастырь (близъ Нѣжина), гдѣ и погребено близъ южной стѣны церкви, вѣт оной. „Во всемъ, какъ сказано въ донесеніи почетному попечителю, наблюденно свойственное чести умершаго мужа благоустройство“. Въ настоящее время не сохранилось ни какихъ наружныхъ признаковъ, по которымъ можно-бы было точно опредѣлять мѣсто погребенія Кукольника, и только по словамъ старика, живущаго подлѣ монастыря, имѣ удалось отыскать это мѣсто, вполне соотвѣтствующее указанію въ приведенномъ выше документѣ.

нимъ бѣніемъ сердца»), сего февраля 6 дня, въ 7 часовъ утра, въ крайнему нашему прискорбію и въ сердечному сокрушенію оставленнаго его семейства, внезапною смертію скончался, по свидѣтельству доктора, отъ апоплексическаго удара». Въ слѣдъ за тѣмъ преподаватели, «собрались для принятія мѣръ къ сохраненію порядка гимназіи, къ содержанію воспитанниковъ и къ продолженію преподаванія наукъ, съ общаго согласія, впредь до разрѣшенія высшаго начальства, составили общее управленіе на таковыхъ правилахъ, казівъ, по необходимости внезапныхъ обстоятельствъ, сочли лучшими». Въ то же время приняты были временныя правленіемъ всѣ казенныя вещи и суммы и послѣднія препровождены на храненіе въ Нѣжинское повѣтовое казначейство.

Существованіе единства власти, направляющей руки, по видимому, очень скоро дало себя почувствовать. Небольшое собраніе младшихъ профессоровъ, только что съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ въ Нѣжинъ, не успѣвшихъ еще достаточно ознакомиться другъ съ другомъ и считавшихъ себя равными по званію и службѣ, не могло оказаться удобнымъ для управленія сложнымъ механизмомъ высшаго учебнаго заведенія и притомъ съ интернатомъ. Еще въ представленіи почетному попечителю 11 февраля собраніе откровенно признаетъ себя «не приноровившимся къ обычаю сея страны и совершенно не имѣющимъ свѣдѣнія о жителяхъ сего города», а потому проситъ не оставить безъ руководителя и избрать въ директоры «изъ извѣстныхъ, опытнѣйшихъ и какъ ученостію, такъ и правотою сердца знаменитыхъ мужей, и чрезъ то какъ насъ, кои не успѣли еще снискать себѣ довѣріе, такъ наиболѣе знаменитое учебное заведеніе, вывести въ самомъ началѣ изъ обстоящихъ нынѣ весьма великихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что родители воспитанниковъ гимназіи, имѣя личное довѣріе въ покойному директору, къ намъ же весьма сомнительное, по незнанію насъ, хотятъ брать ихъ назадъ въ дома свои, какъ слышали о семъ со стороны». Опасенія временнаго правленія были не напрасны, а равно и причины тревоги родителей понятны: нѣтъ сомнѣнія, что только что установившіеся гимназическіе порядки, не успѣвшіе еще окрѣпнуть, не замедлили быстро пошатнуться; между наставниками не замедлили появиться несогласія; слухи о возникшихъ нестроеніяхъ въ преувеличенныхъ размѣрахъ быстро доходили до родителей воспитанниковъ.

Вскорѣ по смерти директора, начинается дѣло «о зазорныхъ поступкахъ» младшаго профессора нѣмецкаго языка Миллера (утвержд. 15 сент. 1820 г.). Въ засѣданіи 27 февраля и. д. инспектора Чешіевъ, заявивъ, что Миллеръ, «творя до сего времени многократно неприличія, наканунѣ, въ 5 часовъ по полудни, въ то самое время, когда воспи-

танники, послѣ христіанскаго говѣнія и принятія св. таинъ евхаристіи, располагались къ нѣвному отдохновенію, явившись въ комнаты воспитанниковъ въ неблагообразномъ видѣ отъ излишняго употребленія горячихъ напитков, дѣлалъ, въ совершенной потерѣ даже общаго смысла, равнина, нисколько не соотвѣтствующія званію профессора, неприличія и оскорбительныя соблазны, побуждая однихъ къ пляскѣ, а другихъ къ другимъ подобнымъ неблагопристойностямъ». При этомъ Платонъ Кукольникъ отъ имени матери своей заявилъ, что въ тотъ же день и въ томъ же неблагообразномъ видѣ Миллеръ нанесъ великое огорченіе ихъ семейственному спокойствію, и безъ того горестами сопровождаемому». Вызванный въ засѣданіе, Миллеръ явился въ томъ же видѣ и отвѣчалъ одними грубостями. Временное правленіе «съ крайнимъ сокрушеніемъ сердца» опредѣлило донести попечителю о порочномъ поведеніи Миллера и просить о его увольненіи и замѣнѣ по преподаванію нѣмецкаго языка надзирателемъ Зельднеромъ. Въ этомъ донесеніи, а равно и во вторичномъ отъ 4 марта, правленіе указываетъ на «предосудительныя отзывы», распространенныя какъ въ городѣ, такъ и въ окрестномъ дворянствѣ. Дѣло окончилось удаленіемъ Миллера отъ должности «въ отвращеніе дѣтей отъ дурныхъ его примѣровъ».

Въ то же время происходила сильная распря между правленіемъ и семействомъ покойнаго директора, оставшимся еще въ прежнемъ помѣщеніи и даже пользовавшимся по прежнему казеннымъ содержаніемъ. Распря эта, будучи любопытна сама по себѣ, какъ эпизодъ изъ первоначальной исторіи заведенія, въ то же время, бросая свѣтъ на семейную среду директора, имѣетъ біографическій интересъ и въ отношеніи къ Кукольнику—отцу, и къ Кукольнику—сыну, тогда одиннадцатилѣтнему мальчику и въ послѣдствіи даровитому и плодовитому русскому литератору.

Сначала правленіе, изъ уваженія къ заслугамъ директора, относилось съ большимъ вниманіемъ и заботливостью къ осиротѣлому семейству и въ своихъ отношеніяхъ въ поч. попечителю ходатайствовало о предоставленіи ему казеннаго содержанія *отредъ до полученія одовою Кукольникъ вида для свободнаго жителства*. Но такія отношенія прекратились скоро. 25 мая въ общее собраніе правленія явились учитель французскаго языка Аманъ и надзиратель Зельднеръ и заявили, что они «не желаютъ и не могутъ долѣе исправлять надзирательской должности, такъ какъ ст. совѣтника, г. Кукольникъ, по часту приглашая къ столу своему или на чай нѣкоторыхъ воспитанниковъ, не извѣстно изъ какихъ видовъ или своекорыстныхъ интересовъ, внушаетъ имъ неприличныя для юношества образъ мыслей противъ надлежащаго уваже-

нія ихъ наставниковъ и надзирателей, впереть имъ, что Аманъ не есть настоящій учитель, что онъ по состоянію своему происходитъ изъ мѣщанъ и не свѣдуещъ въ порученной ему должности, что будто покойный мужъ ея составилъ ему, Аману, счастье, извлекши его изъ состоянія мѣщанства, что Зельднеръ, какъ иностранецъ, будучи неизвѣстнаго состоянія, едва ли можетъ принадлежать къ благородному сословію; что Пилянкевичъ, провождая все время у своей сестры (вдовы Кукольникъ) и во всемъ отъ нея интересуясь, а потому во всемъ потворствуя и угождая ей, не только не отклоняетъ дѣтей или сестру свою отъ вышеизъясненныхъ внушеній, но, въ угодность ей и какъ-бы изъ собственныхъ личныхъ какихъ выгодъ, подтверждаетъ рѣчи ея и тѣмъ болѣе въ юношескихъ сердцахъ возжигаетъ искру неповиновенія и непослушанія, изъ чего слѣдствіемъ можетъ произойти одна не малая утрата и даже порча ихъ нравственности, особенно неминуемое уклоненіе отъ общихъ правилъ благоповеденія». Пилянкевичъ (преподаватель латинскаго языка), присутствовавшій въ собраніи, «всталъ съ своего мѣста и, вмѣсто надлежащаго изъясненія дѣла, причинъ и обстоятельствъ его, сталъ поносить Амана и Зельднера, произносилъ на нихъ весьма неприличныя и самыя оскорбительныя рѣчи, называя ихъ разными именами, одному ремесленному состоянію мѣщанства принадлежащими, причемъ не удержался въ дерзости своей изрѣчь оскорбительную хулу даже на все собраніе, именуя оное какимъ—то скопищемъ и преунизительнымъ словомъ—шайкою, и таковую, сколь неприличную, столь же и явно нарушающую общій порядокъ дерзость свою заключилъ самымъ грубымъ выходомъ изъ собранія и крѣпкимъ при затвореніи дверей ударомъ съ неблагонамѣренными вѣщаніями и, что всего неприличнѣе, съ угрозами, ссылаясь особенно на сестру свою, что она дотолѣ здѣсь проживать и за всѣми профессорами, учителями и гувернерами соглядатайствовать будетъ, доколѣ не получитъ чего-то желаемаго и доколѣ на своемъ не поставитъ того».

Собраніе, выслушавъ обѣ стороны, «подивясь столь неумѣстному и изступительному разгоряченію ума и сердца Пилянкевича и почудившись странности столь неприличнаго своенравія», опредѣлило донести о всемъ обоимъ попечителямъ, а Амана и Зельднера убѣдило продолжать по прежнему свои занятія. Донесеній однако не послѣдовало, такъ какъ правленіе все еще надѣялось, что беспорядки прекратятся сами собою, и притомъ не желало «выставлять на видъ интриги столь хитрыхъ сплетеній».

Между тѣмъ вдова Кукольникъ, получивъ видъ для свободнаго жительства, обратилась къ окружному попечителю съ просьбой о дозволеніи ей продлить пребываніе въ Нѣжинѣ и пользоваться казеннымъ

содержаніемъ до назначенія пенсіи и до оставленія за нею аренды, пожалованной ея мужу, прибавляя, что правленіе отказываетъ ей въ содержаніи, не смотря на разрѣшеніе почетнаго попечителя. Попечитель предписалъ сохранить распоряженіе о казенномъ содержаніи въ полной силѣ. Тогда правленіе рѣшило донести обоимъ попечителямъ о всѣхъ «возмущеніяхъ», происходящихъ отъ семейства покойнаго директора, объяснивъ, что ежемѣсячное содержаніе его обходится казнѣ свыше 300 рублей, не считая помѣщенія и отопленія. Донесенія эти (10 и 12 сентября) заключаютъ въ себѣ новыя черты, характеризующія и семейство директора, и состояніе самаго заведенія въ это смутное время. Въ нихъ, между прочимъ, объясняются и причины возникшей распри: негодование вдовы Кукольникъ на правленіе произошло частію отъ того, что оно отклонило ея попытки принимать участіе въ распоряженіи всѣми дѣлами, частію—и это главное—отъ того, что оно «не согласилось на ея предложеніе представить поч. попечителю, будто бы все здѣшнее и окружныхъ мѣстъ дворянство на мѣсто покойнаго мужа ея желаетъ опредѣленія въ директоры старшаго сына ея, Павла Кукольника». Преслѣдуя личныя цѣли, она, по мнѣнію правленія, старалась всячески разстроить заведенные порядки, подорвать дисциплину, внушить воспитанникамъ неповиновеніе начальству. Съ этою цѣлью Платонъ Кукольникъ, лишившійся, по распоряженію правленія, возможности непосредственно сообщаться съ воспитанниками, сталъ, подъ разными благовидными предлогами, посѣщать послѣднихъ въ свободные отъ ученія часы и внушать имъ возмутительныя мысли противъ порядка, послушанія и повиновенія и даже увѣрять, что всѣ служащіе въ гимназій чиновники скоро изгнаны будутъ, а для большаго привлеченія къ себѣ воспитанниковъ сталъ сообщать имъ соблазнительныя пѣсни, «изъ коихъ нѣкоторыя самъ нарочно для того сочинялъ». При этомъ правленіе указываетъ на случай 29 августа, когда Кукольникъ, «войдя, въ видѣ нѣкоего свободнаго франта, въ сборный залъ воспитанниковъ въ утреннее предъ литургіею время, когда они, по установленному порядку, выслушавъ въ половинѣ 8 часа чтеніе изъ новаго завѣта, готовились идти къ литургіи, взявъ книгу завѣта, сталъ декламировать со всѣми актерскими жестами, дерзнувъ даже дѣлать политическія изъясненія на тексты, каковое изъясненіе и въ простомъ смыслѣ совершенно воспрещено при ономъ чтеніи и самимъ учителямъ». Въ заключеніе, правленіе проситъ о скорѣйшемъ удаленіи изъ гимназическаго дома вдовы Кукольникъ съ семействомъ, такъ какъ оно совершенно увѣрено, что, «при дальнѣйшемъ ея здѣсь пребываніи и при ожесточенномъ ея озлобленіи на всѣхъ служащихъ, неминуемо произойти

можетъ глубокое разстройство». Слѣдствіемъ этого донесенія было предписаніе попечителя отъ 19 сентября «немедленно выслать Кукольника изъ гимназіи и впредь въ оную ни подъ какимъ предлогомъ не допускать; равнымъ образомъ г. статской совѣтницѣ Кукольниковой, давшей поводъ къ существующимъ въ гимназіи безповойствамъ и приславшей ко мнѣ на всѣхъ вообще профессоровъ, кромѣ брата своего Пилянкевича, жалобу, которая, по строгому розысканію моему чрезъ заслуженнаго и достойнаго чиновника, оказалась совершенно неправильною, объявить ей съ должнымъ приличіемъ, чтобы она тотчасъ оставила гимназію и избрала для себя съ семействомъ своимъ жительство по данному отъ меня пашпорту, гдѣ пожелаетъ; младшему профессору Пилянкевичу, вышедшему изъ границъ благопристойности, сдѣлать замѣчаніе и подтвердить, чтобы онъ былъ внимательнѣе къ долгу службы, къ пользѣ казенной и къ присягѣ, на все то имъ данной. О всемъ таковомъ распоряженіи моемъ, заключаетъ попечитель, донесъ я г. министру и увѣдомилъ г. почетнаго попечителя».

Октября 7 правленіе донесло попечителю, что г. Кукольникъ, по предъявленіи ей предписанія, въ тотъ же день (30 сентября) оставила занимаемую въ гимназическомъ зданіи квартиру и помѣстилась въ частномъ наемномъ домѣ въ Нѣжинѣ. Сынъ ея, Платонъ, еще нѣкоторое время преподававшій латинскій языкъ, пожертвовалъ въ слѣдъ за тѣмъ гимназіи значительное число книгъ. «Ревнуя усердію благотворителей рода человѣческаго, пишетъ онъ въ правленіе, основавшихъ и старающихся усовершенствовать въ мало-русскомъ краѣ гимназію высшихъ наукъ, при образованіи коей отецъ мой истощалъ всѣ свои усилія и которой я самъ желаю посвятить себя на службу, осмѣливаюсь предложить въ даръ принадлежащее мнѣ собраніе отборныхъ классическихкихъ сочиненій, состоящее изъ 500 томовъ. Я осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что хотя приношеніе мое не можетъ равняться съ безчисленными пожертвованіями г. почетнаго попечителя, коего усердію, щедротѣ и попеченіемъ о благѣ сего заведенія едва ли найдутся примѣры не только въ имперіи, но и во всей вселенной; но снисходительное правительство не отринетъ моей дани, которую я, по силѣ возможности своей, предлагаю, и приметъ оную съ тѣмъ человѣволюбіемъ и благосклонностію, съ какими Отецъ небесный принималъ отъ бѣдной вдовицы два лента». Попечитель разрѣшилъ принять это пожертвованіе съ благодарностію ¹⁾. Не долго однако и Платонъ Куколь-

¹⁾ Всѣхъ книгъ, пожертвованныхъ Платономъ Кукольникомъ, по каталогу, приложенному къ журналу конференціи 27 января 1823 года, значится 251 названіе въ 506 томахъ на сумму 637 р. 45 коп.

никъ оставался въ Нѣжинѣ: въ октябрѣ онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы, а 3 декабря состоялся приказъ о его увольненіи. Вскорѣ и все семейство Кукольника переселилось изъ Нѣжина въ небольшое, принадлежавшее вдовѣ, имѣніе въ Виленской губерніи.

Такъ окончилась распря гимназическаго правленія съ семействомъ перваго директора. Теперь трудно рѣшить, кто былъ правъ и кто виноватъ, кто былъ обидчикъ и кто обиженный. По всей вѣроятности, какъ это обыкновенно бываетъ, вина и увлеченіе были обоюдны: съ одной стороны преподаватели, члены правленія, почувствовавшіе силу неожиданно доставшейся власти, въ то же время почувствовали и склонность къ упражненію этой власти и обратили ее, сначала осторожно и не безъ достаточнаго повода, противъ семейства, къ которому прежде относились со всѣми, по крайней мѣрѣ виѣшними, знаками вниманія и почтенія; съ другой стороны вдова директора, пользовавшаяся прежде этими знаками вниманія и почтенія, а можетъ быть и нѣкоторымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ, замѣчая ихъ уменьшеніе и даже утрату и раздражаясь тѣмъ, пыталась удержать за собою прежнее положеніе и, въ порывахъ раздраженія, была неразборчива въ средствахъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ этой цѣли, она находила поддержку въ собственномъ семействѣ, въ сынѣ и братѣ, и попытка, указанная въ донесеніи правленія, сохранить свое положеніе замѣной мужа сыномъ въ должности директора весьма правдоподобна. Неудача же въ привлеченіи правленія къ участію въ осуществленіи задуманнаго плана естественно усиливала раздраженіе. Во всякомъ случаѣ вся эта исторія, при безпристрастномъ отношеніи къ содержанію донесеній и при убѣжденіи, что многое въ нихъ преувеличено, любопытна для характеристики семейной среды перваго директора гимназіи.

Всѣ эти безпокойства, сопровождавшіяся, безъ сомнѣнія, множествомъ мелкихъ интригъ и замѣшательствъ, наполняли собою смутное время отъ смерти перваго директора до вступленія въ должность новаго, отъ 6 февраля до 1 ноября 1821 года. Слухи о происходившихъ въ гимназіи безпорядкахъ съ быстротой народной молвы распространялись не только въ Нѣжинѣ, но и далеко за его предѣлами; они производили большую тревогу между родителями и родственниками воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, какъ видно изъ донесеній, были не только зрителями смуты, но и дѣйствующими лицами, привлекались къ участію въ смутѣ. Сохранилось любопытное письмо одного изъ родителей, подполковника Бороздина, двое сыновей котораго не задолго передъ тѣмъ поступили въ гимназію, писанное къ дѣтямъ спустя двѣ недѣли по смерти директора. «Съ душевнымъ прискорбіемъ, пишетъ

Бороздинъ, читалъ письмо отъ знакомаго моего, извѣщающее о васъ, милые друзья мои, и о перемѣнахъ, происшедшихъ со смертію почтеннаго бывшаго директора гимназіи, въ коей вы помѣщены. Извѣщаетъ меня: 1. пристрастія за пансіонерами вовсе никакого нѣтъ; 2. въ болѣзняхъ пансіонеровъ призрѣнія и пособія никакого не дѣлается, да и докторъ посѣщать гимназію пересталъ; 3. науки, особливо языки, преподаются плохо, а въ иные дни вовсе классовъ не бываетъ; 4. изъ числа профессоровъ есть предавшіеся совершенно пьянству: какую нравственность можетъ поселять таковой въ воспитанникахъ! Не иное что, какъ образецъ разврата; 5. столъ для пансіонеровъ сталъ хуже; 6. для ученія ни книгъ, слѣдующихъ по предметамъ преподаванія нѣкоторыхъ наукъ и языковъ, равно даже и бумаги, не даютъ. Всѣ сіи причины, ежели онѣ только справедливы, столь убѣдительны, что не остается болѣе никакъ надѣяться, какъ оставить гимназію. А посему прошу васъ, друзья мои, по полученіи сего письма, объявите всѣмъ гимназіи профессорамъ и учителямъ, которые нынѣ завѣдываютъ въ управленіи гимназіей, что долѣе оставлять васъ въ оной по выше писаннымъ причинамъ, ежели оныя вѣроятны, я никакъ не хочу и не могу, ибо не только что время теряется невозвратно въ безполезной праздности, но я даже опасуюсь на счетъ вашего здоровья. И такъ прошу ихъ о возвращеніи взятой съ меня за полгода впередъ суммы денегъ, вычтя за время пребыванія вашего въ гимназію. Слухи были, очевидно, преувеличены, какъ видно изъ послѣдствій письма. Правленіе не замедлило отправить Бороздину оправдательное письмо, въ которомъ доказывалось, что всѣ обвиненія «внушены какою-нибудь язвительною клеветою»: что надзоръ порученъ тремъ комнатнымъ прекрасной нравственности надзирателямъ; что языки и науки преподаются «въ полномъ смыслѣ надлежащаго ученія, такъ какъ это составляетъ честь и существенную пользу занятій преподавателей»; относительно учебныхъ пособій правленіе сознается въ ихъ недостаточности какъ по недавнему началу ученія, по дальнему разстоянію отъ Петербурга, гдѣ они покупаются, такъ и «по самой необрѣтаемости въ отпечатаніи по нѣкоторымъ предметамъ знаній, въ коихъ уроки будутъ преподаваться письменно». Въ заключеніе, правленіе выражаетъ сожалѣніе, что Бороздинъ не можетъ лично удостовѣриться въ добромъ состояніи заведенія, и увѣряетъ, что «неизвѣстный пріятель или самъ погрѣшилъ вышеозначеннымъ оклеветаніемъ, или кто-нибудь то клеветнически внушилъ ему». Письмо подѣйствовало: Бороздинъ извинился предъ правленіемъ и просилъ «великодушно простить мгновенному изступленію отца, любящаго своихъ дѣтей и пекущагося о ихъ благѣ» и т. д.

Наконецъ 3 сентября 1821 года состоялось назначеніе новаго директора, также карпато-росса, Ивана Семеновича Орлая. Въ концѣ октября онъ прибылъ въ Нѣжинъ и 1 ноября вступилъ въ должность.

Если первому директору, по кратковременности его управленія, гимназія обязана только первоначальными основаніями, то второму она обязана полнымъ устройствомъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, введеніемъ въ дѣйствіе проекта устава во всемъ его объемѣ. Изъ внимательнаго пересмотра его распоряженій по дѣламъ архива выносятся убѣжденіе, что всѣ они отличались основательностію, строгою обдуманностію и живымъ стремленіемъ къ благоустройству вѣреннаго ему заведенія. Нѣсколько словъ о немъ самомъ.

Не имѣя въ виду полной біографіи Орлая, которая увлекла бы далеко и притомъ потребовала бы оцѣнки его заслугъ по медицинской спеціальности, я ограничусь сообщеніемъ точныхъ свѣдѣній, преимущественно не вошедшихъ въ очеркъ Н. В. Кукольника (лицей кн. Везбородко). Послѣдній написанъ съ большою теплотою, но фактическая его сторона основана только на данныхъ послужнаго списка и на личныхъ воспоминаніяхъ. Авторъ очерка не зналъ о существованіи и краткой автобіографіи Орлая, помѣщенной въ журналѣ конференціи 29 августа 1822 года. Эта автобіографія для насъ имѣетъ особенную важность, такъ какъ она сообщаетъ точныя свѣдѣнія объ образованіи Орлая въ его отечествѣ, о чемъ до сихъ поръ ничего не было извѣстно¹⁾.

И. С. Орлай, карпато-россъ, магистръ словесныхъ наукъ и философіи, докторъ медицины и хирургіи, русскій подданный съ декабря 1810 года, гофъ-хирургъ (1800), гофъ-медикъ (1810), авторъ многихъ и пользовавшихся большою извѣстностію сочиненій, родился въ 1771 г. въ Венгріи, въ Марамо-россійскомъ (Марамонос) комитатѣ, въ городѣ Густѣ, отъ благородныхъ родителей, Семена Орлая и Екатерины Белезнаевой. Первоначальное образованіе получилъ въ Мукачевскомъ училищѣ, куда поступилъ въ 1778 г. и гдѣ обучался начаткамъ грамоты и закону Божію на карпато-русскомъ нарѣчій; отсюда перешелъ въ Унгарское народное училище для обученія языкамъ латинскому и венгерскому. Въ 1782 г. онъ былъ признанъ способнымъ слушать съ пользою профес-

¹⁾ Автобіографія представлена Орлаемъ въ Конференцію въ слѣдствіе собственнаго его предложенія всѣмъ членамъ представить свои жизнеописанія. Предложеніе это простиралось даже на тѣхъ, „кои пожелаютъ впредь въ гимназію оную опредѣлиться на службу, чрезъ что преградится дорога необразованнымъ и откроется безпрепятственный ходъ талантамъ, да и самое училище всегда будетъ имѣть людей способныхъ и достойныхъ“.

соровъ въ Унгварской архи-гимназіи, гдѣ обучался три года, подѣ руководствомъ проф. Катаны. Отсюда перешелъ въ Велико-карловскую высшихъ наукъ гимназію, гдѣ, подѣ руководствомъ профессоровъ Ганнулика и Пештія, обучался словесности латинской (*humaniora, seu rhetorica et poësis*) и другимъ наукамъ, а въ 1787 г.—въ Велико-варадскую академію, гдѣ обучался чистой математикѣ, логикѣ и исторіи. Въ 1788 году Орлай поступилъ во Львовскій университетъ, гдѣ посвятилъ себя философскимъ наукамъ: занимался прикладною и высшею математикой у Кодеша, опытною физикой у Мартиновича, всеобщей исторіей у Ценмарка, нумизматикой и дипломатикой у Гана, нравственнымъ любомудріемъ у Уреха, естественной исторіей и технологіей у Гильдебрандта, нѣмецкой словесностью у Вольфштейна. Въ слѣдующемъ году, возвратившись въ Венгрію, онъ выдержалъ испытаніе по философскимъ наукамъ въ Эрлавской консисторіи, въ присутствіи графа Эстергази, архіепископа Эрлавскаго, и принятъ на казенное содержаніе въ генеральную Іозефинскую семинарію, составляющую богословскій факультетъ Пештскаго университета. Здѣсь онъ изучалъ церковную исторію у Тота, герменевтику обоихъ завѣтовъ у Зазіо, сельское домоводство у Миттермахера, еврейскій, халдейскій и греческій языки у Зазіо. Въ 1790 году удостоенъ званія профессора низшихъ классовъ въ Велико-карловской высшихъ наукъ гимназіи, гдѣ и преподавалъ ариметику, географію, исторію, греческій и латинскій языки. Въ началѣ 1791 года Орлай отправился въ Вѣну, а отсюда въ Петербургъ и поступилъ въ медико-хирургическое училище. Здѣсь изучалъ анатомію у Карпинскаго, физиологію у Конради, патологію и терапію у Гофмана, ботанику, фармакологію и химію у Тереховскаго, хирургию и судебную медицину у Сапаловича, повивальное искусство у Сутгофа; подѣ руководствомъ Тихорскаго, управлявшаго генеральнымъ сухопутнымъ госпиталемъ, обучался практической медицинѣ. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1793 году, онъ состоялъ въ разныхъ медицинскихъ должностяхъ, а съ 1808 года былъ ученымъ секретаремъ медицинской академіи до 1817 года, когда прикомандированъ былъ къ лейбъ-медику Вилье съ жалованьемъ въ 2000 р. и 1000 р. пенсіи, полученной имъ еще въ 1811 году.

Послѣднее положеніе, хотя и достаточно обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, но не представлявшее опредѣленной и самостоятельной дѣятельности и притомъ зависимое отъ личнаго усмотрѣнія, безъ сомнѣнія, не могло удовлетворять человѣка, полнаго силъ и стремленій и прекрасно приготовленнаго къ разнообразной дѣятельности. Выходъ изъ этого положенія для него скоро оказался необходимымъ.

Въ архивѣ сохранилось указаніе, что Орлаю въ концѣ 1820 года сдѣлано было предложеніе поступить въ Московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по медицинскому факультету, на что и было изъявлено имъ согласіе. Попечитель Московскаго учебнаго округа, кн. Оболенскій, 3 февраля 1821 года просилъ ходатайства министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о высочайшемъ соизволеніи на опредѣленіе Орлая профессоромъ «по врачебному отдѣленію до имѣющей открыться штатной каѳедры, съ жалованьемъ профессора астронома-обсерватора, которая каѳедра, по неимѣнію въ университетѣ обсерваторіи, остается праздною». Изъ этого же представленія видно, что Орлай, «изъявляя свое согласіе на вступленіе въ службу университета, просилъ объ оставленіи ему, сверхъ университетскаго жалованья, получаемыхъ имъ въ пансіонѣ трехъ тысячъ рублей». 16 февраля министръ отнесся къ Вилье съ запросомъ, согласенъ ли онъ на увольненіе Орлая отъ должности, которую онъ по Высочайшему повелѣнію при немъ исправляетъ. Сохранилась и копія интереснаго отвѣта Вилье министру отъ 16 марта съ собственноручными замѣтками на ней Орлая. Приведу этотъ отвѣтъ вполнѣ, такъ какъ онъ бросаетъ свѣтъ на отношенія между Вилье и Орлаемъ. «Г. Орлай, пишетъ Вилье, или посредственно или непосредственно находится при мнѣ уже 20 лѣтъ (замѣтка Орлая—23 года слишкомъ) единственно изъ уваженія моего къ честности, талантамъ и отличнымъ свѣдѣніямъ въ медицинѣ, преимущественно же въ латинской словесности. Въ семъ послѣднемъ отношеніи я доселѣ имѣлъ въ немъ хорошаго руководителя и онъ помогъ мнѣ при изданіи полевой фармакопеи для арміи и особенно при составленіи устава и штата для медико-хирургической академіи при начальномъ ея образованіи. Послѣ сихъ опытовъ я не могу не отдавать ему всей моей справедливости. Но при семъ я долженъ представить вашему сіятельству нѣкоторыя обстоятельства. Не безъизвѣстно вамъ самимъ, что г. Орлай чрезъ долгое время былъ ученымъ секретаремъ медицинской академіи; по уваженію его разстроеннаго здоровья и многолюднаго семейства, по представленію моему, Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ на опредѣленіе его въ придворные гофъ-медики ¹⁾, повелѣвъ ему состоять при мнѣ, съ предоставленіемъ ему всего жалованья, получаемаго отъ академіи по званію ученаго секре-

¹⁾ Замѣтка Орлая: „сіе несправедливо, ибо Орлай служитъ при Высочайшемъ дворѣ съ 1800 года, марта 9, гдѣ онъ болѣе всѣхъ непрерывно дежурилъ каждый второй или третій день до избранія ученымъ секретаремъ академіи“. Поправка эта совершенно согласна съ послужнымъ спискомъ Орлая.

таря. Для поправленія его здоровья, я призналъ нужнымъ дать ему безсрочный отпускъ, и теперь уже три года, какъ онъ по службѣ ничѣмъ не занимается. Посему мнѣ кажется, что теперешнее его жалованье несравненно болѣе того, какое можетъ доставить ему должность профессора при Московскомъ университетѣ. Впрочемъ, сколь бы для меня ни была важна потеря столь полезнаго помощника, который, въ случаѣ поправленія его здоровья, могъ бы много участвовать въ предполагаемомъ мною составленіи всеобщей фармакопеи (*dispensatorium universale*) для російской имперіи, и для медико-хирургической академіи, особенно при настоящемъ случаѣ исправленія и улучшенія устава и штата для оной, не менѣе былъ бы полезенъ, какъ и при Московскомъ университетѣ. При всемъ томъ я охотно согласился бы на его увольненіе, если бы онъ будущимъ жалованьемъ своимъ могъ быть доволенъ и обезпеченъ со стороны содержанія своего большого семейства. Сіе обстоятельство едва ли г. Орлай имѣлъ у себя въ виду при намѣреніи поступить въ Московскій университетъ. Наконецъ, я сомнѣваюсь, чтобы, при поступленіи его въ профессору, Его Императорское Величество соизволилъ пожаловать ему въ пансіонъ все получаемое имъ теперь жалованье. Представивъ вашему сіятельству всѣ сіи обстоятельства, я нахожу, что какъ для пользы общей, такъ и для самого г. Орлая, полезнѣе и лучше бы было остаться ему по прежнему и заниматься по медицинской части, состоя при мнѣ, когда сіе позволитъ здоровье его». Этотъ отвѣтъ Вилье, по своему содержанию и тону, доказываетъ, что отношенія между нимъ и Орлаемъ, по крайней мѣрѣ съ 1817 года, были не особенно благопріятны, какъ то подтверждается и другими свидѣтельствами, что Вилье однако весьма дорожилъ Орлаемъ и непремѣнно хотѣлъ удержать его при себѣ, отказываясь отъ ходатайства объ обращеніи въ пансіонъ всего получаемого имъ содержанія и тѣмъ создавая для него затруднительное положеніе въ случаѣ перехода въ другое вѣдомство. Препровождая отзывъ Вилье Московскому попечителю, министръ (9 апрѣля) проситъ доставить ему свѣдѣніе, остается ли Орлай при прежнемъ рѣшеніи поступить въ Московскій университетъ, и въ послѣднемъ случаѣ обѣщаетъ довести всѣ обстоятельства дѣла до свѣдѣнія государя императора.

Между тѣмъ Вилье настоятельно вызывалъ Орлая въ Петербургъ. Сохранилось любопытное письмо одного изъ его пріятелей (отъ 4 іюля), тоже состоявшаго при Вилье, изъ котораго видно, что Орлай въ это время, въ концѣ іюня, обращался изъ Москвы къ своему начальнику съ просьбой о разрѣшеніи остановиться въ Москвѣ и даже о представленіи ему, чрезъ его посредство, помѣщенія въ времлевскомъ дворцѣ.

Пріятель увѣдомитъ, что Вилье былъ сильно раздраженъ письмомъ Орлая и приказалъ немедленно написать ему, что если онъ къ концу іюля не явится въ Петербургъ, то будетъ исключенъ изъ списка служащихъ и потеряетъ все свое содержаніе (s'il ne sera pas ici au bout d'un mois, il sera rayé de la liste et perdra ses appointements, écrivez lui cela en mon nom). Въ половинѣ іюля Орлай былъ уже въ Петербургѣ.

Къ этому времени, безъ сомнѣнія, относятся личное знакомство его съ гр. Куселевымъ Безбородко и переговоры о Нѣжинскомъ мѣстѣ. Начало переговоровъ могло возникнуть и раньше; быть можетъ, и проездъ Орлая черезъ Нѣжинъ лѣтомъ тогоже года, о чемъ упоминаетъ Кукольникъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ (стр. 70), находилась въ связи съ переговорами и объясняется желаніемъ лично ознакомиться съ мѣстностью; но не подлежитъ сомнѣнію то, что еще 1 августа не состоялся окончательный выборъ между Москвой и Нѣжиномъ. «Я твердо рѣшился, пишетъ Орлай 1 августа директору департамента м. н. просв. Попову, остаться при своемъ намѣреніи избрать другой родъ службы, то есть быть опредѣленнымъ или въ Московскій университетъ профессоромъ, или въ Нѣжинскую гимназію директоромъ. Последнее мѣсто было бы гораздо для меня еще предпочтительнѣе какъ по причинѣ умѣренного тамошняго климата, могущаго служить къ управленію слабаго моего здоровья, такъ и потому, что попечитель сей гимназіи гр. А. Г. Куселевъ-Безбородко, расположенъ уже къ помѣщенію меня въ директоры, наче при соизволеніи его сіятельства, г. министра. Нѣтъ сомнѣнія, что баронетъ Я. В. Вилье, по неоднократнымъ настояніямъ котораго и прибылъ уже я въ Петербургъ, не оставитъ по прежнему отклонять меня отъ предпринятаго мною намѣренія; но я употреблю всѣ мѣры къ достиженію желаемой цѣли, и въ семъ отношеніи полагаюсь совершенно на благорасположеніе ко мнѣ вашего превосходительства, коего опытами имѣлъ я уже честь пользоваться». Дѣло пошло, какъ видно, очень быстро, такъ какъ 3 сентября состоялось назначеніе Орлая въ директоры Нѣжинской гимназіи ¹⁾.

¹⁾ Въ дѣлахъ институтскаго архива сохранилось свѣдѣніе объ интересномъ случаѣ медицинской практики Орлая въ бытность его въ Петербургѣ въ это время, характеризующемъ извѣстное настроеніе министра кн. А. Н. Голицына, медицинскій авторитетъ Орлая и расположеніе къ нему министра. Узнавши отъ митрополита римско-католическихъ церквей, Сестренцевича-Вогуша, о намѣреніи Орлая принять на себя попеченіе объ одномъ окрещенномъ больномъ раввинѣ, министръ пригласилъ его къ себѣ. Но такъ какъ въ это посѣщеніе министръ занимался больше самимъ Орлаемъ и его семействомъ, то послѣдній счелъ долгомъ донести письменно о результатѣ лѣ-

Приведенными свѣдѣніями опровергается мнѣніе Кукольника, будто Орлай, побывавши лѣтомъ 1821 г. въ Нѣжинѣ ¹⁾, сталъ искать мѣста директора и тѣмъ разрушилъ надежды его матери видѣть директоромъ своего сына: нельзя же допустить выбора между молодымъ и неизвѣстнымъ Кукольникомъ и Орлаемъ, которому положеніе, заслуги и извѣстность открывали доступъ къ лучшимъ мѣстамъ. Почетный попечитель съ своей стороны, безъ сомнѣнія, старался склонить Орлая въ пользу Нѣжина, и должно согласиться, что лучшаго выбора онъ и не могъ сдѣлать.

Вступивъ въ должность (1 ноября 1821 г.), Орлай немедленно принялся за устройство гимназій во всѣхъ ея частяхъ и прежде всего въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Открывши засѣданія конференціи 8 ноября, онъ заявилъ всѣмъ членамъ свое желаніе, «чтобы каждый изъ нихъ свободно изъяслялъ свои мысли по управленію гимназіей, хотя бы случилось то противъ какой-либо мѣры, предлагаемой самимъ директоромъ, и чьи окажутся основательнѣйшими сужденія, записывать въ параграфахъ журнала». Къ сожалѣнію, дѣятельность директора не находила себѣ точнаго опредѣленія и направленія въ уставѣ, который былъ утвержденъ только къ концу его управленія гимназіей.

Было уже замѣчено, что утвержденіе устава замедлилось въ слѣдствіе недоумѣній, возникшихъ въ главномъ правленіи училищъ. Недоумѣнія эти не разрѣшались до половины 1824 года. Только 27 іюня этого года почетный попечитель увѣдомилъ о состоявшемся утвержденіи устава и препроводилъ копію послѣдняго, замѣтивъ, что грамота также скоро будетъ поднесена къ подписи; въ заключеніе, графъ пред-

---

ченія раввина, уже пошѣщавшагося. „Не нашедши никакихъ физическихъ поврежденій, пишетъ Орлай, и изслѣдовавши причины болѣзни, я признаю возможнымъ его излѣченіе. Въ разговорѣ съ нимъ я замѣтилъ нѣкоторое душевное волненіе, происходящее, кажется, болѣе отъ перетѣны закона, нежели отъ физическихъ болѣзнетворныхъ причинъ. Я спросилъ у него по нѣмецки: „какое есть основаніе Ветхаго завѣта“?—Онъ отвѣчалъ мнѣ: „любить Бога; крѣпкая твердыня есть имя Божіе, въ которую праведники притекая покровительствуемы бываютъ“.—Я сказалъ ему: „древнимъ сказано—„возлюби ближняго твоего и ненавидь врага твоего“; но Христосъ намъ говоритъ—„любите враговъ вашихъ“ и т. д. Еврей, выслушавъ мною сказанное, вздохнулъ и пришелъ ко мнѣ поближе, поцѣловалъ крестъ ордена св. Владиміра, который я ношу, и послѣ провелъ время въ смиренно-мудренномъ размышленіи. Присутствовавшій при этомъ каноникъ Добровольскій, удивившійся перетѣнѣ въ больномъ, доложилъ Сестренцевичу“... Конца этого письма не сохранилось.

¹⁾ Вѣроятно, къ этому времени относится приобрѣтеніе Орлаемъ небольшой усадьбы съ шестью душами въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

писываетъ «грамоту, по полученіи ея, прочитатъ съ должнымъ приліченіемъ въ храмѣ Божіемъ въ присутствіи конференціи, правленія, чиновниковъ, воспитанниковъ и посѣтителей». Пришлось однако довольно долго ждать утвержденія грамоты: она была утверждена 19 февраля 1825 года и, вмѣстѣ съ уставомъ и штатомъ, получена въ гимназіи въ половинѣ апрѣля. Въ засѣданіи конференціи 25 апрѣля было опредѣлено грамоту хранить въ библіотекѣ подъ отвѣтственностью библіотекаря въ особенномъ ящикѣ краснаго дерева или корельской березы со стекломъ. Дѣло этимъ не кончилось. Оказались какія то неправильности на первыхъ трехъ страницахъ устава. 5 мая начальникъ отдѣленія департамента м. н. и., Языковъ, обращается къ директору съ письмомъ слѣд. содержанія: «препровождая къ вамъ при семъ списокъ съ первыхъ трехъ страницъ устава гимназіи, докорнѣйше прошу приказатъ свѣрнуть оныя съ подлиннымъ уставомъ, доставленнымъ уже въ гимназію, и увѣдомить меня, точно ли *въ томъ видѣ и порядкѣ* страницы сіи написаны въ подлинникѣ, и притомъ снять особо копии съ сихъ же самыхъ трехъ страницъ съ подлинника въ томъ же именномъ видѣ и порядкѣ, какъ онѣ въ немъ написаны, и доставить ихъ ко мнѣ, вмѣстѣ съ моимъ спискомъ, если возможно, съ первою почтою». 7 Іюля 1825 года исправлявшій должность окружнаго попечителя, Перовскій, предписалъ, по требованію министра, «немедленно препроводить въ подлинникѣ Высочайше утвержденный уставъ гимназіи и штатъ оной». Трудно рождался уставъ и, по рожденіи, исчезъ внезапно и безвозвратно, не оставивъ даже слѣдовъ въ мѣстномъ архивѣ; видно, съ усердіемъ позаботились объ истребленіи этихъ слѣдовъ. Къ сожалѣнію, по мѣстнымъ средствамъ не возможно удовлетворить любознательности ни читателей, ни собственной, относительно злополучныхъ трехъ первыхъ страницъ устава; справка въ архивѣ департамента, безъ сомнѣнія, могла бы открыть секретъ. Этой катастрофой, должно полагать, объясняется и то, съ перваго взгляда непонятное, обстоятельство, что въ Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи вовсе не оказывается ни устава, ни грамоты Нѣжинской гимназіи, между тѣмъ какъ вошелъ въ него уставъ Ярославскаго училища вышнихъ наукъ¹⁾, какъ не потерявшій крушенія (утвержд. 28 января 1805 года. П. С. З. Р. И. т. 28, стр. 799—801). По той же причинѣ, конечно, гимназія праздно-

¹⁾ Нѣжинская гимназія первоначально также называлась гимназіей *вышнихъ наукъ* и только предписаніемъ 10 апрѣля 1825 года переименована въ гимназію *вышнихъ наукъ*. Конференція 24 апрѣля сообщила хозяйственному правленію «о написаніи на гимназическихъ печатахъ слова „вышнихъ“ вмѣсто вышнихъ”.

вала утверждение устава и грамоты только 19 февраля 1828 года, при директорѣ Ясновскомъ, преемникѣ Орлая. «Послѣ литургіи и молебна, записано въ журналѣ конференціи, происходилъ актъ, начавшійся церковною пѣснью: «сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны», возвѣстившею посѣтителемъ вину ихъ приглашенія»; за тѣмъ, послѣ прочтенія секретаремъ конференціи основныхъ статей устава, произнесены были профессорами Никольскимъ и Ландражинимъ двѣ рѣчи: «о пользѣ наукъ вообще» и «о пользѣ общественныхъ учебныхъ заведеній или о преимуществахъ публичнаго воспитанія предъ домашнимъ»; послѣ рѣчей воспитанники пропѣли кантъ, сопровождаемый музыкой «для сильнѣйшаго выраженія содержимыхъ въ немъ обращеній къ Богу, къ блаженной памяти Государю Императору Александру I, утвердившему уставъ гимназіи и даровавшему ей отличныя преимущества, а малороссійскому краю—средства воспитывать юношество на пользу общую, и къ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Николаю Павловичу»; актъ окончился благодарственною рѣчью директора, обращенною къ посѣтителемъ, и завтракомъ.

Общее устройство Нѣжинской гимназіи весьма сходно съ устройствомъ Ярославскаго училища, что естественно: пожертвованія на то и другое учебное заведеніе сдѣланы въ одно время (1805 г.); почти въ одно время обдумывались и составлялись ихъ уставы; оба они отличаются энциклопедическимъ характеромъ, преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—сообщеніе возможно большаго и разнообразнаго учебнаго матеріала, цѣль, объясняемую господствомъ того же взгляда на учебное дѣло на западѣ и, пожалуй, избыткомъ усердія, не руководимаго ясными педагогическими и дидактическими представленіями. Дѣйствительно, учебные предметы, назначенные для обоихъ заведеній, были одни и тѣ же съ весьма незначительнымъ различіемъ, а именно: Законъ Божій ¹⁾, словесность древнихъ языковъ ²⁾, Россійская словесность (краснорѣчіе по уставу Ярославскаго училища), философія ³⁾, право естественное и народное, чистая и смѣшанная математика, естественная исторія и технологія съ химіей, политическая исторія со вспомогательными науками, государственное хозяйство (политическая экономія по Ярославскому уставу) и наука финансовъ; римское право съ его исторіей, Россійское

¹⁾ Въ уставѣ Ярославскаго училища не означенъ Законъ Божій, но преподаваніе его несомнѣнно было; то же должно сказать и о новыхъ языкахъ.

²⁾ Въ Нѣжинской гимназіи греческая словесность была предоставлена желающимъ.

³⁾ Съ открытіемъ высшихъ классовъ преподаваніе философіи, подъ названіемъ „нравственнаго любомудрія“ въ Нѣжинской гимназіи было поручено законоучителю.

гражданское и уголовное право и судопроизводство съ исторіей права—предметы преподаванія въ Нѣжинской гимназіи, должно полагать, входили въ составъ учебныхъ предметовъ и въ Ярославскомъ училищѣ.

Полный курсъ ученія въ Нѣжинской гимназіи, продолжавшійся девять лѣтъ, раздѣлялся по трехлѣтіямъ на девять классовъ, по три въ каждомъ трехлѣтіи. Первое трехлѣтіе назначалось для низшаго курса, второе—для средняго и третье—для высшаго.

Открытіе классовъ происходило постепенно. Съ открытіемъ гимназіи въ 1821 году, послѣ произведеннаго 21—28 іюня приѣмнаго испытанія, принятые ученики, въ слѣдствіе крайне не равныхъ познаній, распредѣлены были не по классамъ, а по тремъ отдѣленіямъ: въ первомъ оказалось 14, во второмъ 9, въ третьемъ 21 учениковъ, всего 44 ученика ¹⁾. Составленное конференціей распредѣленіе предметовъ обученія по отдѣленіямъ было утверждено министромъ, съ замѣной логики во 2 отдѣленіи, «какъ не сообразной съ понятіями учениковъ этого отдѣленія» исторіей, для которой, вмѣстѣ съ географіей, назначено было только четыре часа, и съ замѣной алгебры въ 3 отдѣленіи «начальными основаніями алгебры и геометріи, «совокупное преподаваніе которыхъ, по мнѣнію министра, было бы полезнѣе». Только въ январѣ слѣдующаго 1822 года, послѣ произведеннаго новаго испытанія, конференція признала возможнымъ распредѣлить учениковъ по классамъ, образовавъ четвертый классъ, или первый втораго трехлѣтія, изъ посредственно или слабо успѣвшихъ въ 3 отдѣленіи и пятый классъ изъ оказавшихъ хорошіе и превосходные успѣхи въ томъ же отдѣленіи, «такъ какъ, полагала конференція, по опытному дознанію, благонадежнѣе и быстрѣе съ оными можно простирается къ дальнѣйшимъ знаніямъ въ высшихъ наукахъ и чрезъ то какъ дарованіямъ, такъ и соревновательному прилежанію ихъ дать поощрительнѣйшій ходъ предъ прочими, или по крайней мѣрѣ не останавливать ихъ теченія въ учебномъ времени безъ существенной пользы». Однако и послѣ того оставлены были прежнія три отдѣленія для закона Божія, языковъ и рисованія. Число учениковъ по классамъ было: въ 1—8, во 2—10, въ 3—9, въ 4—12, въ 5—13, всего 52 ученика; по отдѣленіямъ: въ 1—15, во 2—26, въ 3—11. Это распредѣленіе учениковъ было утверждено министромъ ²⁾. Съ начала учебнаго года, съ

¹⁾ См. въ приложеніи № 1, экзаменный списокъ воспитанниковъ перваго приѣма съ отиѣтками по экзамену.

²⁾ При этомъ министръ, по поводу представленнаго ему распредѣленія занятій воспитанниковъ, обратилъ вниманіе на выѣклассныя занятія, «поелику упражненіемъ въ классовъ пожинаются истинные успѣхи ученія въ классахъ; можно желать даже,

августа 1822 года, открылся 6 классъ, а за тѣмъ въ началѣ каждаго новаго учебнаго года открывались слѣдующіе классы; въ августѣ 1825 года открытъ былъ послѣдній, 9 классъ, а въ іюнѣ 1826 года былъ первый выпускъ воспитанниковъ гимназіи.

Распредѣленіе учениковъ по отдѣленіямъ одновременно съ распредѣленіемъ по классамъ объясняется неравномѣрностію познаній, препятствовавшей правильному движенію учебнаго дѣла; неравномѣрность же познаній въ свою очередь объясняется незнакомствомъ въ первое время съ программой заведенія, разнообразіемъ первоначальной подготовки, а также понятнымъ желаніемъ собрать, по возможности, большее число учениковъ къ открытію ученія. Для того же «единообразнаго и единоуспѣшнаго хода языковъ съ ходомъ наукъ», Орлай въ томъ же 1822 году предложилъ конференціи слѣд. мѣру: раздѣлить учениковъ на шесть разрядовъ: на принципистовъ, или обучающихся началамъ языка, на грамматистовъ, или обучающихся этимологіи, на синтаксистовъ, риторовъ, піитовъ и эстетиковъ, или обучающихся эстетикѣ, съ чтеніемъ которой должно быть соединено чтеніе и разборъ классическихъ авторовъ: по латинской словесности—Горація, Виргилія, Лукреція и пр., по нѣмецкой—Виланда, Гердера и пр., по французской—Лагарпа, Корнеля, Расина и пр., по русской—Ломоносова, Державина, Карамзина и пр. «Такое раздѣленіе, замѣчаетъ Орлай, должно начаться, идти и окончиться постепенно, смотря по успѣхамъ учениковъ. Такъ, поелику изъ мѣсячныхъ рапортовъ профессоровъ видно, что въ 3 отдѣленія нѣкоторые хорошо знаютъ синтаксисъ, то изъ таковыхъ составить разрядъ риторовъ и т. д., что черезъ два или три года окончится само собою, и въ то же время можно будетъ уже таковыя шесть разрядовъ соединить съ шестью классами двухъ первыхъ трехлѣтній, такъ что въ послѣднемъ трехлѣтніи, или академическомъ курсѣ, будутъ студенты упражняться практически въ сочиненіяхъ на всѣхъ, преподающихся въ гимназіи, языкахъ, проходя философскія науки». Такое раздѣленіе учениковъ существовало въ школахъ іезуитовъ, піаровъ, хорошо извѣстныхъ Орлаю. Впрочемъ его не оказывается въ послѣдствіи въ Нѣжинской гимназіи. Распредѣленіе же учениковъ по отдѣленіямъ для ученія языкамъ оставалось въ силѣ въ все время существованія гимназіи съ энциклопедическимъ характеромъ, т. е. до 1832 года, и эту мѣру

замѣчаетъ министръ, чтобы для таковыхъ занятій опредѣлено было время отъ одного класса до другаго»; кромѣ того указываетъ на слишкомъ продолжительныя и непрерывныя занятія въ классахъ отъ 8—12 часовъ, „для чего не достанетъ вниманія не только въ дѣтяхъ, но и въ самыхъ взрослыхъ“.

нельзя не признать полезною и рациональною. Тоже явленіе, какъ извѣстно, прбддолжаетъ сохрѣнять свое значеніе и до настоящей минуты: сила вещей и въ университетахъ, и въ институтахъ, привела къ обособленію преподаванія новыхъ языковъ отъ преподаванія факультетскихъ предметовъ въ тѣсномъ смыслѣ, а въ послѣднихъ, т. е. обоихъ институтахъ,—къ образованію тѣхъ же отдѣленій, что и въ гимназіи высшихъ наукъ. Затрудненія отъ этого обособленія въ сущности остаются тѣже, хотя и не въ равной степені: на университетскихъ окончателныхъ испытаніяхъ не рѣдкость составляютъ студенты, съ отличіемъ оканчивающіе испытаніе по всѣмъ факультетскимъ предметамъ и весьма слабѣе даже въ одномъ, обязательномъ для нихъ, новомъ языкѣ; тоже было и въ Нѣжинской гимназіи. Послабленія неизбѣжны и вытекаютъ изъ той же силы вещей. Затрудненія эти постоянно озабочивали почетнаго попечителя, требовавшаго отъ воспитанниковъ вполнѣ удовлетворительнаго усвоенія обоихъ новыхъ языковъ. Въ дѣлахъ сохранилось нѣсколько его отношеній, строго запрещающихъ послабленія по испытанію въ языкахъ въ виду удовлетворительности познаній по основнымъ предметамъ.

Латинскій языкъ представлялъ едва ли не большія затрудненія, такъ какъ онъ рѣдко входилъ въ домашнее приготовленіе, а въ повѣтовыхъ училищахъ поставленъ былъ плохо по недостатку достойныхъ преподавателей. Отмѣтки по латинскому языку въ экзаменныхъ вѣдомостяхъ обыкновенно ниже отмѣтокъ по новымъ языкамъ. Явленіе это, между прочимъ, объясняется неблагопріятнымъ взглядомъ на этотъ предметъ и въ то время: сохранились письма родителей изъ богатыхъ чиновныхъ дворянъ съ просьбой освободить ихъ дѣтей отъ обученія латинскому языку; въ конференціи 1 декабря 1821 года доложено было предписаніе министра объ увольненіи отъ латинскаго языка вольныхъ пансіонеровъ, пажей Сергѣя и Льва Милорадовичей, сыновей тайнаго совѣтника Милорадовича; частыя перемѣщенія дѣтей изъ гимназіи въ военно-учебныя заведенія, вѣроятно, отчасти объясняются тѣмъ же взглядомъ. Орлай, какъ отличный латинистъ, весьма серьезно и строго относился къ занятіямъ учениковъ этимъ предметомъ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется строгая оцѣнка успѣховъ.

Къ тому же времени, къ первымъ годамъ по открытіи гимназіи, относится рядъ учебно-воспитательныхъ мѣръ, принятыхъ конференціей, по предложенію Орлая. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Въ видахъ возбужденія въ ученикахъ наибольшаго соревнованія какъ относительно занятій, такъ и относительно поведенія, Орлай предложилъ: 1. размѣщать учениковъ каждый мѣсяцъ въ классахъ со-

образно отмѣтамъ въ профессорскихъ вѣдомостяхъ, такъ чтобы превосходные сидѣли по старшинству на первой скамейкѣ и т. д., каковое старшинство соблюдать и при столѣ; 2. изъ числа превосходныхъ и благонравнѣйшихъ назначать аудиторъвъ, которымъ должны быть подчинены нѣсколько учениковъ, отъ которыхъ они спрашиваютъ отчета въ урокахъ; 3. превосходнѣйшіе и благонравнѣйшіе дѣлаются старшими въ комнатахъ для занятій и въ прогулкахъ; 4. чтобы старшіе или аудиторы не ослабѣвали по безопасности въ своемъ ученіи и посредственные имѣли надежду быть старшими, позволить всѣмъ ученикамъ безпрепятственно просить посредствомъ испытанія или состязанія о высшемъ мѣстѣ; 5. для сего завести двѣ книги: одну для награды отличныхъ (*librum honoris*), а другую черную для наказанія не исправляющихся, и записи, въ нихъ сдѣланныя, читать въ общей залѣ предъ всѣми учениками.

Въ то же время (журн. конф. 24 дек. 1821 г.) было принято конференціей предложеніе директора, касающагося наблюденія за занятіями воспитанниковъ и ихъ испытаній. «Такъ какъ гимназія высшихъ наукъ, заявляетъ Орлай, по проѣкту ея устава, есть непосредственно первое учебное заведеніе послѣ университетовъ и заключаетъ въ себѣ три учебныхъ трехлѣтія, въ коихъ предназначены въ преподаванію науки, положенныя для губернскихъ гимназій, а по выслушаніи оныхъ—высшія знанія, обыкновенно преподаваемыя въ лицеяхъ, академіяхъ и университетахъ, подъ раздѣленіями на факультеты, каковыхъ, по общимъ учебнымъ положеніямъ, лицей имѣютъ одинъ, академіи два и университеты четыре, помянутая же гимназія въ послѣднемъ трехлѣтіи, хотя въ проѣктѣ устава ея ясно то не означено, имѣетъ два—философскій и юридическій, и такъ какъ воспитанникамъ ея, на основаніи проѣкта устава, по окончаніи курса наукъ, присвоиваются степени кандидатовъ или дѣйствительныхъ студентовъ, а на основаніи указа 14 февраля 1818 г. предназначается полученіе классныхъ чиновъ отъ 14 до 10 включительно, равно, по проѣкту устава, освобожденіе отъ экзаменовъ при производствѣ въ высшіе чины: то, дабы каждый воспитанникъ, по окончаніи курса наукъ въ гимназіи, удостоиваемъ былъ какъ аттестаціей и степени кандидата или студента, такъ и назначенія въ который—либо изъ классныхъ чиновъ справедливымъ образомъ, для достиженія сего вѣрнѣйшимъ средствомъ можетъ служить слѣд. распоряженіе»: 1. каждый профессоръ и учитель долженъ вести ежедневную записку о успѣхахъ и поведеніи учениковъ и подавать ежемѣсячную о томъ вѣдомость, означая успѣхи и поведеніе «вмѣсто похвалъ» цифрами, а по окончаніи года, предъ испытаніями, годовую съ общей классификаціей учениковъ; 2. по окончаніи каждаго учебнаго года, дѣлать во всѣхъ классахъ, до

публичнаго испытанія, строгое испытаніе частное въ присутствіи всѣхъ профессоровъ и учителей, подъ предсѣдательствомъ директора; 3. по окончаніи частнаго испытанія, производитъ публичное, «о чемъ нарочитыми программами обвѣщаются какъ всѣ сословія изъ жителей города, такъ особенно родители питомцевъ»; 4. частное годичное испытаніе производится по билетамъ, въ видѣ краткихъ предложеній, при чемъ билеты влагаются въ закрытое мѣсто и двое воспитанниковъ вынимаютъ изъ онаго по два предложенія, одинъ отвѣчаетъ, а другой обдумываетъ и готовится къ отвѣту; при семъ замѣчается, если воспитанникъ на оба предложенія отвѣчалъ удовлетворительно, то считать его превосходнымъ, въ 1 разрядѣ, если медленно и съ ошибками—во 2, если отвѣчалъ только на одно предложеніе—въ 3 и если не отвѣчалъ вовсе—въ 4, при чемъ однако должно брать въ уваженіе и различную трудность вопросовъ; 4. публичное испытаніе, во избѣжаніе весьма продолжительнаго времени, располагается съ нѣкоторою удобностію изъ однихъ главныхъ пунктовъ каждой науки или изъ положеній всеобщаго ея обзорѣнія, по предложеніямъ профессора или учителя; равно назначаются чтенія собственныхъ сочиненій воспитанниковъ какъ по словесности російской и другихъ языковъ, такъ и по прочимъ наукамъ изъ матерій, наиболѣе занимательныхъ; при семъ дозволяется посѣтителямъ отъ себя предлагать вопросы которому пожелаютъ воспитаннику, только сообразные съ положеніями программы; впрочемъ, если, по случаю, воспитанникъ будетъ или останавливаться, или ошибаться, то изъ всѣхъ прочихъ знающихъ предоставляется свобода встать съ своего мѣста въ знакъ желанія ихъ отвѣчать на предложенный вопросъ, и тогда который—нибудь изъ нихъ къ тому назначается; 6. по окончаніи публичнаго испытанія, воспитанники двухъ первыхъ разрядовъ переводятся въ слѣд. классы съ публичною и каждымъ заслуженною похвалою, которая въ спискѣ противъ имени ихъ отмѣчается; 3 разряда ученики также съ оными переводятся, но не считаются съ оными равными, «и единственно изъ уваженія къ той надеждѣ, что они въ новый учебный годъ могутъ сколько-нибудь сблизиться съ первыми и о семъ тщательно постараются, или самыя ихъ дарованія, имѣя свой естественный ходъ къ разверзанію, какимъ—либо особымъ естественнымъ своимъ раскрытіемъ къ тому будутъ способствовать, или и по случаямъ благодати»; четвертаго же разряда воспитанники остаются еще на годъ въ прежнемъ классѣ.

Были немедленно приняты мѣры Орлаемъ и къ распространенію свѣдѣній о новомъ заведеніи и къ ознакомленію съ требованіями для поступленія въ него. Сохранилось письмо предводителя Екаторинослав-

сваго дворянства, Алексѣева (13 сент. 1822 г.), въ которомъ онъ извѣщаетъ, что «по причинѣ отлучки не могъ исполнить желанія (Орлая); теперь же, считая, что подобное изложеніе основанія, правилъ и порядка сего заведенія весьма можетъ содѣйствовать пользѣ многихъ семействъ, ищущихъ ученія и образованія дѣтямъ своимъ», проситъ доставить нѣсколко экземпляровъ описанія гимназій для разсылки по всѣмъ уѣздамъ ¹⁾. Экземпляры были немедленно отправлены. Должно полагать, что обращеніе было не въ одному Екатеринославскому дворянству. Генералъ Писаревъ 9 ноября того же года обращается изъ Харькова къ Орлаю съ слѣд. вопросами: когда гимназія основана, кто капиталъ положилъ, Безбородко или Куселевъ, нѣтъ ли печатнаго распредѣленія лекцій и проч. Вообще изъ сохранившихся въ дѣлахъ прошеній и писемъ родителей, желавшихъ опредѣлить своихъ дѣтей и родственниковъ въ Нѣжинскую гимназію, видно, какимъ уваженіемъ и довѣріемъ пользовался Орлай. Одно письмо того же 1822 года изъ Звенигородка Кіевской губерніи начинается такъ: «зная цѣну отличнымъ дарованіямъ вашимъ и утѣшаясь тою славою, которую вы стяжали ученостію своею, я все намѣреніе мое полагалъ вѣрить подъ покровительство обширнаго вашего генія юнаго моего сына въ Одесскомъ лицей»; въ заключеніи письма упоминается о неурядицахъ и перемѣнахъ, клонящихъ лицей къ паденію. Сохранилась небольшая переписка съ Орлаемъ нашего канцлера, столь извѣстнаго въ исторіи образованія первой четверти нашего вѣка, Н. П. Румянцева. Въ одномъ изъ писемъ, отъ 20 февраля 1825 года, изъ Гомеля, Румянцева также обращается къ Орлаю съ просьбою объ опредѣленіи въ гимназію сына управляющаго его имѣніемъ, Шведа Орландера, Смоленскаго дворянина. «Онъ (Орландеръ) чрезвычайно желаетъ помѣстити сына своего для обученія наукамъ предпочтительно всякому иному заведенію въ тотъ институтъ, который учрежденъ въ Нѣжинѣ графомъ Безбородкой и воимъ вы, милостивый государь мой, управляете съ такимъ успѣхомъ ²⁾».

¹⁾ Въ мѣстныхъ архивѣ не сохранилось ни одного экземпляра этого описанія гимназій.

²⁾ Остальное содержаніе переписки касается любимаго предмета занятій Н. П. Румянцева, собранія древнихъ рукописей, монетъ и вообще древностей. Такъ въ томъ же письмѣ 20 февраля онъ проситъ Орлая уговорить Нѣжинскаго грека, Кондуру, переслать ему, для предварительнаго осмотра, золотую греческую медаль, которую тотъ, какъ слышалъ Румянцева, продаетъ. «Пожалуйте, развѣдайте, нѣтъ ли въ Нѣжинѣ и у другихъ купцовъ—грековъ медалей золотыхъ, серебряныхъ или медныхъ, а особливо изъ тѣхъ, кои часто открываются въ Ольвіополѣ и Керчи,

Благодаря такой заботливости директора объ устройствѣ вѣреннаго ему заведенія, уваженію и довѣрію, которыми онъ пользовался, и, конечно, тому обстоятельству, что Нѣжинская гимназія на огромномъ пространствѣ была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и притомъ съ интернатомъ, представлявшимъ столько удобствъ окрестному дворянству для помѣщенія своихъ дѣтей и родственниковъ, число учениковъ начало быстро возрастать и къ концу пятилѣтняго управленія Орлая гимназіей достигло до 250.

Такое быстрое возрастаніе числа учениковъ естественно должно было производить значительныя затрудненія въ ходѣ учебнаго дѣла, а потому оно не замедлило обратить на себя вниманіе высшаго начальства. Министръ, въ началѣ 1827 года, въ особомъ отношеніи на имя почетнаго попечителя гимназіи, выразилъ убѣжденіе, что, «для лучшаго успѣха воспитанниковъ какъ въ наукахъ, такъ и въ языкахъ, нужно положить преграду чрезмѣрному увеличенію числа учениковъ какъ въ классахъ наукъ, такъ и въ отдѣленіяхъ языковъ». Въ слѣдствіе того, поч. попечитель предложилъ конференціи къ исполненію слѣд. мѣру: въ тѣхъ классахъ по наукамъ, или отдѣленіямъ по языкамъ, въ которыхъ число учащихся достигнетъ 60, остановить пріемъ вольноприходящихъ и принимать послѣднихъ только въ тѣ классы и отдѣленія, въ которыхъ число учениковъ менѣе 60. Мѣра эта однако не распространилась на пріемъ пансіонеровъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить этотъ быстрый притокъ учениковъ въ гимназію, необходимо обратить вниманіе на то, что всѣ ученики раздѣлялись на *пансіонеровъ*, пользовавшихся полнымъ содержаніемъ и помѣщавшихся въ самомъ зданіи гимназіи, и *вольноприходящихъ*, пользовавшихся только даровымъ обученіемъ ¹⁾. Пансіонеры

или же татарскихъ древнихъ монетъ, а лучше сказать арабскихъ. И ежели тѣ, кои ищутъ таковыя медали, согласятся ко мнѣ ихъ сюда чрезъ васъ доставить, я очень вамъ благодаренъ буду за таковую ихъ ко мнѣ пересылку. Нѣтъ ли также у кого либо въ Нѣжинѣ продажныхъ древнихъ русскихъ рукописей на славянскомъ языкѣ, писанныхъ на пергаментѣ». Оказалось, что Кондура просилъ за медаль слишкомъ дорого, какъ за древнюю греческую, а потому Румянцевъ въ другомъ письмѣ ограничивается просьбою выслать снимокъ или слѣпокъ. Въ одномъ изъ писемъ Орлай проситъ у Румянцева для гимназической бібліотеки изданнаго на его средства „Путешествія въ южный океанъ и Беринговъ проливъ, предпринятаго въ 1815—1818 гг. на кораблѣ Рюрикъ“. Румянцевъ немедленно выслалъ въ Нѣжинъ это дорогое изданіе.

¹⁾ Вопросъ о платѣ за ученіе, въ связи съ вопросомъ объ уменьшеніи платы съ пансіонеровъ своекоштныхъ, поднимается только въ послѣднее время существованія гимназіи съ энциклопедическимъ характеромъ. Въ 1823 году, 11 мая, министръ,

были трехъ наименованій: *казенные*, состоявшіе на содержаніи кабинета Его Величества и инвалиднаго капитала, *почетнаго попечителя*, состоявшіе на его собственномъ содержаніи, и *своекоштные*. Послѣдніе должны были платить ежегодно по 1000 р. и по 200 р. одновременно на первоначальное обзаведеніе,—сумму, особенно для того времени, слишкомъ высокую, для среднихъ достатковъ почти недоступную. Ее могли одолѣвать только родители съ большими средствами, и то не многосемейные; изъ лицъ же съ средними достатками могли рѣшаться на столь большіе расходы только тѣ, которыя, при сильномъ желаніи дать дѣтямъ высшее образованіе, питали полное довѣріе къ заведенію и къ его начальнику. И между тѣмъ съ первыхъ лѣтъ оказывается весьма значительное число пансіонеровъ своекоштныхъ. Такъ въ вѣдомости о пансіонерахъ отъ 5 августа 1820 года по 1 января 1822 года значится изъ 43 пансіонеровъ 12 казенныхъ и 31 своекоштныхъ, а по вѣдомости по 1 января 1825 года, за 1824 годъ, состояло, при 14 казенныхъ и 13 почетнаго попечителя, 55 своекоштныхъ. Такимъ образомъ на общее число учениковъ гимназій въ 1824 году—198 приходится болѣе $\frac{1}{4}$ своекоштныхъ пансіонеровъ; къ 1 января 1825 года изъ 55 оставалось 37 своекоштныхъ пансіонеровъ на общее число учениковъ 199, при 25 казенныхъ и 12 почетнаго попечителя. Интересно прослѣдить цифры пансіонеровъ по слѣдующей таблицѣ въ остальныхъ семь лѣтъ существованіе гимназій до 1832 года.

	Число казенныхъ пансіонеровъ.	Почетнаго попечителя.	Своекоштныхъ.	Общее число пансіонеровъ.	Вальюприходящихъ учениковъ.	Общее число учениковъ.
Къ 1 января 1826 года.	24	11	34	69	180	249
Къ 1 января 1827 года.	23	8	19	50	159	209
Къ 1 января 1828 года.	25	7	20	52	176	228
Къ 1 января 1829 года.	24	7	15	46	228	274
Къ 1 января 1830 года.	25	5	9	39	305	344
Къ 1 января 1831 года.	26	4	8	38	346	384
Къ 1 января 1832 года.	20	1	5	26	332	358

въ слѣдствіе представленія поч. попечителя, согласился на уменьшеніе платы съ пансіонеровъ своекоштныхъ до 750 рублей, съ тѣмъ, чтобы, для вознагражденія

Такъ постепенно уменьшалось число своекоштныхъ пансіонеро́въ и въ тоже время увеличивалось число вольноприходящихъ ученико́въ. Уменьшеніе числа первыхъ доказываетъ возникавшее неблагоприятное отношеніе родителей къ пансіону, а увеличеніе числа послѣднихъ— потребность въ краѣ высшаго образованія, а слѣд. и высшаго учебнаго заведенія. Обременительность платежа имѣла, конечно, нѣкоторую, но несомнѣнно меньшую, долю вліянія на уменьшеніе числа своекоштныхъ пансіонеро́въ, такъ какъ въ директорство Орлая она не мѣшала увеличенію числа послѣднихъ. Приведенныя цифры въ тоже время доказываютъ, какое важное значеніе имѣла личность начальника гимназическаго интерната.

Общее число пансіонеро́въ въ 1822 году увеличилось небольшимъ греческимъ контингентомъ. Относящіяся сюда свѣдѣнія, сохранившіяся въ архивѣ, интересны сами по себѣ, заслуживаютъ вниманія и потому, что эта не большая греческая колонія, неожиданно появившаяся въ Нѣжинской гимназій, имѣла нѣкоторое вліяніе на постановку греческаго языка въ послѣдней.

Во время возстанія грековъ, когда началось всеобщее ихъ преслѣдованіе и избіеніе турками, не пощадившими и патриарха, множество греческихъ семействъ, лишившихся всего своего состоянія, искали спасенія въ единовѣрной Россіи. Скопленіе ихъ въ Одессѣ, безпомощное ихъ состояніе, особенно малолѣтнихъ дѣтей, обратило на себя вниманіе императора Александра Павловича. Статсъ-секретарь Нессельроде сообщилъ ново-россійскому генераль-губернатору, графу Ланжерону, Высочайшую волю «воспитывать дѣтей грековъ обоюга пола на счетъ казны въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицей и дѣвичьемъ благородномъ институтѣ; а когда всѣхъ таковыхъ дѣтей невозможно будетъ помѣстить въ сихъ Одесскихъ школахъ, то узнать, нельзя ли будетъ нѣкоторыхъ дѣтей помѣстить въ училищахъ Нѣжинскихъ также на счетъ казны». Въ слѣдствіе сего графъ Ланжеронъ обратился къ Орлаю съ письмомъ (отъ 29 марта 1822 года), въ которомъ, объяснивъ, что имъ принято возможное число дѣтей грековъ въ Одесскія училища и что даже учреждено особое филантропическое училище для воспитанія дѣвицъ бѣдныхъ греческихъ фамилій, проситъ увѣдомить, есть ли вакантныя мѣста въ Нѣжинскихъ училищахъ, и прислать уставъ послѣднихъ. Конференція

были въ доходахъ пансіона, взимать съ вольноприходящихъ ученико́въ по 50 р., по примѣру другихъ училищъ, ибо отъ обременительнаго для жителей той страны платежа, по 1000 р. въ годъ, за воспитанника пансіонъ оной гимназій чувствительно уменьшается*.

гимназіи опредѣлила донести, что «хотя въ пансіонѣ, существующемъ при гимназіи, изъ числа предназначенныхъ комплектомъ по проекту устава 27 воспитанниковъ находится нынѣ принятыхъ только 20, но такъ какъ всѣ они опредѣлены и опредѣляются непосредственно посящимъ званіе основателя сего заведенія, г. почетнымъ попечителемъ, то и нельзя опредѣлительно извѣстить, имѣются ли въ сей гимназіи вакантныя мѣста для пансіонеровъ и сколько оныхъ, а потому необходимо отнестись къ г. почетному попечителю». Этотъ отвѣтъ конференціи былъ сообщенъ Ланжерономъ Нессельроду, а послѣднимъ—министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который немедленно сообщилъ Высочайшую волю графу Кущелеву-Безбородко. На отношеніе министра графъ отвѣчалъ, что онъ, «желая принять участіе въ частной благотворительности въ пользу переселившихся грековъ, согласенъ принять въ свое заведеніе шесть воспитанниковъ сверхъ штата и содержать ихъ на свой счетъ». Въ слѣдъ затѣмъ Нессельродъ проситъ Ланжерона выбрать изъ дѣтей бѣдныхъ грековъ шестерыхъ, наиболее способныхъ и достойныхъ, и препроводить ихъ въ Нѣжинъ, при чемъ выражаетъ желаніе, въ слѣдствіе уважительныхъ рекомендацій, помѣстить въ то число 11-лѣтняго сына Павла Варвати, греческаго negociante ¹⁾. Въ письмѣ отъ 1 августа Ланжеронъ увѣдомляетъ Орлая, что дѣти выбраны и немедленно будутъ препровождены въ Нѣжинъ на средства Одесской греческой вспомогательной комиссіи, «по причинѣ крайней бѣдности родителей и родственниковъ сихъ дѣтей» (списокъ дѣтей въ прилож. № 2). Въ свою очередь почетный попечитель предлагаетъ Орлаю «принять, когда представлены будутъ дѣти бѣдныхъ

¹⁾ Monsieur le Comte, A la suite des communications en date du 15 Avril, par lesquelles votre Excellence nous a transmis la réponse de M. Orlay le ministère s'est adressé au Curateur du gymnase de Néjin, le Comte Koucheleff-Besborodko. Celui-ci, desirant participer aux actes que la bienfaisance particulière multiplie en faveur des réfugiés Grecs, consent à recevoir dans son établissement six élèves surnuméraires et se charge de leur entretien.—L'Empereur daigne agréer cette disposition, et il ne nous reste plus qu'à inviter votre Excellence de vouloir bien choisir parmi les enfants des Grecs pauvres, réfugiés à Odessa six individus qui par leur facultés naturelles vous paraîtront les plus dignes d'un pareil bienfait et les plus capables de remplir le but que se propose une bonne éducation (слѣдуетъ рекомендація Варвати). Le complet du choix arrêté, vous n'aurez, M. le Comte, qu'à faire passer les dits enfants à Nejin, ou le Comte Koucheleff se charge en attendant de donner les ordres nécessaires pour les recevoir. Agréés etc". Оказывается, что Варвати не былъ отпущенъ въ Нѣжинъ своими родителями. Въмѣсто него отправленъ Котопули, сынъ купца изъ Янины въ Эпирѣ, 11 лѣтъ.

грековъ и помѣстить ихъ вмѣстѣ съ штатными пансіонерами, съ коиими, въ разсужденіи содержанія и правъ, они совершенно сравниваются. Положенную сумму по 325 р. на каждого, всего 1950 р., гимназія получаетъ каждые полгода одну половину изъ Верхіевской экономіи*.

Дѣти прибыли въ Нѣжинъ и въ началѣ 1822—23 учебнаго года уже значатся въ гимназическихъ спискахъ. Легко представить себѣ затруднительное положеніе въ гимназіи въ первое время и дѣтей, не знавшихъ ни слова по русски и, по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ въ наибольшей части, не получившихъ никакого образованія, и преподавателей, не знавшихъ, съ чего и какъ начать обученіе. Скоро однако они должны были освоиться съ новой средой, съ новымъ языкомъ, и постепенно войти въ общій уровень. Извѣстно, что эта небольшая греческая колонія доставила Россіи одну весьма почтенную личность, снискавшую себѣ и служебную и литературную извѣстность, Константина Базили. Для русскихъ воспитанниковъ появленіе дѣтей грековъ имѣло то значеніе, что было причиною введенія въ обученіе обязательнаго по уставу греческаго языка: не смотря на эту обязательность и не смотря на то, что греческій языкъ поставленъ былъ далеко не на видномъ мѣстѣ среди другихъ предметовъ обученія, въ послѣдствіи въ числѣ обучавшихся этому языку постоянно оказывается нѣсколько русскихъ.

Того же возраста, какъ и дѣти грековъ, были и вообще поступавшіе въ Нѣжинскую гимназію, то есть отъ 8 до 13 лѣтъ. Первоначальное приготовленіе они получали или въ домѣ родителей и родственниковъ, или въ школахъ, въ повѣтовомъ (уѣздномъ) училищѣ. Первые болѣею частію принадлежали къ зажиточнымъ дворянскимъ семействамъ, послѣдніе—въ среднему сословію съ ограниченнымъ состояніемъ. И то и другое приготовленіе имѣло свои недостатки, затруднявшіе обученіе: если дѣти домашняго приготовленія были слабѣе въ основныхъ предметахъ обученія и сильнѣе, говоря вообще, въ обоихъ новыхъ языкахъ, или въ одномъ изъ нихъ, то поступавшіе изъ повѣтовыхъ училищъ представляли обратное явленіе. Изъ писемъ родителей о принятіи дѣтей и отмѣтокъ на приѣмныхъ испытаніяхъ видно, что домашнее приготовленіе ограничивалось самыми элементарными свѣдѣніями; составъ же предметовъ обученія въ повѣтовыхъ училищахъ, согласно съ господствовавшимъ въ то время взглядомъ на школьное устройство, былъ весьма обширенъ и отличался большимъ разнообразіемъ ¹⁾, а по-

¹⁾ Въ него входили: законъ Божій и священная исторія, правила для учащихся, російская грамматика, всеобщая исторія и географія, исторія и географія російскаго государства, ариметика, начальныя основанія математической географіи, физика, геометрія, латинскій и нѣмецкій языки.

тому можно сомнѣваться относительно полноты и достоинства обученія, какъ и относительно полноты и достоинства состава преподавателей. Тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что свѣдѣнія поступавшихъ изъ повѣтовыхъ училищъ отличались большей полнотою, большимъ разнообразіемъ и большею точностію сравнительно съ свѣдѣніями дѣтей домашняго приготовленія.

Пансіонеры всѣхъ наименованій, помѣщавшіеся въ самомъ зданіи гимназіи, разумѣется, обращали на себя особенное вниманіе начальства. Непосредственный надзоръ за ихъ поведеніемъ принадлежалъ дежурнымъ надзирателямъ, число которыхъ, съ увеличеніемъ числа пансіонеровъ, съ двухъ, положенныхъ по штату, увеличилось до пяти, а въ послѣдствіи, съ 30 марта 1822 г., кромѣ того, инспектору, не получавшему впрочемъ за то никакого вознагражденія. Инспекторъ и дежурные надзиратели, по предписанію Орлая, должны были представлять ему ежемѣсячныя вѣдомости съ отмѣтками о поведеніи пансіонеровъ.

Въ своихъ помѣщеніяхъ пансіонеры распредѣлялись по отдѣленіямъ, которыя назывались *музеями*. Число музеевъ первоначально, по видимому, соотвѣтствовало числу отдѣленій и за тѣмъ классовъ. Съ открытіемъ же высшихъ классовъ, по предложенію Орлая (конф. 1 ноября 1824 г.), число музеевъ было ограничено тремя, по числу трехлѣтій: въ первомъ находились пансіонеры трехъ низшихъ классовъ, съ надзирателями Зельднеромъ и Аманомъ, во второмъ—пансіонеры только двухъ классовъ, 4 и 5, какъ болѣе многолюдныхъ, съ надзирателями Павловымъ и Филибертомъ, и въ третьемъ—пансіонеры 6 7 и 8 классовъ (9 классъ былъ открытъ только въ 1825 году), съ надзирателями Аманомъ и Періономъ. Цѣль этого распредѣленія воспитанниковъ по музеямъ, какъ она выражена въ предложеніи Орлая, состояла въ предоставленіи надзирателямъ болѣе удобства слѣдить какъ за ихъ поведеніемъ, такъ и за приготовленіемъ къ классамъ, а равно и за практикою въ новыхъ языкахъ. Пансіонеровъ каждаго музея Орлай предлагалъ, кромѣ того, раздѣлить по жребію на двѣ части для того, «чтобы каждый надзиратель наблюдалъ за воспитанниками, доставшимися ему по жребію, въ разсужденіи учебныхъ пособій, бѣлья, одежды, обуви и чистоты тѣла.

Время пансіонеровъ распредѣлено было весьма точно и подробно особыми правилами, составленными Орлаемъ и утвержденными конференціей. По этимъ правиламъ они должны были вставать въ 5¹/₂ часовъ «и привѣтствовать гувернера»; въ 6¹/₂ ч. являться на утреннюю молитву и за тѣмъ на чай; полчаса передъ классными занятіями посвящалось чтенію Новаго завѣта; до-обѣденные уроки продолжались отъ

9 до 12 часовъ включительно; за тѣмъ $\frac{1}{4}$ часа, передъ обѣдомъ, назначалась «для движенія»; за тѣмъ обѣдъ до часу; второй часъ назначался «для свободнаго приготовленія къ классамъ, безъ обремененія вольности отдохновенія»; 3 и 4 часы на классныя занятія; 5 на свободное отдохновеніе; 5— $5\frac{1}{2}$ чай; $5\frac{1}{2}$ — $6\frac{1}{2}$ на повтореніе уроковъ; затѣмъ полчаса «для пріятнѣйшаго и благородно-шутливаго препровожденія времени, на чтеніе Лафонтеновыхъ басенъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, съ помощію изъясненій словъ и выраженій гувернеромъ»; $\frac{1}{4}$ часа на приготовленіе классныхъ принадлежностей къ слѣдующему дню; $\frac{1}{4}$ часа на движеніе передъ ужиномъ; $7\frac{1}{2}$ —8 ч. ужинъ; $\frac{1}{4}$ часа на движеніе послѣ ужина; $8\frac{1}{4}$ — $8\frac{3}{4}$ на повтореніе уроковъ; $8\frac{3}{4}$ —9 вечерняя молитва, послѣ которой пансіонеры «отходятъ къ постелямъ для раздѣванія и положенія себя въ оныхъ»; 9— $5\frac{1}{2}$ для сна. Въ свободное отъ занятій время воспитанникъ, по желанію, могъ отправиться, «въ сопровожденіи надежнаго человѣка изъ прислуги», къ профессору или учителю для вразумленія въ мѣстахъ, темно имъ понимаемыхъ. Въ воскресные и праздничные дни, по полученіи отпуска отъ инспектора, пансіонеры могли отправляться къ родителямъ, родственникамъ или знакомымъ, съ надежнымъ проводникомъ отъ послѣднихъ. Дисциплинарныя мѣры: совѣтъ надзирателя, выговоръ «съ кроткимъ увѣщаніемъ», наказаніе по усмотрѣнію инспектора; внесеніе въ черную книгу; «если же кто и послѣ упомянутыхъ наказаній не исправляется и дѣлаеть грубости, будучи замѣченъ въ томъ многократно, таковой инспекторомъ, по усмотрѣнію, *наказывается болѣе*; о имени же того воспитанника инспекторъ доноситъ директору». Для внесенія именъ благоправныхъ воспитанниковъ, «для вознагражденія ихъ за хорошее поведеніе», заведена была «бѣлая книга».

Если и почетный попечитель, и директоръ, обращали особенное вниманіе на обученіе новымъ языкамъ вообще, то они были еще болѣе озабочены успѣхами пансіонеровъ въ этихъ языкахъ и притомъ въ практическомъ ихъ употребленіи. Съ цѣлю облегчить и ускорить усвоеніе новыхъ языковъ путемъ практическимъ, назначались въ надзиратели къ пансіонерамъ иностранцы, французъ и нѣмецъ, которые должны были постоянно говорить съ ними на иностранныхъ языкахъ. Съ этою же цѣлю Орлай въ конференціи 1 ноября 1824 г. предложилъ раздѣлить воспитанниковъ каждаго музея на три разряда: на хорошо объясняющихся на новыхъ языкахъ, средственно и наконецъ мало или ничего не знающихъ. Объ успѣхахъ ихъ надзиратели должны доносить инспектору, а послѣдній—директору. По истеченіи каждаго полугодія, назначались испытанія по новымъ языкамъ въ присутствіи директора

и всѣхъ чиновниковъ пансіона гимназіи. По этимъ испытаніямъ директоръ предоставлялъ себѣ отличать ревностнѣйшихъ надзирателей. Почетный попечитель часто обращался къ директору съ особыми отношеніями о непрерывномъ наблюденіи за неуклоннымъ исполненіемъ надзирателями этой обязанности. Напоминанія были впрочемъ излишни, такъ какъ Орлай и по собственнымъ убѣжденіямъ относился къ этой обязанности надзирателей даже съ избыткомъ усердія и ревности, и почетному попечителю приходилось не разъ умѣрять порывы этой ревности. Такъ, когда Орлай просилъ о замѣнѣ русскаго надзирателя, Павлова, иностранцемъ, почетный попечитель отвѣчалъ (10 ноября 1822 г.): «находя мнѣніе ваше весьма справедливымъ, что нужно имѣть въ гимназіи гувернерами иностранцевъ для лучшаго обученія воспитанниковъ иностраннымъ языкамъ, нужнымъ почитаю замѣтить, что столь же необходимо обратить вниманіе на правильное и чистое употребленіе отечественнаго языка, наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произношеніе и разговоръ имѣютъ ощутительную разность, по сему полагаю, что можно съ пользою для питомцевъ гимназіи оставить г. Павлова въ надзирательской должности». Спустя недѣлю по вступленіи въ должность, 8 ноября 1821 года, Орлай, заявивъ конференціи о необходимости, «чтобы надзиратели во время дежурства не говорили иными языками, какъ иностранными», въ тоже время указалъ на необходимость, «чтобы даже служители, всегда окружающіе пансіонеровъ, какъ-то: буфетчикъ и лакеи, знали какой-либо изъ иностранныхъ языковъ», т. е. французскій или нѣмецкій. Не рѣшившись самъ привести въ исполненіе послѣднюю мѣру, онъ обратился за разрѣшеніемъ къ поч. попечителю и получилъ слѣдующій замѣчательный отвѣтъ: «что касается до служителей, то не могу вамъ не замѣтить, что, во первыхъ, выборъ въ оныя иностранцевъ сопряженъ съ большими трудностями и даже, можетъ быть, съ излишними расходами, во вторыхъ, питомцы гимназіи не должны никогда оставаться безъ надзирателя и какъ можно менѣе имѣть сношенія съ служителями вообще. Не смотря на сіе, если найдутся нѣкоторые французы или нѣмцы, коихъ съ удобностію можно нанимать въ служители гимназіи, то можете ихъ принимать». Съ тою же цѣлію усилить знаніе новыхъ языковъ поч. попечитель требовалъ, чтобы «профессоры словесностей, по крайней мѣрѣ въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ отдѣленіяхъ, преподавали на иностранныхъ языкахъ». Въ приведенныхъ выше «правилахъ распределенія времени воспитанниковъ пансіона» съ величайшею заботливостію преслѣдуется таже цѣль: вставши въ 5¹/₂ часовъ, пансіонеры привѣтствуютъ гувернера и «разговариваютъ на языкѣ французскомъ, если гувернеръ въ дежурствѣ

французъ, или на нѣмецкомъ, если нѣмецъ»; вторые полчаса шестаго «употребляютъ на одѣваніе и умовеніе, при чемъ разговариваютъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ» и т. д.

Какъ ни старался однако Орлай объ усвоеніи учениками новыхъ языковъ, не подлежитъ сомнѣнію то, что онъ смотрѣлъ на это усвоеніе, какъ на средство для легчайшаго и скорѣйшаго усвоенія самаго содержанія образованія, а не какъ на цѣль, какъ у насъ иногда смотрятъ и теперь, и въ этомъ отношеніи строго и точно отличалъ новые языки отъ основныхъ предметовъ обученія. Въ доказательство этой мысли, я останавлиюсь съ нѣкоторою подробностію на прекрасномъ мнѣніи Орлая, написанномъ имъ въ 1824 году по поводу предложенія почетнаго попечителя сравнить положеніе преподавателя французскаго языка съ положеніемъ старшихъ профессоровъ и по званію, и по окладу. Мнѣніе это интересно и потому, что въ немъ Орлай опровергаетъ соображенія почетнаго попечителя, представленныя прямо министру.

Въ апрѣлѣ 1824 года графъ Куселевъ-Безбородко отнесся къ министру, кн. Голицыну, съ мнѣніемъ о необходимости назначить изъ процентовъ съ остаточнаго отъ прежнихъ лѣтъ капитала во сто тысячъ рублей особые оклады секретарю конференціи (400 р.), члену правленія (400 р.), секретарю правленія (250 р.), и возвысить оклады профессоровъ латинской и французской словесности (получавшихъ по званію младшихъ профессоровъ по 1000 р. въ годъ) до 2000 р., т. е. до оклада старшихъ профессоровъ, съ присвоеніемъ имъ этого послѣдняго званія ¹⁾. «Такъ какъ во всѣхъ російскихъ университетахъ и училищахъ, пишетъ графъ, катедра латинской словесности уравнена съ катедрами наукъ, то я нахожу приличнымъ сдѣлать оную старшею. Къ сему я побуждаемъ желаніемъ усилить въ семъ училищѣ преподаваніе латинскаго языка. Таковое же жалованье признаю нужнымъ дать и профессору французской словесности. Двѣ причины меня къ сему побуждаютъ: первое, повсемственное онаго языка употребленіе, второе то, что достойнаго профессора по части словесности французскаго языка, особливо въ маломъ городѣ Нѣжинѣ, на жалованье въ 1000 р. пріобрѣсти весьма трудно». Это мнѣніе, препровожденное на заключеніе директора, встрѣтило со стороны послѣдняго смѣлыя, рѣшительныя и основательныя возраженія. «Такое распредѣленіе пяти тысячъ (т. е.

¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ назначалось: на церковный причтъ 300 р. и на страхованіе главнаго зданія (оцѣненнаго, безъ нижняго этажа, какъ защищеннаго сводами, въ 330 тыс. р.) 1650 р.

процентовъ со ста тысячъ), возражаетъ Орлай, хотя и имѣеть въ существѣ своемъ благонамѣренную цѣль и доказываетъ усердіе его снательства къ пользѣ гимназіи; но при крайнихъ другихъ, ближе предстоящихъ, необходимыхъ нуждахъ гимназіи, кажется, не можетъ быть сочтено во всѣхъ частяхъ своихъ къ исполненію удобнымъ». Эти ближе предстоящія нужды вытекаютъ изъ основнаго положенія гимназіи, какъ высшаго учебнаго заведенія: для сообщенія высшаго образованія необходима прежде всего прочная постановка основныхъ наукъ, снабженіе послѣднихъ достаточнымъ числомъ достойныхъ преподавателей. Между тѣмъ проектомъ устава недостаточно обезпеченъ въ этомъ отношеніи высшій философско-юридическій разрядъ гимназіи, т. е. послѣднее трехлѣтіе. Такъ естественная исторія, для которой вмѣстѣ съ физикоматематическими науками назначенъ одинъ преподаватель, должна имѣть отдѣльнаго профессора; для наукъ политическихъ, подъ которыми, по проекту, разумѣется вся совокупность юридическихъ наукъ, также необходимъ другой профессоръ; кромѣ того, такъ какъ, по проекту, оканчивающимъ курсъ въ гимназіи должны быть выдаваемы аттестаты и въ званіи наукъ военныхъ, необходимъ особый профессоръ военныхъ наукъ. Для всѣхъ трехъ упомянутыхъ профессоровъ, съ званіемъ младшихъ, назначается 3000 р., по 1000 р. каждому; съ назначеніемъ же 350 р. учителю рисованія и 1650 р. на страхование дома, распредѣляется, по проекту Орлая, вся сумма (5000 р.) процентовъ остаточнаго капитала во сто тысячъ. Такое распредѣленіе вполне соотвѣтствуетъ цѣли гимназіи, учрежденной «въ особенную пользу образованія дѣтей бѣдныхъ и немущихъ дворянъ малороссійскаго края и приготовленія ихъ на государственную службу»—и на эту цѣль необходимо обратить все вниманіе, а не на пансіонъ, «всякимъ переменамъ временныхъ случаевъ подверженный». Отъ совершенства преподаванія всѣхъ наукъ зависитъ и совершенствованіе пансіона и его приращеніе. «Главною цѣлью всякаго учебнаго заведенія суть науки, образующія и готовящія юношество къ государственной службѣ, а потому науки же первѣе всего и требуютъ совершенства въ надлежащемъ ходѣ своего раскрытія, а за тѣмъ все прочее естественно само собою къ послѣдованію приспособляется».

Удвоеніе же окладовъ профессоровъ латинской и французской словесности Орлай находитъ преждевременнымъ и имѣющимъ вызвать справедливыя притязанія профессоровъ греческой и нѣмецкой словесности. При томъ же, замѣчаетъ онъ, «ученіе языковъ, при благоустроенной учебной системѣ, никогда не принадлежало сравнительно къ высшимъ наукамъ и ни въ какомъ высшемъ учебномъ заведеніи не

преподавалось, а принадлежало всегда къ кругу предуготовительныхъ занятій народныхъ училищъ и гимназій. По сему уравненіе каедръ, назначенныхъ для преподаванія языковъ, съ каедами высшихъ наукъ было бы несоотвѣтственно самому порядку постепеннаго ученія». По мнѣнію Орлая, было бы даже справедливѣе возвысить оклады (400 р.) учителей низшихъ классовъ гимназій, «долженствующихъ имѣть хорошія свѣдѣнія для сообщенія прочныхъ основаній юношеству въ предметахъ первыхъ классовъ».

Впрочемъ, какъ и должно было ожидать, возраженія Орлая направлены были главнымъ образомъ противъ французскаго языка, который «самъ по себѣ другихъ въ Россіи доходившій, яко живой, и до пристрастія употребительнѣйшій». Что же касается до латинской словесности, то противъ уравненія ея профессоромъ со старшими профессорами и по званію, и по окладу, онъ ничего не имѣлъ и даже находилъ относящееся сюда предложеніе поч. попечителя справедливымъ и полезнымъ, если бы только оказались къ тому средства, по удовлетвореніи существенныхъ потребностей гимназій. «На опытѣ знаю, пишетъ Орлай, что латинскій языкъ съ одной стороны, какъ мертвый, безъ хорошаго наставника самъ по себѣ не привлекателенъ, не употребителенъ въ обществѣ, *даже пренебрегаемъ въ Россіи*, и потому совершенно бездоходенъ, а съ другой, въ слѣдствіе сей бездоходности, еще съ 1812 года сравненъ въ жалованьѣ по всѣмъ гимназіямъ съ жалованьемъ и преимуществами старшихъ учителей. Будучи же самъ по себѣ мертвымъ, далъ однако происхождение нѣкоторымъ нынѣ образовавшимся европейскимъ языкамъ; заключаетъ онъ въ себѣ, кромѣ того, глубокія и для познаній весьма важныя, равно къ преподаванію не менѣе трудныя, древности, а по сему во всѣхъ европейскихъ знатнѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ считается кореннымъ ученымъ языкомъ классическимъ». Въ случаѣ однако возвышенія званія и оклада профессора латинской словесности, Орлай требуетъ, чтобы кромѣ реторики, пѣники и эстетики, назначенныхъ для трехъ высшихъ отдѣленій, преподавались древности и обычаи римлянъ (*antiquitates et ritus romanorum*).

Въ заключеніе, директоръ признаетъ необходимымъ обезпечить опредѣленнымъ жалованьемъ слѣд. лица: инспектора пансіона, троихъ надзирателей (кромѣ двухъ штатныхъ), члена и секретаря правленія, бібліотекаря, учителя французскаго языка и каллиграфіи въ низшихъ классахъ, учителя пріятныхъ искусствъ (музыки, пѣнія, танцованія). Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ вовсе не получали вознагражденія, другимъ, съ разрѣшенія поч. попечителя, выдавалось вознагражденіе въ разныхъ

размѣрахъ изъ суммъ пансіона. Признается также необходимымъ особый учитель «для военныхъ экзерцицій и фехтованія».

Приведенное извлеченіе изъ пространнаго мѣнія Орлая можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ ясности пониманія имъ истинныхъ потребностей заведенія, его способности отдѣлять существенныя изъ нихъ отъ второстепенныхъ и случайныхъ, его живаго интереса въ пользѣ и преуспѣянію гимназіи и прежде всего въ ея существенныхъ и основныхъ стремленіяхъ къ цѣли. Основательность его соображеній о необходимости вторыхъ профессоровъ по физико-математическимъ и юридическимъ наукамъ, о положеніи и значеніи новыхъ языковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о значеніи для послѣднихъ латинской словесности сравнительно съ французской и нѣмецкой, не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя также не обратить вниманія на смѣлость и рѣшительность возраженій въ виду особеннаго въ то время, и оффиціальнаго и личнаго, положенія поч. попечителя, въ виду предоставленнаго ему права блюсти и направлять средства заведенія соотвѣтственно его нуждамъ. Можно пожалѣть, что вопросъ о назначеніи 5000 р. не былъ предварительно обсужденъ между двумя наиболѣе заинтересованными лицами, и можно допустить, что это упущеніе повліяло на характеръ и тонъ возраженій, а послѣдніе—на взаимныя отношенія между лицами.

Дѣло тянулось долго и только 26 февраля 1826 года министръ утвердилъ проэктъ распредѣленія 5000 р., предложенный Орлаемъ: отчислены 3000 р. для окладовъ младшимъ профессорамъ физико-математическихъ, юридическихъ и военныхъ наукъ, назначено на церковь 350 р. и на страхованіе дома 1650 р.

По ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ инспектора и надзирателей о поведеніи пансіонеровъ можно заключить, что бывали выдающіеся случаи уклоненія отъ установленнаго порядка, лѣности, непослушанія и проч. Приведу, для примѣра, хотя одно указаніе, въ которомъ довольно видное мѣсто занимаетъ Гоголь. Въ вѣдомостяхъ за февраль 1824 года записано: «многіе изъ учениковъ, особливо перваго и втораго отдѣленія (по языкамъ), отмѣченные въ спискахъ единицею, или ничѣмъ, не успѣли и не успѣваютъ, потому что приходятъ въ классъ неготовыми и не исправными, т. е. безъ учебныхъ пособій, безъ упражненій и безъ знанія заданныхъ уроковъ. Отмѣтку за поведеніе получили по единицѣ: Яновскій—за неопрятность, шутовство, упрямство и неповиновеніе, Левъ Милорадовичъ—за совершенное неповиновеніе и дерзость, Кобеляцкій—за отлично-худую нравственность, которую скрытнымъ образомъ переливать старается своимъ товарищамъ, приобрѣтая ихъ на свою сторону»

разными скрытыми неопозволительными средствами». Директоръ приказалъ записать въ журналъ конференціи и объявить о томъ пансіонерамъ, а вольноприходящимъ подтвердить, что, если не исправятся, будутъ исключены изъ гимназіи по годичномъ испытаніи и т. д. Впрочемъ такія замѣчанія попадаются довольно рѣдко, если принять во вниманіе общее число учениковъ. Вообще же, повидимому, поведение пансіонеровъ при Орлаѣ не отличалось злокачественнымъ характеромъ, а потому и не часто вызывало начальство на особенно сильныя дисциплинарныя мѣры. Такъ Гоголь, отмѣченный въ февралѣ за поведение единицей, въ мартѣ велъ себя «отлично-хорошо». По всему видно, что Орлай съ большимъ тактомъ, какъ истый педагогъ, относился къ воспитательному дѣлу, что воспитанники относились къ нему съ уваженіемъ, довѣріемъ и расположеніемъ, которыя, какъ извѣстно, всегда обезпечиваютъ нормальный порядокъ въ интернатѣ, и мы готовы вѣрить относящимся сюда рассказамъ Кукольника (Лицей и пр., біографія Орлая), вообще не чуждымъ гиперболизма.

Подтверженіемъ для такого заключенія можетъ служить и то, что поведение пансіонеровъ видимо начинаетъ измѣняться къ худшему, начинается какое-то тревожное состояніе въ пансіонѣ, въ слѣдъ за отъѣздомъ Орлая изъ Нѣжина лѣтомъ 1826 года: жалобы на пансіонеровъ поднимаются одна за другой, начинаются разслѣдованія, примѣняются крутыя мѣры; становится очевиднымъ, что чего-то не стало, что порвались нити, державшія до сихъ поръ все въ порядкѣ, что начинается опять смутное, промежуточное время; въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ инспектора и надзирателей можно замѣтить признаки недовольства излишнею, по ихъ мнѣнію, свободою, предоставленною пансіонерамъ, излишнею снисходительностію директора. Очень вѣроятно, что, съ отъѣздомъ директора, новое начальство начало по своему прибирать къ рукамъ пансіонеровъ, что и не замедлило породить между ними тревогу и смуту. Можно даже допустить, что предоставленная прежде пансіонерамъ свобода не вполне соответствовала ихъ возрасту, что бывали случаи злоупотребленія этой свободой, что совокупность этихъ случаевъ бросала тѣнь на порядки, заведенные въ гимназіи; но не подлежитъ сомнѣнію то, что общее состояніе пансіона при Орлаѣ было вполне благонадежно; что авторитетъ Орлая, уваженіе и расположеніе къ нему и учащихъ и учащихся устраняли тотъ вредъ, который, при другихъ условіяхъ, могъ бы произойти отъ частныхъ послабленій, отъ излишней иногда снисходительности. Впрочемъ указанія этого рода на порядки въ пансіонѣ при Орлаѣ идутъ отъ того времени (1827 и слѣд. годовъ), когда сильно воспламенены были страсти не только между

преподавателями, но и между пансіонерами, когда естественны были преувеличенія, а потому имъ и нельзя довѣрять безъ большихъ оговорокъ и ограниченій. Новый инспекторъ, Бѣлоусовъ, опредѣленный незадолго до отъѣзда Орлая изъ Нѣжина (въ іюль 1826 года), естественно старается объяснить начавшуюся между пансіонерами тревогу и смуту беспорядками въ пансіонѣ при прежнемъ инспекторѣ, Моисеевѣ (исправлявшемъ должность инспектора съ 30 марта 1822 года); послѣдній, энергически отстаивая свое время и основательно опираясь на отсутствіе оффиціальныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ, возлагаетъ всю вину на новаго инспектора. Моисеевъ и его сторонники доносятъ конференціи (рап. 16 апр. 1827 г.): что «пансіонеры начинаютъ читать непозволенные книги; въ классахъ, при задаваемыхъ имъ вопросахъ, оказываются занятыми не столько ученіемъ, сколько выучиваніемъ театральныя роли; что ученики въ городѣ проигрываютъ свое платье въ карты, изъ оконъ пансіона обидно кричатъ и свистутъ на проходящихъ мимо гимназій благородныхъ дамъ въ сопровожденіи офицеровъ, прохаживаются въ саду въ неблагопрістойномъ и безобразномъ видѣ и т. д. Бѣлоусовъ въ свою очередь доказываетъ, что распущенность пансіонеровъ достигла крайнихъ предѣловъ еще при Орлаѣ и при прежнемъ инспекторѣ, что Орлай самъ признавалъ необходимость ихъ укрощенія и съ этою цѣлю убѣдилъ его принять на себя должность инспектора. «Я долго отказывался отъ предложенной мнѣ должности, пишетъ Бѣлоусовъ, ибо видѣлъ, сколько труда, безпокойства и непріятностей должно было переносить при столь развращенномъ состояніи пансіона; но когда сей почтенный своими заслугами въ нашемъ отечествѣ мужъ началъ меня почти со слезами убѣждать, представляя и гибель юношества, и обманутую надежду родителей, и пагубу, угрожающую цѣлому заведенію, присовокупляя, что на меня только онъ единственно полагаетъ надежду: тогда уже я рѣшился принять на себя тяжкое бремя. Богъ помогъ мнѣ въ семъ моемъ подвигѣ.. И въ то время, когда подавлено ужаснѣйшее буйство пансіонеровъ; когда они не только потеряли навыкъ, но и не думаютъ, какъ прежде было, бродить толпами по трактирамъ для пьянства, по подозрительнымъ мѣстамъ для произведенія постыдныхъ безчинствъ; когда не видны болѣе въ музеяхъ толпы юнкеровъ, извнѣ приносившихъ съ собою неопытнымъ дѣтямъ всякаго рода развратъ; когда вмѣсто прежняго занятія пушаніемъ ракетъ въ саду и музеяхъ ¹⁾ и стрѣльбою, бродя по

¹⁾ Противная сторона доказывала, что пусканіе ракетъ происходило именно въ инспекторство Бѣлоусова и приводила случаи, когда пансіонеры своими ракетами въ

Магеркамъ (предмѣстѣе, смежное съ гимназіей), они занимаются науками, или забавляются приличными и дозволенными имъ играми; когда скромность и послушаніе отличаютъ пансіонеровъ предъ прочими: вздумали утверждать, что за пансіонерами нѣтъ надлежащаго смотрѣнія со стороны инспектора» и т. д. (рап. 7 мая 1827 г.). Въ другомъ рапортѣ (30 сент.) Бѣлоусовъ доноситъ конференціи, что враждебные ему преподаватели «вооружаютъ противъ него не только надзирателей, воспитанниковъ пансіона, но даже и служителей онаго», говоритъ даже о нѣкоторыхъ старшихъ профессорахъ, «извѣстныхъ своимъ непохвальнымъ и даже пагубнымъ для юношей поведеніемъ, или неисправнымъ исполненіемъ своей должности, соединившихся совокупными силами препятствовать его добрымъ намѣреніямъ».

Главными распространителями безпорядковъ въ пансіонѣ были *вольноприходящіе ученики*, число которыхъ, какъ мы видѣли, увеличилось съ каждымъ годомъ и даже имѣло вредное вліяніе на ходъ обученія. Жизнь при совершенно иныхъ условіяхъ, большая свобода и безнаказанность и притомъ непрерывное общеніе съ пансіонерами—все это не могло не отражаться на порядкахъ пансіона. Вскорѣ по прибытіи въ Нѣжинъ, Орлай обратилъ вниманіе на положеніе вольноприходящихъ учениковъ. Въ конференціи 24 января 1822 г. онъ заявилъ, что «необходимо поручить общее надъ ними смотрѣніе надзирателямъ, Зельднеру и Аману, съ тѣмъ, что бы они ежели не каждадневно, то по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ въ недѣлю обходили и осматривали ихъ по квартирамъ, замѣчая ихъ занятія и удобность самыхъ квартиръ». При Орлаѣ не оказывалось большихъ безпорядковъ и между вольноприходящими. Иное дѣло послѣ. Орлай былъ утвержденъ директоромъ Одесскаго лицея 1 августа 1826 г., а 28 августа надзиратель Аманъ въ мѣсячномъ рапортѣ жалуется на буйство и безиравственность вольноприходящихъ, на вредное вліяніе ихъ на пансіонеровъ. «Извѣстно, доноситъ онъ конференціи, что большая часть вольноприходящихъ суть дѣти, происходящіе отъ родителей низкаго состоянія, не имѣющія ни малѣйшаго понятія о благовоспитаніи, да и квартиры ихъ и у хозяевъ съ дурными правилами, а потому они дѣлаются самыми развратными». Сообщество ихъ съ пансіонерами, по мнѣнію Амана, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что послѣдніе часто оказывались пьяными, уходили безъ позволенія въ городъ и укрывались въ квартирахъ вольноприходящихъ, что зачастую стала обнаруживаться дерзость въ обращеніи съ

саду „вспугали прогуливавшуюся при беременномъ состояніи жену одного учителя въ присутствіи мужа ея“.

надзирателями и буйство въ классахъ во время переменъ, что у пансіонеровъ стали появляться непозволительные стихи и книги, огнестрѣльное оружіе, порохъ, изъ котораго они дѣлали шутихи и т. д. Въ заключеніе, Аманъ проситъ принять мѣры и назначить особыхъ чиновниковъ для наблюденія за нравственностью вольноприходящихъ. Въ октябрѣ назначенъ исправляющимъ должность директора старшій профессоръ математическихъ наукъ, Шапалинскій, а 25 октября Бѣлоусовъ донесъ, что «нѣкоторые воспитанники пансіона, скрываясь отъ начальства, пишутъ стихи, не показывающіе чистой нравственности, и читаютъ ихъ между собою, читаютъ книги, неприличныя для ихъ возраста, держать у себя сочиненія Александра Пушкина и другихъ подобныхъ». Дѣло дошло до почетнаго попечителя, который въ то время находился въ Черниговѣ. Отношеніемъ отъ 31 октября онъ предписываетъ произвести строжайшее изслѣдованіе, откуда воспитанники достаютъ не позволительныя сочиненія. Въ ноябрьской мѣсячной вѣдомости инспекторъ донесъ, что нравственность пансіонеровъ начинаетъ исправляться и что они «подають надежду къ лучшему нравственному поведенію». Въ этой вѣдомости Кукольникъ остался совсѣмъ безъ отмѣтки по поведенію и получилъ слѣд. аттестацію: «характеръ его исполненъ величайшихъ неровностей, а потому весьма трудно ему исправиться». Къ рапорту инспектора 14 ноября приложенъ отрывокъ рукописной оды Пушкина «на свободу», отнятый у пансіонера *Гребенкина*, а въ рапортѣ 20 ноября замѣчено, что пансіонеръ Данилевскій посаженъ на послѣднее мѣсто за то, что «пѣлъ пѣсенку, давно сочиненную противъ надзирателя Зельднера» и т. д. Беспорядки не прекращались и, по видимому, поддерживались сильными раздорами, возникшими въ слѣдъ за тѣмъ между преподавателями. 7 мая 1827 года старшій профессоръ политическихъ наукъ, Билевичъ, подалъ въ конференцію рапортъ съ яркимъ изображеніемъ буйства пансіонеровъ и вольноприходящихъ, ослабленій со стороны надзирателей и нравоблюдателей (такъ назывались надзиратели за вольноприходящими, назначенные въ слѣдствіе возникшихъ беспорядковъ) и самого инспектора, который при томъ самъ и его лекціи по естественному праву обличаются въ вольнодумствѣ. Этотъ рапортъ достопамятенъ въ исторіи гимназій высшихъ наукъ тѣмъ, что послужилъ исходной точкой для разыгравшейся въ слѣдъ за тѣмъ длинной и шумной исторіи, окончившейся весьма печально для нѣкоторыхъ преподавателей.

Институтъ вольноприходящихъ учениковъ не входилъ въ первоначальный планъ устройства гимназій и возникъ въ послѣдствіи по особому ходатайству Орлая. Кукольникъ, въ біографіи Орлая (Лицей

и пр. 72) говорить, что этот институт «много содѣйствовалъ нарочитому возвышенію заведенія». Мнѣніе это справедливо въ томъ отношеніи, что, въ слѣдствіе многочисленности вольноприходящихъ, расширялись размѣры образовательной дѣятельности гимназіи и распространялась извѣстность послѣдней; но нельзя не пожалѣть, что, при самомъ возникновеніи института, не были приняты энергическія мѣры для его организаціи: не былъ установленъ надзоръ съ достаточнымъ для того числомъ лицъ, не были устроены общія квартиры и т. д. Даже преподаватели и надзиратели, за весьма немногими исключеніями, не содержали у себя учениковъ съ обязанностію наблюденія за ними въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ и, повидимому, имѣли къ тому основанія: въ дѣлахъ архива сохранились указанія на содержаніе многихъ учениковъ надзирателями Аманомъ и Зельднеромъ, возбуждавшее въ то время вопросы и сомнѣнія.

Одна изъ первыхъ бумагъ, полученныхъ Орлаемъ по приѣздѣ въ Нѣжинъ, заключала въ себѣ запросъ окружнаго попечителя: «какъ осмѣлились надзиратели, Аманъ и Зельднеръ, завести пансіонъ въ Нѣжинѣ». Оказалось, что въ это время у обоихъ надзирателей было 9 пансіонеровъ и 3 полупансіонера. Орлай донесъ, что означенные надзиратели занимаются только приготовленіемъ въ гимназію учениковъ, помѣщающихся у нихъ на квартирахъ. Попечитель не нашелъ «никакой надобности воспрещать помянутымъ чиновникамъ имѣть у себя нѣсколькихъ питомцевъ въ родѣ квартирантовъ, находящихся подъ одною ихъ инспекціею», при чемъ поручилъ директору строго наблюдать, «чтобы въ Нѣжинѣ никто не учреждалъ мужскаго пансіона, могущаго дѣлать вредъ самой гимназіи». Въ началѣ 1822 года заѣхалъ въ Нѣжинъ къ своему дядѣ, Томарѣ, помѣщикъ Краснокутскій и послалъ за своимъ племянникомъ, жившимъ у Амана и Зельднера, «содержателей какого-то пансіона при гимназіи». Племянника не пустили и Томара объяснилъ, что ему запрещено къ нему ходить, что онъ даже получилъ отъ племянника Краснокутскаго дерзкое письмо, «совершенно противное правиламъ почтительности къ родственникамъ», написанное, какъ объяснялъ Томара, по наущенію надзирателей. Все это Краснокутскій изложилъ въ письмѣ къ попечителю и, кромѣ того, сообщилъ о дошедшемъ до него слухѣ, «что нѣкоторые изъ сихъ молодыхъ воспитанниковъ заражены венерическою болѣзнію». «Въ ту же минуту, такъ заключается письмо, племянникъ былъ удаленъ отъ чуждыхъ сихъ пришельцевъ, такъ какъ они въ ничто вмѣняютъ священное уваженіе дѣтей къ родителямъ». Попечитель препроводилъ письмо въ подлинникѣ къ Орлаю и потребовалъ заключенія, заслуживаютъ ли Аманъ и Зельднеръ

по своимъ нравственнымъ качествамъ быть квартиросодержателями. Директоръ въ свою очередь, въ отвѣтъ на письмо, препроводилъ къ попечителю объясненіе Амана и Зельднера, что «родителямъ содержимыхъ ими дѣтей извѣстно, что они всегда въ связяхъ общежитія вели себя благородно, отличались добронравіемъ, почему многіе изъ родителей ввѣряли имъ дѣтей своихъ для наставническаго смотрѣнія и упражненія въ иностранныхъ языкахъ, что таковое довѣріе всегда было оправдано особеннымъ о дѣтяхъ попеченіемъ, что съ своей стороны родители находятъ оное таковымъ, каковаго только желать имъ можно» и т. д. Въ оправданіе приложено нѣсколько одобрительныхъ свидѣтельствъ отъ «значительныхъ» дворянъ Нѣжина и его окрестностей. Дѣло это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Неблагопріятные слухи и отзывы о поведеніи вольноприходящихъ учениковъ сильно озабочивали почетнаго попечителя и окружное начальство, тѣмъ болѣе, что мѣстное дворянство, мнѣніемъ котораго гимназія должна была дорожить, такъ какъ это мнѣніе могло отражаться на комплектѣ пансіонеровъ, не было въ состояніи отдѣлать послѣднихъ отъ вольноприходящихъ. Чтобы оградить репутацію и интересы пансіона, поч. попечитель въ маѣ 1824 года обратился къ министру съ просьбою обязать вольноприходящихъ особою формою одежды, отличною отъ формы пансіонеровъ, «на тотъ конецъ, чтобы поступки вольноприходящихъ учениковъ, живущихъ въ городѣ безъ особаго присмотра, не были относимы на счетъ пансіонеровъ и чтобы сіе не наносило нареканія родителей ихъ и сомнѣнія въ поведеніи воспитанниковъ гимназіи, которое состоитъ на совершенной отвѣтственности начальства оной». Министръ однако не призналъ эту мѣру удобною, «такъ какъ многіе ученики могли быть недостаточнаго состоянія; при томъ пансіонеры, писалъ министръ, имѣющіе мундиры, тѣмъ самымъ отличаются отъ вольноприходящихъ, не имѣющихъ послѣднихъ; необходимо только строго наблюдать, чтобы пансіонеры не появлялись въ городѣ безъ мундировъ».

Въ числѣ пансіонеровъ первыхъ пріемовъ находились, какъ извѣстно, *Гоголь* и *Кукольникъ*. Собранныя въ мѣстномъ архивѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ пребываніи въ гимназіи имѣютъ понятный интересъ и сообщаютъ самой исторіи гимназіи за ихъ время большее значеніе ¹⁾. Къ нимъ должно присоединить и почтеннаго писателя и профессора—юриста, П. Г. Рѣдкина ²⁾. О немъ впрочемъ не придется го-

¹⁾ Само собою разумѣется, что мы будемъ касаться свѣдѣній, уже извѣстныхъ въ печати, только по ихъ связи съ сообщаемыми въ нашемъ очеркѣ.

²⁾ Поступилъ въ гимназію 13 октября 1820 года, 13 лѣтъ. Отецъ его—надворный совѣтникъ Григорій Федоровичъ.

жить много: такъ у него все обстояло благополучно, такъ скромно, тихо и въ тоже время производительно протекла его жизнь въ гимназiи. И по поведенiю, и по успѣхамъ, за исключенiемъ рѣдкихъ случаевъ, и то по предметамъ несущественнымъ, въ родѣ рисованiя, онъ получалъ всегда отмѣтки высшаго достоинства (4): онѣ, такъ сказать, встрѣтили его въ гимназiи, сопровождали его во все время пребыванiя въ ней, онѣ же и проводили его изъ гимназiи.

Гоголь поступилъ въ гимназiю 1 мая 1821 года, 11-ти лѣтъ. Въ книгѣ г. Кулиша (Записки о жизни и сочиненiяхъ Н. В. Гоголя. СПб. 1856 г.), въ приложенiяхъ (стр. 272—273), напечатано письмо отца Гоголя на имя директора Кукольника, въ которомъ онъ проситъ увѣдомить, можетъ ли его сынъ поступить въ Нѣжинскую гимназiю. Нужно замѣтить, что это было второе письмо, такъ какъ на первое не было отвѣта; по случаю внезапной смерти Кукольника. На второе письмо отецъ Гоголя получилъ слѣд. отвѣтъ отъ Временнаго правленiя отъ 18 Февраля 1821 года: «вы изволили писать къ Василю Григорьевичу (Кукольнику) о принятiи вашего сына въ число *своекоштныхъ* воспитанниковъ. Но г. директоръ, къ крайнему нашему сожалѣнiю и къ столь же сердечному сокрушенiю, сего февраля 6-го дня скончался. По сему вмѣсто его на повторенное письмо ваше имѣемъ честь отвѣтствовать, что, по желанiю вашему, сынъ вашъ можетъ быть принятъ въ число воспитанниковъ гимназiи на извѣстныхъ вамъ условiяхъ, и съ симъ вмѣстѣ увѣрить васъ, что хотя г. директоръ, истинный учредитель гимназiи, неожиданною своею смертiю оставилъ насъ, однако оставилъ насъ не въ какой-либо запутанности дѣлъ, но въ полномъ и ясномъ порядкѣ, каковой имъ предучрежденъ уже былъ касательно управленiя гимназiей, содержанiя воспитанниковъ и преподаванiя имъ учебныхъ предметовъ. И сей порядокъ, до времени опредѣленiя новаго директора, предприняли мы охранять въ совершенной своей цѣлости, продолжая вмѣстѣ ничѣмъ не прерываемое преподаванiе наукъ». Передъ отправленiемъ сына въ Нѣжинъ отецъ обращался къ Временному правленiю съ просьбою «принять двороваго его повара въ число служителей безъ всякой за то платы». Этотъ поваръ былъ тотъ «добрый Семень», о которомъ Гоголь упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ родителямъ, возвратившись въ Нѣжинъ послѣ каникулъ 1821 года, и который «такъ старался о немъ, что не проходило ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ его не плакать, и часто просиживалъ по цѣлой ночи надъ нимъ» (Зап. Кулиша, стр. 19).

Опредѣливши сына сначала своекоштнымъ пансионеромъ, отецъ въ слѣдъ за тѣмъ началъ хлопотать о помѣщенiи его на казенное со-

держаніе, безъ сомнѣнія, будучи не въ состояніи платить за него ежегодно тысячу рублей. Почетный поечитель, въ отношеніи отъ 3 марта 1822 года, предложилъ директору «состоящаго нынѣ въ гимназій высшихъ наукъ пансіонеромъ *Василья Гогольновскаго сына г-на коллежскаго ассессора Гогольновакаго* (sic) вклучить въ число воспитанниковъ, содержимыхъ на гимназіальномъ иждивеніи. Въ общемъ спискѣ всѣхъ пансіонеромъ, отъ 5 августа 1820 года по 1 января 1824 года, время поступленія Гоголя въ казенныя пансіонеры означено 1 іюля 1822 года, т. е. концемъ учебнаго года (каникулы продолжались отъ 1 іюля по 1 августа); затѣмъ во все время пребыванія въ гимназій Гоголь состоялъ на казенномъ содержаніи.

Пріемное испытаніе происходило въ присутствіи всѣхъ младшихъ профессоромъ, учителей и нѣкоторыхъ изъ родителей воспитанниковъ 21—28 іюня ежедневно, отъ 8 часовъ утра до 5 часовъ вечера, «съ промежутками полудневнаго стола». По этому испытанію всѣ ученики, составлявшіе до того два отдѣленія, были распредѣлены по тремъ отдѣленіямъ слѣд. образомъ: лучшіе, въ числѣ 21, образовали третье, старшее отдѣленіе, худшіе—второе и вновь поступившіе—первое. До экзамена Гоголь состоялъ во второмъ отдѣленіи, но по экзамену не переведенъ въ третье, а оставленъ въ томъ же отдѣленіи.

Извѣстно, что Гоголь плохо учился въ гимназій и велъ себя не всегда одобрительно. Такъ отзывались о немъ и его товарищи, и нѣкоторые преподаватели, и наконецъ онъ самъ неоднократно жаловался на потерянное время въ гимназій.

Г. Кулишъ, со словъ товарищей Гоголя, говоритъ, что послѣдній мало вынесъ познаній изъ гимназій, что онъ почти вовсе не занимался науками, схватывая на лекціяхъ верхушки, и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ; особенно не любилъ математики, въ языкахъ былъ очень слабъ и т. д. (Жизнь и соч. Гоголя, стр. 21), а въ приложеніяхъ къ своей книгѣ (стр. 274) приводитъ отмітки Гоголя за послѣдній годъ его пребыванія въ гимназій. «Вообще Гоголь былъ самая обыкновенная посредственность, говоритъ его товарищъ Артыновъ (въ показаніяхъ котораго впрочемъ очень много неточностей), и никому изъ насъ въ голову не приходило, чтобы онъ могъ въ послѣдствіи прославиться на поприщѣ русской литературы», при чемъ называетъ его ничтожествомъ, пѣшкой и пр. (Русск. Арх. 1877 № 10, стр. 191—192). «Надобно признаться, говоритъ его наставникъ по латинскому языку, И. Г. Кулжинскій, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему на научился» (Лицей и пр. стр. 32).

Въ одномъ письмѣ къ матери отъ 1 марта 1828 года, слѣдовательно ровно за четыре мѣсяца до окончанія курса, Гоголь весьма недоброжелательно отзывается о заведеніи, въ которомъ онъ обучался въ теченіе семи лѣтъ. «Я не говорилъ вамъ никогда, пишетъ онъ, что потерялъ цѣлыя *шесть* лѣтъ даромъ. Скажу только, что нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще... Я не тревожилъ васъ увѣдомленіемъ объ этомъ, зная, что лучшаго воспитанія вы дать мнѣ были не въ состояніи и что не во всякое заведеніе можно было такъ счастливо на казенный счетъ попасть. Кромѣ неискуснаго преподаванія наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и проч., здѣсь языкамъ совершенно не учатъ.. Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія, если не совершенно достигъ того, что мнѣ нужно. У меня не было другихъ путеводителей, кромѣ меня самого, а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много, силы и стараніе имѣю» и т. д. (Кулишъ, стр. 52).

Какъ смотрѣтъ на этотъ отзывъ Гоголя о гимназій? Нѣтъ сомнѣнія, что весь онъ отличается крайнимъ преувеличеніемъ, всѣми признаками мрачнаго настроенія духа, овладѣвшаго Гоголемъ передъ наступившимъ экзаменомъ, когда приходилось сводить счеты за потерянное время, за небрежность и лѣность, въ виду возможной неудачи экзамена, или не полной удачи ¹⁾). Любопытно сопоставить эту характеристику заведенія съ характеристикой почти товарища его, Кукольника, по видимому, также не чуждой преувеличенія. «Съ прибытіемъ Орлая въ Нѣжинъ, говоритъ Кукольникъ, гимназія получила виѣшнюю и внутреннюю организацію, которая имѣла весьма хорошія послѣдствія. Заведеніе приобрѣло характеръ своеобразный, самостоятельный... У насъ многіе гнушались проходить исторію по Кайданову. Крестовые походы проходятъ—и всѣ читаютъ Мишо и отвѣчаютъ иногда къ видимому смущенію учености профессора; проходятъ ли исторію тридцатилѣтней войны—всѣ читаютъ собственный переводъ Шиллера...; во время преподаванія исторіи римскаго права были ученики, которые могли разсказать внутреннюю домашнюю жизнь римлянъ, какъ будто сами тамъ и въ то время жили, а самое право учили по римскому своду законовъ, т. е. по Юстиниановымъ институціямъ на языкѣ подлинника; да и вообще многіе предметы проходили *ex fontibus*. Есть живые свидѣтели... И всѣмъ этимъ мы были обязаны духу заведенія, тому высокому, поэтическому и весе-

¹⁾ Гоголь окончалъ курсъ съ чиномъ 14-го, а не 12-го класса.

лону направленію, которое въ воспитанниковъ умѣлъ вдохнуть достойный начальникъ» и пр. (Лицей стр. 75, 77, 97). И тамъ и здѣсь преувеличеніе. Гдѣ же правда? Правда, конечно, въ среднемъ, примиряющемъ обѣ крайности, мнѣніи, правда въ томъ, что гимназія выспихъ наукъ была не блестящимъ, но и никакъ не глупымъ заведеніемъ, съ безспорно даровитымъ и преданнымъ своему дѣлу педагогомъ во главѣ, съ наставниками, тоже не блестящими, но и не глупыми, такими, какіе были въ то время возможны и какіе составляли большинство во всѣхъ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и университетовъ. Оправданіемъ этого заключенія можетъ служить все предлагаемое обзорѣніе хода обученія въ гимназіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Гоголь, когда писалъ письмо, чувствовалъ сильную потребность оправдать себя передъ матерью, оправдать сдѣланные имъ расходы изъ ея небольшихъ средствъ, а для этого оправданія ему нужно было найти мѣсто, куда бы онъ могъ сложить безотвѣтственно собственные грѣхи—и этимъ мѣстомъ ему послужило заведеніе, въ которомъ онъ воспитывался семь лѣтъ. Гоголь пишетъ, что онъ тратилъ деньги на учебныя пособія, и въ одномъ письмѣ къ матери (въ концѣ 1827 г.) проситъ ее выслать для этой цѣли 60 рублей: учебныя пособія были и даже, какъ увѣряетъ Кукольникъ, первые источники; тратилъ же онъ деньги, по собственному признанію въ другихъ письмахъ, между прочимъ, на покупку литературныхъ произведеній, иностранныхъ (такъ онъ купилъ сочиненія Шиллера за 40 рублей) и появившихся тогда русскихъ. Гоголь пишетъ, что языкамъ въ гимназіи не учили: учили имъ и французы—Аманъ и Ландражинъ, и нѣмцы—Зельднеръ и Зингеръ, учили, безъ сомнѣнія, такъ, какъ до сихъ поръ учатъ французы и нѣмцы во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и университетовъ. Кто хотѣлъ учиться, могъ выучиться, особенно при нѣкоторой долѣ самостоятельнаго труда. Интересно, что не болѣе какъ за полгода (30 сент. 1827 г.) наиболѣе уважаемый воспитанниками старшихъ классовъ профессоръ Бѣлоусовъ вотъ что писалъ по поводу экзаменовъ въ іюнѣ 1828 года: «тѣ профессора, кои знаютъ предметы, ими преподаваемые, съ удовольствіемъ принимали предлагаемые мною вопросы; ибо гдѣ болѣе можетъ преподающій показать свое стараніе и успѣхи своихъ учениковъ, какъ не при испытаніи. Профессоръ французской словесности (Ландражинъ) самъ приходилъ меня приглашать на экзамены учениковъ 5 и 6 отдѣленій и, по приходѣ моемъ, объявивъ, что у него пройдено, просилъ меня спрашивать, кого и какъ угодно. И дѣйствительно я ихъ испытывалъ одинъ, при чемъ были и посторонніе свидѣтели, оставшіеся весьма довольными симъ экзаменомъ». Замѣтимъ также, что въ мѣсяч-

ныхъ вѣдомостяхъ надзиратели часто жалуются на небрежное отношеніе учениковъ къ новымъ языкамъ. Такъ въ вѣдомости отъ 13 марта 1826 года заявлено, что нѣкоторые воспитанники или рѣдко, или вовсе не ходятъ на уроки по языкамъ; въ числѣ ихъ поименованъ и Гоголь. Вообще, даже независимо отъ учебныхъ занятій въ тѣсномъ смыслѣ, нельзя утверждать, что семь лѣтъ, проведенныхъ въ гимназій Гоголемъ, были потеряннымъ временемъ: сообщество товарищей, непрерывный обмѣнъ мыслей и чувствъ, удовлетвореніе возникавшимъ литературнымъ наклонностямъ, товарищеская оцѣнка его первоначальныхъ литературныхъ опытовъ—все это питало, возбуждало и укрѣпляло дарованія Гоголя и приготавливало ихъ къ послѣдующему блестящему выраженію безъ вѣдома самого обладателя дарованій. Письмо, очевидно, тенденціозно и написано въ мрачномъ расположеніи духа; оно можетъ служить доказательствомъ того, какъ рано Гоголь началъ обнаруживать наклонность къ крайнимъ увлеченіямъ въ оцѣнкѣ явленій своей собственной жизни.

Что касается въ частности отмѣтокъ Гоголя по успѣхамъ и поведенію, то онѣ, послѣ внимательнаго ихъ пересмотра отъ поступленія его въ гимназію до выхода изъ нея, для рѣшенія вопроса о достоинствѣ его школьнаго образованія, на сколько этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ по отмѣткамъ, сообщены мною въ приложеніи (№ 3). Пересмотръ отмѣтокъ и соображенія о дарованіяхъ Гоголя, конечно, приводятъ къ заключенію, что онъ относился къ дѣлу небрежно и лѣниво—и въ этомъ смыслѣ должно понимать его признаніе о потерянномъ времени; но, говоря вообще, отмѣтки вовсе не такъ плохи, какъ можно бы было предположить по приведеннымъ выше печатнымъ отзывамъ о занятіяхъ Гоголя: между вовсе не такъ частыми двойками и единицами и частыми тройками встрѣчается нерѣдко и отмѣтка 4, особенно по словесности, исторіи и географіи и даже естественной исторіи и физикѣ. Что тройки давались Гоголю легко—этому можно вѣрить; но несправедливо заключеніе, будто онъ ничему не научился въ гимназій, если допустить нѣкоторую точность въ оцѣнкѣ познавній отмѣтками. Новые языки и математика дѣйствительно оказываются слабѣе остальныхъ предметовъ. Въ послѣднее трехлѣтіе вообще замѣтно значителное улучшеніе въ отмѣткахъ ¹⁾.

¹⁾ Сохранился списокъ темъ для письменныхъ отвѣтовъ на окончательномъ испытаніи въ 1823 году, съ обозначеніемъ противъ каждой темы фамиліи студента, которому она досталась. Гоголю пришлось писать на слѣд. тему: „въ какое время славы дѣлаются извѣстными по исторіи, гдѣ, когда и какими дѣяніями они себя прославили до расселенія своего, и какое ихъ было расселеніе“. Письменный отвѣтъ не

Поведеніе Гоголя, какъ замѣчено выше, было не всегда одобри-тельно. Особыя аттестаціи въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ, въ родѣ слѣдую-

сохранился. Сообщу здѣсь также нѣсколько свѣдѣній о самыхъ испытаніяхъ, част-номъ и публичномъ, производившихся въ 1828 году въ гимназій, при окончаніи курса Гоголемъ. Частное испытаніе по наукамъ и языкамъ окончилось 23 іюня. Испытаніе въ искусствахъ производилось 24 іюня, въ неучебный день (день рожденія Импера-тора Николая Павловича) по слѣд. программѣ (журн. конф. 21 іюня): 1. увертюра на фортепiano съ оркестромъ; 2. прелюдія тоже на фортепiano съ оркестромъ; 3. гимнъ Его Императорскому Величеству, сочиненный пансіонеромъ Кукольниковъ, пропѣтъ имъ же подъ фортепiano, музыка сочинена учителемъ Севрюгинимъ; 4. музыка в французская кадрили, танцовали пансіонеры и вольноприходящіе ученики; 5. мазурка съ тамбуриномъ, танцовалъ пансіонеръ Пузыревскій; 6. хоръ съ музыкой въ честь Его Императорскаго Величества; въ сіе время двое изъ малолѣтнихъ воспитанниковъ подносили цвѣты почетнымъ посѣтителямъ; 7. танецъ матлотъ, танцовали пансіонеры Пузыревскій и Данилевскій I-й; 8. особый тавецъ съ тамбуриномъ (Пузыревскій); 9. хоръ съ музыкой, пѣли и играли пансіонеры и вольноприходящіе; 10. разные боль-шіе танцы, какъ-то: экосезъ, кадрили, мазурка, вальсъ и пр.; 11. маршъ на музыкѣ; 12. по окончаніи музыки, цѣнія и танцевъ, бились на рапирахъ и сабляхъ пансіо-неры, окончившіе курсъ наукъ: Григоровъ, Данилевскій I-й и Миллеръ, съ учителями. Во все время сего испытанія стояла пирамида посреди залы съ прозрачнымъ на верху ея вензелемъ Его Императорскаго Величества, убранная цвѣтами въ гирляды, а по угламъ пирамиды—четыре малолѣтнихъ пансіонера съ знаменами.—Публичное испы-таніе въ томъ же году производилось въ слѣд. порядкѣ: 1. концертъ—Господь про-свѣщеніе мое; 2. Бѣлоусовъ прочиталъ пристойную на сей случай рѣчь; 3. предло-жено было: изъ закона Божія—о вѣрѣ Евангельской. изъ этики—о любви къ добро-дѣтели, изъ юридико-политическихъ наукъ—исторія римскаго права и самое право и руссійское гражданское право, изъ руссійской словесности—объ основныхъ правилахъ словесныхъ изящныхъ произведеній и о критикѣ, при чемъ ученики читали соб-ственные свои сочиненія, изъ математики—сферическая тригонометрія и полевая фортификація, изъ физики—о воздухѣ, изъ исторіи—о великой сѣверной войнѣ, изъ латинской словесности—ода Горация „Laudabunt alii claram Rhodon“, изъ француз-ской словесности—hymne au soleil и декламированіе стиховъ изъ Расиновой трагедіи Athalie, изъ нѣмецкой—Шиллирова баллада „Der Graf von Habsburg“, изъ греческой—лучшія мѣста изъ первой рапсодіи Гомеровою иліады; 4. ученическіе рисунки и чисто-писаніе были разложены на столѣ; 5. секретарь прочелъ списокъ учениковъ, назна-ченныхъ къ переводу въ высшіе классы, къ наградамъ и къ окончанію курса съ удостое-ніемъ ученой степени. Въ заключеніе, законоучитель произнесъ рѣчь въ наставленіе выпускаемымъ ученикамъ. Сверхъ программы Никольскій декламировалъ сочиненную имъ оду по случаю „ожиданнаго шествія Его Имп. Вел. черезъ г. Нѣжинъ“ (несостоявшагося) Гоголя не спрашивали на публичномъ испытаніи, а Кукольника, хотя и состоявшаго тогда въ 8 классѣ, спрашивали изъ римскаго права, физики, руссійской и латинской словесности.

щихъ: «непослушенъ, очень требуетъ исправленія, дерзокъ, грубъ, неопрятенъ» и пр. приведены и въ книгѣ г. Кулиша (стр. 274). Въ мѣстномъ архивѣ, кромѣ того, сохранились свѣдѣнія о двухъ случаяхъ, подавшихъ поводъ къ особымъ донесеніямъ въ конференцію о поведеніи Гоголя. Оба случая находятся въ связи съ заведенными въ гимназій театральными представленіями.

О театрѣ въ Нѣжинской гимназій, его успѣхахъ, о горячемъ участіи въ немъ Гоголя, доходившемъ до увлеченія, было говорено неоднократно. О немъ распространяется съ большимъ увлеченіемъ самъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ къ матери отъ 26 февраля 1827 года, напечатанномъ въ книгѣ г. Кулиша (стр. 35). Возникъ театръ послѣ Орлая и до пріѣзда въ Нѣжинъ его преемника, Ясновскаго, въ началѣ 1827 года, во время исправленія должности директора проф. Шапалинскимъ. Если принять во вниманіе встрѣчающіяся въ это время въ рапортахъ надзирателей, инспектора и даже профессоровъ, заявленія о поведеніи воспитанниковъ, указывающія на недовольство предоставленною имъ значительною свободою и происходившею отсюда небрежностію въ отношеніяхъ къ лицамъ, обязаннымъ слѣдить за ихъ поведеніемъ, если принять во вниманіе намеки Кукольника на тоже недовольство ¹⁾: то легко понять, почему новая театральная затѣя, заведенная притомъ по почину лица, имѣвшаго своихъ недоброжелателей въ средѣ сослуживцевъ, была встрѣчена далеко не общимъ сочувствіемъ, почему было не мало лицъ, относившихся къ ней съ явнымъ неудовольствіемъ. Еще 29 января 1827 года проф. Билевичъ донесъ конференціи, что утромъ этого дня, услышавъ стукъ возлѣ классовъ, онъ отправился туда и нашелъ работающихъ плотниковъ, а также приготовленія къ театру, кулисы, накладки и возвышенныя для сцены полы. «А такъ какъ таковыя театральныя представленія въ учебныхъ заведеніяхъ, пишетъ Билевичъ, не могутъ быть допущены безъ особаго дозволенія высшаго начальства, то дабы мнѣ, какъ члену конференціи, на которой лежитъ отвѣтственность смотрѣнія за нравственнымъ воспитаніемъ обучающагося юношества, безвинно не отвѣтствовать за мое о семъ молчаніе передъ высшимъ начальствомъ, въ случаѣ отъ онаго нѣтъ на это особаго позволенія, доводя о семъ до свѣдѣнія конференціи, всепокорнѣйше оную прошу увольнить меня по сему предмету отъ всякой отвѣтственности и, записавъ сіе мое прошеніе въ журналъ конференціи, учинить о томъ

¹⁾ „Нѣкоторые наставники, говоритъ Кукольникъ, еще въ бурсѣ привыкли къ разболѣванію, называли этотъ періодъ гимназій (при Орлаѣ) періодомъ безпорядка“ (Лицей и проч. стр. 77).

надлежащее опредѣленіе и донести о послѣдствіи сего гг. окружному и почетному попечителямъ, ежели не имѣется на то отъ нихъ позволенія». Исправлявшій должность директора Шапалинскій сдѣлалъ слѣд. надпись на этомъ прошеніи: «такъ какъ отъ 28 декабря истекшаго 1826 года послѣдовало на мое имя позволеніе высшаго начальства, то симъ г. профессору Билевичу и объясняется о бытности сего позволенія». 16 апрѣля тогоже 1827 года проф. російской словесности, Никольскій, представилъ въ конференцію длинный, написанный по всѣмъ правиламъ реторики, рапортъ о разныхъ предметахъ и, въ числѣ ихъ, о театрѣ. «Публичный театръ гимназіи, пишетъ Никольскій, который безъ строжайшаго разсматриванія и выбора піесъ вмѣсто какой-либо пользы одинъ только вредъ принести можетъ, по какому поводу, кѣмъ и съ чьего дозволенія открытъ, такъ какъ ни мнѣ, ни другимъ членамъ конференціи о томъ неизвѣстно, и имѣется ли отъ начальства на заведеніе сего театра разрѣшеніе, или не имѣется. Ежели не имѣется, то по чьему разрѣшенію открыты здѣсь оныя театральныя зрѣлища; если же имѣется, то для чего оно скрыто или утаено отъ конференціи, на которую предписаніемъ его сіятельства и уставомъ гимназіи возложена общая строгая отвѣтственность за поведеніе и за порядковъ дѣйствій обучающагося юношества; по сему, въ случаѣ какихъ-либо по тому предмету востребованій, кто беретъ на себя за то отвѣтствовать. Притомъ, ежели бы подлинно находилось разрѣшеніе начальства на заведеніе театра, то кому предоставленъ выборъ театральныхъ сочиненій для назначенія въ разыгрыванію—вообще ли конференціи, или частно которому—либо изъ членовъ оной. Ежели сіе кому—либо частно одному предоставлено, то для чего конференціи за извѣстіе о томъ знать не дано; если же вообще предоставленъ выборъ піесъ всей конференціи, то для чего и кѣмъ, безъ вѣдома оной, назначаемы были театральныя піесы, кои уже шесть разъ разыгрывались, при стеченіи немалой публики, и притомъ разыгрывались, какъ слышно, съ какими-то собственными, только неизвѣстно чими, дополненіями и прибавленіями. Между тѣмъ, поелику неизвѣстна цѣль заведенія здѣсь театральныхъ зрѣлищъ, то объ оной остается только догадываться, и по догадкѣ кажется, едва ли не для того особенно приглашается публика на зрѣлищныя представленія, чтобы наиболѣе выиграть ея вниманіе, по вниманію расположить и по расположенію заохотить отдавать дѣтей въ пансіонъ гимназическій... Впрочемъ ежели подлинно есть желаніе привлечь публику для славы и пользы сего заведенія, то къ этому есть мѣры благовиднѣйшія, благороднѣйшія, а потому вѣрнѣйшія и дѣйствительнѣйшія, которыя, если бы благоугодно было принять, я готовъ изобразить и

представить особымъ мнѣніемъ». Въ заключеніе, Никольскій проситъ представить всѣ его соображенія на благоусмотрѣніе обоихъ попечителей. Конференція, однако, въ большинствѣ членовъ, осталась при прежнемъ мнѣніи въ пользу театра и даже не полюбопытствовала узнать, въ чемъ состояли благороднѣйшія и вѣрнѣйшія средства къ привлеченію публики въ гимназію, которыя такъ обязательно предлагалъ Никольскій. Такое невниманіе къ протесту противъ «зрѣлищныхъ представлений» еще болѣе раздражило противниковъ театра. Взаимное раздраженіе усиливалось быстро и, что въ особенности прискорбно, сообщалось воспитанникамъ, стоявшимъ горячо за театр.

Между послѣдними первое мѣсто занималъ Гоголь—и этимъ обстоятельствомъ больше всего должно объяснять раздраженіе его противъ паставниковъ, ратовавшихъ въ конференціи противъ театра.

7 Мая 1827 года проф. Билевичъ подалъ въ конференцію иностранный рапортъ, съ котораго начинается длинная и шумная исторія, окончившаяся трагически для нѣкоторыхъ преподавателей. Въ немъ заключался доносъ на буйство пансіонеровъ и вольноприходящихъ, на вольнодумство, распространяемое между ними проф. Бѣлоусовымъ на лекціяхъ естественнаго права, на послабленія надзирателей, нравонаблюдателей (такъ назывались надзиратели за вольноприходящими учениками) и самого инспектора, тогоже Бѣлоусова. Такъ какъ та часть рапорта, которая касается поведенія пансіонеровъ и театра, какъ и слѣдовавшей за тѣмъ рапортъ Билевича, характеризуютъ настроеніе Гоголя не задолго до окончанія имъ курса въ гимназіи, а равно и среду, въ которой онъ находился, то я остановлюсь на нихъ съ нѣкоторою подробностію.

27 Апрѣля Билевичъ, увидѣвши въ корридорѣ толпу учениковъ, окружавшую учителя русскаго языка и нравонаблюдателя, Персидскаго, котораго только что «съ намѣреніемъ толкнулъ въ бокъ ученикъ Григоровъ», приказалъ всѣмъ разойтись по классамъ, что и было исполнено. Въ это время проходилъ по корридору мимо Билевича пансіонеръ Яновскій, который на вопросъ Билевича, почему онъ не въ классѣ, отвѣчалъ, что «въ 8 классѣ ученія нѣтъ, ибо Бѣлоусовъ не будетъ въ классѣ».—«Вотъ смотрите, сказалъ находившійся тутъ эвекунторъ и тоже нравонаблюдатель, какое неуваженіе воспитанниковъ къ своимъ наставникамъ, не захотѣлъ и остановиться, когда его спрашивали.— «Потому-то и должно дѣтей на квартирахъ ихъ и на всякомъ мѣстѣ паставлять и къ учтивости приучать, замѣтилъ Билевичъ, посмотрѣвшій на поступокъ Гоголя, какъ на одну вѣтренность».—«Что же мы можемъ успѣть, сказалъ нравонаблюдатель, когда не всѣ такъ дѣлаютъ,

какъ должно; иные наставники часто съ учениками, побравшись подъ руки, по корридору прохаживаютъ и слишкомъ фамиліарно съ ними обращаются»...—«Не хорошо дѣло идетъ, сказалъ Билевичъ, потому что надзиратели и правонаблюдатели въ общемъ дѣлѣ раздѣляютъ смотрѣніе за учениками», при чемъ старался обратить особенное вниманіе на поведеніе учениковъ, «ибо неблагопріятныя для всѣхъ насъ слышны толки на счетъ поступковъ учениковъ, особливо пансіонеровъ, а между тѣмъ мы и сами знаемъ, что нѣкоторые ученики изъ пансіонеровъ въ городѣ проигрывали въ карты шинели, или, проигравшись въ карты и не имѣя чѣмъ заплатить, постыдно уходили» и т. д.

Интереснѣе другой рапортъ Билевича, касающійся поведенія Го-голя, отъ 2 октября 1827 года. «26 сентября, по полудни, въ началѣ 5 часа, пишетъ Билевичъ, когда я и Иеропесь (проф. греческаго языка), возвращаясь отъ библіотеки, не найдя оную отпертою, шли по корридору, къ классамъ ведущему, и, примѣтивъ какого-то ученика, бѣжавшаго и за углы прятавшагося, пожелали узнать, кто таковъ оный ученикъ; но ученикъ тотъ съ поспѣшностію бросился къ дверямъ той залы, въ которой учрежденъ театръ, и, приклонившись къ замку тѣхъ дверей, позвалъ кого-то изнутри и, сказавъ довольно въ слухъ «свой», былъ тотчасъ впущенъ въ оную залу; послѣ чего дверь опять съ поспѣшностію затворили и ключемъ изнутри заперли». Дверь была отперта только по требованію призваннаго экзекутора. Вошедши въ залу театра, увидѣли въ ней одного Яновскаго, остальныхъ же четверыхъ пансіонеровъ нашли спрятавшимися за кулисами. Когда Билевичъ спросилъ Яновскаго, «зачѣмъ они прятались и не отворяли дверей, Яновскій вмѣсто должнаго вины своей сознанія началъ съ необыкновенною дерзостію отвѣчать мнѣ разныя свои сужденія, и притомъ болѣе чѣмъ позволяли ученическія границы благопристойности. Я, видя его разгоряченность и даже колкость въ преслѣдованіи меня, вмѣсто наставленій, ему до сего дѣланыхъ, началъ уже просить его, чтобы онъ оставилъ меня; но онъ, какъ бы не слыша сего, съ упорствомъ до дверей и за двери преслѣдовалъ меня, съ необыкновенною дерзостію кричалъ противъ меня и симъ возродилъ во мнѣ опасеніе, не разгоряченъ ли онъ какимъ крѣпкимъ напиткомъ; почему я, обратясь къ экзекутору, сказалъ: «да не пьянъ-ли онъ». Экзекуторъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не пьянъ; я же не могъ иначе объ немъ заключить, видя его необычайную дерзость и странное его объясненіе; притомъ еще и потому, что я его, Яновскаго, давно уже знаю въ семъ заведеніи и никогда такъ дерзкимъ и наглымъ не видалъ». Предложивъ за тѣмъ мнѣніе, что не должно оставлять пансіонеровъ безъ надзирателя «особливо виѣ мусеевъ и

виѣ спаленъ», Билевичъ заключаетъ: «въ разсужденіи же дерзкаго противу меня поступка, сдѣланнаго ученикомъ Яновскимъ, я оставляю его у себя на замѣчаніи впродѣ до его исправленія».

И. д. директора, Шапалинскій, державшій сторону Бѣлоусова и крайне раздраженный непрерывными доносами Билевича, узнавъ о происшествіи 26-го септября, немедленно, въ 8 часовъ вечера, созвалъ чрезвычайное еобраніе конференціи, пригласивъ и доктора Фибинга для удостовѣренія, дѣйствительно ли Гоголь былъ въ нетрезвомъ видѣ. «Г. испр. д. директора, записано въ журналѣ конференціи, намѣревшійся дѣйствовать рѣшительно и въ полной конференціи произвести слѣдствие». Послѣ изложенія происшествія Билевичемъ «сведены были въ конференцію обвиняемые пансіонеры (Марковъ, Яновскій, Гютень, Тимоѣей и Андрей Пашенковы) по одиночкѣ и на спросъ о случившемся показали: когда въ театрѣ къ нимъ кто-то стучался, не объявляя своего имени, то они, думая, что это были вольноприходящіе ученики, которые имъ часто мѣшали въ театрѣ производить работу, дверей не отворяли; а когда г. экзекуторъ, постучавшись, объявилъ свое имя, то они дверь тотчасъ отперли; профессоръ же Билевичъ, вошедши къ нимъ въ театрѣ съ проф. Іеропесомъ и экзекуторомъ Шишкинымъ, упрекалъ ихъ, что они занимаютъ не своимъ дѣломъ и что они безъ надзирателя; когда же пансіонеръ Яновскій сказалъ, что они въ театрѣ находятся съ позволенія ихъ начальства и подъ наблюденіемъ старшаго, пансіонера Маркова, и проф. Билевичъ напрасно хочеть лишить ихъ удовольствія заниматься приуготовленіемъ театра: тогда онъ, г. Билевичъ, ему, Яновскому, сказалъ: «ты пьянъ и потому такъ много говоришь». По освидѣтельствованіи Фибингомъ всѣхъ обвиняемыхъ пансіонеровъ, оказалось, что они были «не только совершенно трезвыми, но и безъ малѣйшаго признака хмельныхъ напитковъ». Введены были въ конференцію и вольноприходящіе ученики Артюховы, на которыхъ указалъ Бѣлоусовъ, что они слышали слова Билевича, обращенныя къ Яновскому: Артюховы отвѣчали, что «они не слышали и о семъ ничего не знаютъ».

Сопоставляя содержаніе обоихъ приведенныхъ рапортовъ съ господствовавшимъ въ то время въ гимназіи безпокойствомъ, приходишь къ заключенію, что крайнее раздраженіе Гоголя объясняется главнымъ образомъ вліаніемъ раздоровъ между преподавателями и крайнимъ увлеченіемъ театральными представленіями. Нѣтъ сомнѣній, что всѣ воспитанники держали сторону своего инспектора, Бѣлоусова, на котораго всю тяжесть разнообразныхъ обвиненій, касавшихся и театральныхъ представленій, обрушился Билевичъ. Гоголь былъ вовле-

чепъ въ смуту и общимъ возбужденіемъ пансіонеровъ, и какъ одна изъ главныхъ устроителей театра; онъ является защитникомъ дѣла, которому преданъ страстно. Та характеристика гимназіи, которая приведена выше изъ письма къ матери отъ 26 февраля, объясняется, между прочимъ, крайне возбужденнымъ состояніемъ его духа, доведшимъ его до безусловнаго отрицанія пользы отъ семилѣтнаго пребыванія въ гимназіи.

Нѣсколько словъ о Кукольникѣ. Изъ отношенія почетнаго преподавателя отъ 16 сент. 1823 года видно, что онъ, будучи 14-ти лѣтъ, принятъ въ число сверхкомплектныхъ воспитанниковъ. Въ гимназію онъ явился съ такимъ запасомъ свѣдѣній, который съ разу поставилъ его въ число лучшихъ учениковъ—и это мѣсто сохранилъ онъ до выхода изъ заведенія. По его словамъ, въ Житомирскомъ уѣздномъ училищѣ онъ выучился писать польскіе стихи, а его биографъ говоритъ, что «и обученіе вообще шло хорошо, и любовь къ поэзіи и литературѣ рано развились въ немъ» (Лицей и пр. стр. 87)¹⁾. Его способности и познанія приобрѣли ему уваженіе товарищей. «Передъ Кукольникомъ всѣ мы благоговѣли, говорятъ одинъ изъ нихъ. Онъ когда еще пріѣхалъ изъ Петербурга съ отцемъ своимъ, то уже зналъ отлично языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій; онъ былъ, можно сказать, ученый студентъ и стоялъ выше всѣхъ насъ цѣлою головою» (Русск. Арх. 1877. № 10, стр. 192). Отмѣтки его, вмѣстѣ съ отмѣтками Гоголя, приведены нами въ приложеніи. Поведеніе Кукольника, какъ видно изъ тѣхъ же отмѣтокъ и отзывовъ надзирателей, было также, какъ и поведеніе Гоголя, далеко не всегда одобрительно, съ чѣмъ согласенъ и отзывъ того же товарища: «оно, правду сказать, и Кукольникъ былъ порядочный гуляка; особенно любилъ онъ игру на билиардѣ; бывало, цѣлыя ночи просиживалъ для этого въ трактирахъ и только къ 6-ти часамъ утра возвращался въ корпусъ; при этомъ отлично умѣлъ надувать надзирателей» и т. д. Нѣкоторыя подробности

---

¹⁾ Въ архивѣ сохранилось слѣд. свидѣтельство, выданное Кукольнику изъ Житомирскаго училища 20 ноября 1823 года: „Nos scholae Zitomiriensis in universitatis litterarum caesareae tutela florentis praefectus et praeceptores testamur: litteris et disciplinis, quae ibidem tractantur, addiscendis diligentissimam dedisse operam, diligentiaeque suae in ethica optimum, geographia, lingua polonica, latina, rossica, franco-gallica bonum, in mathesi elementari, zoologia et historia polonica bonum fructum percepisse. Eundem pietatem et obsequium in praeceptores exactissimum, legum observantiam strictissimam, mores laudabiles bonarum artium doctoribus aequae ac condiscipulis probasse“.

о времени пребыванія въ Нѣжинской гимназіи приведены въ составленныхъ самимъ Кукольникомъ біографическихъ очеркахъ отца и Орлая въ сборникѣ «Лицей кн. Безбородко».

Трудную задачу для Орлая составляло образованіе состава преподавателей. И университеты въ то время, какъ извѣстно, крайне нуждались въ достойныхъ преподавателяхъ: что же могло привлечь послѣднихъ въ Нѣжинъ, гдѣ они должны были встрѣтить неодолимые затрудненія даже въ средствахъ для собственныхъ занятій? Требовались большія усилія; но и они не всегда достигали цѣли, тѣмъ болѣе, что въ наибольшей части случаевъ не было никакой возможности личнаго удостовѣренія въ дарованіяхъ и познаніяхъ и приходилось полагаться на рекомендаціи.

Какъ серьезно смотрѣлъ Орлай на выборъ преподавателей, видно изъ слѣд. мнѣнія его, записаннаго въ журналѣ конференціи 30 іюня 1822 года., по поводу предложенія почетнаго попечителя на должность младшаго профессора російской словесности Рашкова: «желательно: пишетъ Орлай, чтобы всѣ, имѣющіе вступить на поприще наставниковъ гимназіи высшихъ наукъ, имѣли: 1. достовѣрныя, за подписаніемъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, подъ которыми они учились, свидѣтельства о пройденныхъ ими съ похвалою не только предуготовительныхъ гимназическихъ наукъ, но и академическихъ (чего у Рашкова не видно); 2. чтобы они возведены были на университетское достоинство или кандидата, или магистра, или доктора, которыя степени еще со временъ Карла Великаго учреждены для того, чтобы приобрѣсть хорошихъ наставниковъ, для чего и въ дипломахъ, возведеннымъ въ таковыя достоинства выдаваемыхъ, помѣщается право преподавать науки въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: въ университетахъ, академіяхъ и лицейяхъ; 3. чтобы тѣ, кои хотятъ быть профессорами, извѣстны были высшему начальству по долговременной ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ службѣ, способностію своею и усердіемъ въ наставленіи юношества, и притомъ имѣли бы столько другихъ ученыхъ познаній, чтобы, въ случаѣ отлучки или болѣзни кого-либо изъ профессоровъ, могли на время занимать его мѣсто». Требования эти, особенно для того времени, конечно, могутъ показаться идеальными, и Орлаю самому на опытѣ приходилось спускаться съ ихъ высоты; но они важны по выраженію взгляда, которымъ онъ руководился въ практическомъ рѣшеніи вопроса о выборѣ лицъ на преподавательскія должности въ гимназію.

Орлай нашель въ Нѣжинѣ, кромѣ законоучителя, слѣдующихъ преподавателей, приглашенныхъ его предшественникомъ: *Пилянкевича*—латинской словесности, выбывшаго спустя пять мѣсяцевъ (16 апр. 1822 г.) въ Кіевскую гимназію, *Никольскаго*—россійской словесности, *Шапалинскаго*—математики и физики, *Моисеева*—исторіи, географіи и статистики, *Амана*—учителя французскаго языка и надзирателя—*Зедльнера*.

По выбору и ходатайству Орлая опредѣлены въ гимназію слѣдующіе преподаватели: *Билевичъ*—нѣмецкой словесности (утв. 13 дек. 1821), а съ января 1824 года—политическихъ наукъ, *Андрущенко*—латинской словесности (22 апр. 1822 г.), *Ландражинъ*—французской словесности (1 іюля 1822 г.), *Геронесъ*—греческой словесности (23 февр. 1823 г.), *Зимеръ*—нѣмецкой словесности (12 іюля 1824 г.), *Урсо*—военныхъ наукъ (30 окт. 1824 г.), *Бьлоусовъ*—юридическихъ наукъ (17 авг. 1825 г.), *Соловьевъ*—естественныхъ наукъ (24 авг. 1825 г.). Для низшихъ классовъ были опредѣлены учителями слѣд. лица: *Лопушевскій*—арифметики (7 апр. 1823 г.), *Самойленко*—географіи (12 сент. 1823 г.), *Персидскій*—русскаго языка (13 окт. 1823 г.), *Кулжинскій*—латинскаго языка (7 авг. 1825 г.). Надзиратели: *Аманъ* (13 янв. 1823 г.), *Боаргардъ*, въ послѣдствіи учитель французскаго языка (23 февр. 1824 г.) и *Филибертъ* (19 мая 1824 г.).

Приведемъ нѣсколько свѣдѣній о профессорахъ гимназій, привлеченныхъ изъ дѣлъ архива, при чемъ раздѣлимъ всѣхъ профессоровъ на двѣ группы, на которыя они къ концу директорства Орлая дѣйствительно раздѣлились. Къ первой группѣ относятся: *Бьлоусовъ*, *Шапалинскій*, *Ландражинъ*, *Зимеръ*, *Андрущенко* и *Соловьевъ*; ко второй: *Билевичъ*, *Никольскій*, *Моисеевъ* и *Геронесъ*.

Нѣсколько словъ о законоучителѣ. Законоучителемъ гимназій послѣ священника Григоровича, вскорѣ оставившаго эту должность, былъ протоіерей Спасо-преображенской Нѣжинской церкви, Павелъ Ивановичъ Волинскій, бывшій прежде учителемъ въ Черниговской семинаріи. Не касаясь его преподаванія, которое совершалось въ общепринятомъ порядкѣ, мы отмѣтимъ только слѣд. предложеніе Орлая, записанное въ журналѣ конференціи 26 января 1824 года: «учитель Закона Божія, получающій штатнаго жалованья въ годъ по двѣ тысячи рублей, сверхъ преподаванія катихизиса и священной исторіи съ географіей святой земли, можетъ присовокупить къ трудамъ своимъ преподаваніе нравственной философіи или этики, и читалъ бы оную въ 3-мъ разрядѣ гимназій (т. е. 7, 8 и 9 классахъ). *Опредѣлено*: такъ какъ предметъ нравственной философіи или этики состоитъ въ томъ, чтобы объяснить

правила и предложить средства, которыми воля человѣческая должна руководствоваться въ избраніи добра и въ уклоненіи отъ зла, а для того опредѣлить, въ чемъ заключается добро и зло, въ нравственномъ смыслѣ понимаемья: то поручить закона Божія учителю преподаваніе нравственной философіи съ тѣмъ, чтобы онъ ученіе сей науки не только основывалъ на словѣ Божіемъ, но и приводилъ бы изъ онаго, а паче изъ новаго завѣта, приличные тексты и задавалъ бы ученикамъ къ изученію на память, сообразно уставу гимназій».

Бѣлоусовъ, принадлежавшій къ лучшимъ профессорамъ и съумѣвшій приобрести довѣренность и благодарныя воспоминанія своихъ учениковъ, такъ описываетъ самъ свое опредѣленіе въ Нѣжинскую гимназію: «директоръ Орлай приглашалъ меня неоднократно и употреблялъ, для убѣжденія меня, заслуженныхъ людей, имѣющихъ пребываніе въ Кіевѣ. Пользуясь особеннымъ уваженіемъ публики Кіевской и имѣя въ Кіевѣ свой домъ и сопряженный съ тѣмъ выгоды и отличаемъ будучи не только мѣстнымъ, но и университетскимъ начальствомъ, желавшимъ меня перемѣстить въ университетъ, я не соглашался перемѣститься въ здѣшнюю гимназію. Наконецъ, когда убѣжденія Орлая сдѣлались очень часты и обѣщанія велики, то я ему отвѣчалъ, что не могу перемѣститься младшимъ профессоромъ по той причинѣ, что товарищи мои въ Нѣжинской гимназій (Моисеевъ, Никольскій) старшими профессорами. Но Орлай не пересталъ съ своими приглашеніями, обѣщая мнѣ всевозможныя выгоды. Въ собственноручномъ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 15 Ноября 1824 года, послѣ комплиментовъ моимъ дарованіямъ и способностямъ, онъ говоритъ: «не находя возможности нынѣ представить васъ въ званіе старшаго профессора, я даю вамъ слово употребить все зависящее отъ меня, чтобы вамъ доставить другія выгоды»—и тутъ же обѣщавъ доставить мнѣ орденъ Владиміра 4-й степени. Я не ожидалъ себѣ много выгодъ въ Нѣжинской гимназій, а убѣжденъ былъ единственно обѣщаніями Орлая, которыя простирались за предѣлы ученой службы. Такъ какъ еще въ 1819 году члены юридическаго факультета Харьковского университета желали меня имѣть адъюнктъ-профессоромъ по извѣстнымъ для нихъ познаніямъ моимъ въ юридическихъ наукахъ, то могъ ли я, спустя пять лѣтъ послѣ того, безъ особенныхъ лестныхъ обѣщаній, желать перейти въ здѣшнюю гимназію профессоромъ, а наипаче младшимъ» (рап. въ конф. 30 сент. 1827 г.). Объясненія эти живо характеризуютъ Бѣлоусова, обладавшаго сильнымъ убѣжденіемъ въ собственныхъ достоинствахъ, хотя многое въ нихъ объясняется временемъ, когда они были писаны. Должно замѣтить, что главный обвинитель Бѣлоусова

въ распущенности пансіона и вольнодумствѣ, Билевичъ, по видимому, сильно опасался, чтобы опредѣленіе Бѣлоусова въ старшіе профессора не произошло въ ущербъ его собственному положенію, какъ старшаго профессора политическихъ наукъ. Въ томъ же рапортѣ Бѣлоусовъ старается доказать, что ему вовсе не было нужды домогаться смѣщенія Билевича, такъ какъ, при открывавшейся новой каеедрѣ юридическихъ наукъ, онъ могъ быть и при немъ назначенъ старшимъ профессоромъ, или получить то же званіе по другому предмету, «ибо онъ съ отличіемъ кончилъ курсъ въ университетѣ и по словесному факультету и былъ старшимъ учителемъ словесныхъ наукъ въ Кіевской гимназіи, не по искательству, а по письменному приглашенію изъ училищнаго комитета Харьковскаго университета»¹⁾.

Послѣднее объясненіе Бѣлоусова должно признать справедливымъ, такъ какъ оно вполне согласно съ содержаніемъ обольстительныхъ писемъ Моисеева, приложенныхъ къ дѣлу, и не противорѣчитъ показаніямъ Билевича. Понятно, что Бѣлоусовъ желалъ получить званіе старшаго профессора, особенно по соображенію достоинствъ лицъ, которыми уже пользовались; понятно также, что онъ, при своей обстановкѣ въ Кіевѣ, не находилъ особенныхъ побужденій къ перемѣщенію въ Нѣжинъ; понятно, наконецъ, что Орлай, искавшій повсюду кандидатовъ на профессорство и имѣвшій обширныя связи въ Кіевѣ, узналъ о Бѣлоусовѣ, какъ достойномъ преподавателѣ, употреблялъ всѣ средства привлечь его въ Нѣжинъ и не скупился на обѣщанія, даже «выходившія за предѣлы ученой службы». Изъ внимательнаго же разбора всѣхъ пре-

¹⁾ Очевидно, съ цѣлію доказать это домогательство со стороны Бѣлоусова Билевичъ представилъ въ конференцію письмо его къ Моисееву, хотя и въ этомъ письмѣ говорится только вообще о желаніи получить мѣсто старшаго профессора. «Внявъ гласу дружбы, пишетъ въ немъ Бѣлоусовъ, по требованію вашему (т. е. Моисеева) отпрашиваю прошеніе къ Орлаю. Увѣряю васъ, что письмо ваше, исполненное искреннихъ ко мнѣ чувствъ и пріятнаго для меня восторга (это письмо также представлено въ конференцію), заставило меня оставить Кіевъ, всѣ семейственныя выгоды и даже большее количество жалованья. Прежде я твердо рѣшился не ѣхать, ежели меня не сдѣлаютъ старшимъ, но волшебное ваше письмо все перемѣнило... Ахъ, какъ бы желательно было, чтобы меня представили въ старшіе! Но печого дѣлать» и т. д. Моисеевъ въ задуманнаго друга скоро превратился въ ожесточеннаго врага Бѣлоусова потому, какъ объясняетъ послѣдній, что «не принявъ на свою отвѣтственность бумагъ по секретарской должности, кои Моисеевъ хотѣлъ мнѣ сдать безъ всякаго порядка и полноты, а еще болѣе потому, что былъ опредѣленъ на его мѣсто инспекторомъ пансіона, коего развратную нравственность описывалъ я неоднократно въ конференціи при вступленіи въ должность инспектора» (рап. 30 Сент.).

пирательствѣ между Билевичемъ и Бѣлоусовымъ, разрѣшившихся злокачественнымъ доносомъ и слѣдствіемъ, можно вывести также, кажется, вѣрнѣе заключеніе, что послѣдній обладалъ неумѣреннымъ самолюбіемъ, что, въ слѣдствіе того, онъ смотрѣлъ свысока на своихъ сослуживцевъ, не стѣснялся оскорбленіемъ ихъ самолюбія, пользуясь каждымъ къ тому случаемъ. «Съ начала вступленія въ должность, писалъ Билевичъ въ конференцію (9 Дек. 1827 г.), Бѣлоусовъ наносилъ мнѣ различныя непріятности и оскорбленія, которыя я переносилъ терпѣливо: такъ въ іюнѣ 1826 года, на экзаменѣ учениковъ изъ государственнаго хозяйства, онъ нанесъ мнѣ тяжкую обиду, сказавъ: «я вижу, что вы ученики, ни профессоръ, ничего не знаете»; на экзаменѣ въ іюнѣ слѣдующаго года, на мое замѣчаніе, что не мѣсто и не время заводить диспуты о системахъ преподаванія, Бѣлоусовъ, подошедши къ ученикамъ и взявъ изъ рукъ ученика Бороздина записки, сталъ изъяснять оныя, къ обидѣ моей, въ превратномъ смыслѣ, называя оныя глупыми и безтолковыми; въ конференціи 4 іюля 1827 г. онъ «дѣлалъ похвалки меня выгнать изъ гимназій, говоря, что давно бы уже это сдѣлалъ, но только жалѣеть моего семейства». Оскорбленное самолюбіе воспламенилось непримиримою враждою, искало повода объявить войну оскорбителю на быть или не быть, искало средства погубить врага и остановилось на средствѣ, дѣйствительно вѣрнѣйшемъ,—на обвиненіи профессора въ вольнодумствѣ. «Нѣтъ сильнѣйшаго противъ профессора обвиненія, справедливо замѣтилъ Бѣлоусовъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ, какъ обвиненіе въ вольнодумствѣ».

Поступивъ въ Нѣжинскую гимназію, Бѣлоусовъ читалъ естественное, государственное и народное право, а также римское право съ его исторіей. Курсъ былъ, очевидно, весьма краткій и сжатый. Для ознакомленія съ нимъ въ немногихъ словахъ, укажемъ, по его конспектамъ, съ опредѣленіемъ времени помѣсячно, на курсъ 182⁶/7 учебнаго года въ 7 классѣ (гдѣ былъ Кукольникъ) и въ 8 (гдѣ былъ Гоголь). Въ 7 классѣ было прочитано: въ августѣ—исторія естественнаго права до Вольфа; въ сентябрѣ—отъ Вольфа до нашихъ временъ; въ октябрѣ—появленіе о правѣ естественномъ вообще, различіе между естественнымъ правомъ и этикой, о врожденныхъ и первоначальныхъ правахъ и о правахъ приобрѣтенныхъ; въ ноябрѣ—о собственности, обидахъ и договорахъ; въ декабрѣ—государственное право; въ январѣ—народное право; въ февралѣ изъ исторіи римскаго права—о законахъ царей римскихъ; въ мартѣ—изложена исторія законовъ XII таблицъ и объяснена первая таблица; въ апрѣлѣ—объяснены остальные таблицы; въ маѣ—источники римскаго права отъ изданія законовъ XII таблицъ до импе-

ратора Августа; въ іюнѣ—повтореніе пройденнаго. Въ 8 классѣ пройдено: въ августѣ—исторія римскаго права до законовъ XII таблицъ; въ сентябрѣ—таблицы, ихъ содержаніе и достоинство; въ октябрѣ—исторія римскаго права до Августа; въ ноябрѣ—до Юстиніана; въ декабрѣ—законодательство Юстиніана и исторія римскаго законовѣдѣнія до нашихъ временъ; въ январѣ—раздѣленіе лицъ по римскому праву, о бракѣ, правахъ и обязанностяхъ родителей относительно къ дѣтямъ и обратно, объ усыновленіи малолѣтнихъ и совершеннолѣтнихъ; въ февралѣ—объ опекаѣ и попечительствѣ у римлянъ, о вещахъ вообще и ихъ раздѣленіи, о естественныхъ способахъ пріобрѣтенія обладанія, о давности, дареніи, о повинностяхъ, о наслѣдованіи по завѣщанію, объ отказахъ по завѣщанію (*legata*) о фидеикоммиссахъ; въ апрѣлѣ—о договорахъ вообще и о контрактахъ, о вещественныхъ контрактахъ, о словесномъ и письменномъ контрактѣ; въ маѣ—о контрактахъ, совершаемыхъ однимъ согласіемъ заключающихъ оныя, о безыменныхъ контрактахъ и обязанностяхъ, основывающихся на предполагаемомъ согласіи; въ іюнѣ—о способахъ, коими прекращаются обязанности по контрактамъ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ за оныя.

О достоинствѣ преподаванія Бѣлоусова судить въ настоящее время нѣтъ никакой возможности по отсутствію слѣдовъ курса. Остается положиться на позднѣйшія воспоминанія его слушателей, по всей вѣроятности, не чуждыя гиперболизма. «Съ необычайнымъ искусствомъ Николай Григорьевичъ изложилъ намъ всю исторію философіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и естественнаго права въ нѣсколько лекцій» (въ четыре мѣсяца, а не въ два), говоритъ Кукольникъ именно о томъ курсѣ 7-го класса, который приведенъ выше, «такъ что въ головѣ каждого изъ насъ установился прочно стройный систематическій скелетъ науки наукъ, который каждый изъ насъ могъ уже облекать въ тѣло по желанію, способностямъ и ученымъ средствамъ... Безконечную, неисчислимую пользу нашимъ студентамъ принесли лекціи Николая Григорьевича». На этотъ отзывъ могло повліять и сохранившееся общее впечатлѣніе о личности наставника: «справедливость, честность, доступность, добрый совѣтъ, въ приличныхъ случаяхъ необходимое ободреніе—все это благотвѣтельно дѣйствовало на кружокъ студентовъ», говоритъ тотъ же слушатель (Лицей стр. 97).

Кромѣ Бѣлоусова, наилучшія впечатлѣнія оставилъ въ памяти воспитанниковъ первыхъ выпусковъ проф. математики и физики, *Шаналинскій* (род. 1786 г.). Образование получилъ въ Виленской гимназіи и (съ 1808 г.) Виленскомъ университетѣ на философскомъ факультетѣ, въ отдѣленіи физико-математическомъ. По окончаніи курса, для

приготовленія себя къ учительской должности, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ, гдѣ окончилъ курсъ въ началѣ 1816 г. и въ слѣдъ за тѣмъ опредѣленъ учителемъ естественныхъ наукъ въ Могилевскую гимназію; отсюда онъ вызванъ былъ Курьковникомъ въ Нѣжинскую гимназію. Біографическій очеркъ Шапалинскаго, составленный почтеннымъ П. Г. Рѣдкинымъ и напечатанный въ лицейскомъ сборникѣ, проникнуть живымъ сочувствіемъ къ нему и искреннею признательностію. Ученики его, по словамъ біографа, питали къ нему благоговѣйное уваженіе. «Безукоризненная честность, немумная справедливость, правдолюбивое прямодушіе, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умѣренность и воздержаніе въ жизни, отсутствіе всякаго эгоизма, всегдашняя готовность ко всякаго рода самопожертвованіямъ для пользы ближняго—вотъ основныя черты нравственнаго характера этого чистаго человѣка, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучшей участи. Какъ профессоръ, онъ горячо любилъ и хорошо зналъ преподаваемые имъ предметы и излагалъ ихъ съ краткою, но ясною, сжатостію, безъ всякаго фразерства, но съ увлеченіемъ, умѣя заохочивать къ ихъ изученію тѣхъ изъ учениковъ, въ которыхъ таилась искра безкорыстной преданности истинѣ, наукѣ» (стр. 142). По опредѣленіи въ низшіе классы учителя арифметики, Лопушевскаго, курсъ Шапалинскаго въ высшихъ классахъ, начиная съ 5-го, обнималъ собою: алгебру, геометрію, тригонометрію, дифференціальное и интегральное исчисленіе, общую физику съ выводами законовъ механики, статикѣ, оптикѣ, катоптрикѣ и діоптрикѣ, а также правилъ распространенія звука, и начала химіи. Всѣ эти предметы читались «по книгамъ, начальствомъ назначеннымъ» (консп. 1825⁵/₆ г.). Съ 1827⁷/₈ уч. года въ своихъ конспектахъ Шапалинскій назначаетъ для 9 класса «правила полевой фортификаціи и основанія артиллеріи, буде конференція доставить для сего руководство». Впрочемъ для военныхъ наукъ скоро былъ назначенъ особый профессоръ.

Шапалинскій въ послѣдствіи былъ одной изъ жертвъ исторіи о вольнодумствѣ: онъ былъ отрѣшенъ отъ должности въ 1830 г. Разсмотрѣніе относящихся сюда официальныхъ бумагъ удостовѣряетъ, что онъ склонялся постоянно на сторону Бѣлоусова, всячески противодѣйствовалъ злокачественному обороту, какой принимало дѣло, что онъ старался замать исторію, —и это, конечно, нельзя поставить ему въ вину. Это, обнаруженное слѣдствіемъ, «послабленіе» и было причиною обрушившагося на него бѣдствія, а не «клевета враговъ его пріятелей—профессоровъ, съ которыми онъ водился, или, лучше сказать, чаще видѣлся».

Къ числу пріятелей Бѣлоусова и лучшихъ профессоровъ принадлежалъ Ландражинъ, проф. французской словесности (род. въ 1794 г. въ Шампани, г. Ретелѣ). Получившій образованіе на родинѣ, въ Ретельской коллегіи и Парижскомъ филотехническомъ училищѣ, онъ въ 1812 году, вѣроятно, вмѣстѣ съ великою арміею очутился въ Россіи и сначала занимался обученіемъ французскому языку въ частныхъ домахъ въ Минской губерніи, при чемъ выучился русскому и польскому языкамъ. Съ 1816 г. онъ состоялъ, съ чиномъ канцеляриста, переводчикомъ въ Минскомъ губернскомъ правленіи, а въ 1818 г., по выдержаніи экзамена въ Виленскомъ университетѣ, опредѣленъ учителемъ французскаго языка въ Кіевскую гимназію, откуда, по приглашенію почетнаго попечителя, перемѣщенъ въ Нѣжинскую. По вопросу объ опредѣленіи Ландражина, Орлай, въ конференціи 29 апрѣля 1822 г., выразился, что онъ «скольکو службою по своему предмету съ хорошей стороны извѣстенъ, столько и свѣдѣніями по оному начальствомъ и посторонними лицами много засвидѣтельствовавъ, какъ мужъ, окончившій курсъ въ Парижскомъ филотехническомъ училищѣ, испытанный во французской словесности и одобренный въ Виленскомъ университетѣ, уже многіе годы съ особенною похвалою оную преподающій и притомъ съ сими свѣдѣніями соединяющій еще познаніе русскаго и латинскаго языковъ, изъ коихъ безъ перваго нѣтъ не можетъ быть полезнымъ наставникомъ въ Россіи, а безъ послѣдняго не можетъ хорошо разумѣть основанія французской словесности». Его преподаваніе, расширявшееся по мѣрѣ открытія высшихъ классовъ, съ 1825 года обнимало шесть отдѣленій по слѣд. четыремъ курсамъ: *грамматическому* (первыя три отдѣленія), *реторическому* (четвертое), въ которомъ сообщалась краткая исторія французской словесности до Людовика XIV, прочитывались лучшіе французскіе прозаики, происходили упражненія на французскомъ языкѣ и переводы съ русскаго языка на французскій, *литическому* (пятое отдѣленіе), въ которомъ оканчивалась исторія словесности, объяснялось стихосложеніе, прочитывались лучшіе поэты и происходили упражненія въ сочиненіяхъ прозой и стихами, наконецъ *эстетическому* (шестое отдѣленіе), въ которомъ продолжались упражненія въ прозѣ и стихахъ и читались лучшіе писатели съ критическимъ разборомъ. Съ 1827 года первыя два отдѣленія отошли къ другому преподавателю французскаго языка, Боаргарду, бывшему передъ тѣмъ учителемъ въ Могилевской гимназіи (обучался въ Чехіи, въ Куттенбергской гимназіи). Кукольникъ съ большимъ сочувствіемъ вспоминаетъ о Ландражинѣ, о его добротѣ, благородствѣ, кротости и веселомъ характерѣ. Въ 1830 году по слѣдствію о вольнодумствѣ онъ также лишился мѣста.

Профессоръ нѣмецкой словесности, *Зинеръ*, также потерявшій мѣсто въ 1830 году, принадлежалъ къ числу преподавателей, оставившихъ пріятныя воспоминанія въ своихъ слушателяхъ. Родомъ изъ Львова въ Галиціи (р. 1793 г.), сынъ купца, онъ обучался въ 1804—9 гг. въ Львовскомъ университетѣ, въ 1810 году въ Хемницкой горной академіи въ Венгріи изучалъ химію, въ 1811 держалъ экзаменъ въ Вѣнскомъ университетѣ, въ 1815 путешествовалъ по Италіи, Германіи и Даніи и былъ домашнимъ секретаремъ у Датскаго посланника при Вестфальскомъ дворѣ. Прибывъ въ Ригу, онъ занимался обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ до опредѣленія въ Нѣжинскую гимназію. Его преподаваніе распредѣлялось сначала по тѣмъ же четыремъ курсамъ, какъ и у Ландражина; но въ послѣдствіи онъ отмѣнилъ это распредѣленіе и установилъ слѣд. порядокъ: въ 4 отдѣленіи, съ котораго начиналось его преподаваніе, онъ оканчивалъ синтаксисъ; здѣсь же, вмѣстѣ съ практическими письменными упражненіями, прочитывались лучшія прозаическія сочиненія, съ показаніемъ ихъ красотъ; въ 5 прочитывалась исторія нѣмецкой словесности и въ 6 сообщались правила стихотворенія и прочитывались лучшія поэтическія произведенія. «Своимъ поэтическимъ настроеніемъ, говоритъ одинъ изъ его слушателей, онъ открылъ ученикамъ новый живоносный родникъ истинной поэзіи и тѣмъ разогналъ послѣобѣденный сонъ, господствовавшій на прѣжнихъ нѣмецкихъ лекціяхъ» (Пилянкевича, Билевича и надзирателя Зельднера). Замѣтные признаки гиперболизма въ отзыввахъ объ успѣхахъ его преподаванія, по которымъ «всѣ классики германской литературы въ теченіе четырехъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ», во всякомъ случаѣ могутъ служить свидѣтельствомъ, что, съ его опредѣленіемъ, преподаваніе нѣмецкой словесности пошло успѣшно.

Профессоръ латинской словесности, *Андрущенко* (р. 1782 г.), обучавшійся въ Киевской академіи (1797), Полтавской семинаріи (1799—1805) и состоявшій учителемъ въ послѣдней до опредѣленія въ Нѣжинскую Гимназію, преподавалъ въ томъ же порядкѣ, какъ и Ландражинъ: въ тѣхъ же четырехъ курсахъ, съ содержаніемъ, соответствовавшимъ наименованію каждаго курса. Въ реторическомъ отдѣленіи сообщалось высшее словосочиненіе, или о порядкѣ и замѣнѣ словъ въ рѣчи, о красотѣ выраженій и употребленіи частицъ, прочитывались нѣкоторыя біографіи изъ Корн. Непота и производились письменныя упражненія; въ нѣитическомъ—просодія и роды стихотвореній; въ эстетическомъ—критическій разборъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній и исторія латинской словесности. Въ конспектахъ обыкновенно назначается больше, чѣмъ сколько выполняется, а потому можно усомниться,

чтобы въ послѣднемъ отдѣленіи, въ теченіе одного учебнаго года, могли быть критически разобраны, съ указаніемъ красотъ: цѣлая рѣчь Цицерона за Лигарія, три эклоги Виргилія, 7 книга Энеиды, десять одъ Горация; въ томъ же отдѣленіи прочитывалась исторія римской словесности и назначались сочиненія, а также письменныя упражненія въ переводахъ. По отзыву одного изъ его учениковъ, можетъ быть, нѣсколько прикрашенному благодарною памятью о наставникѣ, преподаваніе его отличалось замѣчательною точностію и ясностію изложенія, переводы—легкостію и пріятностію, а разборы классиковъ, особенно Виргилія,—вкусомъ и вѣрностію взгляда, невольно увлекавшими слушателей и обличавшими въ немъ глубокаго знатока римскихъ древностей» (Лицей, 91).

Съ открытіемъ старшихъ классовъ послѣдняго трехлѣтія, предстояло замѣщеніе каведры естественной исторіи и технологіи. Орлай обратился въ С.-Петербургскому университету и исправлявшій въ то время должность ректора, Зябловскій, рекомендовалъ только что окончившаго курсъ въ университетѣ, *Соловьева*, который и былъ опредѣленъ въ Нѣжинскую гимназію въ августѣ 1825 года. Соловьевъ оказался вполне достойнымъ прекрасной рекомендаціи университетскаго начальства. «Въ своемъ преподаваніи, по словамъ Кукольника, онъ умѣлъ найти для каждаго предмета размѣры, удобовѣстимые для памяти учащихся; наука въ томъ видѣ, какъ онъ ее преподавалъ, казалась полною, удовлетворительною; всѣ могли успѣвать приготовленіемъ уроковъ и успѣвали». Въ 7 классѣ, съ котораго начиналось его преподаваніе, послѣ предварительныхъ свѣдѣній о природѣ, ея тѣлахъ, о системѣ естественной исторіи, прочитывалась *минералогія*—теоретическая (предметъ минералогіи, понятіе о происхожденіи правильныхъ и неправильныхъ видовъ минераловъ, геометрическіе, физическіе и химическіе признаки, отличающіе минералы между собою) и практическая, въ которой разсматривались важнѣйшіе виды минераловъ, съ возможнымъ приложеніемъ технологическихъ свѣдѣній. Въ 8 классѣ излагалась *ботаника* по собственнымъ запискамъ (анатомическое строеніе растений, питательныя органы, питаніе, о цвѣткѣ вообще, цвѣторасположеніе, органы плодородныя, взаимное ихъ дѣйствіе или оплодотвореніе, плодъ и сѣмя, разсѣяніе сѣмянъ, понятіе о болѣзняхъ и смерти растений, система ботаники и ботаническая номенклатура, изложеніе употребительнѣйшихъ системъ и показаніе практическаго способа опредѣленія по онымъ растений). Въ 9 классѣ зоологія, по руководству Блюменбаха, съ пополненіями и нѣкоторыми измѣненіями по сочиненію Кювье «*Le règne animal distribué d'après son organisation*». Въ томъ же отдѣленіи Соловьевъ читалъ *частную* физику по руководству Шрадера, съ пополне-

ніями изъ физики Біо, и химію по сочиненію Тенара (о теплородѣ, свѣтѣ, электричествѣ, магнетизмѣ, воздухѣ и его составѣ).

Во главѣ второй группы профессоровъ, крайне враждебной Бѣлоусову и его сторонникамъ, стоялъ *Билевичъ*. Получившій образованіе (род. 1779 г. въ Трансильваніи, въ г. Быстрицѣ) въ Львовской гимназіи, въ университетахъ Львовскомъ и Пештскомъ и Пресбургской академіи, онъ въ 1806 году вызванъ былъ Харьковскимъ университетомъ на должность учителя философіи и латинскаго языка въ Новгородъ-сѣверскую гимназію, откуда перемѣщенъ въ Нѣжинскую. Біографическій очеркъ его въ Лицейскомъ сборникѣ отличается бросающимися въ глаза краткостію и безцвѣтностію, особенно если принять въ соображеніе продолжительность его службы въ гимназіи и важность преподаваемаго имъ предмета: онъ заключаетъ въ себѣ небольшую выписку изъ послужнаго списка и одинъ изъ немногихъ безъ подписи составителя. По всему видно, что дурнаго говорить не хотѣлось, а добраго не нашлось, или не нашло себѣ мѣста, въ слѣдствіе сохранившихся неблагоприятныхъ воспоминаній. Читатель, ознакомившійся съ помѣщенными выше выписками изъ его пространныхъ и отличающихся особымъ отпечаткомъ рапортовъ, пойметъ, почему всѣ симпатіи воспитанниковъ были на сторонѣ Бѣлоусова и всѣ антипатіи на сторонѣ Билевича. Можно полагать, что на привлеченіе его въ Нѣжинскую гимназію изъ Новгородъ-сѣверской имѣло вліяніе его происхожденіе. Въ министерскомъ приказѣ объ опредѣленіи его въ Нѣжинскую гимназію профессоромъ нѣмецкой словесности сказано, что онъ утверждается «по отличному одобренію многими, его знающими». Такъ какъ Билевичъ въ то же время просился на кафедру политическихъ наукъ, которая еще не была открыта, то въ томъ же приказѣ предписывалось предоставить эту кафедру ему, по ея открытіи. Между тѣмъ на послѣдовавшее, по открытіи 7 класса въ 1823 г., представленіе о назначеніи его на кафедру политическихъ наукъ изъ министерства полученъ былъ отвѣтъ, что «онъ прежде долженъ выдержать надлежащій экзаменъ и представить о томъ приличные аттестаты какого-нибудь російскаго университета»; въ противномъ случаѣ ему предписывалось остаться при нѣмецкой словесности (предлож. 7 Окт. 1823 г.). Билевичъ немедленно отправился въ Харьковъ и уже 2 ноября того же года увѣдомилъ Орлая объ успѣшномъ окончаніи экзамена, при чемъ препроводилъ свидѣтельство о томъ отъ Харьковскаго университета ¹⁾.

¹⁾ Въ свидѣтельствѣ значится: „въ правѣ естественномъ, частномъ, публичномъ, народномъ и всеобщемъ уголовномъ оказалъ *очень хорошія* познанія; въ правѣ рос-

Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ полное право на занятіе катедры политическихъ наукъ и съ другой стороны Орлай имѣлъ также полное право ходатайствовать о его опредѣленіи на эту катедру.

Преподаваніе Билевича происходило по извѣстнымъ и общепотребительнымъ въ то время руководствамъ и, безъ сомнѣнія, сообщало существенныя свѣдѣнія, заключавшіяся въ этихъ руководствахъ. Изъ представленныхъ имъ конспектовъ видно, что, съ открытіемъ высшихъ трехъ классовъ, онъ преподавалъ въ нихъ свои предметы въ слѣд. порядкѣ: въ 7 классѣ въ 182⁴/₅ г., послѣ общаго обзорѣнія политическихъ наукъ, имъ прочитаны: 1) теорія права естественнаго, частнаго, вѣ-общественнаго и общественнаго, по руководству *de-Мартини* (*Positiones de lege naturae. Viennae. 1782*), и 2) право государственное и народное, по руководству того же автора (*Positiones de jure civitatis et gentium, Viennae 1782*), и теорія права общаго уголовного, по руководству *Фейербаха*. Въ 8 классѣ прочитаны: 1) исторія римскаго права по руководству *de-Мартини* (*Ordo historiae juris civilis*), съ примѣчаніями въ древностямъ римскаго права *Швеннія* (*Römische Rechtsgeschichte und Alterthümer. Gött. 1822.*), и римское гражданское право по руководству *Кукольника*. Въ 9 классѣ въ 182⁵/₈ г. прочитаны: 1) практическая часть частнаго русскаго гражданского и уголовного судопроизводства по руководству *Кукольника* и 2) основанія государственнаго хозяйства по системѣ *Адама Смита*.

Профессоръ русскаго словесности, *Никольскій*, окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и съ конца 1807 года состоялъ учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи въ Новгородской губернской гимназіи. Получивши литературное образованіе по теоріи и образцамъ ложно-классическимъ, онъ никакъ не могъ примириться съ позднѣйшими литературными явленіями, съ произведеніями Жуковскаго и особенно Пушкина, а потому молодому поколѣнію двадцатыхъ годовъ, съ жадностію поглощавшему произведенія этихъ поэтовъ, естественно казался «старовѣромъ въ литературѣ»

скаго—*хорошія*; въ пробной лекціи на тему, назначенную факультетомъ, „обзорѣніе юрико—политическихъ наукъ“, оказалъ *очень хорошія* свѣдѣнія. Свидѣтельство выдано 26 окт. 1823 г. Бѣлоусовъ, въ рапортѣ 30 сентября 1827 г., пишетъ о разговорѣ съ Орлаемъ, въ которомъ послѣдній будтобы высказывался, что онъ, къ сожалѣнію, давно увѣрился, что Билевичъ несвѣдущъ въ предметахъ, имъ преподаваемыхъ, и что онъ писалъ уже о семъ своему начальству въ Петербургъ, при чемъ рассказалъ исторію, для Билевича весьма не лестную, о свидѣтельствѣ, выданномъ ему изъ университета“.

и философіи». Спѣшимъ впрочемъ напомнить, что въ то же время и съ той же кафедрой въ Московскомъ университетѣ Мерзляковъ излагалъ ту же теорію и объяснялъ тѣ же ложно-классическіе образцы, при чемъ выражалась та же подозрительность и недовѣрчивость относительно появлявшагося тогда новаго направленія въ литературѣ. Изъ воспоминаній же слушателей Никольскаго видно, что онъ, съ точки зрѣнія своихъ литературныхъ вѣрованій, относился вполне добросовѣстно къ обязанностямъ преподавателя, увлекалъ въ изученіе русской литературы до Пушкина и возбуждалъ охоту къ литературнымъ занятіямъ.

Сначала, съ 1821 года, при раздѣленіи воспитанниковъ на три отдѣленія, Никольскій преподавалъ логику по руководствамъ Лодія и Баумейстера въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ (въ первомъ преподавалъ элементарную грамматику Чекиевъ). Но уже съ 1823/4 г. преподаваніе русскаго языка и словесности распредѣлено было по классамъ: въ первыхъ трехъ учитель Персидскій, занявшій мѣсто Чекиева, преподавалъ грамматику, а въ остальныхъ Никольскій—словесность въ слѣд. порядкѣ: въ 4 классѣ о періодахъ «съ предварительными письменными уроками о краснорѣчій вообще, какъ искусствѣ, о риторикѣ, какъ о наукѣ, раздѣленіе ея и первая часть—объ изобрѣтеніи; въ 5 классѣ объ украшеніи «съ предварительнымъ по письменнымъ урокамъ изясненіемъ общихъ мѣстъ риторическихъ для обильнѣйшаго распространенія періодовъ»; въ 6 о расположеніи какъ малыхъ подробно, такъ и большихъ рѣчей сокращенно; краткія правила всей вообще поэзіи съ механизмомъ стихосложенія и съ упражненіемъ въ сочиненіи мелкихъ стихотвореній. Во всѣхъ упомянутыхъ трехъ классахъ преподаваніе происходило по руководству Никольскаго (*Курсъ російской словесности*). Въ 7 классѣ «пространнѣйшія и подробнѣйшія правила основательнаго или подлиннаго (*fundamentalis*) краснорѣчія въ изложеніи расположенія важнѣйшихъ большихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ (разнаго рода рѣчей, посланій, поэмъ, драматическихъ произведеній) съ присовокупленіемъ изъ эстетики о слогахъ, приличныхъ каждому сочиненію, о возбужденіи страстей, о прекрасномъ и высокомъ, о вкусѣ и безвкусіи, о правилахъ здравой критики». Все это содержаніе заимствовалось изъ *Лагарпа*, *Биттѣ*, аббата *Сабатье де Кастра* (*Dictionnaire de littérature. 3 vols. Paris. 1770*) и *Блера*, «ибо у русскихъ риторовъ, замѣчалъ Никольскій, сихъ правилъ въ полномъ, или по крайней мѣрѣ въ удовлетворительномъ, развитіи вовсе не находится—ни у Ломоносова, ни у Рижскаго, ни у Могилевскаго, ни у Гальяра, переведеннаго съ французскаго языка, ни у Никольскаго, ни въ руководствахъ къ церков-

ному краснорѣчію, изданномъ отъ безыменнаго въ 1804 году». Сюда же входила и логика по Баумейстеру. Все преподаваніе, по конспекту, должно непрерывно сопровождаться упражненіями въ сочиненіяхъ. Впрочемъ, говоритъ Никольскій, повторяя извѣстное мнѣніе Ломоносова, упражняющимся въ сочиненіяхъ не много принесутъ пользы риторика и поэзія: «краснорѣчіе обонхъ родовъ, т. е. прозаическое и стихотворное, состоитъ единственно въ словоживописномъ изображеніи всѣхъ или всяческихъ предметовъ, слѣдственно кругъ свой имѣетъ самый обширный, и, пріобрѣтаясь навыкомъ и опытностію (*per habitum et experientiam*), требуетъ только возможно частаго и почти непрерывнаго упражненія въ подражаніи и сочиненіи разныхъ піесъ объ оныхъ предметахъ, о коихъ впрочемъ вступающему въ сей кругъ ученія юношѣ ни риторика, ни поэзія, составныхъ подлинныхъ идей, кромѣ сухихъ правилъ, непосредственно отнюдь не доставляетъ».

Оказалось однако, что не только обширная программа для 7 класса не была выполнена, но и вообще ученики высшихъ классовъ, 7 и открывшагося 8, въ теченіе двухъ лѣтъ (1823—1825), по собственному заявленію Никольскаго, «практически не упражнялись въ предметахъ россійской словесности и совершенно оставлены были безъ занятій по словесности и чрезъ то не только къ сочиненіямъ въ прозѣ и стихахъ не пріобрѣли надлежащаго навыка, не говоря уже о разборахъ твореній лучшихъ писателей, чего вовсе не дѣлали, но даже и изъ правилъ теоріи не мало забыли». Такое печальное явленіе Никольскій объясняетъ многопредметностію занятій и недостаткомъ времени, предоставленнаго его предмету.

По уставу гимназіи, утвержденному въ 1825 г., назначены были для послѣдняго трехлѣтія *упражненія учениковъ въ высшей словесности*. Для этихъ упражненій сначала назначена была для трехъ высшихъ классовъ еженедѣльно одна сводная лекція; но уже съ 1826/7 г. они были ограничены двумя высшими классами, 8 и 9, въ остальныхъ же классахъ преподавалась риторика по Могилевскому, поэзія по руководству Рижскаго и словарю Остолопова (4, 5, и 6 кл.), теоретическая и практическая логика по Баумейстеру (7 кл.). Содержаніе высшей словесности, по конспекту Никольскаго, было слѣдующее: «понятіе объ изящной словесности, происхожденіе изящныхъ искусствъ и словесности, съ указаніемъ на исторію россійской словесности (консп. 1827/8 г.), объ изящномъ подражаніи природѣ, какъ общемъ началѣ изящныхъ произведеній, объ основныхъ правилахъ словесно—изящныхъ произведеній и въ особенности о совершенствѣ плановъ ихъ и частей въ каждомъ планѣ, о израженіи или о слогахъ съ ихъ свойствами, о высовомъ, умѣ,

вкусъ, геніи и критикѣ, съ практическими упражненіями въ сочиненіяхъ и разборомъ красотъ въ твореніяхъ отличнѣйшихъ авторовъ сколько время позволить». Впрочемъ должно полагать, что преподаваніе высшей словесности встрѣчало сильныя затрудненія, такъ какъ съ 1828⁹ г. она замѣнена была «аналитическимъ разборомъ лучшихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ—похвальныхъ словъ Ломоносова, Державина, рѣчей Филарета, одъ, элегій, гимновъ», при чемъ требовалось, чтобы каждый ученикъ въ теченіе года подалъ не менѣе трехъ или четырехъ разсужденій и такого же числа стихотворныхъ пьесъ.

На Никольскаго же возложено было преподаваніе въ 4 классѣ славянской грамматики, отъ которой онъ впрочемъ старался освободиться, какъ отъ предмета, не находящагося въ связи со всѣмъ его курсомъ. Въ конспектѣ 1826 г. онъ замѣчаетъ, что будетъ преподавать славянскую грамматику «до усмотрѣнія, не будетъ ли сочтено за лучшее проходить ее въ параллель съ грамматикой російской и для того поручить тогда преподаваніе оной учителю сей російской грамматики». Въ слѣд. году онъ уже подробно доказываетъ необходимость параллельнаго преподаванія двухъ грамматикъ въ низшихъ классахъ: «такъ какъ грамматика російскаго языка (да и всякаго другаго), пишетъ Никольскій, начинается съ первыхъ классовъ послѣ выученія юношества чтенію и письму и продолжается чрезъ три года: то видится, что и славянскую грамматику, какъ ничего риторическаго кромѣ правилъ грамматическихъ въ себѣ не заключающую, гораздо и удобнѣе и полезнѣе преподавать въ теченіе оныхъ же трехъ лѣтъ въ параллели съ російскою грамматикою. При этомъ во всѣхъ частяхъ обѣихъ грамматикъ, при изъясненіи правилъ, держаться параллели, а именно: показывая правила російской грамматики, тотчасъ указывать на подобныя въ славянской и чрезъ то основанія одного языка подводить къ основаніямъ другаго, съ замѣчаніями случайныхъ, временемъ произведенныхъ въ нихъ, разностей, равно какъ и того, что остается сходственнаго въ корняхъ ихъ. Такое расположеніе преподаванія обѣихъ грамматикъ на три года, во первыхъ, удобно, потому что разности въ правилахъ ихъ весьма не много, коренныя же части рѣчи въ обѣихъ суть однѣ и тѣже, а во вторыхъ, еще и весьма полезно, потому что ученики, облегчаясь трехлѣтнимъ временемъ и параллелью правилъ, взаимно себя объясняющихъ, основательнѣе будутъ знать и самую грамматику языка російскаго чрезъ совокупное знаніе языка кореннаго и чрезъ то въ слѣдующіе высшіе классы поступать будутъ для слушанія высшихъ правилъ словесности съ вѣдшими грамматическими свѣдѣніями». Эта мысль Никольскаго о параллельномъ или сравнительномъ препода-

ваніи грамматикъ славянскоѣ и русскоѣ, высказанная 50 лѣтъ тому назадъ, заслуживаетъ вниманія: какъ извѣстно, только въ послѣднее время она признана вполне законною и единственно вѣрною, хотя и до сихъ поръ нуждается въ болѣе точныхъ опредѣленіяхъ относительно практическаго примѣненія. Она доказываетъ, что Никольскій основательно вдумывался въ свое дѣло и старался разумно распределить относившійся къ нему учебный матеріаль.

Въ заключеніе замѣтимъ, что онъ въ своихъ конспектахъ часто жаловался на незрѣлость учениковъ по причинѣ ихъ малолѣтства, отъ чего они въ 4 классѣ оказывались не вполне способными къ слушанію курса руссійской словесности, а въ высшихъ—къ слушанію высшей словесности, на «развлеченность въ занятіяхъ по многимъ вдругъ учебнымъ предметамъ», наконецъ на недостатокъ удовлетворительныхъ печатныхъ руководствъ, отъ чего «воспитанниками, при занятіяхъ, бѣлая половина времени употребляется на списываніе уроковъ». Всѣ эти жалобы должно признать вполне справедливыми: введенное уставомъ энциклопедическое направленіе и происшедшая отъ того многопредметность не могли благоприятствовать основательности обученія; составленіе записокъ и для болѣе развитыхъ учениковъ всегда сопровождается потерей времени безъ пользы для существа дѣла; возрастъ учениковъ дѣйствительно не соответствовалъ установленнымъ для каждаго класса курсамъ: по общей вѣдомости воспитанниковъ, отъ 31 декабря 1824 года, въ 4 классѣ изъ 15 учениковъ большинство было 14 лѣтъ, двое 12 и только двое 16; въ 5 двое 13, одинъ 14 и трое 16; въ 6 одинъ 13, одинъ 14, трое 15, четверо 16 и двое 17; въ 7 всѣ не старше 15; въ 8 только одинъ изъ осьми 19 лѣтъ (девятого класса еще не было).

Профессоръ исторіи, географіи и статистики, *Моисеевъ* (род. 1790 г. въ Черниг. губ.), изъ мало-россійскихъ казаковъ, окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи (1809) и въ Харьковскомъ университетѣ (1812—1815) на словесномъ факультетѣ, гдѣ слушалъ «россійскую поэзію и эстетику» у И. Е. Срезневскаго, латинскую у Роммеля, философію у Шада, русскую исторію, статистику и древности у Успенскаго, всеобщую исторію у Рейта и Дегурова, былъ прежде учителемъ французскаго языка въ Новгородъ-сѣверской и потомъ Кіевской гимназіи. Онъ видимо не пользовался расположеніемъ учениковъ ни какъ преподаватель, ни какъ инспекторъ (1823—1826). Помѣщенная въ Лицейскомъ сборникѣ его біографія (стр. 127—129) составлена, очевидно, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ впечатлѣній. Моисеевъ больше всѣхъ оставался въ Нѣжинской гимназіи—со времени ея открытія до конца

1837 года. Ни буря 1827—1828 годовъ, разсѣявшая многихъ преподавателей, ни преобразование гимназіи въ физико-математическую школу, послѣдовавшее въ 1832 году, не поколебали его укрѣпленной позиціи. Внимательный пересмотръ его ежегодныхъ конспектовъ и отчетовъ, составленныхъ неумѣло и даже не совсѣмъ грамотно, не приводитъ къ благопріятнымъ заключеніямъ о достоинствѣ его преподаванія.

Географію, до опредѣленія на этотъ предметъ особаго учителя, Самойленка (1823), онъ преподавалъ по руководству, изданному Главнымъ правленіемъ училищъ, при чемъ относительно географіи Россіи— «съ обращеніемъ особеннаго вниманія на мѣста, достопамятныя отечественными историческими происшествіями, дабы заранѣе поселать въ юныхъ сердцахъ должное высокое почтеніе и любовь къ своему отечеству». Русскую исторію преподавалъ Моисеевъ по такому же руководству «съ дополненіями по Татищеву, Стриттеру, Карамзину и вообще тѣмъ историкамъ, въ сочиненіяхъ коихъ, болѣе нежели у другихъ, видна любовь и почтеніе къ нашему отечеству»; дополненія же касались только того, «что, производя въ учащихъ сильное впечатлѣніе о великости славяно-русскаго народа, можетъ вмѣстѣ развивать и возвышать въ нихъ до безпредѣльности почтеніе и любовь къ своему Государю и своему отечеству». И не смотря на эти патріотическія заявленія, конспектъ его на 1826/7 г. удостоился слѣд. надписи исправляшаго въ то время должность директора, Шапалинскаго: «замѣчено мною, что исторія отечественная, главный во всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ предметъ занятій при воспитаніи юношества, для выпускныхъ учениковъ отдѣльно читана не была, да и вся исторія вообще проходится не въ надлежащемъ порядкѣ и безъ указанія ученикамъ на картѣ мѣстѣ, гдѣ достопамятнѣйшія происшествія происходили». Въ заключеніе, требуется представленіе болѣе удовлетворительнаго конспекта. Наконецъ всеобщая исторія преподавалась по Кайданову «со всегдашнимъ указаніемъ на преуспѣяніе христіанской церкви и на возстановленіе наукъ и просвѣщенія». Чтеніе всеобщей исторіи конспектъ обѣщаетъ заключать, при открытіи 9 класса, въ которомъ назначалось чтеніе общей статистики, «философскимъ взглядомъ на важнѣйшія ея эпохи по руководству «Духъ исторіи» Феранда и извѣстной рѣчи Боссюэта.

Преподаваніе греческаго языка, по уставу, не было обязательно въ Нѣжинской гимназіи и введеніе его, безъ сомнѣнія, обязано появленію въ ней дѣтей грековъ. Преподавателя не приходилось искать далеко: кровный грекъ, *Христофоръ Геронесъ*, состоялъ тогда учителемъ греческаго языка въ Нѣжинскомъ Александровскомъ греческомъ

училищѣ. Орлай обратился къ нему. Въ своемъ прошеніи (Сент. 1822 г.) Іеропесъ предлагаетъ обучать цѣлый годъ греческому языку по шести часовъ въ недѣлю безъ жалованья, а по истеченіи этого срока— съ жалованьемъ, назначеннымъ для учителей (400 р.), «съ тѣмъ однакожь, чтобы, когда дѣти греческія изъ выходцевъ, числомъ пять, доведены будутъ до четвертаго отдѣленія, въ коемъ преподается словесность, онъ былъ представленъ высшему начальству на утвержденіе профессоромъ греческой словесности, съ предоставленіемъ правъ, сему званію присвоенныхъ». Въ этомъ смыслѣ состоялось его опредѣленіе съ оставленіемъ при греческомъ училищѣ. 25 Сентября 1824 года Іеропесъ былъ произведенъ въ младшіе профессора греческаго языка и словесности. Въ архивѣ сохранилась автобіографія Іеропеса, изъ которой видно, что онъ родился 1790 году въ г. Трикалѣ въ Фессаліи, до 12 лѣтъ учился дома простому греческому языку, съ 1803 обучался у своего дяди, игумена монастыря св. Стефана, церковному обряду, затѣмъ въ Трикальскомъ училищѣ—эллино-греческому языку и наконецъ въ Фессалоникѣ и Смирнѣ обучался десять лѣтъ въ гимназіи (съ 1808 г.), гдѣ и окончилъ курсъ. Въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему изъ Смирнской гимназіи, сказано, что онъ «обучался съ отличнымъ прилежаніемъ и приобрѣлъ преимущественно познанія въ эллино-греческомъ языкѣ, прошелъ многихъ древнихъ писателей въ прозѣ и стихахъ»; обучался математикѣ, физикѣ, химіи, географіи, логикѣ, метафизикѣ и нравственности. Изъ Смирны въ 1819 году онъ переселился въ Триестъ на должность учителя эллино-греческаго языка, а оттуда, по приглашенію Нѣжинскихъ грековъ,—въ Нѣжинъ.

Поступленіе Іеропеса въ Нѣжинскую гимназію подняло бурю въ греческомъ училищѣ. Небезполезно привести здѣсь нѣсколько официальныхъ свѣдѣній объ этомъ столкновеніи, такъ какъ они характеризуютъ отношенія греческаго Нѣжинскаго общества къ только что возникшему въ Нѣжинѣ высшему учебному заведенію.

Нѣжинскіе греки, какъ извѣстно, всегда относившіеся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ общимъ интересамъ и пользѣ не только города, но и своего общества ¹⁾, крайне вознегодовали на Іеропеса за то, что онъ принялъ новую должность «безъ ихъ вѣдома и согласія». Орлай, разумѣется, не обращалъ никакого вниманія на многочисленныя бумаги къ нему отъ греческаго магистрата, ограничиваясь помѣтами: «не вписывать въ журналъ, а только при дѣлахъ оставить». Труднѣе было

¹⁾ Сторожевскій, Нѣжинскіе греки. Киевъ. 1863 г.

положеніе директора греческаго училища, Прихова, только что опредѣленнаго на эту должность (23 марта 1822 г.). Какъ утвержденный правительствомъ, онъ долженъ былъ отстаивать законную почву, которой знать не хотѣли Нѣжинскіе греки, ссылаясь съ толкомъ и безъ толка на свои привилегіи. На предписаніе магистрата отрѣшати немедленно Іеропеса отъ должности и лишить квартиры въ училищѣ Приховъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ исполнить предписанія, такъ какъ «по высочайшему указу объ Александровскомъ училищѣ учителя онаго состоятъ въ дѣйствительной государственной службѣ, а потому и отрѣшеніе ихъ отъ должности предоставлено тому мѣсту по учебной части, которое ихъ въ сей должности утверждаетъ». Когда же магистратъ вновь и упорно настаивалъ на своемъ требованіи, Приховъ отправилъ къ нему запечатанный пакетъ для вскрытія въ полномъ собраніи общества. Въ своей бумагѣ онъ заявляетъ обществу, что хотя, по усиленнымъ просьбамъ, и согласился на должность директора училища, но теперь, видя невозможность «продолжать службу въ надлежащемъ видѣ, не уклоняясь отъ истины», отказывается отъ нея. Указавъ на незаконность требованія магистрата, онъ доказывалъ, что «поступленіе въ гимназію не только не должно вмѣнять въ преступленіе Іеропесу, но еще онъ заслуживаетъ особенную благодарность за то, что принялъ трудъ распространять въ новомъ своемъ отечествѣ языкъ нашихъ отцовъ. Дѣти нашихъ собратій, писалъ Приховъ, погибшихъ въ нынѣшнюю патріотическую войну, принятыя въ гимназію по волѣ Государя Императора на содержаніе графа Кушелева-Безбородко, должны бы остаться безъ всякаго изученія отечественнаго языка» и т. д. Въ заключеніе, замѣчаетъ, что въ условіи, заключенномъ обществомъ съ Іеропесомъ, вовсе нѣтъ запрещенія обучать въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Аргументы Прихова ни мало не подѣйствовали на выходившихъ изъ себя Нѣжинскихъ грековъ. Магистратъ потребовалъ его къ отвѣту и получилъ отвѣтъ, что уже сдѣлано о всемъ донесеніе куда слѣдуетъ и что до полученія окончательнаго рѣшенія не предстоитъ надобности ни въ явкѣ въ магистратъ, ни въ дальнѣйшей перепискѣ. Наконецъ въ апрѣлѣ получено рѣшеніе отъ Харьковскаго попечителя, по которому дѣйствія магистрата признаны незаконными и Іеропесъ оставленъ при греческомъ училищѣ въ прежней должности. Впрочемъ враждебныя отношенія и преслѣдованія грековъ не прекращались и послѣ того: сохранился рапортъ Іеропеса отъ 23 февраля 1825 г. о томъ, что, когда онъ ночью 20 февраля подходилъ къ своей квартирѣ, на него напалъ сторожъ греческаго училища, «билъ его до крови, разбилъ голову» и т. д.

Что касается до принадлежности Геропеса къ партіи, враждебной Бѣлоусову и его сторонникамъ, то она объясняется, кажется, не столько личными симпатіями, сколько родствомъ съ Билевичемъ: онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго. Въ біографіи его, помѣщенной въ Лицейскомъ сборникѣ, замѣчено, что «когда всѣ профессора раздѣлились на двѣ партіи, старую и новую, Геропесъ смиренно былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми» (стр. 119).

Въ конспектахъ, начинающихся съ 1825/6 г., курсъ Геропеса является довольно обширнымъ. Онъ раздѣлялся на шесть отдѣленій: начальное чтеніе (чтеніе и письмо), грамматическое, синтаксическое, риторическое, піитическое и аналитическое (разборъ плановъ и особенныхъ красотъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, преимущественно Гомера, Софокла, Пиндара). Въ дѣйствительности же, должно полагать, содержаніе курса было ограничено, такъ какъ предметъ былъ не обязателенъ и отношеніе къ нему учениковъ, число которыхъ было притомъ весьма небольшое и часто мѣнялось ¹⁾, поверхностно; для преподаванія греческаго языка назначены были даже послѣобѣденные часы, какъ для искусствъ, на что часто жаловался Геропесъ ²⁾. Изъ ежемѣсячныхъ отиѣтокъ можно заключать, что и успѣхи учениковъ были далеко неудовлетворительны.

По уставу гимназіи назначены были, какъ особый предметъ, военныя науки. Для замѣщенія должности преподавателя военныхъ наукъ, Орлай въ концѣ 1824 г. обращался къ подполковнику *Терлецкому*, герою Смоленска, Бородина, Малоярославца и пр., и получилъ отъ него согласіе. Въ письмѣ отъ 10 ноября Терлецкій благодарилъ за сдѣланное ему предложеніе и просилъ увѣдомить, «какіе именно предметы придется ему преподавать, такъ какъ ему необходимо озаботиться составленіемъ программы и урочныхъ записокъ». Дѣло не состоялось. Въ маѣ 1825 года Терлецкій отказался «отъ предложенной функціи по недавнему оставленію воинской службы и крайне разстроенному здо-

---

¹⁾ Такъ въ первомъ 1823/4 г. въ августѣ было 18 учениковъ, въ сентябрѣ 14, въ октябрѣ 10, въ ноябрѣ 12 и т. д.; въ послѣдующіе года число учениковъ падаетъ до пяти. Въ числѣ учениковъ бывали и русскіе: Мирковскій Шапошиковъ и др.

²⁾ Въ одномъ изъ рапортовъ въ Конференцію (13 ноября 1826 г.) Геропесъ жалуется, что ученики небрежно относятся къ предмету, не посѣщаютъ классовъ, что будто бы даже профессора (здѣсь должно разумѣть партію Бѣлоусова) не совѣтуютъ обучаться греческому языку, что ему не даютъ свѣчей и т. д.

ровью». Нѣкоторое время преподавалъ военныя науки, артиллерію и фортификацію, Шапалинскій.

Изъ учителей низшихъ классовъ должно упомянуть объ *И. Г. Кулжинскомъ*, обучавшемъ латинскому языку и бывшемъ въ послѣдствіи инспекторомъ лицея кн. Безбородко. Дѣятельное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу всегда было отличительною чертою Ивана Григорьевича, много потрудившагося и на педагогическомъ и на литературномъ поприщахъ. Автобіографія его, съ перечнемъ сочиненій 1827—54 г., помещена въ Лицейскомъ сборникѣ. И теперь, проживая въ Нѣжинѣ на пенсіи, близъ зданія, въ которомъ прослужилъ нѣсколько лучшихъ лѣтъ своей жизни и съ которымъ связаны стародавнія воспоминанія, почтенный старецъ, сохранившій замѣчательную бодрость духа, продолжаетъ откликаться на явленія общественной жизни, строго охраняя и усердно защищая однажды усвоенныя представленія. Составителю настоящаго очерка не разъ приходилось обращаться къ прекрасно сохранившейся памяти Ивана Григорьевича за повѣркою впечатлѣній, вынесенныхъ изъ архива.

Кромѣ профессоровъ и учителей низшихъ классовъ, при гимназій состояли еще учителя искусствъ: рисованія—*Павловъ* (опред. 17 сент. 1820 г.), танцованія и пѣнія—*Северюшинъ* (опред. 28 Окт. 1822 г.) и фехтованія—*Урсо* (опред. 30 окт. 1824 г.).

Павловъ (р. 1792 въ Ревелѣ), свободный художникъ, принадлежалъ къ числу способныхъ, добросовѣстно относившихся къ своимъ обязанностямъ, преподавателей, и пользовался расположеніемъ своихъ учениковъ. Въ 1821 году Орлай, «отдавая справедливую похвалу его хорошему поведенію и усердію, представилъ его на должность надзирателя, въ которой онъ и былъ утвержденъ, съ оставленіемъ въ должности учителя рисованія. Преподаваніе видимо затруднялось недостаткомъ пособій, на что Павловъ часто жаловался: «лучшимъ ученикамъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, давно слѣдовало бы начать цѣлыя головы и фигуры, но, за неимѣніемъ сихъ оригиналовъ, продолжаютъ рисовать ландшафты» и т. д.

Северюшинъ переведенъ изъ Новгородской гимназій и служилъ сначала безъ жалованья, пользуясь платой за обученіе вольноприходящихъ (уставомъ не назначенъ учитель танцованія и пѣнія) ¹⁾. Вскорѣ

¹⁾ Павловъ обучался въ Московскомъ воспитательномъ домѣ, а усовершенствовалъ себя въ музыкѣ и танцевальномъ искусствѣ, состоя при Московскомъ театрѣ; «нѣкоторое время обучалъ юношество снѣмъ искусствамъ въ разныхъ благородныхъ домахъ».

однако поч. попечитель предписалъ Беркіевской экономіи выдавать ему по 250 р. въ годъ «за стараніе и раченіе въ обученіи танцованію и музыкѣ». Въ послѣдствіи Орлай ходатайствовалъ о назначеніи ему особаго жалованья, объясняя, что, «при образованіи юношества въ умственныхъ и нравственныхъ знаніяхъ, по общему нынѣ употребленію, припято въ содѣйствіе къ оному и образованіе самыхъ чувствъ и тѣлесныхъ движеній посредствомъ музыки и танцованія для вящей благовидности благовоспитанія, чего и родители пансіонеровъ многіе желаютъ». Въ ноябрѣ 1824 г. ему назначено было 400 р. въ годъ. Преподаваніе шло довольно успѣшно. Въ одномъ изъ первыхъ отчетовъ Севрюгинъ доноситъ директору, что «какъ по музыкѣ, такъ и по танцевальнымъ класамъ, я надѣюсь, что скоро ученики возмогутъ показать себя вашему высокородію отличными въ составляющихся оркестрахъ, какъ въ музыкальномъ, такъ и вокальномъ». Разыгрывались увертюры, хоры съ пѣніемъ и музыкой и «разныя музыкальныя штуки»; разучивались минуэты, польскіе па, экосезы, альманы, вальсы, матрадуры, матлоты и пр. Севрюгинъ завѣдывалъ и церковнымъ хоромъ. Обученіе было обязательно, и учитель часто жалуется, что «учатся не старательно и въ классѣ весьма шумятъ»¹⁾.

Учитель фехтованія, *Иосифъ Урсо* (утв. 30 Окт. 1824), имѣлъ еще меньше учениковъ.

Дѣятельность всѣхъ преподавателей, кромѣ непосредственнаго и непрерывнаго наблюденія со стороны директора, находилась и подъ общимъ наблюденіемъ почетнаго попечителя, графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко. Внимательный пересмотръ архивныхъ бумагъ приводитъ къ заключенію, что онъ былъ дѣйствительнымъ, не поминальнымъ, попечителемъ: онъ принималъ живѣйшее участіе не только въ первоначальномъ устройствѣ заведенія, облегчая и ускоряя это устройство своими пожертвованіями, но и въ послѣдствіи, до конца своей жизни, относился съ неизмѣннымъ вниманіемъ и заботливостью къ его интересамъ. Гимназія постоянно находилась въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ нимъ, такъ что всѣ ея представленія и донесенія обыкновенно заготовлялись въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ назначался ему, а другой—окружному попечителю. Директоръ, въ особен-

¹⁾ Гоголь не обучался музыкѣ и пѣнію, а за танцованіе верѣдко получалъ единицы.

ности сначала, часто обращался къ почетному попечителю за разрѣшеніемъ даже мелочныхъ распоряженій и расходовъ въ родѣ принятія, для экономіи, дворовыхъ людей отъ родителей воспитанниковъ, или прибавки двухъ прачекъ къ тремъ «для мытья рубашекъ, косынокъ и манишекъ въ лѣтнее время во избѣжаніе вредныхъ для здравія слѣдствій отъ тѣлеснаго пота и внѣшней пыли произойти могущихъ». Отправляясь посланникомъ во Франкфуртъ, въ августѣ 1824 года, графъ проситъ директора доставлять ему чрезъ каждые два мѣсяца извѣстія о ходѣ дѣлъ въ гимназій, а на возвратномъ пути оттуда, изъ Варшавы,—возобновить присылку въ Петербургъ всѣхъ представленій. Не рѣдко и лично посѣщалъ онъ гимназію, присутствовалъ на испытаніяхъ и результаты своихъ наблюденій сообщалъ не только устно, но и письменно, производилъ общую ревизію, выпкалъ въ матеріальное положеніе служащихъ и всячески старался о его улучшеніи.

О нѣкоторыхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ къ преуспѣванію заведенія въ разныхъ отношеніяхъ, упомянуто выше. Для общей же характеристики отношеній поч. попечителя къ гимназій, приведу здѣсь нѣсколько свѣдѣній о ревизіи, произведенной имъ лично въ 1823 году; избираю этотъ годъ потому, что тогда же—и это былъ единственный случай—посѣтилъ гимназію и окружной попечитель, оставившій также свои замѣчанія по ревизіи.

Графъ видимо остался вполне доволенъ гимназіей. Немногія, сдѣланныя имъ, замѣчанія касаются подробностей, не оказавшихъ вліянія на общее впечатлѣніе. «Пріятнымъ долгомъ считаю объявить, пишетъ онъ въ своемъ предложеніи директору отъ 18 сентября 1823 года, что во время пребыванія моего въ Нѣжинѣ и обревизованія хода гимназій высшихъ наукъ замѣчены мною большіе успѣхи воспитанниковъ со времени послѣдней моей ревидации какъ въ наукахъ, такъ и въ языкахъ. Въ экзаменахъ, производимыхъ мною, я нашелъ, что воспитанники въ классахъ математики, исторіи, словесности и въ языкахъ большею частію ясно понимаютъ и объясняютъ предметы, что доказываетъ стараніе гг. профессоровъ и ваше попеченіе». Въ заключеніи предложенія состояніе гимназій названо цвѣтущимъ и выражено желаніе, чтобы гимназія достигла «высшей степени совершенства». Изъ замѣчаній, въ количествѣ 22, одни касаются не важныхъ хозяйственныхъ распоряженій, другія—положенія нѣкоторыхъ изъ служащихъ при гимназій (назначенія квартирныхъ денегъ, въ случаѣ недостатка квартиръ въ натурѣ—профессорамъ по 500 р. и учителямъ по 300 р. въ годъ, конференцъ-секретарю и секретарю правленія, которымъ не положено оклада по штату,—первому 400 р. и второму 250 р. въ годъ) и наконецъ третьи—

пансіона. Въ послѣднихъ онъ предлагаетъ назначить особыя часы для чистописанія и правописанія въ низшихъ классахъ и обратить на нихъ часы, назначенные для математической географіи, «изученіе которой сопряжено со многими неудобностями и превосходитъ еще незрѣлыя способности воспитанниковъ», увеличить число часовъ для языковъ, назначивъ по четыре въ недѣлю вмѣсто трехъ, увеличить число надзирателей, назначивъ одного даже сверхъ штата, вести преподаваніе языковъ, въ томъ числѣ и латинскаго, «на томъ самомъ языкѣ, который преподается», о чемъ просить предложить въ первомъ засѣданіи конференціи; относительно обученія греческому языку, какъ необязательному, предлагаетъ спрашивать согласія не у дѣтей, которыя могутъ терять охоту къ обученію при малѣйшей встрѣтившейся трудности, а у ихъ родителей, заставлять пансіонеровъ говорить на иностранныхъ языкахъ, отпускать воспитанниковъ въ воскресные и праздничные дни, съ срочнымъ отъ инспектора билетомъ, только къ родителямъ, родственникамъ и къ тѣмъ, къ коимъ родители отпускать просили, размѣщать ихъ въ столовой по классамъ и по поведенію, а въ классахъ—по успѣхамъ, съ назначеніемъ изъ нихъ старшаго или репетитора, «что будетъ сильнѣйшимъ средствомъ возбужденія въ нихъ благороднаго соревнованія», внушить инспектору, чтобы онъ присутствовалъ при столѣ пансіонеровъ ¹⁾.

Интересно сопоставить это предложеніе съ предложеніемъ окружнаго попечителя, Е. Я. Карнеева. Хотя общее впечатлѣніе, выраженное въ послѣднемъ, также можно назвать благоприятнымъ, однако указаные недостатки такъ важны, что общее заключеніе бумаги не окажется въ строгой связи съ выраженнымъ въ началѣ ея общимъ впечатлѣніемъ. Впрочемъ должно замѣтить, что всѣ указанія относятся къ распредѣленію помѣщеній и вообще къ хозяйственной части и не касаются существенной стороны заведенія, учебнаго дѣла, которымъ попечитель видимо остался доволенъ. «Осмотрѣвъ съ должнымъ вниманіемъ и во всей подробности Нѣжинскую гимназію, пишетъ попечитель директору изъ Чер-

---

¹⁾ „При двукратноѣ осмотрахъ гимназій и находящагося при ней благороднаго пансіона, я усмотрѣлъ, присутствуя нѣсколько разъ лично во время стола пансіонеровъ, что инспекторъ не раздѣляетъ съ ними онаго совѣстно, хотя, съ разрѣшенія моего, пользуется онымъ на счетъ пенсіонерной суммы; пахожу однакоже необходимымъ, для соблюденія вѣщаго порядка благоустройства при столѣ, а равно надзиранія за добротою кушанья, присутствіе инспектора при столѣ пансіонеровъ. Гувернерамъ равноиѣрно, когда не дежурные, не отпускать столъ въ конваты, но предоставлять обѣдать съ воспитанниками виѣстѣ“.

нигова 20 сентября, я нахожу устройство оной, въ особенности его учебной части, заслуживающимъ всякаго уваженія. Преподаваніе наукъ, инаиначе же изученіе языковъ, производятся съ надлежащимъ усиліемъ. Постепенный порядокъ ученія, доведенный уже до 7 класса, доказываетъ и достаточныя свѣдѣнія гг. профессоровъ, и отличное ваше объ усовершенствованіи сего предмета попеченіе; равнымъ образомъ не могу я не отдать справедливости трудамъ вашимъ и по части введенія нравственнаго и хозяйственнаго въ заведеніи благоустройства, которое наиболѣе собственно вамъ принадлежитъ. Обо всемъ семъ не премину я довести до свѣдѣнія вышняго начальста, и надѣюсь, что оно обратитъ къ заслугамъ вашимъ и къ усердію вашему на пользу службы должное вниманіе». Относительно учебной части попечитель ограннычивается собственно двумя замѣчаніями: о необходимости требовать отъ профессоровъ конспектовъ преподаваемыхъ ими наукъ, которые, по разсмотрѣніи, исправленіи и одобреніи въ конференціи, особенно со стороны директѳра, «какъ обязаннаго руководствовать и наставлять профессоровъ къ избранію лучшей и легчайшей методы ученія», должны приводиться въ точное исполненіе, и о наблюденіи, особенно въ высшихъ классахъ, «чтобы воспитанники, преимущественно въ классъ законоученія, занимались не однимъ выучиваніемъ наизусть уроковъ, но ясно понимали и объясняли бы оныя отъ себя своими словами». Остальныя замѣчанія касаются неудобства приѳма малолѣтнихъ вольноприходящихъ—по мнѣнію попечителя, ихъ слѣдовало бы принимать только съ 4 класса, по окончаніи ими курса въ повѣтовыхъ училищахъ или греческомъ Нѣжинскомъ,—о большихъ неудобствахъ въ распредѣленіи классовъ при отсутствіи корридоровъ, отдѣляющихъ классы, отъ чего ученики переходили изъ одного класса въ другой даже во время уроковъ, о неудобствахъ помѣщенія женатыхъ преподавателей съ ихъ кухнями въ верхнемъ этажѣ, а прачешныхъ въ нижнемъ, и о необходимости первымъ выдавать квартирныя деньги, а послѣднія перевести въ паемныя квартиры, или помѣстить въ подвалахъ главнаго зданія съ особыми выходами, о необходимости составить штатъ платью, бѣлью и пр., съ соблюденіемъ однообразія, и производить ежемѣсячную ревизію, объ уничтоженіи во всемъ домѣ дурнаго запаха, такъ какъ «чистота, опрятность и свѣжій воздухъ суть первыя отличительныя свойства каждаго благоустроеннаго заведенія». Всѣ эти замѣчанія, заключаетъ попечитель, сдѣланы единственно съ тою цѣлю, «чтобы сіе общепользное заведеніе привести какъ возможно скорѣе въ цвѣтущее состояніе. Самимъ вамъ извѣстно, что, при первоначальномъ онаго устройствѣ, довольно было охотниковъ къ отдачѣ туда дѣтей на воспи-

таніе; на нынѣшній же курсъ ни одинъ почти пансіонеръ вновь не поступилъ. Сіе доказываетъ, что причиною тому едва ли не вышеозначенные недостатки, которые слѣдственно необходимо нужно скорѣе отклонить и исправить. Впрочемъ надобно имѣть въ виду, что, взимая за каждаго пансіонера въ годъ столь значительную плату, какая вносится, заведеніе обязано, такъ сказать, отчетомъ передъ родителями, дабы никто не подумалъ, что изъ платы сей, вмѣсто употребленія оной на воспитанниковъ, составляется какая-либо экономія въ особую пользу заведенія».

Орлай не оставилъ съ своей стороны сдѣланныхъ обоими попечителями указаній на недостатки гимназіи безъ замѣчаній. Замѣчанія эти были внесены въ журналъ конференціи 29 сентября 1823 года. Копспекты, замѣчаетъ Орлай, требовались и прежде, «и вообще въ преподаваніи наукъ прилагается тщательное стараніе, чтобы понятія учащихся развивались постепенно поучительными объясненіями наставниковъ и принимаются всѣ мѣры, чтобы никто изъ учащихся не приобрѣталъ званія преподавшихъ уроковъ посредствомъ выучиванія ихъ только наизусть. Такъ какъ одно знаніе закона Божія озаряетъ челоуѣковъ истиннымъ просвѣщеніемъ, то постановлено въ неукоснительную обязанность законоучителю, Павлу Воынскому, вперячь въ юныя сердца питомцевъ любовь къ Богу и ближнему, повинованіе властямъ и вообще страхъ Божій».—На указаніе, что лучше было бы принимать вольноприходящихъ учениковъ съ 4 класса Орлай справедливо замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ первые три класса могутъ остаться безъ учениковъ, а учителя безъ дѣла, не говоря о томъ, что, по требованіямъ относительно приѣма учениковъ по уставу гимназій съ одной стороны (знаніе чтенія и письма россійскаго, общеупотребительныхъ молитвъ, краткаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѣметики) и соображеніямъ относительно курса повѣтовыхъ училищъ съ другой, изъ послѣднихъ только и могутъ поступать ученики 2 класса въ 1 классъ гимназіи и изъ 3 во 2, такъ какъ курсъ 4 класса повѣтоваго училища совершенно не соотвѣтствуетъ 4 классу гимназіи.—Относительно однообразія въ платьѣ, бѣльѣ и пр. Орлай замѣтилъ, что «пансіонеры гимназіи одѣты хорошо, прилично и однообразно; позволено имъ однакоже во время классовъ носить и свое платье, чрезъ что сберегается казенный интересъ; всѣ вещи находятся подъ надзоромъ инспектора и четырехъ надзирателей и ревизуются ежемѣсячно профессорами.—Малочисленность поступающихъ въ пансіонъ Орлай объясняетъ тѣмъ, что родители паходятся въ неизвѣстности относительно преимуществъ гимназій, такъ какъ не утверждены еще уставы, а также мѣстоположеніемъ города:

«весь городъ Нѣжинъ имѣеть низменное положеніе, а гимназія сама окружена болотами, зловредный воздухъ испускающими, что также родителей отвлекаеть отъ гимназіи»; наконецъ, указываетъ на слишкомъ высокую плату, вносимую за пансіонеровъ, затрудняющую мало-россійскихъ дворянъ: «всѣмъ извѣстно, что въ малороссіи богатыхъ дворянъ немного, а посему полагать можно, что число вольноприходящихъ умножится впредь значительно, а пансіонеровъ будетъ мало; ученіемъ, содержаніемъ и вообще порядкомъ родители всѣ весьма довольны, но на производимую ими плату жалуются по неимуществу своему».—На указаніе почетнаго попечителя, что полезно было бы увеличить число часовъ для обученія языкамъ, Орлай замѣчаетъ, что «изученіе языковъ считается вездѣ экстраординарнымъ ученіемъ и обыкновенно отдается на произволъ учащихся, исключая отечественный и латинскій; посему, ежели опредѣлить болѣе часовъ для языковъ, то не воспрепятствуетъ ли это успѣхамъ въ наукахъ, которыя однакожъ однѣ образуютъ государственнаго человѣка».—Распоряженіе о размѣщеніи учениковъ въ столовой и классахъ по успѣхамъ и поведенію было сдѣлано Орлаемъ прежде.—Наконецъ, важнымъ слѣдствіемъ ревизіи почетнаго попечителя было учрежденіе особаго хозяйственнаго правленія, членами котораго, подъ предсѣдательствомъ директора, были: инспекторъ и одинъ изъ членовъ конференціи, по выбору послѣдней (Шапалинскій).

Еще въ предъидущемъ, 1822 году, послѣ произведенной ревизіи, почетный попечитель такъ остался доволенъ гимназіей, что призналъ возможнымъ ходатайствовать объ особомъ вознагражденіи служащихъ въ ней. «Извѣщаю васъ, пишетъ онъ директору (23 янв. 1823 г.), что порядокъ, устройство и успѣхи воспитанниковъ, найденные мною при личномъ моемъ обозрѣніи, побудили меня отнестись къ г. министру о выдачѣ чиновникамъ годоваго жалованья въ награжденіе». 25 Іюля послѣдовалъ высочайшій рескриптъ о одновременной выдачѣ чиновникамъ гимназіи годовыхъ окладовъ: директору 3000 р., профессорамъ по 1000 р. и тремъ гувернерамъ по 500 р. изъ остаточныхъ суммъ гимназіи, всего 11 тысячъ.

Въ 1824 году почетный попечитель опять присутствуетъ на экзаменахъ, слѣдствіемъ чего были его замѣчанія: во первыхъ, чтобы профессоры словесностей, по крайней мѣрѣ въ 4, 5 и 6 отдѣленіяхъ, преподавали на иностранныхъ языкахъ, и во вторыхъ, что для профессора юридическихъ наукъ, какъ главнаго предмета, необходимо увеличить число часовъ въ 7 и имѣющемъ открыться 8 классѣ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не преподаеть въ низшихъ классахъ. На этотъ разъ онъ особенно остался доволенъ математикой, исторіей, россійской и

латинской словесностями. И въ этомъ году поч. попечитель выражаетъ желаніе ходатайствовать о прибавкѣ къ окладамъ чиновниковъ гимназій, и притомъ постоянной, изъ капитала, накопившагося отъ процентовъ съ основнаго капитала, по 200 р. съ тысячи, а также объ увеличеніи числа профессоровъ. Прибавка состоялась, только не постоянная, а единовременная: окружной попечитель высказалъ мнѣніе, съ которымъ согласился и Орлай, что такое увеличеніе оклада для всѣхъ чиновниковъ можетъ быть допущено только тогда, когда отъ процентовъ съ основнаго капитала образуется сумма, проценты которой будутъ вполнѣ обеспечивать все содержаніе заведенія; число же профессоровъ можетъ быть увеличиваемо постепенно.

Заботливость поч. попечителя выражалась не только въ непрерывномъ и дѣятельномъ наблюденіи за устройствомъ заведенія во всѣхъ отношеніяхъ и въ улучшеніи матеріальнаго положенія служившихъ въ немъ, но и въ капитальныхъ пожертвованіяхъ, обогащавшихъ его учеными и учебными средствами и пособіями. Такъ имъ пожертвована прекрасная бібліотека, состоящая преимущественно изъ классическихъ произведеній французской литературы. Она послужила богатымъ основаніемъ для гимназической, въ послѣдствіи лицейской и наконецъ институтской бібліотеки. Всѣхъ названій въ бібліотекѣ было 382 въ 1877 томахъ ¹⁾. Въ концѣ 1822 года имъ пожертвованъ минералогическій кабинетъ, состоящій изъ 642 штуфовъ, физическій и минцъ-кабинетъ. Только благодаря этой заботливости поч. попечителя, исходившей изъ личнаго и глубокаго расположенія къ дѣлу образованія, благодаря его неистощимымъ средствамъ, гимназія въ непродолжительное время получила возможность удовлетворять существеннымъ потребностямъ обученія.

Озабоченный мыслью о приведеніи гимназіи въ цвѣтущее состояніе, поч. попечитель, вскорѣ послѣ ея открытія, задумалъ устроить при ней *ученое общество*. Еще въ январѣ 1822 года окружной попечитель предлагаетъ директору доставить заключеніе конференціи по содержанію полученнаго имъ отъ министра мнѣнія объ учрежденіи общества. Почетный попечитель, графъ Кушелевъ-Безбородко, пишетъ Карнеевъ,

---

¹⁾ Въ числѣ книгъ оказалось 62 дефекта. Оказались и соблазнительныя, отгѣченныя таковыми конференціей, напр. *La belle Allemande, ou les galanteries de Thérèse Paris. 1774; L'Arretin moderne. Rome. 1780; Le paysan perverti ou les dangers de la ville. La Haye. 1776; Les bijoux indiscrets. Histoire de la papesse Jeanne. La Haye. 1736; Histoire de M-lle Cronel, dite Crétilion. La Haye. 1743.*

желая учредить при гимназiи сей ученое общество, которое въ собственности занималось бы историческими изслѣдованiями, до того края относящимися, испрашиваетъ его сiятельства согласiя на учрежденiе онаго, по примѣру существованiя таковаго же общества при Ярославскомъ Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ, котораго привилегiи всемилостивѣйше распространены и на означенную гимназiю». Конференцiя, въ засѣданiи 10 февраля, нашла слѣдующiя «препятствующiя затрудненiя къ учрежденiю общества»: 1) малочисленность профессоръ и учителей; 2) «источники, состоящи въ разныхъ сочиненiяхъ пли замѣчанiяхъ, относящихся къ сему краю, каковы: лѣтописи, народныя повѣсти, даже пѣсни, особенно древнiя грамоты, жалованныя дворянству, волостнымъ правленiямъ, монастырямъ и проч., изъ коихъ бы можно было заимствовать вѣрные историческiе матеріалы, по новости существованiя своего, гимназiя еще не успѣла прiобрѣсти; равно и народный духъ края сего съ своими обыкновенiями, по недавнему наставниковъ вступленiю въ должности, нѣкоторымъ совѣмъ почти неизвѣстень; слѣдственно, всѣ сiи принадлежности требуютъ еще нарочито-продолжительнаго времени для предварительнаго соображенiя оныхъ, дабы въ послѣдствiи можно было извлекать изъ нихъ что-либо существенное; 3) гимназiя, будучи въ совершенно новомъ обзаведенiи, имѣя во многомъ нужду касательно собственнаго устройенiя и преимущественно поставляя первымъ и главнымъ для себя предметомъ постепенно открывать полные всѣ девять классовъ, или полное теченiе предназначеннаго ей учебнаго курса, все же прочее считая болѣе за постороннее, такъ сказать, не въ правѣ употреблять и время, и свои усилiя на оное, не поставивши на твердую степень своего главнаго и существеннаго». Соображенiя эти, безъ сомнѣнiя, были внушены Орлаемъ, что видно изъ его собственнаго мнѣнiя, приложеннаго къ опредѣленiю конференцiи. Мнѣнiе это весьма любопытно: отклоняя отъ гимназiи проэктированное поч. попечителемъ ученое общество, онъ въ то же время, какъ горячiй патрiотъ, доказываетъ крайнюю необходимость общества для изученiя южной Россiи и преимущественно той ея части, которая лежитъ внѣ теперешнихъ предѣловъ Россiи и заселена кореннымъ русскимъ населенiемъ (угорская русь), при чемъ упрекаетъ русскихъ въ равнодушiи и незнанiи этой древней Руси, отторженной отъ своей матери, великой Руси (см. прилож. № 4.) ¹⁾. Заключение конференцiи и

¹⁾ Должно замѣтить, что Орлай вообще былъ проникнутъ живымъ патрiотическимъ воодушевленiемъ. Предавшись всей душой устройству новаго заведенiя, онъ

мнѣніе директора подѣйствовали: министр не призналъ удобнымъ учреждать ученое общество при Нѣжинской гимназіи. Увѣдомляя объ этомъ директора, окружной попечитель присовокупляетъ: «къ сему не лишнимъ считаю замѣтить, что примѣръ подобнаго общества при Демидовскомъ училищѣ не весьма одобрителенъ, по мнѣнію его сіятельства, ибо учрежденное при ономъ общество не оказало никакого успѣха и вообще не сдѣлало ничего».

Въ то же время начинается дѣятельность почетнаго попечителя по устройству домовоі церкви въ гимназіи. Воспитанники ходили въ приходскую церковь, отстоящую на значительное разстояніе отъ гимназіи, что, по причинѣ непроходимой Нѣжинской грязи въ осеннее и весеннее время, дѣйствительно представляло большія затрудненія. Затрудненія эти заставили Орлая обратиться къ графу съ просьбой ускорить устройство церкви. «Рачительнѣйшій присмотръ за воспитанниками, пишетъ онъ, истинное, на христіанствѣ основанное, ихъ ученіе, надежно служащее къ образованію ихъ сердца и ума, всегда составляетъ важнѣйшее наше занятіе. Но при такомъ руководствѣ ко всему истинному и доброму, остается желать, чтобы они во всѣ воскресные и праздничные дни неупустительно бывали въ храмъ Божіемъ и въ ономъ, благоговѣнно слушая христіанское богослуженіе, наравнѣ съ науками, выучивали бы христіанскія душеспасительныя обязанности. Сіе и нынѣ составляетъ ихъ первѣйшую обязанность. Но при всей, поселенной въ нихъ, къ сему ревности, не всегда они могутъ выполнить сей священный долгъ христіанина, по причинѣ грязи, стужи, мятелей и отдаленности приходской церкви. Ежегодныхъ издержекъ на содержаніе церкви я не предвижу; но еще навѣрное полагаю, что, при нынѣшнемъ въ гимназіи хорошемъ ходѣ наукъ, устройство въ гимназіи церкви послужило бы къ большому приращенію вольныхъ пансіонеровъ, а слѣд. и

въ то же время, повидимому, пользовался каждымъ случаемъ для выраженія своихъ мнѣній по общимъ вопросамъ, касавшимся образованія въ Россіи. Сохранилось обширное мнѣніе его, излагающее общій планъ устройства всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи, отъ приходскихъ училищъ до университетовъ и академій включительно. Оно обязательно предоставлено мнѣ И. Г. Кулжинскимъ, который съ глубокимъ уваженіемъ и живой любовью вспоминаетъ о прежнемъ своемъ начальникѣ. Въ немъ Орлай предлагаетъ ту систему училищъ, которую прошелъ самъ, т. е. австрійскую, и которая представлялась ему наилучшею. Не по соображенію достоинства самаго плана, а по заключающимся въ немъ общимъ мыслямъ по устройству учебнаго дѣла, а также потому, что имъ значительно объясняется дѣятельность Орлая по устройству Нѣжинской гимназіи, я помѣстилъ его въ приложеніяхъ (№ 5).

доходовъ гимназіи. Хоръ могъ бы образоваться изъ воспитанниковъ». Выразивъ желаніе, чтобы церковь была открыта къ 30 августа тогоже года, Орлай заключаетъ: «я съ удовольствіемъ буду ждать того времени, когда вашему сіятельству угодно будетъ лично посмотри́ть на сіе заведеніе, счастливо и успѣшно шествующее къ высокой, предназначенной ему, цѣли, и заранѣе порадоваться пріятнѣйшими плодами ревностнѣйшаго объ ономъ попеченія вашего сіятельства». 17 августа графъ увѣдомляетъ директора, что церковь будетъ учреждена во имя священномученика Александра, иже въ Пиднѣ, въ память кн. Безбородко (празднуется 14 марта), и что иконы для нея уже заказаны въ Петербургѣ. Сношенія однако съ синодомъ, послѣдняго съ мѣстнымъ архіереемъ Лаврентіемъ, замедлили дѣло—и церковь была освящена только 22 іюня 1824 года ¹⁾. Это событіе, о которомъ Орлай такъ хлопоталъ и котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ, занесено въ журналъ конференціи 5 іюля 1824 года: «сего 1824 года, іюня 1 дня, къ общей радости чиновниковъ и воспитанниковъ гимназіи, прибылъ изъ С.-Петербурга г. поч. попечитель, немедленно обозрѣлъ всѣ части сего учебнаго заведенія, а съ 16 по 19 число присутствовалъ при годичномъ воспитанниковъ испытаніи. Между тѣмъ, въ теченіи экзаменовъ, именно 22 іюня, по благословенію епархіальнаго епископа, его сіятельство назначилъ посвятить предварительно къ тому приуготовленную въ гимназіи церковь. Къ посвященію сего храма, кромѣ чиновниковъ гимназіи и обучающагося юношества, приглашены были воинскіе и гражданскіе чиновники, находящіеся въ Нѣжинѣ, равно повѣтовые помѣщики и родители воспитанниковъ. Духовенство отъ всѣхъ церквей города, подъ ликоначальствомъ архимандрита Евгенія, совершило чиноположеніе освященія храма, причемъ архимандритомъ было произнесено приличное слово какъ въ возблагодареніе и безсмертную память основателямъ сего знаменитаго учебнаго заведенія, такъ и соревнователю ихъ, внуку, графу А. Г. Куселеву-Безбородко. Послѣ литургіи, молебствія и многолѣтія, духовенство крестнымъ ходомъ шествовало въ библіотечный залъ, гдѣ, особо освятивъ воду, знаменовало крестомъ и кропило оною освященною водою какъ залъ сей, такъ и прочія комнаты и классы съ священнымъ въ шествіи пѣніемъ. Наконецъ духовенство, по сложеніи церковнаго облаченія, также чиновники и дворянство, были угощаемы

---

¹⁾ Указъ Черниговской духовной дикастеріи Нѣжинскому духовному правленію отъ 18 октября 1823 года; отношеніе послѣдняго къ Орлаю отъ 24 Окт. того же года.

г. поч. попечителемъ въ занимаемыхъ имъ покояхъ завтракомъ, а потомъ, въ 4 часа по полудни, обѣденнымъ столомъ. Въ вечеру данъ былъ великолѣпный балъ, который продолжался до 2 часовъ съ полночи. Г. директоръ и собраніе конференціи, для незабвенной о такомъ событіи памяти, опредѣлило внести сіе въ журналъ, что симъ и исполняется».

Послѣ общаго обзрѣнія гимназіи необходимо сообщить свѣдѣнія о пресловутой *исторіи о вольнодумствѣ*, на которую неразъ было указано выше, исторіи, волновавшей три года умы всѣхъ, не только учившихъ, но и учившихся, окончившейся разгромомъ состава преподавателей и создавшей для гимназіи такое положеніе, что оказался необходимымъ выходъ ея въ другую сторону, въ другое направленіе. Считаемо необходимымъ остановиться на этой исторіи и потому, что въ ней, вмѣстѣ со всѣми учениками, принимали живое участіе и Гоголь, крайне возбужденное состояніе котораго въ послѣднее время пребыванія въ гимназіи и многое въ его письмахъ отъ этого времени объясняются именно этимъ участіемъ, и Кукольникъ, который въ этой исторіи игралъ особенно видную роль.

Интриги, враждебныя отношенія между преподавателями, вслѣдствіе личныхъ столкновеній, раздѣленіе на партіи—явленіе обычное въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ провинціальныхъ городовъ, объясняемое прежде всего однообразіемъ и ограниченностью круга дѣятельности, сосредоточеніемъ интересовъ въ этомъ тѣсномъ кругѣ безъ достаточно сильнаго отвлеченія ихъ въ сторону. Отъ скопленія интересовъ въ тѣсномъ пространствѣ легко сообщается личный характеръ дѣлу общаго характера, при чемъ также легко возбуждаются страсти, приводяція часто къ положеніямъ, неожиданнымъ для самихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ Нѣжинѣ, какъ маломъ городѣ, явленіе это еще понятнѣе. И должно отдать полную справедливость такту Орлая, его умѣнью обобщать интересы и направлять ихъ къ пользѣ заведенія: въ его почти пятилѣтнее управленіе гимназіей явленіе это оказывается почти незамѣтнымъ. Оно выдвигается на первый планъ въ слѣдъ за его увольненіемъ, и когда явился новый директоръ, Ясновскій, страсти были уже воспламенены до того, что ихъ нельзя было потушить обычными домашними средствами.

По содержанію своему, Нѣжинская исторія совершенно однородна съ извѣстными исторіями въ С.-Петербургскомъ и Харьковскомъ уни-

верситетах¹⁾, такъ что представляетъ собою только отдѣльный, доселѣ неизвѣстный, эпизодъ общей университетской исторіи о пресловутомъ вольнодумствѣ профессоровъ, обличаемомъ тогдашними ревнителями просвѣщенія въ родѣ Магницкаго, Рунича и др. Бѣлоусовъ представлялъ собою въ маломъ видѣ Германа, Арсеньева, Раупаха, Шада, а Билевичъ и К^о—Магницкаго и Рунича, съ тѣмъ различіемъ, что послѣдніе, руководясь высшими соображеніями, прикидывались защитниками истиннаго просвѣщенія, которому якобы угрожало вольнодумство профессоровъ, между тѣмъ какъ Билевичъ руководился просто личною ненавистью къ Бѣлоусову, обличавшему его въ невѣжество и неспособность.

Дѣло началось, какъ мы видѣли, съ легкихъ обвиненій Бѣлоусова въ небрежномъ отношеніи къ обязанностямъ инспектора, породившемъ безпечность и распушенность пансіонеровъ; но когда эти обвиненія, безъ важныхъ послѣдствій для обвиняемаго, истожились, а страсти воспламенялись, обвинители обратились къ болѣе благодарному и горячему матеріалу—къ обвиненію въ вольнодумствѣ, которымъ притомъ легко объяснялась и распушенность пансіона. Въ первый разъ Билевичъ коснулся этого матеріала въ рапортѣ отъ 7 мая 1827 года, заявивъ, что онъ «примѣтилъ въ нѣкоторыхъ ученикахъ нѣкоторыя основанія вольнодумства, происходившія отъ заблужденія въ основаніяхъ права естественнаго», которое, вопреки предписанію попечителя (19 мая 1824 г.), читается не по системѣ де-Мартини, а по основаніямъ философіи Канта и Шада.

Въ отвѣтъ своемъ отъ 2 іюля Бѣлоусовъ, замѣтивъ объ опасностяхъ для преподающихъ естественное право «въ слѣдствіе смѣшенія его нѣкоторыми писателями съ политикой и другими посторонностями», утверждаетъ, что Билевичъ о Кантовой философіи не имѣетъ ни малѣйшаго понятія и для доказательства проситъ конференцію сличить его записки по естественному праву этого года съ записками предъидущаго (1826/7 г. Бѣлевичъ читалъ естественное право въ 9 классѣ, а Бѣлоусовъ въ 7). Что же касается до Шадова естественнаго права, котораго Билевичъ также не читалъ, то въ его запискахъ нѣтъ ничего общаго съ системой Шада; ссылкой же на послѣдняго Билевичъ, очевидно, думалъ придать болѣе вѣса своему обвиненію, такъ какъ слы-

¹⁾ См. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. Спб 1866. стр. 86—96 и мою статью: „Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1873. кн. 2.

шалъ, что Шадъ высланъ за границу и его естественное право запрещено. При этомъ Бѣлоусовъ представилъ въ конференцію записки, составленныя имъ и взятыя у одного изъ учениковъ. «Записки эти, замѣчаетъ онъ, суть только краткое, сообразное съ понятіями слушателей, извлеченіе изъ того автора (де-Мартини), коимъ правительство позволило руководствоваться при преподаваніи въ русскихъ училищахъ; въ нихъ излагаются истины полезныя и необходимыя для человѣка, въ гражданскомъ обществѣ живущаго, и могуція подавить самыя сѣмена вольнодумства ¹⁾. Въ заключеніе, проситъ конференцію, оставивъ естественное право за Билевичемъ, какъ профессоромъ политическихъ наукъ, поручить ему преподаваніе російскаго гражданскаго и уголовного права, такъ какъ онъ слушалъ эти права въ университетѣ, а Билевичъ нигдѣ имъ не учился, не учившись же, и не можетъ знать легчайшаго способа преподаванія; притомъ онъ русскій, а Билевичъ изъ иностранцевъ ²⁾; наконецъ онъ имѣлъ случай теорію русскаго права усовершенствовать практикой, занимаясь, по приглашенію Кіевскаго губернатора, въ его канцеляріи.

Представленныя Бѣлоусовымъ въ конференцію записки Билевичъ называетъ подложными и доноситъ (18 іюля), что 21 іюня Бѣлоусовъ

¹⁾ Въ томъ же рапортѣ Бѣлоусовъ слѣд. образомъ въ немногихъ словахъ передаетъ содержаніе записокъ. „Онѣ состоятъ изъ трехъ частей: исторіи естественнаго права, чистаго ест. права и права государственнаго и народнаго. Нужно было рассмотреть, какія права принадлежатъ человѣку по одному только его существованію въ мірѣ чувственномъ; потомъ, допустивши сіи права, показать, что человѣкъ свѣдѣ правъ, хотя оныя ему принадлежатъ по его природѣ, защищать и сохранять не можетъ, доколѣ онъ не находится въ обществѣ гражданскомъ, въ коемъ Верховная власть оберегаетъ и защищаетъ права всѣхъ и каждаго; а потому безъ совершеннаго и безпрекословнаго повиновенія Верховной власти не достигается состояніе человѣка, на правѣ основанное; нужно было показать, что сія Верховная власть, коей права вычислены въ государственномъ правѣ (на что Билевичъ, при разборѣ ученическихъ записокъ въ послѣдствіи, не обратилъ никакого вниманія), не можетъ вездѣ присутствовать, а потому поставляетъ отъ себя чиновниковъ, ей подчиненныхъ, для произведенія въ дѣйство правъ, ей принадлежащихъ, кои по сему самому повиноваться неотвѣтственно должно и неповиновеніе коимъ преступно“.

²⁾ Билевичъ эти указанія опровергаетъ своимъ свидѣтельствомъ, выданнымъ отъ Харьковскаго университета, заявленіемъ, что онъ не иностранецъ (?), а „дѣйствительный російскій дворянинъ Черниг. губ. Новгородсѣверскаго и Кролевецкаго повѣтовъ“, что усердно служитъ народному просвѣщенію 22 года, за что награжденъ былъ чиномъ и теперь представленъ къ чину коллежскаго совѣтника, свидѣтельствомъ Орлая (отъ 24 іюля 1826 г.) объ отличіи—усердной службѣ.

отбиралъ отъ учениковъ тетради съ цѣлю ихъ исправленія, но что онъ однако успѣлъ захватить у двоихъ учениковъ подлинныя записки, писанныя со словъ преподавателя. Эти послѣднія онъ и представилъ въ конференцію вмѣстѣ съ ихъ критическимъ разборамъ. Такимъ образомъ въ конференцію разомъ поступили записки Бѣлоусова въ двухъ видахъ—представленныя самимъ профессоромъ, въ которыя не вѣрилъ Билевичъ, и представленныя Билевичемъ, въ которыя не вѣрилъ профессоръ, какъ злоумышленно измѣненныя и искаженныя. Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о разборѣ Билевичемъ записокъ, переваченныхъ у учениковъ и, по всей вѣроятности, сомнительнаго достоинства, нѣтъ надобности тѣмъ болѣе, что намъ придется остановиться сейчасъ же на другомъ, болѣе любопытномъ, разборѣ тѣхъ же записокъ, составленномъ, очевидно, по внушеніямъ тогоже Билевича. Замѣтимъ только, что, по мнѣнію послѣдняго, записки «преисполнены такнхъ миѣній и положеній, которыя неопытное юношество дѣйствительно могутъ вовлечь въ заблужденіе»; что въ нихъ совершенно не упоминается о должностяхъ къ Богу, къ самому себѣ, къ ближнему, къ родителямъ, къ дѣтямъ, къ роднымъ, къ семейственной жизни и проч.

И тѣ и другія записки, по предложенію и. д. директора, Шапалинскаго, конференція передала на разсмотрѣніе законоучителю, протоіерею Волынскому—и это привлеченіе къ дѣлу законоучителя составляетъ оригинальную часть Нѣжинской исторіи, не находящую себѣ соотвѣтствія ни въ Петербургской, ни въ Харьковской исторіяхъ ¹⁾. По всему оказывается, что протоіерей Волынскій принялъ на себя въ этомъ дѣлѣ весьма незавидную роль. Представленный имъ въ конференцію 20 іюля рапортъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ.

---

¹⁾ Самую передачу записокъ Волынскому на заключеніе Бѣлоусовъ, въ рапортѣ 29 ноября, объясняетъ такъ: „по прочтеніи моего рапорта, секретарь (Андрущенко), держа въ рукахъ мои записки и перевертывая листы, говорилъ: „признаюсь, я когда-то учился философіи, но это уже давно, а потому и судить о сихъ запискахъ не могу“. Потомъ, обратившись къ протоіерею Волынскому, сказала: „не угодно ли вамъ, батюшка, ихъ разсмотрѣть“. Почему о. Павелъ и взялъ оныя; при этомъ всѣ члены конференціи молчали“. Ландражинъ, въ рапортѣ, 19 декабря, къ этому прибавилъ: „при вопросѣ с. Павла, взявшаго уже записки, „а что мнѣ съ ними дѣлать“? и. д. директора сказалъ: „разсмотрите только, батюшка, нѣтъ ли чего въ сихъ запискахъ противнаго догматамъ вѣры“. Какимъ словамъ г. Шапалинскаго никто изъ членовъ не противорѣчилъ“.

Въ немъ онъ заявляетъ, что «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ нашель мысли, при наученіи юношества, къ сбивчивымъ и ложнымъ понятіямъ ведущія». Такъ Бѣлоусовъ начала права по системѣ Томазія—справедливое, честное и приличное—назвалъ не важными, «тогда какъ справедливаго и честнаго законъ Божій держаться повелѣваетъ» (Филиппис. IV. 8).—Бѣлоусовъ замѣчаетъ, что не важною названа система Томазія, излагающая *только* начала честнаго, справедливаго и приличнаго, изъ чего видно, что Томазіи смѣшивалъ этику съ естественнымъ правомъ. «Можно взять въ систему самыя лучшія, божественныя, начала, но система не сдѣлается отъ нихъ лучшею, ежели сіи начала или не всѣ къ ней принадлежать, или не преподаны надлежащимъ образомъ».

О Вольфовомъ началѣ «*perficere te et perficere alios*» не выражено собственнаго мнѣнія, а только неопредѣлительно упоминается о критикѣ чистаго практическаго ума Канта, «съ примѣтнымъ преимуществомъ онаго предъ прочими системами».—Въ запискахъ прямо сказано, отвѣчаетъ Бѣлоусовъ, что «сіе начало усовершенія (*principium perfectibilitatis*), равно какъ и начало социализма, не могутъ служить основаніемъ естественнаго права». Предметъ права есть то, чѣмъ человекъ посредствомъ своего права исключительно располагать можетъ, а потому слѣдующее затѣмъ замѣчаніе о Павла, что въ его опредѣленіи «пѣтъ ограниченія чрезъ понятіе о сообразности съ закономъ, ибо никакъ предполагать не можно никакого человѣческаго права прежде существованія закона», несправедливо: предметъ права долженъ быть опредѣленъ прежде изложенія науки о правахъ, дабы дать точное о немъ понятіе и дабы мы тотчасъ усмотрѣли то, что не естъ предметъ нашего права. Коль скоро мы потеряемъ изъ виду предметъ права, то будемъ считать предметомъ нашихъ правъ то, на что мы никакихъ правъ не имѣемъ, какъ напр. 18 іюня сего года г. Билевичъ, экзаменовавшій слушавшихъ у него естественное право учениковъ, кончавшихъ курсъ, не только не соглашался, что мы не имѣемъ правъ на Бога, но и рѣшительно утверждалъ, что мы имѣемъ права на Бога.

Въ словахъ Бѣлоусова: «человекъ имѣетъ право на свое лице, т. е. онъ имѣетъ право быть такъ, какъ природа образовала его душу и тѣло, а потому достоинство разумной природы въ чувственномъ мірѣ составляетъ ненарушимость лица» о. Павелъ видитъ два заблужденія: при такомъ опредѣленіи, «можно отрицать всякое повиненіе закону; при немъ же уничтожается власть родителей на дѣтей, воспитаніе или ученіе ихъ дѣлаются ненужными; въ чемъ же состоитъ достоинство

разумной природы, неизвѣстно».—Во первыхъ, «нѣтъ положительнаго закона, замѣчаетъ Бѣлоусовъ, который бы запрещалъ человѣку быть такъ, какъ природа образовала его душу и тѣло; напротивъ, законы положительные охраняютъ наипаче врожденные права человѣка на его душу и тѣло; во вторыхъ, развѣ властію родителей уничтожаются душа и тѣло ихъ дѣтей, развѣ человѣкъ, сохраняя душу и тѣло, долженъ непремѣнно не терпѣть сей власти надъ собою, развѣ родители могутъ лишить дитя тѣла или губить ихъ душу, развѣ воспитаніе и ученіе уничтожаютъ душу и тѣло? По мнѣнію всѣхъ просвѣщенныхъ людей, они развиваютъ способности души. О достоинствѣ же разумной природы въ запискахъ прямо сказано, что оно состоитъ въ ненарушимости лица.

На мнѣніе Бѣлоусова, что «нѣкоторые писатели, не сдѣлавъ себѣ точнаго понятія о первоначальномъ правѣ, иногда почитали онымъ то, что не только первоначальнаго, но даже и простаго права составить не можетъ, напр. право на справедливость словъ другаго, на доброе имя и пр.» Волинскій замѣчаетъ: «ежели право на справедливость словъ другаго и на доброе имя не заключается въ понятіи первоначальнаго права, то по крайней мѣрѣ отнюдь не можетъ быть совершенно исключено вообще изъ права, хотя бы оно и простое было, и паче сіе противно св. писанію и ученію церкви» (Ефес. IV. 25, Коринт. IX. 15).—Развѣ изъ того, отвѣчаетъ Бѣлоусовъ, что человѣкъ не имѣетъ врожденнаго права на справедливость словъ другаго, слѣдуетъ, что человѣкъ долженъ лгать? О. Павелъ здѣсь и въ послѣдствіи смѣшиваетъ внутреннія, нравственныя, обязанности съ правами внѣшними. Всякая несправедливость словъ есть нарушеніе обязанности внутренней къ самому себѣ; слѣдовательно, кто такимъ образомъ поступаетъ, тотъ дѣлаетъ поступокъ и въ отношеніи себя безнравственный: но чтобы имѣть право на справедливость словъ другаго, требуется доказать, что несправедливостью словъ другаго нарушены наши права. Относительно права на доброе имя Бѣлоусовъ замѣчаетъ: «если бы многія другія обстоятельства не доказывали, что не о. Павелъ писалъ сей разборъ, то одно сіе замѣчаніе касательно права на доброе имя могло бы каждаго удостовѣрить въ истинѣ сего: въ той самой книгѣ, по которой о. Павелъ учитъ нравственной философіи въ здѣшней гимназіи, § 86 стр. 137, сказано: «честь не состоитъ во власти нашей такъ, чтобы мы оную отъ иныхъ людей насильно могли требовать: ибо кто душами другихъ людей такъ повелѣвать будетъ, чтобы тѣхъ, отъ коихъ почтенъ быть желаетъ, могъ принудить къ доброму и почтенному о себѣ мнѣнію»? Выходитъ, что о. Павелъ преподавалъ нравственную философію противно св. писанію и ученію церкви».

Мнѣніе, что «всѣ врожденныя права находятся для всѣхъ людей въ безусловномъ равенствѣ», пишетъ о. Павелъ, можетъ относиться развѣ только къ инстинкту животныхъ; но инстинктъ не есть источникъ права, ибо всякое право должно проистекать изъ нравственнаго, Божескаго закона» (Римл. XII. 6, Коринѣ. VII, 7; здѣсь говорится о разныхъ дарованіяхъ отъ Бога).—Показавъ, что де-Мартини, по которому читалъ Билевичъ и который былъ разрѣшенъ правительствомъ, еще рѣзче выражается въ томъ же смыслѣ о врожденныхъ правахъ, Бѣлоусовъ замѣчаетъ, что въ запискахъ говорится о правахъ, а о. Павелъ распространяется о дарованіяхъ. «Можно ли было допускать такого рода разборъ и не будетъ ли онъ для конференціи позоромъ пристрастія? Можно ли удивляться, если, при чуждомъ вліяніи, нѣкоторые ученики, составивъ себѣ записки, написали въ противномъ значеніи то, что имъ въ поясненіи было сказываемо профессоромъ, когда здѣсь, въ рапортѣ, заставили законоучителя употреблять такіе непростительныя извороты и уловки?

Положеніе записокъ, что «обиженный имѣетъ право на наказаніе того, кто его обидѣлъ», по мнѣнію о. Павла, несправедливо, такъ какъ право наказанія принадлежитъ не обиженному, а закону; притомъ оно ведетъ къ самоуправству и непрерывной войнѣ» (Сол. V. 15, Колос. III. 13).—Бѣлоусовъ обращаетъ вниманіе, что непосредственно слѣдующее за выписаннымъ мѣсто записокъ—«хотя внутренне-нравственная обязанность повелѣваетъ примиреніе и великодушіе»,—которое могло бы найти себѣ полное подтвержденіе въ приведенныхъ о. Павломъ текстахъ, намѣренно выпущено. «Въ главѣ «о обидахъ» показывается только, какія права по естеству принадлежать человѣку, если онъ бываетъ обиженъ, и какія юридическія обязанности со стороны обиженнаго; а что право наказывать въ государствѣ принадлежитъ Верховной власти, отъ коей и законы проистекаютъ, сіе показано въ другихъ мѣстахъ записокъ, причѣмъ прямо сказано, что «никто въ государствѣ не можетъ самовластно управляться».

Слова записокъ: «вынужденное обѣщаніе никогда не обяываетъ», по мнѣнію критика, несправедливо исключаютъ законные случаи, а потому могутъ внушать юношеству вредное понятіе на счетъ законныхъ обѣщаній».—«Что есть законное, отвѣчаетъ Бѣлоусовъ, не есть вынужденное: ибо Верховная власть, отъ коей проистекаютъ законы въ государствѣ, соединяетъ въ себѣ воли всѣхъ, въ государствѣ живущихъ, какъ о семъ и въ запискахъ сказано; слѣдовательно все, отъ законовъ происходящее, никогда не можетъ назваться вынужденнымъ;

да и положительные законы не считаютъ дѣйствительными тѣхъ договоровъ, въ коихъ обѣщаніе вынуждено какимъ бы то ни было образомъ; по сему-то, при сдѣлкахъ разнаго рода, употребляютъ слова: *добровольное согласіе, добровольное условіе* и пр.»

«Таковыя и подобныя имъ наставленія, заключаетъ о. Павелъ, въ классической наукѣ положительнымъ образомъ юношеству преподаваемого естественнаго права нахожу я цѣли воспитанія юношей несоответственными и съ самымъ благочестіемъ несообразными, тѣмъ паче, что въ оной, врученной мнѣ для пересмотрѣнія, тетрадка между правилами нигдѣ ничего не было преподано о должностяхъ къ Богу, къ родителямъ, паставникамъ, къ начальству и вообще къ ближнему, даже и къ самимъ себѣ». — «Дѣлавшему разборъ показалось мало того, говорить Бѣлоусовъ, что онъ съ величайшими натяжками и превратнымъ толкованіемъ нашелъ въ запискахъ не сообразнымъ, по его мнѣнію, съ цѣлю воспитанія юношества; онъ порицаетъ меня и за то, чего въ запискахъ нѣтъ и чего въ нихъ быть не могло: ученіе о должностяхъ къ Богу принадлежитъ къ естественному Богословію, а не къ праву естественному; да и самъ де-Мартини говоритъ о нихъ только потому, что «онъ здѣсь руководствовался примѣромъ древнихъ, коему послѣдовали и нѣкоторые изъ новѣйшихъ»; о должностяхъ къ родителямъ не упоминается и въ запискахъ Билевича, безусловно одобренныхъ о. Павломъ; о должностяхъ къ начальству учить все государственное право, на которое о. Павелъ не обратилъ никакого вниманія; несправедливо, будто не показаны обязанности къ ближнему, ибо естественное право и состоитъ въ томъ, чтобы показать сіи обязанности, но только внѣшнія, юридическія, такъ какъ внутренне—нравственныя не принадлежатъ къ естественному праву. Чистое же естественное право, изучающее внѣшнія права чловѣка, принадлежація ему по одному его существованію въ чувственномъ мірѣ, изложено имъ по руководству, которое переведено на русскій языкъ и посвящено тому, «кого заслуги по учебной части въ Россіи для насъ драгоценны, кого свѣдѣнія употреблены были при воспитаніи всеавгустѣйшаго монарха нашего». Переводчикъ, въ предисловіи, выразился объ этомъ руководствѣ, что «читатель найдетъ въ немъ *аріаднину нить, которая предохранитъ его отъ соблазна постороннихъ и ложныхъ умствованій*» ¹⁾).

---

¹⁾ Намъ неизвѣстно это руководство; посвящено же оно было, безъ сомнѣнія, Кукольнику.

Въ заключеніе, Бѣлоусовъ высказываетъ убѣжденіе, что «никто изъ членовъ конференціи внутренно не вѣритъ, чтобы о. протоіерей самъ сей разборъ дѣлалъ, а напротивъ всѣ увѣрены, что оный ему составленъ тѣмъ же самымъ чиновникомъ, который и Билевичу таковой рапортъ писалъ»¹⁾.

Отвергнувъ обвиненіе въ отбираніи 21 іюня записокъ у учениковъ, Бѣлоусовъ, въ особомъ рапортѣ (30 септ.), высказалъ мнѣніе о четырехъ тетрадахъ записокъ, перехваченныхъ у двоихъ учениковъ и представленныхъ Билевичемъ въ конференцію. Одинъ изъ этихъ учениковъ на его вопросъ: точно ли онъ въ своей тетради писалъ только то, что было изъясняемо на лекціяхъ, съ плачемъ признался, что онъ не знаетъ, а что онъ списалъ ихъ такъ, какъ ему составлено и надиктовано другими. «Для меня достаточно было одного сего призванія, пишетъ Бѣлоусовъ. Разсматривая такъ называемыя изъясненія въ запискахъ, я нашелъ, что оныя составлены весьма глупо, что многія самыя превосходныя истины уничтожались худо пріисканнымъ сказуемымъ, что начало періода, показывающее самое благое ученіе, заключалось такою второю частію онаго, отъ которой самое начало теряло смыслъ. Примѣтно нѣкоторое желаніе растолковать другимъ образомъ мои слова и дать имъ дурное направленіе, а индѣ является такое, чего я не упоминалъ; то, что было опровергаемо, оставлено безъ опроверженія. Людямъ, обращавшимся хотя мало въ ученыхъ занятіяхъ, извѣстно, что одинъ союзъ, одна запятая, одно слово, умолченное или прибавленное, или поставленное не на своемъ мѣстѣ, даетъ особенный смыслъ и часто совершенно противный: что же сказать, если при этомъ дѣйствовало особенное намѣреніе или наущеніе измѣнить смыслъ? Въ заключеніе, просить слѣдствія и прежде всего, не упуская времени, допроса учениковъ, давалъ ли онъ имъ другія записки по естественному праву кромѣ представленныхъ имъ въ конференцію. Разборъ Билевича, какъ обращенный къ запискамъ, не имъ составленнымъ, онъ оставляетъ безъ вниманія, изъясняя готовность, по требованію начальства, объяснить, что въ нихъ

---

¹⁾ Въ другомъ рапортѣ (29 ноября) Бѣлоусовъ замѣчаетъ: „подписать несправедливый разборъ не трудно было уговорить о. Павла, который даже иногда крестить себя подписывалъ“—и приводитъ случай, извѣстный всѣмъ членамъ конференціи, чиновникамъ и ученикамъ: „когда шалуны вписали однажды въ число шаловшихъ въ классѣ и долженствующихъ быть наказанными его же самого, своего законоучителя, о. Павелъ, подписавъ таковую записку, препроводилъ оную, кому слѣдовало, для наказанія означенныхъ въ оной запискѣ“.

измѣнено, прибавлено, для доказательства, что «во всемъ преподаваніи имъ руководствовало единственное желаніе поселить въ слушателяхъ своихъ повинновеніе начальству, сдѣлать ихъ честными и добродѣтельными».

Замѣчательно, что дѣло о вольнодумствѣ Бѣлоусова и о распущенности пансіонеровъ происходило въ конференціи безъ всякаго донесенія о томъ высшему начальству. Молчаніе въ теченіе полугода (считая съ 7 мая, когда былъ поданъ первый рапортъ Билевича) исправлявшаго тогда должность директора, Шапалинскаго, объясняется прежде всего естественнымъ желаніемъ его устранить себя отъ разслѣдованія столь неприятнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ со дня на день ожидалъ прибытія въ Нѣжинъ поваго директора, Ясновскаго, опредѣленіе котораго уже состоялось, но прибытіе на мѣсто службы замедлилось, можетъ быть, по тѣмъ же соображеніямъ ¹⁾; притомъ же самъ Билевичъ въ первомъ своемъ рапортѣ, указывая на послабленіе по этому дѣлу Шапалинскаго и на *преклонность* его къ Бѣлоусову, просилъ конференцію *отложить посужденіе дѣла до прибытія новаго директора*; кромѣ того, не прерывавшееся поступленіе въ конференцію новыхъ бумагъ крайне затрудняло обсужденіе дѣла; наконецъ, должно сказать и то, что Шапалинскій, безъ сомнѣнія, не терялъ надежды какъ—нибудь уладить дѣло мирнымъ образомъ и тѣмъ освободить заведеніе отъ весьма неприятной исторіи; по крайней мѣрѣ онъ, по словамъ Ландражина въ одномъ изъ его рапортовъ, неоднократно заявлялъ конференціи, что «не хочетъ симъ дѣломъ чернить гимназію,» или, какъ замѣчено въ другомъ мѣстѣ «исторію гимназіи». Какъ бы то ни было, дѣло дошло до свѣдѣнія высшаго начальства, очевидно, не прямымъ и не оффиціальнымъ путемъ и, какъ должно полагать, со стороны обвиненія. 27 октября 1827 года только что пріѣхавшій новый директоръ разомъ получилъ двѣ бумаги отъ исправлявшаго должность Харьковскаго попечителя, графа Віельгорскаго (отъ 15 окт.). «До свѣдѣнія моего дошло, пишетъ Віельгорскій, что въ сей гимназіи преподается естественное право не въ томъ духѣ и не съ тою цѣлію, какъ бы слѣдовало, и что проф. Бѣлоусовъ, увлекаемый личными неудовольствіями, или другимъ чѣмъ, противъ проф. Билевича, входитъ при публичныхъ экзаменахъ въ такіе споры, возраженія и толкованія, которыя оскорбляютъ г. Би-

---

¹⁾ Д. Е. Ясновскій опредѣленъ на должность директора 22 января 1827 года; прибылъ въ Нѣжинъ 5 октября 1827 года. См. его біографію въ Лацейскомъ сборникѣ стр. 81—83.

левича и служить къ явному соблазну другихъ, особенно учащихъ». Въ слѣдствіе того, предписываетъ директору принять необходимыя мѣры къ устраненію такого соблазна, требуетъ немедленнаго доставленія въ подлинникахъ относящихся къ этому дѣлу бумагъ и представленныхъ въ конференцію ученическихъ тетрадей, а также объясненія, «какое со стороны конференціи дѣлано по всему тому распоряженіе и почему она конференція не донесла ему доселѣ о вышеизложенныхъ, столь важныхъ въ сущности своей, обстоятельствахъ», и наконецъ требуетъ свѣдѣній, «къмъ и когда разрѣшено для гимназій обученіе естественному праву послѣ сдѣланнаго повсемѣстно въ 1824 году запрещенія преподавать оное въ гимназій».

Не слишкомъ торопилась конференція представленіемъ требуемыхъ бумагъ и свѣдѣній, да и дѣйствительно трудно было ей опознаться во всемъ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что она чуть не ежедневно продолжала получать рапорты и со стороны нападавшей, и со стороны защищавшейся. Реэстръ препровожденныхъ бумагъ заключалъ въ себѣ 24 №№, да отправленный послѣ того дополнительный—11 №№. Самое объясненіе конференціи, вмѣстѣ съ первымъ реэстромъ, препровождено въ Харьковъ только 30 декабря 1827 года.

Спустя три дня по полученіи предписаній и. д. попечителя, директоръ предложилъ конференціи «учинить распоряженіе объ отобраніи у учениковъ всѣхъ тетрадей и записокъ, касающихся до естественнаго права, какія бы онѣ ни были, такъ какъ съ одной стороны изъ поданнаго г. законоучителемъ Волинскимъ въ конференцію рапорта явствуетъ, что онъ въ ученическихъ тетрадяхъ о естественномъ правѣ находитъ нѣкоторыя выраженія сомнительными, а съ другой и самъ проф. Бѣлоусовъ въ поданныхъ имъ въ конференцію бумагахъ объясняетъ, что тетрадки, подъ именемъ его изъясненій или замѣчаній, не сообразно его изъясненіямъ составлены». Конференція, какъ видно, сильно затруднялась въ своихъ объясненіяхъ по самому существу дѣла; затрудненія усиливались и отъ того, что поступавшія въ конференцію бумаги, въ слѣдствіе упомянутаго настроенія и. д. директора, не записывались въ журналы. Наконецъ, 17 декабря состоялся объяснительный журналъ конференціи, къ которому приложены были отдѣльныя мнѣнія Ландражина, Зингера и Соловьева.

На вопросъ, къмъ и когда разрѣшено преподаваніе естественнаго права въ гимназій послѣ запрещенія въ 1824 году ¹⁾, конференція

¹⁾ По прекращеніи безпорядковъ въ Виленскомъ университетѣ, по которымъ производилъ слѣдствіе Новосильцевъ, Высочайше конфирмованный 14 августа 1824 г.

отвѣчала, что естественное право, на основаніи проекта устава, съ открытіемъ 7 класса, преподавалось въ гимназій съ 1 августа 1823 года. Когда же послѣдовало запрещеніе въ 1824 году, конференція, по предложенію директора (Орлая), въ октябрѣ 1824 года вошла съ представленіемъ къ попечителю, слѣдуетъ ли въ Нѣжинской гимназій исключить изъ числа учебныхъ предметовъ естественное право и политическія науки, «такъ какъ оныя науки, по проекту устава, къ преподаванію въ гимназій назначены; при томъ же и гимназія состоитъ на особенныхъ правахъ и постановленіяхъ, нежели губернскія гимназіи, и занимаетъ непосредственное мѣсто послѣ російскихъ университетовъ, а между тѣмъ изъ предписанія не видно, чтобы сіи науки исключены были изъ числа предметовъ въ университетахъ, да и неизвѣстно, какіе именно учебные предметы входятъ въ кругъ наукъ политическихъ». Отвѣта на вопросъ конференціи не послѣдовало, а между тѣмъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года въ гимназій полученъ былъ Высочайше утвержденный 19 февраля 1825 года уставъ гимназій, въ которомъ положены естественное право и политическія науки: «тогда же, по волю бывшаго директора, вторично начато преподаваніе и продолжалось до іюля 1827 года». При томъ же, заключаетъ конференція, высшее начальство знало о преподаваніи упомянутыхъ наукъ въ гимназій, такъ какъ ежегодно посылались окружному попечителю журналы конференціи съ конспектами и распредѣленіемъ часовъ для каждаго предмета. Относительно ссылки на «волю бывшаго директора» Ландражинъ, въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи, приложенномъ къ журналу, замѣчаетъ, что «объ оной волѣ директора Орлая никогда не было объявлено конференціи и оное право не было читано до августа 1825 года и изъ онаго не экзаменовано при испытаніяхъ того же года; только помнится, что, до прибытія г. Бѣлоусова въ Нѣжинъ, при прочтеніи опредѣленія его въ здѣшнюю гимназію, по полученіи уже устава, опредѣлено было журналомъ конференціи читать сему чиновнику естественное право, если на то воспослѣдуетъ разрѣшеніе высшаго начальства; за прибытіемъ же г. Бѣлоусова въ августѣ 1825 года, началось опять преподаваніе есте-

---

журналъ комитета по дѣлу о безпорядкахъ, разосланный во всѣ округи, опредѣлилъ правила относительно надзора за студентами и исключилъ изъ предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ естественное право и политическія науки, умноживъ вмѣсто того число уроковъ для преподаванія языковъ греческаго, латинскаго и русскаго, предписавъ въ то же время подвергать строгому разбору темы, назначаемыя студентамъ для сочиненій.

ственного права ¹⁾ и продолжалось до *февраля* сего 1827 года; на какомъ же основаніи онъ, г. Бѣлоусовъ, читалъ сіе право, это конференціи не болѣе извѣстно, какъ и о политическихъ наукахъ, которыя читалъ г. Билевичъ въ двухъ прошлыхъ учебныхъ годахъ и имѣеть еще читать и въ семъ учебномъ году, какъ въ конспектѣ его, Билевича, значится. Нынѣ же, когда и. д. попечителя требуетъ по сему объясненія, сослаться на одну волю вышедшаго директора, скрывая предъ его сительствомъ, для извиненія своего, собственныя дѣйствія конференціи, считаю неприличнымъ».

По вопросу, почему о дѣлѣ не было доселѣ сообщено высшему начальству, конференція доноситъ, что было опредѣленіе въ этомъ смыслѣ, но оно осталось безъ послѣдствій. Между тѣмъ въ отдѣльномъ мнѣніи Ландражина, съ которымъ были согласны Зингеръ и Соловьевъ, прямо утверждается, что такого опредѣленія конференціи никогда не было (и это совершенно вѣрно), а потому и донесенія не могло быть. «Конференція, пишетъ Ландражинъ, или по крайней мѣрѣ часть ея, считала неприличнымъ доносить высшему начальству о дѣлѣ, не разсмотрѣнномъ и о которомъ ни одинъ членъ не могъ и теперь еще не можетъ основать какое-либо правильное и законное сужденіе; ибо, кромѣ того что дѣло еще не изслѣдовано, за бумагою отъ одной стороны слѣдовала сей часъ бумага и отъ другой, и даже въ послѣднемъ, упомянутомъ въ самомъ объясненіи конференціи, рапортѣ г. Бѣлоусова онъ объясняетъ, что имѣеть еще представить возраженіе».

---

¹⁾ Во время исправленія должности директора, за отсутствіемъ и по порученію Орлая, Билевичемъ, какъ замѣчаетъ Шапалинскій въ своемъ рапортѣ 17 марта 1828 года. Любопытно, что доносъ Билевича (7 мая) о вольнодумствѣ, явился спустя девять мѣсяцевъ послѣ начатія ученія, а ученическія записки препровождены въ конференцію спустя послѣ того три мѣсяца. „Изъ соображенія времени чтенія, говоритъ Шапалинскій, со временемъ поступленія бумагъ и показаніями учениковъ при допросахъ начальства легко усмотрѣть вину чиновника, сдѣланное упущеніе, а также то, кто здѣсь причиною путаницы и кто дѣйствовалъ и дѣйствуетъ по личнымъ видамъ въ обиду ближняго, а ли въ обиду г. Билевича, какъ онъ во всякой почти бумагѣ жалуется, или г. Билевичъ въ мою“. Послѣдній, сознаваясь, что ученіе естественнаго права началось въ исправленіе имъ должности директора, объясняетъ запозданіе доноса тѣмъ, что онъ, „не смотря на всѣ усилія, не могъ вытребовать отъ Бѣлоусова ни ежемѣсячныхъ вѣдомостей, ни конспектовъ; не подавалъ же ихъ Бѣлоусовъ потому, что вмѣстѣ съ г. Шапалинскимъ зналъ о предстоящемъ выходѣ Орлая и о назначеніи Шапалинскаго и. д. директора; за тѣмъ послѣдній не давалъ никакого движенія его рапортамъ“.

Относительно же записокъ по естественному праву, представленныхъ Бѣлоусовымъ и ученическихъ—Билевичемъ, конференція доноситъ, что онѣ передапы были только законоучителю на заключеніе о томъ, «нѣтъ ли въ нихъ чего, противнаго догматамъ вѣры»; профессора же, сначала Моисеевъ, а за нимъ и остальные, отказались отъ ихъ разсмотрѣнія; безъ разсмотрѣнія же конференція не могла представить ихъ вышему начальству. Дѣйствительно, и предписаніемъ графа Вѣльгорскаго 15 октября требовалось донесеніе конференціи и о ея собственныхъ распоряженіяхъ по всему дѣлу о преподаваніи естественнаго права. Разъясненія по содержанию записокъ были необходимы и потому, что оно возбудило горячія пререканія съ обѣихъ сторонъ, со стороны обвиненія и со стороны защиты: Билевичъ утверждалъ, что представленные въ конференцію Бѣлоусовымъ тетради заключали въ себѣ часть курса, и то измѣненную, предшествовавшего учебнаго года, подлинныя же записки были имъ отобраны отъ учениковъ 21 іюня 1827 года; Бѣлоусовъ же доказывалъ, что представленные Билевичемъ ученическія записки подложны, продиктованы ученикамъ съ искаженіемъ смѣсла въ извѣстномъ направленіи. Вопросъ о подлинности и характерѣ записокъ, очевидно, могъ быть рѣшенъ только допросомъ самихъ учениковъ—и этотъ допросъ, производившійся въ присутствіи всѣхъ членовъ конференціи отъ 29 октября до 3 ноября 1827 года, составляетъ также особенность Нѣжинской исторіи сравнительно съ исторіями С.-Петербургской и Харьковской.

До этого времени, т. е. до 29 октября, были привлекаемы къ допросу, и то внѣ конференціи, владѣтели записокъ, перехваченныхъ Билевичемъ (ученики: Марковъ, Филипченко и Новохацкій), и ученикъ Зміевъ—въ самой конференціи, по вопросу, находившемуся въ связи съ исторіей о вольнодумствѣ. Такъ какъ послѣдній допросъ любопытенъ по характеристикѣ настроенія профессоровъ и отношеній ихъ къ ученикамъ въ то время, то я считаю не бесполезнымъ сообщить о немъ нѣсколько свѣдѣній.

Зміева привлекла къ допросу обвиняющая сторона, утверждая, будтобы онъ, наканунѣ экзамена по естественному праву (17 іюня), по секрету заявилъ о намѣреніи Бѣлоусова и Зингера сбивать учениковъ на экзаменѣ. «Наканунѣ оныхъ экзаменовъ, доносятъ конференціи въ общемъ рапортѣ Моисеевъ и Никольскій (Билевичъ еще прежде доносилъ о томъ же пространно), случайно, во время прогулки, подъ вечеръ, сошлись мы на новомъ, такъ называемомъ купца Долгова, мосту, сѣли за нѣшеходною перегородкою на лавочку и, пока вечеряло, занимались разговорами. Черезъ нѣсколько минутъ проходитъ мимо насъ

ученикъ Зміевъ съ двумя его сестрами и съ дядею, поручикомъ Бугскаго уланскаго полка, Рубаномъ; пройдя мимо насъ немного, Зміевъ отстаеъ отъ сестеръ и дяди, обращается къ намъ и дѣлаеъ призывные знаки рукою; проф. Никольскому показалось, что будто ученикъ Зміевъ зоветъ его, почему и подошелъ къ нему; но Зміевъ сказалъ, что имѣеъ надобность поговорить съ пр. Моисеевымъ, котораго Никольскій и позвалъ. Когда подошелъ Моисеевъ, то Зміевъ, между прочимъ, въ полголоса сказалъ слѣдующее: «я слышалъ отъ учениковъ, что проф. Бѣлоусовъ съ проф. Зингеромъ сговорились завтра на экзаменѣ сбивать учениковъ въ отвѣтахъ». Зміевъ сказалъ то, самъ будучи въ нѣкоторомъ страхѣ отъ предстоявшаго ему экзамена». Эти и подобныя имъ усилія наставниковъ привлечь къ дѣлу учениковъ, безъ сомнѣнія, производили на послѣднихъ крайне вредное, развращавшее, вліяніе, и должно полагать, что заявленіе Зміева было искусственно подготовлено. По крайней мѣрѣ призванный въ конференцію, Зміевъ отвѣчалъ что *не помнитъ* о такомъ заявленіи, потомъ—*кажется, что не говорилъ*, и наконецъ—*точно не говорилъ*. Показаніе это Билевичъ и его сторонники, разумѣется, объясняли сильными внушеніями противной стороны, что, по ихъ мнѣнію, подтверждалось и тѣмъ, что Ландражинъ, «занявшій въ конференціи не обыкновенное свое мѣсто, а ближайшее къ дверямъ, усиленно настаивалъ на немедленное призваніе Зміева, съ примѣтною заботливостію отправилъ за нимъ свои дробжки и своего человѣка, по отправленіи безпрестанно приглядывалъ въ двери, ожидая прибытія Зміева, и какъ скоро сей прибылъ и показался въ оныя, то, поспѣшно вставши съ мѣста, бросился къ нему на встрѣчу, обратилъ его въ переднюю передъ конференціею комнату и скоро опять назадъ возвратился». Ландражинъ же, съ своей стороны, утверждалъ, что дѣйствительно спрашивалъ Зміева о заявленіи, будучи увѣренъ, что онъ, по привязанности къ нему, скажетъ сущую правду, и получилъ въ отвѣтъ, что «это совершенно неправда», причемъ Зміевъ выразилъ готовность «хоть предъ кѣмъ сказать и присягнуть, что этого никогда не говорилъ».

Впрочемъ не подлежитъ сомнѣнію, что и до допроса въ общихъ чертахъ ученики знали о ходѣ дѣла, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были профессорскими пансіонерами. Что они знали, чѣмъ занимались ихъ наставники, просиживая за полночь въ конференціи, доказываетъ ихъ крайне возбужденное состояніе, порождавшее новыя жалобы, новыя донесенія въ конференцію о ихъ продерзостяхъ. Возбужденное состояніе учениковъ усиливалось, какъ видно, внушеніями самихъ профессоровъ, сторонниковъ Билевича, старавшихся всячески раз-

дуть исторію. Такъ Бѣлоусовъ 13 ноября, по поводу неоднократныхъ тайныхъ отлучекъ въ городъ одного пансіонера, доносить директору, что этого пансіонера вольноприходящіе ученики увѣщевали на отлучку въ городъ тѣмъ, что «по причинѣ конференцій, долго въ ночь продолжающихся, инспекторъ не замѣтитъ, что самому инспектору угрожаетъ бѣда, потому что проф. Геронесъ съ другимъ профессоромъ ищутъ только случая вредить инспектору, что Геронесъ общалъ не объявлять никому имени пансіонера, отлучающагося въ городъ». Инспекторъ обращаетъ вниманіе директора на вредъ, происходящій для учениковъ «отъ дружескихъ какихъ-то особеннаго рода разговоровъ и обращенія наставниковъ съ учениками».

Съ 29 октября начался въ конференціи допросъ всѣхъ учениковъ 8 и 9 классовъ, слушавшихъ въ 182⁶/7 г. естественное право у Бѣлоусова. Не касаясь подробностей ихъ показаній о томъ, кто у кого списывалъ тетради, какъ онѣ переходили изъ рукъ въ руки и какъ дошли до Билевича, я замѣчу только, что большинство учениковъ показало: что введеніе, изъ котораго извлечено было наибольшее число мѣстъ для обличенія въ вольнодумствѣ Бѣлоусова, послѣдній дѣйствительно читалъ, при чемъ одни утверждали, что читалъ по книгѣ, другіе—по собственнымъ запискамъ, нѣкоторые—по запискамъ, которыя онъ бралъ у одного изъ учениковъ; что лекціи по самому естественному праву вообще читалъ по собственнымъ запискамъ; что ученики составляли записки послѣ лекцій, приводя мысли въ порядокъ; что однако ученики позволяли себѣ дѣлать нѣкоторыя замѣчанія и дополненія по собственнымъ соображеніямъ. Послѣднее показаніе, наиболѣе благопріятное для Бѣлоусова, представляется въ разныхъ видахъ: одни ученики приписывали себѣ эти дополнительные замѣчанія; другіе утверждали, что писали подъ диктовку Кукольника, который эти замѣчанія раздѣлялъ на параграфы и давалъ послѣднимъ названія; наконецъ Кукольникъ далъ показаніе, которымъ, очевидно, думалъ снять всякую отвѣтственность съ Бѣлоусова и перенести ее на себя. По вниманію къ лицу, давшему такое показаніе, по оригинальности самаго показанія и потому, что оно возбудило продолжительную переписку, я приведу его вполнѣ, какъ и небольшое показаніе Гоголя ¹⁾.

---

¹⁾ Одинъ изъ учениковъ показалъ, что Бѣлоусовъ „выговаривалъ ученикамъ въ классѣ, что они собственно ими составленныя замѣчанія присоединяли къ его чтенію естественнаго права, выговаривалъ за неправильное истолкованіе его словъ

«1827 года, ноябра 1 дня, ученикъ 8 класса, пансіонеръ Несторъ Кукольникъ, 18 лѣтъ отъ роду, истребованныя отъ него не сшитыя тетради, съ надписью «о естественномъ правѣ», въ восьми номерахъ, призналъ своими, объявляя, что составилъ ихъ *какъ матеріалъ для диссертациі о естественномъ правѣ*, въ теченіе учебнаго курса естественнаго права, по выметкамъ изъ разныхъ авторовъ, читанныхъ имъ въ 5 и 6 классахъ до преподаванія естественнаго права; книги же сіи, сколько помнитъ, слѣдующія: 1) Dictionnaire philosophique par Voltaire, 2) Contrat social de J. J. Rousseau, 3) Emman. Kant's, Zum ewigen Frieden, 4) L'harmonie du monde,—которыя книги бралъ онъ у ученика Родзянки (показаніе Родзянки весьма близко къ показанію Кукольника),—5) L'ésprit des lois, par Montesquieu—бралъ у пансіонера Романовича-Любича, 6) писанныя пансіонеромъ Высоцкимъ замѣчанія изъ Ж. Ж. Руссо и Юма, 7) писанныя замѣчанія Кукольника, отца ученика Кукольника, 8) Телеграфъ на 1836 годъ». Объ одной изъ тетрадей Кукольникъ показалъ, что она переписана съ тетрадей ученика 9 класса, Яновскаго, безъ всякихъ прибавокъ, и сія тетрадка писана подъ диктовку съ тетрадей проф. Бѣлоусова. Наконецъ Кукольникъ подтвердилъ показанія учениковъ, что имъ составляемы были дополнительныя замѣчанія къ запискамъ по собственнымъ соображеніямъ.

Показаніе Гоголя. «1827 года, ноябра 3 дня, ученикъ 9 класса, Николай Яновскій, 19 лѣтъ, призванъ будучи въ конференцію, показаніе Новохацкаго (своего товарища) подтвердилъ въ томъ, что онъ тетрадь исторіи естественнаго права и самое естественное право отдалъ въ пользованіе Кукольнику; сверхъ того Яновскій добавилъ, что объясненіе о различіи права и этики проф. Бѣлоусовъ дѣлалъ по книгѣ».

Показаніе Кукольника, какъ прямо направленное противъ обвиняющей стороны, не могло не обратить на себя особеннаго вниманія

при повтореніи, говорилъ, что онъ боится ихъ изъяснять, потому что они въ противную сторону толкуютъ его слова^а. Когда одинъ изъ учениковъ, по тому же показанію, читалъ нѣкоторую статью изъ введенія въ присутствіи другихъ, то ученикъ Базиль сказалъ: „бросьте, что вы вздоръ понаписывали; это не нужно; изъ этого можетъ выйти чортъ знаетъ что^а“. По другому показанію, ученическія записки доставлены Вилевичу его племянникомъ (тоже ученикомъ гимназіи), при чемъ послѣдній говорилъ: „дядюшка будетъ за то благодаренъ“; Моисеевъ же сказалъ ученику, передавшему часть записокъ: „покорно благодарю, буду благодаренъ на будущій годъ“.

последней. «Съ перваго взгляда на сіе показаніе, пишетъ въ слѣдъ за тѣмъ въ конференцію Моисеевъ, всякій признаетъ оное совершенно несправедливымъ и даже невѣроятнымъ, чтобы онъ, будучи еще въ тѣхъ низшихъ классахъ сей гимназіи (5 и 6) и, какъ по спискамъ значится, въ третьемъ отдѣленіи по языкамъ, гдѣ читается одна только грамматика языковъ, занимался уже изъ оныхъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ составленіемъ на російскомъ языкѣ записокъ, и при томъ о естественномъ правѣ, т. е. о такой наукѣ, которая отъ него впереди была еще далеко и о которой онъ тогда еще никакого понятія не имѣлъ и имѣть не могъ». При томъ же, замѣчаетъ Моисеевъ, въ бытность инспекторомъ долгое время, онъ никогда книгъ этого рода ни у кого, а равно и у Кукольника, не замѣчалъ. Ссылка Кукольника на рукописныя замѣчанія его отца о естественномъ правѣ вызвала со стороны Моисеева слѣд. отзывъ: «сіе Кукольника показаніе также совершенно несправедливо: ибо таковыхъ о естественномъ правѣ рукописей отца его никогда у него не было; а еслибы онѣ тогда у него имѣлись, то онѣ и теперь у него были бы, ибо сжечь оныя безъ причины, какъ онъ утверждалъ въ конференціи, во первыхъ, могло бы ему попрепятствовать самое уваженіе къ памяти отца своего, котораго рукописи, какъ отца и мужа ученаго, должны быть ему всегда дороги; во вторыхъ, что бы онъ сжегъ ихъ потому, что самъ нашелъ въ нихъ много нелѣпаго и вреднаго, сего допустить никакъ невозможно; инако слѣдовало бы признать, что онъ, Кукольникъ, умнѣе и благоразумнѣе своего отца, мужа ученостию своею и образомъ мыслей въ ученomъ свѣтѣ извѣстнаго. При томъ же, если сіи пагубныя записки о естественномъ правѣ были извлечены изъ объявленныхъ имъ книгъ и рукописей, коихъ, какъ онъ въ показаніяхъ своихъ объявилъ, не могли по вредному ихъ содержанію долѣе у себя держать, частію будто оныя возвратилъ тѣмъ, у кого бралъ, а частію сжегъ: то почему же онъ, Кукольникъ, оное извлеченіе, какъ самую вредную оныхъ сущность, держалъ у себя во все время преподаванія г. Бѣлоусовымъ естественнаго права во все продолженіе истекшаго учебнаго года».

Снятіемъ допросовъ съ учениковъ окончилось на время дѣлопроизводство въ конференціи и все оно было препровождено къ высшему начальству. Не безъ страха, конечно, ожидали рѣшенія изъ Петербурга заинтересованныя лица. Болѣе полугода продолжавшееся дѣлопроизводство довело и наставниковъ и учениковъ до такого возбужденія, до такого извращенія ихъ взаимныхъ отношеній, породило столь ненормальное состояніе всего заведенія, что необходимо было принять быстрыя и рѣшительныя мѣры для прекращенія зла. До какой степени

возбуждены были страсти между преподавателями, видно напр. из рапорта Геронеса отъ 29 ноября, въ которомъ онъ доноситъ, что въ одномъ изъ засѣданій конференціи Бѣлоусовъ обратился къ нему съ словами: «я тебя задую».

Такому настроенію умовъ много содѣйствовали и самыя показанія учениковъ, которыя, будучи направлены къ оправданію Бѣлоусова, очевидно, представлялись его обвинителямъ явно внушенными и подготовленными. Послѣдніе естественно истощали всѣ усилія привлечь учениковъ на свою сторону и склонить ихъ къ измѣненію показаній въ свою пользу. Къ тому же и новый директоръ, Ясновскій, ознакомившись подробно съ дѣломъ, принявшимъ весьма злокачественный характеръ и угрожавшимъ большою отвѣтственностію, рѣшительно принялъ сторону противниковъ Бѣлоусова, чему послѣдній, быть можетъ, самъ содѣйствовалъ своимъ образомъ дѣйствій. Сами ученики, съ одной стороны подъ вліяніемъ увѣщаній и внушеній, съ другой опасаясь вредныхъ для себя послѣдствій на предстоявшихъ экзаменахъ, особенно тѣхъ, которые въ томъ же (1827/8 г.) должны были окончить курсъ, начали колебаться въ своихъ мнѣніяхъ, признаваться въ невѣрности данныхъ показаній и даже открывать новыя данныя, не только послужившія къ отягченію вины Бѣлоусова, но и привлечшія къ отвѣтственности его сторонниковъ—Зингера и Ландражина. Наконецъ, въ городѣ и за его предѣлами стали распространяться слухи, по всей вѣроятности, преувеличенные, о разныхъ мнѣніяхъ, противныхъ вѣрѣ, государственному устройству и нравственности, высказанныхъ на лекціяхъ обвиняемыми профессорами. Все это заставило директора подвргнуть въ маѣ 1828 года нѣкоторыхъ учениковъ новому допросу.

На этомъ допросѣ, производившемся 17—29 мая, ученики (Колышкевичъ и двое Котляревскихъ) показали: 1) что Бѣлоусовъ позволялъ себѣ на лекціяхъ преступныя въ политическомъ отношеніи выраженія, что въ городѣ толкуютъ: «чуть ли Бѣлоусовъ съ нѣкоторыми учениками не поѣдутъ въ кибиткѣ». Зингеръ, переводя въ классѣ статью Канта «о высокомъ и изящномъ», выражался пренебрежительно о ношеніи крестовъ на тѣлѣ, а также о значеніи присяги, и на замѣчаніе Котляревскаго, что «въ Россіи нельзя такъ говорить и при экзаменѣ не можно этого читать», отвѣчалъ, что имѣетъ дѣло съ благородными людьми; что Зингеръ вообще часто замѣнялъ лекціи разсужденіями политическими, хотя, со времени пріѣзда новаго директора, пересталъ это дѣлать; что, до пріѣзда новаго директора, Кукольникъ и другіе изъ меньшаго возраста въ саду и въ классѣ, до прихода Зингера, говорили свои наставленія съ кафедры, подобно лекціямъ, о мета-

физикъ, эстетикъ и магнетизмъ, причемъ вольно и непристойно говорили о религии; что Кукольникъ давалъ ученикамъ своего сочиненія трагедію «Марію», дерзко и непристойно написанную, и читалъ ее въ классѣ большею частію передъ лекціями Бѣлоусова, которыя иногда не скоро и даже спустя $\frac{3}{4}$ часа начинались; читалъ и другую трагедію «Тассъ» и одинъ романъ». При этомъ Котляревскіе представили свои классныя тетради, въ которыхъ дѣйствительно оказались выраженія, «противныя греко-россійской церкви». Заявленіе Зингера при допросѣ, что «ученики приведенныя выраженія могли сами выписать изъ книги Канта, которую онъ носилъ въ классъ», директоръ отвергаетъ, такъ какъ тетради писаны одинаковымъ скорымъ почеркомъ, подъ диктовку, со многими погрѣшностями; при этомъ директоръ замѣтилъ, что «и прочія показанія Котляревскихъ, по свойствамъ Зингера, онъ считаетъ вѣроятными». 3) Тѣже ученики показали, что Ландражинъ раздавалъ ученикамъ разныя книги для чтенія: сочиненія Вольтера, Гельвеція, Монтескье, Локка, Филоконнери, Грекура и Пирона; что Кукольникъ на лекціяхъ дѣлалъ выписки изъ книги Филоконнери въ тетрадь, на заглавномъ листѣ которой написано «Ботаника»; что когда Ландражинъ предоставилъ однажды ученикамъ переводить на французскій языкъ стихи по ихъ собственному выбору, ученикъ Зміевъ перевелъ стихи Кондратія Рылѣва, «касающіяся до призванія къ свобождѣ»¹⁾. На этомъ допросѣ нѣкоторые ученики представили свои тетради о естественномъ правѣ, писанныя, какъ они утверждали, со словъ Бѣлоусова и прежде ими утаенныя, причемъ заявили, что Кукольникъ совѣтовалъ имъ сжечь эти тетради.

Въ то же время, передъ началомъ экзамена (21 мая), отказался отъ своихъ показаній и одинъ изъ защитниковъ Бѣлоусова, Родзянко, которому приходилось оканчивать курсъ. Отецъ его, явившись въ директору, объявилъ, что сынъ его далъ ложное показаніе по наущенію Кукольника, что онъ давалъ Кукольнику только двѣ книги—«L'Harmonie du monde и Zum ewigen Frieden» Канта. Отрекся отъ своихъ показаній и Кукольникъ въ іюнь слѣдующаго 1829 года, уже послѣ окончательнаго экзамена. Приѣхалъ за нимъ изъ Вильны въ Нѣжинъ братъ, Платонъ, прежній учитель латинскаго языка въ Нѣжинской гимназіи и те-

¹⁾ Зміевъ на допросѣ не могъ припомнить стиховъ Рылѣва, но другой ученикъ, Колышкевичъ, написалъ ихъ слово въ слово въ присутствіи директора, причемъ объяснилъ, что онъ точно запомнилъ потому, что часто слушалъ чтеніе этихъ стиховъ въ классѣ ученикомъ Мартосомъ.

перъ экзекуторъ Виленскаго университета, и представилъ директору письменное подробное признаніе своего брата въ ложности данныхъ имъ въ конференціи показаній. Признаніе это очень интересно и мы приведемъ здѣсь существенное его содержаніе.

Всѣ свои прежнія показанія Кукольникъ объясняетъ боязнью мщенія со стороны Бѣлоусова, какъ профессора и инспектора. «Находясь въ ближайшемъ надзорѣ и власти инспектора, будучи молодымъ и неопытнымъ, страшась и избѣгая преслѣдователей, приведенъ былъ въ горестную необходимость отвѣчать неисправно и принимать на себя такія обстоятельства, о коихъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія... Въ семъ положеніи, не желая подвергнуться негодованію, а съ другой стороны остаться въ отвѣтственности, я хотя и рѣшился принять многое на себя, но въ то же время показать такимъ образомъ, чтобы конференція легко удостовѣриться могла въ невѣроятности моихъ показаній, а чрезъ то удостовѣрилась бы въ моей невинности. Нынѣ, оставляя, по окончаніи полного курса наукъ, гимназію и будучи совершенно свободенъ, нахожу необходимымъ объяснить съ совершенною искренностію прежнія мои ложныя показанія, въ полной мѣрѣ уничтожая и опровергая оныя, а чрезъ то оправдать себя и очистить отъ всякаго пятна труды мои, коихъ вы, начальникъ мой и благодѣтель, были ближайшимъ свидѣтелемъ, а также поведенія моего, ничѣмъ въ теченіе всего времени пребыванія моего въ гимназіи не помраченнаго... Записки мои начали быть мною составляемы съ того времени, какъ началъ я слушать естественное право. Никогда я не полагалъ и не воображалъ, чтобы въ оныхъ могло находиться что-либо вредное, ибо оныя составляли классныя мои замѣчанія и находились не только въ классахъ, но и въ музеяхъ; а по сему, еслибъ въ нихъ оказалось что-либо вредное, основанное на собственныхъ моихъ мысляхъ, тогда бы я старался ихъ скрывать, какъ между тѣмъ г. инспекторъ могъ во всякое время ихъ разсмотрѣть, меня предостеречь, дурное исправить или уничтожить; но я напротивъ ни отъ кого никакого замѣчанія не получалъ и не слышалъ... Если же я и диктовалъ въ музеяхъ ученикамъ свои записки, то оныя составлены были или почерпнуты въ классахъ, а по сему я и полагалъ, что въ тетрадахъ моихъ, содержащихъ классическія мои замѣчанія, не могло быть ничего вреднаго. При семъ нахожу нужнымъ объяснить и то, что до призыва меня въ конференцію былъ я у проф. Зингера, съ которымъ я совѣтывался, что мнѣ отвѣчать, и который, прежде о такомъ призывѣ меня предувѣдомивъ, совершенно расположилъ меня въ изясненію вышеупомянутыхъ показаній и увѣрялъ меня, что я не могу подвергнуться за то никакой отвѣтственности». Въ заключеніе

Кукольникъ изъявляетъ готовность подтвердить присягой истину своихъ настоящихъ показаній.

Признаніе однако не помогло, и Кукольникъ дорого полатился за свое увлеченіе. Окончательный экзаменъ, какъ и должно было ожидать, онъ сдалъ съ отличіемъ, и конференція большинствомъ своихъ членовъ, не смотря на рѣзкій протестъ, заявленный письменно Моисеевымъ, Никольскимъ и Билевичемъ, опредѣлила предоставить ему чинъ XII класса и наградить золотой медалью. Опредѣленіе конференціи было представлено на благоусмотрѣніе министра. Долго пришлось ждать рѣшенія: только въ Февралѣ 1831 года, по окончательномъ рѣшеніи дѣла о вольнодумствѣ, состоялась резолюція министра. «По случаю открывшихся беспорядковъ въ гимназіи, сообщаетъ попечитель, по которымъ обвиняемы были Кукольникъ и Родзянко, утвержденіе ихъ въ классныхъ чинахъ было его свѣтлостью отложено до времени. Нынѣ г. министръ соглашается дозволить Родзянкѣ выдачу свидѣтельства на присужденный ему XII классъ, а Кукольнику дать просто свидѣтельство о томъ, какииъ предметамъ и съ какииъ успѣхомъ онъ обучался, безъ назначенія класса; медалей же не выдавать ни тому ни другому. Въ слѣдствіе чего, предлагаю конференціи къ немедленному исполненію сего».

Наконецъ, въ Февралѣ 1830 года прибылъ изъ Петербурга въ Нѣжинъ, для секретнаго слѣдствія по дѣлу о вольнодумствѣ и для обревизованія гимназіи во всѣхъ ея частяхъ, командированный министромъ членъ Главнаго правленія училищъ, д. с. с. Эммануилъ Богдановичъ Адеркасъ. Отъ 5 февраля министръ предписываетъ директору «во все время пребыванія г. Адеркаса въ Нѣжинѣ находиться въ полной отъ него зависимости и всѣ приказанія его исполнять въ точности и немедленно».

Ознакомившись съ дѣломъ еще въ Петербургѣ, Адеркасъ, немедленно по прибытіи въ Нѣжинъ, предложилъ всѣмъ прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ доставить дополнительныя свѣдѣнія, а директору—представить общее и подробное заключеніе по всему содержанію дѣла. Я не буду останавливаться на дополнительныхъ показаніяхъ преподавателей, такъ какъ они не прибавляютъ почти ничего къ извѣстному содержанію дѣла. Замѣчу только, что Бѣлоусовъ и въ это время обнаружилъ большую самоувѣренность и недостатокъ воздержности, представляя пространныя бумаги, повторяющія старое и извѣстное и наполненныя голословными или мало доказательными обвиненіями противниковъ: такъ онъ называетъ второе показаніе Кукольника вынужденнымъ, утверждая, что «еще прежде окончанія курса Кукольнику было

объявлено, что показаніе его, данное прежде въ конференціи, повредить ему при выпускѣ, а во время окончательныхъ экзаменовъ рѣшительно объявлено, что за такое показаніе онъ не получитъ никакой степени». Директору не трудно было отвѣтить, что Кукольникъ далъ свое второе показаніе, уже получивъ свидѣтельство объ окончаніи курса, да и до того могъ быть совершенно покойнымъ, зная свои отмѣтки по мѣсячнымъ вѣдомостямъ и отмѣтки, полученныя на экзаменахъ; второе показаніе вызвано совѣтомъ брата изъяснить раскаяніе въ томъ, что сдѣлано изъ страха и по внушенію. «Такъ объясняются только виноватые», заключаетъ директоръ. Свое объясненіе на другую бумагу Бѣлоусова, поданную Адеркасу, директоръ заключаетъ слѣд. словами: «остается мнѣ, во исполненіе воли в. п-ва, объявить мое мнѣніе, что проф. Бѣлоусовъ, не находя никакихъ средствъ къ оправданію своему во вредномъ преподаваніи естественнаго права, рѣшился, для потемненія и продолженія дѣла, обвинять другихъ: но таковыя бумаги, какую онъ подалъ в. п-ву, государственными законами отвергаются и сочинители оныхъ называются ябедниками».

Другое дѣло—подробное донесеніе директора. Съ нимъ необходимо нѣсколько ознакомиться какъ потому, что оно представляетъ сводъ всего содержанія дѣла съ личной точки зрѣнія начальника заведенія, такъ и потому, что оно, безъ сомнѣнія, имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу обвиняемыхъ; наконецъ это донесеніе важно и потому, что заключаетъ въ себѣ обзоръ тогдашняго состоянія гимназіи и предлагаетъ мѣры къ его улучшенію.

Изложивъ исторію всего дѣла, директоръ приходитъ къ заключенію, что Бѣлоусовъ, кромѣ чистаго естественнаго права, излагалъ понятіе объ ономъ вообще и показывалъ различіе между естественнымъ правомъ и этикой, закономъ положительнымъ и естественнымъ, говорилъ о вспомогательныхъ наукахъ и о разныхъ системахъ права—и эти предварительныя объясненія ученики въ своихъ запискахъ назвали *введеніемъ* къ праву. Между тѣмъ записки, представленныя въ конференцію Бѣлоусовымъ, касались только чистаго естественнаго права, на что не было обращено должнаго вниманія и. д. директора, Шапалинскимъ. Не обращено было послѣднимъ вниманіе и на отобраніе Бѣлоусовымъ тетрадей отъ учениковъ, что было необходимо для удостовѣренія, не уничтожена ли при отборѣ нѣкоторая часть ученическихъ тетрадей. Самое чтеніе естественнаго права, послѣ наложеннаго на него общаго для всѣхъ гимназій запрещенія, директоръ находить противозаконнымъ.

Содержаніе записокъ по естественному праву подвергается весьма строгой критикѣ, доказывающей крайне вредное ихъ направленіе. Для

характеристики взгляда директора на дѣло, приведу два мѣста. «Въ запискахъ утверждается, что Евангеліе заключаетъ въ себѣ справедливыя и высочайшія мысли, ничѣмъ не опровергаемыя истины, и однако эти истины не всегда и не совершенно сходствуютъ съ истинами естественнаго права». Въ доказательство приводится заповѣдь любить враговъ своихъ. «Подъ именемъ естественнаго права, возражаетъ директоръ, разумѣется ученіе, въ коемъ излагаются законы естественные, или постановленія (decreta) ума о томъ, что люди, для достиженія нравственнаго совершенства и постояннаго счастья, должны дѣлать и чего удаляться. Евангеліе представляетъ сіи законы въ яснѣйшемъ свѣтѣ и совершеннѣйшей чистотѣ; слѣдовательно Евангеліе не противно праву естественному, а темныя представленія ума человѣческаго озаряетъ свѣтомъ божественнымъ. Но ежели наставникъ собственныя свои, или отъ другихъ пріобрѣтенныя, мечты и ложныя понятія внушаетъ ученикамъ подъ именемъ естественнаго права, то такое право, какъ произведеніе помраченнаго ума или злаго сердца, или того и другаго, будетъ противно Евангелію. Что же касается заповѣди Спасителя, то надобно совсѣмъ отказаться отъ разума и человѣчества, чтобы *отвращать людей отъ любви ко всемъ* и внушать имъ, что такая любовь можетъ быть вредною для нихъ лично и для общества. Если бы всѣ люди исполняли заповѣдь Христову, то не было бы и враговъ; но какъ они бывають, то законъ Христовъ съ одной стороны вручаетъ мечъ властямъ для наказанія нарушителей общаго и частнаго покоя и для удовлетворенія обидимыхъ, а съ другой велитъ повиноваться безусловно всякой земной власти, какъ отъ Бога происходящей. Вотъ твердое и непреоборимое огражденіе обществъ! Въ сей, противъ вѣры устремленной, статьѣ вѣра смѣшивается съ этикой, дабы на мѣсто первой, подъ именемъ права естественнаго, поставить всякое нечестіе».—Въ запискахъ сказано: «правительства воспитываютъ юношей сообразно своимъ видамъ, и такое воспитаніе, привычка и другія причины измѣнили человѣка, усилили въ немъ чувственность на счетъ ума». Такое ложное и возмутительное мнѣніе, замѣчаетъ директоръ, весьма способно внушить юношеству недовѣрчивость къ правительству и ко всѣмъ мѣрамъ, принимаемымъ для его образованія. И сіе происходитъ въ нѣдрахъ благотѣльнаго заведенія, и тогда, когда не щадятъ никакихъ трудовъ и никакого изживенія для распространенія и приведенія въ цвѣтущее состояніе училищъ и когда уставы Его Величества полагають главнѣйшимъ основаніемъ вѣру, благочестіе и страхъ Божій, а потомъ полезныя науки и искусства» и т. д.

Въ томъ же донесеніи директора находятся интересныя свѣдѣнія о состояніи пансіона при его вступленіи въ должность, объ измѣненіи къ лучшему въ его управленіе и о мѣрахъ къ приведенію пансіона въ нормальное состояніе въ матеріальномъ, учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Извѣстно, что Бѣлоусовъ постоянно изображалъ самыми мрачными красками пансіонъ въ инспекторство Монсева, приписывая себѣ заслугу его исправленія; того же содержанія рапортъ представленъ имъ и Адеркасу. Въ своемъ донесеніи директоръ заявляетъ, что онъ засталъ пансіонъ въ плохомъ состояніи, что его встрѣтили всевозможныя безчинства пансіонеровъ, жалобы отъ учителей и чиновниковъ на ихъ непослушаніе, грубость и наглость. Особенно такое поведение пансіонеровъ обращено было противъ тѣхъ наставниковъ, къ которымъ враждебно относился Бѣлоусовъ: наставники эти жаловались, что для нихъ опасно ходить ночью по корридорамъ, ибо пансіонеры не только не уступаютъ имъ дороги, но и толкаютъ ихъ. Пансіонеры въ свою очередь приходили къ директору съ жалобами на профессоровъ. Между ними даже распространено было мнѣніе, что они подчинены только инспектору и что директоръ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла пансіона. На урокахъ законоучителя производили такой шумъ, что не возможно было оставаться въ классѣ, и когда имъ объявлено было о приказаніи директора записывать шалуновъ, то подняли страшный крикъ и выгнали экзекутора, объявившаго имъ о приказаніи директора; производили безпорядки даже въ храмѣ. «Видя, изъ какого источника истекаютъ всѣ сія неурядица, пишетъ директоръ, и удостовѣрившись, что юноши сами по себѣ не могли дойти до такой крайности, я рѣшился поступать съ ними, какъ съ больными, и хотя употребляемы были пристойныя и соотвѣтствующія обстоятельствамъ и качествамъ лицъ обузданія, но больше дѣйствовалъ я увѣщаніями, которыя, съ Божіею помощію, и не остались тщетными: ибо вскорѣ пансіонеры начали иначе поступать и судить. Дерзость и непослушаніе прекратились.. Во всѣхъ сихъ случаяхъ я желалъ сберечь юношей, въ которыхъ, при сообщенныхъ имъ заблужденіяхъ, видѣя я доброту, раскаяніе и слезы».

Конференція, продолжаетъ директоръ, также привлечена была «къ усмирленію пансіона», причѣмъ обнаружались противоположныя мнѣнія, характеризующія обѣ стороны, на которыя раздѣлились всѣ преподаватели. «При сужденіи о семъ предметѣ, нѣкоторые профессеры упомянули и о тѣлесномъ наказаніи, и когда Билевичъ съ своей стороны отозвался, что такое наказаніе считаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужнымъ, то Шапалинскій, ударивъ сильно рукою по столу, закричалъ: «протестуюсь, проф.

Билевичъ говоритъ противъ узаконеній»; при этомъ Шапалинскій находитъ неумѣстнымъ говорить въ конференціи о тѣлесномъ наказаніи и старался доказать, что «повиженіе шаровъ за нерадѣніе или худое поведеніе есть уже наказаніе, послѣ котораго не должно подвергать другому, директоръ же полагаетъ, что пониженіе шаровъ означаетъ только степень нерадѣнія или неблагопріятія, къ исправленію же заслужившихъ неодобреніе учениковъ нужны: увѣщаніе, истязаніе и наказаніе». Вообще Шапалинскій, Ландражинъ и Зингеръ въ донесеніи директора привлекаются къ отвѣтственности за распущенность пансіона. «Я долженъ связать в. п-ву извѣстную всѣмъ правду: когда Шапалинскій, который излишними послабленіями старается угождать юношеству и всегда сообразно съ сими правилами поступаетъ и говоритъ, приблизился къ директору Орлаю, то пансіонеры начали пользоваться неумѣренною свободою, такъ что воспитанники того времени, оставшіеся еще при мнѣ въ гимназіи, называли оное золотымъ вѣкомъ. Тогда же профессора, Ландражинъ и Зингеръ, поступающіе слишкомъ дружественно съ учениками и напоенные правилами, вовсе съ общепользными постановленіями несходными, получили свободный доступъ къ пансіонерамъ». Вообще заключеніе директора въ высшей степени неблагопріятно для Бѣлоусова и его сторонниковъ: «поступки и дѣйствія перваго противны законамъ и его должности, а Шапалинскій во всемъ ономъ дѣлѣ отступалъ отъ законнаго порядка и не исполнялъ своей обязанности; Ландражинъ и Зингеръ дѣйствовали съ ними въ полномъ согласіи».

Въ частности о Бѣлоусовѣ директоръ доносилъ, что, по должности инспектора, онъ «всячески старался не допускать до меня свѣдѣній о безпорядкахъ въ пансіонѣ, а если доходили оныя ко мнѣ черезъ другихъ, то послѣдніе испытывали его негодованіе, а ученики—и самыя преслѣдованія, и не только отъ него, но и отъ Ландражина и Зингера». Приказавій директора не исполнялъ, или исполнялъ худо, а донесенія его, устныя и письменныя, бывали такъ не ясны, что по нимъ нельзя было знать настоящаго положенія обстоятельствъ; старался возбудить враждебныя отношенія пансіонеровъ къ начальству: такъ порицалъ столъ, хотя онъ состоялъ въ обыкновенные дни изъ четырехъ блюдъ и былъ не хуже, а иногда и лучше, теперешнихъ; покушался завести невозможную роскошь (такъ однажды заказалъ къ обѣду пуддингъ на всѣхъ, стоившій $\frac{2}{3}$ суточнаго содержанія пансіона) и запрещеніе ея ставилъ въ вину директору; «безпрерывно отрекался отъ моихъ и своихъ словъ, или приписывалъ себѣ и мнѣ такія слова, которыхъ ни я, ни онъ, не говорили; нѣсколько разъ даже говорилъ, что подавалъ мнѣ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ письменные рапорты, которыхъ я никогда не имѣлъ». При всей рѣзкости

обвиненія Бѣлоусова во всѣхъ отношеніяхъ, директоръ однако отзывается одобрительно о его преподаваніи: «учительскую должность исполняетъ при мнѣ съ замѣтнымъ успѣхомъ; ибо хотя первый годъ моего здѣсь пребыванія и поздно ходилъ въ классы, но ученики его всегда на испытаніяхъ оказывали отличныя познанія».

На запросъ Адеркаса о направленіи преподаванія, а равно и о нравственномъ состояніи учениковъ въ послѣднее время, директоръ далъ такой отвѣтъ: «немедленно по вступленіи въ должность, по поводу возникшаго дѣла о вредномъ преподаваніи естественнаго права и разныхъ слуховъ о неблагомыслии Шапалинскаго, Бѣлоусова, Ландражина и Зингера, я не скрылъ отъ всѣхъ наставниковъ сего тяжкаго, падающаго на гимназію, порицанія и увѣщевалъ всѣхъ и каждого, дабы они, помня святость присяги, не только остерегались говорить что-либо ученикамъ противное нравственности, но при всякомъ случаѣ внушали бы имъ все доброе, а паче благоговѣніе къ религіи и вѣрность и преданность къ Государю Императору. Для предупрежденія же всякаго произвола въ ученіи, по предложенію моему, въ конференціи опредѣлено: кромѣ изложенія предметовъ и порядка преподаванія въ конспектахъ, вносить предварительно въ конференцію на разсмотрѣніе книги, изъ которыхъ берутся статьи для переводовъ по словесности, объяснительныя записки, составляемыя наставниками, и предложенія, задаваемыя ученикамъ для упражненія по словесности. Сверхъ того я разсматривалъ классныя записки учениковъ и разговаривалъ съ ними, подъ видомъ испытанія ихъ успѣховъ, о томъ, что и какимъ образомъ въ классахъ преподается. За принятіемъ таковыхъ мѣръ, я ничего не находилъ въ ученіи Бѣлоусова и другихъ наставниковъ предосудительнаго и никакихъ свѣдѣній ко мнѣ о томъ не доходило. Также не обнаруживали они въ моемъ присутствіи и вольнодумства, кромѣ проф. Андрущенъа, говорившаго при мнѣ и другихъ профессорахъ непристойно о религіи, отъ каковой дерзости онъ мною удержанъ».

Объ успѣхахъ и поведеніи вольноприходящихъ учениковъ, какъ и объ успѣхахъ пансіонеровъ, директоръ отзывался вообще одобрительно. «Между учениками непримѣтно духа вольнодумства. Они большею частію добры и легко исправляются. Что ученики вообще теперь гораздо тише и нравственнѣе прежняго, въ томъ я ссылаюсь на г. Нѣжинъ и всю малороссію. Къ усовершенствованію надзора, я намѣренъ прибавить еще одного нравонаблюдателя, а родителей уговариваю, и не безъ успѣха, чтобы они брали къ дѣтямъ въ надзиратели изъ старшихъ учениковъ за весьма умѣренную плату... Наказанія тѣлесныя

употребляются рѣдко: для малолѣтнихъ за крайнюю лѣность и опасныя шалости; для взрослыхъ за бродяжество по ночамъ, буянство, карточную игру и питье; для всѣхъ же возрастовъ за непослушаніе и грубость. Никто при мнѣ изъ учениковъ не былъ выключенъ изъ училища формально; но въ два года съ половиною отосланы шесть учениковъ къ родителямъ, какъ не подавшіе никакой надежды къ исправленію въ важнѣйшихъ поступкахъ, за всѣми кроткими мѣрами и истязаніями. Успѣхи пансіонеровъ, при моемъ вступленіи въ должность, были въ среднемъ, а особливо въ меньшемъ возрастѣ, очень посредственны: по-елику инспекторъ Бѣлоусовъ за подаваемые отъ учителей записки о незнаніи пансіонерами уроковъ всегда негодовалъ на учителей и меня хотѣлъ увѣрить, что они несправедливо показываютъ, отъ того произошло, что нѣкоторые наставники рѣдко подавали, другіе же и не подавали таковыхъ записокъ; обстоятельство сіе весьма препятствовало успѣхамъ».

Наконецъ, по предложенію Адеркаса, директоръ представилъ обзорніе необходимыхъ мѣръ для приведенія гимназіи и особенно пансіона въ лучшее состояніе.

Такъ, по его мнѣнію, необходимо запретить наставникамъ, живущимъ въ зданіи гимназіи, держать въ своихъ квартирахъ учениковъ, на что указывалъ давно уже и почетный попечитель. «Отъ множества этихъ постояльцевъ, пишетъ директоръ, которыхъ теперь находится 50 и надъ которыми въ самыхъ комнатахъ, при отсутствіи наставниковъ, прекращается надзоръ, а на дворѣ никогда не бываетъ, происходитъ тѣснота, нечистота, шумъ, крикъ, непристойныя поступки по корридорамъ и на дворѣ, порча въ саду не только дико растущихъ, но и плодовыхъ деревьевъ, истребленіе огородины и крайняя опасность отъ пожара. Принимаемая мною противъ всего того мѣры весьма мало имѣли успѣха. Кромѣ того, множество служителей, находящихся при ученикахъ, наносятъ часто своимъ поведеніемъ и неповиновеніемъ гимназической полиціи безпокойство. Особенно же не малое число нанятыхъ для мытья бѣлья молодыхъ женщинъ и дѣвокъ бываетъ причиною весьма соблазнительныхъ происшествій, которыхъ и предупредить невозможно. Наконецъ, при множествѣ постояльцевъ у наставниковъ, гимназія терпитъ большіе убытки, такъ какъ, по предписанію начальства, наставники получаютъ для своего стола огородину и квась.—Но этимъ, по мнѣнію директора, далеко не исчерпывается вредъ отъ постояльцевъ у наставниковъ. Главный вредъ—въ потворствѣ и послабленіи послѣднихъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ. «Родители, вмѣстѣ съ дѣтьми, прельщаются щедростью наставниковъ въ

шарахъ, по коимъ дѣти и безъ успѣховъ переходятъ въ высшіе классы и получаютъ награды. Наставники въ семъ случаѣ, не смотря даже на несогласіе во всемъ прочемъ, помогаютъ другъ другу. Напротивъ того, пансіонеры часто не получаютъ и заслуженныхъ ими шаровъ. Въ прошлогоднемъ курсѣ случился разительный тому примѣръ: по выведеніи результатовъ изъ годовыхъ шаровъ, для назначенія наградъ, не удостоился ни одинъ изъ пансіонеровъ никакого отличія, хотя многіе изъ нихъ превосходно учатся и наилучшимъ образомъ себя ведутъ, что свидѣтельствуеетъ о необыкновенной холодности наставниковъ къ пансіонерамъ. Надобно къ сему присовокупить, что дѣти плѣняются большею свободою, какою они у наставниковъ пользуются, и защитою отъ заслуженныхъ наказаній. Все сіе огорчаетъ пансіонеровъ и заставляетъ просить родителей о помѣщеніи ихъ у наставниковъ. Полученіе одобрительныхъ шаровъ не по заслугамъ не только вредно для пансіона, но и пагубно для гимназіи: дѣти съ малолѣтства заражаются мнѣніемъ, что можно достигать наградъ и безъ заслугъ». Въ этомъ мѣстѣ донесенія Ясновскій указываетъ на зло, господствовавшее прежде и въ провинціальныхъ университетахъ въ видѣ пансіонерства у профессоровъ.

Директоръ находитъ также неудобнымъ соединеніе обязанностей инспектора и преподавателя въ одномъ лицѣ и предлагаетъ назначать на должность инспектора «изъ военныхъ штабъ-офицеровъ, среднихъ лѣтъ, имѣющихъ нѣкоторое просвѣщеніе, каковыя бывають изъ воспитанниковъ корпусныхъ». Содержаніе инспектору предлагаетъ назначить 1500 р. съ квартирою и столомъ (вмѣстѣ съ воспитанниками).

По мнѣнію директора, для гимназіи весьма полезно и выгодно было бы обязывать пансіонеровъ, какъ то принято во всѣхъ училищахъ съ казенными пансіонерами, по окончаніи курса, прослужить шесть лѣтъ по учебной части и преимущественно въ Нѣжинской гимназіи: тогда послѣдняя могла бы имѣть въ собственныхъ лучшихъ воспитанникахъ учителей и надзирателей пансіона; остальныхъ же представлять въ распоряженіе главнаго учебнаго начальства.

Обращается вниманіе въ донесеніи директора и на недостатокъ надзирателей, которые могли бы говорить съ дѣтьми по французски, недостатокъ, препятствующій, какъ полагаетъ директоръ, увеличенію числа пансіонеровъ, такъ какъ «большая часть родителей предпочитаетъ французскій языкъ всѣмъ другимъ познаніямъ».

Въ заключеніе, директоръ указываетъ на недостатокъ матеріальнаго обезпеченія заведенія. «Нынѣшніе постоянные доходы гимназіи едва достаточны на содержаніе оной, а особливо потому, что цѣны разныхъ

припасовъ ежегодно увеличиваются. Между тѣмъ предстоятъ весьма важныя передѣлки и починки гимназін, для чего имѣется въ виду одинъ запасной капиталъ въ государственномъ заемномъ банкѣ въ 34,534 р., который капиталъ, съ накопившимися на оный процентами, можетъ простираться теперь до 36000 р. Сею суммою можно сдѣлать значительныя поправки, но нельзя привести всѣ зданія въ надлежащее состояніе. Умножившееся теперь число вольноплатящихъ пансіонеровъ, послѣ уменьшенія платы за ихъ содержаніе, и взиманіе съ вольноприходящихъ учениковъ по 50 р. могутъ принести въ настоящемъ (1830) году дохода около 8000 р.; но когда недостающее число профессоровъ и учителей пополнено будетъ, то отъ всѣхъ доходовъ гимназін не можетъ быть значительнаго остатка. Самое вѣрнѣйшее и единственное средство къ приобрѣтенію новыхъ доходовъ для гимназін состоитъ въ большомъ числѣ вольноплатящихъ пансіонеровъ, по сему и слѣдуетъ обратить на сей важный предметъ крайнее вниманіе».

Вообще матеріальное положеніе гимназін въ это время (1830 г.), по официальнымъ отчетамъ, представляется въ слѣд. видѣ:

Основной капиталъ вн. А. А. Безбородко, хранившійся съ 4 августа 1820 г. въ комиссіи погашенія долговъ и приносившій 6⁰/₀. . . . 210.000.

Накопившіеся проценты съ этого капитала въ государственномъ заемномъ банкѣ по 5⁰/₀:

160.108 р. 57 коп.

Капиталъ, накопившійся изъ остатковъ по гимназін и находившійся въ государственномъ заемномъ банкѣ въ двухъ билетахъ (100 т. и 30 т.): . 130.000.

Кромѣ того, въ самой гимназін хранились два билета, одинъ въ 18.976 р. 98 коп. и другой въ 3.159 р. 33 коп., назначенные для приращенія процентами. . . . . 22.136 р. 31 коп.

Капиталъ, внесенный почетнымъ попечителемъ въ комитетъ, Высочайше учрежденный 18 августа 1814 года, 50.000 р. Билета на этотъ капиталъ гимназін не имѣла, но получала ежегодно, по назначенію комитета, на содержаніе двухъ пансіонеровъ 2000 р. . . . . 50.000 р.

Итого постояннаго капитала 572.244 р. 88 коп. ¹⁾

¹⁾ По запросу Арсеньева, для составленія статистики Россіи, въ 1829 г., представлены были слѣд. свидѣнія о постоянныхъ капиталахъ;

Въ 1830 году поступило доходовъ:

- 1) процентовъ изъ комиссіи погашенія долговъ: 12.600 р.
  - 2) Ежегоднаго взноса изъ экономіи почетнаго попечителя, установленнаго на вѣчныя времена графомъ И. А. Безбородко и обезпеченныя 3000 душъ въ малороссіи . . . . . 15.000 р.
  - 3) Изъ кабинета Его Императорскаго Величества на содержаніе двухъ пансіонеровъ . . . 2000 р.
  - 4) Изъ инвалиднаго капитала на содержаніе двухъ пансіонеровъ . . . . . 2000 р.
  - 5) Отъ почетнаго попечителя на содержаніе пансіонеровъ его имени. . . . . 5125 р.
  - 6) Отъ вольно-платящихъ пансіонеровъ 7.527 р. 78 коп.
-
- Всего . . . . . 44.252 р. 78 коп.

Кромѣ того, мелочныхъ поступленій—отъ продажи церковныхъ свѣчь, учебныхъ пособій, ветоши и пр. . . . . 217 р. 61 коп.

Въ недоимкѣ за пансіонерами 2860 р. 79 коп.

Всего, съ остаткомъ отъ прошлаго 1829 года (1534 р. 29¹/₄ коп.), ... 621.110 р. 35³/₄ коп.

Расхода въ 1830 году показано 54.681 р. 67³/₄ коп.

А именно: 1) за страхованіе 1200 р.; 2) въ пользу почтъ 15 р. 60 коп.; 3) на бібліотеку 202 р. 93³/₄ к.; 4) на періодическія изданія 207 р. 29¹/₂ к.; 5) на аптеку 186 р. 77 к.; 6) жалованье чиновникамъ 25.861 р. 55 к.; 7) прислугѣ 2736 р. 84¹/₂ к.; 8) на обувь 1034 р. 23³/₄ к.; 9) портному 155 р. 83 к.; 10) на хозяйственныя расходы 23.080 р. 61¹/₂ к.

Остатка къ 1 янв. 1831 г. . . . 1328 р. 43¹/₄ к.

Капиталь основної кн. А. А. Безбородко, а также пожертвованный наследниками его, гр. И. А. Безбородко и почетнымъ попечителемъ гр. А. Г. Кухелевымъ-Безбородко, съ процентами: . . . . . 445.000.
 Ежегоднаго взноса гр. И. А. Безбородко: . . . . . 15.000.
 Процентомъ съ основнаго капитала съ 1820 года 100.000.
 Изъ сихъ трехъ источниковъ гимназія ежегодно на свое содержаніе имѣетъ . . . . . 40.605 р. 42¹/₂ коп.

Окончивши слѣдствіе и ревизію гимназій, передъ отъѣздомъ, 17 мая, Адеркасъ собралъ всѣхъ преподавателей въ конференцію и указалъ имъ на ихъ обязанности, подлежащія точному и непремѣнному исполненію, а именно: посѣщать засѣданія конференціи, имѣющія цѣлію благо заведенія, «которое, происходя отъ частной щедрости и будучи облагодѣтельствовано монархомъ преимуществами, представляетъ рѣдкій примѣръ», при чемъ обратилъ вниманіе на существовавшій прежде въ этомъ отношеніи безпорядокъ; не только преподавать ученіе, но и внимательно слѣдить за его усвоеніемъ учениками, для чего предлагать послѣднимъ вопросы и испытанія «не по извѣстному порядку, дабы ученики были всегда въ осторожности»; исправлять ихъ упражненія, чего прежде наставники не дѣлали; не употреблять въ преподаваніи старыхъ тетрадей и конспектовъ, но исправлять ихъ и улучшать ежегодно по сдѣланнымъ опытамъ во время годичнаго ученія; способствовать директору въ надзорѣ за вольноприходящими учениками; обращать особенное вниманіе на ежемѣсячныя вѣдомости о поведеніи и успѣхахъ учениковъ; озаботиться устройствомъ бібліотеки и кабинетовъ и вообще учебными пособіями; наконецъ, имѣть всегда въ памяти священное правило, изображенное въ уставѣ гимназій, что «самое вѣрное средство къ внушенію юношеству любви ко всему истинному и доброму есть страхъ Божій, добрые примѣры и христіанскій образъ жизни наставниковъ. Исполняя въ точности сіе послѣднее правило, наставники будутъ единоклупны въ ихъ священномъ званіи, съ пожертвованіемъ всѣхъ личностей, и такимъ образомъ оправдаютъ благія намѣренія знаменитыхъ основателей сего общепользнаго заведенія, труды ихъ обратятся къ славѣ Божіей, къ удовольствію Государя, къ пользѣ отечества и къ собственному ихъ утѣшенію и счастью, равномѣрно и ученики ихъ исполнятъ ожиданія правительства и родителей».

Въ то же время Адеркасъ вообще съ одобреніемъ отозвался о познаніяхъ воспитанниковъ. «При многократномъ посѣщеніи классовъ, записано въ томъ же журналѣ конференціи, нашель я въ ученикахъ достаточные успѣхи, особливо при испытаніи девятиклассныхъ учениковъ въ 12—16 числа текущаго мая, съ удовольствіемъ видѣлъ, что готовящіеся вступить въ государственную службу юноши съ пользою провели время въ училищѣ, за что изъявляю директору и наставникамъ свою признательность. Желательно однакожь, чтобы обученіе языковъ, а особливо французскаго, болѣе усовершенствовано было, при самомъ ревностномъ стараніи наставниковъ и употребленіи для переводовъ въ классахъ книгъ, которыя, по своему содержанію, не только служатъ къ изученію языка, но и просвѣщаютъ разумъ».

Въ день отъѣзда, 21 мая, Адеркасъ обратился къ директору съ слѣдующимъ письмомъ. «Отъѣзжая нынѣ обратно въ С.-Петербургъ, считаю пріятнѣйшимъ долгомъ засвидѣтельствовать вамъ мою искреннюю признательность за содѣйствіе при исполненіи возложеннаго на меня г. министромъ порученія ¹⁾. Я не премину увѣдомить его свѣтлость (кн. Ливена) какъ о семъ, такъ и вообще о замѣченномъ мною, при точнѣйшемъ осмотрѣ всѣхъ частей гимназія, усердіи, съ которымъ вы, съ самаго вступленія въ настоящую должность директора, постоянно старались ввести хорошій порядокъ и усовершенствовать образованіе юношества какъ въ нравственности, такъ и въ наукахъ. Будучи совершенно убѣжденъ, что уже видимые плоды благословенія, ниспосланныя Всевышнимъ на ваши попеченія, послужатъ для васъ усладительнымъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ неослабнымъ трудамъ, я смѣло питаю себя надеждою, что гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко будетъ все болѣе соотвѣтствовать прекраснымъ цѣлямъ ея основанія, болѣе достигать своего совершенства и пріобрѣтаетъ достойную ея благосклонность правительства и всѣхъ начальниковъ». Предусматривая суровыя послѣдствія для всѣхъ преподавателей, наиболѣе привлеченныхъ къ дѣлу, Адеркасъ, передъ отъѣздомъ изъ Нѣжина, запросилъ директора «о состояніи имущества и семейственныхъ обстоятельствахъ» Шапалинскаго, Бѣлоусова, Ландражина и Зингера. Директоръ донесъ, что Шапалинскій былъ женатъ, дѣтей не имѣетъ, при немъ живетъ мать его жены, капиталъ его простирается до 15 тысячъ рублей; «ибо онъ самъ мнѣ говорилъ, замѣчаетъ директоръ, что помѣщикъ Самойловичъ такое количество ему долженъ; говорятъ, что и въ Нѣжинѣ нѣкоторые люди должны ему около 10 тысячъ»; Бѣлоусовъ холостъ, мать его, Кіевская гражданка, достаточная, занимается разными промыслами, а также винными откупамъ и содержаніемъ почтъ; Ландражинъ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей и домъ въ Нѣжинѣ, стоющій 12 тысячъ рублей; Зингеръ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей и при немъ живетъ мать жены; отецъ его достаточный купецъ въ заграничномъ городѣ Львовѣ; Зингеръ мнѣ

---

¹⁾ Должно однако замѣтить, что предписанія Адеркаса исполнялись директоромъ довольно медленно, такъ что приходилось неоднократно повторять ихъ. Въ одномъ изъ такихъ повторительныхъ предписаній (22 апрѣля), назначая срокъ для исполненія (первое предписаніе было 5 марта), Адеркасъ счелъ долгомъ замѣтить: „въ противномъ случаѣ (въ случаѣ недоставленія требуемыхъ свѣдѣній къ назначенному сроку) я не предвижу возможности извинить предъ высшимъ начальствомъ такую медленность“.

говорилъ, прибавляетъ директоръ, что отецъ его нѣсколько помогаетъ ему въ содержаніи».

Слѣдствіе, произведенное Адеркасомъ, какъ и должно было ожидать по соображенію злокачественнаго оборота дѣла особенно въ послѣднее время, привело всю исторію о вольнодумствѣ къ весьма печальному концу. Министръ отъ 27 октября 1830 года, № 8036, сообщилъ на имя директора слѣдующее окончательное рѣшеніе дѣла: «Росударь Императоръ, въ 26 день сего октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: профессоровъ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, Шапалинскаго и Бѣлоусова, за вредное на юношество вліяніе, а Ландражина и Зингера, сверхъ того, и за дурное поведеніе, отрѣшить отъ должности, со внесеніемъ сихъ обстоятельствъ въ ихъ паспорта, дабы таковымъ образомъ они и впредь не могли быть нигдѣ терпимы въ службѣ по учебному вѣдомству, и тѣхъ изъ нихъ, кои не русскіе, выслать за границу, а русскихъ—на мѣста ихъ родины, отдавъ подъ присмотръ полиціи». Предписывается вышеизложенное Высочайшее повелѣніе немедленно привести въ исполненіе и донести о томъ высшему начальству. «При семъ даю знать, продолжаетъ министръ, что вмѣстѣ съ симъ отнесся я къ г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объ учивеніи отъ него зависящаго распоряженія касательно высылки за границу и на мѣста родины сказанныхъ четырехъ профессоровъ». Немедленно по полученіи предписанія, директоръ внесъ въ конференцію 13 ноября слѣд. предложенія: 1) «объявить въ конференціи о семъ Высочайшемъ повелѣніи помянутымъ профессорамъ, со взятіемъ отъ нихъ въ выслушаніи того повелѣнія росписокъ; 2) назначить къ замѣщенію классовъ способныхъ чиновниковъ впредь до опредѣленія настоящихъ профессоровъ; 3) всѣмъ должностнымъ чиновникамъ, какъ то: и. д. инспектора, бібліотекаря, секретарямъ, эконому и кассиру объявить, дабы они, если что поручали упомянутымъ профессорамъ изъ принадлежащаго гимназіи имущества, отобрали отъ нихъ и объ исполненіи сего меня тотчасъ письменно увѣдомили; 4) о кабинетахъ физическомъ и минералогическомъ, находящихся въ общемъ завѣдываніи у гг. Шапалинскаго и Соловьева, сдѣлать надлежащее распоряженіе». Въ томъ же засѣданіи конференціи всѣ предметы преподаванія отрѣшенныхъ отъ должностей профессоровъ распредѣлены были временно между наличными преподавателями слѣд. образомъ: римское право и нѣмецкая словесность поручены были Билевичу, математика—Самойленко, физика—Соловьеву, французская словесность—Нивольскому и Моисееву, нѣмецкая грамматика—надзирателю при пансіонѣ Бестерскому, славянская грамматика—учителю Хандожинскому. Членомъ правленія на мѣсто Шапалинскаго

большинствомъ голосовъ избранъ Билевичъ. Отрѣшенныхъ отъ должностей профессоровъ опредѣлено удовлетворить жалованьемъ по день объявленія имъ Высочайшаго повелѣнія, т. е. по 13 ноября, за 12 дней ¹⁾).

Андрущенко и Соловьевъ, принадлежавшіе къ той же группѣ «достойныхъ», по замѣчанію П. Г. Рѣдкина, профессоровъ, пережили катастрофу 1830 года и оставались на службѣ въ Нѣжинской гимназій— первый до 1832 года, а второй до смерти въ 1837 году. Въ 1832 году попечитель отъ 3 декабря сообщилъ конференціи слѣдующее рѣшеніе министра: «профессора латинской словесности, Андрущенко, за предосудительные его поступки удалить немедленно отъ службы, выдавъ ему законное свидѣтельство, съ означеніемъ причинъ удаленія отъ должности, что онъ удаленъ по причинѣ неспокойнаго характера и дурнаго образа мыслей». Въ дѣлахъ архива не сохранилось указаній, въ чемъ именно въ послѣдніе два года выразились неспокойный характеръ и дурной образъ мыслей Андрущенко. Должно полагать, что отношенія къ нему директора не были благоприятны, такъ какъ еще во время слѣдствія директоръ счелъ нужнымъ заявить Адеркасу въ одномъ изъ своихъ рапортовъ о его вольномысліи въ религіозномъ отношеніи.

Отъ того же 1832 года сохранилось интересное прошеніе Ландражина, проживавшаго въ Тотмѣ подъ надзоромъ полиціи, поданное имъ Вологодскому губернатору и чрезъ Бенкендорфа, министра и Харьковскаго попечителя дошедшее до конференціи Нѣжинской гимназій. Въ этомъ прошеніи Ландражинъ проситъ объ исходатайствованіи слѣдующихъ ему квартирныхъ денегъ съ февраля 1824 года по день отрѣшенія отъ должности, по 500 р. въ годъ, согласно состоявшемуся тогда разрѣшенію почетнаго попечителя, такъ какъ онъ «нынѣ лишенъ всѣхъ средствъ къ пропитанію себя и осиротѣвшаго семейства своего»; проситъ выдать деньги или лично ему, или «бѣдной женѣ его, оставшейся съ дѣтьми въ Нѣжинѣ». По наведеніи всѣхъ справокъ, конференція 29 апрѣля опредѣлила донести, что можно удовлетворить Ландражина квартирными деньгами за время съ 3 февраля 1824 года только по 4

---

¹⁾ Зингеръ, предвидя плохой конецъ дѣла, въ апрѣлѣ 1830 года подавъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности. Директоръ, препровождая прошеніе къ министру, замѣтилъ, что „до проф. Зингера касается нѣкоторое дѣло, о которомъ бумаги поданы мною г. члену Главнаго правленія училищъ, Е. Б. Адеркасу, для поднесенія вашей свѣтлости“. Увольненіе отъ должности не послѣдовало.

декабря 1826 года, когда онъ перешелъ въ собственный домъ и отказался отъ предложенной ему квартиры, т. е. за два года и десять мѣсяцевъ, въ количествѣ 1416 р. 66²/₃ коп. Но и это опредѣленіе конференціи не обошлось безъ противорѣчій. Замѣчательно, что починъ въ противорѣчіяхъ принадлежитъ законоучителю Мерцалову, не задолго передъ тѣмъ опредѣленному въ гимназію. Законоучитель рѣшительно возсталъ противъ удовлетворенія Ландражина квартирными деньгами, такъ какъ онъ вполнѣ заслуженно отрѣшенъ отъ должности, какъ имѣвшій вредное вліяніе на юношество. «Совсѣмъ неестественно давать плату такому дѣлателю, пишетъ Мерцаловъ, который, бывъ принятъ на извѣстныхъ, выгодныхъ для него, условіяхъ (здѣсь разумѣются права и преимущества профессоровъ гимназіи, дарованныя уставомъ) починить домъ, совершенно бы оный разрушилъ, или построить новый, вмѣсто сего понортилъ бы матеріалы, къ построенію приготовленные. При томъ же онъ оставилъ казенную квартиру, купивъ собственный домъ, въ надеждѣ на большія выгоды отъ пансіона для дѣвицъ, который онъ сначала содержалъ, а потомъ отъ множества учениковъ гимназіи, которыхъ онъ привлекалъ къ себѣ предоставляемою имъ свободою, въ явный подрывъ доходамъ пансіона. Наконецъ, по существующимъ узаконеніямъ, чиновники, получающіе половинное жалованье во время производства надъ ними слѣдствія, лишаются недополученнаго въ случаѣ ихъ осужденія, и Ландражинъ долженъ благодарить милостивое начальство, удовлетворившее его полнымъ жалованьемъ»¹⁾. Къ этому мнѣнію присоединилъ свое Никольскій, доказывая, что средства пансіона разстроились именно отъ перехода учениковъ къ Ландражину. Соловьевъ въ своемъ мнѣніи утверждалъ, что необходимо удовлетворить квартирными деньгами не только Ландражина, но и другихъ чиновниковъ, не пользующихся квартирными деньгами.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что исторія о вольнодумствѣ, поглотившая совершенно непроизводительно столько труда и времени, принесшая столько вреда существу дѣла, надѣлавшая столько шума, тревогъ и волненій, въ дѣйствительности вовсе не имѣла тѣхъ размѣровъ и того вида, какіе она получила въ послѣдствіи въ процессѣ постепеннаго своего развитія. Возникши первоначально изъ личныхъ и мелкихъ неудовольствій, она поддерживалась, возбуждалась и возрастала подъ вліяніемъ съ одной стороны все болѣе и болѣе оскорбляемаго

---

¹⁾ Трудно воздержаться отъ предположенія, что законоучитель въ этомъ дѣлѣ игралъ роль своего предшественника.

самолюбія, искавшаго себѣ во что бы то ни стало удовлетворенія, и все болѣе и болѣе усиливавшихся самонадѣянности и заносчивости съ другой. Извѣстно, что первый рапортъ Билевича, направленный главнымъ образомъ противъ театральныхъ представленій и безпорядковъ пансіона, слегка и мимоходомъ касается преподаванія естественнаго права, указывая только на то, что преподаватель не руководствуется предписаннымъ сочиненіемъ де-Мартини. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что отобранныя отъ учениковъ записки потерпѣли сильныя искаженія отъ учениковъ, особенно при участіи Кукольника, и, по всей вѣроятности, нѣкоторыя измѣненія въ интересахъ обвинявшей стороны; что и устныя показанія учениковъ также не были свободны отъ вліяній и внушеній съ той и другой стороны, какъ то и обнаружилось въ послѣдствіи. Страсти, при продолжительномъ и не прерывномъ возбужденіи, воспламенились наконецъ до той степени, на которой теряется равновѣсіе, исчезаетъ чувство мѣры и правды и не разбираются средство для достиженія цѣли. Нельзя не пожалѣть, что Шапалинскій, во время исправленія должности директора, излишнею снисходительностію къ одной сторонѣ, соединенною съ невниманіемъ къ установленнымъ законамъ порядкамъ и формамъ, и небрежнымъ отношеніемъ къ другой усиливалъ вражду и тѣмъ осложнялъ исторію. Болѣе всего пострадало заведеніе. Три года было парализовано обученіе: и учившіе, и учившіеся, находясь въ ненормальномъ состояніи, конечно, относились и къ обученію ненормально. Самое преобразование гимназій, послѣдовавшее спустя два года послѣ слѣдствія, совершилось, должно полагать, подъ вліяніемъ той же исторіи.

Само собою разумѣется, что исторія должна была произвести крайне непріятное впечатлѣніе на почетнаго попечителя. 1-го Августа 1830 года онъ обратился къ директору и всѣмъ служившимъ въ гимназій съ слѣдующимъ строгимъ внушеніемъ: «проѣзжая чрезъ Нѣжинъ, я не могу не изъяснить, сколько я соболѣзную о безпорядкахъ, вкравшихся въ сіе учебное заведеніе, и не въ качествѣ начальника, но какъ основатель, должнымъ почитаю объявить всѣмъ господамъ профессорамъ и чиновникамъ, участвовавшимъ въ оныхъ, крайнее мое неудовольствіе. Всякій паставникъ долженъ всегда имѣть въ виду важность своей должности и принятую имъ отвѣтственность предъ правительствомъ, родителями и совѣстію своею, не токмо наставленіями, но еще болѣе примѣромъ научать учениковъ своихъ всѣмъ христіанскимъ и гражданскимъ добродѣтелямъ. Посему ссоры, личности, ученія ложнымъ началамъ, худое поведеніе, неисполненіе своей должности со стороны наставниковъ, не могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ учебномъ заведе-

ніи. Я не вхожу въ подробное разсмотрѣніе вины или невинности каждаго, пока не получу заключенія высшаго училищнаго начальства, по повелѣнію коего уже произведено слѣдствіе и отъ котораго сужденіе по сему дѣлу по Высочайше утвержденному уставу зависить; но единственно присовокупляю къ сему, что послѣ онаго я съ удовольствіемъ готовъ буду возвратить прежнее мое благорасположеніе тѣмъ, которые окажутся совершенно невинными. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не замѣтить, что г. директоръ долженъ бы съ большею твердостью прекращать всякое неустройство, ибо Высочайше утвержденный уставъ предоставляетъ ему власть и возлагаетъ на него сію обязанность».

Послѣ исторіи о вольнодумствѣ гимназія, обезсиленная въ своемъ учебномъ составѣ, просуществовала съ прежнимъ энциклопедическимъ направленіемъ еще два года безъ особыхъ приключеній и въ 1832 году была преобразована въ гимназію съ спеціальнымъ физико-математическимъ направленіемъ. Вскорѣ по окончаніи слѣдствія, 17 августа 1830 года, министръ «нашелъ удобнѣйшимъ, чтобы въ этомъ году не принимать воспитанниковъ въ нижній классъ сей гимназіи», а почетный попечитель отъ 27 декабря тогоже года сообщилъ конференціи распоряженіе «воздержаться отъ опредѣленія вновь чиновниковъ и даже отъ положительнаго утвержденія въ высшихъ должностяхъ чиновниковъ, уже служащихъ нынѣ, до утвержденія новаго устава; а дабы не было остановки въ преподаваніи, до того времени поручить должности способнѣйшимъ».

За эти послѣдніе два года можно указать только на два обстоятельства, обращающія на себя вниманіе, хотя и не имѣвшія послѣдствій для гимназіи—на появленіе холеры въ Нѣжинѣ и на внезапную ревизію гимназическихъ суммъ.

Холера появилась въ Нѣжинѣ въ апрѣлѣ 1831 года. Получивъ о томъ донесеніе отъ гимназическаго врача Фибинга, директоръ немедленно принялъ слѣд. мѣры относительно вольноприходящихъ учениковъ: отпускать ихъ на праздники и вакаціонное время къ родителямъ и родственникамъ только по письменнымъ къ нему отзывамъ послѣднихъ; воспретить посѣщеніе баловъ, редутовъ и вообще собраній безъ особаго на то его разрѣшенія; обязать немедленнымъ увѣдомленіемъ о своей болѣзни; предписать, чтобы въ воскресные и праздничные дни, а также во время говѣнья, посѣщали только гимназическую церковь; запретить прогулки по городу послѣ 8 часовъ по полудни лѣтомъ и послѣ 5 ча-

совъ зимой. Окружной попечитель, одобревъ эти мѣры, выразилъ увѣренность, что директоръ «не упуститъ ничего для охраненія ввѣренныхъ ему дѣтей и молодыхъ людей», и съ своей стороны совѣтовалъ, чтобы ученики, «по возможности, были занимаемы сообразными ихъ возрасту увеселеніями, дабы не унывали и не теряли присутствія духа», совѣтовалъ избѣгать сообщенія съ посторонними и предписалъ съ каждою почтою доносить о ходѣ болѣзни. 2 мая Фибингъ объявилъ въ конференціи, что «холера со смертною появляется въ разныхъ частяхъ города и что время уже приступить къ рѣшительнѣйшимъ распоряженіямъ». Конференція опредѣлила: «закрыть гимназію, ученіе прекратить до благопріятнѣйшаго времени; вольноприходящихъ учениковъ, кои, живя по всему городу, не могутъ быть призрѣны со стороны гимназическаго начальства, надлежащимъ образомъ распустить съ тѣмъ, чтобы они выѣзжали изъ города съ позволенія полицеймейстера для надлежащаго съ его стороны распоряженія; пансіонеровъ же отпускать только по просьбѣ родителей, близкихъ родственниковъ и опекуновъ, а остающихся занимать повтореніемъ наукъ. Если бы кто изъ могущихъ остаться въ городѣ вольноприходящихъ или изъ служителей гимназіи занемогъ холерою, отъ чего Боже сохрани, таковыхъ для врачеванія, подъ надзоромъ доктора, отправлять въ домъ богоугоднаго заведенія». Попечитель утвердилъ это распоряженіе конференціи. Въ концѣ іюля, на запросъ директора, полиція увѣдомила, что, «болѣзнь холера въ Нѣжинѣ сдѣлалась гораздо слабѣе, такъ что дѣйствія ея не можно назвать эпидемическими». Съ разрѣшенія губернатора, ученіе открылось въ августѣ.

21 сентября 1832 года явился въ Нѣжинскую гимназію камергеръ двора Его Императорскаго Величества, коллежскій совѣтникъ, графъ Дмитрій Девіеръ, и предъявилъ директору слѣд. бумагу отъ попечителя: «предписываю симъ исполнить всѣ законныя требованія г. камергера графа Девіера, состоящаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и откомандированнаго ко мнѣ для порученій по службѣ; всѣ свѣдѣнія, бумаги и документы предъявлять немедленно и всѣ приказанія его исполнять безотлагательно и въ точности; въ противномъ случаѣ замѣлѣйшую неисполнительность или медленность исполненія будетъ взыскано съ виновныхъ по закону». Въ тотъ же день Девіеръ предписалъ директору немедленно собрать конференцію. Въ конференціи освидѣтельствованы были гимназическія суммы. 27 сентября Девіеръ, сообщивъ директору о поступившемъ къ нему донесеніи учителя Самойленко, что суммы представлены были ему 21 сентября не въ надлежащемъ количествѣ, что въ нихъ недоставало 7662 р. 50 к., внесенныхъ еще въ

первых числахъ іюля почетнымъ попечителемъ и не записанныхъ на приходъ въ шнуровой книгѣ, предписалъ собрать членовъ конференціи 28 сентября въ 10 часовъ утра. Члены не явились въ засѣданіе. Деверъ, признавъ указанная директоромъ причины неявки (учебное время, занятія преподавателей разсмотрѣніемъ конспектовъ и повѣркой отчетовъ за истекшій учебный годъ) неуважительными, назначилъ засѣданіе въ тотъ же день, въ 5 часовъ по полудни, замѣтивъ, что «невыполненіе по сему вторичному отъ меня назначенію отнесется къ неповиновенію, противному порядку службы». Директоръ представилъ въ конференцію означенную выше сумму, внесенную почетнымъ попечителемъ. Сумма эта дѣйствительно оказалась не записанною въ шнуровой книгѣ. Дальнѣйшихъ указаній на эту ревизію, а равно и на ея послѣдствія, не сохранилось въ архивѣ. По всей вѣроятности, ревизія была слѣдствіемъ доноса, что въ свою очередь доказываетъ, что враждебныя отношенія въ средѣ членовъ конференціи не прекращались.

Ревизія Адеркаса касалась всѣхъ сторонъ гимназіи—и мы воспользуемся ею для сообщенія не многихъ свѣдѣній о состояніи важнѣйшихъ учебныхъ пособій, бібліотеки и кабинетовъ, за первое десятилѣтіе гимназіи.

Библіотека. Изъ донесеній Адеркасу и изъ дѣлъ архива видно, что бібліотека въ это время вообще не отличалась порядкомъ и что завѣдывавшіе ею относились къ ней небрежно. Первый бібліотекаръ, *Шапалинскій*, по требованію Орлая, въ декабрѣ 1821 года донесъ правленію, что, по кончинѣ Кукольника, бібліотека, «по неимѣнію никакого вида, по которому бы можно было ее настояще обозрѣть и отъ кого слѣдовало принять, опечатана безъ всякаго разсмотрѣнія». Въ 7 № журнала м. н. п. за 1821 годъ показано въ гимназической бібліотекѣ книгъ 2500, а по счету Шапалинскаго въ томъ же году оказалось 2610 томовъ, не считая 268 томовъ разрозненныхъ сочиненій, брошюръ, календарей и пр. Хотя конференціей тогда же было опредѣлено составить «исповодоль, по удобству времени», общій каталогъ, съ раздѣленіемъ книгъ на церковныя, нравственныя, физическія и пр., по «сіе не исполнено», какъ сказано въ донесеніи Адеркасу. Въ 1822 году назначенъ бібліотекаремъ *Ландражинъ* и въ тоже въ время предписано Шапалинскому и Билевичу освидѣтельствовать бібліотеку и провѣрить каталогъ: это предписаніе также не исполнено. Въ такомъ состояніи бібліотека находилась до 1825 года, когда Ландражинъ былъ

уволень отъ должности бібліотекаря и на его мѣсто назначенъ надзиратель *Аманъ*, который принялъ отъ Ландражина бібліотеку въ началѣ 1826 года по особой вѣдомости, представленной потомъ въ конференцію. Послѣдняя тогда же снова предписала составить особую опись книгъ и привести бібліотеку «въ надлежащій порядокъ по классификаціи»—и это предписаніе не было исполнено. Начатое, по предписанію конференціи, освидѣтельствованіе бібліотеки въ 1827 году «было пріостановлено за болѣзнію Амана, пораженнаго параличомъ», и только въ 1828 году приступили къ ревизіи назначенные для того преподаватели: Билевичъ, Никольскій и Зингеръ. «Затрудненія наши при ревизіи бібліотеки состоятъ въ томъ наипаче, доносятъ они конференціи, что мы не нашли въ бібліотекѣ ни матеріальной книги, ни реэстровъ, ниже какой-либо описи книгамъ и пособіямъ. Бібліотекаръ сказывалъ, что въ бібліотекѣ того не имѣется. Въ первую необходимость себѣ поставили описать всѣ книги въ пачинности и составить двѣ описи—одну по алфавиту латинскому, другую по русскому и греческому алфавитамъ». Ими вытребована была также изъ дѣлъ конференціи выписъ книгъ, поступившихъ въ бібліотеку съ основанія гимназіи. По этимъ описямъ бібліотека и была сдана, въ присутствіи всѣхъ членовъ конференціи, *Соловьеву*. Въ приложенномъ къ 33 журналу конференціи каталогу книгъ, пожертвованныхъ почетнымъ попечителемъ, значится 382 названія въ 1877 томахъ ¹⁾. Разность между этимъ числомъ томовъ и показаннымъ въ журналѣ м. н. п. за 1821 годъ (2500), а равно показаннымъ по счету Шапалинскаго и Ландражина въ 1822 году (2610), составляютъ книги, пріобрѣтенныя самой гимназіей, или ей пожертвованныя. По описи 1830 года, по которой бібліотека передавалась въ присутствіи всѣхъ членовъ конференціи *Соловьеву*, всѣхъ книгъ въ пачинности оказалось: 806 названій въ 3312 томахъ по латинскому алфавиту и изъ 512 названій въ 1717 томахъ по русскому и греческому алфавитамъ; всего изъ 1318 названій въ 5029 томахъ, включая сюда и журналы. Такимъ образомъ въ 8 лѣтъ было пріобрѣтено 2419 томовъ.

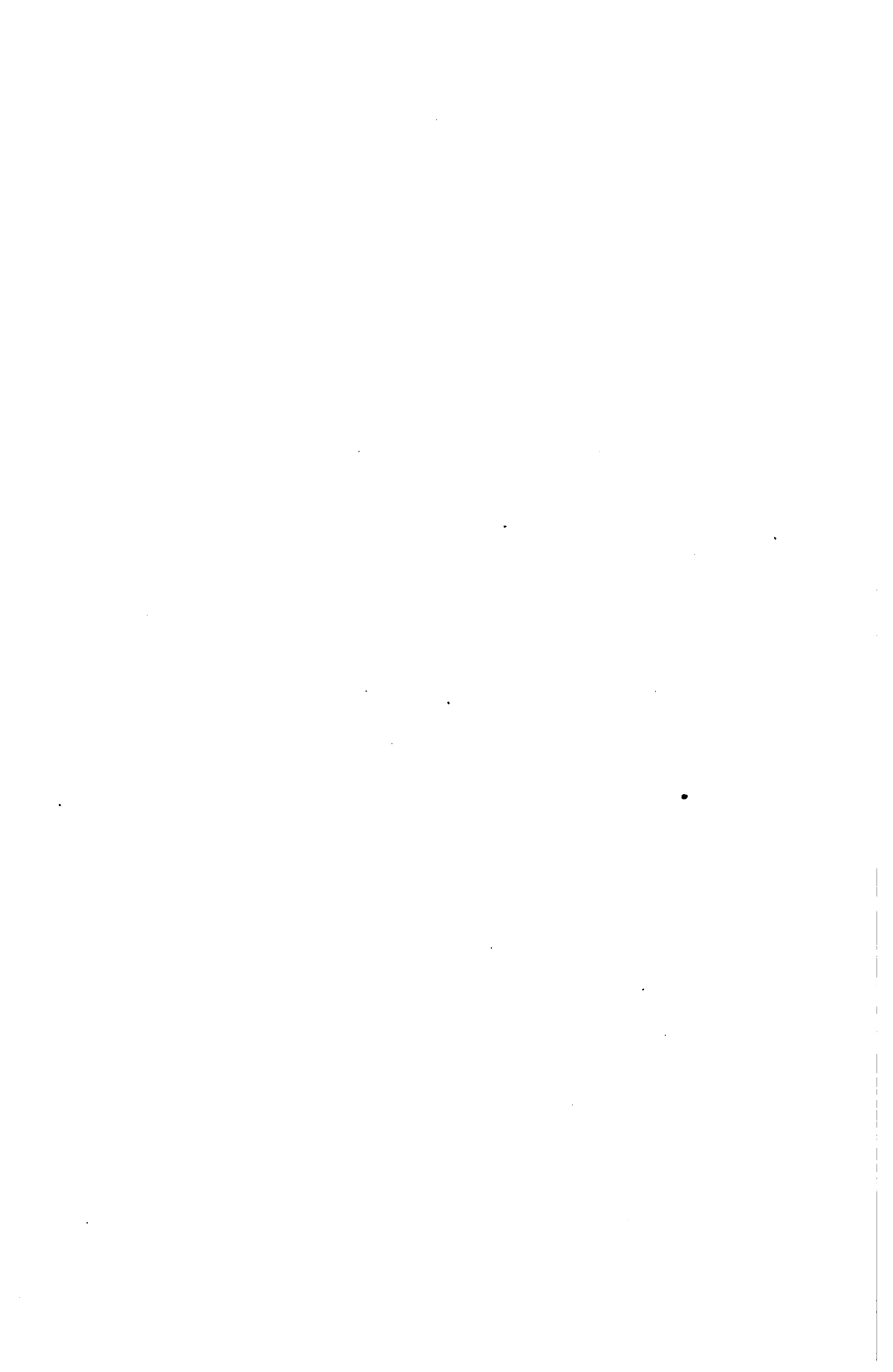
¹⁾ Изъ нихъ 167 названій въ 672 томахъ—по статистикѣ и путешествіямъ, 138 назв. въ 847 томахъ—по литературѣ, языку и изящнымъ искусствамъ, 10 назв. въ 66 томахъ—по энциклопедіи, математикѣ и тактикѣ, 16 назв. въ 80 томахъ—по физикѣ, химіи, естественной исторіи, экономіи и садоводству, 22 назв. въ 59 томахъ—по политикѣ, администраціи, юриспруденціи, дипломатіи и коммерціи, 15 назв. въ 130 томахъ—по богословію и сочиненіямъ отцовъ церкви, изъ 10 названій въ 17 томахъ—по логикѣ, метафизикѣ и нравственной философіи, наконецъ изъ 4 названій въ 6 томахъ—по медицинѣ и физиогномикѣ.

Кабинеты. Кабинеты физическій и минералогическій были пожертвованы гимназіи также почетнымъ попечителемъ въ 1823 году. Послѣдній, кромѣ того, пожертвовалъ въ 1820 году, при открытіи, гимназіи, 20,000 р. на физическій кабинетъ и на первоначальное обзаведеніе. Оба они состояли въ вѣдѣніи Шапалинскаго и въ первое десятилѣтіе своего существованія также находились въ плохомъ состояніи. Въ конференціи 17 мая 1830 г. Адеркасъ выразилъ сожалѣніе, что «многія вещи, принадлежащія физическому кабинету, испорчены и что нынѣшній содержатель онаго кабинета не доносилъ о томъ понынѣ ни директору, ни конференціи, чрезъ что физическіе опыты для учениковъ не дѣлаются и цѣль, предположенная великодушнымъ приносителемъ, графомъ Куселевымъ-Безбородко, не достигается». Такъ какъ описи кабинетовъ не было ¹⁾, то конференція въ 1825 году предписала Шапалинскому составить ее для внесенія въ годичный отчетъ по гимназіи: предписаніе это не было исполнено, а равно и повторенное въ слѣд. году. Между тѣмъ минералогическій кабинетъ поступилъ въ вѣдѣніе Соловьева. Послѣдній, по требованію конференціи въ 1828 году, представилъ въ іюнь того же года опись минералогическаго кабинета; Шапалинскій же представилъ опись физическаго кабинета только по требованію Адеркасы, въ мартѣ 1830 года.

---

¹⁾ „Таковая опись отъ дарителя, г. почетнаго попечителя, не доставлена“, сказано въ донесеніи Ясновскаго Адеркасы.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Прилож. № 1 къ стр. 128. Экзаменный списокъ воспитанниковъ гимназій перваго приѣма съ отивтками по экзамену.

Имена воспитанниковъ.	НАИМЕНОВАНИЕ НАУКЪ.										
	Служебная исторія.	Законы Божіи.	Россійскій языкъ.	Арифметика.	Географія.	Исторія.	Латинскій языкъ.	Французскій языкъ.	Нѣмецкій языкъ.	Рисованіе.	Сумма шаровъ.
ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.											
1. Ѳедоръ Бороздинъ . . .	4	4	3	3	3	3	2	2	2	2	28
2. Николай Бороздинъ . . .	4	4	2	3	3	3	2	2	3	2	28
3. Герасимъ Высоцкій . . .	4	4	2	4	4	4	2	3	4	3	34
4. Николай Герардъ . . .	4	4	3	2	3	3	2	3	3	2	29
5. Ник. Гоголь-Яновскій . . .	4	4	2	2	2	2	2	1	2	1	22
6. Иванъ Кобелецкій . . .	4	4	4	4	4	4	2	3	4	2	35
7. Семень Кохановичъ . . .	4	Кат.	3	2	2	2	4	3	3	1	24
8. Несторъ Кукольникъ . . .	4	4	4	3	4	4	4	2	4	1	34
9. В. Любичъ-Романовичъ . . .	3	Кат.	3	2	3	3	4	3	3	3	27
10. Платонъ Миницкій . . .	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	39
11. Сергій Милорадовичъ . . .	4	4	3	4	4	4	2	3	3	2	33
12. Левъ Милорадовичъ . . .	4	4	2	3	3	3	1	2	3	1	26
13. Петръ Соковичъ . . .	3	Кат.	2	2	2	2	1	2	2	1	17
14. Николай Романовичъ . . .	4	4	3	4	4	4	3	3	4	3	36
15. Петръ Скоропадскій . . .	2	2	4	3	3	3	2	3	3	3	28
16. Михаилъ Скоропадскій . . .	2	2	2	2	2	2	2	2	3	1	20
17. Иванъ Соковичъ . . .	4	Кат.	3	3	3	3	2	3	2	2	25
18. Петръ Рѣдкинъ . . .	4	4	4	4	4	4	4	4	4	2	38
19. Василій Тамара . . .	3	3	3	3	3	3	1	2	3	2	26
20. Павелъ Тамара . . .	3	3	2	2	3	3	1	2	3	2	24
21. Иванъ Стаховичъ . . .	3	3	2	2	3	3	2	2	3	2	25
22. Василій Тарнавскій . . .	4	4	4	4	4	4	4	4	4	1	37
23. Иванъ Тамара . . .	3	3	2	2	3	3	1	2	3	2	24
24. Александръ Лисаневичъ . . .	3	3	3	2	3	3	1	3	2	2	25
ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.											
1. Петръ Богачевскій . . .	3	3	1	2	—	—	1	1	1	2	14
2. Яковъ Бороздинъ . . .	3	3	3	3	—	—	2	3	4	2	23
3. Прокофій Бордовскій . . .	1	1	1	1	—	—	1	1	1	1	8
4. Николай Григоровъ . . .	3	3	3	3	—	—	4	2	3	2	23
5. Николай Данченко . . .	4	4	1	1	—	—	2	1	1	1	15
6. Николай Думитрашко . . .	4	4	2	3	—	—	1	2	2	2	20
7. Владиміръ Марковъ . . .	4	4	4	4	—	—	4	4	4	2	30
8. Александръ Миницкій . . .	4	4	3	3	—	—	3	2	3	2	24
9. Николай Новицкій . . .	4	4	2	2	—	—	1	1	1	2	17
10. Николай Прокоповичъ . . .	2	2	3	3	—	—	1	2	1	1	15
11. Василій Прокоповичъ . . .	2	2	1	2	—	—	1	1	1	1	11
12. Андрей Пузыревскій . . .	2	Кат.	2	1	—	—	2	1	1	1	10
13. Иванъ Халчинскій . . .	3	3	3	3	—	—	3	3	3	1	22
14. Михаилъ Щербакъ . . .	3	3	3	2	—	—	2	3	2	1	19

Изъ 24 воспитанниковъ втораго отдѣленія по экзамену переведены въ третье отдѣленіе 21; оставлены во второмъ двое, а именно: Гоголь - Яновскій и Петръ Соковичъ; Иванъ Стаховичъ выбылъ. Изъ перваго отдѣленія переведены во второе 7 воспитанниковъ: Владиміръ Марковъ, Александръ Миницкій, Яковъ Бороздинъ, Иванъ Халчинскій, Николай Григоровъ, Николай Думитрашко, Михаилъ Щербакъ. Остальные 7 оставлены въ 1 отдѣленіи, въ которое, кромѣ того, поступили вновь: Платонъ Лукашевичъ Андрей Макаровъ, Аполлонъ Лукашевичъ, Александръ Кирлицкій, двое Иванцевыхъ и Мионовъ.

СПИСОКЪ

дѣтей греческихъ выходцевъ, назначенныхъ къ отправленію въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ для воспитанія.

№		лѣта.
1	Егоръ, сынъ купца Павла Варвати	11
2	Степанъ Гютенъ, рожденный отъ отца—французскаго уроженца, Антона Гютена, служившаго при французской миссіи въ Константинополь, и отъ матери гречанки, Сиріани.	12
3	Константинъ, сынъ Михаила Базиля	12
4	Егоръ Ксенисъ	8
5	Иванъ ¹⁾ , внукъ Папаригопуло	9
6	Иванъ, сынъ Анастасія Агало	10

Генераль отъ Инфантеріи, графъ Ланжеронъ.

¹⁾ Въ выданномъ на проѣздъ въ Нѣжинъ свидѣтельствѣ онъ названъ Иванъ Сманави.

Прилож. № 31 къ стр. 156. Отѣтъ Гоголя по поведенію и успѣхамъ. 1822 годъ.
ОТМѢТКИ ПРЕОДАВАТЕЛЬНѢЙ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ КОНФЕРЕНЦІИ.																			
Поведеніе въ классѣ отъ трехъ назрательей.																			
Янв.	Фев.	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюль	Іюль	Лат.	Франц.	Нѣм.	Рисова.	Средн. ие	Рисова.	Средн.	Нѣм.	Франц.	Лат.	Средн.	Рисова.	
3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4

1822/3 учебный годъ. Гоголь состоитъ въ 4 классѣ.

Поведеніе въ классѣ отъ трехъ назрательей.																			
Янв.	Фев.	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюль	Іюль	Лат.	Франц.	Нѣм.	Рисова.	Средн. ие	Рисова.	Средн.	Нѣм.	Франц.	Лат.	Средн.	Рисова.	
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4

*) Отѣтки за генварь выставлены по взамену передъ распредѣленіемъ по классамъ вѣсто прежнихъ отдѣлений. Съ генваря по іюль 1822 года Гоголь состоитъ въ 3 классѣ.
**) Преподаваніе логики въ 8 классѣ въ слѣдъ за тѣмъ отмѣнено министерствъ.
***) Отѣтки по расованію не входили въ средній выводъ.
****) Съ октября, по предложенію поч. попечителя, отмѣнена ежемѣсячная классификація конференціи и оставлена только поуподобная въ общихъ выводахъ. Отѣтка по поведенію также выставилась только обща.

Прилож. № 3^а къ стр. 156.
ОТМѢТКИ ГОГОЛЯ И КУКОЛЬНИКА ПО ПОВЕДЕНІЮ И УСПѢХАМЪ.

182 ¹ / ₄ учебный годъ. Гоголь въ 5 классѣ.												
Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.
Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.
2	4	3	2	2	2	3	2	2 ¹ / ₉	3	3		
3	4	3	2	2	2	3	2	2 ⁷ / ₉	3	—		
2	4	4	2	2	2	2	4	2 ⁵ / ₉	3	1		
2	3	3	4	1	3	2	3	2 ⁵ / ₉	4	3		
2	3	4	4	3	3	2	3	2 ² / ₉	4	2		
Заключеніе конференціи за полгода												
по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.
3	2	3	2	3	2	3	2	3	2	3	2	3
182 ¹ / ₅ учебный годъ. Гоголь въ 6 классѣ, Кукольникъ въ 5 ^{**} .												
Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.	Съ августа 1824 г. по январь 1825 г.
Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.
4	4	3	3	—	4	4	4	3	2	3 ⁵ / ₉	4	
3	4	3	3	—	4	4	4	3	2	1	2 ¹ / ₉	3
3	4	3	3	—	4	4	4	3	2	1	2 ¹ / ₉	3
3	4	3	3	—	4	4	4	3	2	3 ⁵ / ₉	4	
3	4	3	3	—	4	4	4	3	2	3 ⁵ / ₉	4	
4	4	3	4	3	4	3	3	3	3 ⁴ / ₁₀	4		
4	3	3	4	3	4	3	3	3	3 ⁴ / ₁₀	4		
Заключеніе конференціи за полгода												
по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.	по кон.	по нач.
4	3	4	3	4	3	4	3	4	3	4	3	4
182 ¹ / ₆ учебный годъ. Гоголь въ 7 классѣ, Кукольникъ въ 6.												
Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.	Съ августа 1825 по январь 1826 г.
Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.
4	4	—	4	2	4	3	3	3	3	3	3	4
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3
4	4	—	4	2	4	3	3	3	3	3	3	4
4	3	3	—	2	2	3	1	2	1	—	3	3
2	4	4	4	4	3	3	—	3	4	3	3 ¹ / ₉	3
Гоголь въ 8 классѣ, Кукольникъ въ 7. 182 ¹ / ₇ уч. годъ.												
Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.
4	3	3	4	4	4	4	2	1	2	—	3	3
3	4	4	4	3	3	4	3	4	4	—	4	3
4	3	3	3	3	3	4	2	2	1	—	3	3
3	4	4	4	3	3	4	3	4	4	—	3	4
4	3	3	3	3	3	4	2	2	1	—	3	3
3	4	4	4	3	3	4	3	4	4	—	3	4
Гоголь въ 9 классѣ, Кукольникъ въ 8. 182 ¹ / ₈ уч. годъ.												
Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.	Гоголь.
3	3	3	4	2	3	3	2	1	2	—	4	3
3	4	4	4	3	3	3	3	4	3	—	3	4
4	4	3	3	2	3	2	1	2	—	4	3	
4	4	4	4	3	4	3	3	4	3	—	3	4
4	4	3	3	2	3	2	1	2	—	4	3	
3	4	4	4	3	4	3	3	4	3	—	3	4
4	4	3	3	2	3	2	1	2	—	4	3	
3	4	4	4	3	4	3	3	4	3	—	3	4
4	4	3	3	2	3	2	1	2	—	4	3	
4	4	4	4	3	4	3	3	4	3	—	3	4
4	4	3	3	2	3	2	1	2	—	4	3	
3	4	4	4	3	4	3	3	4	3	—	3	4

^{*}) Послѣ испытаній въ іюль 1824 г. поч. поличитель предложилъ прозвѣщать представляемые мѣсячные вѣдомости и ограничиваться полугодичными и годичными.
^{**}) Кукольникъ поступилъ въ февраль. Успѣхи его съ февраля по іюль: 3-3-3-4; поведеніе: 2 въ февралѣ, въ остальные мѣсяцы 4; за полгода успѣхи 3, поведеніе 4.

Мнѣніе директора Орлая объ учрежденіи ученаго общества ПРИ ГИМНАЗІИ ВЫСШИХЪ НАУКЪ кн. БЕЗБОРОДКО.

Прилож. № 4 къ стр. 192.

Учрежденіе историческаго общества въ южной Россіи, коей малороссія составляетъ только малѣйшую часть, само по себѣ весьма бы было полезно и даже необходимо по нижеслѣдующимъ причинамъ: южная Россія, обитаемая природными Русскими, говорящими Кіевскимъ нарѣчіемъ, кромѣ губерній: Кіевской, Полтавской, Екатеринославской, Каменецъ-подольской, Волинской, Минской и, частию, въ смежныхъ другихъ, занимаетъ весьма обширнѣйшее пространство и внѣ нынѣшнихъ Россійскихъ предѣловъ, простираясь на востокъ къ Черному морю и Дакіи (Молдавіи, и Валахіи), на югъ—къ Карпатскимъ горамъ и по всей ихъ цѣпи, начиная отъ Молдавіи даже до Попрыда и Дунайца, рѣкъ, истекающихъ изъ оныхъ горъ и вливающихся въ соединеніи въ Вислу, а на западъ—до самой Вислы. Вся сія Русь, по покореніи удѣльныхъ князей Русскихъ, попеременно находившихся то подъ Уграми (Венгерцами), то наипаче нарочитое время подъ Поляками, до такой степени Русскими упущена изъ вида писателями, что они ее нерѣдко описывали подъ названіемъ Польши, между тѣмъ какъ она и подъ Польскимъ владѣніемъ удержала имя Руси, а жителей ея подъ именемъ Поляковъ; даже изъ новѣйшихъ великороссійскихъ писателей въ издаваемыхъ Географіяхъ, Статистикахъ и Путешествіяхъ по южной Россіи, каковыя читать я любопытствовалъ, весьма многіе ошибаются, доселѣ наполняя Русь сію наиболѣе Поляками, нежели природными ея обитателями—Русскими. Самые писатели Русскіе Галицкіе и поднесъ еще не приняты въ число Русскихъ писателей, каковыми они въ самомъ дѣлѣ были, а причислены къ писателямъ Польскимъ. Здѣсь я говорю о Зиморовичѣ, объ Опшичѣ Орѣховскомъ, о Ходкевичѣ и многихъ другихъ, изъ коихъ Ходкевичемъ написаны и изданы разсужденія историческо-критическія о двухъ митрополіяхъ—Кіевской и Галицкой, какъ

издревле отдѣльныхъ, гдѣ и означенъ онъ, Ходкевичъ, хронологомъ области Русской 1770 года во время Польскаго владѣнія. Красная или Червоная русь, извѣстная нынѣ подъ именемъ Галицкаго и Владимірскаго королевства, виѣщаетъ въ себѣ, за исключеніемъ Владиміра на Волини, въ Россіи уже находящагося, древнѣйшіе города, какъ-то: Галичь, Перемышль, Ярославль, Львовъ и прочіе, изъ коихъ нѣкоторые еще прежде Владиміра Великаго существовали и поднесъ въ цвѣтущемъ положеніи находятся. По таковой древности полагать можно, что въ оныхъ городахъ хранятся многія рукописи, касающіяся до соотношеній удѣльныхъ князей Галицкихъ съ великими князьями Кіевскими. Таковыя рукописи хотя и были уже съ пользою употреблены г-мъ Гоппе, директоромъ училищъ въ Галиціи; но такъ какъ изъ сочиненій его вышелъ въ свѣтъ только одинъ томъ, а прочіе, что навѣрно полагать можно, запрещены, то изъ сего заключать можно, что подобныя древнія записки остаются тамъ какъ бы въ заключеніи, безъ дѣйствія, и что много еще тамъ находится любопытнаго, могущаго доставить существенную историческую ясность южной Россіи, или части оной, малороссіи, или и всей, козетъ быть, великороссіи. Что обитатели всѣхъ выше упомянутыхъ мѣстъ имѣютъ сродство съ малороссіянами, или суть тѣже малороссіяне, сіе доказываетъ Кіевское ихъ Русское нарѣчіе и лѣтописи Венгерскія и Польскія, начиная съ 11-го столѣтія. Во Львовѣ, столичномъ городѣ Червоной Руси, построенномъ Львомъ Романовичемъ, удѣльнымъ княземъ Русскимъ, имѣетъ свою резиденцію митрополитъ Галицій и всея Россіи, каковой титулъ издревле удерживали митрополиты Галицкіе и, кажется, до нынѣ носятъ; точно такъ митрополиты Кіевскіе нарицаются и поднесъ вупно и Галицкими. Въ Карпатскихъ горахъ, смежныхъ съ Червоною Русью, обитаетъ 700,000 русскихъ, извѣстныхъ подъ именемъ Карпато-Россовъ, кои въ разныя и смутныя времена Россіи переселились въ Венгрію изъ южной Россіи, а паче изъ окрестностей Кіева. Сіи Карпато-россы, удержавшіе доднесъ имя Русскихъ или Русиновъ, древнѣйшее названіе Русскаго народа, какъ сіе явствуетъ изъ лѣтописи Нестора и договора Олегова съ греками, равно какъ и изъ Русской правды Ярослава, гдѣ вмѣсто названія Россіянинъ употребляется имя Русинъ, сіи Карпато-россы въ продолженіи многихъ вѣковъ подъ Угорскимъ или Венгерскимъ правленіемъ сохранили и доднесъ приверженность къ православной Греко-католической вѣрѣ, да, что весьма удивительно, и языкъ русскій съ такимъ нарѣчіемъ, которое гораздо чище нынѣшняго Кіевскаго. Карпато-россіяне также имѣли своихъ писателей: здѣсь упомяну я только о Іоанниѣ Базиловичѣ, который, будучи прото-игуменомъ монастыря, называемаго Горско-Чарнецкимъ, въ городѣ Муначевѣ, подъ Кар-

патскими горами, писалъ о Карпато-россахъ, касаясь и южной Россіи, и который считаетъ 719 однихъ карпато-россійскихъ церковныхъ греческаго исповѣданія приходовъ и семь монастырей. Всѣ сии обстоятельства, будучи достойны вниманія всякаго благонамѣреннаго Россіянина и истиннаго патріота отечества своего, доказываютъ необходимость историческаго общества въ южной Россіи. Изъ сего само по себѣ явствуетъ, что, дабы предполагаемое общество могло достигнуть совершенства въ преднамѣриваемомъ уснѣхѣ, необходимо имѣть непосредственныя сношенія съ вышеозначенными мѣстами. Гимназія, какъ по изложеннымъ причинамъ, такъ и по дѣтству ея, при недавнемъ ея основаніи, еще не имѣетъ внутри себя тѣхъ особенныхъ и, вѣроятно, съ немалыми издержками сопряженныхъ пособій, которыя бы для основательныхъ и вѣрныхъ историческихъ изображеній о южной Россіи и части ея, малороссіи, могла употребить въ посредство къ приобрѣтенію оныхъ, выше подразумеваемыхъ, виѣшнихъ источниковъ. А посему и должно признаться, что историческое общество при гимназіи могло бы остаться на долгое время безъ пользы и безъ дѣйствія, чему даже примѣромъ служить и вышеупомянутое, учрежденное при Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ, подобное общество. Въ слѣдствіе чего, я мнѣніемъ полагаю, что гораздо лучше и благонадежнѣе учредить такое общество въ другомъ какомъ учебномъ заведеніи, которое бы немаловременнымъ существованіемъ достигло уже полного своего обзаведенія и которое потому, имѣя наиболѣе готовыя уже всякія потребныя средства къ тому, могло бы самостоятельнѣе и обширнѣе дѣйствовать сношеніями своими съ различными мѣстами и частями не только внутри малороссіи или вообще южной Россіи, но даже въ вышеупомянутой Руси, отторженной отъ матери своей Россіи и подвластной иноплеменной державѣ.

ПРИЛОЖ. № 5, КЪ СТР. 193.

Мнѣніе Орлая „о преобразованіи училищъ въ Россіи“¹⁾

«Всякому дѣлу свое время, и свое время всякой вещи подъ небесемъ». Еккл. I. 1.
«Сие самое, что обычай предковъ и законы ослабѣваютъ, есть убѣдительнѣйшее побужденіе помогать отечеству даже съ опасностію своей жизни». См. Опытъ древней Китайцевъ философіи, о ихъ нравоученіи и управленіи. С.-Пб. 1794, стр. 280.

«Доброе воспитаніе юношества есть первая основа благосостоянія государства. Отсюда добрые отцы семейства, добрые граждане, добрые

1) Мнѣніе это, безъ сомнѣнія, вызвано циркуляромъ министра А. С. Шишкова отъ 13 іюня 1825 года, № 1499, разосланнымъ во всѣ высшія учебныя заведенія и заключающимъ въ себѣ программу устройства учебныхъ заведеній съ характеристикой на правленія обученія въ нихъ.

чиновники. Всякій благомыслящій увѣренъ въ той непреложной истинѣ, что, если бы въ государствахъ всѣ сословія были образованы по началамъ добраго воспитанія, то чистая нравственность и добродѣтель, сами собою постыждая возникающій порокъ, служили бы всегдашней преградой столь пагубному для человѣческаго рода разврату, а слѣдовательно всѣ сословія государства наслаждались бы мирною жизнію и счастьемъ въ спокойствіи незазорной совѣсти. Основываясь на истинѣ сей, правительство неуслышное прилагало попеченіе доставлять всѣ средства къ образованію юношества въ любезномъ отечествѣ, а *блаженныя и вѣчныя памяти* (слова эти приписаны послѣ) Августѣйшій монархъ, какъ чадолюбивый отецъ многочисленнаго семейства, истощая несмѣтные дары на устроеніе вертоградовъ наукъ, торжественно доказалъ свѣту, что онъ ничего не щадилъ для просвѣщенія своего народа, для возвышенія нравственнаго характера имперіи и для утвержденія славы и благоденствія Россіи.

Но обращая взоръ на успѣхи наукъ внѣ отечества нашего, всякій здравомыслящій и безпристрастный патріотъ съ горестію долженъ признаться, что Россія въ способахъ народнаго образованія не совсѣмъ еще сблизилась съ нѣкоторыми другими просвѣщенными государствами Европы и что весьма ощутительна необходимость улучшить оныя способы. Откуда же происходитъ таковая несообразность съ желаніемъ и трудами попечительнаго правительства?..

Верховный законъ Божій есть стремленіе къ единству со всеблагимъ Творцемъ и ближнимъ ¹⁾. Сюда принадлежатъ: постепенность и порядокъ, даже въ природѣ видимые ²⁾. Гдѣ законъ сей не соблюдается твердо, тамъ нѣтъ единства, составляющаго узы человѣческихъ обществъ, нѣтъ тамъ страха Божія, нѣтъ повиновенія царю и правительству, нѣтъ взаимной любви между различными состояніями народа. Только единеніе духа и единообразіе дѣйствій наставниковъ на поприщѣ образованія ума и сердца юношества ведетъ къ цѣли, правительствомъ предполагаемой: это не есть мечта утонченной метафизики, но истина, для ума понятная, для сердца ощутительная, откровеніемъ утвержденная ³⁾, очевидными опытами оправ-

¹⁾ «Да всѣ будутъ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ: такъ и они да будутъ въ Насъ едино; да увѣруетъ міръ, что Ты Меня послалъ. И славу, которую Ты Мнѣ далъ, Я далъ имъ, да будутъ едино, какъ и Мы едино» (Іоанъ XVII, 21—22). *Unio totius, summus qui finis et unus sit mentis, monstrat. Certa hinc ratione docetur: principium ac finem fidei morumque supremam esse Dei atque hominis puro de pectore amorem.* Alexandr. Pope. *Commentatio de homine poetica.* Vitembergae 1743 p. 131.

²⁾ *Ibd.* p. 107. 63. 64. *Marci Antonini imperatoris libri XII eorum, quae de se ipso ad se ipsum scripsit.* Lipsiae. 1729. libri VI. p. 122.

³⁾ Филиппис. I. 27, III. 16. Кор. XII. 24—27.

данная. Кто не любитъ порядка, который древніе называли душою вещей, кому не нравится постепенность, но скачки—обыкновенное свойство непостоянства: тотъ вѣрно не понимаетъ, что значитъ единство, тотъ съ жестокостію порочитъ единообразіе дѣйствій, именуя оное стѣсненіемъ свободно мыслящей души. Нѣкоторыя монархическія государства давно уже на таковомъ единствѣ образовали систему народнаго образованія, и плодъ ихъ благоразумія есть утверженіе гражданскихъ добродѣтелей и тишины въ народномъ ихъ составѣ ¹⁾.

Великобританія, Австрійская и Пруская монархіи представляютъ сему разительный примѣръ. Поищемъ же, соблюдено ли единство въ нынѣ существующей системѣ народнаго образованія въ любезномъ отечествѣ нашемъ. Но, чтобы судить съ надлежащею точностію о семъ, такъ важномъ для насъ, предметѣ, откроемъ сперва понятіе, которое въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы вообще принято, о степеняхъ учебныхъ заведеній и о способахъ просвѣщенія.

Съ древнихъ временъ въ большей части государствъ учебныя заведенія раздѣляются: на народныя (уѣздныя и приходскія), гимназіи, лицей, академіи и университеты, называемые отъ славянъ всеучилищами. Между сими училищами первое мѣсто занимаетъ *приходское*, второе—*уѣздное*. Изъ уѣздныхъ училищъ учащіеся поступаютъ въ *гимназію*, изъ гимназій—въ *предуподготовительный или философическій факультетъ университетскій*, и только по окончаніи наукъ сего факультета, имѣютъ право избирать для себя извѣстный родъ жизни, а для сего бываютъ допускаемы или въ *юридическій факультетъ* для приуготовленія себя къ службѣ гражданской, или въ *богословскій факультетъ*, необходимый для тѣхъ, кои желаютъ быть священниками, или наконецъ въ *медицинскій*, чтобы посвятить себя врачебной наукѣ.

Изъ самаго названія народныхъ училищъ явствуетъ, что оныя учреждены для народа, т. е. для гражданъ, вущцовъ, мѣщанъ и разныхъ ремесленниковъ, и, служа колыбелью первыхъ познаній для самаго дворянства, приуготовляютъ оное къ поступленію въ гимназію.

Гимназіи составляютъ вторую степень учебныхъ заведеній и вмѣщаютъ въ себѣ пригготовительныя науки для высшихъ училищъ.

Последнюю и самую высшую степень составляютъ университеты, которые, заключая въ себѣ всѣ четыре факультета, имѣютъ право возводить въ степени кандидатовъ, магистровъ и докторовъ.

Но что же есть лицей и академія? По общему понятію нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ государствъ, лицей есть ни что иное, какъ одинъ отдѣль-

¹⁾Alex. Popé. Gomment. etc. p. 133.

ный университетскій факультетъ, заключающій въ себѣ или однѣ богословскія, или однѣ философическія, или юридическія науки, не лишаясь впрочемъ возможности состоять иногда и изъ двухъ факультетовъ. Но какъ лицей не имѣетъ права возводить на ученые степени, то такіе университетскіе факультеты называются въ немъ *отдѣленіями*. Академія всегда содержитъ въ себѣ не менѣе и не болѣе двухъ университетскихъ факультетовъ, философическаго съ богословскимъ, или юридическимъ, или медицинскимъ, которые по той же причинѣ называются также *отдѣленіями*.

Такимъ образомъ лицей и академія, занимая въ кругу учебныхъ заведеній 3-ю или 4-ю степень, обыкновенно по сему назначенію учреждаются въ такихъ мѣстахъ, кои отдалены отъ университетовъ, дабы обучающееся юношество безъ всякаго затрудненія могло находить средства образованія къ государственной службѣ. Но гдѣ бы сіи учебныя заведенія устроены ни были, при нихъ непременно находятся гимназія и уѣздное училище».

Изложивъ систему Австрійскихъ учебныхъ заведеній своего времени въ приведенномъ выше порядкѣ, съ распредѣленіемъ содержанія обученія по классамъ, отдѣленіямъ и факультетамъ, Орлай переходитъ къ Россіи.

«Обратимъ теперь взоръ на систему народнаго просвѣщенія въ любезномъ отечествѣ нашемъ. У насъ есть всѣ роды училищъ, какіе только находятся въ другихъ государствахъ Европы: есть приходскія и уѣздныя училища, есть гимназіи и лицей, есть академіи и университеты; у насъ преподаются почти всѣ науки, извѣстныя въ ученomъ свѣтѣ. Но мы, кажется, несовершенно придерживаемся той системы, которая, утверждая науки на незыблемомъ основаніи, могла бы возвести ихъ на высокую степень совершенства.

Въ нашихъ училищахъ встрѣчается 1-я несообразность съ единствомъ та, что нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ опредѣленной степени и одинаковыхъ правъ, будучи одного названія, да и самый кругъ ихъ дѣйствій многоразличенъ. Такъ училища: Царско-сельскій, Рижельевскій и Кременецкій лицей, Демидовское и С.-Петербургское высшихъ наукъ училища, гимназія высшихъ наукъ вв. Безбородко и Кіевская гимназія, будучи порознь выше губернскихъ гимназій, не равны между собою ни въ своихъ правахъ, ни въ кругѣ своего дѣйствія, ни въ распредѣленіи преподаваемыхъ наукъ. О частныхъ пансіонахъ уже и говорить нечего: они не только не имѣютъ никакой степени, но и въ ученіи никакой методы, никакой опредѣлительности, такъ что сіи пансіоны зависятъ совершенно отъ произвола содержателей.

2-я несообразность замѣчается въ порядкѣ наукъ. Въ училищахъ нашихъ иногда преподаются прежде такіе предметы, которые, по суще-

ству своему, должны предлагаемы быть послѣ другихъ сколько для послѣдовательной своей связи и помощи, столько и ради основательнаго познанія учащихъ, напримѣръ: св. исторія и исторія всеобщая нерѣдко читаются прежде, нежели географія—и ученики слышатъ о Египтѣ, Палестинѣ, Вавилонѣ и о другихъ государствахъ прежде, нежели знаютъ, что это за государства и гдѣ находятся; физика и математическая географія изъясняются прежде математики и проч.

3-я несообразность въ постепенности наукъ относительно къ понятію и возрасту учащихъ. Въ повѣтовыхъ, напримѣръ, училищахъ оканчивается арифметика—и ученики забываютъ ее, обучаясь въ гимназіяхъ математикѣ; въ гимназіяхъ же хотя преподаются нѣкоторыя части изъ прикладной математики, но ученики, не утвердись въ чистой, никогда прикладной знать не могутъ; сверхъ сего, читаются имъ въ гимназіяхъ нѣкоторыя статьи изъ Богословія, тогда какъ они едва ли имѣютъ какое-либо понятіе въ пространномъ катихизисѣ, который слегка былъ ими пройденъ во второмъ классѣ повѣтоваго училища; отсюда бываетъ то, что они, вышедъ изъ училища, имѣютъ весьма сбивчивыя понятія о догматахъ вѣры.

4-я несообразность состоитъ въ томъ, что нѣтъ единообразія въ учебныхъ книгахъ, ибо каждый университетъ назначаетъ оныя для училищъ своего округа произвольно, а при появленіи новыхъ, безъ всякой причины оставляетъ старыя; въ училищахъ же, неподвѣдомыхъ университету, употребляются безъ разбора всякія книги, какія только вздумаются мѣстному начальству. Отъ сего бываетъ то, что ученики, поступающіе въ сіи училища изъ другихъ, не могутъ сообразить своихъ понятій и чрезъ то весьма много теряютъ какъ въ успѣхахъ, такъ и во времени.

Почему не позаимствовать хорошаго у сосѣдей нашихъ? И когда система народнаго просвѣщенія въ Австрійской монархіи опытомъ доказала очевидную пользу и принесла толь зрѣлые плоды, то почему не подражать ей? Не стыдились древніе Греки заимствовать все хорошее у древнихъ Египтянъ; за то Греція была матерью законовъ, наукъ и художествъ.

Для чего же стыдиться Россіи заимствовать хорошее у Австріи? Россія, столь богатая въ дарованіяхъ, столь обильная въ покровительствѣ наукъ, столь неистощимая въ средствахъ къ образованію, скоро превзошла бы учителя своего и далеко оставила бы за собою примѣръ, которому подражала. И такъ пусть безпокойные и вѣчно сомнящіеся умы доказываютъ, что единообразіе, налагая оковы на способности душевныя, подавляетъ ихъ въ самомъ началѣ и такимъ образомъ останавливаетъ быстрое распространеніе и успѣхи наукъ: но самыя способности души

говорятъ въ пользу единообразія, поелику онѣ, сколько сами по себѣ ни разнообразны, сосредоточиваясь однакожъ въ разумѣ, составляютъ не разрывное между собою согласіе и единство. Безконечное разнообразіе видимой природы не есть ли слѣдствіе неизмѣнимаго порядка движенія, всегда единообразнаго, всегда по однимъ законамъ дѣйствующаго? Изящныя произведенія наукъ и художествъ, сихъ вѣрныхъ подражателей природы, не на единствѣ ли основываютъ свое совершенство? Слѣдовательно, весьма полезное было бы занятіе правительства, пекущагося о усовершенствованіи системы народнаго просвѣщенія, если бы оно утвердило оную на совершенномъ единообразіи.

По сему, 1-е, всѣ училища одного названія, какъ то: училища приходскія и уѣздныя, губернскія гимназіи, лицеи, академіи и университеты могли бы имѣть каждое, сообразно степени, ими занимаемой, одинаковыя права, одинаковый кругъ своего дѣйствования и одинакія науки.

Такимъ образомъ Царско-сельскій, Ришельевскій, Кременецкій лицеи, гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко и Демидовское высшихъ наукъ училище, поелику заключаютъ въ себѣ по два университетскихъ факультета, философскій и юридическій, на основаніи вышеизложенной системы, слѣдуетъ переименовать въ академіи; Кіевскую же гимназію переименовать въ лицей; предоставить лицамъ право производить окончившихъ курсъ ученія въ степень дѣйствительныхъ студентовъ, а академіямъ—въ студенты, кандидаты и магистры, университетамъ же—во всѣ ученые степени, по узаконенному порядку. Но единообразіе также требуетъ, что бы всѣ ученые степени одинакаго названія пользовались одинакими классами государственныхъ чиновъ, и весьма было бы полезно студентовъ лицеевъ и кандидатовъ академій допускать въ университетахъ къ испытанію для полученія высшей степени—доктора, если кто изъ нихъ чрезъ собственное упражненіе въ требуемыхъ наукахъ захочетъ подвергнуться оному во всей строгости. Слѣдствіемъ такового позволенія была бы всеобщая любовь къ наукамъ и благородное стремленіе къ заслугамъ—сему отличительному знаку доброй нравственности.

2-е, необходимо должно уничтожить всѣ пансіоны, какого бы они рода ни были. Извѣстно, что въ Россіи существуютъ двоякаго рода пансіоны: одни при казенныхъ заведеніяхъ, другіе частныя, содержимыя частными людьми. Въ казенныя пансіоны принимаются дѣти или недостаточныхъ родителей на казенное содержаніе, или богатыхъ, съ платежемъ отъ нихъ извѣстной суммы денегъ, или тѣ и другіе вмѣстѣ, какъ напримѣръ въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко. Главную цѣлю таковыхъ пансіоновъ полагаютъ, кажется, удобнѣйшее и приличнѣйшее воспитаніе дѣтей. Но, во первыхъ, начальникъ и чиновникъ

учебнаго заведенія, посвятившіе себя ученымъ занятіямъ, при смотреніи за пансіономъ. обременяются экономическими распоряженіями до того, что не могутъ выполнить съ точностію своей обязанности; если же при такихъ распоряженіяхъ вкрадется корыстолюбіе, то уже не смотреніе за воспитанниками составляетъ ихъ заботу, а размноженіе пансіона для прибыточійшихъ оборотовъ подъ видомъ лучшаго устройства. Во вторыхъ, самый надзоръ за нравственностію, при великомъ числѣ пансіонеровъ, затруднителенъ такъ, что вмѣсто благонравія и покорности, воспитатели часто оскорбляемы бываютъ отъ нихъ шалостями, грубостями и непослушаніемъ. Относительно же казенныхъ воспитанниковъ, нерѣдко вмѣсто дѣтей недостаточнаго состоянія принимаются на казенное содержаніе, по покровительству, дѣти богатыхъ родителей, которыя иногда, надѣясь на будущее свое наслѣдство, ни мало не радятъ о ученіи, и своею безуспѣшностію не показываютъ, что они признательны правительству за благодѣяніе, коимъ пользуются.

Но что особенно вредно и даже пагубно для просвѣщенія, то это, безъ сомнѣнія, частныя пансіоны, коихъ содержатели по большей части бываютъ иноплеменные выходцы и большею частію французы. Сія наставники не рѣдко, на счетъ совѣсти и стыда, испытанъ всѣхъ непозволительныя средства къ обогащенію себя въ Россіи, наконецъ принимаются за воспитаніе юношества, не имѣя никакого о томъ понятія, и, дабы нѣкоторымъ образомъ поровняться съ начальниками публичныхъ училищъ, не рѣдко украшаютъ себя титуломъ директоровъ пансіоновъ. Не явнымъ ли сіе служитъ доказательствомъ униженія публичныхъ учебныхъ заведеній, а особливо когда еще и учителя гимназій, стѣсняемые нуждами, приходятъ въ таковыя пансіоны для преподаванія лекцій и такимъ образомъ неволью подчиняють себя симъ директорамъ—самозванцамъ? Но хотя бы и сего поношенія не было, то одна цѣль таковыхъ пансіоновъ должна возбудить справедливое негодованіе въ благонамѣренныхъ сынахъ отечества. Цѣль сія, въ глазахъ публики, есть—научить дѣтей свѣтскому модному обращенію, моднымъ языкамъ, пріятнымъ искусствамъ, и, для благовидности, дать имъ нѣкоторыя поверхностныя понятія о нѣкоторыхъ наукахъ. Но входило ли когда-либо въ кругъ воспитанія частныхъ пансіоновъ образованіе ума и сердца, познаніе отношеній къ Богу, къ Царю, къ ближнему и къ самому себѣ?... Удовлетворяя желаніямъ неосторожныхъ родителей, угодливые содержатели пансіоновъ ограничиваютъ всѣ свои попеченія однимъ только тѣмъ, что бы приготовить своихъ питомцевъ къ блистательнымъ праздникамъ, пирамъ и къ веселому собесѣдничеству въ кругу иногда людей легкомысленныхъ и вѣтреныхъ. Слѣдовательно, цѣль частныхъ пансіоновъ есть не какое-либо благо для Россійскаго юно-

шества, но единственно обогащеніе содержателей. Говоря о пансіонахъ вообще, должно обратить особенное вниманіе на тѣ гибельныя дѣйствія, которыя они производятъ въ ущербъ настоящимъ училищъ и самого государства. Они-то поселили въ русскомъ дворянствѣ отвращеніе къ гимназіямъ, академіямъ, университетамъ и даже ко всему отечественному; они-то исторгли отъ наставниковъ учебныхъ заведеній все способы къ приличному себя содержанію; они-то причиною, что ученые люди, при маломъ жалованьѣ, не видя себя ни откуда пособій, спѣшатъ оставить училищную службу и опредѣляются въ должностямъ болѣе выгоднымъ; при училищахъ же по большей части остаются такіе чиновники, кои не имѣютъ рѣшительности перейти въ другое званіе по гражданской части.

Теперь, при сихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, богатые люди, а особливо дворяне, разсуждая о средствахъ образованія юношества, говорятъ: «какъ можно имъ отдавать дѣтей своихъ подъ надзоръ неопытныхъ учителей и въ такія училища, въ коихъ обучаются только дѣти низкаго происхожденія, грубые и необразованные»?... Но не съ бодшею ли основательностію ученые люди сказать могутъ: «какъ можно имъ служить въ такихъ училищахъ, которыя отъ всехъ въ пренебреженіи, куда дворяне и богатые отцы стыдятся отдавать дѣтей своихъ и гдѣ имъ не можно имѣть приличнаго содержанія»? И почему бы дѣти немущихъ родителей должны быть исключены отъ чувствованій добродѣтели и чести? Развѣ мы не знаемъ, что въ бѣдности скрываются нерѣдко величайшія дарованія и отличные таланты? Развѣ безсмертный нашъ Ломоносовъ не изъ рыбацкаго шалаша вознесъ себя славою выше многихъ богачей и дворянъ? И какой бы дворянинъ устыдился показывать его своимъ соученикомъ и товарищемъ?... Странное дѣло! Ежели Маркъ Аврелій, царственный мудрецъ, могъ въ юности своей ходить въ публичное училище и тамъ сидѣть вмѣстѣ съ дѣтьми гражданъ; ежели нынѣшній наслѣдникъ шведскаго престола, Оскаръ, могъ посѣщать ежедневно университетскія лекціи въ Штокгольмѣ совокупно съ дѣтьми всехъ состояній; ежели дѣти Англійскаго короля могутъ учиться въ Геттингенскомъ университетѣ наряду съ дѣтьми всякаго рода гражданъ, и ежели Германскіе принцы, князья, графы и бароны и другіе дворяне могутъ со всякимъ простымъ германцемъ слушать публичныя лекціи, не опасаясь заразиться отъ него ни грубостію, ни неучтивствомъ: то для чего русскому дворянину опасаться воспитываться вмѣстѣ съ дѣтьми людей немущихъ и не дворянскаго происхожденія?... Замѣчаемое въ дворянахъ отвращеніе отъ совокупнаго воспитанія съ дѣтьми людей неблагородныхъ основывается на ложномъ понятіи о чести, внушенномъ намъ также илюземцами, ищущими въ пансіонахъ своей корысти. Но если безчестно учиться вмѣстѣ съ немущими низкаго

соловія своими соотечественниками, то почему не безчестно имѣть иногда иноземныхъ ремесленниковъ своими учителями?—Безъ сомнѣнія, человѣкъ съ талантами, отличный своимъ умомъ и поведеніемъ, не можетъ не сыскать выгоднаго для себя въ отечествѣ своемъ мѣста и не захочетъ безъ особенной побудительной причины оставить родину свою, дабы пуститься на произволъ судьбы, искать своего счастья въ другомъ государствѣ. Отъ сего мы видимъ множество иноплеменныхъ выходцевъ, особенно французовъ,—людей съ подозрительною нравственностію и съ подозрительными свѣдѣніями, безъ существеннаго образованія, которые, перебѣгая изъ званія въ званіе, изъ одной должности въ другую, и не чувствуя себя ни къ чему способными, наконецъ принимаютъ видъ ученыхъ людей и торжественно объявляютъ себя директорами пансіоновъ, изъ челоѣколюбія ими открываемыхъ для образованія русскаго дворянства. Правда, съ нѣкотораго времени правительство опредѣлило подвергать таковыхъ иноземцевъ испытанію въ університетахъ и гимназіяхъ; но получаемыя ими свидѣтельства что другое показываютъ, какъ не то, что сіи выходцы знаютъ свой природный языкъ, умѣютъ на ономъ изъясняться и слѣдовательно учить какъ нибудь? Но было ли когда либо обращено вниманіе на ихъ познанія въ наукахъ, на ихъ образъ жизни и поведеніе?....

Не можно выдумать лучшаго и надежнѣйшаго средства къ успѣхамъ народнаго образованія, какъ, по примѣру Австріи, уничтожить всѣ пансіоны, существующіе въ Россіи, не только частные, но и казенные, а вмѣсто оныхъ учредить для немущихъ, но превосходно учащихъ, дворянъ жалованье отъ казны (*stipendium*), и получающихъ таковое жалованье, какъ равно и дѣтей богатыхъ родителей, поручить подъ надзоръ наставниковъ училищъ, для поддержанія ихъ состоянія, позволивъ имъ, для практикы ихъ питомцевъ въ инородныхъ языкахъ, держать при себѣ иноземцевъ, за поведеніе которыхъ они должны отвѣтствовать своему начальству.

Сверхъ того, 3, увеличить жалованье наставникамъ всѣхъ вообще училищъ, а наипаче приходскихъ и уѣздныхъ, такъ, чтобы изъ наставниковъ сихъ училищъ каждый получалъ не менѣе 800, а въ губернскихъ гимназіяхъ не менѣе 1500 руб. и такъ далѣе. Тогда ученые люди, имѣя въ виду способы жить сообразно званію своему, съ охотою будутъ поступать въ ученую службу и никогда не оставятъ ея, наипаче если особенные труды ихъ не будутъ оставляться безъ вниманія правительства и политической награды. Но чтобы изъ самыхъ ученыхъ могли быть избираемы способнѣйшіе къ званію наставниковъ, то необходимо должно

4) Во всѣхъ училищахъ Россійской имперіи ввести единообразное раздѣленіе и постепенный порядокъ наукъ, и если правительство найдетъ изложенный въ началѣ сего разсужденія порядокъ сообразнымъ съ пред-

назначению имъ дѣлю, то оный ввести во всеобщее употребленіе. Тамъ однакожъ въ росписаніи предметовъ для низшихъ училищъ не помѣщены языки иноплеменныхъ народовъ по той причинѣ, что они должны быть преподаваемы по отдѣленіямъ внѣ круга наукъ, дабы не стѣснять хода учениковъ, успѣвающихъ по наукамъ. Поелику же правительству необходимо имѣть людей свѣдущихъ не только въ употребительныхъ языкахъ—латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, но и менѣе употребительныхъ, какъ Европейскихъ, такъ и восточныхъ: то, кажется, весьма бы полезно было, еслибы восточные языки были преподаваемы въ тѣхъ училищахъ, кои смежны съ восточными народами. Такъ, напримѣръ, индійскимъ языкамъ, а наипаче санскритскому, хорошо учить въ Астрахани, языку арабскому и персидскому, судя по важности коммерческихъ сношеній съ этими народами, удобно бы въ Тифлискомъ училищѣ, турецкому—въ Кишиневской гимназій, китайскому и маньчжурскому—въ Иркутскѣ; японскому—въ Нижнекамчатскѣ и Охотскѣ, а бухарскому—въ Омскѣ и Оренбургѣ. Изъ новѣйшихъ же языковъ можно преподавать англійскій—въ Архангельской, С.-Петербургской и Рижской гимназіяхъ, итальянскій и ново-греческій—въ Одесскомъ училищѣ. Что же касается до языковъ еврейскаго и халдейскаго, то сіи въ иноземныхъ университетахъ преподаются только въ богословскомъ факультетѣ.

5) Учредить ученые конкурсы, давно введенные въ Австрійской монархіи.

6) Во всѣхъ училищахъ одинакаго названія ученіе должно быть преподаваемо по одной методѣ. Разныя методы въ одной и той же наукѣ можно сравнить съ разными путями въ одному и тому же мѣсту. Не можетъ быть, чтобы всѣ пути были равно близки и равно выгодны: такъ точно и во многомъ количествѣ методъ непрѣменно одна другой бываетъ лучше, одна другой хуже. Кажется, полезнѣе было бы изъ всѣхъ много-различныхъ методъ избрать лучшую и узаконить оную для всѣхъ училищъ одинакой степени. Но для составленія книгъ такого рода, нужно содѣйствіе всего ученаго сословія въ Россіи. Нѣтъ и не можетъ быть такого всеобъемлющаго генія, который бы могъ во всѣхъ наукахъ проникнуть все съ величайшею точностію, ничего не упустить и создать системы порознь каждой науки въ полномъ совершенствѣ. Правда, нѣкоторые у насъ брались за все, но изъ сего выходило то, что составленныя ими книги едва только входили въ употребленіе по училищамъ, какъ воморъ послѣ того были отмѣняемы и, что всего хуже, были признаваемы вредными,—и это потому, что сочинители ни особенною опытностію, ни особеннымъ довѣріемъ и покровительствомъ не пользовались у тѣхъ, кои

либить власть вводить ихъ сочиненія во всеобщее употребленіе. Но если учеными людямъ повелѣно будетъ всякому по своему предмету составить сочиненія и книги, то, поелику преподающіе, чрезъ опытность, пріобрѣтенную ими при самомъ преподаваніи, равно чрезъ соображеніе свое съ понятіемъ учащихся, знаютъ сіе дѣло болѣе другихъ, нѣтъ сомнѣнія, что изъ ихъ сочиненій можно выбрать лучшее, которое и поставить всеобщимъ руководствомъ въ другихъ училищахъ.

Для поощренія же къ сему самымъ ученыхъ, лучшее средство есть предоставить имъ награду, соответствующую ихъ трудамъ, которою удостоить того, чье сочиненіе, по разсмотрѣніи правительства, окажется наилучшимъ и къ употребленію способнѣйшимъ. А дабы тѣ, кои пожелаютъ заняться сочиненіемъ такихъ книгъ, могли имѣть въ виду цѣль правительства, то для того нужно ихъ снабдить особенною инструкціею, или же, выписавъ изъ Австріи въ нѣсколькихъ экземплярахъ нѣкъ ихъ учебныя пособія, предписать—при сочиненіи соображаться съ оными.

Впрочемъ, профессоры университетовъ, въ коихъ предполагается глубокое и отиѣнное знаніе ученыхъ предметовъ, не должны быть ограничиваемы опредѣленными книгами, а могутъ читать по своимъ запискамъ, предварительно однакожъ представивъ мѣстному начальству подробный объ оныхъ конспектъ.

7) Должно поставить неизмѣннымъ правиломъ, чтобы въ государственной службѣ, ни въ гражданской, ни въ военной, никто не былъ произведенъ въ штабъ-офицерскіе чины, кто не представитъ свидѣтельства, что онъ въ публичныхъ училищахъ кончилъ курсъ наукъ по крайней мѣрѣ въ предуготовительномъ или философскомъ факультетѣ, ибо нѣтъ, кажется, другаго средства заставить русскихъ дворянъ учиться въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но поелику цѣль, которую имѣетъ правительство при образованіи юношества, состоитъ въ томъ, чтобы приготовить не только просвѣщенныхъ науками, но и наставленныхъ въ добродѣтели полезныхъ сыновъ отечества: то изъ сего уже естественнымъ образомъ слѣдуетъ, что и предметы наукъ, въ училищахъ преподаваемые, должны основываться на страхъ Божиимъ, на повиновеніи царю и правительству и на взаимной любви между всеми сословіями. Для сего во всякомъ учебномъ заведеніи непремѣнно должны быть соблюдаемы:

1, Строгий порядокъ, 2, строгая нравственность и 3, чтобы юношество не поверхностнымъ, но основательнымъ, образомъ оканчивало курсъ наукъ.

По первому изъ сихъ условій, юноша заблаговременно самъ приучится къ порядку, столь нужному для него въ гражданской его жизни, а особливо въ государственныхъ должностяхъ, которые безъ соблюденія строгаго порядка никакъ съ точностію исполняемы быть не могутъ.

По второму условію, онъ получить во всѣхъ своихъ наклонностяхъ направленіе къ добру и благороднымъ чувствованіямъ: ибо если то достовѣрно, что первыя впечатлѣнія юныхъ лѣтъ никогда не изглаждаются, то и то не подвержено никакому сомнію, что привыкшій къ строгой нравственности юноша, и возмужавъ, сохранить ее и будетъ во всей жизни своей соблюдать тѣ обязанности, кои внушены ему совѣтами и примѣромъ добрыхъ наставниковъ, а потому во всѣхъ училищахъ нужно, сверхъ главнаго начальника, постановлять всегда и правонаблюдателя надъ учащимися, котораго бы главная обязанность была смотрѣть за ихъ нравственностію. Правонаблюдатель всегда можетъ быть избираемъ изъ самыхъ наставниковъ; въ случаѣ же училище находится въ большомъ какомъ городѣ, то можно, сверхъ того, избрать двухъ или болѣе помощниковъ, которые бы доносили о поведеніи учениковъ, находящихся подъ ихъ надзоромъ, стараясь между тѣмъ съ своей стороны примѣромъ и увѣщаніями исправлять ихъ нравственность. Необходимо однакожъ нужно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а особливо въ страстныхъ привычкахъ и другихъ порокахъ, разрѣшить — наказывать учениковъ, по предварительномъ увѣщаніи, тѣлесно, что и въ Австрійской монархіи строго наблюдается, гдѣ, въ случаѣ важныхъ проступковъ, даже иногда дѣти князей, бароновъ и графовъ, наказываются на тѣлѣ. Сіе наказаніе, увѣряя ихъ въ возможности онаго, отвлечетъ ихъ отъ тѣхъ проступковъ, въ коихъ обыкновенно увлекаетъ ихъ увѣренность, что они свободны отъ подобныхъ наказаній. Въ случаѣ же многократныхъ увѣщеваній и неисправленія учениковъ, призывать ихъ въ самое правленіе училища и въ присутствіи главнаго начальника дѣлать имъ еще увѣщаніе, послѣ котораго, буде не исправятся, таковыхъ непослушныхъ исключать изъ училища; и при томъ постановить за правило, чтобы исключенные изъ одного училища не могли быть принимаемы въ другое. Ибо къ числу способовъ развращенія и пренебреженія наукъ принадлежитъ и то, что ученики дурнаго поведенія, исключенные изъ одного училища, переходятъ въ другое и тѣмъ только портятъ другихъ своихъ сотоварищей. Но дабы такое постановленіе не показалось жестокимъ, то, по исключеніи, можно и опять принимать ученика, когда видны будутъ признаки истиннаго его раскаянія, — но не иначе, какъ въ тоже училище, и сіе единственно съ тѣмъ, чтобы и другіе изъ обучающихся таковымъ примѣромъ убѣждались, сколь пагубна безнравственность. Для избѣжанія же, чтобы не произошло при

семъ обмана (ибо въ другомъ училищѣ не могутъ знать о такомъ исключаемомъ), должно выданныя о званіи учащагося свидѣтельства препровождать училищамъ при своихъ отношеніяхъ къ дворянскимъ предводителямъ или въ другія мѣста, въ коиъ, по своему званію, исключенный принадлежить, съ прописаніемъ, что *такой-то* исключень, и чтобы предводитель, или другія мѣста, не выдавали впредь просителямъ свидѣтельствъ для обученія ихъ наукамъ; да и запретить принимать въ училище тѣхъ, у коиъ не будетъ свидѣтельствъ, нарочно имъ данныхъ, для продолженія наукъ. Такое однакожъ запрещеніе касается однихъ только исключенныхъ.

Поелнву же ограничивать свободу родителей—обучать дѣтей своихъ гдѣ они пожелаютъ—было бы несообразно съ цѣлю правительства, то переходъ въ другія училища не должно возбранять тѣмъ, кои добровольно, по какимъ нибудь семейнымъ обстоятельствамъ, просятъ объ увольненіи ихъ изъ училища, и, получивши оное, опредѣляются въ другое училище, тѣмъ паче, что чрезъ таковой порядокъ, когда установится всеобщее единообразіе въ учебныхъ заведеніяхъ, обучающійся ничего не потерпитъ: ибо тогда уволенный, напр. по окончаніи перваго класса, можетъ, безъ потери времени, прямо поступить во второй классъ въ другомъ училищѣ, и такъ далѣе.

Касательно третьяго условія смѣло можно сказать, что поверхностное познаніе многихъ вещей никогда не было ни къ чему полезно. Оно производитъ только странное смѣшеніе идей о разныхъ предметахъ, сбивчивыя понятія о вещахъ, нетвердость правилъ въ жизни, скороспѣлость сужденій и превратное толкованіе истинъ самыхъ священныхъ, а слѣдовательно и несчастіе наше. А отсюда нерѣдко бываетъ и то, что многіе лжеполитики, видя недоучившихся студентовъ и отъ нихъ происшедшіи въ нѣкоторыхъ университетахъ и другихъ училищахъ шалости, берутъ на себя трудъ клеветать противъ наукъ и, приписывая имъ вредное внушеніе къ непопозволительной свободѣ и равенству, полагаютъ, что науки вредны для государства. Но почему же не положить, что художества и ремесла такъ же вредны для государства, ибо во многихъ странахъ молодые ремесленники дѣлали подобныя шалости и даже буйства, а особливо во Франціи и Германіи, пока не послѣдовало тамъ совершенное преобразование и устройство цѣховъ?—однакожъ доселѣ никто сего сказать не могъ. — Всѣ науки имѣютъ общую верховную цѣль—руководствовать насъ въ познаніи Бога; чрезъ познаніе же Бога, который есть Самъ истина, является для насъ чудеснымъ устроенный имъ порядокъ вещей, такъ что превосходительнѣшіе повелѣваютъ, а худшіе слу-

жать ¹⁾. Слѣдовательно, если учившіеся не удовлетворяютъ ожиданіямъ правительства; ежели поступками своими дѣлаютъ противное благу государства: то не въ наукахъ должно искать причинъ сему, а въ забвеніи страха Божія, въ безнравственности и въ несовершенномъ окончаніи наукъ. Убѣждаясь въ сей истинѣ, вандлеръ Баконъ Веруламскій, просвѣщеннѣйшій Великобританніи мужъ и великій государственный чело-вѣкъ, давно уже сказалъ, защищая любомудріе, что поверхностное оваго познаніе, можетъ быть, и ведетъ къ безбожію, но что основательнымъ въ ономъ свѣдѣніи обращаютъ насъ къ истинному познанію Бога ²⁾. Такимъ образомъ о наукахъ можно утвердительно сказать, что или не должно начинать, или должно совершенно кончать.

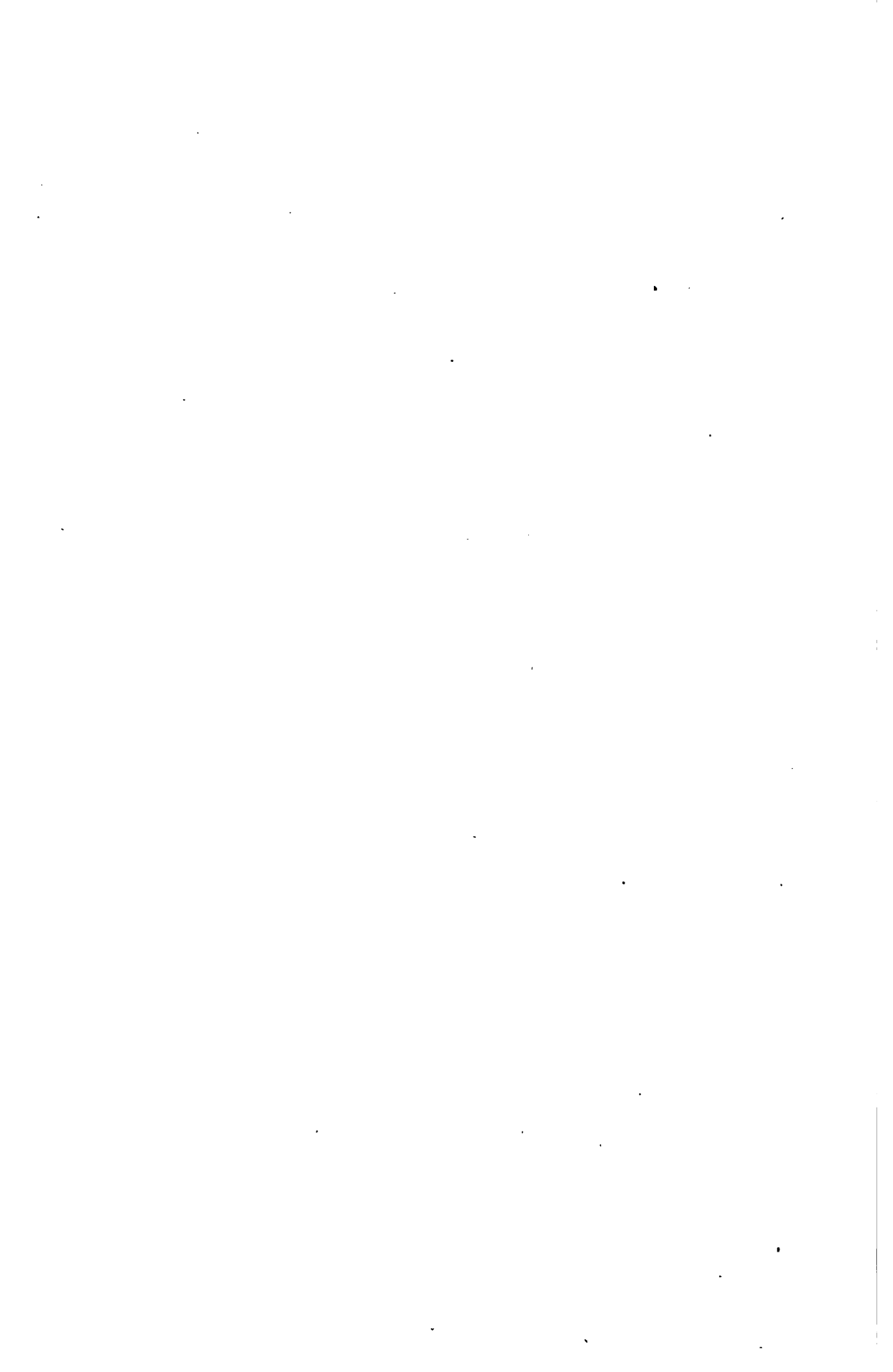
¹⁾ Universi mens (Deus) commnionis mutuae amans est, itaque deteriora quaeque praestantiorum causa fecit; praestantiora sibi invicem conciliavit. Vides, ut res singulas 'ordini justo subdidit, pro dignitate sua suum cuique attribuerit, praestantissimas mutuo sibi invicem consensu devinxerit. См. Marci Antonini imperat L. XII. p. 248.

Adspicias, ut semper dependeant alter ab uno.
Sunt semper domini, sunt servi, sunt et amici:
Sic voluit Deus! Jdem ut coniungantur amicis
Officiis homines animisque hoc ordine sanxit.

Totius sic fit robur, penuria partis. Alex. Pope. Comment. de homine. Epist. 3 p. 57.

²⁾ Persvasum habeo leves in philosophia gustus forsan ad atheismum, pleniore vero illius haustus ad veram Dei cognitionem ducere.

III.
ПРИЛОЖЕНІЯ.

РѢЧЬ
М. ТУЛІЯ ЦИЦЕРОНА

0

КОНСУЛЬСКИХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ.

РѢЯСНИЛЪ

Р. ФОХТЪ.

КІЕВЪ.

Типографія М. П. Фрица, на большой Владимір. у., возлѣ пам. св. Ирины собст. д.

1879.

Печатано по опредѣленію Конференціи Истор.-филологич. института князя Безбородко.

(Извлеч. изъ «Изв. Истор.-филологич. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ»
за 1878 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемомъ изданіи я въ латинскомъ текстѣ, кромѣ незначительныхъ орфографическихъ отступленій, только въ двухъ мѣстахъ отступилъ отъ текста Клотца въ изданіи Тейбнера. Въ IV, 8 я. вм. чтенія рукописей *posterior*, съ Ламбиномъ и Орелли написалъ *protervior*, потому что необыкновенное значеніе слова *posterior* не довольно казалось обезпеченнымъ словами Г. Гракха у *Gell.* XV, 12, 3. *omnium nationum postremissimum nequissimumque*, а въ подобномъ мѣстѣ, *Cic. Pis.* 27, 66, вм. *posterius*, какъ читается въ другихъ рукописяхъ, Ватиканская рукопись представляетъ *protervius*. Въ VI, 16. я вм. рукописнаго чтенія *quoniam uni praeter se iniusta est* принялъ догадку Гальма q. u. p. s. i. sit, потому что хотя и встрѣчается у Цицерона нѣсколько относительныхъ предложеній съ изъяснительнымъ, въ которыхъ возвратное мѣстоимѣніе относится къ подлежащему главнаго предложенія, но нѣтъ, сколько мы знаемъ, подобнаго винословнаго предложенія. Главное вниманіе было обращено не на критику, но на толкованіе, особливо на толкованіе многочисленныхъ историческихъ фактовъ и учреждений, которыя въ рѣчи упоминаются, и на выясненіе связи мыслей. На послѣднее, особливо на разсматриваніе силлогизмовъ, лежащихъ въ основѣ доказательствъ, это изданіе претендуетъ какъ на свою, сравнительную, собственность, потому что въ этомъ отношеніи мало было сдѣлано другими, между тѣмъ по нашему мнѣнію для упражненія въ собственномъ логическомъ мышленіи и въ обсужденіи чужихъ мыслей не достаточно ни теоретическаго изученія логики ни одностороннаго приложенія ея въ математикѣ, но очень нужно вниканіе въ логическій строй мыслей читаемыхъ авторовъ. Въ историческомъ отношеніи, напротивъ,

трудно было сказать что-нибудь, что не было бы сказано равьше другими—даже къ этой самой рѣчи почти все нужное сказано въ изданіи Тишера—а также и грамматическія и лексикологическія замѣтки, по большей части заключаютъ въ себѣ то, что находится въ другихъ книгахъ. Ссылокъ на эти книги, однако, не встрѣчается, потому что нельзя предполагать послѣднихъ въ рукахъ учащихся, для которыхъ изданіе назначено. Исключеніе сдѣлано только для грамматикъ Ходобая и Кесслера, которыя иногда приводятся, какъ больше всѣхъ, и по заслугамъ, употребляемыя, и для стилистики Негельсбаха въ обработкѣ Страхова, какъ для золотой книги, которая вполнѣ заслуживаетъ возможно большаго распространенія.

ВВЕДЕНІЕ.

Рѣчь *de provinciis consularibus* была сказана въ сенатѣ, въ консульство Гнея Корнелія Лентула Марцеллина и Луція Марція Филиппа, т. е. въ 56 г. д. Р. X., по всей вѣроятности въ іюнѣ мѣсяцѣ, такъ какъ 15 мая Цицеронъ былъ въ Antium (Cic. ad Qu. fr. II, 8, 1, 2; ad fam I, 9, 8) и послѣ принялъ участіе въ другихъ предшествовавшихъ этой рѣчи совѣщаніяхъ о благодарственномъ молебствіи за побѣды Цезаря, о жалованіи новымъ легионамъ и о десяти легатахъ (*de prov. cons. c. 11*), а изъ обращенія его въ самой рѣчи къ консулу Филиппу дѣлается вѣроятнымъ, что тотъ тогда имѣлъ *fascēs*, между тѣмъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ онъ не могъ имѣть *fascēs*, потому что другой консулъ *Marcellinus* имѣлъ ихъ въ январѣ мѣсяцѣ, а консулы чередовались между собою помѣсячно. Вызвана она была сенатскимъ совѣщаніемъ о назначеніи провинцій консуламъ 55 года на время съ 54 года впредь до усмотрѣнія сената, на основаніи Семпроніева закона. Вѣдь народный трибунъ *C. Sempronius Gracchus*, въ 122 году до Р. X., внесъ законъ *de provinciis consularibus*, по которому, чтобы консуловъ освободить отъ пристрастнаго распредѣленія провинцій, сенатъ еще до выборовъ долженъ былъ назначать консуламъ провинціи до усмотрѣнія, и трибуны не могли протестовать противъ такого назначенія (*de prov. cons. 7, 17*). Съ начала консулы и въ самое консульство бывали въ провинціяхъ, а послѣ *lege Cornelia* Суллы, было положено, чтобы оба консула въ годъ своей собственной должности, оставались въ Римѣ и отправлялись въ свои провинціи по окончаніи консульства. Тотъ же самый законъ опредѣлилъ, чтобы и преторы по окончаніи городской должности отправлялись на годъ въ провинціи, которыя сенатъ, какъ уже до Семпроніева закона, назначалъ имъ во время

преторства, не обезпеченный, однако, противъ протеста трибуновъ. Народъ только въ видѣ исключенія назначалъ провинціи, а назначилъ *lege Vatinia*, въ 59 году, Цезарю предальпійскую Галлію съ *Shugicum* на пять лѣтъ; ему же сенатъ назначилъ заальпійскую Галлію, но, какъ вообще, безъ опредѣленнаго срока до усмотрѣнія. Въ 56 году, когда назначались консульскія провинціи, часть сенаторовъ хотѣла изъ вражды къ Цезарю, чтобы отнять у него или обѣ Галліи или предальпійскую или заальпійскую, назначить консуламъ или Сирію съ одной либо другой Галліею, или обѣ Галліи, а *P. Servilius Vatia Isauricus* заявилъ четвертое мнѣнія, именно отозвать *L. Калпурнія Пизона* изъ Македоніи и *Авла Габинія* изъ Сиріи и въ эти провинціи послать консуловъ. Къ этому мнѣнію присоединился и *Цицеронъ*. Тогда, впрочемъ, не состоялось никакого рѣшенія. Но послѣ выборовъ новые консулы, *Крассъ* и *Помпей* получили не отъ сената но отъ народа, по предложенію трибуна *Луція Требонія*, первый Сирію, а второй Испанію, на 5 лѣтъ. А въ Македонію уже къ началу 55 года былъ посланъ преторъ *Квинтъ Анхарій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вся рѣчь состоитъ изъ приступа—*exordium*—(С. 1), предложенія темы—*propositio*—(2, 3), доказательствъ—*probatio*—(2, 3—19, 46) и заключенія—*conclusio*—(С. 20); нѣтъ у нея разсказа—*narratio*,—который въ другихъ рѣчахъ слѣдуетъ за приступомъ, и раздѣленія—*divisio*,—мѣсто которому, гдѣ оно встрѣчается, послѣ предложенія темы.

Въ приступѣ *Ц.* говоритъ, что надо отъ него ожидать мнѣнія за отозваніе изъ провинцій лицъ, противъ которыхъ онъ раздраженъ, и что такое мнѣніе найдутъ естественнымъ и необходимымъ, а потому и безукоризненнымъ, даже въ случаѣ отсутствія единомышленниковъ и нецѣлесообразности его, что, однако, оно и государству полезно и прежде заявлено другимъ, и что онъ, заявляя мнѣніе, не приметъ въ расчетъ своего раздраженія.—Такимъ образомъ признаваясь въ своемъ раздраженіи и представляя его справедливымъ, онъ обнаруживаетъ искренность и противодействуетъ подозрѣнію, будто онъ тайкомъ руководится чувствомъ

личнаго оскорбленія; упоминая о другомъ, заявившемъ то же мнѣніе, придаетъ вѣроятность утверждаемой независимости своей отъ этого раздраженія и внушаетъ довѣріе къ своему безпристрастію: тѣмъ и другимъ возбуждаетъ къ себѣ и своему предложенію сочувствіе, согласно съ предписаніемъ риторовъ, требующихъ, чтобы приступомъ пріобрѣталось сочувствіе и внимательность слушателей и давалась имъ возможность понять слѣдующую рѣчь.

Въ предложеніи темы Ц. говоритъ, что были заявлены мнѣнія о 4-хъ провинціяхъ, о Галліяхъ, Македоніи, Сиріи, а что надо консуламъ будущаго года назначить Македонію и Сирію.

Изложеніе доказательствъ хотя и содержитъ доказательства какъ за мнѣніе Цицерона, такъ противъ другихъ мнѣній, но не распадается на особенную *confirmatio* для первыхъ и *infirmatio* для послѣднихъ, но доказательства обоихъ родовъ встрѣчаются перемѣшанными вмѣстѣ. Первая часть этого изложенія заключаетъ въ себѣ доказательство, взятое изъ личности Пизона и Габинія (2, 3—8, 17); доказательства другой части относятся къ Цезарю (8, 18—19, 46). Доказательство первой части сводится къ слѣдующему ряду силлогизмовъ.

- I. Больш. посылка. Если надо отозвать Пизона и Габинія, то надо консуламъ назначить Македонію и Сирію. Ибо
- II. б. Если ихъ надо отозвать, то не надо дѣлать то, вслѣдствіе чего они не будутъ отозваны.
- II. меньш. пос. Если Македонія и Сирія не будутъ назначены, то они не будутъ отозваны. Ибо
- III. б. Если будутъ назначены Галліи, обѣ или одна, то они не будутъ отозваны. Ибо
- IV. б. Если Галліи будутъ назначены, то Пизонъ и Габиній или не будутъ отозваны или ихъ провинціи сдѣлаются преторскими.
- IV. м. А преторскими онѣ не будутъ сдѣланы, благодаря предвидимому протесту.
- III. м. А если Сирія и Македонія не будутъ назначены, то будутъ назначены или обѣ Галліи или одна.
- I. м. А Пизона и Габинія надо отозвать. Ибо
- V. б. Надо отозвать тѣхъ, которые не по закону получили провинціи;

- V. м. А Пизонъ и Габиній такъ получили ихъ.
- VI. б. Кто совершилъ извѣстныя дѣла въ городѣ, того надо отозвать;
- VI. м. А Пизонъ и Габиній совершили эти дѣла.
- VII. б. Кто виновенъ въ раззореніи Македоніи, въ потерѣ римскаго войска, въ алчномъ лихоимствѣ, въ оскорбленіи вольнаго города, въ предосудительномъ поведеніи въ городѣ: того надо отозвать изъ Македоніи;
- VII. м. Пизонъ во всемъ этомъ виновенъ.
- VIII. б. Кто за плату совершилъ убійство, потерялъ войско, по всѣмъ дѣламъ бралъ взятки, раззорилъ откупщиковъ, того надо отозвать изъ Сиріи;
- VIII. м. Габиній все это сдѣлалъ.
- IX. б. Кто уже прежде былъ заклеименъ сужденіемъ сената, того надо отозвать.
- IX. м. Пизонъ и Габиній вмѣстѣ заклеимены прежнимъ желаніемъ сената отозвать ихъ, Габиній сверхъ того отказомъ сената въ благодарственномъ молебствіи. Ибо не вѣрно, что этимъ отказомъ Габиній не заклеименъ потому, что подобный отказъ получилъ прежде и Албуцій. Ибо
- X. б. Если бы это было вѣрно, то Албуцій не былъ бы заклеименъ и отказъ ему относился бы къ дѣлу подобному, по величію, будто бы совершеннымъ Габиніемъ подвигамъ, и къ подобной причинѣ.
- X. м. А дѣло Габинія не похоже на дѣло Албуція ни въ томъ ни въ другомъ отношеніи, и отказъ ему заклеимилъ его.
- I. Заключение. И такъ надо назначить Македонію и Сирію.

Не всѣ, однако, положенія этихъ силлогизмовъ высказаны, и высказанныя—не въ означенномъ порядкѣ. Прежде всего доказывается меньшая посылка основнаго силлогизма, I. м. (--7, 16). Бѣльшая посылка понятна уже изъ заключенія, высказаннаго въ *propositio*, и изъ меньшей посылки, и потому не высказывается. Но она т. е. что, если надо отозвать Пизона и Габинія, то надо назначить Сирію и Македонію, доказывается въ § 17. Устанавливается положеніе, что, если Галліи будутъ назначены, то Пизонъ и Габиній не будутъ отозваны (III. б.). Затѣмъ, въ видѣ возраженія и опроверженія его, это положеніе подтверждается (IV.). А вывести изъ

него, что, если Сирія и Македонія не будутъ назначены, то Пизонъ и Габиній отозваны не будутъ, и, для этого вывода, меньшую посылку (III. м.), что Галліи будутъ назначены, если не будутъ назначены Македонія и Сирія, подразумѣвать изъ *propositio* рѣчи точно такъ предоставляется читателю, какъ подразумѣваніе большей посылки въ силлогизмъ II, которая, конечно, до того разумѣется сама собою, что не нуждается въ особенномъ установленіи.

Вторая часть изложенія доказательствъ основывается на томъ силлогизмѣ, что, если не надо отзывать Цезаря, то понадобится назначить Македонію и Сирію, а Цезаря отзывать не надо, и слѣдовательно надобно назначить упомянутыя провинціи. Устанавливается изъ этихъ положеній, въ началѣ § 18, только меньшая посылка: *C. Caesari nondum succedendum*. Она же и одна доказывается, между тѣмъ какъ большая посылка сама вытекаетъ изъ того, что сказано въ *propositio* рѣчи. Но доказывается не прямо, что не надобно Цезаря отзывать, а такъ какъ Цицерону, во время самой рѣчи, возразили, что онъ долженъ быть врагомъ Цезаря и потому не долженъ заявлять мнѣніе за оставленіе его въ Галліи, то Цицеронъ, въ отвѣтъ этому возраженію, доказываетъ, что это не такъ; причемъ, однако, въ каждомъ доказательствѣ доказывается и то, что отозваніе Цезаря само по себѣ не умѣстно. Упомянутое возраженіе сводится къ такому силлогизму: Если Цицеронъ долженъ быть врагомъ Цезаря, то онъ не долженъ заявлять мнѣніе за оставленіе его въ Галліи; а онъ долженъ быть врагомъ его: слѣдовательно онъ не долженъ подавать голоса за оставленіе Цезаря. Соотвѣтственно тому Цицеронъ опровергаетъ впервыхъ большую посылку тремя доказательствами, а за тѣмъ меньшую однимъ. Въ первомъ (8, 18—19) заключается такъ:

- I. б. Если оставленіе Цезаря въ Галліи полезно государству, то Цицеронъ, имѣя въ виду эту пользу, даже если онъ врагъ и остается врагомъ Цезаря, хорошо поступаетъ, заявляя мнѣніе за его оставленіе. Ибо
- II. б. Другіе хорошо поступали, въ пользу государства дѣйствуя за своихъ враговъ;
- II. м. Цицеронъ, заявляя мнѣніе, точно такъ же дѣйствуетъ за врага въ пользу государства, если онъ врагъ Цезаря и остается такимъ

- I. м. Оставленіе Цезаря полезно для государства. Ибо
 III. б. Окончаніе войны въ Галліи полезно;
 III. м. Оставленіе Цезаря составляетъ условіе окончанія этой войны.
 I. з. Слѣдовательно Цицеронъ, даже если онъ врагъ Цезаря, поступаетъ хорошо.

Сперва устанавливается большая посылка главнаго силлогизма (I, б. *Cui si respondeam me communis utilitatis habere rationem*) и тотчасъ подтверждается меньшею посылкою втораго силлогизма (II. м. *quod exemplo fortissimorum civium facere possim*), за которою слѣдуетъ большая посылка втораго (II. б.), съ исчисленіемъ тѣхъ, которые хорошо поступали, дѣйствуя въ пользу враговъ и вмѣстѣ на общественную пользу. Затѣмъ слѣдуетъ меньшая посылка третьяго силлогизма (III. м.), служащаго подтвержденіемъ меньшей посылки главнаго силлогизма, но послѣдняя сама, равно какъ и большая посылка третьяго (I. м. и III. б.), опускаются, первая потому, что прямо вытекаетъ изъ третьяго силлогизма; вторая, потому что очевидна сама по себѣ. Наконецъ слѣдуетъ заключеніе перваго силлогизма. Вѣдь „*Ergo amicus esse rei publicae debeo*“, равносильно положенію, что Цицеронъ хорошо поступаетъ, стоя за оставленіе Цезаря, такъ какъ поступающій, какъ долженъ поступить, поступаетъ хорошо, а дружба къ государству, въ данномъ случаѣ, оказывается именно въ защитѣ полезнаго оставленія Цезаря.

Второе доказательство, обнимающее §§ 20—25, состоитъ изъ двухъ доводовъ; первый изъ слѣдующихъ силлогизмовъ:

- I. б. Если Цицеронъ до сихъ поръ былъ врагомъ Цезаря, а теперь, отказываясь отъ этой вражды, высказывается за оставленіе его въ Галліи, то это не предосудительно, если онъ это дѣлаетъ для государства. Ибо
 II. б. Если другіе, бывши врагами, отказались отъ вражды, чтобы дѣлать полезное бывшимъ врагамъ, то это было не предосудительно, если они это дѣлали для блага государства.
 II. м. Случай Цицерона похожъ на случай упомянутыхъ лицъ.
 I. м. Если Цицеронъ былъ врагомъ Цезаря и, отказываясь отъ этой вражды, подаетъ голосъ за оставленіе его, то онъ это дѣлаетъ изъ-за государства. Ибо

- III. б. Кто полезенъ государству, тому Цицеронъ не можетъ остаться врагомъ. Ибо
- IV. б. Если Цицеронъ для блага государства принялъ вражду, то и отказывается отъ вражды для блага государства,
- IV. м. А онъ, для блага государства, принялъ вражду, съ Катилиною и Клодіемъ.
- III. м. А Цезарь полезенъ государству.

I. з. Слѣдовательно Цицеронъ, если онъ былъ врагомъ Цезаря и, отказываясь отъ этой вражды, высказывается за его оставленіе, то поступаетъ не предосудительно.

Прежде всего устанавливается большая посылка главнаго силлогизма (I. б. *Quid-si ipsas inimicitias depono reipublicae causa, quis me-iure reprehendat*), съ меньшей посылкою II. м. (*exempla*) и съ большею (II. б.) доказывающаго силлогизма—9, 22, sub fin.— За тѣмъ приводится, § 22, fin., меньшая посылка главнаго силлогизма, I. м. (*An ego possum*) до § 23, sub fin. (*restituit in gratiam*), а вставлена меньшая посылка доказывающаго ее силлогизма III. м. (*cuius literis-locorum*) и прибавлена его же большая посылка III. б. (*Quod volent-amicus*), съ IV. б. и IV. м. въ § 24.

Другой доводъ заключаетъ въ себѣ такой силлогизмъ:

- б. Кто дѣлаетъ то, что сдѣлалъ сенатъ, тотъ поступаетъ не предосудительно.
- м. Цицеронъ, если отказывается отъ вражды къ Цезарю, дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ сенатъ.
- з. И такъ онъ, въ такомъ случаѣ, не поступаетъ предосудительно.

Большая посылка не установлена; меньшая посылка обстоятельнѣе изложена, а посреди ея есть и намекъ на заключеніе.

Изложенными двумя доказательствами доказывается непредосудительность мнѣнія Цицерона въ пользу оставленія Цезаря въ Галліи, въ случаѣ продолжающейся или бывшей, но теперь прекращенной вражды его къ Цезарю. Начиная съ 11, 26 и до 16, 39, доказывается, что осуждающіе Цицерона за означенное мнѣніе не имѣютъ права на такое осужденіе. Ходъ доказательства слѣдующій:

- I. б. Кто не былъ осужденъ, назначая врагу скорѣе лично полезное, чѣмъ полезное или необходимое для государства, тотъ

не долженъ бѣть осужденъ, прежде не осудившими, назначая тому же врагу скорѣе полезное для государства, чѣмъ лично полезное.

- I. м. Цицеронъ, если онъ (былъ или еще теперь есть) врагъ Цезарю, не былъ осужденъ, назначая ему, какъ врагу, лично полезное, а теперь, высказываясь за его оставленіе въ Галліи, назначаетъ ему то, что скорѣе полезно государству, чѣмъ ему самому. Ибо
- II. б. Благодарственное молебствіе, жалованіе, 10 легатовъ скорѣе Цезарю лично были полезны.
- II. м. Назначенное Цезарю Цицерономъ состояло именно изъ этого.
- II. з. Слѣдовательно назначенное имъ было скорѣе Цезарю лично полезно.
- III. б. Если оставленіе въ Галліи Цезарю лично полезно, то или пребываніе тамъ ему пріятно, либо ради красоты страны, либо ради образованности жителей, либо ради желаемой побѣды, либо ради распространенія имперіи, или возвратъ въ Римъ ему непріятенъ, либо изъ-за сената, либо изъ-за народа, либо изъ-за послѣдствій нынѣшняго возврата для его славы.
- III. м. Но нѣтъ ни того ни другого ни по какому поводу.
- III. з. Слѣдов. оставленіе въ Галліи ему лично не полезно.
- IV. б. Что уничтожить единственную для государства опасность, то государству полезно, упрочивая миръ.
- IV. м. Оставленіе Цезаря въ Галліи это сдѣлаетъ. Ибо
- V. б. Кто одинъ единственную опасность для государства, со стороны Галліи, почти уничтожилъ, тотъ, будучи тамъ оставленнымъ, одинъ совершенно уничтожить ее.
- V. м. Цезарь одинъ это сдѣлалъ.
- V. з. Слѣдов. оставленіе его въ Галліи уничтожить эту опасность.
- IV. з. Оставленіе Цезаря для государства полезно.
- VI. б. Если тѣ мѣры вредны, которыя будутъ приняты въ случаѣ отозванія Цезаря, то оставленіе его полезно.
- VI. м. А онѣ вредны. Ибо
- VII. б. 1. Отнятіе заальпійской Галліи вредно, потому что
  - а) мѣшаетъ окончательному покоренію Галліи,

- b) признаетъ фактически незаконное порученіе Цезарю предъальпійской Галліи,
- c) отмѣняетъ рѣшеніе сената.
- 2. Отнятіе предъальпійской Галліи вредно, потому что, соблюдая Ватиніевъ законъ, бывшаго консула на два мѣсяца лишитъ провинціи;
- 3. Отнятіе какъ одной такъ и другой Галліи вредно, потому что вслѣдствіе его
  - a) оставляется въ Македоніи Пизонъ.
  - b) оскорбляется Цезарь и отчуждается отъ сената;
- 4. Вредъ отнятія предъальпійской Галліи не уравнивается устраненіемъ перехода этой провинціи въ чужія руки, наперекоръ сенату, потому что Цезарь, отличный сенатомъ, не пойдетъ противъ него.

VII. м. Мѣры, которыя будутъ приняты въ случаѣ отозванія Цезаря, состоятъ въ отнятіи или одной Галліи или обѣихъ.

VI. з. И такъ оставленіе Цезаря полезно.

I. з. Цицеронъ не долженъ быть теперь осужденъ тѣми, которые не осуждали его прежде въ означенныхъ случаяхъ.

Изъ означенныхъ частей силлогизмовъ первое высказывается заключеніе основнаго силлогизма, вмѣстѣ съ меньшею посылкою (I, з. съ I. м.), между тѣмъ какъ большая посылка подразумѣвается (I, б.), 11, 26, in.—Вслѣдъ за тѣмъ подтверждаются отдѣльныя части этой меньшей посылки. Во первыхъ положеніе, что то, что Цицеронъ прежде, не подвергаясь осужденію, мнѣніемъ своимъ назначилъ Цезарю, было полезно скорѣе Цезарю самому, чѣмъ государству, съ 11, 26—28. Во вторыхъ положеніе, что оставленіе въ Галліи Цезарю не полезно, 12, 29—30, при чемъ большая посылка скрывается въ словахъ § 29 (*Nam ipse Caesar quid est cur etc*). Въ третьихъ, для подтвержденія того, что оставленіе Цезаря въ Галліи полезно для государства, упоминается о томъ, что только со стороны Галліи Римлянамъ еще угрожаетъ опасность. 12, 30. fin. и 31; излагается, что остальные, прежніе полководцы, только на время устраняли эту опасность, 13, 32. s. f., а Цезарь почти уже уничтожилъ ее, 13, 32. f — 14. 34; выводится затѣмъ изъ того, при подразумѣваніи большей посылки V, б., что только Цезарь можетъ уничтожить эту

опасность, 14, 35.—Въ четвертыхъ польза оставленія Цезаря для государства доказывается доводомъ, что мѣры, которыя будутъ приняты, если Цезаря не оставятъ, вредны. Большая посылка VI. б. выпускается; меньшая VI. б. устанавливается 15, 35. in. и тотчасъ подтверждается большею посылкою новаго силлогизма VII. б., при подразумѣваніи меньшей—16, 39. Точно такъ и заключеніе VI, з. опускается.

Доказавъ такимъ образомъ, что даже если онъ остается врагомъ Цезаря, или былъ, но уже перестаетъ быть такимъ, то поступаетъ не предосудительно, высказываясь за оставленіе Цезаря въ Галліи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ доказательство этого положенія, доказавъ, что должно Цезаря въ Галліи оставить, Цицеронъ еще доказываетъ, что онъ потому не долженъ стоять противъ оставленія Цезаря въ Галліи, что онъ, по истинѣ, не имѣетъ причины быть врагомъ Цезарю. Все это изложеніе основано на слѣдующихъ силлогизмахъ:

- I. б. Кто будучи человѣкомъ благодарнымъ, или вовсе не потерпѣлъ обиды отъ другого, или, если потерпѣлъ, то послѣ получилъ добро, и притомъ не обязанъ быть врагомъ изъ-за другихъ, тотъ не имѣетъ причины быть врагомъ этому другому.
- I. м. Цицеронъ есть человѣкъ благодарный и или не потерпѣлъ отъ Цезаря обиды, или, если потерпѣлъ, былъ за нее вознагражденъ добромъ, и не обязанъ быть ему врагомъ изъ-за другихъ. Ибо
- II. б. Если бы онъ потерпѣлъ обиды или, потерпѣвъ такія, не былъ вознагражденъ добромъ, то это случилось бы или въ молодость его или въ началѣ политической дѣятельности или въ консульство Цезаря или послѣ.
- II. м. Но прежде положительно не получилъ обиды, а послѣ консульства Цезаря или также не получилъ или, если получилъ, то былъ послѣ вознагражденъ добромъ, при отозваніи въ Римъ.
- II. з. Слѣдовательно онъ или не получилъ обиды, или, если получилъ, былъ вознагражденъ добромъ.
- III. б. Кто не требовалъ отъ другихъ участія въ своихъ враждахъ, тотъ и не обязанъ быть врагомъ другому изъ-за этихъ другихъ и ихъ вражды.

- III. м. Цицеронъ этого не требоваль.
- III. з. Слѣдовательно онъ и не обязанъ быть врагомъ другаго изъ-за вражды другихъ.
- IV. б. Кто далъ Цицерону право на защиту дѣйствій Цезаря, изъ-за того Цицерону нечего быть врагомъ Цезарю.
- IV. м. Извѣстные люди дали Цицерону это право. Ибо
- V. б. Кто признаетъ дѣйствительнымъ законъ Клодія объ изгнаніи Цицерона, тотъ и послѣдному даетъ право на защиту Цезаревыхъ законовъ. Ибо
- VI. б. Если одинъ законъ—хуже и противъ *auspicia*, а другіе также противъ *auspicia*, но лучше, то признающіе первый даютъ Цицерону право на защиту другихъ.
- VI. м. А законъ Клодія—хуже и противъ *auspicia*, и Цезаревы законы лучше и противъ *auspicia*. Ибо
- а) VII. б. Если трибунатъ Клодія—противъ *auspicia*, то и законъ его объ изгнаніи Цицерона противъ *auspicia*.
- VII. м. А трибунатъ Клодія—противъ *auspicia*. Ибо
- VIII. б. Кто сдѣлался противъ *auspicia* плебеемъ, того трибунатъ—противъ *auspicia*.
- VIII. м. А Клодій сдѣлался плебеемъ противъ *auspicia*.
- б) IX. б. Если бы законы Цезаря не были лучше, то ему не было бы предложено внести ихъ иначе.
- IX. м. Но это ему было предложено.
- IX. з. Слѣдовательно законы Цезаря лучше.
- V. м. Извѣстные люди признаютъ Клодіевъ законъ объ изгнаніи Цицерона дѣйствительнымъ.
- IV. з. Слѣдовательно Цицеронъ не обязанъ изъ-за этихъ людей быть врагомъ Цезарю.
- I. з. Слѣдовательно Цицеронъ не имѣетъ причины быть врагомъ Цезарю.

Изъ этихъ положеній на первомъ мѣстѣ излагается меньшая посылка втораго силлогизма, 17, 40—18, 43, на второмъ меньшая посылка третьяго (съ III з.) 19, *in.* и меньшая посылка четвертаго. 19, 44. *fin.* Этими меньшими посылками, при подразумѣваніи соотвѣствующихъ большихъ, подтверждается меньшая посылка I силлогизма, большая посылка котораго также подразумѣ-

вается. Въ 19. 45. слѣдуютъ V, м. и VIII, м. и VII, м., въ 19. 46—V, б. и IX, м.—Все остальные положенія подразумѣваются.

Послѣдняя часть рѣчи, заключеніе, conclusio, peroratio занимаетъ 20, 49 и состоитъ изъ такъ называемой enumeratio, т. е. изъ краткаго повторенія сказаннаго въ самой рѣчи (ad Her. II, 30, 47. Enumeratio est per quam colligimus et commonemus, quibus de rebus verba fecerimus). Не предлается, однако, точнаго чертежа, представляющаго все отдѣлы и подраздѣленія, но и въ числѣ и въ порядкѣ приведенныхъ пунктовъ исполняется предписаніе Квинтиліана (J. O. VI, 1, 2), decurrendum per capita и послѣ: Quae autem enumeranda videntur, sunt—figuris utique varianda.

DE PROVINCIIS CONSULARIBUS IN SENATU ORATIO.

I. 1. Si quis vestrum, patres conscripti, exspectat quas sim provincias decreturus, consideret ipse secum qui mihi homines ex provinciis potissimum detrahendi sint: non dubitabit quid sentire me conveniat, cum quid mihi sentire necesse sit cogitarit. Ac si princeps eam sententiam dicerem, laudaretis profecto: si solus, certe ignosceretis: etiam si paullo minus utilis vobis sententia videretur, veniam tamen aliquam dolori meo tribueretis. Nunc vero, patres conscripti, non parva adficio voluptate, vel quod hoc maxime rei publicae conducit, Syriam Macedo-

I. 1. *patres conscripti* т. е. patres et conscripti, какъ иногда и встрѣчается, стереотипный титулъ сѣната съ тѣхъ поръ, какъ къ сенаторамъ-патриціямъ были прибавлены сенаторы-непатриціи. Сл. *Liv.* II, 1, 11. И такъ нельзя перевести: господа сенаторы.

exspectat съ косвенн. вопросомъ, потому что=*scire cupit*. *Exspectare dum*=оставаться пока, *exsp. si c. coni.*=оставаться на случай, *exsp. ut*=оставаться или съ увѣренностью въ исполненіи желать, чтобы—.

decreturus. Discernit и сенатъ и отдѣльный сенаторъ. Такъ же употребляется *senseo* и *placet*. Подразумѣвается: *consulibus proximi anni*.

consideret. *Coni. suaviorius* вмѣсто условнаго протасиса. Какую частіцу, по этому, прибавить, переводя *dubitabis*?

quid sentire me conveniat=*quae sententia mihi sit consentanea et a me exspectanda*. A necessitudo est,

cui nulla vi resisti potest (Cic. de inv. II, 57, 170).

sententiam dicebat сенаторъ, когда, послѣ доклада консула или другого магистрата, заявлялъ, на вопросъ его, свое мнѣніе.

laudaretis sc. me, за починъ мнѣнія, достоинство котораго подтвердилось бы согласіемъ другихъ. Это явственно изъ словъ *si-ignosceretis* противоположенныхъ чрезъ *asyndeton adversativum*, а объясненныхъ словами *etiam*—*tribueretis* (*asyndeton explicativum*).

dolori—вслѣдствіе изгнанія изъ Рима, которое сдѣлали возможнымъ Клодію Пизонъ и Габиній.—Какое возможное возраженіе предупреждаетъ Ц. тѣмъ, что говоритъ до сихъ поръ?

auctorem потому что первый высказался за назначеніе Сиріи и Македоніи. Въ переводѣ *vm. habeo auctorem* можно употребить существительное названіе дѣйствія того,

niamque decerni, ut dolor meus nihil a communi utilitate dissentiat, vel quod habeo auctorem P. Servilium, qui ante me sententiam dixit, virum clarissimum et cum in universam rem publicam tum etiam erga meam salutem fide ac benevolentia singulari. 2. Quod si ille et paullo ante et quotienscumque ei locus dicendi ac potestas fuit, Gabinium et Pisonem, duo rei publicae portenta ac paene funera, cum propter alias causas tum maxime propter illud insigne scelus eorum et importunam in me crudelitatem non solum sententia sua, sed etiam verborum gravitate esse notandos putavit, quoniam me animo in eos esse oportet, cuius illi salutem pro pignore tradiderunt ad explendas suas cupiditates? Sed ego in hac sententia dicenda non parebo dolori meo, non iracundiae serviam. Quo animo unus quisque vestrum debet esse in illos, hoc ero: praecipuum illum et proprium sensum doloris mei, quem tamen vos commu-

который первый что-нибудь сдѣлалъ.

P. Servilium Vatiam Jsauricum, бывшего консуломъ въ 79 г. д. Р. X. и теперь въ качествѣ самаго старшаго консулара первымъ вызваннаго на заявленіе мнѣнія. Цицерону онъ оказалъ услугу, примиривъ съ нимъ консула 57 года, Кв. Цецилія Метелла Непота и такимъ образомъ содѣйствовалъ къ отозванію Ц—а изъ изгнанія.—Къ чему служить упоминаніе о немъ?

virum въ переводѣ или выпустить и опредѣленіе его отнести къ собственному имени, или, «такой славный мужъ, какъ—»

2. *Quod si*. Изъ негодованія непричастнаго лица Ц. выводитъ высокую степень своего раздраженія, а объ этой говоритъ, чтобы сказать, что не смотря на нее онъ поступитъ безпристрастно.

paullo ante, въ томъ же засѣданіи сената.

portenta, потому что подобнымъ образомъ причинили гибель государству, какъ дурныя предзнаменованія кажутся причинами гибели; *funera*, по названію *rei pro auctore*. Въ переводѣ лучше употребить на-

званія лицъ губящихъ и погребаящихъ. Называются такъ Пизонъ и Габиній ради того разстройства, до котораго они, въ свое консульство, позволили довести Клодію государство.

illud insigne scelus т. с. изгнаніе Ц—а, которому Габиній и Пизонъ содѣйствовали, а главнымъ виновникомъ котораго былъ Клодій, внесшій одинъ законъ противъ магистратовъ, казнившихъ гражданина безъ суда, и, по удаленіи Ц—а, другой *de exilio Ciceronis*.

sententia sua, высказываясь за назначеніе Сиріи и Македоніи.

pro pignore. *Pignus est, quod propter rem creditam obligatur* (Isidori Originum V, 25). Благосостояніе Ц—а сравнивается съ цѣнною вещью, врученною Клодію Пизономъ и Габиніемъ, чтобы съ помощію его получить доходныя провинціи и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность удовлетворить свою жадность.

ad ulciscendi tempora. Разумѣется время по возвращеніи ихъ изъ провинцій, на которое Ц., можетъ быть, имѣлъ въ виду обвиненіе, которое, однако, не состоялось. Только напалъ онъ на нихъ при всякомъ

nem semper vobis mecum esse duxistis, a sententia dicenda amovebo, si ulciscendi tempora reservabo.

II. 3. Quattuor sunt provinciae, patres conscripti, de quibus adhuc intelligo sententias esse dictas: Galliae duae, quas hoc tempore uno imperio videmus esse coniunctas, et Syria et Macedonia, quas vobis invitis et oppressis pestiferi illi consules pro perversae rei publicae praemiis occupaverunt. Decernendae nobis sunt lege Sempronia duae. Quid est quod possimus de Syria Macedoniaque dubitare? Mitto, quod eas ita partas habent ii, qui nunc obtinent, ut non ante attigerint quam hunc

случаѣ и сказалъ и издалъ сохранившюся рѣчь in Pisonem.

amovebo. Нѣтъ здѣсь противорѣчія съ началомъ рѣчи, потому что тамъ говорится о необходимомъ предположеніи слушателей, а здѣсь о самомъ дѣлѣ. — Что вызываетъ Ц., говоря, что несмотря на силу своей ненависти, руководится не ею, но пользою государства?

II. 3. *Quattuor—dubitare:* propositio.

Galliae duae: Cisalpina и Transalpina или Narbonensis, между Альпами, верховьемъ Роны, Севеннами, верховьемъ Гаронны, Пиренеями и Средиземнымъ моремъ. Завоеванная Цезаремъ земля считалась провинціею только съ 50 года д. Р. X.

uno imperio, Caesaris.

invitis. Cic. pro dom. 9, 24, tu (т. е. Клодій) provincias consulares—lege Sempronia per senatum decretas rescidisti; extra ordinem, sine sorte, nominatim dedisti, non consulibus, sed reipublicae pestibus.

pro perversae reipublicae praemiis. Cic. Sest. 10, 24. Foedus fecerunt cum tribuno plebis palam, ut ab eo provincias acciperent quas vellent: exercitum et pecuniam quantam vellent, ea lege, si ipsi prius tribuno plebis afflictam et constrictam reipublicam tradidissent: id autem foedus meo sanguine ictum sanciri posse dicebant.

quod possimus—ut propterea possimus. Въ est quod съ сослагательнымъ quod есть accusat. relationis.

Mitto quod—19, 46 confirmatio.

До 8, 17. простирается 1 отдѣлъ этой части: надо назначить Македонію и Сирію, потому что надо отозвать Пизона и Габинія. Что ихъ отозвать надо, доказывается до 7, 16. Первое доказательство вводится черезъ occultatio; cfr. ad Her. IV, 27, 37; occultatio est, cum dicimus nos praeterire aut non scire aut nolle dicere id, quod tunc maxime dicimus. Къ какому силлогизму оно сводится?

partas habent: сл. Ходоб. § 406, 3; Кессл. 134, прим. 1.

attigerint, sc. pedibus.

hunc ordinem—senatum, передъ которымъ Ц. сказалъ эту рѣчь. Нис—pronom. demonstrativum primae personae, какъ iste—secundae, ille—tertiaе.

condemnarint. Осужденіе Ц—а, исполнившаго, при казни приверженцевъ Катилины, рѣшеніе сената, было въ то же время осужденіемъ послѣдняго. Сослагательное perfecti при ante quam поставлено, при которомъ perfectum само по себѣ ставится въ изъявительномъ, вслѣдствіе сослагательнаго въ консекитивномъ предложеніи, отъ котораго зависитъ относительное. Такъ бываетъ, хоть не всегда, но часто у Ц—а, какъ

ordinem condemnarint, quam auctoritatem vestram e civitate exterminarint, quam fidem publicam, quam perpetuam populi Romani salutem, quam me ac meos omnes foedissime crudelissimeque vexarint. 4. Omnia domestica atque urbana mitto: quae tanta sunt, ut numquam Hannibal huic urbi tantum mali optarit, quantum illi effecerint: ad ipsas venio provincias: quarum Macedonia, quae erat antea munita plurimorum imperatorum non turribus, sed tropaeis, quae multis victoriis erat iam diu triumphisque pacata, sic a barbaris, quibus est propter avaritiam pax erepta, vexatur, ut Thessalonicenses positi in gremio imperii nostri re-

и сей часъ § 4, quantum effecerint, гдѣ, однако, многіе противъ рукописей пишутъ effecerunt.

auctoritatem exterminarant консулы, согласившись съ Клодіемъ, чтобы тотъ свои законы предложилъ комиціямъ безъ *auctoritas senatus* т. е. безъ предварительнаго одобренія сената, какое хотя не по закону, но more maiorum предшествовало внесенію законовъ. *Senatus auctoritas* называлось всякое изъясненіе желанія сената, а если не послѣдовало протеста и вошло оно въ дѣйствіе, то и называлось *senatus consultum*.

fidem publicam т. е. обѣщаніе государства, въ лицѣ сената, что Ц., исполнивъ его рѣшеніе о приверженцахъ Катилины, будетъ внѣ опасности. Такъ же Liv. II, 28, 7, *fides publica* называется то же, что ib. 27, 1, *fides senatus* Какимъ иностраннымъ словомъ можно перевести *fides*?—Сл. Страх. Стил. стр. 174.

perpetuam можно перевести существительнымъ. Сл. Страх. Стил. стр. 19. сл.

foedissime. Foedum—то, что оскорбляетъ естественное эстетическое или нравственное чувство.

vexarint перев. иначе при *fidem*, иначе при *salutem*, иначе при *me*.

4. *Omnia domestica—urbana* перев. не простымъ прилагательнымъ.

Къ какому силлогизму сводится начинающееся отсюда 2-е доказательство надобности отозванія Пизона и Габинія? Какую фигуру вводитъ?

Quarum. Начало 3-го доказательства, что надо отозвать Пизона. *Genet. partitivus* обыкновенно зависить только отъ названій частей, сравнит. и превосходной степеней, числительныхъ или вопросов. и указат. мѣстоименій, рѣдко отъ другихъ словъ, какъ здѣсь отъ *Macedonia*.

turribus т. е. *munitioibus* (*species pro genere*).

barbaris. Cic. in Pis. 34, 84. *Den-selatis, quae natio semper obediens huic imperio, etiam in illa omnium barbarorum defectione, Macedoniam C. Sentio praetore tutata est, nefarium bellum et crudele intulisti.—Ita perpetuos defensores Macedoniae vexatores ac perditores effecisti.—Thessalonicenses cum oppido desperassent munire arcem coegerunt.*

positi сказано, какъ будто предшествуетъ названіе города, а не жителей; во часто по лат. называются люди, гдѣ ожидается названіе мѣстопробыванія ихъ.

gremio перев. или собственнымъ или другимъ метафорическимъ обозначеніемъ понятія.

distincta т. е. *variis locis notata*, какъ *oratio distincta*—та, которая

linquere oppidum et arcem munire cogantur, ut via illa nostra, quae per Macedoniam est usque ad Hellespontum militaris, non solum excursionibus barbarorum sit infesta, sed etiam castris Thraeciis distincta ac notata. Ita gentes eae, quae, ut pace uterentur, vim argenti dederant praeclaro nostro imperatori, ut exhaustas domos replere possent, proempta pace bellum nobis prope iustum intulerunt.

5. Iam vero exercitus noster ille superbissimo dilectu et durissima conquisitione collectus omnis interiit. Magno hoc dico cum dolore. III.

только мѣстами представляетъ украшенія. Это въ переводѣ выразить не глаголомъ, соподчиненнымъ съ *notata*, но нарѣчіемъ или препозиціональнымъ выраженіемъ, опредѣляющимъ *notata*.

ut pace uterentur: Cic. pro Sest. 43, 94. (Pisonem) Thracibus et Dardanis primum pacem maxima pecunia vendidisse; deinde, ut illi pecuniam conficere possent, vexandam iis Macedoniam et spoliandam tradidisse. Согласно съ этимъ *proempta pace*—*ad pacem, quam emerant, servandam*.

5. *Iam* отмѣчаетъ переходъ къ новому предмету, *vero* представляетъ этотъ предметъ какъ болѣе важный, тогда какъ *autem* указываетъ только на различіе новаго предмета отъ прежде упомянутаго.

superbissimo: Cic. in Pis. 16, 37. Habebas exercitum tantum, quantum tibi non senatus aut populus Romanus dederat, sed quantum tua libido conscripserat. Именно въ этомъ презрѣніи къ законнымъ предѣламъ обнаруживается *superbia*.

III. 5. *quod est indignum*. перев. приложеніемъ, которое, при цѣломъ предложеніи, довольно рѣдко употребляется.

expiatum. Cic. in Pis. 35, 85. Tua scelera dii immortales in nostros milites expiaverunt: qui cum uno genere morbi affligerentur—dubitabat nemo quin—socii nefario bello laces-

siti—hanc tantam efficerent vastitatem. Консекутивное предложеніе зависитъ только отъ *consumpti*, а не отъ предыдущихъ глаголовъ. Въ обоихъ мѣстахъ *in zn.* «по направленію къ», но цѣль этого направленія составляетъ въ одномъ случаѣ предметъ, а въ другомъ дѣйствіе, которое такимъ образомъ является послѣдствіемъ искупленія.

domitis iam gentibus. Не то говоритъ Ц. in Pis. 16, 38. (Macedonia) tantis barbarorum gentibus attingitur, ut semper Macedonicis imperatoribus iidem fines provinciae fuerint, qui gladiatorum atque pilorum.

imperio i. e. magistratu cum imperio, (pro)consule или (pro)praetore. Imperium называлась высшая власть, со включеніемъ, по крайней мѣрѣ внѣ города, военной.

legatos. Такъ назывались лица, безъ собственной власти, сенатомъ либо отправленные къ чужимъ державамъ, для переговоровъ (послы), либо прикомандированные въ помощь къ римскимъ властямъ, отсутствовавшимъ изъ Рима. Въ послѣднемъ случаѣ сенатъ опредѣлялъ только число и качества помощниковъ, а выборъ лицъ предоставлялся самимъ властямъ. Помощники полководцевъ и сами имѣли начальство надъ войсками. Какіе здѣсь *legati* обозначаются?

quae перев. личнымъ мѣстоименіемъ и союзомъ (какимъ?)

Miserandum in modum milites populi Romani capti, necati, deserti, dis sipati sunt, incuria, fame, morbo, vastitate consumpti, ut, quod est indignissimum, scelus imperatoris in poenam exercitus expiatum esse videatur. Atque hanc Macedoniam, domitis iam gentibus finitimis barbarique compressa, pacatam ipsam per se et quietam, tenui praesidio atque exigua manu, etiam sine imperio, per legatos, nomine ipso populi Romani tuebamur: quae nunc consulari imperio atque exercitu ita vexata est, vix ut se possit diuturna pace recreare: cum interea quis vestrum hoc non audivit, quis ignorat Achaeos ingentem pecuniam pendere L. Pisoni quotannis, vectigal ac portorium Dyrrhachinorum totum in huius unius quacstum esse conversum, urbem Byzantium vobis atque huic imperio fidelissimam hostilem in modum esse vexatam? quo ille, postea quam nihil exprimere ab egentibus, nihil ulla vi a miseris extorquere potuit, cohortes in hiberna misit: iis praeposuit quos putavit fore diligentissimos satellites scelerum, ministros cupiditatum suarum. 6. Omitto iuris dictionem in libera civitate contra leges senatusque consulta, caedes relinquo, libidines praetereo: quarum acerbissimum exstat indicium et ad insignem memoriam turpitudinis et paene ad iustum odium imperi

consulari imperio: abl. absol.

cum interea: по русски главное предложение.

Achaeos, потому что Аchaia въ 146 г. д. Р. X. обращенная въ провинцію, подчинена была проконсулу Македонии.

vectigal, отъ земли, *portorium*, отъ таможи.

quo: какой союзъ заключается въ этомъ относ. мѣстоименіи?

6. *iuris dictionem* имѣли вольные города свою, независимую отъ римскихъ намѣстниковъ, равно какъ и управленіе, свободу отъ римскаго гарнизона и податей и право чеканить монету. Были же эти вольные города или *civitates foederatae*, самостоятельность которыхъ основава была на союзѣ, или *civitates sine foedere immunes et liberae*, которымъ свобода дала была закономъ или рѣшеніемъ сената. Сверхъ того, однако, *liberae civitates* назывались, въ менѣе строгомъ смыслѣ,

и тѣ *stipendiariae*, за которыми или римская коммиссія, устроившая провинцію, или намѣстники, своими распоряженіями, признали нѣкую самостоятельность.

leges. Cic. pro dom. 9, 23. L. Pisoni nonne nominatim populos liberos, multis senatus consultis etiam recenti lege generi ipsius liberatos, vinctos et constrictos tradidisti.

acerbissimum indicium — сказуемое; подлежащее составляютъ слова *quod constat* etc.

ad insignem memoriam = ut sit insignis memoria, *ad iustum odium* = ut sit iustum odium. Если эти слова перевести приложеніемъ, то избрать названія того, что возбуждаетъ воспоминаніе и ненависть. Тогда можно *insignis* перевести буквально; а *memoria insignis* = ea quae exsuscitatur re insigni i. e. firma memoria. Ad Her. III, 22, 35; *usitatae res facile e memoria elabuntur, insignes et novae manent diutius.*

nostri, quod constat nobilissimas virgines se in puteos abiecisse et morte voluntaria necessariam turpitudinem depulisse. Nec haec idcirco omitto, quod non gravissima sint, sed quia nunc sine teste dico. IV. Ipsam vero urbem Byzantium fuisse refertissimam atque ornatissimam signis quis ignorat? quae illi exhausti sumptibus bellisque maximis, cum omnes Mithridaticos impetus totumque Pontum armatum effervescentem in Asiam atque erumpentem ore, repulsum et cervicibus interclusum suis sustinerent, tum, inquam, Byzantii et postea signa illa et reliqua urbis

quod constat не зн. quod notum est, но quod sine dubitatione certum est. Перевести можно через существительное съ прилагательнымъ: *res non dubia*.

sint, не *sunt*, потому что отрицается не только послѣдствіе незначительности, но и сама незначительность этихъ фактовъ. Кессл. § 182. Ходоб. § 350.

IV. 6. *refertissimam a. ornat.*—Перев., какъ выше *distincta ac potata*, черезъ нарѣчіе или препозиціоннальное выраженіе и причастіе. Высокая степень одного понятія часто выражается двумя соподчиненными словами.

Mithridaticis. Съ Митридатомъ вели Римляне три войны: 1-ю съ 88 г. д. Р. X. и до 84, 2-ю съ 83—80, 3-ю съ 74—63. Нѣтъ преданія о томъ, когда именно Византія имѣла дѣло съ нимъ; можетъ быть, въ началѣ 3-й войны, до осады Кизика, или въ первую, когда римскій флотъ стоялъ около Византіи. Сл. Appian b. M. 17.

Pontum—войска Понтійскаго царства. Какъ вообще войска часто сравниваются съ громадою воды (12, 31 *nationes eas, quae numero hominum ac multitudine ipsa poterant in provincias nostras redundare; 13, 32, influentes in Italiam Gallorum maximas copias repressit*), такъ здѣсь Понтійскія войска съ одноименнымъ моремъ.

effervescentem—cum fervore redundantem (12, 31, mare, cuius fervore—urbes etiam et viae militares iam tenebantur). Въ переводѣ достаточно выразить это *redundantem*.

erumpentem ore, изъ Босфора.

cervicibus interclusum. Представляются Византіяцы спиною упершимися противъ напора воды, которая, поднявшись, сверху напираетъ на затылокъ и такимъ образомъ затылкомъ запружена. То же самое *cervicibus* подразум. при *sustinerent*.

inquam употребляется при сжатомъ повтореніи обстоятельнѣе выраженного понятія или мысли, особливо послѣ отступленія; dico при объясненіи.

custodita tenuerunt т. е. *ita custodierunt, ut tenerent*. Сл. Ходоб. § 406, 3. Кессл. § 134, пр. 1.

7. *te*. Безъ союза или мѣстоименія, указательнаго или относительнаго, слѣдующее предложеніе или служитъ объясненіемъ предыдущему (*asyndeton explicativum*) или противопоставляется ему (*a. adversativum*) или продолжаетъ начатое выше исчисленіе (*a. enumerativum*) или содержитъ какъ бы итогъ выше сказаннаго (*a. summativum*).

taeterrimo. Означается безнравственность со стороны непосредственнаго впечатлѣнія на эстетическое и нравственное чувство.

ornamenta sanctissime custodita tenuerunt: 7. te imperatore infelicissimo et taeterrimo, Caesonine Calventi, civitas libera et pro eximiis suis beneficiis a senatu et a populo Romano liberata sic spoliata atque nudata est, ut, nisi C. Vergilius legatus, vir fortis et innocens, intervenisset, unum signum Byzantii ex maximo numero nullum haberent. Quod fanum in Achaia, qui locus aut lucus in Graecia tota tam sanctus fuit in quo ullum simulacrum, ullum ornamentum reliquum sit? Emisti a foedissimo tribuno plebis tum in illo naufragio huius urbis, quam tu idem, qui gubernare debueras, everteras, tum, inquam, emisti grandi pecunia, ut tibi de pecuniis creditis ius in liberos populos contra senatus consulta et contra legem generi tui dicere liceret: id emptum ita vendidisti, ut aut ius non diceres aut bonis cives Romanos everteres.

Calventi. Это прозвище Ц. самъ выдумалъ, для осмѣянія Пизона, потому что мать его была Calventia, дочь Галла изъ Placentia, а иностранная кровь для Римлянина считалась пятномъ.

liberata, обращеніемъ въ вольный городъ.

spoliata a. nud., по русски нарѣчіе съ глаголомъ, для обозначенія крайней степени разграбленія, какъ 4, 6, *refertissimam atque ornatis-simam.*

C. Vergilius, неизвѣстное лицо.
vir fortis; для перевода см. 1, 1, *virum clarissimum.*

Quod fanum. Вм. вопросительнаго мѣстоименія при существительномъ по русски часто употребляется или «идь» или неопредѣленное мѣстоименіе и *м.*

locus aut lucus. Ad Her. IV, 21, 29. *Annominatio est, cum ad idem verbum et idem nomen acceditur commutatione unius literae aut literarum, syllabae aut syllabarum, aut ad res dissimiles simillima verba accommodantur, ut: Veniit a te antequam Romam venit.*

in G. tota. In при totus означаетъ, что есть что-нибудь въ какомъ-нибудь цѣломъ не вездѣ, но мѣстами, а это

in никогда не стоитъ передъ самымъ totus. Сл. Ходоб. § 297, пр. 2. *simulacrum,* изображеніе всего роста.

naufragio, смуты въ консульство Пизона.

grandi: указаніе на вызываемое такимъ количествомъ почтеніе, какъ у насъ, только сильнѣе, говорятъ о «почтенной суммѣ». Въ magna pecunia количество значитъ само по себѣ.

de pecuniis creditis, долговой искъ.
populos. Urbs и *oppidum* не олицетворяются, какъ *городъ*, вм. котораго въ такомъ случаѣ говорятъ: *cives, civitas, populus.*

legem generi, Caesaris legem de repetundis.

emptum. По русски достаточно нарѣчія времени.

bonis c. R. e. Примѣръ in Pis. 35, 86. *Nonne cum CC. talenta tibi Apolloniatae Romae dedissent, ne pecunias creditas solverent, ultro Fufidium, equitem Romanum, hominem ornatissimum, creditorem, debitoribus suis addixisti?*

8. *praetermitto.* Новая причина къ отозванію Пизона. Какая фигура?

audiatis. Изъ tenetis подразум. «et teneatis».

8. Quorum ego nihil dico, patres conscripti, nunc in hominem ipsum: de provincia disputo. Itaque omnia illa, quae et saepe audistis et tenetis animis, etiam si non audiatis, praetermitto: nihil de hac eius urbana, quam ille praesens in mentibus vestris oculisque defixit, audacia loquor: nihil de superbia, nihil de contumacia, nihil de crudelitate disputo. Lateant libidines eius illae tenebrosae, quas fronte et supercilio, non pudore et temperantia contegebat: de provincia, quod agitur, id disputo. Huic vos non summittetis? hunc diutius manere patiemini? cuius, ut provinciam tetigit, sic fortuna cum improbitate certavit, ut nemo posset utrum protervior an infeliciores esset iudicare. 9. An vero in Syria diutius est Semiramis illa retinenda? cuius iter in provinciam fuit eius modi, ut rex Ariobarzaeus consulem vestrum ad caedem faciendam tamquam aliquem Thraecem conduceret. Deinde adventus in Syriam primus equitatus habuit interitum: post concisae sunt

urbana перев. препозиціональ-нымъ выраженіемъ.

praesens, по русски нарѣчіе. Кессл. § 12, пр. 1, 2. Ходоб. § 301, 1.

superbia (см. 2, 4) обнаружилась въ произвольной управѣ съ сенатомъ (in Pis. 8, 17. Cum senatus luctum ac dolorem suum vestis mutatione declarandum censuisset — quid facis? Quod nulla in barbaria quisquam tyrannus), *contumacia* въ недоступности просьбамъ сената въ пользу Цицерона (ib. 31, 78. Esquid-recordaris, quid responderis? In quo—Torquatus praeter ceteros ferebat contumacia responsi tui—neque se neque generum neque collegam suum tribuno plebis defuturum), *crudelitas* и въ томъ и въ другомъ (ib. 8, 17. Quod si vestem non publico consilio patres conscripti—mutavissent, tamen id iis non licere per interdicta crudelitatis tuae potestatis erat non ferendae).

fronte et supercilio, мѣстами выраженія строгости, которую или внѣшній видъ которой Ц. принимаетъ Пизону, какъ Габинію извѣженность. Cfr. in Pis. 9, 20. не-

que supercilium tuum neque collegae tui cymbala ac crotala fugi; ib. frontis tuae nubeculam; 6, 14, respondes, altero ad frontem sublato, altero ad mentum depresso supercilio; pro Sest. 8, 18. Alter (Gabinus) unguentis affluens, calamistrata coma; 19. Alter—quam truculentus, quam terribilis aspectu.—Tanta erat gravitas in oculo, tanta contractio frontis, ut illo supercilio respublica—niti videretur.

quod agitur, обыкновенно de quo или qua de re agitur. Cic. Brut. 79, 275.

summittetis, sc. successorem.

protervior. Protervus, отъ protegerе, тотъ, который какъ бы все попираетъ. Сколько причинъ и какія приведены, по которымъ Пизона надо отозвать?

9. *An*. Простые вопросы съ чаще замѣняютъ собою, какъ здѣсь, отрицательныя предложенія, рѣже положительныя, какъ Cic. de off. I, 15, 48. Quidnam facere debemus? An imitari agros fertiles?

Semiramis называется Габинію, какъ властвующій въ Сиріи и извѣженный, сладострастный чело-

optimae cohortes. Igitur in Syria imperatore illo nihil aliud (neque gestum) neque actum est nisi pactiones pecuniarum cum tyrannis, decisiones, direptiones, latrocinia, caedes: cum palam populi Romani imperator, instructo exercitu, dexteram tendens, non ad laudem milites hortaretur, sed omnia sibi et empta et emenda esse clamaret.

V. 10. Iam vero publicanos miseros—me etiam miserum illorum ita de me meritorum miseriis ac dolore!—tradidit in servitutem Iudaeis et Syris, nationibus natis servituti. Statuit ab initio et in eo perseveravit, ius publicano non dicere: pactiones sine ulla iniuria factas resciri-

въѣкъ. О сладострастїи Семирамиды, супруги Нины, знаменитой царицы Ассирїянъ, говоритъ Diod. Sic. II, 13, 4. Ассирїянъ Римляне иногда называли Syri.

ad caedem faciendam. Дѣло неизвѣстно. О Пизонѣ подобный случай разсказывается Cic. in Pis. 34, 83.

Ariobarzanes, царь Каппадокии.

Thraeces. Такъ назывались гладиаторы съ круглымъ, маленькимъ щитомъ, съ согнутымъ мечомъ (sica), съ набедренниками и довольно полнымъ вооруженїемъ.

habuit interitum: pro Mur. 40, 87. Misericordiam spoliatio consulatus magnam habere debet. — Invidiam habere consulatus non potest. Упомянутое событіе неизвѣстно.

primus перев. нарѣчіемъ.

neque gestum neque actum. Varr. L. L. 6, 8, 72. imperator quod dicitur res gerere, in eo neque facit, neque agit, sed gerit, i. e. sustinet, translatum ab his, qui onera gerunt, quod hi sustinent. Qui quid administrat quous opus non exstat, quod sub sensum veniat, ab agitato—magis agere quam facere putatur. И такъ агере означаетъ дѣятельность саму по себѣ, а gerere съ указанїемъ на разрѣшаемую задачу.

cum tyrannis зав. отъ actum est.

empta, а Clodio, *emenda,* provincialibus. Слово *sibi* у *emenda* не dat. auctoris, какъ у *emta*.

V. 10. *publicanos,* людей, взявшихъ въ откупъ государственные доходы въ Сирїи и взыскивавшихъ подати отъ податныхъ людей. Эти *publicani* были *equites Romani*, а послѣдніе защищали Цицерона и при усмиренїи заговора Катилины и при изгнанїи его, а вообще принадлежали къ его вѣрнѣйшимъ приверженцамъ.

me miserum, acc. exclamationis.

tradidit, несправедливыми рѣшенїями нарушая ихъ интересы.

Iudaeis. Евреи не только въ большомъ числѣ обитали въ Сирїи, но съ 63 года д. Р. X. и Іудея составляла часть той же провинціи. Только въ 40 году Антигонъ завладѣлъ царствомъ и, по его побужденїю, въ 37 г. сдѣлался царемъ Иродъ.

ius non dicere, не принимать исковъ ихъ или не рѣшать.

pactiones, сдѣлки, уговоры между *publicani* и платящими подать, которыми, напр., послѣдніе обязались, вм. настоящей десятины отъ хлѣба платить опредѣленное количество, какъ Cic. Verr. III, 14, 36.

custodias, не только при таможахъ, но и при другихъ податяхъ. Cic. de imp. Cn. Pomp. 6, 16. Cum *publicani* familias maximas, quas in saltibus habent, quas in agris, quas in portibus atque custodiis magno periculo se habere arbitrantur.

dit: custodias sustulit: vectigales multos ac stipendiarios liberavit: quo in oppido ipse esset aut quo veniret, ibi publicanum aut publicani servum esse vetuit. Quid multa? crudelis haberetur, si in hostes animo fuisset eo, quo fuit in cives Romanos, eius ordinis praesertim, qui est semper dignitate sua, benignitate magistratus sustentatus. 11. Itaque, patres conscripti, videtis non temeritate redemptionis aut negotii gerendi inscitia, sed avaritia, superbia, crudelitate Gabinii paene afflictos iam atque eversos publicanos: quibus quidem vos in his angustiis aerarii tamen subveniatis necesse est, etsi iam multis non potestis, qui propter illum hostem senatus, inimicissimum ordinis equestris bonorumque omnium non solum bona, sed etiam honestatem miseri deperdiderunt: quos non parcimonia, non continentia, non virtus, non labor, non splendor tueri potuit contra illius helluonis et praedonis audaciam. 12. Quid? qui se etiam nunc subsidiis patrimonii aut amicorum liberalitate sustentant, hos perire patiemur? An, si qui frui publico non potuit per hostem, hic

vectigales, qui vectigalia pendebant, *stipendiarios*, qui stipendium. Относительно провинцій *vectigal* собственно означает десятину (*decuma*), а *stipendium* определенную денежную подать, хотя эти слова и смѣшиваются. Въ Италіи *vectigal* была подать отъ казенной собственности, предоставленной частнымъ лицамъ, а *tributum* подать отъ частной собственности.

servum. Субальтерперсоналъ откупщиковъ, между прочимъ по счетной части, состоялъ изъ рабовъ. Сл. Cic. de imp. Сн. Помп. 6, 16.

Quid multa, sc. dicam. Какія стереотипныя фразы въ томъ же смыслѣ употребляютъ по русски?

animo fuissent eo перев. глаголомъ и нарѣчіемъ.

magistratus, pro consulis или pro praetoris. Въ собирательномъ смыслѣ *magistratus* не употребляется, но означаетъ или должность или отдѣльное должностное лице. Намѣстники вообще держались стороны откупщиковъ, уже ради того, чтобы не вооружить противъ себя вліятельнаго сословія всадниковъ.

11. *redemptionis*. Redimere=взять въ откупъ.

afflictos atque eversos: усиленіе разоренія по русски выразить нарѣчіемъ и однимъ глаголомъ. Сл. 4, 7. *spoliata atque nudata*.

etsi здѣсь, какъ чаще *quamquam*, вводитъ поправку выше сказаннаго. По этому какъ перевести?

bonorum, обычное обозначеніе консерваторовъ, оптиматовъ.

honestatem. Что теряетъ банкротъ по русск. выраженію?

virtus, противоплагается *inscitia negotii gerendi*.

splendor приписывался всему всадническому сословію, въ противоположность черни.

12. *subsidiis*, запаснымъ капиталомъ, въ противоположность помещеннымъ въ откупъ деньгамъ; *patrimonii* gen. apposition.

An. Вопросъ заступаетъ мѣсто отрицательнаго предложенія, получающаго, благодаря двойному отрицанію, положительный смыслъ.

publico=*vectigali* въ болѣе обширномъ смыслѣ.

tegitur ipsa lege censoria; quem is frui non sinit, qui est, etiam si non appellatur, hostis, huic ferri auxilium non oportet? Retinete igitur in provincia diutius eum, qui de sociis cum hostibus, de civibus cum sociis faciat pactiones: qui hoc etiam se pluris esse quam collegam putet, quod ille vos tristitia vultuque deceperit, ipse numquam se minus, quam erat, nequam esse simularit. Piso autem alio quodam modo gloriatur se brevi tempore perfecisse, ne Gabinus unus omnium nequissimus existimaretur.

VI. 13. Hos vos de provinciis, si non aliquando deducendi essent, deripiendos non putaretis? et has duplices pestes sociorum, militum clades, publicanorum ruinas, provinciarum vastitates, imperii maculas teneretis? At iidem vos anno superiore hos eosdem revocabatis, cum vix in provincias pervenissent. Quo tempore si liberum vestrum iudicium fuisset nec totiens dilata res nec ad extremum e manibus erepta, restituissetis, id quod cupiebatis, vestram auctoritatem iis, per quos erat amissa, revocatis et iis ipsis praemiis extortis, quae erant pro scelere atque eversione patriae consecuti: 14. qua e poena si tum aliorum opibus, non suis, invitissimis vobis evolarunt, at aliam multo maiorem graviolemque subierunt. Quae enim homini, in quo aliqui si non famae pu-

lege censoria, контрактомъ, заключеннымъ цензоромъ и начальникомъ общества откупнаго, въ которомъ общество освобождалось отъ платы на случай невозможности взысканія податей вслѣдствіе войны.

Retinete, иронически.

de sociis, конечно, во вредъ имъ, принимая взятки.

collegam, по консульству. — По сколькоимъ и какимъ причинамъ надо Габинія отозвать?

nequam (opp. frugi) non malum significat, sed inutilem. Capere de orthographia.

VI. 13. *Hos*. Вопросы безъ вопросительнаго мѣстоименія или нарѣчія или заключаютъ въ себѣ какой-нибудь аффектъ, какъ здѣсь негодованіе, или заступаютъ мѣсто условнаго протасиса.

si non, п. ч. приводится отрицательное условіе; nisi вводитъ случай, въ которомъ главное положеніе недѣйствительно.

deducendi, по закону, *deripiendi*, силою.

pestes, clades etc. т. е. auctores pestis, cladis etc.

At iidem: начало пятаго доказательства въ пользу отозванія Пизона и Габинія. Изъ какихъ послѣдовъ вводится заключеніе?

revocabatis, imperf. conatus.

liberum, въ-за Клодія.

e manibus erepta. Другого преданія объ этомъ нѣтъ, по означается, кажется, трибунскій протестъ.

praemiis; сл. 2, 3. Syria et Macedonia, quas-illi consules pro eversione reipublicae praemiis occupaverunt.

14. *aliorum*, Caesaris et Pompeii.

at какъ бы уравниваетъ предъдущее съ слѣдующимъ, — но за то.

enim. Доказательство тому, что Пизонъ и Габиній подверглись болѣе тяжелой карѣ, простирается до: *sceleratissimi nomine* — и обвиняетъ три довода, изъ которыхъ для пер-

dor, at supplicii timor est, gravior poena accidere potuit, quam non credi litteris iis, quae rem publicam bene gestam in bello nuntiarent? Hoc statuit senatus, cum frequens supplicationem Gabinio denegavit: primum homini sceleribus flagitiisque contaminatissimo nihil esse credendum: deinde a proditore atque eo, quem praesentem hostem rei publicae cognosset, bene rem publicam geri non potuisse: postremo ne deos quidem immortales velle aperiri sua templa et sibi supplicari hominis impurissimi et sceleratissimi nomine. Itaque ille alter aut ipse est homo doctus et a suis Graccis subtilius eruditus, quibuscum iam in exostra helliatur, antea post siparium solebat, aut amicos habet prudentiores quam Gabinus, cuius nullae litterae proferuntur.

VII. 15. Hosce igitur imperatores habebimus? quorum alter non audet nos certiores facere, cur imperator appelletur: alterum, si tabel-

ваго предлагаются обѣ послышки, а для остальныхъ только меньшія.

famae pudor eius est quem pudet famaе, sc. malae.

litteris. Намѣстники доносили къ сенату о своихъ подвигахъ. Какъ перевести *litteris*?

rempublicam перев. прилагательнымъ, *bene* тоже, а *gestam* существительнымъ.

Hoc. Мелыная послышка; по этому какой союзъ прибавить?

statuit = significavit, declaravit.

frequens, сказуемое, перев. препозиціональнымъ выраженіемъ.

sceleribus flagitiisque. Scelus — преступленіе по отношенію къ другимъ,

flagitium — по отношенію къ собственной чести.

praesentem hostem. Если кто праесens, то онъ на лице всѣмъ своимъ существомъ, не только какой-нибудь частью или подобіемъ. Какъ выразить то же по русски?

supplicari. Глаголь чаще означаетъ мольбу, а существительное «благодарственное молебствіе», по все таки и тотъ и другое выражаетъ оба понятія.

ille alter, Piso.

doctus не означаетъ книжной учености, какъ *litteratus*, но образованность благовоспитаннаго чловѣка.

suis Graccis. Cic. in Pis. 28, 68. Est quidam Graccus, qui cum isto vivit.

exostra (ἐξωστρέω) назывался небольшою помостъ, выдвигаемый изъ задней стѣны театра (σκητῆ) на авансцену, чтобы показать зрителямъ внутренность дома; *siparium* второй занавѣсъ за первымъ (aulaeum) и слѣдовательно ближе къ задней стѣнѣ. Итакъ in *exostra*, въ переносномъ смыслѣ, озн. «явно», а post sip. «тайкомъ».

cuius относится къ Пизону, а не къ ближайшему имени Gabinus. Ср. Cic. Cat. III, 5, 10. Est vero — imago avi tui —, qui amavit unice patriam et civis suos, quae quidem te a tanto scelere — revocare debuit.

VII. 15. *Hosce*, полная форма внимательнаго отъ *hisc* или, съ сокращеніемъ, *hic*, состоящаго изъ *hi* и указательнаго *se*.

imperatores здѣсь = начальники войскъ и, слѣдовательно, намѣстники. А вслѣдъ за тѣмъ *imperator* означ. титулъ, который полководецъ,

larii non cessarint, necesse est paucis diebus poeniteat audere. Cuius amici, si qui sunt aut si beluae tam immani tamque taetrae possunt ulli esse amici, hac consolatione utuntur, etiam T. Albucio supplicationem hunc ordinem denegasse. Quod est primum dissimile: res in Sardinia cum mastrucatis latrunculis a propraetore una cohorte auxiliaria gesta et bellum cum maximis Syriae gentibus ac tyrannis consulari exercitu imperioque confectum. Deinde Albucius, quod a senatu petebat, ipse sibi in Sardinia ante decreverat. Constabat enim Graecum hominem ac levem in ipsa provincia quasi triumphasse. Itaque hanc eius temeritatem senatus supplicatione denegata notavit. 16. Sed fruatur sane hoc solacio atque hanc insignem ignominiam, quoniam uni praeter se inusta

по обычаю, послѣ значительной побѣды, получалъ отъ солдатъ или отъ сената, хотя, кажется, и могъ принимать по собственному почину. О томъ, требовалось ли во время республики опредѣленное число павшихъ неприятелей (6000), древніе авторы не согласны.

tabellarii, нарочные съ отвѣтомъ сената.

audere, вообще, не только въ звѣстномъ, отдѣльномъ случаѣ прошедшаго времени.

beluae. Животное въ противоположность человѣку—*bestia*; въ противоп. домашнему (*pecus*), дикое, *fera*; громадное, ужасное ж.—*belua*.

T. Albucio. Извѣстный Грекоманъ, преторъ Сардиніи въ 103 г. до Р. X.

supplicationem. Благодарственное молебствіе разрѣшалъ сенатъ, по просьбѣ или донесенію полководца. Какимъ образомъ изъ случая Албуція выводится доказательство противъ того, чтобы отказъ въ такомъ молебствіи составлялъ для Габинія чувствительную кару?

ordinem. *Ordines* считались два: *senatorius* и *equester*.

Quod? Приводится доказательство противъ упомянутаго возраженія. Впервыхъ, указаніемъ на два момента, доказывается несходство слу-

чая Албуція съ случаемъ Габинія, въ вторыхъ утверждается, что и для Албуція этотъ отказъ былъ наказаніемъ, такъ что, если возраженіе сведется къ силогической формѣ, прежде опровергается меньшая посылка (какая?), а затѣмъ большая (какая?).

dissimile, въ смыслѣ существительнаго.

cohorte. *Socii* и *auxilia* были раздѣлены на когорты, какъ римскіе граждане на легіоны, пока Г. Марій не раздѣлилъ и легіоновъ на когорты.

confectum, какъ Г. навралъ въ своемъ донесеніи.

quod a s. p., т. е. особенную почесть; онъ самъ отпраздновалъ триумфъ. Въ перев. приб. существительное, которое по лат. обыкновенно выпускается при относ. и указат. мѣстоименіи, когда понятіе его явственно изъ предыдущаго или послѣдующаго. Сл. Страх. Стл. § 44, b.

Graecum hom.; большинство лат. названій народовъ есть прилагательныя; потому въ ед. числѣ, гдѣ нужно существительное, соединяются съ *homo*, *vir*, *civis*. Албуцій называется Грекомъ какъ Грекоманъ.

sit, putet esse leviozem, dum modo, cuius exemplo se consolatur, eius exitum exspectet, praesertim cum in Albucio nec Pisonis libidines nec audacia Gabinii fuerit ac tamen hac una plaga conciderit, ignominia senatus.

17. Atqui duas Gallias qui decernit consulibus duobus, hos retinet ambo: qui autem alteram Galliam et aut Syriam aut Macedoniam, tamen alterum retinet et in utriusque pari scelere disparem condicionem facit. Faciam, inquit, illas praetorias, ut Pisoni et Gabinio succedatur statim. Si hic sinat. Tum enim tribunus intercedere poterit; nunc non potest. Itaque ego idem, qui nunc consulibus iis, qui designati erunt, Syriam Macedoniamque decerno, decernam easdem praetorias, ut et praetores annuas provincias habeant et eos quam primum videamus, quos animo aequo videre non possumus. VIII. Sed mihi credite: numquam succedatur illis, nisi cum ea lege referetur, qua intercedi de provinciis non licebit. Itaque hoc tempore amisso annus est integer vobis exspectandus:

levem. Levitas приписывали Римляне Грекамъ, какъ *gravitas* себѣ.

16. *fruatur*, Gabinus.

exitum. Cic. in Pis. 38, 92. Albucius cum in Sardinia triumphasset Romae damnatus est (repetundarum. Cic. divin. in Caes. 19, 63). Это осужденіе сейчасъ имѣется въ виду при *concidit*, а *plaga* тамъ==*supplicatio negata*.

17. *Atqui.* Желая доказать, что надо назначить Македонію и Сирію, Ц. доказавъ, что Пизона и Габинія надо отозвать, уже доказываетъ, что, если это нужно, то должно назначить Македонію и Сирію. Но эту большую посылку предоставляет читателю вывести изъ подразаумываемой мысли, что, если Пизона и Габинія надо отозвать, то не надо дѣлать того, что отозванію ихъ мѣшаетъ, и, изъ неустановленнаго, но доказаннаго положенія, что, если не будутъ назначены Сирія и Македонія, то Пизона и Габинія не отзовутъ. Чтѣ опять предполагается, когда послѣднее выводится изъ того, что при назначеніи Галлій Пизонъ и Габиній будутъ

оставлены, и чтѣ предполагается, когда это выводится изъ того, что нельзя Сирію и Македонію сдѣлать преторскими провинціями?

consulibus, 55 года на время послѣ ихъ консульства въ Римѣ.

hos, Пизона и Габинія.

inquit, безлично; подразум. *adversarius*.

statim, въ началѣ 55 года.

hic: указывается какой-нибудь присутствующій трибунъ, которые имѣли право протестовать противъ сенатскаго назначенія преторскихъ провинцій, но не имѣли при назначеніи консульскихъ провинцій. См. введеніе.

Itaque относится къ словамъ *ut P. et G. succedatur statim*.

VIII, 17, *ea lege*. Sempronius. См. введеніе. *Ablat. limitat.*

referetur стереотипное выраженіе о докладѣ консуловъ и другихъ магистратовъ въ сенатѣ.

hoc tempore, въ которое тогда дѣло шло о назначеніи провинцій, когда была сказана эта рѣчь.

18. *Quod si.* Начало второй главной части probationis. На какомъ

quo interiecto civium calamitas, sociorum aerumna, sceleratissimorum hominum impunitas propagatur.

18. Quod si essent illi optimi viri, tamen ego mea sententia C. Caesari succedendum nondum putarem. Qua de re dicam, patres conscripti, quae sentio, atque illam interpellationem mei familiarissimi, qua paullo ante interrupta est oratio mea, non pertimescam. Negat me vir

главномъ силлогизмъ основывается это доказательство? Какая посылка его подтверждается въ слѣдующемъ? Какой союзъ скрывается въ *quod*? Какую частицу прибавить, чтобы выразить отношеніе этой мысли къ предыдущему? Вѣдь вводится предположеніе, невѣрность котораго только что доказана.

mea sen'en'ia, abl. instr. какъ въ § 19, *sententiis*, зависимый отъ *succedendum*, такъ что нѣтъ плеоназма. Что, слѣдов., значить здѣсь *sententia*? Смыслъ предложенія: *quodsi Syriam et Macedoniam non ideo decernerem, quod P. et G. tam improbiessent, decernerem idcirco, quod Caesari nondum est succedendum.*

familiarissimi; судя по 9, 21, *tuus pater etc.*, консулъ L. Marcius Philippus. Вслѣдствіе возраженія его Ц. ужъ не доказываетъ прямо, что надо Македонію и Сирію назначить, потому что не надо отзываться Цезаря, но что онъ правъ, высказываясь за оставленіе Цезаря въ Галліи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и доказываетъ первое. Что справедливо вредить врагу, Ц. явно говорить *de off. I, 7, 20. Sed iustitiae primum munus est, ut ne cui quis nocent, nisi lacessitus iniuria.*

tempestatem cui cess.: смутамъ съ цѣлю изгнанія Цицерона послѣдній уступилъ, удалившись еще до внесенія закона противъ него самаго. См. къ 1, 2.

C. impulsore. Цезарь, чтобы устранилъ предводителей сената, какъ

pontifex maximus, въ 59 году внесъ законъ о переходѣ въ *plebs*, согласно съ желаніемъ его, Клодія, который изъ личной мести преслѣдовалъ Цицерона. См. 17, 42.

Cui si. 1-е доказательство, что Цицеронъ правъ, подавая голосъ за оставленіе Цезаря, до § 19. Смыслъ перваго періода до словъ *possimne probare*, таковъ: *si utile est reipublicae Caesari Gallias relinquere, recte faciam, quod alii viri fecerunt similiter, etiamsi Caesari sim inimicus.* Вѣдь послѣдняя мысль вытекаетъ и изъ *doloris mei* и изъ *inimicus si ita vultis* въ концѣ параграфа, и изъ продолжавшейся вражды Гракха, Красса и прочихъ. Какую часть силлогизма это составляетъ въ сравненіи со словами *Vel lum—audiamus* въ § 19? Какимъ образомъ оно подтверждается словами *exemplo fortissimorum—possim*? Къ какому силлогизму сводится это подтвержденіе?

possimne, какъ *Estne* 7, 15.

probare, sc. *meam sententiam audientibus*. Ср. 20, 47. *si forte aut iis minus probabo.*

cum, temporale, но *dicam*, вслѣдствіе зависимости отъ условнаго протасиса, подъ условный смыслъ котораго подходятъ и эти слова.

An, въ смыслѣ *nonne*. См. § 9. Исчисляются уже тѣ *clarissimi cives*, примѣромъ которыхъ Ц. защищается.

Ti Gracchus, консулъ въ 177 и 163 г. до Р. X. когда былъ пре-

optimus inimiciorem Gabinio debere esse quam Caesari: omnem illam tempestatem, cui cesserim, Caesare impulsore atque adiutore esse excitatam. Cui si primum sic respondeam, me communis utilitatis habere rationem, non doloris mei, possimne probare, cum id me facere dicam, quod exemplo fortissimorum et clarissimorum civium facere possim? An Ti. Gracchus—patrem dico, cuius utinam filii ne degenerassent a gravitate patria!—tantam laudem est adeptus, quod tribunus plebis solus ex toto illo collegio L. Scipioni auxilio fuit, inimicissimus et ipsius et fratris eius Africani, iuravitque in contione se in gratiam non redisse, sed alienum sibi videri dignitate imperii, quo duces essent hostium Scipione triumphante ducti, eodem ipsum duci, qui triumphasset? 19. Quis plenior inimicorum fuit C. Mario? L. Crassus, M. Scaurus alieni: inimici omnes Metelli. At ii non modo illum inimicum ex Gallia sententiis suis

торомъ побѣдившій Кельтиберовъ въ Испаніи, отецъ извѣстныхъ трибуновъ Гая и Тиберія.

degenerassent своею демагогіею.

collegio, трибуновъ, которыхъ было сперва 2, послѣ 5, наконецъ 10.

L. Scipioni, Asiatico, брату P. Cornelli Scipionis Africani, побѣдителю Антиоха. Имѣется въ виду случай, когда Сципіонъ заявилъ, что братъ изъ-за болѣзни не явился къ суду, и другіе трибуны не принимали этого извиненія.

contione. Contio—собраніе народа безъ голосованія и рѣшенія, гдѣ только говорятъ къ народу: *comitia*—собраніе, гдѣ его спрашиваетъ магистратъ какой-нибудь, а онъ подаетъ голосъ.

quo—Cic. Verr. V, 30, 77, qui triumphant—cum de foro in Capitolium currum flectere incipiunt, illos (т. е. hostium duces) duci in carcerem iubent. Эта тюрьма, или по крайней мѣрѣ нижняя часть ея, и теперь еще существуетъ на восточномъ склонѣ Капитолійскаго холма.

19. C. Mario. Консулъ 7 разъ, въ 107 г. до Р. X., съ 104—100, и въ 86, побѣдитель Кимбровъ и Тевтоновъ.

L. Crassus, консулъ въ 95 г. до Р. X., знаменитый ораторъ.

M. Scaurus, консулъ въ 115 и 107 г. до Р. X.

Metelli. L. Caecilius Metellus Dalmaticus, въ свое консульство въ 119 г. до Р. X., тщетно противился утвержденію закона трибуна Марія de suffragiis ferendis. Q. Caecilius Metellus Numidicus былъ Мариемъ, въ Югуртинскую войну, лишенъ высшаго управленія войною.

propter rationem—ratione habita.

non detrahebant, въ 103 г., когда онъ былъ въ 3-й разъ консуломъ.

provinciam т. е. не Галлію, въ томъ смыслѣ, какъ послѣ бывшимъ консуламъ и преторамъ назначались провинціи, для управленія, но наблюденіе за Кимбрами и Тевтонами, изъ-за котораго ему конечно пришлось остаться въ Галліи. Вѣдь провинція не только—страна подвластная Римлянамъ и подчиненная римскому намѣстнику, или—это самое намѣстничество, но прежде всего—кругъ дѣятельности, консулу или претору порученный закономъ, или рѣшеніемъ сената, или жребіемъ или уговоромъ (*urbana, peregrina provincia*).

non detrahebant, sed ei propter rationem Gallici belli provinciam extra ordinem decernebant. Bellum in Gallia maximum gestum est: domitae sunt a Caesare maximae nationes, sed nondum legibus, nondum iure certo, nondum satis firma pace devinctae. Bellum adfectum videmus et, vere ut dicam, paene confectum, sed ita, ut, si idem extrema persequitur qui inchoavit, iam omnia perfecta videamus, si succeditur, periculum sit ne instauratas maximi belli reliquias ac renovatas audiamus. Ergo ego senator, inimicus, si ita vultis, homini, amicus esse, sicut semper fui, rei publicae debeo. 20. Quid? si ipsas inimicitias depono rei publicae causa, quis me tandem iure reprehendet? praesertim cum ego omnium meorum consiliorum atque factorum exempla semper ex summorum hominum factis mihi censuerim petenda. IX. An vero M. ille Lepidus, qui bis consul et pontifex maximus fuit, non solum memoriae testimonio, sed etiam

extra ordinem, потому что плебисцитъ съ 342 или 330 года до Р. X. опредѣлялъ 10 лѣтній срокъ для вступленія вновь въ ту же высшую должность.

Bellum etc.—По чему, по этому изложенію, оставленіе Цезаря полезно и зачѣмъ эта польза здѣсь доказывается?

maximae nationes: 13, 33. Cum acerrimis nationibus et maximis Germanorum et Helvetiorum proeliis felicissime decertavit.

adfectum—confectum. Gell. III, 16, 19. Affecta ea proprie dicebantur, quae non ad finem ipsum, sed proxime finem progressa deductave erant. Ср. 14, 35, nos tamen oporteret ab eodem illa omnia a quo profligata sunt confici velle.

instauratas ac renovatas. Какое адвербіальное выраженіе прибавить къ русскому глаголу, чтобы выразить усиленіе глагольнаго понятія? Ср. 4, 6.

Ergo. Какая часть силлогизма?

inimicus, сказуемое, потому что противопоставляется *amicus esse*.

si ita vultis, п. ч. Цицеронъ, по настоящему, не согласенъ, что онъ долженъ быть врагомъ Цезарю, но

только говорить о случаѣ, если бы онъ долженъ былъ быть врагомъ.

20. *Quid, si*. Большая посылка того силлогизма, на которомъ основывается первый доводъ 2 доказательства, что Цицеронъ поступаетъ хорошо, высказываясь за оставленіе Цезаря.

tandem усиливаетъ вопросъ. Чѣмъ усиливаются вопросы въ русск. языкѣ?

praesertim cum. Это какая посылка того силлогизма, который, будучи основанъ на аналогіи, приводится въ подтвержденіе предшествующей большей посылки? Какое слово здѣсь указываетъ на аналогію?

IX. 20. *An vero*. Ср. 8, 18. An Ti. Gracchus—. Какая посылка того же силлогизма здѣсь вводится?

M. Lepidus, консулъ въ 187 и 175 г. до Р. X., цензоръ въ 179 г.

memoriae перев. прилагательнымъ и существительнымъ.

pontifex maximus, начальникъ важнѣйшей коллегіи римскихъ жрецовъ, *pontificum*.

litteris перев. прилагательнымъ.

summi poetae, Еппія, съ 239—169 г. до Р. X., рассказавшаго въ 18

annalium litteris et summi poetae voce laudatus est, quod cum M. Fulvio collega, quo die censor est factus, homine inimicissimo, in campo statim rediit in gratiam, ut commune officium censurae communi animo ac voluntate defenderent? 21. Atque, ut vetera, quae sunt innumerabilia, mittam, tuus pater, Philippe, nonne uno tempore cum suis inimicissimis in gratiam rediit? quibus eum omnibus eadem res publica reconciliavit, quae alienarat. 22. Multa praetereo, quod intueor coram haec lumina atque ornamenta rei publicae, P. Servilium et M. Lucullum. Utinam etiam L. Lucullus illic adsideret! Quae fuerunt inimicitiae in civitate graviores quam Lucullorum atque Servilii? quas in viris fortissimis non solum exstinxit res publica dignitasque ipsorum, sed etiam ad amicitiam consuetudinemque traduxit. Quid? Q. Metellus Nepos, nonne consul in

книгахъ своихъ annalium всю римскую исторію до своего времени.

inimicissimo. Liv. 40, 46. Aemilius (i. e. M. Lepidus) questus cum alia, tum bis a M. Fulvio se certo consulatu deiectum, Fulvius contra que ri se ab eo semper lacescitum et in probrum suum sponsionem factam.

campo, Martio, гдѣ избирали цензоровъ въ comitiis centuriatis.

officium defendere, какъ officium servare, munus tueri.

21. *vetera* перев. прибавляя существительное.

innumerabilia можно перевести существительнымъ.

mittam, а не mitterem, потому что говорится не о намѣреніи прошедшаго примиренія, но о намѣреніи настоящаго упоминанія объ этомъ.

pater тогдашняго консула Филиппа, L. Marcus Philippus, былъ въ трибунство свое демократомъ, но, будучи консуломъ (въ 91 г. до Р. X.) явился приверженцемъ оптиматовъ.

uno tempore за разъ.

eadem можно перевести, вм. мѣстоименія, частицею, равно какъ

соотвѣтствующее quae сравнительною частицею.

22. *coram* какъ предлогъ встрѣчается у Цицерона только 2 раза; кромѣ этихъ 2 мѣстъ оно вездѣ является нарѣчіемъ.

P. Servilium, сына того Сервилія, о которомъ говорится 1, 1.

M. Lucullum, брата того Л. Лукула, который съ 74—67 г. до Р. X. велъ войну съ Мидридатомъ и умеръ въ 56 или 57 году. Оба брата, будучи юношами, обвиняли здѣсь упомянутого Сервилія, который прежде обвинилъ ихъ отца.

Quae fuerunt; см., для перевода, 4, 8, quod fanum.

respublica dignitasque прекратили вражду, дѣйствуя на ихъ мысли, что по русски выразимъ, объективное лат. выраженіе передавая субъективнымъ, т. е. вставляя субъективное понятіе, какъ бы *gatio habita rei publicae etc.* Сл. Страх. Стил. § 17, 3.

amicitiam перев. прилагательнымъ.

Q. (Caecilius) *Metellus Nepos,* бывши трибуномъ въ 62 г. до Р. X. дѣйствовалъ противъ Цицерона,

templo Iovis optimi maximi, permotus cum auctoritate vestra tum illius P. Servilii incredibili gravitate dicendi absens mecum summo suo beneficio rediit in gratiam? An ego possum huic esse inimicus, cuius litteris, fama, nuntiis celebrantur aures cotidie meae novis nominibus gentium, nationum, locorum? 23. Ardeo, mihi credite, patres conscripti,—id quod vosmet de me existimatis et facitis ipsi—incredibili quodam amore patriae: qui me amor et subvenire olim impendentibus periculis maximis cum dimicatione capitis et rursum, cum omnia tela undique esse intenta in patriam viderem, subire coëgit atque excipere unum pro universis. Hic me meus in rem publicam animus pristinus ac perennis cum C. Caesare reducit, reconciliat, restituit in gratiam.

по, будучи консуломъ въ 57 г. присоединился къ докладу консула Лентула о возвращеніи Цицерона, уступивъ какъ Лентулу и Помпею, такъ и Сервилію. Cic. pro Sest. 62, 130.

in templo Capitolino.

auctoritate здѣсь не формальное мнѣніе сената (ср. 2, 2), потому что въ тотъ день только послѣ доклада состоялось таковое, а прежде сенатъ не разъ постановлялъ возвратить Цицерона, но: желаніе, вліяніе, совѣтъ. Сл. Cic. p. red. in sen. 10, 25. Q. Metellus, perspecta vestra voluntate, omnia privata odia deposuit.

incredibili перев. адвербіальнымъ оборотомъ, *gravitate* прилагательнымъ.

An ego. Меньшая посылка первого довода; смыслъ: если я былъ прежде врагомъ Цезаря, то уже перестаю, изъ-за пользы государства, и по этому не отзываю его. Какими двумя моментами это положение подтверждается и какіе силлогизмы лежатъ въ основаніи этого подтвержденія?

ego, въ противоположность упомянутымъ мужамъ.

huic, Caesari, о которомъ теперь идетъ рѣчь.

celebrantur—celeberrime, frequentissime attinguntur.

genium—*nationum*, поворевіемъ которыхъ Цезарь оказалъ услугу государству. Ср. Vell. Pat. II, 98. Omnibus eius gentis nationibus in arma accensis.

23. *Subvenire.* Subvenimus и тому, которому помогаемъ и тому, противъ чего; такъ *gravedini*, Cic. Att. 16, 14, 4; *sollicitudini*, ad fam. 2, 6, 4; *periculosus rebus*, de rep. 1, 19.

cum dimicatione capitis—ita ut de capite i. e. vita esset dimicandum.

olim, при открытіи заговора Катилины.

rursum, въ 58 г., при смутахъ Клодія.

unum pro universis. Cic. pro domo 24, 63. Quod si—vi et armis contra vim decernere voluissem, aut vicissem cum magna internecione improborum, sed tamen civium, aut interfectis bonis omnibus—una cum republica concidissem.

pristinus qui olim fuit, *perennis*, qui mansit.

24. *denique*, какъ *postremo*, употребляется при окончаніи исчисления или вообще болѣе обстоятельнаго изложенія, когда краткимъ вы-

24. Quod volent denique, homines existiment: nemini ego possum esse bene merenti de re publica non amicus. X. Etenim si iis, qui haec omnia flamma ac ferro delere voluerunt, non inimicitias solum, sed etiam bellum indixi atque intuli, cum partim mihi illorum familiares, partim etiam me defendente capitis iudiciis essent liberati, cur eadem res publica, quae me in amicos inflammare potuit, inimicis placare non possit? Quod mihi odium cum P. Clodio fuit, nisi quod perniciosum patriae civem fore putabam, qui turpissima libidine incensus duas res sanctissimas, religionem et pudicitiam, uno scelere violasset? Num est igitur dubium ex iis rebus, quas is egit agitque cotidie, quin ego in illo oppugnando rei publicae plus quam otio meo, nonnulli in eodem defendendo suo plus otio quam communi prospexerint? 25. Ego me a C. Caesare in re publica dissensisse fateor et sensisse vobiscum: sed nunc iisdem vobis adsentior, cum quibus antea sentiebam. Vos enim, ad quos

раженіемъ схватывается прежде сказанное, гдѣ мы болѣе указываемъ на сжатость выраженія, чѣмъ на мѣсто его на концѣ.

X. 24. *Etenim*. Изъ готовности Цицерона въ пользу государства принимать вражды выводится его же любовь къ полезнымъ политическимъ дѣателямъ. Какимъ образомъ?

iis, Catilinaris.

haec перев. съ помощію существительнаго.

partim illorum—essent: сл. Ходоб. § 241, прим. 4, fin.; Кессл. § 28, С.

familiares, какъ Autronius (Cic. pro Sull. 6, 18. *veniebat—ut se defenderem et se meum condiscipulum in pueritia, familiarem in adolescentia—commemorabat fuisse*).

defendente me. Ascon. Orell. ed. Cic. V, 2. pag. 85. *Defensus est Catilina (repetundarum reus), ut Fenestella tradit, a M. Cicerone. Quod ego ut addubitem haec ipsa Ciceronis oratio facit.—Cic. ad Att. I, 2, 1. Hoc tempore Catilinam—defendere cogitamus.*

eadem; ср. § 21.

nisi quod; Кессл. § 187, прим. 2; Ходоб. § 344, пр. 4.

duas res sanct. «двѣ такихъ святыни, какъ»—; ср. 1, 1. *virum clarissimum*.

uno scelere. P. Claudius (Clodius) Pulcher, помогшій Цицерону при открытіи заговора Катилины, въ декабрѣ мѣсяцѣ 62 года, вкрался въ домъ Цезаря, когда тамъ происходилъ праздникъ *Vonae Deae*, на которомъ мужинѣ грѣшно было являться, и узнанный матерью Цезаря, за женою котораго онъ ухаживалъ, былъ обвиненъ, но подкупленными судьями оправданъ, не смотря на свидѣтельство Цицерона противъ заявленнаго имъ *alibi*.

egit; особенно его законы во время его трибунства.

agit; постоянныя смуты въ городѣ, при помощи вооруженной толпы.

nonnulli; намекъ, между прочимъ, на триумвировъ, воспользовавшихся Клодіемъ противъ сенатской партіи.

25. Второй доводъ втораго доказательства въ оправданіе оставленія Цезаря въ Галліи. Изъ ка-

litteras L. Piso de suis rebus non audet mittere, qui Gabinii litteras insigni quadam nota atque ignominia nova condemnastis, C. Caesari supplicationes decrevistis, numero ut nemini uno ex bello, honore ut omnino nemini. Cur igitur exspectem hominem aliquem, qui me cum illo in gratiam reducat? Reduxit ordo amplissimus et ordo is, qui est et publici consilii et meorum omnium consiliorum auctor et princeps. Vos sequor, patres conscripti, vobis obtempero, vobis adsentior, qui, quam diu C. Caesaris consilia in re publica non maxime diligebatis, me quoque cum illo minus coniunctum videbatis: postea quam rebus gestis mentes vestras voluntatesque mutastis, me non solum comitem esse sententiae vestrae, sed etiam laudatorem vidistis.

кихъ посылокъ выводится непредсудительность поступка Цицерона и которая приводится, которая подразумевается?

in republica dissensisse, такъ какъ Цицеронъ держался партіи оптиматовъ, консерваторовъ, а Цезарь народной, т. е. либеральной партіи.

iisdem перев. частицею; см. § 21.

Gabinii litterae, см. § 14.

insigni quadam: «особеннымъ родомъ» съ родительнымъ.

nota относится къ *ignominia*, какъ иносказательное къ собственному выраженію.

supplicationes здѣсь не разныя благодарственныя молебствія, но дни одного молебствія. Вѣдь съ 58 г. до Р. X. до времени этой рѣчи была Цезарю назначена только одна *supplicatio*, послѣ войны съ Бельгійцами въ 57 году. Итакъ

numero относится къ тѣмъ 15 днямъ молебствія, которые были разрѣшены Цезарю (Caes. b. G. II, 35), тогда какъ обычное время было прежде 5 дней.

honore = *dignitate verborum*, Сл. 11, 27. fin.

hominem противопоставляется *ordo*. Какое, по этому, прилагательное можно прибавить въ переводѣ?

et; какую частицу прибавить къ соединительной изъ-за пояснительнаго значенія словъ *ordo is* etc.?

publici consilii = *quod de re publica datur, auctor* = *qui dat consilium, princeps* = *qui ita consilium dat, ut ei pareatur, consiliorum meorum auct. et princ.* = *qui dat sc. mihi consilia de meis rebus regitque me*: итакъ: «руководящій совѣтникъ» или «совѣтникъ руководитель» «какъ по государственнымъ такъ и по всѣмъ моимъ дѣламъ».

vos, vobis. Ad Her. 4, 13, 19. Repetitio est, cum continenter ab uno atque eodem verbo in rebus similibus et diversis principia sumuntur.—Наес *exornatio* cum multum venustatis habet tum gravitatis et acrimoniae plurimum.

consilia in republica какъ перевести вмѣстѣ однимъ словомъ?

rebus gestis, abl. caus.—

mutastis. Изъ Галліи Цезарь склонялъ на свою сторону большую часть сената, такъ что на конференціи въ Луккѣ, въ 56 г. до Р. X., по Plut. Caes. 21, явилось у него 200 сенаторовъ.

comitem, п. ч. вмѣстѣ съ другими подавалъ голосъ въ пользу Цезаря.

laudatorem, п. ч. говорилъ рѣчи за эти мнѣнія.

XI. 26. Sed quid est quod in hac causa maxime homines admirentur et reprehendant meum consilium, cum ego idem antea multa de creverim, quae magis ad hominis dignitatem quam ad rei publicae necessitatem pertinerent? Supplicationem quindecim dierum decrevi sententia mea. Rei publicae satis erat tot dierum quot C. Mario. Dis immortalibus non erat exigua eadem gratulatio quae ex maximis bellis. Ergo ille cumulus dierum hominis est dignitati tributus. 27. In quo ego, quo consule referente primum decem dierum est supplicatio decreta Cn. Pompeio Mithridate interfecto et confecto Mithridatico bello et cuius sententia primum duplicata est supplicatio consularis—mihi enim estis ad sensi, cum eiusdem Pompeii litteris recitatis, confectis omnibus maritimis terrestribusque bellis, supplicationem dierum decem decrevistis—, sum Cn. Pompeii virtutem et animi magnitudinem admiratus, quod, cum ipse ceteris omnibus esset omni honore antelatus, ampliorem honorem alteri tribuebat quam ipse erat consecutus. Ergo in illa supplicatione,

XI. 26. *Sed quid est—pertinerent.* Заключение и меньшая посылка того силлогизма, на котором держится все третье доказательство в оправдание мнѣнія Цицерона. Какая подразумевается большая посылка? *ego idem*, см. § 21.

hominis, въ противоположность *reipublicae*. Перев. прилагательнымъ или собственнымъ именемъ, какъ часто homo употребляется для обозначенія выше названнаго лица.

ad dignitatem pertinerent—*valeant ad dignitatem, adderent dignitatem homini*. Слѣдоват. *dignitas* здѣсь не-достоинство, но то, что такому соотвѣтствуетъ въ объективномъ смыслѣ.

Supplicationem. Какъ въ словахъ *magis pertinerent* заключается два положенія, что прежде назначенное Цицерономъ Цезарю касалось личнаго отличенія его, а оставленіе Галліи касается пользы государства и не выгоды Цезаря, такъ первое доказывается до конца 11 главы, а второе оттуда до конца гл. 16. Но въ первой статьѣ о каждомъ назначенномъ отличіи говорится от-

дѣльно, такъ что она распадается на три силлогизма. Какая посылка перваго начинается съ *supplicationem*, какая съ *reipublicae*?

satis erat. Объ изъяснительномъ см. Ходоб. § 336.

tot dierum, т. е. *quinque*.

C. Mario, см. 8, 19.

gratulatio здѣсь—*gratiarum actio*, а обыкновенно—поздравленіе.

ergo. Чтò предполагается, когда изъ меньшей посылки, что ни для государства ни для боговъ не было назначено столько дней, выводится, что это число было назначено въ честь Цезаря?

cumulus vocatur, quod super mensuram in modio adiciebatur. Fest. s. v. *auctarium*.

dignitati tributus т. е. *quia eo dignus erat Caesar, additus*.

27. In quo. Отступленіе, не принадлежащее къ доказательству, до словъ: *ipse erat consecutus*.

Mithridatico bello. Эту 3 войну съ Митрид., начатую въ 74 году до Р. X., велъ Помпей съ 66 г.

maritimis т. е. *piratico, terrestribus* т. е. *Mithridatico et Iudaico*.

quam ego decrevi, res ipsa tributa est dis immortalibus et maiorum institutis et utilitati rei publicae, sed dignitas verborum, honos et novitas et numerus dierum Caesaris ipsius laudi gloriaeque concessus est. 28. Relatum est ad nos nuper de stipendio exercitus: non decrevi solum, sed etiam ut vos decerneretis laboravi: multa dissentientibus respondi: scribendo adfui. Tum quoque homini plus tribui quam nescio cui necessitati. Illum enim arbitrabar etiam sine hoc subsidio pecuniae retinere exercitum praeda ante parta et bellum conficere posse: sed decus illud et ornamentum triumphi minuendum nostra parcimonia non putavi. Actum est de decem legatis, quos alii omnino non dabant, alii exempla quaerebant, alii tempus differebant, alii sine ullis verborum ornamentis dabant: in ea quoque re sic sum locutus, ut omnes intelligerent me id, quod rei publicae causa sentirem, facere uberius propter ipsius Caesaris dignitatem.

Ergo. Къ оставленной темъ рѣже возвращаются черезъ ergo, чаще черезъ sed и verum.

honos et novitas et numerus—honos novi numeri.

28. Второй силлогизмъ предлагается не въ силлогической формѣ, но въ повѣствовательной. Что принадлежитъ къ большей, что къ меньшей посылкѣ?

Relatum, in senatu.

de stipendio exercitus, т. е. тѣхъ 4 легионовъ, которые Цезарь набралъ, не спросивши сената, который, конечно, разрѣшалъ жалованіе только для назначенныхъ имъ войскъ. О новыхъ легионахъ см. Caes. b. G. I, 24, 2. II, 2, 1.

scribendo adfui т. е. in senatus consulto scribendo. Реджировались сенатскія опредѣленія предсѣдательствующимъ магистратомъ, но при помощи нѣсколькихъ сенаторовъ изъ числа особенно заинтересованныхъ тѣмъ, чтобы опредѣленіе состоялось.

plus tribui—plus feci propter hominem.

nescio cui. Сл. Ходоб. § 376, прим. 2.

decus—ornamentum, т. е. добыча, могущая украшать триумфъ. Вѣдь и деньги и остальная добыча провозились, въ триумфальномъ шествіи, и чѣмъ менѣе изъ нихъ истрачено, тѣмъ славнѣе выходилъ триумфъ.

illud относится къ предыдущему praeda ante parta.

legatis, см. 3, 5.

Actum est. Какой третій силлогизмъ скрывается въ этомъ разсказѣ?

quos грамматически зависятъ отъ *dabant*, но изъ него подразумевается quorum къ exempla и tempus, какъ вообще, послѣ дополненія у переходящаго глагола, если слѣдуютъ глаголы, требующіе другого падежа того же дополненія, безъ предлога или съ предлогомъ, то оно не повторяется, но подразумевается.

exempla, чтобы свой отказъ оправдать more maiorum, п. ч. обыкновенно давались по два или по три легата.

sentirem, sc. esse faciendum.

XII. 29. At ego idem nunc in provinciis decernendis, qui illas omnes res egi silentio, interpellor, cum in superioribus causis hominis ornamenta fuerint, in hac me nihil aliud nisi ratio belli, nisi summa utilitas rei publicae moveat. Nam ipse Caesar quid est cur in provincia commorari velit nisi ut ea, quae per eum adfecta sunt, perfecta rei publicae tradat? Amoenitas eum, credo, locorum, urbium pulcritudo, hominum nationumque illarum humanitas et lepos, victoriae cupiditas, finium imperii propagatio retinet. Quid illis terris asperius, quid incultius oppidis, quid nationibus immanius, quid porro tot victoriis praestabilius, quid Oceano longius inveniri potest? An reditus in patriam habet aliquam offensionem? utrum apud populum, a quo missus est, an apud senatum, a quo ornatus est? an dies auget eius desiderium, an magis oblivionem, ac laurea illa magnis periculis parta amittit iongo intervallo viriditatem? Qua re si qui hominem non diligunt, nihil est quod eum de provincia devocent. Ad gloriam devocant, ad triumphum, ad gratulationem, ad summum honorem senatus, equestris ordinis gratiam, populi ca-

XII. 29. *At ego.* Повтореніе доказыаемаго положенія съ меньшею посылкою служащаго доказательствомъ силлогизма. Въдъ nunc interpellor съ удивленіемъ сказано, такъ что=non recte interpellor.

causis, de quibus agebatur, supplicatione, stipendio, X legatis.

hominis, сказуемое; ornamenta разъ принимается за подлежащее, а еще разъ за сказуемое, черезъ brachylogia.

nisi относится къ nihil; говорятъ и nihil aliud quam, тогда quam относится къ aliud.

ratio belli, какъ 8, 19. propter rationem belli.

Nam вводитъ доказательство, что Цицеронъ руководится пользою государства. Какая бoльшая посылка подразумѣвается, когда это выводится изъ того, что Цезарю никакъ не полезно оставаться въ Галліи?

adfecta—perfecta; см. 8, 19. Какое существительное употребить для перевода *ea*, чтобы могло зависѣть отъ *tradat*?

Amoenitas у наилучшихъ писателей относится только къ прелестнымъ мѣстностямъ. Къ какому силлогизму сводится это доказательство, что для Цезаря оставленіе въ Галліи никакъ не полезно?

humanitas; точно такъ Caes. b. G. 1, 1, 5. quod a cultu atque humanitate provinciae longissime absunt. Внизу соотвѣтствуетъ immanius.

lepos; ср. Cic. Tusc. V, 19, 55. In quo mihi videtur specimen fuisse humanitatis, salis, suavitatis, leporis.

porro, кромѣ первоначальнаго значенія (мѣста и времени) заключаетъ въ себѣ нѣкоторый вызовъ и по этому преимущественно стоитъ при повелительномъ или въ вопросѣ, хотя и въ повѣствовательномъ исчисленіи.

missus; ибо предъальпійскую Галлію и Шугісум назначилъ Цезарю, по предложенію Ватинія, народъ; *ornatus*, ибо послѣ назначилъ ему сенатъ Заальпійскую Галлію и такимъ образомъ прибавилъ какъ-то ornamentum.

ritatem. 30. Sed si ille hac tam eximia fortuna propter utilitatem rei publicae frui non properat, ut omnia illa conficiat, quid ego senator facere debeo, quem, etiam si ille aliud vellet, rei publicae consulere oporteret?

Ego vero sic intelligo, patres conscripti, nos hoc tempore in provinciis decernendis perpetuae pacis habere oportere rationem. Nam quis hoc non sentit, omnia alia esse nobis vacua ab omni periculo atque etiam suspicione belli? 31. Iam diu mare videmus illud immensum, cuius fervore non solum maritimi cursus, sed urbes etiam et viae militares iam tenebantur, virtute Cn. Pompeii sic a populo Romano ab Oceano usque ad ultimum Pontum tamquam unum aliquem portum tutum et clausum teneri: nationes eas, quae numero hominum ac multitudine ipsa poterant in provincias nostras redundare, ita ab eodem esse partim recisas, partim repressas, ut Asia, quae imperium antea nostrum terminabat, nunc tribus novis provinciis ipsa cingatur. Possum de omni regione, de omni genere hostium dicere. Nulla gens est quae non aut ita sublata sit, ut

An dies—an magis. Первое *an* не стоит вмѣсто *utrum*, но и передъ нимъ, какъ передъ предшествующимъ *an*, опущена противоположная мысль, здѣсь: *utrum minuitur diuturna absentia eius desiderium?* а этотъ вопросъ съ *an* принимаетъ отрицательный смыслъ и то же выражаетъ, что: *numquid dies auget etc.* Второе *an* соответствуетъ предыдущей отрицательной мысли и тѣмъ принимаетъ смыслъ положительный, какъ *Cic. de legg. 2, 2, 5. numquid duas habetis? an est una illa patria communis?*

gratiam, за то, что Цезарь, будучи консуломъ, внесъ законъ объ освобожденіи откупщиковъ въ Азіи отъ трети отступныхъ денегъ (*lex de publicanis*).

30. *illa* перев. существительнымъ. *in provinciis decernendis* т. е. *Galliis Caesari relinquendis.*

pacis habere oportere rationem, sc. п. ч. это полезно государству. Доказывается въ слѣдующемъ послѣдняя мысль, что оставленіе Це-

заря какъ упрочивающее миръ государству полезно; но такъ какъ она доказывается въ подтвержденіе тому, что надо въ Галліи оставить Цезаря, то высказана послѣдняя мысль.

Nam. Что доказывается до конца параграфа?

omnia alia; какое существительное употребить въ переводѣ?

31. *fervore.* Съ взволнованнымъ моремъ, не только истребляющимъ корабли, но и наводняющимъ землю, сравнивается корсарская война, въ 66 году до Р. X. оконченная Помпеемъ.

ab Oceano т. е. отъ Гибралтарскаго пролива.

nationes eas, Азіатскія и Повтійскія націи участвовавшія въ Митридатской войнѣ.

recisas; народъ сравнивается съ отрубленнымъ деревомъ; ср. подъ конецъ параграфа: *nulla gens est quae non aut ita sublata sit.*

repressas, ср. тамъ же: *aut ita domita.*

vix exstet, aut ita domita, ut quiescat, aut ita pacata, ut victoria nostra imperioque laetetur. XIII. 32. Bellum Gallicum, patres conscripti, C. Caesare imperatore gestum est, antea tantum modo repulsum. Semper illas nationes nostri imperatores refutandas potius bello quam lacessendas putaverunt. Ipse ille C. Marius, cuius divina atque eximia virtus magnis populi Romani luctibus funeribusque subvenit, influentes in Italiam Gallorum maximas copias repressit, non ipse ad eorum urbes sedesque penetravit. Modo ille meorum laborum, periculorum, consiliorum socius, C. Pomptinus, fortissimus vir, ortum repente bellum Allobrogum

Asia. Cic. pro Flacco 27, 65. Asia vestra constat ex Phrygia, Mysia, Caria, Lydia.

tribus. Киликію Помпей хотѣ и не первый обратился въ провинцію—вѣдь о киликійской провинціи идетъ рѣчь съ 103 года—но въ 67 году покорилъ окончательно Ciliciam Asperam, при случаѣ корсарской войны, отчего и Cic. de imp. Cn. Pomp. 12, 35. totam ad imperium Romanum Ciliciam adiunxit, да въ 66 г. отнялъ у Антиоха и Ciliciam Samprestrem, такъ что, въ 64 году, образовалась провинція въ бывшемъ потомъ объемѣ, обнимающая всю Киликію, Памфилію, Пизидію, Изаврію и Ликаонию. Въ 58 году присоединили островъ Кипръ; съ 56—50 году принадлежала къ Киликіи и часть Фригіи.

Pontum Cn. Pompeius in provinciae formam redegit (Liv. Epit. CII) въ 65 году. Въ 64 году Помпей (Plut. Pomp. 39) *καταβάς εἰς Συρίαν ταύτην—ἐπαρχίαν ἀπέφηνε καὶ κτῆμα τοῦ δήμου Ῥωμαίων.*

XIII. 32. Bellum Gallicum т. е. bella Gallica. Что доказывается отсюда до metu liberata quievit?

gestum противоположеніемъ *repulsum* (оборонительно вести войну) получаетъ смыслъ веденія наступательной войны.

refutandas. Покореніе предъальной Галліи было послѣдствіемъ

разныхъ вторженій Галловъ въ римскую Италію; покореніе заальпійской Галліи началось съ помощи, которую Римляне оказали Массилійцамъ, своимъ союзникамъ; Аллоброги были побѣждены, когда напали на заальпійскую провинцію.

funeribus. По русски или собственное выраженіе *вм. иносказательнаго или другую метафору.*

subvenit, см. 9, 25.

Gallorum собственно Germanorum, Cimbrogum et Teutonorum, хотя къ нимъ присоединились галльскіе Tigurini и Ambrones.

Modo. Въ 61 году, когда Г. Помпій, въ консульство Цицерона бывший преторомъ, былъ пропреторомъ въ Gallia Narbonensis, Аллоброги, которымъ не были исполнены данныя во время заговора Катилины обѣщанія объ облегченіи, возстали противъ Римлянъ, но были покорены пропреторомъ.

excitatum п. ч. заговорщики мысль о возстаніи внушили посламъ Аллобрововъ, которыхъ тѣ послали попросить помощи у сената. Выдавъ заговорщиковъ, послы отъ сената получили обѣщаніе помощи, но когда это обѣщаніе не было исполнено, Аллоброги возстали.

laccessierant, sc. Romanos. Cp. § 33. Restitimus semper lacessiti.

rationem sc. belli gerendi; 12, 29. ratio belli не въ томъ же смыслѣ.

atque hac scelerata coniuratione excitatum proeliis fregit eosque domuit, qui lacesierant, et ea victoria contentus re publica metu liberata quievit.

C. Caesaris longe aliam video fuisse rationem. Non enim sibi solum cum iis, quos iam armatos contra populum Romanum videbat, bellandum esse duxit, sed totam Galliam in nostram dicionem esse redigendam.

33. Itaque cum acerrimis nationibus et maximis Germanorum et Helvetiorum proeliis felicissime decertavit: ceteras conterruit, domuit, imperio populi Romani parere adsuefecit et quas regiones quasque gentes nullae nobis antea litterae, nulla vox, nulla fama notas fecerat, eas noster imperator nosterque exercitus et populi Romani arma peragrarunt. Semitam tantum Galliae tenebamus antea, patres conscripti: ceterae partes a gentibus aut inimicis huic imperio aut infidis aut incognitis aut certe immanibus et barbaris et bellicosis tenebantur: quas nationes nemo umquam fuit quin frangi domarique cuperet: nemo sapienter de re publica nostra cogitavit iam inde a principio huius imperii quin Galliam maxime timendam huic imperio esse putaret, sed propter vim ac multitudinem gentium illarum numquam est antea cum omnibus dimicatum. Restitimus semper lacesiti. Nunc denique est perfectum ut imperii nostri terrarumque illarum idem esset extremum.

XIV. 34. Alpibus Italiam munierat antea natura non sine aliquo divino numine. Nam si ille aditus Gallorum immanitati multitudinique

О ratio ср. Страх. Стил. § 63. Чтѣ и чѣмъ доказывается отсюда до конца параграфа?

33. *decertavit*, въ 58 году.

ceteras, особенно Бельгійцевъ, съ которыми велъ войну въ 57 году; но и остальные галльскіе народы почти всѣ покорились, благодаря побѣдѣ надъ Бельгійцами. Caes. b. G. II, 35. His rebus gestis omni Gallia pacata etc.

conterruit fama victoriae, compulit bello victos, domuit in dicionem redactos.

litterae, libri, vox certorum auctorum, fama incerti auctoris.

Semitam, п. ч. Gallia Transalpina состояла изъ узкаго побережья.

esset extremum, не sit, п. ч. послѣ *facere* и сложныхъ съ нимъ глаголовъ ставятся не только консеку-

тивные, но и финальныя предложеныя. Согласно съ тѣмъ употребляется при нихъ то не то ut поп. Сл. Ходоб. § 348. пр. 1.

XIV. 34. *sine aliquo* всегда говорятъ послѣ non, а безъ non: sine ullo.

numine. Varro L. L. VII, 5, § 85. Numen dicunt esse imperium, dictum ab nutu. Какъ по русски назвать божью волю, заботящуюся о чѣмъ-нибудь благѣ?

ille т. е. qui illinc erat, illius partis. Ходоб. § 312.

licet соединяется и съ сослагат. и съ inf., при которомъ лицо, которому что-либо позволено, обыкновенно обозначается дательнымъ, какъ и прибавленное къ inf. предикативное имя, но нерѣдко и асс. с. inf.

aestas п. ч. войны обыкновенно велись только лѣтомъ.

patuisset, numquam haec urbs summo imperio domicilium ac sedem praeberet. Quae iam licet considant! Nihil est enim ultra illam altitudinem montium usque ad Oceanum quod sit Italiae pertimescendum. Sed tamen una atque altera aestas vel metu vel spe vel poena vel praemiis vel armis vel legibus potest totam Galliam sempiternis vinculis astringere. Impolitae vero res et acerbae si erunt relictae, quamquam sunt accisae, tamen efferent se aliquando et ad renovandum bellum revirescent. 35. Qua re sit in eius tullela Gallia, cuius fidei, virtuti, felicitati commendata est. Qui si Fortunae muneribus amplissimis ornatus saepius eius deae periculum facere nollet: si in patriam, si ad deos penates, si ad eam dignitatem, quam in civitate sibi propositam videt, si ad iucundissimos liberos, si ad clarissimum generum redire properaret: si in Capitolium invehi victor cum illa insigni laude gestiret: si denique timeret casum aliquem, qui illi tantum addere iam non potest quantum auferre, nos tamen oporteret ab eodem illa omnia, a quo proffigata sunt, confici velle. Cum vero ille suae gloriae iam pridem, rei publicae nondum satis fecerit et malit tamen tardius ad suorum laborum fructus pervenire quam non explere susceptum rei publicae munus, nec imperatorem incensum ad rem publicam bene gerendam revocare nec totam Gallici belli rationem prope iam explicatam perturbare atque impedire debemus.

XV. 36. Nam illae sententiae virorum clarissimorum minime probandae sunt: quorum alter ulteriorem Galliam decernit cum Syria, alter

legibus, мирнымъ устройствомъ покоренныхъ народовъ.

impolitae, сравненіе съ обдѣланнымъ предметомъ; *acerbae*, съ незрѣлымъ плодомъ, *accisae* съ растеніемъ; такъ и *efferent* и *revirescent*.

35. *Quare*—заключеніе изъ сказаннаго съ послѣднихъ словъ § 30, согласное съ *Ego vero—rationem* въ томъ же §, съ такъ называемой *exornatio*. Ad. Her. II, 18, 28. *Exornatio est qua utimur rei honestandae et collupletandae causa confirmata argumentatione.*

periculum, одного корня съ *πειράωμαι*, собственно=tentamen.

penates, собственно боги—покровители *penus*, т. е. кладовой для домашняго запаса, *per denominationem* (μετωνομία) вл. дома.

liberos. Въ самомъ дѣлѣ у Цезаря была только одна дочь, вышедшая въ 59 году, за мужъ за Помпея. Оттого *generum*.

illa omnia перев. существительнымъ.

belli rationem: см. § 32.

explicatam, не словами, конечно, но дѣйствіемъ.

XV. 36. Что предполагается, когда изъ вреда приведенныхъ въ слѣдующемъ двухъ предложеній заключаются къ пользѣ оставленія Цезаря въ Галліи, изъ-за которой его надо оставить въ Галліи?

omnia illa перев. существительнымъ.

eam—legem, подлежащее неопредѣленнаго; ср. Cic. Phil. XI, 5, 11. *leges eam non tenent*. Разу-

citeriorem. Qui ulteriorem, omnia illa, de quibus disserui paullo ante, perturbat, simul ostendit eam se tenere legem, quam esse legem neget, et, quae pars provinciae sit, cui non possit intercedi, hanc se avellere, quae defensorem habeat, non tangere: simul et illud facit, ut, quod illi a populo datum sit, id non violet, quod senatus dederit, id senator properet auferre. 37. Alter belli Gallici rationem habet, fungitur officio boni senatoris, legem, quam non putat, eam quoque servat: praefinit enim successori diem. Quo mihi nihil videtur alienius a dignitate disciplinae maiorum, quam ut, qui consul Kalendis Ianuariis habere provinciam debet, is ut eam desponsam, non decretam habere videatur. Fuerit toto in consulatu sine provincia, cui fuerit, ante quam designatus est, decreta provincia? Sortietur an non? Nam et non sortiri absurdum est et quod

и́ется lex Vatinia, которымъ народъ поручилъ Цезарю Galliam Cisalpinam, противъ lex Sempronia, по которому консуламъ провинціи назначалъ сенатъ. Потому quam esse legem neget.

neget (сослаг.) основано на консулативномъ значеніи относительнаго предложенія. Упрекъ состоитъ въ непоследовательности, упоминаемый вредъ въ нарушеніи неотмѣннаго закона, Семпроніева, фактическимъ признаніемъ незаконнаго закона и защитѣ его. Къ послѣдней относятся слова: et quae pars etc.

provinciae, sc. Galliarum.

quae pars, ulterior Gallia.

cui non possit intercedi, по Семпроніеву закону.

quae defensorem habeat, Gallia citerior. Defensor былъ, должно быть, трибунъ, протестъ котораго противъ отнятія предъальпійской Галліи предвидѣлся.

et illud. Et вообще Цицерономъ вм. etiam рѣдко употребляется, но послѣ *simul* встрѣчается нѣсколько разъ.

senator, приложение въ уступительномъ смыслѣ.

37. *officio b. v.*, не отнимая того, что далъ сенатъ.

eam quoque servat, назначая преемнику Галлію предъальпійскую по окончаніи опредѣленнаго Ватиніевымъ закономъ срока. Не одобряется здѣсь то же, что выше ставилось въ упрекъ, какъ могло бы казаться, но формальная законность при фактической отмѣнѣ незаконнаго закона, какъ видно изъ винословнаго предложенія.

Quo. Начало опроверженія цѣлесообразности назначеннаго срока. По этому съ помощію какого союза перевести quod?

dignitate disciplinae т. е. digna (consule) disciplina maiorum.

habere provinciam debet, sc. ex lege Cornelia de provinciis ordinandis (Cic. ad fam. I, 9, 25), по которой imperium консуловъ непрерывно продолжалось до ихъ возврата изъ провинціи въ Римъ. Консулы свое imperium въ городѣ уступали преемникамъ 1 января. Кончались ли imperium Цезаря, данное ему Ватиніевымъ закономъ въ 59 году на пять лѣтъ, послѣдняго февраля т. е. въ обыкновенный срокъ военной службы, или послѣдняго декабря, это было не менѣе спорно какъ вопросъ о томъ, принимался ли въ расчетъ, при этихъ пяти годахъ,

sortitus sis non habere. Proficiscetur paludatus? Quo? quo pervenire ante certam diem non licebit. Ianuario, Februario provinciam non habebit. Kalendis ei denique Martiis nascetur repente provincia. 38. Ac tamen his sententiis Piso in provincia permanebit. Quae cum gravia sunt tum nihil gravius illo, quod multari imperatorem deminutione provinciae contumeliosum est, neque solum summo in viro, sed etiam mediocri in homine ne accidat providendum.

XVI. Ego vos intelligo, patres conscripti, multos decrevisse eximios honores C. Caesari et prope singulares. Si, quod ita meritus erat, grati, sin etiam, ut quam coniunctissimus huic ordini esset, sapientes ac divini

годъ консульства Цезаря въ Римѣ, 59 до Р. X., или нѣтъ. Цицеронъ, очевидно, раздѣлялъ первое мнѣніе, Цезарь второе, говоря б. с. I, 9. doluisse se, quod—erepto semenstri imperio in urbem retraheretur. Вѣдь если вторые пять лѣтъ кончались въ это число, то и первые.

Sortietur, sc. provincias. Консулы или жребіемъ разрѣшали вопросъ, какую изъ назначенныхъ двухъ провинцій каждому принимать, или уговоромъ (provincias comparabant). *paludatus*. Передъ выѣздомъ изъ Рима проконсулъ или пропреторъ надѣвался paludamentum, багровый плащъ.

38. *Ac tamen*, т. е. не смотря на отмѣченныя неудобства этихъ двухъ мнѣній не устраняется и неудобство продолженія власти Пизона. Какія неудобства отмѣчаются въ каждомъ изъ этихъ мнѣній отдѣльно, какія въ обоихъ вмѣстѣ?

his sententiis, Galliam ulteriorem aut citeriorem decernentium.

XVI. Доказательство, что не падобно обижать Цезаря уменьшеніемъ провинцій; 1. (§ 38) положительное доказательство, основанное на одномъ силлогизмѣ. Какая посылка его устанавливается?

eximios honores: объ нихъ говорится въ гл. XI.

Si; изъ *decrevisse* подразумѣвается *verbum finitum*.

quod ita meritus erat; ср. XI, 26. cum ego idem antea multa decreverim, quae magis ad hominis dignitatem quam ad reipublicae necessitatem pertinerent.

sapientes ac divini. Подобная градація у Corn. Nep. Att. 9, 1. In quo si tantum eum prudentem dicam, minus quam debeam praedicem, cum ille potius divinus fuerit. И такъ, рѣчь идетъ о предугадываніи будущихъ событій. Ср. Cic. de divin. I, 38. praesagens atque divinum. *complexus* перев. собственнымъ обозначеніемъ понятія.

dignitatem здѣсь не состояніе достойнаго, но соотвѣтствующее субъективному достоинству объективное отличіе.

obtreccionem; Cic. Tusc. IV, 8. Obtreccatio est ea quam ζηλοτυπία esse volo aegritudo ex eo, quod alter quoque potiatur eo quod ipse concupiverit; но въ самомъ дѣлѣ *obtreccatio* означаетъ не столько такое негодованіе, зависть, сколько вытекающій изъ нея образъ дѣйствій и стремленіе. Очевидно къ Цезарю примѣняется не *indignitas*, но только *obtreccatio*.

hoc portu, senatus, illos fluctus, populi. Точка сравненія въ надеж-

fulistis. Neminem umquam est hic ordo complexus honoribus et beneficiis suis, qui ullam dignitatem praestabiliorem ea, quam per vos esset adeptus, putarit. Nemo umquam hic potuit esse princeps, qui maluerit esse popularis. Sed homines aut propter indignitatem suam diffisi ipsi sibi aut propter reliquorum obrectationem ab huius ordinis coniunctione depulsi saepe ex hoc portu se in illos fluctus prope necessario contulerunt. Qui si ex illa iactatione cursuque populari bene gesta re publica referunt aspectum in curiam atque huic amplissimae dignitati esse commendati volunt, non modo non repellendi sunt, verum etiam expetendi. 39. Mone-mur a fortissimo viro atque optimo post hominum memoriam consule, ut provideamus ne citerior Gallia nobis invitis alicui [detur] post eos consules, qui nunc erunt designati, perpetuoque posthac ab iis, qui hunc ordinem oppugnent, populari ac turbulenta ratione teneatur. Quam ego plagam etsi non contemno, patres conscripti, praesertim monitus a sapientissimo consule et diligentissimo custode pacis atque otii, tamen vehementius arbitror pertimescendum, si hominum clarissimorum ac potentissimorum aut honorem minuero aut studium erga hunc ordinem repudi-aro. Nam ut C. Iulius omnibus a senatu eximiis aut novis rebus ornatus per manus hanc provinciam tradat ei, cui minime vos velitis: per quem ordinem ipse amplissimam sit gloriam consecutus, ei ne libertatem quidem relinquat, adduci ad suspicandum nullo modo possum. Postremo

ности и ненадежности. Cic. pro Mil. 17, 36. Nihil est incertius vulgo.

iactatione cursuque populari. Вождь демократической партии сравнивается съ кораблемъ, обуреваемымъ при плаваніи по взволнованному морю, которому уподобляется народъ. Последнюю метафору по русски падо отмѣтить яснѣе.

curiam, домъ на форумѣ для за-сѣданій сената вм. самаго сената.

amplissimae. Amplus, собств. «объ-емистый» называется сенатъ ради далеко простирающагося вліянія. По русски въ подобныхъ титулахъ часто скорѣе выражается субъек-тивное отраженіе такого положенія въ душахъ другихъ «почтенный».

dignitati, abstractum pro concreto, по русски лучше прилагательное съ существительнымъ.

esse commendati, не дѣйствиe, но результатъ оконченнаго дѣйствія, состояніе. Ср. Кессл. § 213, а, пр. 1. Ходоб. § 388. пр. 3.

expetendi т. е. alliciendi.

39. *Mone-mur.* 2. Возраженіе про-тивъ изложеннаго доказательства: оставленіе Цезаря въ Галліи будетъ имѣть слѣдствіемъ новое назначеніе предъальпійской Галліи вопреки же-ланію сената—и опроверженіе его.

vobis invitis, а populo, къ кото-рому прибѣгали кандидаты на про-винци, когда не надѣялись на ис-полненіе своихъ желаній со стороны сената.

qui—oppugnent, homines popula-res.

populari ratione т. е. gratia po-puli petita; *turbulenta* т. е. lege vi-olata. О ratio сл. Страх. Стил. § 63.

quo quisque animo futurus sit nescio: quid sperem video. Praestare hoc senator debeo, quantum possum, ne quis vir clarus aut potens huic ordini iure irasci posse videatur. 40. Atque haec, si inimicissimus essem C. Caesari, sentirem tamen rei publicae causa.

XVII. Sed non alienum esse arbitor, quo minus saepe aut interpellar a non nullis aut tacitorum existimatione reprehendar, explicare breviter quae mihi sit ratio et causa cum Caesare. Ac primum illud tempus familiaritatis et consuetudinis, quae mihi cum illo, quae fratri meo, quae C. Varroni, consobrino nostro, ab omnium nostrum adolescentia fuit, praetermitto. Postea quam sum penitus in rem publicam ingressus, ita disseni ab illo, ut in disiunctione sententiae coniuncti tamen amicitia maneremus. 41. Consul ille egit eas res, quarum me paticipem esse voluit: quibus ego si minus adsentiebar, tamen illius mihi iudicium gratum esse

Quam. Начало опроверженія. Какая условная бдльшая посылка предполагается, когда изъ меньшей посылки «отчужденіе Цезаря—болѣе опасно» выводится, что не вредно Цезаря въ Галліи оставить? Какая посылка подтверждается въ слѣдующемъ?

Nam. Бдльшая опасность со стороны отчужденія Цезаря подтверждается меньшею вѣроятностью самовластной передачи имъ провинціи другому намѣстнику. Къ какому силлогизму это мѣсто сводится?

hominum clarissimorum т. е. Caesaris hominis clarissimi.

ut зависитъ отъ *adduci*, какъ будто не слѣдуетъ *ad suspicandum*, такъ что *ad susp.* прибавлено будто для объясненія. Сочетается *adducere* собственно съ *ut*, когда говорятъ о побѣжденіи къ дѣйствию, а (рѣдко) съ *acc. s. inf.*, когда объ убѣжденіи, какъ Cic. de legg. II, 3. *adduci hanc esse patriam.*

per manus i. e. ex manu in manum, nullo tertio intercedente.

Postremo, см. къ *denique*, 9, 24.

quisque. Имѣется въ виду Цезарь, но говорится вообще.

nescio; противопологается *sperem*.

XVII. 40. *Sed.* Доказательство, что Цицеронъ не имѣетъ причины быть врагомъ Цезарю. Какая мысль развивается до конца 17 главы?

alienum, a re de qua agitur, отъ оправданія мнѣнія Цицерона въ пользу оставленія Цезаря. По русски прилагательное абсолютнаго употребленія.

ratio et causa перев. однимъ существительнымъ. О *ratio* см. Страх. Стил. § 63, 1; о распадении одного русск. существительнаго на нѣсколько латинскихъ—§ 35, 2.

familiaritatis et consuetudinis перев. какъ ἐν δὲ ἀπὸ τοῦ. *Familiaritas* почти равносильна *amicitiae*, *consuetudo* почти то, что *usus*.

fratri meo, Quinto.

C. Varroni. C. Visellius Varro, сынъ Helviae, сестры матери Цицерона, и C. Aculeonis. Сл. Cic. Brut. 76, 264.

penitus in rempublicam ingressus, со времени консульства.

41. *Consul* въ 59 году.

eas res объясняется со словъ: Me ille—

minus, вѣжливѣе, чѣмъ поп, выражаетъ не полное отрицаніе.

quinqueviralum. Цезарь внесъ за-

debeat. Me ille ut quinqueviratum acciperem rogavit: me in tribus sibi coniunctissimis consularibus esse voluit; mihi legationem quam vellem, quanto cum honore vellem detulit. Quae ego omnia non ingrato animo, sed obstinatione quadam sententiae repudiavi. Quam sapienter, non dis-puto: multis enim non probabo: constanter quidem et fortiter certe: qui cum me firmissimis opibus contra scelus inimicorum munire et populares impetus populari praesidio propulsare possem, quamvis excipere fortunam, subire vim atque iniuriam malui quam aut a vestris sanctissimis mentibus dissidere aut de meo statu declinare. Sed non is solum gratus debet esse, qui accepit beneficium, verum etiam is, cui potestas accipiendi fuit. Ego illa ornamenta, quibus ille me ornat, decere me et convenire iis rebus, quas gesseram, non putabam: illum quidem amico animo me habere eodem loco quo principem civem, suum generum, sentiebam. 42. Traduxit ad plebem inimicum meum, sive iratus mihi, quod me secum ne in bene-

конъ (lex agraria), по которому *vinginti viri*, подъ предсѣдательствомъ *quinquevirum*, должны были раздѣлить казенную землю въ Италиі приблизительно между 2000 римскихъ гражданъ, и послѣ еще внесъ законъ (lex Campana) о раздѣленіи *agri Campani et Stellatis*.

in tribus. Цезарь предложилъ Цицерону, вмѣстѣ съ Помпеемъ, Крассомъ и имъ самимъ, составить *quatuorviratum*. Cic. ad Att. II, 3, 3. Fuit apud me Cornelius (hunc dico Balbum, Caesaris familiarem). Is affirmabat illum omnibus in rebus meo et Pompei consilio usurum daturumque operam, ut cum Pompeio Crassum coniungeret.

legationem. Cic. ad Att. II, 18, 3. A Caesare valde liberaliter invidor in legationem illam, sibi ut sim legatus, (въ Галліи гдѣ послѣ сталъ его легатомъ Quintus Cicero): atque etiam libera legatio voti causa datur.

quanto cum honore vellem. Почести легатовъ при *legatio libera* не были одинаковы. Такъ напр. Цицеронъ ad fam. XII, 21. проситъ у намѣстника ликторовъ для одного такого легата.

Quam sapienter. Вѣдь отказомъ своимъ Цицеронъ оскорбилъ Цезаря, который вслѣдствіе того далъ Клодію полную свободу дѣйствій.

non probabo, sc. me sapienter fecisse.

constanter п. ч. такимъ образомъ остался вѣрнымъ партіи сената.

inimicorum, особенно Клодія.

populares impetus, демократической партіи подъ предводительствомъ Клодія; *populari praesidio*, Цезаря какъ главнаго вождя этой партіи.

sanctissimis, въ которыхъ нѣтъ ничего предосудительнаго передъ богами; ибо *sanctitas*, по Деделлину—*is animi habitus*, ut non offendamus deos. По русски можно, вм. прямого обозначенія этого свойства самого по себѣ, выразить, что оно для другихъ и что вызываетъ въ нихъ, подобно тому какъ при *amplius*. См. 16, 38.

statu, i. e. eo quo stabam in republica loco, какъ отгѣсняемый съ своей позиціи борець, о которомъ собственно употребляется *status*. Cic. pro Cluent. 38, 106. neque—*du-bito*, quin ii—*suspicione aliqua perculti* repentina de statu suo declinarint.

ficis quidem videbat posse coniungi, sive exoratus. Ne haec quidem fuit iniuria. Nam postea me ut sibi essem legatus non solum suasit, verum etiam rogavit. Ne id quidem accepi: non quo alienum mea dignitate arbitrarer, sed quod tantum rei publicae sceleris impendere a consulibus proximis non suspicabar.

XVIII. Ergo adhuc magis est mihi verendum me mea superbia in illius liberalitate, quam ne illius iniuria in nostra amicitia reprehendatur. 43. Ecce illa tempestas, caligo bonorum et subita atque improvisa for-

ornamenta: quinqueviratus, соединеніе съ триумвирами, legatio.

ornabat, imperf. conatus, какъ 6, 13. revocabatis.

generum, Помпея.

42. *Traduxit ad plebem* Клодія, будучи консуломъ (59 г.), lege Julia curiata de adoptione Clodii. Какъ pontifex maximus онъ внесъ законъ (legem curiatam) въ comitia curiata, по которому плебей Q. Fonteius усыновилъ патриція П. Клодія.

iratus. Cic. pro dom. 16, 41. Hora fortasse sexta diei questus sum in iudicio—quaedam de republica—. Haec homines improbi ad quosdam viros fortes longe aliter atque a me dicta erant detulerunt. Hora popa illo ipso die tu es adoptatus.

beneficiis; то же самое только что называлось ornamenta.

exoratus a Clodio.

postea, съ удареніемъ. Все дѣло въ томъ, что Цезарь послѣ перевода Клодія въ plebs еще предлагалъ Цицерону легацію.

me зависитъ отъ rogavit, что съ начала одно имѣлось въ виду, тогда какъ послѣ только автору вздумалось вставить suasit.

proximis—proximi (58 anni).

XVIII. 42. *adhuc* не зн. «до того времени, о которомъ я говорилъ»—пбо adhuc о прошедшемъ времени не употребляется Цицерономъ—но «до того мѣсто изложенія, на которомъ я теперь остановился».

superbia и здѣсь обнаруживается въ пренебреженіи законами, только не государственными и не чрезъ насильственные дѣйствія, какъ 4, 8, но законами вѣжливости, запрещающей рѣзкій отказъ при любезныхъ предложеніяхъ. Итакъ не «деспотизмъ», но что?

liberalitate, собст. свойствомъ hominis liberi, non servi, проявляющемся особенно въ щедрости.

43. *Ecce* употребляется при переходѣ, въ рассказѣ, къ чему-либо неожиданному, здѣсь отъ спокойнаго консульства Цезаря къ смятенію въ консульство Пизона и Габинія, въ которое Цицеронъ былъ изгнанъ. Какая мысль развивается до конца § 43?

caligo отъ tenebrae отличается вышею степенью. Въ иносказательномъ смыслѣ зн. бѣдственное положеніе, какъ lux положеніе отрадное Ср. Cic. Planc. 40, 96. Означается трибунатъ Клодія.

bonorum, optimatum, консерваторовъ.

ruina—incendium по сравненію съ зданіемъ; по русски, такъ какъ къ гражданамъ эта метафора трудно примѣняется, лучше собственныя выраженія.

de eius actis—de legibus consularibus. Подъ конецъ года Клодій сталъ дѣйствовать противъ Цезаря. Cic. pro dom. 15, 40. Tua denique omnis actio posterioribus mensibus

mido, tenebrae rei publicae, ruina atque incendium civitatis, terror in-
 iectus Caesari de eius actis, metus caedis bonis omnibus, consulum sce-
 lus, cupiditas, egestas, audacia. Si non sum adiutus, non debuit: si deser-
 tus, sibi fortasse providit: si etiam oppugnatus, ut quidam aut putant
 aut volunt, violata amicitia est: accepi iniuriam: inimicus esse debui, non
 nego: sed, si idem ille tum me salvum esse voluit, cum vos me ut ca-
 rissimum filium desiderabatis, et si vos iidem pertinere ad causam illam
 putabatis, voluntatem Caesaris a salute mea non abhorreere et, si illius
 voluntatis generum eius habeo testem, qui idem Italiam in municipiis,
 populum Romanum in contione, vos mei semper cupidissimos in Capito-
 lio ad meam salutem incitavit: si denique Cn. Pompeius idem mihi te-

fuit: omnia quae C. Caesar egisset, quod contra auspicia essent acta, per senatum rescindi oportere.

egestas. Cic. in Pis. 6, 12. Quae dicere ausus es? Egere, foris esse Gabinium sine provincia stare non posse: spem habere a tribuno plebis. *Egestas* и *audacia*—причины cupiditatis, послѣдняя—причина sce-
 leris.

non adiutus, п. ч. Цезарь самъ явно ничего не сдѣлалъ противъ Цицерона, но Клодію не мѣшалъ.

non debuit; не утверждается обя- занность къ покиданію, но отри- цается обязанность къ защитѣ.

desertus, противъ обязанности; а non adiutus сказано безъ упрека.

providit, опасаясь, чтобы Клодій не разстроилъ его распоряженій. Вѣдь нѣсколько времени казалось сомнительнымъ, противъ кого пойдеть Клодій; Cic. ad Att. II, 12, 2. Publius (Clodius), inquit, tribunatum plebis petit. Quid ais? et inimicissimus quidem Caesaris et ut omnia, inquit, ista rescindat.

oppugnatus; прежде упомянутому пассивному отношенію противопо- лагается активное.

volunt, чтобы была причина по- стоянной враждѣ между Цицero- номъ и Цезаремъ.

me salvum esse т. е. me revocari.

desiderabatis. Уже 1 июня 58 г. сенатъ рѣшилъ ни о чемъ другомъ не совѣтоваться, пока ему не бу- деть позволено рѣшить возвраще- ніе Цицерона, и только въ началѣ ноября отступилъ отъ этого рѣше- нія, когда возвращеніе Цицерона уже казалось довольно обезпечен- нымъ.

municipiis. Такъ назывались пер- воначально города Италиі съ рим- скимъ ius connubii и commercii, но безъ ius suffragii и honorem, а ис- подоволь всѣ, послѣдніе послѣ со- юзнической войны, получали всѣ гражданскія права и были приняты въ римскія трибы, такъ что отно- сились къ Риму, какъ провинціаль- ные города къ столицѣ, и не отли- чались отъ coloniae. Здѣсь говорится преимущественно о Капуѣ, гдѣ Пом- пей вызвалъ рѣшеніе городского сената въ пользу Цицерона, при- мѣръ, которому послѣдовали и рим- скіе города. Cic. post redit. in sen. 11, 29; pro Mil. 15, 39.

cupidissimos, какъ говорятъ си- реге alicui.

in Capitolio, въ томъ же самомъ засѣданіи сената, въ которомъ Р. Servilius консула Кв. Метелла при- мирилъ съ Цицерономъ, о чемъ см.

stis de voluntate Caesaris et sponsor est illi de mea, nonne vobis videor et ultimi temporis recordatione et proximi memoria medium illud tristissimum tempus debere, si ex rerum natura non possim evellere, ex animo quidem certe excidere?

44. Ego vero, si mihi non licet per aliquos ita gloriari, me dolorem atque inimicitias meas rei publicae concessisse, si hoc magni cuiusdam hominis et persipientis videtur, utar hoc, quod non tam ad laudem adipiscendam quam ad vitandam vituperationem valet, hominem me esse gratum et non modo tantis beneficiis, sed etiam mediocri hominum benevolentia commoveri. XIX. A viris fortissimis et de me optime meritis quibusdam peto, ut, si ego illos meorum laborum atque incommodorum participes esse nolui, ne illi me suarum inimiciarum socium velint esse, praesertim cum mihi iidem illi concesserint, ut etiam acta illa Caesaris, quae neque oppugnavi antea neque defendi, meo iam iure possim defendere. 45. Nam summi civitatis viri, quorum ego consilio rem publicam

9, 22. и Cic. post red. in sen. 10, 25.

sponsor. Помпей Цезарю, до возвращения Цицерона, поручился, что этотъ въ послѣдствіи не будетъ дѣйствовать противъ него.

ultimi, считая отъ настоящаго времени.

ex rerum natura evellere—infec-tum reddere. Natura rerum—ea quae sunt aut fuerunt.

44. *Ego vero*. Какой второй моментъ приводится, до конца гл. 18, чтобы изъ него, вмѣстѣ съ прежде изложеннымъ, вывести, что Цицерону не изъ-за чего быть врагомъ Цезарю?

concessisse—reipublicae causa deposuisse. Подобнымъ образомъ condonare встрѣчается Caes. b. G. I, 20, 6. uti—suum dolorem eius voluntati—condonet.

utar hoc; перев. указательное существительнымъ названіемъ того родоваго понятія, подъ которое подходят слова hominem me—commoveri. Такимъ образомъ вм. мѣстоименія передъ асс. с. inf. часто употребляются выраженіе, сужде-

ніе, мысль, правило, наблюдение и т. п. > Но и при указаніи на прежде выраженную мысль лат. указат. или относит. мѣстоименіе заступаетъ мѣсто болѣе опредѣленнаго означенія существительными. Сл. Страх. Стил. § 44.

XIX. 44. *A viris f.* т. е. отъ строгихъ оптиматовъ, усердно дѣйствовавшихъ за возвращеніе Цицерона. Изъ чего выводится, до-velint esse, что Цицеронъ не имѣетъ причины быть врагомъ Цезарю? Какое положеніе при этомъ предполагается?

si; причина приводится какъ условіе, п. ч. дѣйствительность послѣдняго предполагается извѣстною.

laborum et inc., особливо во время изгнанія изъ Рима.

inimiciarum, sc. Caesaris.

praesertim cum: изъ чего здѣсь выводится неосновательность вражды Цицерона къ Цезарю?

acta illa C.—Julias leges et ceteras Caesare consule rogatas.

45. *Nam* относятся къ concesserint.

summi civ. viri, особенно Катонъ,

conservavi, et quorum auctoritate illam coniunctionem Caesaris defugi, Iulias leges et ceteras illo consule rogatas iure latas negant: iidem illam proscriptionem capitis mei contra salutem rei publicae, sed salvis auspiciis rogatam esse dicebant. Itaque vir summa auctoritate, summa eloquentia, dixit graviter casum illum meum funus esse rei publicae, sed funus iustum et indictum. Mihi ipsi omnino perhonorificum est discessum meum funus dici rei publicae. Reliqua non reprehendo: sed mihi ad id,

подавший голосъ, въ сенатскомъ засѣданіи 3 декабря 63 года, за казнь пойманныхъ приверженцевъ Катилины.

illam coniunct. Caes., присоединеніе къ триумvirату.

Iulias leges. Изъ нихъ выше упомянуты *lex de repetundis* 4, 7; *lex agraria* и *Samnata* 17, 41; *lex de publicanis* 12, 29.

ceteras, претора Фувия и Ватинія, между послѣдними *lex Vatinia de provincia Caesaris*.

iure latas negant, п. ч. эти законы были внесены безъ предварительнаго одобренія сената (*auctoritas senatus*), котораго требовалъ обычай, и противъ *auspicia*, что запрещалъ законъ.

proscriptionem capitis Цицеронъ называетъ свое изгнаніе иносказательно. *Cic. pro dom.* 17, 43. *Proscriptionis miserrimum nomen illud et omnis acerbitas Sullani temporis quid habet quod maxime sit insigne ad memoriam crudelitatis?*—*Opinor roenam in cives Romanos nominatim sine iudicio constitutam.* Въ собственн. смыслѣ *proscriptio* въ первый разъ произошла послѣ вступленія Суллы въ Римъ въ 83 году до Р. X. *Flor.* II, 9, 25. *quis—illos potest computare, quos in urbe quisquis voluit occidit?*—*donec admonente Fufidio vivere aliquos debere—proposita est ingens tabula et ex ipso equestris ordinis flore ac senatu duo milia electa qui mori*

iuberentur: novi generis edictum.

salvis auspiciis то же, что ниже *quia nemo de coelo observat.* Если какой-нибудь магистратъ, у котораго было право на наблюденіе неба, заявлялъ, что онъ въ этотъ день хочетъ сдѣлать такое наблюденіе, то собраніе народа не могло состояться, на основаніи *legis Aeliae*, внесенной около середины 2 вѣка до Р. X.

funus, см. 1, 2. Въ метафорическаго, по русски, собственное выраженіе или другую метафору.

iustum, у котораго нѣтъ никакого недостатка, при которомъ никакой формальности не упущено изъ виду; какъ *iusta victoria*, *Cic. ad fam.* II, 10; *iustum iter Caes. b. c.* I, 23.

indictum—*indictivum*, *ad quod per praesonem evocabantur* (сопровождающіе поковника), *Fest. p.* 106. *Muell.*

reliqua: iustum atque indictum.

Nam. Приводится причина, не тому, что извѣстные люди признають формальную справедливость изгнанія Цицерона, но тому, что изъ этого признанія вытекаетъ необходимость признать и мѣропріятія Цезаря; иначе сказать, подтверждается большая посылка, изъ которой вмѣстѣ съ упомянутымъ признаніемъ выводится эта необходимость.—Какая есть эта большая посылка?—Смыслъ подтвержденія: мѣропріятія Цезаря равнымъ образомъ суть

quod sentio, adsumo. Nam si illud iure rogatum dicere ausi sunt, quod nullo exemplo fieri potuit, nulla lege licuit, quia nemo de caelo servarat, oblitine erant tum, quum ille, qui id egerat, plebeius est lege curiata factus, dici de caelo esse servatum? Qui si plebeius omnino esse non potuit, qui tribunus plebis potuit esse? et, cuius tribunatus si ratus est, nihil est quod irritum ex actis Caesaris possit esse, eius non solum tribunatus, sed etiam perniciosissimae res auspicioꝝ religione conservata iure latae videbuntur? 46. Qua re aut vobis statuendum est, legem Aeliam manere, legem Fufiam non esse abrogatam, non omnibus fastis legem ferri licere: cum lex feratur, de caelo servari, obnuntiari, intercedi

противъ авспицій, какъ законъ Клодія объ изгнаніи Цицерона, но лучше послѣдняго, который хуже. Какая бѣдшая посылка при этой меньшей подразумѣвается?

illud, изгнаніе Цицерона.

nulla lege. Cic. pro dom. § 43. quo iure, quo more, quo exemplo legem nominatim de capite civis indemnatulisti? Vetant leges sacrae, vetant XII. tabulae leges privis hominibus irrogari: id enim est privilegium.

quia nemo de c. s.; подтвержденіе словъ: iure rogatum dicere ausi sunt.

ille qui id eg., Clodius.

lege curiata см. 17, 42.

de coelo esse serv., а Bibulo consule, въ мартѣ мѣсяцѣ 59 года. (Cic. ad Att. II, 7, 2; 3, 8, 1). Но приверженцы Цезаря и Клодія силою отогнали Бибула, когда тотъ явился въ собраніи.—Изъ чего заключается, что изгнаніе Цицерона Клодіемъ было противъ auspicia и къ какимъ двумъ силлогизмамъ сводится этотъ доводъ?

qui trib. pleb. potuit. При fieri и posse вм. quo modo часто встрѣчается qui.

46. *Quare*. Изъ незаконности трибуна Клодія и слѣдовательно, законовъ его относительно авспицій заключается въ такой же недѣй-

ствительности или дѣйствительности его законовъ, какъ относительно законовъ Цезаря изъ внесенія ихъ противъ авспицій.

legem Aeliam, см. выше къ *salvis auspiciis*.

legem Fufiam. Изъ этого мѣста видно, что по lex Fufia въ dies fasti т. е. въ судебные дни, не должны были происходить comitia; ибо слѣдующее относится къ lex Aelia. Оба закона были отмѣнены закономъ Клодія de iure et tempore legum rogandarum.

fastis. Ovid. Fast. I, 47, 5. Ille nefastus erit, per quem tria verba silentur, Fastus erit per quem lege licebit agi.—Эти tria verba были: do (actionem), dico (ius), addico (rem или hominem, о которомъ шло дѣло).

obnuntiari, вс. магистратомъ, желающимъ наблюдать небо, магистрату желающему держать народное собраніе. Кромѣ того употребляется obnunciare и объ авгурѣ, сообщающемъ магистрату, что онъ, наблюдая, по его порученію, небо, получилъ несчастное предзнаменованіе.

intercedi, obnuntiando.

ensorium iudicium ac notationem.

У цензоровъ происходило нѣчто въ родѣ суда, въ которомъ они слѣдовали дѣла людей дурной молвы, и нашедши ихъ виновными, дѣлали

licere: censorium iudicium ac notionem et illud morum severissimum magisterium non esse nefariis legibus de civitate sublatum: si patricius tribunus plebis fuerit, contra leges sacratas, si plebeius, contra auspicia fuisse: aut mihi concedant homines oportet in rebus bonis non exquirere ea iura, quae ipsi in perditis non exquirant, praesertim cum ab illis aliquotiens condicio C. Caesari lata sit, ut easdem res alio modo ferret—qua condicione auspicia requirebant, leges comprobabant—, in Clodio auspiorum ratio sit eadem, leges omnes sint eversae ac perditae civitatis.

XX. 47. Extremum illud est. Ego, si essent inimicitiae mihi cum C. Caesare, tamen hoc tempore rei publicae consulere, inimicitias in aliud tempus reservare deberem: possem etiam summorum virorum exemplo inimicitias rei publicae causa deponere. Sed cum inimicitiae fuerint num-

имъ дурную отмѣтку. (notare). Клодій не отмѣнилъ этой обязанности цензоровъ, но внесъ законъ (lex Clodia de censoria notione), ne quem censores in senatu legendo praeterirent neve qua ignominia, afficerent, nisi qui apud eos accusatus et utriusque censoris sententia damnatus esset (Ascon. ed. Orell. p. 9).

leges sacratae. Такъ, по множеству статей, или, какъ одно цѣлое, lex sacrata, назывался договоръ между патриціями и плебеями объ учрежденіи народныхъ трибуновъ, отъ клятвы, которую дали обѣ стороны (sacramentum) и отъ установленнаго за нарушение его наказанія (consecratio capitis et bonorum).

rebus bonis, законы Цезаря.

ea iura, auspiorum.

perditis, законы Клодія.

praesertim cum; подтверждается достоинство Цезаревыхъ законовъ одобреніемъ сената, заключавшемся въ предложеніи внести ихъ иначе. *alio modo*—salvis auspiciis.

condicio, собств. уговоръ, далѣе зн. 2. предложеніе (уговора), 3. условіе (уговора), 4. требованіе (по уговору), 5. положеніе (уговоромъ установленное). См. Страх. Стил. § 64, 1.

sint eversae ac p. civitatis. Какъ esse c. genet. gerundivi зн. «быть такого свойства, что что-нибудь должно послѣдовать (Sall. Cat. 7. Regium imperium conservandae libertatis—fuerat), такъ esse c. gen. part. perf. зн. «быть такого свойства, что какое-нибудь послѣдствіе уже проявилось.

XX. 47. *Extremum illud est* перев. препозициональнымъ выраженіемъ, связаннымъ съ слѣдующимъ; *illud* относится въ слѣдующему, но не указываетъ на это какъ на слѣдующее, но какъ на нѣчто извѣстное. Извѣстно же оно потому, что начинающаяся отсюда часть рѣчи, заключеніе (conclusio, peroratio) состоитъ изъ рекапитуляціи выше изложенныхъ доказательствъ, изъ такъ называемой enumeratio, хотя повторяется и не все и не въ прежнемъ порядкѣ. Совсѣмъ опущена первая главная половина, о Пизонѣ и Габиніи. Изъ второй же приводятся главный моментъ перваго (съ 8, 18—19) и втораго отдѣла (съ 8, 20—10, 25), а третій отдѣлъ соединяется съ четвертымъ, п. ч. для доказательной силы его безразлично, имѣлъ ли Цицеронъ причину быть врагомъ Цезарю или нѣтъ.

quam, opinio iniuriae beneficio sit exstincta, sententia mea, patres conscripti, si dignitas agitur Caesaris, homini tribuam: si honos quidam, senatus concordiae consulam: si auctoritas decretorum vestrorum, constantiam ordinis in eodem ornando imperatore servabo: si perpetua ratio Gallici belli, rei publicae providebo: si aliquod meum privatum officium, me non ingratum esse praestabo. Atque hoc velim probare omnibus, patres conscripti: sed levissime feram, si forte aut iis minus probabo, qui meum inimicum repugnante vestra auctoritate texerunt, aut iis, si qui meum cum inimico suo reditum in gratiam vituperabunt, cum ipsi et cum meo et cum suo inimico in gratiam non dubitarint redire.

summorum virorum; какихъ? Ср. 9, 20—22 s. f.

beneficio, въ чемъ состояло оно? См. 18, 43.

opinio перев. черезъ прилагательное, опредѣляющее *iniuriae*.

sententia mea, quam in senatu dicam.

si dignitas agitur—si id agitur, ut Caesari id quo dignus est tribuatur. Ср. с. 11.

tribuam, id quo dignus est. Такъ безъ дополненія tribuere встрѣчается рѣдко.

si honos—si id agitur, ut Caesari tribuatur honos, quo sit senatui coniunctior. См. 16, 38.

si auctoritas—si id agitur, ut vestram auctoritatem (здѣсь не въ официальномъ смыслѣ, см. 2, 3) et exemplum sequar; о чемъ упомянуто 16, 38 и 10, 25.

si perpetua ratio b. G.—si id agitur, ut belli Gallici in perpetuum ratio habeatur. См. 12, 31—14, 35.

si privatum officium—si id agitur, ut meum privatum officium praestem. См. 17, 40—18, 44.

me non ingr. esse praestabo i. e. praestanda gratia ostendam me esse non ingratum; оттого acc. с. inf.—Обыкновенно простой или двойкѣй accusat. стоять при praestare. Иначе сказано Cic. Фласс. 12. Praedones nullos fore quis praestare poterat, гдѣ praestare=ручаться.

meum inimicum, Clodium.

auctoritate, въ официальномъ смыслѣ, см. 2, 3.

cum inimico suo, т. е. Caesare.

cum meo et cum suo inimico, т. е. Clodio.

ПАТМОССКІЯ СХОЛИ КЪ ДЕМОСВЕНУ.

І.

Двойственность въ составъ схолий.— Незамѣченный фрагментъ Гиперида.— Фрагментъ Стильпона.

Въ періодическомъ изданіи французской Аѳинской школы «Bulletin de correspondance hellénique» за 1877 годъ ¹⁾ напечатанъ неизвѣстный прежде сборникъ схолий къ рѣчамъ Демосфена, носящій заглавіе *Λέξεις μετ' ἱστοριῶν ἐκ τῶν Δημοσθένους λόγων*.

Новыя схоліи найдены г. Саккеліономъ въ одной изъ рукописей бібліотеки патмосскаго монастыря св. Іоанна Богослова. Рукопись, какъ видно изъ описанія, сдѣланнаго Саккеліономъ ²⁾, представляетъ собою сборникъ, состоящій изъ 17 статей, весьма различныхъ по содержанію, но—въ большинствѣ—очень сходныхъ по формѣ: именно, почти каждая статья есть компиляція, *ἐκλογαί*, избранныя мѣста изъ писателей, то церковныхъ, то свѣтскихъ.

Λέξεις ἐκ τῶν Δημοσθένους λόγων находятся въ рукописи непосредственно послѣ статьи *Ἀρχαίων φιλοσόφων γυνάμαι καὶ ἀποφθέγματα*. Къ Демосфеновскимъ схоліямъ примыкаетъ, безъ всякаго перерыва и безъ особаго заглавія, рядъ глоссъ ³⁾, извлеченныхъ, очевидно, изъ какихъ-то лексиконовъ и относящихся главнымъ образомъ къ словоупотребленію аттическихъ ораторовъ, а отчасти также и къ словоупотребленію философовъ. За тѣмъ слѣдуютъ схоліи къ Оувидиду (*Λέξεις μετ' ἱστοριῶν ἐκ τοῦ Θουκιδίδου* ⁴⁾), а за ними—схоліи къ Эсхину ⁵⁾.

Г. Саккеліонъ напечаталъ патмосскія схоліи и глоссы въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ рукописи, безъ всякихъ почти измѣ-

¹⁾ Январь и мартъ, стрр. 10—16 и 137—149.

²⁾ Bull. d. corr. hell. стрр. 1 сл.

³⁾ Напечатаны тамъ же стр. 149 слл.

⁴⁾ Напечатаны въ Revue de philologie, 1877, стр. 184 слл.

⁵⁾ Въ Bull. d. corr. h. стр. 154 сл.

нений, кромѣ легкихъ исправленій самыхъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ описокъ. Послѣ него нѣсколько поправокъ предложилъ извѣстный греческій ученый Кόντος ¹⁾. Задачу сравнить новыя схоліи съ прежде изданными схоліями и лексикографами взялъ на себя О. Riemann ²⁾. Но какъ Кондось, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ ³⁾, сдѣлалъ менѣе, чѣмъ отъ него можно было ожидать, такъ и работа Римана не отличается тою полнотою и точностью, которыхъ предметъ изслѣдованія и требовалъ и заслуживалъ.

Находка г. Саккеліона представляетъ разносторонній интересъ.

Самое драгоцѣнное въ ней—это нѣсколько новыхъ фрагментовъ классическихъ писателей. Самъ издатель указалъ ⁴⁾ восемь такихъ фрагментовъ: четыре изъ Лисія, одинъ изъ Исея, одинъ изъ Ливурга, одинъ изъ Аристотеля и одинъ изъ автора, имени котораго Саккеліонъ не могъ угадать ⁵⁾. Въ одной изъ послѣдующихъ частей (3) нашей замѣтки мы надѣемся опредѣлить, кто такой этотъ неизвѣстный авторъ, а въ другой (2)—доказать, что въ патмосской рукописи есть еще одно мѣсто, которое должно быть признано за фрагментъ изъ древняго писателя и именно изъ оратора.

Свѣдѣній о греческой древности новыя схоліи даютъ, сравнительно говоря, гораздо болѣе, чѣмъ старыя схоліи въ Демосѣену, переполненныя риторической болтовней. Патмосскій схолиастъ вовсе не занимается риторикой, и въ этомъ одно изъ немаловажныхъ его достоинствъ. Однако, если мы привлечемъ къ сравненію схолиастовъ другихъ писателей, а также и лексикографовъ, то въ предлагаемыхъ патмосскими схоліями объясненіяхъ такъ называемыхъ «реалій» окажется очень мало новаго, во всякомъ случаѣ, менѣе чѣмъ нашелъ г. Риманъ. Этотъ ученый, по поводу напр. слѣдующаго объясненія схолиаста ⁶⁾ Ἐτῆσ(αι) ἀνεμολῖνες βορεινοὶ δραῖτους πνέοντες ἐπὶ ἡμέρας μ'. Λέγονται γὰρ τὸ παλαιὸν οἱ ἄνδρωποι ἐνοχλοῦμενα ὑπὸ τοῦ καύματος Ἀριστάου δεηθῆναι, τοῦ υἱοῦ τοῦ Ἀπόλλωνος, αἰτήσασθαι πτότους παρὰ τοῦ πατρὸς· τὸν δὲ αἰτήσαντα λαβεῖν καὶ παρασχεῖν τοῖς ἀνδράποικς ψυχροῖς ὄντας πρὸς ἀναψυχήν, дѣлаетъ такое замѣчаніе ⁷⁾: «Je n' ai point vu ailleurs cette tradition relative a Aristée». Между тѣмъ этотъ мнѣзъ объ Аристеѣ давнымъ давно извѣстенъ. Самое подробное изложеніе его на-

¹⁾ Ibid. стр. 177 сл.

²⁾ Ibid. стр. 182 сл.

³⁾ Ib. стр. 177.

⁴⁾ Ib. стр. 7 сл. Сравн. стр. 182 сл.

⁵⁾ Ib. стр. 151, прилѣч. 1. Сравн. стр. 155.

⁶⁾ Ib. стр. 12.

⁷⁾ Ib. стр. 183.

ходится не у какогонибудь темнаго схолиаста, а у столь известнаго писателя, какъ Аполлоній Родосскій ¹⁾. На него же намекаетъ Θεοφραστῆς ²⁾. Если въ разсказѣ Патмосскаго схолиаста есть чтонибудь новаго, то развѣ только то, что здѣсь Аристэй молить о ниспосланіи вѣтровъ *Απολλωνα*, между тѣмъ какъ въ другихъ редакціяхъ того же міѳа молитва совершается только по совѣту и приказанію Аполлона, а божество, которому молится Аристэй и которое посылаетъ вѣтры, есть *Ζεὺς* ³⁾.

Болѣе значенія патмосскія схоліи должны имѣть для исторіи литературы такъ называемыхъ «риторическихъ лексиконовъ» (*λέξεις ῥητορικαί*). Въ этомъ отношеніи важны не только тѣ глоссы, которыя, какъ мы выше сказали, приписаны въ патмосскомъ кодексѣ къ концу Демосоевскихъ схолій, но и самыя эти схоліи. Известно, что сохранившіяся схоліи къ другимъ писателямъ, въ большинствѣ случаевъ, суть *ἐκλογαὶ ὑπομνημάτων* ⁴⁾, т. е. представляютъ собою извлечения изъ другихъ болѣе древнихъ толкованій. Въ патмосскомъ сборникѣ мы также имѣемъ извлечения, но не изъ схолій, а изъ лексикона или лексиконовъ къ ораторамъ. Это не схоліи, а скорѣе—матеріалъ, собранный для нихъ и почти совершенно еще не переработанный, а потому не утратившій признаковъ своего происхожденія изъ лексикона. Многое, что имѣло смѣсль только въ лексиконѣ, въ схоліяхъ оставлено безъ измѣненія. Достаточно указать на одинъ случай въ такомъ родѣ. Схоліи начинаются ⁵⁾ съ объясненія къ словамъ Демосоена изъ *Olynth. II, § 14* καὶ ὅποι τες ἄν, οἶμαι, προσῆη καὶ μικρὰν δύναμιν, πάντ' ὠφέλει· αὐτὶ δὲ καὶ αὐτὴν ἀσθενῆς καὶ πολλῶν κακῶν ἐστὶ μεστή. Эти слова схолиастъ прописываетъ сполна во главѣ объясненія, какъ лемму. Въ самомъ объясненіи дѣло идетъ только о значеніи соединенія частицъ καὶ. Доказывается,

¹⁾ II, 518 слл. Schol. Ap. Rh. II, 498. Diod. IV. 82; 2. Nonn. Dion. V, 269 sqq.

²⁾ De ventis 14: εἰ δὲ ποτ' ἐξέλιπον (οἱ ἔτησαι) καὶ Ἀρισταῖος αὐτοὺς ἀνεκάλεσατο ἴδοντας τὰς ἐν Κέῳ. Ἰυσίας τῷ Δίῳ, καθάπερ μυθολογοῦσι, κάτομβρα μὲν ὄν εἴη τὰ ἐπιχαμέρα οὐχ ὁμοίως οὐδὲ χιονώδη.

³⁾ Ap. Rh. II, 520 слл.: τῆμος τόνῳ ἐκάλεσαν ἐφημοσύνης. Ἐκάτισιο λαοῦ ἀλεξητήρα· λίπεν δ' ὅγε πατρὸς ἐφετιμῆ Φθίην, ἐν δὲ Κέῳ κατενάσσατο—καὶ βωμὸν πόλησιν μέγαν Διὸς Ἰκμαλοῖο, ἱερά τ' εὖ ἔρρεξεν ἐν οὐρεσιν ἀστέρι κείνῳ Σειρίῳ αὐτῷ τε Κρονίδῃ Διὶ τοῖο δ' ἔσχητι γαίαν ἐπιψύχουσιν ἐτίσαι ἐκ Διὸς αὐραὶ ἤματα τεσσαράκοντα. Probus (изъ „Аргонавтовъ“ Варрона Атадинскаго) ad Verg. Georg. I, 14: Aristaeus monstrante Apolline patre profectus est in insulam Ceam et ibi sacrificio facto aram Iovi Ictmaeo constituit.

⁴⁾ Dindorf, Praefat. ad scholia in Demosth. p. XIII.

⁵⁾ Bull. стр. 10.

что употребленіе *κᾶν* въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно встрѣчалось у Менандра ¹⁾ въ выраженіи *ἔσελθε κᾶν οὖν*, не чуждо и другимъ писателямъ, отличающимся большею чистотою языка, чѣмъ Менандръ. Откуда же берутся доказательства? Первое заимствовано изъ того самаго мѣста Демосѳена, которое схолиастъ взялся объяснять: *εὐρίσκομεν δὲ αὐτο* (т. е. *κᾶν*)—говоритъ схолиастъ—*καὶ παρὰ Δημοσθένει κεῖμενον 'εν τῷ β' τῶν φιλιππικῶν* (т. е. *Olynth. II, 14*) *οὕτω καὶ ὅποι τις ἄν, οἴμαι, προσῶη κᾶν μικρὰν δύναμιν, πόντ' ὠφέλει*. Въ лексиконѣ, гдѣ леммою было только *ἄν*, а не цѣлая фраза, цитата изъ Демосѳена была вполне умѣстна, но въ схолияхъ къ Демосѳену она могла быть удержана только по небрежности компилятора, не замѣчающаго, что онъ неизвѣстное объясняетъ тѣмъ же самымъ неизвѣстнымъ. Но къ этому вопросу объ отношеніи новыхъ схолій къ прежде изданнымъ схоліямъ и лексиконамъ мы надѣемся еще вернуться впоследствии.

До другаго времени должны мы отложить и оцѣнку вариантовъ, представляемыхъ патмосскою рукописью для Демосѳеновскаго текста. Теперь замѣтимъ только, что, если Саккеліонъ правильно приурочилъ эту рукопись къ X вѣку, если она по этому должна быть признана ровесницею самой лучшей рукописи Демосѳена и болѣе древнею, чѣмъ всѣ остальные, то ея варианты, при всей кажущейся незначительности, не могутъ быть оставлены безъ вниманія. Что касается до вариантовъ къ текстамъ другихъ писателей, кромѣ Демосѳена, то, какъ замѣтилъ уже Саккеліонъ ²⁾, патмосская рукопись дастъ несомнѣнно вѣрную поправку для одного мѣста Ксенофонта ³⁾, которое давно было признано поврежденнымъ.

1. Несовершенство формы новыхъ схолій рѣзче всего сказывается въ беспорядочности ихъ размѣщенія. Объясненія напр. къ различнымъ параграфамъ Демосѳеновой рѣчи *κατὰ Ἀριστοκράτους* расположены въ патмосской рукописи въ такомъ порядкѣ, или—вѣрнѣе сказать—безпорядкѣ: §§ 28, 62, 60, 37, 40, 63, 71, 74, 77, 92, 139, 142, 201, 173, 175, 208, 219, 146, 166, 154, 170, 177, 198, 199, 210, 213, 214, 215. Тоже самое повторяется въ схолияхъ къ другимъ рѣчамъ. Мало того, довольно часто въ группу схолій одной рѣчи попадаютъ отдѣльныя объясненія, относящіяся къ другой рѣчи.

Ни Саккеліонъ, ни Ковдосъ и Римавъ ни слова не говорятъ о томъ, какъ объяснить происхожденіе этой путаницы: они, безъ сомнѣ-

¹⁾ Mein. Com. IV, 172.

²⁾ Bnll. стр. 8.

³⁾ Hellen. I, 7, 19. Патмосскій схолиастъ (къ Dem. Olynth. II, 14) читаетъ: *εἰ μὴ πλέον, ἀλλὰ καὶ ὅτι μίαν ἡμέραν*.

нія, считаютъ ее слѣдствіемъ одной только небрежности составителя схолій. Между тѣмъ вовсе не трудно замѣтить, что безпорядокъ произошелъ вслѣдствіе прибавленій, сдѣланныхъ къ первоначальной основѣ схолій, въ которой безпорядка или вовсе не было, или если онъ былъ, то лишь въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ которыхъ случайныя перестановки строкъ свойственны почти всѣмъ рукописнымъ текстамъ древнихъ писателей.

Эта первоначальная основа сама собою отдѣляется отъ легшихъ на нее наслоений, если только обратить вниманіе на слѣдующую особенность новаго схоліаста. Всѣ его схоліи, по своему внѣшнему устройству, сводятся къ двумъ типамъ, изъ которыхъ одинъ можно назвать схоліями съ двойными леммами, а другой—схоліями съ простыми леммами. Приведемъ по одному образчику тѣхъ и другихъ. Толкованіе къ § 171 рѣчи противъ Мидіа ¹⁾ имѣетъ такой видъ: τῆς Παράλου ταμίαν]. Παράλος ἱερά ναῦς. Здѣсь объясняемое слово—Πάραλος—приведено дважды: разъ въ связи съ другими, сосѣдними словами Демосѣенова текста и разъ отдѣльно. Мы выбрали одно изъ самыхъ краткихъ толкованій перваго типа; обыкновенно же въ нихъ первая лемма бываетъ гораздо значительнѣе по своему объему, чѣмъ въ нашемъ примѣрѣ; есть леммы ²⁾, занимающія до шести строчекъ. Совсѣмъ другой видъ имѣетъ другое объясненіе къ тому же 171 § указанной рѣчи ³⁾: Βοώνης] ὁ τὸς βούς ὠνούμενος εἰς τὰς δυνάεις. Здѣсь объясняемое слово—какъ это обыкновенно дѣлается въ другихъ сборникахъ схолій—приведено только однажды.

Такія схоліи съ простыми леммами отмѣчены нами курсивомъ въ помѣщенномъ выше спискѣ объясняемыхъ схоліастомъ параграфовъ рѣчи противъ Аристократа. Стоитъ только взглянуть на этотъ списокъ, чтобы замѣтить, что, по выдѣленіи схолій краткой формы, остающаяся группа схолій съ двойными леммами не представляетъ уже никакихъ уклоненій отъ порядка Демосѣенова текста ⁴⁾.

¹⁾ Bull. стр. 14.

²⁾ Ibid. стр. 144.

³⁾ Ib. стр. 14.

⁴⁾ Точно также и въ схоліяхъ къ другимъ рѣчамъ элементовъ, нарушающихъ порядокъ, постоянно являются толкованія краткой формы; во всей же массѣ толкованій съ двойными леммами (а число ихъ болѣе 120) встрѣчается только четыре случая уклоненій отъ порядка. Изъ нихъ въ трехъ случаяхъ уклоненіе состоитъ въ томъ, что поимѣнялись мѣстами два рядомъ стоящія толкованія. Такъ въ ряду схолій странной формы къ рѣчи περὶ τῆς παραβρεβείας толкованіе къ § 121 должно бы стоять на 5 мѣстѣ, а стоитъ на 4, между тѣмъ какъ толкованіе къ § 51, которое должно

Напротивъ грудъа схолий краткой формы и послѣ выдѣленія ея изъ схолий съ двойными леммами остается спутанной и безпорядочной. Уже на этомъ основаніи можно съ увѣренностію полагать, что именно схолии съ двойными леммами были первоначальной, основною формой, а схолии съ простыми леммами суть позднѣйшія дополненія, отмѣченныя когда-то на поляхъ рукописи (не нашей патмосской, разумеется, а другой, болѣе древней), а впоследствии, по большей части ¹⁾, внесенныя и въ самый текстъ схолий.

Справедливость этого предположенія окончательно подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что заглавія Демосоеновыхъ рѣчей обозначаются въ патмосскомъ кодексѣ только тамъ, гдѣ начинается рядъ объясненій съ двойными леммами къ каковой н. б. рѣчи, а при простыхъ леммахъ такихъ обозначеній нѣтъ. Такъ напр. стояція въ началѣ сборника схолии къ *Olynth. II* всѣ имѣютъ двойныя леммы и предъ первую изъ

бы стоять на 4 мѣстѣ, поставлено на 5; точно также § 87 рѣчи *κατὰ Μαιδίου* объясняется прежде § 86 и въ § 262 рѣчи *κατὰ τοῦ στεφάνου* слово *βαρυστόνος* объясняется не прежде, какъ бы, слѣдовало, а послѣ слова (стоящаго въ томъ же параграфѣ) *ὀλιβώνης*. Единственное сколько нибудь значительное уклоненіе состоитъ въ слѣдующемъ: въ ряду схолий пространной формы къ рѣчи π. т. *στεφ.* толкованіе къ § 67 должно бы занимать 8 мѣсто, а занимаетъ 5. Но и въ этомъ случаѣ порядокъ нарушается отдѣльнымъ толкованіемъ, а не цѣлою группой схолий, какъ это бываетъ со схолими краткой формы.—Патмосскія схолии къ *Ἐκνήυ* всѣ, за исключеніемъ одного, имѣютъ двойныя леммы и потому порядокъ въ нихъ не нарушается. Слѣдующія за схолими къ Демосоену схолии къ *Θουκιδίδι*, хотя въ нихъ есть и простыя и двойныя леммы, слѣдуютъ однако порядку *Θουκιδίδη* текста. Отсюда можно заключить только, что эти схолии болѣе обработаны, чѣмъ Демосоеновскія. Но и въ *Θουκιδίδεω* есть одинъ случай нарушенія порядка и порядокъ нарушается опять таки толкованіемъ краткой формы. Между объясненіями къ 38 и 49 главамъ 3 книги *Θουκιδίδη* вставлена замѣтка: *ὄρυξ· ἢ ἀφιερωμένη χάρα τοῖς θεοῖς, ἥτοι ἀπὸ τῶν ὄρυξων, ἀλλὰ ἐστὶ μυστήρια, ἥτοι ἀπὸ τοῦ ὄρυξιν, ὅπερ ἐστὶν ἐπιδιδεῖν μακρὴν φέρειν αὐτῇ γὰρ οὐκ ἐγχευομένη ἐπάρατος οὐσα.* *Ἐν τῷ Περὶ Συντάξεως (§ 32)* „πρὸς τοὺς καταράτους Μεγαράδας ἐψηφίσασθε ὁποτέρωθεν τὴν ὄρυξιν“. Саккеліонъ предполагаетъ, что это объясненіе относится къ 50 гл. той же книги *Θουκιδίδη*; но такъ какъ и тамъ слово *ὄρυξ* не встрѣчается, то скорѣе надо думать, что эта замѣтка предназначалась для схолий къ Демосоену (*Cfr. Нагр. s. v. ὄρυξ*.) и только по ошибкѣ была приписана къ *Θουκιδίδεω* схолими. Ошибиться, при нѣзвѣстной небрежности или поспѣшности работы, было не трудно: въ патмосской рукописи разстояніе между схолими къ Дем. и схолими къ *Θук.* менѣе четырехъ листовъ, а самыя схолии къ *Θук.* занимаютъ менѣе 5 листовъ.

¹⁾ Мы говоримъ „по большей части“, а не „всѣ“, и. ч. по крайней мѣрѣ одна замѣтка краткой формы и въ патмосскомъ сборникѣ остается еще на полѣ рукописи: *См. Bull. стр. 144, примѣч. 5.*

нихъ находится заглавіе 'Ολυθιακού λόγου β'. Далѣе слѣдуютъ двѣ замѣтки съ простыми леммами: προλέπεται τῆς παρατύχα χάριτος и τὰς ἐπαύξαις ἄς κοινῶμεν. Такъ какъ предъ этими замѣтками не имѣется заглавія рѣчи, то можно было бы подумать, что и эти объясненія относятся къ Olynth. II; между тѣмъ въ этой рѣчи мы напрасно стали бы искать выражений προλέπεται τ. κ. χ. и τ. ε. ἀ. κοινῶμεν: они находятся въ Olynth. III, §§ 22 и 29. За двумя этими замѣтками слѣдуетъ толкованіе термина ἱεροποιῶς съ двойной леммой взятой изъ Philipp. I, 26, и передъ леммой стоитъ заглавіе, εἰς τὸν κατὰ φιλιπποῦ. Дальше вдругъ появляется объясненіе съ простою леммой (οὕτω δ' ἑρχάτως εἶχον] ἀφρόνως) и опять таки заглавія, которое указало бы намъ, что объясненіе относится не къ Phil. I, а къ Phil. III § 48, не имѣется. Значеніе этой особенности краткихъ схолій не ослабляется, а напротивъ того возвышается, если мы замѣтимъ, что непосредственно за указаннымъ примѣчаніемъ краткой формы слѣдуетъ примѣчаніе съ двойной леммой, относящееся не къ Phil. III, а къ Phil. I § 36 и однако не имѣющее особаго заглавія: такъ какъ, по нашему предположенію, въ первоначальномъ текстѣ схолій объясненіе къ Phil. I 36 должно было непосредственно слѣдовать за объясненіемъ къ Phil. I 26, не отдѣляясь отъ него вставленною позже замѣткой въ Phil. III 48, то понятно, что заглавіе, разъ поставленное предъ леммою изъ Phil. I 26, не могло повториться еще разъ предъ объясненіемъ въ другому мѣсту той же самой рѣчи Phil. I. Далѣе идетъ объясненіе слова γαμήλια; ни въ Phil. I ни въ Phil. III этого слова нѣтъ; схолиастъ долженъ былъ бы назвать рѣчь, для которой онъ предназначаетъ свое объясненіе,—онъ однако ея не называетъ. Однимъ словомъ, въ цѣломъ сборникѣ схолій заглавія рѣчей ни разу не появляются въ соединеніи со схоліями краткой формы. Слѣдовательно, предполагая, что эти схоліи были основной частью всего сборника и что къ нимъ позднѣе приписаны схоліи другаго типа, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны были бы предположить, что въ этой основной части не было ни одного заглавія Демосаеновской рѣчи: но въ такомъ случаѣ я не знаю, какимъ образомъ мы могли бы объяснить то обстоятельство, что, при всей путаницѣ и беспорядочности сборника, схоліи того и другаго типа, если они относятся къ одной и той же рѣчи, стоятъ обыкновенно вмѣстѣ и составляютъ одинъ, хотя и очень дурно расположенный, комментарий. Напротивъ, этотъ фактъ легко объясняется при предположеніи, что въ основной части были уже заглавія рѣчей, или—что одно и то же—что она состояла изъ схолій съ двойными леммами. Тотъ грамматикъ, который къ этой основѣ присоединялъ схоліи краткой формы, при нѣкоторомъ усердіи, легко могъ отыскать для

нихъ надлежащее мѣсто въ текстѣ схолий при помощи имѣвшихся тамъ заглавій.

2. Сборникъ извлеченій изъ лексиконовъ, примыкающій въ патмосской рукописи къ Демосееновскимъ схолиямъ, начинается объясненіемъ слова *εἰρεσιώνη*, имѣющимъ въ изданіи Саккеліона ¹⁾, такой видъ:

Εἰρεσιώνη κλάδοι ἐλαίας καὶ δάφνης πρὸ τῶν οἰκιῶν τιθέμενοι, πλήρεις πολλῶν ὠραίων ἀναδεδεμένων. Τοῦτο δὲ λοιμοῦ γενομένου καὶ χρίσαντος τοῦ θεοῦ ἐποίησεν ἐν τῷ Δηλιακῷ καὶ θαλλὸν μέγαν κοσμήσαντες ἀπάντων, ὧν κατ' ἐκείνους τοὺς καιροὺς αἱ ὄραι φέρουσιν, ἀνατιθέναι τῷ Ἀπόλλωνι ἔμπροσθεν τῶν θυρῶν, εἰρεσιώνηρ ὀνομάσαντας, ἀπαρχὰς ποιησαμένους τῶν γενομένων πάντων ἐκ τῆς γῆς, ὅτι τὴν ἀφορίαν τῶν τῆς χώρας ἰκετηρία ἴ παρα τῷ Ἀπόλλωνι τεδείσα ἔπαυσεν.

Какъ понимаетъ такой текстъ самъ издатель, мы не знаемъ: онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ даже на представляемые текстомъ затрудненія. Г. Римапъ сдѣлалъ объ этой глоссѣ краткій, но — на первый взглядъ — много общающій отзывъ ²⁾: «*Résumé confus et incorrect de diverses scholies. voyez Bekk., (т. е. Bekkeri Anecdota graeca) 246, 27; scholiaste d' Aristophane, Плотт. 1054; Suid.; Et. M.; Plut. Thés. 22*». Изъ этихъ словъ ученаго изслѣдователя можно бы заключить, что, стоитъ только заглянуть въ указываемые источники — и всѣ затрудненія, представляемые патмосскою глоссою, устроятся. Но это была бы напрасная надежда. Сколько бы мы ни изучали эти источники и сколько бы ни увеличивали списокъ цитатъ ³⁾, все таки то, что непонятно въ патмосской глоссѣ, такъ и останется непонятнымъ. Дѣло въ томъ, что во первыхъ эти источники, долженствующіе исцѣлить спутанность и неточность патмосской глоссы,

¹⁾ Bull. стр. 149.

²⁾ Bull. стр. 189.

³⁾ А можно было бы еще назвать: Павзанія (у Eustath. ad Пиад. стр. 1283) послужившаго источникомъ и для Свида s. v. *εἰρεσιώνη* (=Mich. Apostol. XVIII 67 Leutsch.); схолиастовъ къ Аристоф. „Всадн.“ 725, Свида s. v. *διακόμιον* (=Arsen Viol. p. 180), лексиконъ, помѣщенный въ Cramer. Anecd. Oxon. II, 436, 31 (извлечение изъ Etym. M. 303, 18 = Etym. Gud. 170, 14); схолиаста къ „Протрепт.“ (12, 6 Dind.) Климента Александрійскаго; еще менѣе помогаютъ, разумеется, случайныя упоминанія объ ейресіонѣ у комиковъ Евполида, Тимокла (Meinek. Com. gr. fr. II p. 468, V. p. 96) и Аристофана (Осы 399), или у Гиппарха (Strab. I p. 16 Casaub.), Аякифрова III, 37 (см. Schoem. Gr. Alt. II³ стр. 596, примѣч.) и Исхія (s. v. *χορυθαλα*).

сами нуждаются въ исцѣленіи отъ тѣхъ же болѣзней ¹⁾, а во вторыхъ ни одно изъ извѣстныхъ до сихъ поръ толкованій слова *ειρεσιώνη*, ни взятое въ отдѣльности, ни комбинируемое съ прочими, не можетъ быть названо источникомъ ²⁾ патмосской глоссы, такъ какъ въ ней есть два элемента, чуждые показаніямъ всѣхъ прочихъ свидѣтелей, это—слова *ἐν τῇ Ἀγλιακῇ* и строй рѣчи во второй части глоссы, начиная со словъ *καὶ ἑλλόν*.

«*Εἰρεσιώνη*: вѣтви масличнаго и лавроваго дерева, полагаемая предъ домами, густо увѣшанная множествомъ плодовъ. Дѣлали же это по поводу случившагося голода ³⁾ и вслѣдствіе изрѣченія Аполлона».—До сихъ поръ все понятно, хоть и не очень складно; но что значить *ἐποῦν ἐν τῇ Ἀγλιακῇ*? «дѣлали въ принадлежащемъ Делосу, въ относящемся къ Делосу»? Но въ чемъ же именно? Можетъ быть тутъ слѣдуетъ искать названіе храма Аполлонова: вѣдь есть извѣстія (Eustath. l. 1.), что ейресіону полагали не предъ домами только, а и прѣд *ἑρῶν Ἀπόλλωνος ἱεροῦ*? Какое же названіе? Не говоритъ ли грамматикъ о той ейресіонѣ, которая приносилась Аполлону въ праздникъ *Θαργηλῆ* (Schol. Ag. Equ. 725), и такъ какъ *Θαργηλῆ* совершались въ честь Аполлона Делосскаго, то не слѣдуетъ ли разумѣть храмъ этого божества? Но вѣдь *τεμεκχόν* для храма Аполлона Делосскаго должно было бы имѣть форму

¹⁾ Всякій, кто по существующимъ источникамъ попытается составить себѣ отчетливое представленіе объ обрядѣ приношенія ейресіоны, долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что сказалъ о нихъ Ильгенъ въ своемъ изслѣдованіи объ ейресіонѣ (Opusc. philol. стр. 135): „*turbant ac confundunt omnia*“. Не говоря уже о путаницѣ показаній лексикографовъ и схоластовъ, въ рассказѣ Плутарха (l. 1.) являющіяся такъ некстати слова *διὰ το λήξει τῆν ἀφορίαν* яснѣйшимъ образомъ указываютъ на смѣшеніе двухъ различныхъ объясненій происхожденія ейресіоны (сравни. Ноеск, Kreta II стр. 113): одного, которое, комбинируя ейресіону съ обрядами Пнанепсій, считало ее напоминаніемъ о той молитвенной вѣтви, которую будто бы *Θεσεί* положилъ предъ Аполлономъ на Делосѣ, на пути въ Критъ (Павзаній у Eust. l. 1.), и другое—приводившее ейресіону въ связь съ Проеросіями—по которому ейресіона была установлена во время голода, вслѣдствіе повелѣнія Аполлона (Кратесъ у Павзанія, Eust. l. 1. = Ликургъ въ Eтyш. M. l. 1., Schol. Ag. Equ. 725. Suid. I, 774, 6 Bernh.).

²⁾ Съ ббльшимъ правомъ могли бы мы утверждать, что въ Bekk. App. 246, 27 слова *κλάδος ἐλαίας καὶ δάφνης* прѣд τῶν οἰκιῶν τιθεμένος πλήρης πολλῶν ωραιῶν ἀναδεξιμένων. τοῦτο δὲ ἐ γίνεται ἐπὶ τιμῇ τῶν θεῶν, ὡσπερ ἀπαρχὰς λαμβανόντων составляютъ сокращеніе, если не изъ патмосской глоссы, то по крайней мѣрѣ изъ того же источника, изъ котораго и она взята.

³⁾ Какъ ни темна вторая часть глоссы, но изъ нея все таки можно догадаться, что въ первой части „голодъ“ слѣдуетъ предпочесть „чумѣ“.

Δῆλιον, а не Δηλιακόν. Итакъ слѣдуетъ читать ἐν τῷ Δῆλῳ? Но тутъ опять затрудненіе: въ Аѳинахъ, сколько извѣстно, не было храма Аполлона Делосскаго ¹⁾. Пренебречь ли и этимъ затрудненіемъ или предположить, что грамматикъ разумѣетъ τὸ ἐν Μαραθῶνι Δῆλιον (Филохоръ у Schol. Soph. Oed. Col. 1047) и что Аѳиняне носили свои ейресіоны въ Марафонъ?... Но есть впрочемъ возможность и другой поправки непонятнаго выраженія. По одной редакціи міеа о происхожденіи ейресіоны, молитвенная вѣтвь, въ память которой установлена была ейресіона, положена была Θесеємъ ἐν Δελφῶνι (Plut. Thes. 18 и 22): по этому, полагая, что въ тому же храму приносили и ейресіону, не слѣдуетъ ли Δηλιακῆ исправить въ Δελφῶνι? Или же, можетъ быть, τὸ Δηλιακόν значить τὸ Δηλιακὸν πλοῖον, и патмосская глосса подтверждаетъ гипотезу Гёттлинга (Оривс. стр. 177), что первая ейресіона украшала, какъ символъ побѣды, корму Θесеева корабля, когда герой возвращался, послѣ своего подвига, изъ Крита?

Отъ затрудненій выбора между этими предположеніями, къ счастью, избавляетъ насъ вторая часть глоссы. Въ чемъ состоятъ затрудненія, представляемая этою частью?

Во первыхъ ей не достаетъ грамматическаго смысла, недостаетъ глагола, отъ котораго могло бы зависѣть неопредѣленное ἀνατιθένα, а послѣднему недостаетъ подлежащаго, съ которымъ могли бы быть согласованы винительные ἐνομόσαντας и κονησαμένους. Чтобы объяснить происхожденіе такихъ пробѣловъ въ конструкціи, нужно предположить одно изъ двухъ: или текстъ грамматика поврежденъ вслѣдствіе случайнаго пропуска нѣкоторыхъ словъ, или же эта часть глоссы должна быть выдѣлена изъ строя рѣчи самого грамматика, какъ цитата, приведенная не ради того смысла, какой она имѣла въ цѣломъ, а ради отдѣльныхъ выраженій.

Во вторыхъ, всякаго, кто сколько нибудь привыкъ къ способу выраженія и слогу грамматиковъ и лексикографовъ, поражаетъ обиліе словъ и—несмотря на недостатокъ грамматическаго смысла—краснорѣчіе этой части глоссы. Чѣмъ объяснить эту странность, что грамматикъ, который въ другихъ мѣстахъ своей компіляціи съ трудомъ можетъ связать два слова, тутъ такъ разчувствовался по поводу ейресіоны, такъ вдохновился мыслью о ней, что вдругъ разразился длиннымъ, сложнымъ, звучнымъ періодомъ?

Третья странность, это—мѣстоименіе ἡμῶν предъ словами τῆς χώρας

¹⁾ Mommsen, Neortologie, стр. 51, пр.*—Lex. rhet. Bekk. 299, 8 въ данномъ случаѣ ничего не доказываетъ.

Довольно обратить вниманіе на это внезапное появленіе мѣстоименія перваго лица, чтобы догадаться, что вся *вторая часть глоссы* не сочинена лексикографомъ, а *взята* имъ, какъ *цитата, изъ аттическаго писателя* и при томъ—судя по слогу—изъ оратора.

Теперь не трудно рѣшить и загадку, представляемую первую частью глоссы. Для грамматика, составляющаго лексиконъ къ ораторамъ, слово *Δηλιαχός* должно было быть знакомѣ всего въ значеніи «рѣчь о делосскомъ храмѣ».

До насъ дошли свѣдѣнія о трехъ рѣчахъ, носившихъ заглавіе *Δηλιαχός*: одна ходила подъ именемъ Эскина, другая подъ именемъ Динарха, третья принадлежала Гипериду¹⁾. Какая же изъ этихъ рѣчей цитруется грамматикомъ?

О рѣчи Динарха упоминаетъ только Діонисій Галикарнасскій и то лишь для того, чтобы сказать, что это рѣчь подложная. Мнѣніе Цецилія Калактинскаго²⁾ о подложности Эскиновой рѣчи, въ ту эпоху, когда слагалась основа нашихъ риторическихъ лексиконовъ, повидимому, было убѣжденіемъ до того всеобщимъ, что этой рѣчи вовсе не читали и не толковали. Какъ бы то ни было, но ни рѣчь Эскина, ни рѣчь Динарха не цитуются ни въ одномъ изъ извѣстныхъ риторическихъ лексиконовъ, между тѣмъ какъ *Δηλιαχός* Гиперида упоминается довольно часто. По этому, полагаемъ, нельзя не считать въ высшей степени вѣроятнымъ предположеніе, что и *патмосскій лексикографъ* ссылается на *Гиперида*, а не на псевдодинарха или псевдоэскина.

Такому предположенію не противорѣчатъ ни цѣль, ни содержаніе Гиперидовой рѣчи, на сколько о послѣднемъ мы можемъ судить на основаніи свидѣтельствъ и прежде извѣстныхъ фрагментовъ.

Гиперидъ долженъ былъ защищать предъ судомъ амфиктіоновъ права аеянъ на завѣдываніе Делосскимъ храмомъ и его имуществами. По свидѣтельствамъ риторовъ³⁾, ораторъ далъ въ своей рѣчи широкій просторъ миеологии и археологии. Сообразно своей цѣли, онъ старался излагать миею делосскаго цикла такъ, чтобы делосскій культъ Аполлона оказывался

¹⁾ Мы не знаемъ, усвоилось ли тоже заглавіе рѣчи *περὶ Δήλου ἑστίας*, которую Діонисій Галик. (Т. V, р. 660 Reisk.) называетъ въ числѣ рѣчей, неправильно приписываемыхъ Динарху, и рѣчи Поликсена, которая извѣстна только изъ Григорія Коринѣскаго (Walz, Rhett. gr. VII, 1272. Cfr. Clem. Baumecker, Rhein. Mus. XXXIV, стр. 73).

²⁾ У Фотія cod. 61, сравн. cod. 264. Philostr. vit soph. I, 18, 5. Plut., X orat. vit. VI, 14 (р. 1024 Duebn.). Apollon. Aeschin. vit

³⁾ Maxim. Planud. Т. V. р. 482 Walz. Сравн. Philostr. I. I Longin. π. ἕψους 34. 3.

въ тѣснѣйшей связи съ аттическимъ ¹⁾). Легко понять, какимъ образомъ рѣчь могла касаться и такихъ аттическихъ мѣровъ и религиозныхъ обрядовъ, которые, повидимому, въ Делосу никакого отношенія не имѣли. Желая, какъ говорить неизвѣстный риторъ (Walz. Rhett. VII p. 956, not. 5) *δείξει ἐκ παλαιῶν τὴν πόλιν οἰκίαν εἶναι Ἀπόλλωνος*, ораторъ имѣлъ полное основаніе вдаваться въ самыя отдаленныя доказательства того, что почитаніе Аполлона издревле процвѣтало въ Атикѣ и что богъ, съ своей стороны, неоднократно оказывалъ особое покровительство этой странѣ. Такова именно тенденція патмосскаго фрагмента объ ейресіонѣ. Что такого рода указаніе изъ аттической церковной археологій въ рѣчи Гиперида не было единственнымъ, видно изъ того, что онъ говорилъ также о проеросіи (frgm. 79. Muell.=78 Blass). По мнѣнію всякаго аттика, *προηροσία* была специальною принадлежностью аттическаго культа, это была жертва, которую атики приносили за всю Грецію. Установленіе этой жертвы объяснялось почти точно также, какъ въ патмосскомъ фрагментѣ объясняется установленіе ейресіоны: *προηροσία*, совершенная по повелѣнію Аполлона (Schol. Arist. Equ. 725), точно также спасала отъ голода, какъ *εἰρησιώνη*, принесенная Аполлону. Упоминаніе о томъ и другомъ обрядѣ имѣло въ рѣчи Гиперида, очевидно, одну и ту же цѣль: показать, что аеяняне есть излюбленный народъ Аполлоновъ, преимущественно предъ прочими достойный владѣть великимъ храмомъ Аполлона ²⁾).

Въ Etym. M. 303, 34 ³⁾ приводится указаніе относительно происхожденія ейресіоны, по содержанію, тождественное съ патмосскимъ фрагментомъ, но приписывается не Гипериду, а Ликургу. На этомъ основаніи иной могъ бы считать цитату патмосской глоссы фрагментомъ изъ Ликурга, а не изъ Гиперида. Затрудненіе представляемое заглавіемъ *Δηλιακός*, съ нѣкоторыми натяжками, можно было бы устранить. Извѣстно, что цитату Etym. M. относятъ къ рѣчи Ликурга *κατὰ Μενεσαίχμου* (Kiessling, Lycurgi fragmenta, p. 54). Ликургъ обвинялъ Менесхму въ какомъ-то преступленіи противъ религіи, совершенномъ во

¹⁾ См. свидѣтельства у Mueller—Didot, Orat. Att. II 32 (Hyperid. frgm. 71).

²⁾ Сравни. A. Boeckh Kl. Schr. V, 449: „Letzteres (т. е. *προηροσία*) war bekanntlich ein Opfer für Demeter, und wurde schon seit alter Zeit von den Athenern für ganz Hellas auf Befehl eines Orakels dargebracht; offenbar sollte die Anführung dieses Opfers dazu dienen, die Würdigkeit der Athener zu beweisen, dass von ihnen auch das Delische Heiligthum für die Joner oder alle Hellenen verwaltet würde“.

³⁾ (=Etym. Gud. p. 170, 16; Cram. An. Ox, II, p. 436, 31): *Λυκούργος δὲ φησιν, ἀφορέας γενομένης Ἀθηναίους τοῦτο ἐπιτελεσθῆναι κατὰ χρησμόν, ὅον ἐπιτηρίας*.

время делосской оеоріи, и много говорилъ въ своей рѣчи о культѣ Аполлона и особенно о делосскихъ обычаяхъ почитанія Аполлона ¹⁾. Поэтому казалось бы возможнымъ предположеніе, что, какъ рѣчь, которою Менесехмъ защищался противъ обвиненій Ликурга, называлась *κατὰ τῆς Δήλου Δυσίας* ²⁾, такъ и самая рѣчь Ликурга у нѣкоторыхъ грамматиковъ и именно у того, трудами котораго воспользовался патмосскій компиляторъ, носила заглавіе *Δηλιακός*.

Но такое предположеніе было бы и мало вѣроятно и не нужно.

Мало вѣроятно, потому что рѣчь Ликурга цитруется, сравнительно говоря, очень часто и при этомъ постоянно сохраняетъ заглавіе *κατὰ Μενεσαίχμου*, разъ называется *κατὰ Μενεσαίχμου εἰσαγγελία*, но ни разу не получаетъ названія *Δηλιακός*. Мы имѣемъ древній каталогъ рѣчей Ликурга ³⁾, и въ немъ упоминается рѣчь *κατὰ Μενεσαίχμου* ⁴⁾, а не *Δηλιακός*. Трудно повѣрить, чтобы одинъ лексикографъ рѣшился измѣнить заглавіе, сохраняемое съ такимъ постоянствомъ прочими.

Кромѣ того, мы не имѣемъ никакого основанія навязывать патмосской глоссѣ цитату «Большаго Этимологика». Въ томъ, что, при объясненіи одного и того же слова, одинъ лексикографъ ссылается на одного писателя, а другой на другаго, также мало удивительнаго, какъ и въ томъ, что два аттическихъ оратора одинаковымъ образомъ объясняютъ происхожденіе одного и того же аттическаго обычая ⁵⁾. Какъ къ глоссѣ *προηροσία* одинъ изъ лексиконовъ ⁶⁾ цитуетъ τὸν Δηλιακόν Гиперида, а другой ⁷⁾—рѣчь Ликурга *κατὰ Μενεσαίχμου*, такъ могло случиться и съ глоссою *εἰρσιώνη*: то объясненіе происхожденія ейрсионы, которое въ *Etym. M.* приписывается Ликургу, у другихъ лексикографовъ ⁸⁾ приводится изъ Кратеса аѣинскаго, а въ патмосскомъ лексиконѣ могло быть подтверждено цитатой изъ Гиперида.

¹⁾ Sauppe, *Oratt. att.* II, 270. ²⁾ *Id. ibid.* ³⁾ У Свида II 641 Bernh.

⁴⁾ Только съ опискою *Μεναίχμου*. Описка въ *Etym. Angel.* s. v. *εἰρσιώνη* (Ritshel. *Opp.* I, 686): *Δυχοῦργον δελφυσιν*, произошла, безъ сомнѣнія, изъ *Δυχοῦργος δέ φησιν*, а не изъ *Δυκ. Δηλιακῶ φ.*

⁵⁾ Kiessling, *Lycurgi fragmenta*, p. 50 о рѣчи *κατὰ Μενεσαίχμου*: *Intercedit huius orationis fragmentis nonnullis mira quaedam argumenti cognatio ac congruentia cum Deliacae Hyperideae orationis reliquiis.*

⁶⁾ *Harpoer.* 158, 1 Bekk. *προηροσία* (cod. D. *προηροσία*).

⁷⁾ *Suid.* II, 2, 433.

⁸⁾ *Eustath. ad Iliad.* p. 1283 ed. Rom. (= *Suid.* I, 2, p. 772, 13 Bernh. = *Apostol. cent.* XVIII, 67). *Κράτης δέ φησιν, ὀφορίας ποτὲ κατασχούσης Ἀθήνας, θαλλοὺς καταστέφαντας ἐρίους, ἐκστηρίαν ἀναδεῖναι Ἀπόλλωνι.*

Считая въ высшей степени вѣроятнымъ предположеніе, что въ патмосской глоссѣ цитруется рѣчь Гиперида, а не другаго оратора, мы однако не рѣшаемся въ текстѣ глоссы, предъ словами ἐν τῷ Δηλιακῷ, вставить имя Ὑπερείδης. Намъ удерживаетъ отъ этого слѣдующее соображеніе. Въ патмосскихъ глоссахъ рѣчи ораторовъ неоднократно цитуются такимъ образомъ, что указывается только заглавіе рѣчи, а имя оратора не называется. Таковы напр. цитаты въ глоссахъ γερούσια¹⁾ и Δυία²⁾, таково же устройство глоссы ὀργάς, случайно попавшей въ схоли въ Θυβιδиду³⁾. Едва ли основательно объяснять такой видъ цитатъ (встрѣчающійся и въ другихъ лексиконахъ) случайными пропусками именъ писателей. Мы полагаемъ, что или эти цитаты взяты изъ специальныхъ лексиконовъ къ отдѣльнымъ писателямъ или же—и это намъ кажется болѣе вѣроятнымъ—имена ораторовъ пропущены просто потому, что авторъ риторическаго лексикона имѣлъ въ виду такихъ читателей, которые должны были знать, что рѣчь περὶ συντάξεως слѣдуетъ искать въ собраніи произведеній Демосоена и что рѣчь κατὰ Λυσιδέου приписывается Лисію. Какъ цитата ἐν τῷ πρὸς Λεπτίνην возможна только тогда, когда разумѣется одна изъ самыхъ знаменитыхъ рѣчей Демосоена, а не мало извѣстная рѣчь Лисія⁴⁾, точно также и опущеніе имени автора предъ заглавіемъ Δηλιακός является новымъ доказательствомъ того, что въ патмосской глоссѣ мы имѣемъ дѣло съ фрагментомъ извѣстной рѣчи Гиперида, а не одной изъ тѣхъ темныхъ фальсификацій, которыя ходили подъ именами Динарха и Эскина.

На основаніи вышеизложеннаго, мы читаемъ разобранную нами глоссу такимъ образомъ:

Εἰρεσιώνη κλάδοι ἐλαίας καὶ δάφνης πρὸ τῶν οὐαῶν τιθέμενοι, πλήρεις πολλῶν ὄρων ἀναδεδεμένων· τοῦτο δὲ λιμοῦ γενομένου καὶ χρήσαντος τοῦ θεοῦ ἐποίουν. Ἐν τῷ Δηλιακῷ „...καὶ θαλλὸν μέγαν κοσμήσαντας ἀπάντων⁵⁾, ὧν κατ' ἐκείνους τοὺς καιροὺς αἱ ὄραι φέρουσιν, ἀνατιθέναι τῷ Ἀπόλλωνι ἔμπροσθεν τῶν θυρῶν, εἰρεσιώνην ὀνομάσαντας, ἀπαρχὰς παησαμένους τῶν γιγνομένων πάντων ἐκ τῆς γῆς, ὅτι τὴν ἀφορίαν ἡμῶν τῆς χώρας ἐκετηρία ἢ παρὰ τῷ Ἀπόλλωνι τεδείσα ἔπαυσεν“.

¹⁾ Bull. стр. 152. Γερούσια· ἡ μέγιστη ἀρχὴ Λακεδαιμονίους μετὰ τοὺς ἐφόρους, ἦν δὲ ἀνδρῶν κη' ὁ γὰρ Λυκοῦργος ἐκέλευσεν ἕλθειν τριάκοντα γέρουσι, ἀπολειφθέντων δὲ δύο κατὰ τὸν ἀριθμὸν εἰς τοὺς κη' συνήγαγε τὴν ἀρχήν. Ἐν τῷ πρὸς Λεπτίνην (§ 107) „επειδὴν τις εἰς τὴν καλουμένην γερούσιαν ἐγερθεῖ“.

²⁾ Bull. стр. 153. Θυία· ἡ ἴγδις. Ἐν τῷ κατὰ Λυσιδέου τραύματος ἐκ προνοίας „καὶ κατέλαβεν αὐτὸν γῆν ἐν Δυία τρίβοντα δοῦναι λιθίνω“.

³⁾ Приведена нами выше, стр. 48. примѣч.

⁴⁾ Упоминаетъ Nagros. p. 33, 22 Bekk.

⁵⁾ ἀπὸ πάντων?

3. Глоссы, отдѣляющія въ патмосской рукописи схолиі къ Демосену отъ схолиі къ Фукидиду, собраны, какъ видно, не только изъ риторическихъ лексиконовъ, но также и изъ лексиконовъ къ другимъ писателямъ. Такъ напр. глосса ἐντελέχεια ¹⁾, очевидно, имѣетъ въ виду словоупотребленіе философскихъ писателей. Непосредственно за этою глоссою слѣдуетъ объясненіе слова ἐνεβρίμει, имѣющее въ изданіи Сакелліона такой видъ:

Ἐνεβρίμει ἀντί τοῦ ὄργιζετο Στίλπον Μητροκλής. „Ἐνεβρίμει τῷ Στίλπον Μητροκλής“.

На этотъ разъ г. Сакелліонъ позволилъ себѣ конъектуру: въ рукописи передъ вторымъ ἐνεβρίμει написано Στίλπον Μητροκλεῖ. Такое сочетаніе двухъ дательныхъ, конечно, не имѣетъ смысла; одинъ изъ нихъ долженъ быть измѣненъ въ именительный, но вопросъ въ томъ, что должно быть измѣнено и что оставлено.

Если принимать въ соображеніе только привычки и склонности переписчиковъ, то и въ такомъ случаѣ нужно будетъ признать, что переписчикъ, видя во второй строкѣ слова Στίλπον Μητροκλής, скорѣе могъ измѣнить въ первой строкѣ Στίλπον въ Στίλπον, чѣмъ Μητροκλής въ Μητροκλεῖ, и что, слѣдовательно, ошибка переписчика должна быть исправлена такъ: Στίλπον Μητροκλεῖ.

Затѣмъ, при чтеніи и интерпункціи, предложенныхъ г. Сакелліономъ, повторяется дважды цѣлое предложеніе ἐνεβρίμει Στίλπον Μητροκλής, при чемъ причины и цѣли такого повторенія остаются совершенно непостижимыми; а кромѣ того, объясняющая часть глоссы (ἀντί τοῦ ὄργιζετο) оказывается между словами объясняемой (между ἐνεβρίμει съ одной стороны и Στ. Μητρ. съ другой): такихъ странныхъ глоссъ нельзя отыскать ни у патмосскаго, ни, полагаемъ, у другихъ лексикографовъ.

Чтобы избѣжать этихъ несообразностей, мы должны предположить что слова Στίλπον Μητροκλεῖ не принадлежать къ объясняемому выраженію, а указываютъ писателя и сочиненіе, изъ которыхъ выраженіе взято. Кто же этотъ писатель: Стильпонъ или Метроклъ?

О литературной дѣятельности Метрокла извѣстно лишь то, что онъ любилъ жечь книги: свои или чужія — объ этомъ преданіе разногласитъ ²⁾. За то мы имѣемъ ³⁾ перечень сочиненій, авторомъ

¹⁾ Bull. стр. 151.

²⁾ Diog. L. VI, 6. 2.

³⁾ Ib. II, 11, 8: φέρονται δ' αὐτοῦ διαλογοὶ ἑννέα ψυχροῖ Μόσχος, Ἀρίστιππος ἢ Καλλιῆς, Πτολεμαῖος, Χαίρεκράτης, Μητροκλής, Ἀναξιμένης, Ἐπιγένης, πρὸς τὴν αὐτοῦ θυγατέρα, Ἀριστοτέλης

которыхъ считался Стилпонтъ и въ числѣ ихъ приводится одно подъ заглавіемъ Μητροκλής. Правда, что всѣ эти сочиненія нѣкоторыми изъ древнихъ знатоковъ философской литературы признавались за подложныя ¹⁾; но если такое мнѣніе и было справедливо, то въ данномъ случаѣ это—обстоятельство не имѣющее значенія. Лексикографы цитуютъ и такія сочиненія, въ подлинности которыхъ они сами сомнѣваются. Вѣрилъ ли патмоскій лексикографъ въ подлинность цитуемаго имъ произведенія—этого мы не знаемъ, но, что онъ цитуетъ одно изъ сочиненій, ходившихъ въ публикѣ подъ именемъ Стилпона, это несомнѣнно ²⁾. Поэтому вся глосса должна быть напечатана такъ:

Ἐνεβριμεῖ ὄντι τοῦ ὄρκετα Στίλπων Μητροκλεῖ „ἐνεβριμεῖ τῷ Στίλπωνι Μητροκλής“.

Сочиненіе, носившее заглавіе Μητροκλής, по свидѣтельству Діогена, было діалогъ. На основаніи нашего фрагмента (который повидимому взятъ изъ начала сочиненія) приходится предположить, что Стилпонтъ (подлинный или personatus) въ своемъ діалогѣ упоминалъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, также какъ иногда дѣлаетъ Платонъ. Комбинируя патмоскій фрагментъ съ однимъ разсказомъ Плутарха, въ его сочиненіи περὶ εὐθυμίας ³⁾, мы убѣждаемся, что въ «Метроклѣ» Стилпонтъ былъ и однимъ изъ собесѣдующихъ лицъ, а также узнаемъ отчасти и содержаніе діалога. Вотъ что разсказываетъ Плутархъ: ...οὐδὲ Στίλπωνα (ἐκώλυσε) τῶν κατ' αὐτὸν φιλοσόφων ἡλαρώτατα ζῆν ἀκόλαστος οὐσα ἢ θυγάτηρ, ἀλλὰ καὶ Μητροκλέους ὀνειδισαντος, Ἐμὸν οὖν, ἔφη, ἀμάρτημα τοῦτό ἐστιν, ἢ ἐκείνης; Εἰπόντος δὲ τοῦ Μητροκλέους Ἐκείνης μὲν ἀμάρτημα, ὄν δὲ ἀτύχημα. Πῶς λέγεις, εἶπεν, οὐχὶ τὰ ἀμαρτήματα καὶ διαπτώματα ἐστί; Πάνυ μὲν οὖν, ἔφη. Τὰ δὲ διαπτώματα οὐχ ὡς διαπτώματα, καὶ ἀποτεύγματα; Συνωμολόγησεν ὁ Μητροκλής. Τὰ δ' ἀποτεύγματα οὐχ ὡς ἀποτεύγματα, ἀτυχήματα; πρῶν λόγῳ καὶ φιλοσόφῳ κενὸν ἀποδείξας ὕλαγμα τὴν τοῦ κινηκοῦ βλασφημίαν. Этотъ разсказъ дополняетъ Діогенъ Лаертскій ⁴⁾: καὶ θυγατέρα ἀκόλαστον ἐγέννησεν, ἣν ἔγημε γινώριμος τις αὐτοῦ Σμίας Συρακόσιος. ταύτης οὐ κατὰ τρόπον βιούσης εἶπέ τις πρὸς τὸν Στίλπωνα, ὡς καταισχῦνοι αὐτόν, ὃ δὲ, Οὐ μᾶλλον, εἶπεν, ἢ ἐγὼ ταύτην κοσμῶ.

¹⁾ Diog. L. Proem. 11: οἱ μὲν αὐτῶν (sc. τῶν φιλοσόφων) κατέλιπον ὑπομνήματα, οἱ δ' ὅλως οὐ συνέγραψαν, ὡς περ κατὰ τινὰς Σωκράτης, Στίλπων κτλ.

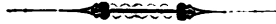
²⁾ А его не раздѣляли ни тотъ авторъ, которому слѣдуетъ Свидя въ своей биографіи Стилпона, гдѣ философу приписывается 20 діалоговъ, ни Телесъ у Stob. Flor. 40, 8 и 108, 83, ни-кажется—Плутархъ adv. Colot. XXII. (p 1369, 3 Duebn.); о немъ забываетъ и самъ Diog. II, 11, 8.

³⁾ гл. 6 (p. 567, 20 sqq. Duebn.). На это мѣсто Плутарха указываетъ самъ г. Саккеллионъ въ примѣчаніи къ глоссѣ ἐνεβριμεῖ.

⁴⁾ II, 11, 3.

Если слова Сильпона у Диогена легко могутъ быть признаны за одно изъ тѣхъ изрѣченій (*ἀποφθέγματα*), какихъ много ходило у Грековъ подъ именами различныхъ ихъ знаменитостей, то едвали можно отнести къ числу такихъ *ἀποφθέγματα* разговоръ Сильпона съ Метрокломъ у Плу-тарха. Такія подробности и тонкости діалектики могли быть взяты только изъ философскаго діалога и изъ какаго же другаго, если не изъ «Метрокла»? Какъ легко въ діалогѣ съ такимъ содержаніемъ могли найти себѣ мѣсто слова *ἐνερσίμῳ τῷ Σίλπονι Μητροκλήῳ*—это само собою понятно.

II. Никитинъ.

В.

ОТДѢЛЪ

ИСТОРИКО - ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ.

---

§ 145.

Предварительныя замѣчанія.

Въ этомъ второмъ, прикладномъ отдѣлѣ изслѣдованія намъ предстоитъ разрѣшить двѣ задачи: 1. добытые лингвистическимъ путемъ выводы объ относительной древности словъ *проверить* на основаніи другихъ данныхъ и пріемовъ, и 2. показать на дѣлѣ возможность *примененія* означенныхъ выводовъ къ цѣлямъ исторической географіи и этнографіи. Первое необходимо для оправданія избраннаго метода изслѣдованій, второе же для доказательства ихъ пригодности въ науцѣ славянскихъ древностей.

Проѣрка представленной выше хронологіи словъ, относящихся къ естествознанію, можетъ быть произведена на основаніи другихъ прямыхъ и косвенныхъ источниковъ науки древностей, между которыми особенно важны слѣдующіе: 1. *матеріальные* слѣды прошедшихъ поколѣній, открываемые въ нѣдрахъ земли; 2. отраженіе первобытной природы и жизни въ народныхъ *миѡхъ*, спасенныхъ отъ забвенія то письменнымъ, то устнымъ преданіемъ; и 3. прямая *извѣстія* древнихъ *писателей*. Раскопки, миѡы, лѣтописи и языкъ: вотъ четыре важнѣйшихъ свидѣтеля древности. Если ихъ показанія объ извѣстномъ предметѣ относятся къ одному и тому-же времени и мѣсту, то они должны совпадать и это совпаденіе служитъ круговой порукой вѣрности свидѣтельствъ. Въ случаѣ разногласій между ними необходимо предполагать ошибку въ опредѣленіи происхожденія либо значенія одного или нѣсколькихъ показаній.

Эта взаимная проѣрка свидѣтельствъ не представляла бы большихъ затрудненій, еслибы на каждый данный вопросъ можно было со-

средоточить лучи отъ каждаго изъ четырехъ отражательныхъ зеркалъ древности. Къ сожалѣнію не всѣ они сохранились въ равной чистотѣ и цѣльности.

Земля хранитъ конечно въ своихъ вѣдрахъ кости нашихъ прародителей, но ихъ плоть и кровь давно разсыпались въ прахъ и мы не можемъ воскресить себѣ ихъ вида и подобія. Краниологія не установила еще надежныхъ основъ для опредѣленія по черепамъ народности ископаемыхъ людей, вслѣдствіе чего ихъ рѣчь мало понятна живущимъ и мы все еще не можемъ отличить въ этомъ царствѣ тѣней своихъ отъ чужихъ. Столько же неразрѣшенныхъ пока затрудненій представляетъ и вопросъ объ эпохахъ палеонтологіи, въ ихъ отношеніи къ эпохамъ исторіи. Вѣкъ каменный, вѣкъ бронзовый, вѣкъ желѣзный въ палеонтологіи: далеко-ли отстоятъ они отъ золотого, серебрянаго, мѣднаго и желѣзнаго вѣковъ міеологіи?

Правда, эти затрудненія значительно ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ наука подвигается отъ изслѣдованія глубокихъ слоевъ земли къ болѣе свѣжимъ, отъ могилъ первобытныхъ къ древнимъ и отъ древнихъ къ старымъ, гдѣ появляются уже монеты и другіе надежные историческіе указатели; но въ примѣненіи къ нашимъ задачамъ самое темное все-таки остается самымъ важнымъ, такъ какъ не въ старыхъ, а въ древнѣйшихъ могилахъ лежатъ кости поколѣній, говорившихъ на языкѣ праславянскомъ.

Нельзя сомнѣваться, что въ близкомъ будущемъ найденъ будетъ ключъ къ языку и первобытныхъ могилъ; но пока онѣ являются довольно скуднымъ и мутнымъ источникомъ древностей. Обращаясь иногда къ нему для провѣрки добытыхъ другими путями данныхъ, мы мало расположены придавать этому неясному голосу рѣшающее значеніе.

Другимъ свидѣтелемъ о первобытныхъ эпохахъ внѣшней и внутренней жизни народовъ являются *миѳы*. Служа выраженіемъ взглядовъ народа на природу и жизнь, миѳы находятся въ ближайшемъ сродствѣ съ языкомъ, который также даетъ звуковое выраженіе понятіямъ чело-вѣка о предметахъ и явленіяхъ. Вся разница заключается въ томъ, что слово есть первичная клѣточка мысли и воображенія, а миѳъ сложная ихъ твань, связующая небо и землю. Созданіе словъ и миѳовъ шло параллельно, при чемъ эти два процесса во многихъ мѣстахъ скрещивались и переплетались, взаимно поддерживая другъ друга. Такимъ образомъ каждый предметъ природы и каждое событіе жизни отражалось въ душѣ первобытныхъ людей вдвойнѣ: въ микрокосмѣ словъ и миѳовъ. Вотъ почему лингвистика и миѳологія столь неразрывно связаны между собой. Однимъ изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній новой

науки должно считаться открытіе внутренняго сродства какъ между словами, такъ и мѣами не только всѣхъ вѣтвей одного народа, напр. германскихъ, славянскихъ и т. п., но и всѣхъ племенъ одного происхождения, напр. арійскихъ. Это открытіе дало историческую почву для мнѣнія о глубокой древности мѣовъ, особенно тѣхъ, которые съ значительными видоизмѣненіями встрѣчаются у всѣхъ или многихъ арійскихъ народовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ открытъ въ сравнительномъ изученіи мѣовъ и пробный камень для опредѣленія относительной ихъ древности. Всѣ эти обстоятельства и соображенія выдвигаютъ мѣны на первый планъ при провѣркѣ относительной древности словъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы найдемъ, что предметы и явленія, выражаемые извѣстными словами праславянскими, играютъ важную и аналогичную роль въ мѣическихъ представленіяхъ всѣхъ славянскихъ народностей, то выводъ лингвистическій получить двойную силу отъ его согласія съ данными мѣологическими. То-же относится къ совпаденію словъ дославянскихъ съ мѣами, распространенными у всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ арійскихъ нашихъ соплеменниковъ.

Должно впрочемъ сознаться, что мѣология далеко не сравнялась еще съ языкованіемъ въ точности своихъ методовъ и выводовъ. Самобытное и заимствованное, древнее и новое, общее и мѣстное не достаточно еще разграничены въ мѣахъ и часто служатъ предметомъ пререканій не легко разрѣшимыхъ. Не менѣе встрѣчается разногласій и въ опредѣленіи исходной точки и подробностей развитія какъ отдѣльных мѣовъ, такъ и цѣлой ихъ системы.

Все это очень затрудняетъ сравненіе мѣовъ съ соотвѣтствующими словами и ослабляетъ внутреннюю силу замѣчаемыхъ аналогій. Со временемъ дѣло конечно облегчится и утвердится; но и теперь уже распространенность, а слѣд. древность мѣовъ можетъ служить такимъ замѣтнымъ подспорьемъ при опредѣленіи хронологіи словъ, которымъ пренебрегать не слѣдуетъ.

Третьимъ источникомъ для провѣрки выводовъ лингвистической палеонтологіи являются, какъ сказано выше, *изотстія древнихъ писателей*. Въ прежнее время этотъ источникъ древностей казался не только главнымъ, но и единственнымъ. Онъ и дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя неопѣнимыя преимущества въ сравненіи со всѣми другими. Трупъ разлагается и металлъ ржавѣетъ въ землѣ; мѣозъ живетъ и измѣняется со смѣной поколѣній, примѣняясь къ новымъ впечатлѣніямъ и представленіямъ; то же и языкъ, этотъ вольный гулъ народной думы и памяти. Мысль же, отчеканенная въ мертвые знаки или буквы, застываетъ въ нихъ навѣки, какъ люди въ сонномъ цар-

ствѣ, и стоитъ лишь коснуться ея научнымъ методомъ, чтобы она воскресла къ новой жизни. Въ лѣтописи народъ впервые является объектомъ изученія,—чѣмъ онъ не былъ ни въ урнѣ, ни въ мифѣ, ни въ словѣ. Тутъ впервые выразилось стремленіе связать настоящее съ будущимъ, спасти опытъ и завѣтъ дѣдовъ для внуковъ.

Письменные памятники, особенно лѣтописи являются такимъ образомъ не только матеріаломъ для исторіи, но и зародышемъ послѣдней. Лишь въ этой области находимъ мы такую хронологическую и топографическую опредѣленность, какой напрасно стали бы искать въ словахъ или мифахъ.

Допуская все это, мы не положили бы однако письменныхъ извѣстій въ основаніе славянскихъ древностей, такъ какъ невозможно выстроить зданія изъ одного или двухъ десятковъ кирпичей, хотя бы и самаго лучшаго качества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скуденъ лѣтописный матеріалъ для перваго тысячелѣтія исторической жизни славянъ! Три страницы у Иродота, одна у Плинія, полъ у Тацита, двѣ съ половиною у Птолемея, одна у Маркіана Иракліотскаго, двѣ написи на монетахъ, нѣсколько словъ въ римскихъ итинераріяхъ,—въ совокупности менѣе 10 страницъ ¹⁾: вотъ непосредственный лѣтописный матеріалъ перваго періода славянскихъ древностей! Если вспомнить затѣмъ, что эти 10 страницъ далеко не исключительно посвящены свѣдѣніямъ о славянствѣ, и что ни одинъ изъ названныхъ писателей не обладалъ непосредственнымъ и сколько нибудь обстоятельнымъ знакомствомъ со славянскимъ языкомъ и народностію, то еще яснѣе представится крайняя скудость этого источника нашихъ древностей. Конечно, наука располагаетъ кромѣ этихъ прямыхъ еще нѣкоторыми косвенными лѣтописными данными, сохранившимися у писателей болѣе поздняго времени; но все это очень бѣдно въ сравненіи не только съ Цезаремъ и Тацитомъ у кельтистовъ и германистовъ, но и со славянскими мифами и словами.

При такой неполнотѣ и неразработанности данныхъ палеонтологическихъ, мифологическихъ и лѣтописныхъ не представляется возможности сдѣлать историческую провѣрку cadaго изъ выводовъ, добытыхъ путемъ сравненія словъ. Но въ этомъ нѣтъ и особенной надобности, такъ какъ занимающій насъ методологическій вопросъ можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ и на ограниченномъ числѣ примѣровъ. Если мы найдемъ напр., что въ ста случаяхъ выводы лингвистическіе вполне подтверждаются иными данными, то основательно можемъ пред-

¹⁾ См. Шаарика *Sebrané Spisy II*, 673—687.

полагать и даже утверждать, что то-же согласіе обнаружилось бы и въ 101-омъ и въ 1000-омъ случаяхъ. Болѣе того: если бы при такомъ сравненіи изъ ста случаевъ лишь 90 совпали, а 10 уклонились отъ нормъ, то и тогда мы въ правѣ бы заподозрить не избранный методъ, а лишь подробности его примѣненія. Руководствуясь этими соображеніями, мы представимъ ниже рядъ параллелей изъ названныхъ источниковъ, насколько это окажется возможнымъ и пригоднымъ.

Всѣ эти замѣчанія относятся къ первой изъ вышеуказанныхъ задачъ историческаго отдѣла нашихъ изслѣдованій. Рѣшеніе вопросовъ *методологическихъ* не составляетъ однако главной ихъ задачи: она заключается въ примѣненіи данныхъ языка къ цѣлямъ *историческимъ*. Для послѣдняго необходимо дать выводамъ языкознанія историческое освѣщеніе, сопоставивъ ихъ съ выводами другихъ соприкосновенныхъ наукъ. Слова, относящіяся напр. къ физической географіи, должны быть разсмотрѣны съ привлеченіемъ послѣдней; названія растений получаютъ надлежащій смыслъ по сравненіи съ данными ботаники, названія животныхъ—по сравненіи съ выводами зоологіи и т. д. Но такъ какъ насъ занимаетъ въ данномъ случаѣ климатъ, флора, фауна и т. п. не современные, а праславянскіе, и не сами по себѣ, а по ихъ отношенію къ жизни нашихъ предковъ, то особенное значеніе получаютъ въ нашихъ глазахъ историческіе элементы, заключающіеся въ естественныхъ наукахъ.

Разсмотрѣнные въ первомъ отдѣлѣ изслѣдованія слова распадаются, по ихъ отношенію къ цѣлямъ исторической науки, на два большихъ отдѣла: одни обозначаютъ такіе предметы и явленія, существованіе которыхъ уже аргіогі должно считаться несомнѣннымъ во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ; другіе же служатъ выраженіемъ понятій, которыя могли быть и не быть извѣстны первобытнымъ Славянамъ, которыхъ существованіе у нихъ является слѣд. историческимъ вопросомъ. Къ первому разряду относятся напр. слова: міръ, свѣтъ, огонь, солнце, небо, земля, вѣтеръ, вода, тѣло, кость, кровь, голова, рука, нога и т. п.; ко второму же: море, горы, отдѣльные виды металловъ, растений, животныхъ, болѣзней и т. п.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что для историка слова второго разряда важнѣе словъ перваго рода, такъ какъ онъ станетъ обращаться къ языкознанію за пособіями лишь при рѣшеніи вопросовъ темныхъ, а не ясныхъ. По этой причинѣ и мы сосредоточимъ въ настоящемъ изслѣдованіи вниманіе на словахъ, вошедшихъ въ 2, 3, 4 и 6-ю главы лингвистическаго отдѣла, лишь бѣгло коснувшись содержанія 1-й и 5-й главъ.

Замѣтимъ однако, что и первый изъ двухъ выше указанныхъ рядовъ словъ не лишенъ важности въ наукѣ исторической, такъ какъ факты сознанія имѣютъ въ ней такое же, если не большее значеніе, какъ и событія внѣшней жизни. Много есть предметовъ и явленій въ природѣ, которые, будучи присущи ей искони, въ языкѣ отразились лишь въ недавнее время, такъ какъ и для человѣческаго сознанія они не существовали прежде: таковы напр. многіе изъ элементовъ химіи, изъ силъ физики, изъ тѣлъ открытыхъ микроскопомъ и телескопомъ и т. п. Лишь сознательное духомъ и названное словомъ человѣческимъ подлежитъ разсмотрѣнію исторіи. Историкъ не нуждается конечно въ словахъ: мѣръ, свѣтъ, воздухъ, чтобы знать о существованіи выражаемыхъ ими предметовъ и явленій у первобытныхъ Славянъ; но какимъ другимъ способомъ могъ бы онъ доказать, что эти предметы прошли чрезъ ихъ сознаніе и обобщились въ мысли? Еще яснѣе была бы пригодность такихъ словъ для цѣлей народной психологіи, а слѣд. и исторіи, еслибы этимологическій ихъ анализъ подвинулся дальше и приблизилъ насъ къ самому генезису словъ; но нѣкоторое вознагражденіе представляетъ въ этомъ случаѣ внимательное разсмотрѣніе *гомонимическихъ параллелей*, т. е. разныхъ значеній того-же слова, развившихся конечно изъ одного общаго центра или первоисточника. Впрочемъ и самый фактъ существованія данныхъ словъ въ извѣстную эпоху народной жизни служитъ полезнымъ освѣщеніемъ ея духовнаго содержанія.

Такъ какъ въ предлагаемую первую часть нашихъ изслѣдованій входятъ лишь тѣ слова, которыя имѣютъ отношеніе къ естествознанію, то этимъ опредѣляется характеръ и историческихъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ дальнѣйшихъ ея главахъ. Они сводятся къ слѣдующимъ основнымъ:

1. объ объемѣ и содержаніи понятій первобытныхъ Славянъ касательно внѣшней природы;
2. о физическомъ характерѣ праславянской территоріи;
3. о царствѣ ископаемыхъ,
4. „ „ растений и
5. „ „ животныхъ, извѣстныхъ въ праславянское время;
6. о степени знакомства Праславянъ со строеніемъ и отправленіями животныхъ организмовъ;
7. о формахъ болѣзней, господствовавшихъ въ праславянское время.

Эти семь вопросовъ соотвѣтствуютъ шести главамъ лингвистическаго отдѣла изслѣдованій, при чемъ 1-й относится къ содержанію не только первой, но отчасти и другихъ главъ, а шесть остальныхъ—каждый въ одной изъ послѣдующихъ.

Для упрощенія дѣла разсмотрѣніе означенныхъ вопросовъ, равно какъ и данныя для соображеній методологическаго рода, представлены будутъ въ видѣ *историческаго комментарія* въ содержанію первыхъ шести главъ нашего изслѣдованія, при чемъ частные итоги будутъ подведены подъ каждую изъ главъ, а общіе въ концѣ отдѣла.

Изъ вышеизложеннаго видно, что удовлетворительное рѣшеніе поставленныхъ задачъ методологическаго и историческаго рода представляетъ не мало затрудненій, происходящихъ какъ отъ неполноты источниковъ и пособій, такъ и отъ разнообразія точекъ зрѣнія, съ которыхъ предстоитъ разсматривать предметъ. Не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду, что ходъ изслѣдованій нерѣдко увлекаетъ автора къ такимъ областямъ знаній, гдѣ филологія мало пригодна и гдѣ ему приходится обращаться къ пособию наукъ естественныхъ, несмотря на рискъ недоразумѣній. Въ этомъ заключаются объясненіе отрывочности и неполноты нижеслѣдующихъ главъ, а также оправданіе возможныхъ неточностей и ошибокъ, исправленія которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ специалистовъ.

Въ заключеніе приводимъ списокъ важнѣйшихъ пособій, которыми мы пользовались при обработкѣ втораго отдѣла изслѣдованій, съ указаніемъ принятыхъ для цитатъ сокращеній.

1. Кл.: Kloeden G. A. Handbuch der physischen Geographie. Dritte Auflage. Berlin 1873.
  2. Генъ: Hehn V. Kulturpflanzen und Haustiere. Zweite Auflage. Berlin 1874.
  3. Гриммъ Ист.: Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig 1848.
  4. Гриммъ Мнѡ.: Grimm J. Deutsche Mythologie. Göttingen 1835.
  5. Манг.: Mannhardt W. Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme. Berlin 1875.
  6. Губерн.: Gubernatis (Angelo De—). Die Thiere in der indogermanischen Mythologie. Aus dem Englischen übersetzt von M. Hartmann. Leipzig 1874.
  7. Аѡан.: Аѡанасьевъ А. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. III. Москва 1866—69.
  8. Шафар.: Szafařík P. J. Sebrané spisy. III. Praha 1862—65.
-

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Небо, воздухъ, земля.

§ 146.

М и р з.

Для выраженія понятія *mundus* существуетъ два праславянскихъ слова: *mirz* (§ 1, 1) и *světz* (§ 1, 2). Древность перваго изъ нихъ подтверждается между прочимъ аналогіей личныхъ именъ славянскихъ на *mirъ*, *mъrъ* и древненѣмецкихъ на *mâr*, *mêr*: Будимиръ, Dietmar и т. п. (Шафар. I, 67, 68). На основаніи словъ *mirъ*, *světz* можно утверждать, что въ сознаніи первобытныхъ Славянъ совершилось уже обобщеніе всѣхъ внѣшнихъ предметовъ и явленій, т. е. подведенъ итогъ суммамъ впечатлѣній, воспринятыхъ органами внѣшнихъ чувствъ. Какіе же изъ признаковъ наблюдаемыхъ предметовъ положены въ основу этихъ обобщеній? Если принять догадку Гримма о сродствѣ словъ *mirъ* и *mъra* (Мноол. 458), то вселенная была понята Праславянами, какъ вѣчто мѣрное, ограниченное, опредѣленное; но если избрать точкою отправленія славянскую гомонимію, то выводъ будетъ нѣсколько другой: *mirъ mundus*, *рах* (§ 1, 1), *světz mundus, lux* (§ 1, 1, § 2, 1). Итакъ природа дѣйствовала на сознаніе нашихъ предковъ, какъ тишина или лучезарность. Послѣднее аналогично лит. *razaule*, тождественному съ нашимъ подсолнечная (Гриммъ Мно. 458). Аванасьевъ высказалъ предположеніе, что слово «миръ первоначально означало миръ семейный, тишину домашняго жилища» (I, 114), а *světz* было тождественно со *světz* (I, 96), но и то, и другое сомнительно.

Впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ нарѣчій обнаружались попытки создать новыя слова для понятія *mundus*, именно: *вселенная* (§ 1, 3) и *природа* (§ 1, 4). Аванасьевъ думалъ, что въселенная намекаетъ на водвореніе семьи у домашняго очага, подъ роднымъ кровомъ (I, 114), и что природа (*natura*, раждающая) указываетъ на землю, материнская утроба которой не устаеетъ раждать отъ начала міра и до нашихъ дней (I, 129); но дѣло проще объясняется въ первомъ случаѣ аналогіей греч. *οἰκουμένη* и лат. *habitata*, а во второмъ сближеніемъ съ прич. прирожденное, нѣм. *Angeborenes* и лат. *indoles*.

§ 147.

Свѣтъ, тьма, тѣнь.

Къ этой группѣ понятій относятся семь праславянскихъ словъ, изъ коихъ четыре: *světz* (§ 3, 1), *заря* (§ 3, 2), *брезгъ* (§ 3, 3), *лучъ*

(§ 3, 4) выражаютъ разныя стороны понятія *lux*, два: *мракъ* (§ 6, 1), и *тьма* (§ 6, 2)—противоположное ему *tenebrae* и одно—*тьнь* (§ 8, 2) среднее звено между означенными контрастами. Замѣчательно, что въ гомонимахъ четырехъ изъ приведенныхъ словъ мы встрѣчаемъ указаніе на явленія солнечныя: *diluculum* (§ 3, 1. 2. 3), *sperusculum* (§ 6, 1). Изъ этого видно, что не огонь, а солнце представлялось нашимъ предкамъ первоисточникомъ свѣта ¹⁾. Это подтверждается и тѣми мнѣями, которые сопровождаютъ слова и понятія: заря *diluculum* (Аван. I, 82, 85, 87, 88, 594, III, 327), брезгъ *diluculum* (Гриммъ Мнѣ. 431 сл.; Аван. I, 105), *мракъ caligo*, *sperusculum* (Аван. I, 91, 101, 549, III, 34, 205, 350, 694), *тьма tenebrae* (Аван. I, 100), *тьнь umbra* (Аван. III, 213 сл.).

Изъ двойственности значеній слова *лучъ radius, lux* (§ 3, 4) видно, что понятіе о прямолинейномъ распространеніи свѣта не было чуждо сознанию Праславянъ. Аналогичное воззрѣніе выражено у сѣверо-западныхъ Славянъ словомъ *прамень*, соединяющимъ значенія *lux, fons* (§ 3, 5, § 25, 6), т. е. приравнивающимъ движеніе матерій свѣтовой и водяной (ср. Аван. II, 289), при чемъ основаніемъ сближенія могло служить понятіе, выражаемое ц. слав. *прамень filum* (§ 3, 5).

Изъ изолированныхъ образованій родственнаго значенія замѣчательно рус. слово *вырей loca arctica, regio meridiana, paradisus* (§ 8, 1). Оно встрѣчается уже въ Цоученіи Мономаха, въ видѣ *ирій* (Аван. II, 137). Судя по его распространенности въ русскихъ мнѣяхъ (Аван. II, 137—141, 405, 548, III, 263, 293, 673), надобно предполагать въ немъ глубокую старину; исходное же значеніе не ясно, такъ какъ предложенныя сближенія съ лат. *viretum* (Аван. II, 139) и слав. *рай* (Жотляревскій Погрѣб. обычаи 198) не могутъ считаться доказанными.

§ 148.

Огонь, пламень, искра.

Три праславянскихъ слова: *огонь* (§ 4, 1), *пламень* (§ 4, 2), *искра* (§ 4, 5) свидѣтельствуютъ, что даръ Прометея хорошо знакомъ былъ Праславянамъ. То-же доказываютъ и многочисленные мнѣя, связанные съ явленіемъ огня у Славянъ, какъ и всѣхъ другихъ арійскихъ народовъ (Гриммъ Мнѣ. 340 сл.; Манс. во многихъ мѣстахъ, см. Register; Аван. II, 1—51 и въ др. мѣстахъ, см. указатель).

¹⁾ Ср. Kuhn Herabkunft des Feuers.

О впечатлѣніяхъ, легшихъ въ основу приведенныхъ словъ, судить трудно, такъ какъ корневое значеніе ихъ не ясно, особенно перваго и третьяго. Слово пламень находитъ нѣкоторое объясненіе въ глаголахъ пылать, пылающее и палить, палящее: тутъ какъ будто скрещиваются впечатлѣнія глаза и осязанія. Если вѣрна догадка Гримма о сродствѣ славян. огонь съ нѣм. *Ofen fornah* (Мюн. 359), то родиной его былъ бы домашній очагъ, по крайней мѣрѣ въ эпоху славяногерманскую. Въ славянской гомониміѣ параллельнымъ значеніемъ для огонь *ignis* является *aestus*; нельзя однако утверждать, что послѣднее древнѣе перваго. Слово искра нѣкоторые роднятъ съ крѣсь, времянь, отъ кг бить, выскать (Аван. I, 254—255); но на это нельзя полагаться.

Изъ двухъ древнеславянскихъ названій огня: *жизжа* (§ 4, 3) и *ватра* (§ 4, 4), первое развилось изъ значенія жгучее *ignis* (ср. Аван. I, 257, II, 7); начальный же смыслъ втораго не ясенъ, такъ какъ его сближеніе съ вѣдро ясная погода (Аван. I, 176), или вѣю *flage* (ib. 310) довольно сомнительно.

§ 149.

Зной, холодъ.

Для выраженія противоположностей температуры находимъ 6 праславянскихъ словъ: *зной* (§ 5, 1), *жаръ* (§ 5, 2), *теплота* (§ 5, 3), *холодъ* (§ 7, 1), *стужа* (§ 7, 2), *морозъ* (§ 7, 3). Изъ данныхъ гомонимическихъ любопытны параллели: *зной* *aestus* и *sudor* (у Югославянъ), *холодъ* *frigus* и *umbra* (въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ и западныхъ нарѣчій), *стужа* *frigus* и *rudor*, *labor*, *морозъ* и мразити *frigus* и *odisse*. Если предположить, что вторыя изъ парныхъ значеній восходятъ къ глубокой древности и отражаютъ въ себѣ первоначальныя значенія соответствующихъ корней, то изъ этого можно вывести, что потъ считался самымъ рѣзкимъ обнаруженіемъ зноя, тѣнь представлялась основнымъ условіемъ холода, морозъ же и стужа производили впечатлѣніе неприятное и тягостное. Такими являются *холодъ* и *морозъ* и въ мѣтахъ Славянъ (Аван. I, 91, III, 34; I, 101, 109, 312, 313, 318, 703, 704, 708, 755, II, 708, III, 28, 694). Въ сказаніяхъ лѣтописцевъ находимъ впрочемъ древнія свидѣтельства о легкомъ перенесеніи Славянами и зноя, и холода. Императоръ Маврикій называетъ Славянъ τὰ ἔθνη... φέροντα ῥαδίως καὶ χαίσιμα καὶ ψύχος (Шафар. II, 694). То-же повторяетъ и импер. Левъ Мудрый (ib. 699).

На основаніи этихъ данныхъ и догадокъ можно предполагать, что прародина Славянъ находилась не въ тропическомъ или полярномъ, а въ умѣренномъ поясѣ, ибо въ первомъ случаѣ морозъ не былъ бы имъ извѣстенъ, во второмъ же онъ не казался бы тягостнымъ, какъ нормальное явленіе климата. Самая равночисленность праславянскихъ названій для положительныхъ и отрицательныхъ степеней температуры (3: 3) служитъ нѣкоторымъ, хотя и слабымъ подтвержденіемъ того-же предположенія.

Болѣ частныхъ географическихъ выводовъ сдѣлать отсюда нельзя, такъ какъ температура ниже-нулевая, хотя и въ разныхъ градусахъ, распространяется очень далеко на югъ: въ самомъ Бенаресѣ она падаетъ иногда ниже—5° Р. (Кл. 340). Но еслибы мы захотѣли искать въ праславянскомъ климатѣ такого же равновѣсія контрастовъ, какое находимъ въ остаткахъ праславянскаго языка, то пришлось бы указать на поясъ отъ 40° до 50° сѣв: широты, гдѣ господствуетъ средняя температура лѣта отъ 17, 3° до 12, 9° Р., зимы отъ 4, 4° до—4, 5° Р. и года отъ 10, 9° до 4, 3° Р. (Кл. 868, 874).

§ 150.

Небесныя свѣтила.

Солнце (§ 9, 1), *луна* (§ 9, 3) или *мѣсяцъ* (§ 9, 4) и *звѣзды* (§ 9, 7): вотъ праславянскія астрономическія названія. Три первыя восходятъ къ дославянскому времени, встрѣчаясь во многихъ родственныхъ языкахъ. Коренною основою въ названіяхъ свѣтилъ были, повидимому, впечатлѣнія свѣта: солнце свѣтлое, блистающее (ср. Аван. I, 129, 130), луна лучезарная (ib. III, 777). Корень слово звѣзда не ясенъ. Мѣсяцъ же означалъ, кажется, первоначально измѣрителя времени, но уже рано сталъ синонимомъ луны. Всѣ эти названія и понятія окутаны у арійскихъ народовъ въ безчисленные мѣны, свидѣтельствующіе о наивномъ умиленіи нашихъ прародителей предъ недосягаемыми и благодѣтельными кочевниками въ просторахъ неба (ср. Гриммъ Мнѣ. 400 сл., 413 сл.; Манг. очень часто, см. Register; Аван. см. указатель).

Изъ словъ, относящихся къ солнечному кругу, важно слово *кресъ*, означающее у Югославянъ *solstitium* (§ 9, 2). Оно играетъ нѣкоторую роль въ славянскихъ мѣтахъ (Аван. I, 179, 188, 255, III, 334, 712, 745; ср. Гриммъ Мнѣ. 350 сл.), а потому можетъ считаться остаткомъ отдаленной древности, равно какъ и самое знакомство народа съ солнцеворотами.

Фазы луны не могли не быть замѣчены уже первыми создателями языка, такъ какъ онѣ не только наглядны для самаго поверхностнаго глаза, но и неотразимо на него дѣйствуютъ. Странно однако, что изъ полудюжины славянскихъ названій этихъ фазъ (§ 9, 6) ни одно не носитъ на себѣ несомнѣнныхъ признаковъ праславянскаго происхожденія. Замѣтимъ однако, что Гриммъ расположенъ былъ находить доисторическое сродство между слав. *полнолуние*, *полня* и лит. *pilnatis*, лат. *plenilunium*, нѣм. *Vollmond*, равно какъ между *новолуниемъ*, *новью* и лат. *novilunium*, нѣм. *Neumond* (Мюн. 406, 407). Разнообразные мненія, связанные съ фазами луны у Славянъ и другихъ Арийцевъ (Аван. I, 72, 75 сл., 189 и пр., см. указатель), какъ будто подтверждаютъ догадку Гримма.

Изъ названій созвѣздій два несомнѣнно относятся къ глубокой древности, именно: *бабы plejades* (§ 9, 8) и *возз ursae major*. Первое извѣстно и въ славянскихъ мнѣяхъ, подъ названіемъ бабьяго созвѣздія (Аван. III, 239 сл.), волосожаровъ (ib. I, 222), утиного гвѣзда (ib. I, 533), вичири (ib. I, 288), и въ другихъ арийскихъ (Гриммъ Мюн. 416—418); второе же встрѣчаетъ замѣчательную аналогію въ греч. *ἄραξα*, лат. *plastrum*, нѣм. *Wagen* (Гриммъ Мюн. 102, 416—417, 704; ср. Аван. I, 609 сл.).

Чѣмъ-то древнимъ отзывается также названіе *млечный путь* *Milchstrasse*, (§ 9, 8) съ которымъ связано много мненческихъ представленій (Гриммъ Мюн. 213 сл., 478; Аван. I, 291, 595, II, 288, 404, III, 282 сл., 814).

Изъ планетъ раньше другихъ отличена была венера, какъ спутница солнца то ранняя (*денница* § 9, 9), то вечерняя (ib.). Она является и въ мнѣяхъ, въ связи съ культомъ солнца (Гриммъ Мюн. 415; Манг. 362; Аван. 73—88, 104, 178, 604, III, 777, ср. III, 320). Для кометы не имѣется общераспространеннаго названія; частныя же (§ 9, 10) имѣютъ смыслъ хвостатая, какъ греч. *κομήτης*, лат. *stella crinita* и нѣм. *Schweifstern* (ср. Аван. I, 73 сл., 82, 244).

§ 151.

Страны свѣта.

Изъ четырехъ странъ свѣта лишь двѣ носятъ названія несомнѣнно праславянскія: *сѣверъ* (§ 10, 3) и *югъ* (§ 10, 4). Древность перваго доказывается и его сродствомъ съ племеннымъ именемъ Сѣверянъ, которое встрѣчается въ древней Руси, Угровлахіи и Польшѣ и было, предположительно, извѣстно уже Птоломею (Шафар. II, 660). Въ до-

бавовъ и миѣмъ покрываютъ горизонты сѣвера, страны злыхъ духовъ и ада (Аѳан. I, 183, II, 25—28), въ противоположность югу или солнечному вырею (§ 8, 1, § 147). Корневое значеніе словъ сѣверъ, югъ не вполне ясно, такъ какъ ихъ этимологія затемнилась. Не лишено значенія то обстоятельство, что оба слова кромѣ странъ свѣта означаютъ и соответствующіе вѣтры: *septentrio*—*aquilo*, *meridies*—*ventus meridianus*.

Рядомъ съ этой парой названій праславянскихъ существуетъ въ нарѣчіяхъ другая пара, также носящая на себѣ признаки древности, хотя и не столь сѣдой. Это слова: *полночь* (§ 10, 3) и *полдень* (§ 10, 4). Корневое ихъ значеніе—*media nox*, *tempus meridianum*, а переносное—*septentrio*, *meridies*. Трудно сказать, произошелъ ли этотъ переносъ значеній отъ вліянія иностранныхъ формъ, или самостоятельно. Въ последнемъ случаѣ онъ служилъ бы доказательствомъ, что древнимъ Славянамъ не чуждо было понятіе о направленіи меридіональныхъ линій.

Но какъ объяснить отсутствіе праславянскихъ названій для понятій *oriens*, *occidens*? Или такими были: *востокъ* (§ 10, 1) и *западъ* (§ 10, 1), *восходъ* (§ 10, 1) и *заходъ* (§ 10, 2)? Хотя для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній лингвистическихъ, однако оно поддерживается существованіемъ миѣовъ, связанныхъ съ различіемъ яснаго востока (Аѳан. I, 181 сл., III, 24, 277 сл.) отъ темнаго запада (ib. 182 сл., III, 24).

§ 152.

Н е б о, з е м л я.

Оба эти слова восходятъ къ дославянскому времени. Изъ славянскихъ гомонимовъ *неба* (§ 11, 1) видно, что въ первоначальномъ значеніи его заключалось представленіе облачнаго покрова, высокимъ сводами повисшаго надъ землею. То-же подтверждаютъ и многочисленные общеарійскіе и славянскіе миѣы, устремленные на небеса (Гриммъ Миѣ. 398 сл.; Аѳан. во мн. мѣстахъ, см. указат.). *Земля* (§ 11, 3) является въ языкѣ синонимомъ суши, поля, а въ миѣахъ матерью и кормилицей человѣка (ср. Гриммъ Миѣ. 368 сл.; Манг. во мн. мѣстахъ, см. Рег.; Аѳан. тоже). Не служитъ ли это отраженіемъ взглядовъ народа сухопутнаго и осѣдлаго?

§ 153.

Воздухъ, вѣтеръ, буря.

Изъ праславянскихъ словъ: *воздухъ* (§ 12, 1), *вѣтеръ* (§ 12, 2), *вихоръ* (§ 12, 3), *смерчъ* (? § 12, 4), *буря* (§ 12, 5) видно, что понятие о газообразной жидкости, окружающей землю, не было чуждо первобытнымъ Славянамъ, по наблюденію происходящихъ въ воздушномъ океанѣ колыханій и борьбы. Въ корневомъ значеніи словъ *воздухъ*, *вѣтеръ* отразился взглядъ на сходство дыханія животныхъ и движеній атмосферы. То-же воззрѣніе выразилось и въ миѣческомъ олицетвореніи воздуха (Гримъ Миѣ. 360 сл.), вѣтра (*ib.*, Манг. часто, см. Reg.; Аѳан. тоже), вихря (Гримъ Миѣ. 702; Аѳан. I, 330, II, 103, 349, III, 448 сл.), смерча (Аѳан. II, 514) и бури (Гримъ Миѣ. 363; Аѳан. I, 672).

Къ довольно отдаленной старинѣ восходятъ слова: *метель* (§ 12, 6), и *спялица* (*ib.*), не лишенная примѣненій и въ мѣтахъ (Гримъ Миѣ. 368; Аѳан. I, 569).

§ 154.

Паръ, роса, туча.

Теплый *паръ*, встающій съ земли и воды въ видѣ дыма (§ 13, 1), влажная *мгла*, туманившая порой воздухъ (§ 13, 2), прозрачная *роса*, невидимымъ дождемъ ниспадающая на землю (§ 13, 3), бѣлый *иней*, одѣвающий въ изморозь деревья и травы (§ 13, 4), застилающія небо *облака* (§ 14, 1) и темныя, густыя *тучи*, чреватыя грозами (§ 14, 3): всѣ эти метеорологическія явленія были замѣчены и окрещены соответственными названіями уже въ праславянское время. Почти каждое изъ нихъ легло въ основу разныхъ миѣческихъ представленій и образовъ. Такъ паръ уподобляется душѣ (Аѳан. III, 209 сл.), мгла изображается мочею тучи (*ib.* I, 670), роса—слезами зари (*ib.* 167 сл. и въ др. м., см. указ.); облака и тучи имѣютъ сотни миѣологическихъ соответствій то неодушевленнаго, то одушевленнаго круга (Гримъ Миѣ. 366, 685; Аѳан. см. указ.). Лишь для инея мы не встрѣтили миѣологическихъ параллелей; но его древность подтверждается существованіемъ еще двухъ коренныхъ славянскихъ названій: *слана* и *серенъ* (§ 13, 4), восходящихъ, какъ кажется, къ глубокой древности. Изъ этого видно, что въ странѣ праславянской иней былъ довольно обычнымъ явленіемъ,— обстоятельство, не лишенное значенія при опредѣленіи ея географическихъ границъ.

§ 155.

Громъ, молнія, радуга.

Для явленій грозovýchъ имѣется 4 праславянскихъ названія: *громъ* (§ 15, 1), *молнія* (§ 15, 3), *перунъ* (§ 15, 5), *дуга* (§ 16). Корневое значеніе перваго тождественно съ древнеславян. трескъ *fragor, fulmen* (§ 15, 2). Слово молнія сближаютъ то съ млѣти, молотъ (Аван. I, 253, III, 782), то съ сѣв. герм. *mīðlnir Hammer* (ср. Гриммъ Мие. 123), то съ фин. *meny* (Шафар. II, 252), вслѣдствіе чего исходное значеніе его не ясно. Перунъ, соотвѣтствующій лит. *perkunas* (Гриммъ Мие. 116; Шафар. I, 72), а можетъ быть и санскр. *parganya* (Аван. I, 248), выражалъ вѣроятно силу, разящую тучи и землю. Значеніе слова дуга видно изъ гомонимическихъ параллелей: *arcus, iris* (§ 16).

Множество арійскихъ миеовъ связано съ явленіями грома и молніи (ср. Гриммъ Мие. 112 сл., 365, 661; Манг. во мн. мѣстахъ, см. Register; Аван. тоже). Изъ этого круга представленій развился и верховный богъ Праславянъ перунъ. Его нужно разумѣть въ словахъ Проконія о Славянахъ: *Ἐσὸν μὲν γὰρ εἶνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἀπάντων χύρον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι* (Шафар. II, 692). Радуга, этотъ воздушный мостъ съ земли на небо, также не лишень поэтическихъ примѣненій въ миеахъ (Гриммъ Мие. 421 сл.; Аван. I, 361 сл. и въ др. м., см. указ.).

По всему видно, что Праславяне жили въ странѣ, гдѣ грозovyя явленія не рѣдкость, слѣд. въ поясъ не холодномъ; ибо далѣе 65° с. шир. гроза бываетъ очень рѣдко, а въ Исландіи напр. громъ совсѣмъ неизвѣстенъ (Кл. 784).

§ 156.

Ведро, слота.

Для противоположностей погоды ясной и сухой съ одной стороны, а пасмурной и мокрой съ другой имѣются коренныя праславянскія названія *ведро* (§ 17, 1) и *слота* (§ 17, 4), изъ коихъ первое восходитъ, повидимому, къ дославянскому періоду; но для срединнаго между ними понятія *coelum, Witterung* не встрѣчаемъ древняго термина, такъ какъ слово *погода* (§ 17, 2) новѣе, да и оно замѣтно склоняется къ значенію ведро, что выразилось и въ отрицательномъ образованіи *непогода* (§ 17, 3), т. е. неведро. Нельзя ли сдѣлать отсюда вывода, что въ древнеславянское время нормальнымъ, слѣд. самымъ частымъ состояні-

емъ атмосферы было краснопогодье, вслѣдствіе чего ведро могло удобно соединять въ себѣ понятія serenitas и coelum, тогда какъ уклоненіе отъ этой ведрености праславянскаго неба обозначались словомъ слота? Если это вѣрно, то изъ этого можно-бы сдѣлать нѣкоторое географическое примѣненіе: Праславяне жили въ странѣ, гдѣ чисто ясныхъ дней рѣшительно преобладало надъ числомъ ненастныхъ, слѣд. опять таки скорѣе въ южной, чѣмъ сѣверной полосѣ умѣреннаго пояса, такъ какъ число ненастныхъ дней, по-крайности въ Европѣ, возрастаетъ отъ юга въ сѣверу; такъ въ Ломбардіи ихъ бываетъ среднимъ числомъ 88 въ году, въ Угорщинѣ 112, въ сѣв. Германіи 154, а въ Голландіи 170, т. е. почти 46⁰%. Въ послѣдней странѣ ведро не могло бы стать синонимомъ погоды.

§ 157.

Дождь, снѣгъ, градъ.

Праславянамъ хорошо были знакомы всѣ три формы метеорологическихъ осадковъ: *дождь* (§ 18, 1), *снѣгъ* (§ 18, 2) и *градъ* (§ 18, 3). Корневое значеніе ихъ не ясно; по крайней мѣрѣ оно совсѣмъ забыто въ славянщинѣ. Наибольшимъ числомъ мѣсовъ сопровождаются явленія дождя, этихъ слезъ неба (Аѳан. I, 167 и въ др. мѣстахъ, см. указ.) и молока облачныхъ коровъ (ib. I, 296, см. указ.); но и снѣгъ, и градъ появляются, хотя и рѣже, въ системѣ славянскихъ мѣсовъ (Аѳан. см. указ.). Изъ этого можно сдѣлать историческое предположеніе, что Праславяне занимали страну, гдѣ дожди составляютъ преобладающую, но не единственную форму воздушныхъ осадковъ, что соотвѣтствуетъ не тропическому поясу исключительныхъ дождей, или полярному—снѣговъ, а умѣренному поясу переменныхъ осадковъ, съ перевѣсомъ дождевыхъ (ср. Кл. 776, 794).

§ 158.

Влага, капля, ледъ.

Сюда относятся шесть праславянскихъ названій: *влага* (§ 91, 1), *вода* (§ 19, 3), *волна* (§ 19, 4), *капля* (§ 20, 1), *пына* (§ 20, 3), *ледъ* (§ 21, 1). Корневое значеніе этихъ словъ, кромѣ капля отъ капать или крапля отъ кропить, затемнилось въ славянщинѣ. Быть можетъ влага и волна (вльна) состоятъ въ этимологическомъ сродствѣ между собою и съ праслав. валъ unda, fluctus (§ 19, 4), означая вещество безпокой-

ное, подвижное, но утверждать этого нельзя. Образование слова вода лежитъ далеко за предѣлами праславянской старины; стихія эта играетъ видную роль и въ общерійскихъ мѣтахъ (Гриммъ Миѳ. 326 сл., 643 сл., 682; Аѳан. II, 12—246 и въ др. мѣст., см. указ.). Для слова пѣна имѣется историческая ссылка у Птолемея, если правильно толкованіе имени его сарматскаго народа Πενυΐται Пѣняне (Шафар. I, 238, II, 679).

Наряду со словомъ ледъ, къ глубокой древности относятся близкіе по смыслу: *юлотъ* (§ 21, 1) и *икра* (§ 21, 2), хотя они и не имѣютъ праславянскаго характера. Не указываетъ ли это постепенное разнуженіе словъ, сѣд. и предметовъ холоднаго климата на тихое распространіе Славянъ съ юга на сѣверъ?

§ 159.

Море, озеро, прудъ.

Море было знакомо Праславянамъ, какъ и другимъ ихъ соплеменникамъ. Корневое значеніе слова *море* (§ 22, 1) не ясно, такъ какъ его сближеніе съ моръ, мертвыи (Аѳан. II, 121) не достовѣрно. Многие арійскіе миѳы связаны съ представленіемъ моря (Гриммъ Миѳ. 480 сл.; Аѳан. II, 121 сл. и въ др. мѣстахъ, см. указ.). Древнѣйшее упоминаніе о славянскомъ приморьѣ находимъ у Птолемея: οἱ τε Οὐενυΐται (живуть) κατ' ἄλυσ τῶν Οὐενυΐδων κόλπον (Шафар. II, 679). Одно изъ западныхъ славянскихъ племенъ носило съ древняго времени имя Поморянъ (Шафар. II, 435 сл., 658). Едва ли однако Балтійское море было первымъ изъ извѣстныхъ Славянамъ. Черное и Каспійское моря лежали ближе къ путямъ расселенія и прародинѣ Славянъ, какъ и другихъ Аріевъ; но въ языкѣ не имѣется данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Попытка Пикте воспользоваться для этой цѣли словомъ *пучина* (§ 22, 2) должна считаться неудачною, такъ какъ сближеніе этого слова со слав. пѣчитисл, или съ пѣтъ, греч. πόντος, сан. pantha, pãthas (Аѳан. II, 121) гораздо правдоподобнѣе, чѣмъ съ сан. arãcina западный. Изъ сближенія пучины съ тучею въ славянскихъ мѣтахъ (Аѳан. II, 145—146) также видно, что въ основѣ этого слова лежитъ представленіе о вздымающейся и бурной стихіи, а не о западной странѣ.

Хотя нельзя по даннымъ языка оспаривать знакомства Праславянъ съ моремъ, однако не видно, чтобы они были морскимъ народомъ. Такое обычное и замѣтное явленіе, какъ *приливъ* и *отливъ* (§ 22, 3) не имѣетъ древнихъ и цѣльныхъ названій, подобныхъ напр. нѣмецкимъ

Fluth и Ebbe. Что же касается праславянских словъ: *лука* (§ 23, 1) и *замѣзъ* (§ 23, 2), то они могли прилагаться къ изгибамъ и заводямъ не только морскихъ, но и озерныхъ и рѣчныхъ водъ. То-же относится и къ древнеславянскому *пристань* (§ 23, 3).

Озера несомнѣнно существовали въ Праславяніи. Доказательствомъ служатъ слова: *озеро* (§ 24, 1) и *плесо* (§ 24, 2). Древность первого подтверждается и древнимъ названіемъ одной славянской вѣтви въ Моревѣ Ἐξέρται т. е. Езерцы (Шафар. II, 244), а второе слово встрѣчается уже у Плинія въ видѣ *peiso* (ib. I, 74, 552, III, 25). Этимологическій составъ слова озеро не ясенъ; плесо же вѣроятно сродни праславянскому же *плѣсень* (§ 29, 7) и могло означать озеро застоявшееся, заросшее, въ родѣ того, какое описываетъ Иродотъ въ странѣ Будиновъ: λεινή μεγάλη τε καὶ πολλή καὶ ἕλος καὶ κάλαμος περὶ αὐτήν (IV, 109; Шафар. II, 674).

Что касается озеръ копанныхъ или запруженныхъ гатью, то хотя ихъ русское названіе *прудъ* (§ 24, 3) восходитъ къ праславянской старинѣ, но сомнительно, въ этомъ ли именно смыслѣ (ср. Аѳан. I, 489).

§ 160.

Студенецъ, рѣки, виръ.

Къ этой группѣ понятій относится восемь праславянскихъ словъ: *криница* (§ 25, 3), *студенецъ* (§ 25, 4), *теплица* (§ 25, 7), *устье* (§ 25, 8), *потокъ* (? § 25, 9), *струя* (§ 25, 10), *рѣки* (§ 25, 11), *виръ* (§ 26, 2). Корневое значеніе большей части изъ нихъ еще не затемнилось въ славянскомъ языкѣ. Студенецъ и теплица представляютъ противоположности въ температурѣ ключевой воды, при чемъ слѣдуетъ предполагать, что значеніе *fons frigidus, calidus* древнѣе, чѣмъ *puteus, thermae*. Устье изображаетъ отверстіе или выходной каналъ рѣки, какъ уста (§ 113, 2) въ животномъ организмѣ, — метафора, которая повторилась потомъ въ образованіи слова жерло *fons* (§ 25, 2) при жрью, гръло *guttur, fauces* (§ 116, 1). Слово потокъ аналогично древнеславянскому *источникъ* (§ 25, 6). Струя также выражала воду проточную, какъ нѣм. *Strom*, греч. *ρεῖμα*, лат. *rivus*, отъ *sgu fluere* (L. P.), или стремительную, какъ рус. стрижень быстрина рѣки (Аѳан. I, 489). Виръ въ корневомъ сродствѣ съ древнеслав. *изворъ, вроуми fons* (§ 25, 1), а можетъ быть и врѣти *fervere, bullire* (L. P.), обозначая воду кипящую, флокочущую. Лишь слова *криница* (ср. греч. *κρήνη*) и *рѣка* (ср. нѣм. *Regen*?) не ясны этимологически.

Къ древнему періоду должны восходить также слова: *слатъ* (§ 26, 3), *сопотъ* (§ 26, 4), *мель* (§ 26, 5), и *ринъ* (§ 27, 6). Корневое ихъ значеніе затемнилось, кромѣ сопотъ отъ сопѣть, шумящій. Рѣнь можно сближать съ рѣять, ринуть (Аеан. I, 489), или съ нѣм. Rinne.

Многочисленные мнѣя, связанные съ источниками, колодцами, рѣ-ками (Гриммъ Мнѣ. 327 сл., 682; Аеан. II, 283 сл., III, 263, 443, 724, см. рѣни въ указ.) подтверждаютъ раннее знакомство съ ними Славянъ, какъ и другихъ Арійцевъ. Древность нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ можетъ быть подтверждена и нѣкоторыми историческими указаніями. Слово рѣка встрѣчается у Прокопія въ видѣ *Μελλάρεκα* (Шафар. I, 75; ср. Дриновъ «Заселеніе балк. полуострова» 27). Одно изъ западнослав. племенъ называлось въ древнее время Рѣчанами (Шафар. II, 594, 603). Констант. Багрянородный упоминаетъ въ числѣ славянскихъ названій двѣ-провскихъ пороговъ *Βερούτζη*, т. е. вѣрѣшти (Шафар. II, 156), а на Адриатикѣ сербскій городъ *Βερούλλια* (ib. 284), что соотвѣтствуетъ словамъ: виръ, изворъ, вроула (§ 26, 2, § 25, 1).

Въ доказательство обилія Праславяннн рѣками можно привести слова импер. Маврикія: *τῶν γὰρ χωρῶν τῶν Σκλάβων καὶ Ἀντῶν κατὰ τοὺς ποταμοὺς ἐφεξῆς διαχεμένων...* (Шафар. II, 695), вслѣдствіе чего они *ἐν περὶα δὲ εἰσὶ καὶ τῆς ποταμῶν διαβάσεως ὑπὲρ πάντας ἀνθρώπους* (ib. 694).

Конечно, свѣдѣнія эти относятся ко времени очень отдаленному отъ праславянскаго, но необходимо предположить долгое пребываніе Славянъ въ рѣчныхъ областяхъ, чтобы понять, почему они въ VI в. стояли выше другихъ народовъ въ искусствѣ обращаться въ водѣ.

§ 161.

Потопъ, лужа, болото.

Сюда относятся пять праславянскихъ словъ: *потопъ* (? § 27, 1), *поводъ* (? § 27, 2), *лужа* (§ 28, 1), *калужа* (§ 28, 2), *болото* (§ 28, 9). Смыслъ первыхъ двухъ очевиденъ; аналогично имъ образовано и древнеславянское *полой* (§ 27, 3), отъ лить, какъ рус. разливъ. Корневое значеніе лужа уясняется его родствомъ съ лугъ *pratium* (§ 28, 1), а калужа съ калъ *lutum*. Древній же смыслъ болота виденъ изъ гоменики: *palus, lutum*.

Глубокой древностью отзываются и нѣкоторыя другія параллельныя названія: *млака* (§ 28, 3) *aqua fuscens*? *мочаръ loca madida* (§ 28, 4), *слатина aquae salsae, salinae* (§ 28, 5), *локва* (§ 28, 6), *бара* (§ 28, 8).

Преданія о потоцѣ играютъ, какъ извѣстно, видную роль въ мифическихъ представленіяхъ многихъ народовъ. Есть нѣкоторые намеки на то-же вѣрованіе и у Славянъ (Аван. II, 644—645), но еще сомнительно, не образовалось ли оно подъ вліяніемъ библейскихъ представленій (ib. I, 362 и въ др. м.). Болото же извѣстно въ славянскихъ мифахъ, какъ чертово жилище (Аван. I, 236).

Изъ историческихъ доказательствъ древности нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ приведемъ слѣдующія. Слово лужа легло въ основу древняго названія одной изъ западнославянскихъ вѣтвей Лужичане (Шафар. II, 615; ср. II, 279—280). Слово бара производятъ отъ старогетскаго языка (ib. I, 513). Для русскаго же областного *дрегва* трясина въ болотѣ (§ 28, 9) есть аналогія въ племенномъ названіи Дреговичи, которое встрѣчалось на Руси, во Фракіи, Македоніи и Полабіи (Шафар. II, 651), изъ чего видно, что означенное слово есть глубокой архаизмъ въ русскомъ языкѣ.

Самое раннее упоминаніе о болотахъ праславянщины встрѣчаемъ у Иродота, который рассказываетъ, что рѣка Тύρρις (Днѣстръ) зарождается въ большомъ болотѣ, отдѣляющемъ землю скинскую отъ Невриды (Шафар. II, 673). То-же свидѣтельствуютъ Иорнандъ: *Slavini... paludes silvasque pro civitatibus habent* (ib. 689), и имп. Маврикій: *ἐν Ἰλαίᾳ δὲ καὶ ποταμοῖς καὶ τέλασι καὶ λίμναις δυσβάτοις ἀκοῦντα* (ib. 694).

§ 162.

Калъ, плѣсень.

Для понятія *lutum* имѣются два праславянскихъ слова: *каль* (§ 29, 2) и *илъ* (§ 29, 4). Первое имѣетъ болѣе общее значеніе, сродное съ вышеприведеннымъ калужа (§ 28, 2), при чемъ исходной точкой служилъ, повидимому, темный цвѣтъ перегноевъ, подобно какъ въ словѣ черноземъ; слово же *илъ* наклоняется въ значеніи отъ *lutum* къ *limus*, даже *argilla*, обозначая вѣроятно прежде всего вязкое вещество. Къ этимъ двумъ праславянскимъ словамъ уже въ древнее время присоединились еще три: *грязь* (§ 29, 1), *тина* (§ 29, 3), *муль* (§ 29, 5), изъ коихъ первое ясно хранитъ связь съ глаг. *грязити*, а два послѣднія темны по происхожденію. Что касается праслав. *плѣсень*, то, въ противоположность калу, его корневымъ значеніемъ было, кажется, бѣлѣющее, свѣтлое, какъ въ нѣм. *Schimmel* при *Schimmer*.

§ 163.

Дно, берегъ, суша, островъ.

Вертикальное и горизонтальное ограничѣнія водъ назывались уже въ праславянскомъ: *дно* (§ 30, 1) и *берегъ* (§ 30, 2). Въ содержаніи перваго соединялись отношенія къ сосудамъ и вмѣстителямъ водъ: кажется первое древнѣе послѣдняго. Исходнымъ же значеніемъ для берегъ было гора, возвышеніе, какъ нѣм. Berg, что видно и изъ міеологическаго характера славянскихъ ораадъ—берегинь (Аван. III, 125). Древность слова берегъ видна изъ имени западнославянскихъ Врежанъ (Шафар. II, 604).

Слово *суша* (§ 30, 4) существовало уже въ праславянское время, но неизвѣстно, развилось ли уже тогда изъ значенія *siccitas* производное *terra continens*. Тѣмъ несомнѣннѣе праславянское происхожденіе слова *островъ* (§ 31, 1), означавшаго тоже, что и древнеславянское *отокъ* (§ 31, 2) *περὶ ἴσθμους*.

Въ арійскихъ міеахъ выразился взглядъ на острова, какъ на рай или блаженное жилище душъ (Гриммъ Міе. 481; Аван. I, 575, II, 134 сл., 140, 599)—возрѣніе народа немореходнаго, съ почтительнымъ страхомъ глядѣвшаго въ морскую даль. Припомнимъ здѣсь, что Констант. Багрянородный одному изъ днѣпровскихъ пороговъ присваиваетъ славянское имя *Острововицѣрахъ*, т. е. Островныи прагъ (Шафар. II, 155).

§ 164.

Поле, равнина, пустыня.

Въ праславянскомъ словѣ *поле* (§ 32, 1) соединяется два значенія: основное *campus* и производное *ager, agrum*. Въ этой метафорѣ выразился взглядъ народа земледѣльческаго. Изъ сродства же поле съ поляна *planities* видно, что *равнина* (§ 32, 2) составляла преобладающую форму земной поверхности въ странѣ праславянской. Исторически слово поле восходитъ ко временамъ птолемеевскимъ, если вѣрно объясненіе его *Βούλαυς* Полянми (Шафар. I, 237), подобно племенному названію вѣтвей Славянъ русскихъ и польскихъ (ib. II, 132 сл., 416 сл.). Къ словамъ поле, равнина примыкаетъ и понятіе *пустыня* (§ 32, 3), хотя оно не имѣетъ строгаго отношенія къ вертикальнымъ очертаніямъ мѣстностей. Вспомнимъ при этомъ сообщеніе Иродота: *supra Budinos ad aquilonem statim excipit solitudo octo dierum itineris... Haec solitudo a nemine hominum colitur, posita supra Budinorum regionem, septem dierum itineris magnitudine* (Шафар. II, 673, 675).

§ 165.

Холмъ, скала, стремнина.

Для разныхъ формъ возвышенностей имѣется 8 праславянскихъ названій: *холмъ* (§ 33, 1), *могила* (§ 33, 5), *гора* (§ 34, 1), *полонина* (§ 34, 2), *скала* (§ 34, 3), *опока* (§ 34, 4), *верхъ* (§ 35, 2), *стремнина* (§ 35, 3). Специальное значеніе нѣкоторыхъ можетъ быть опредѣлено на основаніи отчасти этимологіи, отчасти гомониміи. Могилою издавна считалось возвышеніе насыпное, преимущественно надгробное; гора было синонимомъ лѣса; *полонина* означала горные луга и пастбища; скала отличалась своими обрывистыми формами и каменными или известняковыми толщами, подобно какъ и *опока*; верхи представлялись темами горъ, а стремнины ихъ крутыми обрывами.

Къ глубокой древности восходить, повидимому, и югослав. *бердо* (§ 33, 2), *ротъ* (§ 35, 2) и русскохорватское *хребетъ* (§ 35, 2).

Могила и горы играютъ важную роль въ славянскихъ мѣтахъ (Котляревскій Погреб. обычаи, 119, 129, 130, 154 сл.; Аван. I, 120 сл., II, 365 сл.).

Древнѣйшее упоминаніе слова холмъ встрѣчаемъ у Конст. Багрянороднаго въ названіи горы Хлоумос, города Хлоум и племени Захлоумъ въ Герцеговинѣ (Шафар. II, 281). Слово могила вѣроятно ровесникъ тѣхъ кургановъ, которые покрываютъ иродотову Скию и другія части славянской земли и отъ которыхъ, кажется, заимствовали свои названія наши днѣпровскій и днѣстровскій Могилевы (ср. Шафар. I, 560 сл.). Слово гора въ значеніи лѣсистой возвышенности скрывается, по догадкѣ Шафарика, въ Птолемеевскомъ ὄρος: τὸ Βούδιον ὄρος, τὸ Ἀλαῦνον ὄρος, τὰ Οὐβενδικὰ ὄρη и пр. (I, 534; II, 679). Древность этого слова подтверждается топографическими названіями Загорье въ древней Болгаріи и Сербіи (Шафар. II, 234—235, 238, 280), а быть можетъ и въ Пафлагоніи, гдѣ Арріанъ упоминаетъ мѣстность Ζάγωρα, Птоломей Ζάγωρα, Маркіанъ Ζάγωρον и Певтингерова карта Zасoria (Ламанскій О славянахъ въ М. Азіи 156). Слово скала Шафарикъ считаетъ въ славянщинѣ кельтизмомъ (I, 62, 439), а югославянское крьшь (§ 34, 5) заимствованнымъ изъ литовскаго krauszus praeruptum girae (III, 41). Если вѣрно предположеніе о происхожденіи Птолемеевского ὄ Καρπάτης ὄρος отъ хръбть dorsum (§ 122, 1), какъ предполагалъ Шафарикъ (I, 75, 282, 531 сл.), то русскохорв. хребетъ, хрибъ montes continui, collis (§ 35, 2) восходило бы въ отдаленной старинѣ.

Изъ обилія праславянскихъ и древнеславянскихъ названій для холмовъ и горъ можно заключать, что Праславянiя обнимала и гористыя мѣстности, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Тацитъ: *Nam quicquid inter Peucinos Fennoque silvarum ac montium erigitur, (Venedi) latrociniis peregrant* (Шафар. II, 677—678) и Птоломей, перечисляющій въ Сарматiи: Ἴτε Πευκὴ ὄρος, τὰ Ἀράδοκα ὄρη, τὸ Βούδιον ὄρος, τὸ Αλαῦνον ὄρος, καὶ ὁ Καρπάτης ὄρος, καὶ τὸ Οὐενεδικά ὄρη, τὸ Ῥίταια (ib. 679).

§ 166.

Яръ, пещера, яма.

Для низменностей и углубленій въ почвѣ встрѣчаемъ слѣдующія праславянскія названiя: *яръ* (§ 36, 2), *долина* (§ 36, 4), *пропасть* (§ 37, 1), *бездна* (§ 37, 2), *пещера* (§ 37, 3), *вертепъ* (§ 37, 4), *нора* (§ 37, 8), *яма* (§ 37, 9), *ровъ* (§ 37, 10). Изъ гомонимическихъ параллелей видно, что яръ означалъ первоначально обрывистую водоройну, а потомъ ущелье, между тѣмъ какъ долина имѣла болѣе общее значенiе межигорнаго низа. Для долины лѣсистой уже въ древнее время образовалось у Славянъ юговосточныхъ названiе *дебрь* (§ 36, 1), тогда какъ для ущелья проѣзднаго составилъ терминъ *увозъ* (§ 36, 3). Обрывы недоступныя назывались пропастями, безднами. Очень характерна связь корневаго значенiя слова пещера съ печью, какъ будто свидѣтельствующая о томъ періодѣ, когда не только медвѣди, но и люди жили въ естественныхъ подземныхъ притонахъ (ср. Кл. 1200). Тотъ-же, кажется, смыслъ имѣло и слово вертепъ, хотя его этимологiя не ясна. Въ древнеславянскiй періодъ существовали уже для аналогичныхъ представленiй еще два слова: сѣверозападное *яскиня* (§ 37, 5) и юговосточное *язва* (§ 37, 6); послѣднее прилагалось, кажется, главнѣйше къ узкимъ трещинамъ и подземнымъ берлогамъ животныхъ. Заключенныя въ пустотѣ деревьевъ логовища птицъ, пчелъ и пр. съ древняго времени называются *дуплинами* (§ 37, 7). Прорытыя водой или животными и углубленныя въ землю язвины составляли норы; къ послѣднимъ примыкали по значенiю и болѣе открытыя ямы, естественныя и искусственныя ры.

Пещеры играютъ нѣкоторую роль и въ славянскихъ мiазахъ (Аван. II, 354 сл.).

Для древности нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ имѣются историческiя доказательства. Такъ въ Македонiи уже въ древнее время упоминается мѣстность Дебра (Шафар. II, 243, ср. 315). Слово яръ

Шафарикъ склоненъ былъ производить отъ гунн. var или мадьяр. árok (I, 355), сербохорватское же кланац (§ 36, 2) отъ литов. kálnas pona (III, 41).

По всему видно, что въ странѣ праславянской почва представляла большое разнообразіе вертикальныхъ очертаній не только вверхъ (§ 165), но и внизъ. Изъ множества же древнихъ названій для естественныхъ подземныхъ пріютовъ можно заключать, что они имѣли важное значеніе въ жизни праславянской.

§ 167.

Выводы изъ седьмой главы.

I. Древность праславянскихъ словъ подтверждается:

- а) матеріальными слѣдами: могила (§ 165), пещера (§ 166);
- б) мѣтами: заря (§ 147), брезгъ (ib.), мракъ (ib.), тьма (ib.), тѣнь (ib.), огонь (§ 148), холодъ (§ 149), морозъ (ib.), солнце (§ 150), луна (ib.), мѣсяцъ (ib.), звѣзда (ib.), сѣверъ (§ 151), югъ (ib.), небо (§ 152), земля (ib.), воздухъ (§ 153), вѣтеръ (ib.), вихрь (ib.), смерчъ (ib.), буря (ib.), паръ (§ 154), мгла (ib.), роса (ib.), облако (ib.), туча (ib.), громъ (§ 155), молнія (ib.), перунъ (ib.), дуга (ib.), дождь (§ 157), снѣгъ (ib.), градъ (ib.), вода (§ 158), море (§ 159), студенецъ (§ 160), рѣка (ib.), болото (§ 161), островъ (§ 163), могила (§ 165), гора (ib.), пещера (§ 166);
- в) древними мѣстными и народными именами: сѣверъ (§ 151), пѣна (§ 158), море (§ 159), озеро (ib.), рѣка (§ 160), виръ (ib.), лужа (§ 161), поле (§ 164), холмъ (§ 165), гора (ib.);
- г) древними историческими свидѣтельствами: миръ (§ 146), перунъ (§ 155), море (§ 159), озеро (ib.), рѣка (§ 160), болото (§ 161), пустыня (§ 164), гора (§ 165).

II. Параллели для словъ древнеславянскихъ:

- а) въ мѣтахъ: кресъ (§ 150), полнолуніе (ib.), новолуніе (ib.), бабы (ib.), возъ (ib.), млечный путь (ib.), денница (ib.), востокъ (§ 151), западъ (ib.), метель (§ 153), вѣялица (ib.);
- б) въ историческихъ свидѣтельствахъ: вруля (§ 160), хребеть (§ 165).

III. Параллели для словъ областныхъ:

- а) въ мѣтахъ: вырей (§ 147);
- б) въ древнихъ и именныхъ названіяхъ: дрегва (§ 161).

4. *Гомонимическія параллели* находятъ примѣненіе къ уясненію исходныхъ значеній словъ: міръ (§ 146), свѣтъ (§§ 146, 147), заря (§ 147), лучъ (ib.), зной (§ 149), холодъ (ib.), студъ (ib.), морозъ (ib.), сѣверъ (§ 151), югъ (ib.), земля (§ 152), дуга (§ 155), ведро (§ 156), студенецъ (§ 160), дно (§ 163), берегъ (ib.), суша (ib.), поле (§ 164), гора (§ 165).

5. Въ языкѣ сохранились *географическія* указанія, что праславянская страна находилась въ умѣренномъ поясѣ (§ 149, 154), съ лѣтними грозами (§ 155), переменными воздушными осадками (§ 157) и преобладаніемъ дней ведренныхъ надъ ненастными (§ 156). Море было извѣстно Праславянамъ, но не очень близко (§§ 159, 163). Страна была покрыта озерами (§ 159), рѣками (§ 160), болотами (§ 161), представляя мѣстами равнины (§ 164), мѣстами же горы (§ 165) и дебри (§ 166).

6. Успѣхи *умственной дѣятельности* видны въ нѣкоторыхъ обширныхъ обобщеніяхъ предметовъ, особ. въ словахъ: міръ и свѣтъ (§ 146). Наблюденія астрономическія отличались большой точностію въ отношеніи къ періодамъ видимаго движенія солнечнаго и луннаго; но небесныя созвѣздія не были изучены, кромѣ развѣ плеядъ, большой медвѣдицы и млечнаго пути (§ 150). Направление меридіональныхъ линій мѣстъ, повидимому, было уже въ общемъ опредѣлено (§ 151).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Царство ископаемыхъ.

§ 168.

Камень, песокъ, прахъ.

Острый, рѣжущій *камень* (§ 39, 1), измолотый изъ него природою *песокъ* (§ 39, 3), сыпучій *прахъ* (§ 40, 1) и его синонимъ *персть* земная (§ 40, 2): все это носить праславянскія названія. Если вѣрно сближеніе слово камень, или камы изъ акмы, съ корнемъ ак, ас въ греч. ἀκή, ἀκμή, ἀκίς, ἀκμων, ἄκρος, лат. acies, asег, и нѣм. Hammer (L. P.), то въ образованіи этого слова хорошо отразился взглядъ народовъ каменнаго періода техники. Это подтверждается арійскими мифами, гдѣ камни играютъ важную роль, какъ твердыя кости матери земли (Аван. I, 149, II, 359), орудія и даже олицетвореніе великановъ стараго времени (Гриммъ Ист. 2, Мнѣ. 319; ср. Шевыр. Ист. рус. слов. I, 246 сл.).

Песокъ, который нѣкоторые роднятъ съ лат. *pisum*, греч. *πίσος* (Аван. II, 758; Нейн 189), является какъ будто окаменѣлыми зернышками хлѣба, что подтверждается и нѣкоторыми мифическими сближеніями (Гриммъ Миф. 617). Изъ послѣдняго видно, что первоначально песокъ обозначалъ преимущественно булыжникъ, валунъ; тогда значеніе слова прахъ должно было захватывать, при общемъ смыслѣ сыпучаго вещества, значительную часть понятія агепя. Изъ гомонимовъ слова персть можно предположить, что оно имѣло особенное приложеніе къ составнымъ частямъ почвы.

§ 169.

Кремень, оселокъ, глина, вапно.

Изъ видовъ камней и земель въ праславянскомъ языкѣ имѣли названія слѣдующіе: *кремень* (§ 41, 1), *оселокъ* (§ 41, 3), *брусъ* (§ 41, 4), *глина* (§ 42, 1), *вапно* (§ 42, 3). Вѣрно ли производство слова кремень отъ кт битъ и его сродство съ кресъ (§ 9, 2, ср. Аван. I, 254), или нѣтъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что искони этотъ камень употреблялся для высѣванія огня и изготовленія разныхъ острыхъ орудій. Это подтверждается и находимыми въ землѣ остатками каменнаго періода (Кл. 1200), и языкомъ мифовъ, гдѣ кремень является символомъ молніи (Аван. II, 15, 667, III, 539). Изъ историческихъ указаній мы можемъ привести названіе хорватскаго города Кремень въ источникахъ XI в. (Шафар. II, 315).

Изъ двухъ праславянскихъ названій точильнаго камня: оселокъ и брусъ первое относится, повидимому, къ его примѣненію, а второе къ искусственной формѣ, въ которую онъ высѣкается.

Глина очень рано нашла примѣненіе къ посудѣ; но усовершенствованіе этого производства относятъ къ бронзовому періоду (Кл. 1203). Древнѣйшее историческое упоминаніе глины находимъ въ племенномъ названіи Глиняне, встрѣчающемся уже въ концѣ 8 или началѣ 9 в. (Шафар. II, 610—611).

Основнымъ значеніемъ слова вапно было, кажется, красильное вещество, изъ чего можно заключать, что побѣлка известью строеній и предметовъ восходитъ у Славянъ къ глубокой древности.

Изъ древнеславянскихъ названій камней и земель приведемъ слѣдующія: *слюда* (§ 41, 2) *мъль* (§ 42, 3), *садра* (§ 42, 4). Корневое значеніе перваго не ясно, но его употребленіе въ трехъ противоположныхъ концахъ славянщины свидѣтельствуетъ о древности образованія, если исключить возможность взаимной передачи или общаго заимствованія, изъ того-же

источника, на что не имѣется указаній. Понятіе и названіе мѣль не могло образоваться выше 57° сѣв. шир., такъ какъ этотъ градусъ считается сѣвернымъ предѣломъ распространения мѣловой формаціи (Кл. 377).

Для гипса имѣется древнее названіе садра; оно, кажется, соотвѣтствуетъ нѣм. *Kalksinter*, изъ котораго могло образоваться черезъ посредство ц. слав. садра; но возможно и то, что формы славянская и нѣмецкая развились изъ третьей основной.

§ 170.

Драгоценные минералы.

Въ этой области мы не находимъ ни одного несомнѣнно праславянскаго слова. Къ древнему періоду восходятъ лишь слова: *бисеръ* (§ 43, 1) и *янтарь* (§ 43, 2). Оба не легко объясняются изъ славянскаго языка и образовались вѣроятно на почвѣ инородной, подобно ихъ синонимамъ: *жемчугъ* (§ 43, 1) и *буритымъ* (§ 43, 2). Отсутствие праславянскаго названія для жемчуга не можетъ насъ удивлять, такъ какъ мѣста его добыванія очень удалены отъ славянской земли, куда онъ могъ проникать лишь торговымъ путемъ, хотя и въ отдаленное уже время, какъ о томъ свидѣтельствуютъ жемчужныя слезы и облака сѣверныхъ миеовъ (Аван. I, 603, II, 530). Но удивительно, что не сохранилось самостоятельнаго праславянскаго названія для янтара, который со временъ Фалеса, греческихъ трагиковъ и Иродота считался чуть ли не специальной статьёй производства и торговли венецкой, т. е. славянской (Шафар. I, 122 сл.). Можно бы думать, что такъ какъ первыми добывателями этой окаменѣлой смолы были поморскіе Литовцы, то ихъ слово (*jentaras, gintaras*) заимствовано было сосѣдними Славянами; потомъ же, по удаленіи многихъ вѣтвей на югъ, забылось у послѣднихъ, почему и не встрѣчается ни въ одномъ изъ югославянскихъ нарѣчій. Но это предположеніе не оправдывается законами славянской фонетики. Если бы литовское *jentaras* было заимствовано Славянами въ праславянское время, то оно звучало бы теперь, безъ сомнѣнія, въ рус. ятарь (изъ *гатарь*), въ чешскомъ *jatar* или *jetar* и т. д. Въ дѣйствительности же русская, чешская и лужицкая формы совпадаютъ, что говоритъ въ пользу недавняго сравнительно заимствованія. Что касается слова алатырь, латырь, то было ли оно искаженіемъ изъ янтарь (Аван. II, 148), или изъ греч. *ἤλεκτρον* (*ib.*), или самостоятельно образовалось изъ корня *agrk, ὄλλ* блистать (*ib.* III, 800—801), во всякомъ случаѣ оцѣ

не можетъ быть признано праславянскимъ по отсутствію для него параллелей въ другихъ нарѣчіяхъ, хотя связанныя съ алатырь-камнемъ (ср. нѣм. Siegestein alectorius у Гримма Мнѣ. 630 сл.) миѣны и позволяютъ догадываться, что въ основѣ его скрывается какой-то глубокой архаизмъ.

Названія *алмаза* (§ 43, 3) и другихъ драгоценныхъ камней не носятъ примѣтъ древняго происхожденія, хотя они и играютъ нѣкоторую роль въ славянскихъ миѣахъ (Афан. I, 214).

§ 171.

С ъ р а, с о л ь.

Для понятія sulphur имѣются два древнихъ названія: *сѣра* (§ 44, 1) и *жупель* (§ 44, 2), изъ коихъ первое восходитъ, быть можетъ, къ праславянскому періоду и названо по цвѣту, второе же заимствовано, вѣроятно, изъ древненѣмецкаго (ср. Шафар. I, 469). Мѣстомъ добыванія сѣры въ праславянское время могла быть нынѣшняя Галичина, Моравія и друг. страны (Кл. 462).

Знакомство съ *солю*, какъ и самое это названіе (§ 44, 3), восходитъ къ дославянскому времени. Она играетъ нѣкоторую роль въ миѣнческихъ представленіяхъ и обрядахъ Арійцевъ (Гриммъ Мнѣ. 588 сл., 604, 608, 634, 649, 661, LXVIII, LXXIV, LXXXVIII сл., XCVIII). Ковст. Багрянородный упоминаетъ въ древней Босніи городъ *Σαλίνας*, соответствующій птоломеевскому Sallis и нынѣшней Тузлѣ (Шафар. II, 278). Извѣстно, что Карпаты окружены, особенно съ сѣверовостока, могучими пластами соли (Кл. 381), которые могли разрабатываться уже въ праславянское время.

§ 172.

М е т а л л ы.

Праславянскими названіями металловъ представляются слѣдующія: *руда* (§ 45, 1), *крушець* (? § 45, 3), *ржа* (§ 45, 4), *золото* (§ 46, 1), *серебро* (§ 46, 2), *мѣдь* (§ 47, 1), *олово* (§ 47, 2), *желтзо* (§ 48, 1). Итакъ—три общихъ названія, два для благородныхъ и три для неблагородныхъ металловъ. Руда и ржа названы, очевидно, по рыжему своему цвѣту; крушець по твердому и ломкому составу; желтое золото и бѣлое серебро, кажется, по блестящему виду; корневое значеніе остальныхъ словъ болѣе затемнилось.

Возможно предполагать, что и родовыя названія металловъ: руда, крушець прилагались первоначально къ опредѣленнымъ ихъ видамъ, но потомъ обобщились (ср. Пикте I, 151). Гриммъ считалъ напр. руду первоначальнымъ названіемъ бронзы (Ист. 9 сл.), но это трудно доказать. Въ этимологическомъ сродствѣ словъ руда и рѣка можно видѣть ихъ сближеніе не только по цвѣту, но, быть можетъ, и по замѣчному внутреннему сродству. Арійскіе мѣны подтверждаютъ знакомство нашихъ предковъ съ розысками руды и ковкою металловъ (Аван. I, 279). Особенно видную роль играютъ въ этихъ мѣнахъ благородные металлы: золото (Манг. см. Gold по Register; Аван. I, 122, 194, 200 сл., 279, 433, II, 285 сл., 363, 530, 536, 684, III, 259) и серебро (Аван. I, 122, 195 сл., 200 сл., 279, 433, II, 285 сл., 375, 530, 684, III, 259); затѣмъ слѣдуютъ мѣдь (Аван. I, 122, II, 285 сл., 530) и желѣзо (Гриммъ Мѣн. 697; Аван. I, 123, III, 591). Мѣнческія преданія о послѣдовательной смѣнѣ вѣковъ золотого, серебряннаго, мѣднаго и желѣзнаго (Гриммъ Ист. 1) не противорѣчатъ показаніямъ раскопокъ, если только подъ мѣдью разумѣть и ея смѣсь съ оловомъ и цинкомъ, т. е. бронзу. Золотыя украшенія предшествовали серебряннымъ, такъ какъ первыя открываются обыкновенно въ пластахъ бронзоваго, а послѣднія—желѣзнаго періода (Кл. 1203). Для рѣшенія вопроса о прародинѣ благородныхъ металловъ не представляется надежныхъ данныхъ. Генъ относитъ ее къ Красному морю, считая Финикіанъ, а потомъ Грековъ и Итальянцевъ первыми распространителями золота въ средней и сѣверной Европѣ; но въ то-же время и Иранъ онъ признаетъ первоисточникомъ германославянскаго слова *gulth*, золото, слѣд. какъ будто самаго предмета (486—487). Представленные въ подтвержденіе этой догадки доводы Гена не убѣдительны. Между тѣмъ мѣсторожденія золота столь многочисленны и въ горахъ, и въ рѣкахъ какъ Европы, такъ и другихъ частей свѣта (Кл. 191, 464 сл.), раскопка и промывка его сравнительно столь легка, а немеркнущій блескъ такъ заманчивъ, что не было надобности въ симитскихъ учителяхъ для начала золотоисканья у Арійцевъ. Во всякомъ случаѣ знакомство съ золотомъ Праславянъ не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя и трудно рѣшить, получали-ль они его въ торговлѣ, или добывали самостоятельно. То-же должно сказать и о серебрѣ, котораго жилы встрѣчаются и въ Карпатахъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ примыкавшихъ къ Праславянніи горахъ (ср. Кл. 469—470).

Къ очень глубокой древности восходитъ обработка мѣди. Не лишено значенія то обстоятельство, что славянское мѣдь, подобно лат. *aes*, имѣетъ въ нарѣчіяхъ два значенія: *cirgum* и *metallum*. Быть можетъ она, а не бронза разумѣлась первоначально и подъ словомъ руда,

такъ какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, напр. Семиградѣ, мѣдныя орудія найдены въ болѣе глубокихъ слояхъ, чѣмъ бронзовыя, распространенныя по Европѣ, какъ догадываются, Бельтами (Кл. 1203).

Что касается олова, то замѣчательно, что въ однихъ нарѣчныхъ подѣ нимъ разумѣется *plumbum*, въ другихъ же *stannum*. Которое значеніе основное? Думаемъ, что первое, такъ какъ *plumbum* является металломъ несравненно болѣе распространеннымъ, чѣмъ *stannum* (ср. Кл. 475, 191) и его названія въ арійскихъ языкахъ древнѣе (Пикте I, 182, 177). Въ мифахъ *plumbum* тоже играетъ нѣкоторую роль (Гриммъ Миф. LXXI, XC), чего не видно въ отношеніи къ *stannum*. Возможно впрочемъ, что древность смѣшивала два металла, довольно сходныхъ по виду; когда же впослѣдствіи почувствовалась необходимость выразить въ языкѣ ихъ различіе, то древнее названіе (олово) у однихъ славянскихъ народностей сохранилось въ примѣненіи къ *plumbum*, у другихъ же (именно русскихъ) перенесено на *stannum*. Это отразилось на значеніи древнеславянскаго *свинецъ* (§ 47, 3): вмѣсто древнерусскаго *stannum* оно стало обозначать въ новорусскомъ *plumbum* (Даль). Замѣчательно, что Иродотъ выводитъ изъ однихъ и тѣхъ-же, повидимому, окраинъ Европы производство нашего олова и янтара: ἐξ ἐσχάτης δ' ὠν ὁ τε χαρσίτερος ἤμιν φασὶ καὶ τὸ φλέκτρον (III, 115; ср. Шафар. II, 673). Быть можетъ центромъ этого производства были чешско-саксонскія горы, гдѣ и донныѣ добывается много олова (Кл. 191).

Желѣзо, хотя считается металломъ сравнительно новаго открытія, было однако уже извѣстно не только Праславянамъ, но, по выводамъ Пикте, и Праарійцамъ (I, 170, 186). Если же мы у Тацита находимъ свѣдѣнія о Финнахъ: *Fennis sola in sagittis spes, quas inopia ferri osibus asperant* (Шафар. II, 678), то здѣсь подѣ *inopia* слѣдуетъ разумѣть не отсутствіе, а лишь скудость или дороговизну этого матеріала. Другое дѣло съ обработкой его. Такъ какъ Подкарпатье очень бѣдно желѣзной рудой и очищеніе ея требуетъ довольно сложныхъ операций, то можно сомнѣваться въ туземномъ происхожденіи славянскаго желѣза. Оно могло быть у нихъ статьей внѣшней торговли, въ которой долгое время царственное мѣсто занималъ желѣзный Римъ (Кл. 1203).

Изъ древнеславянскихъ названій металловъ приведемъ еще: *ртуть* (§ 46, 3), *свѣтъ* (§ 48, 2) и *оливо* (§ 48, 3). Хотя знакомство Арійцевъ со ртутью относятъ къ глубокой древности (Пикте I, 184), однако для этого жидкаго металла, змѣйнаго молока мифовъ (Аеван. II, 562), не существуетъ кореннаго праславянскаго названія. Распространенное у русскихъ и у сѣверозападныхъ Славянъ названіе *ртуть* едва-ли не

есть искаженіе латинскаго *argentum*, что не противорѣчитъ и географическому распредѣленію этого металла главнѣйше въ югозападной Европѣ (Кл. 471).

Изъ названій стали одно заимствовано, повидимому, изъ латинскаго чрезъ посредство нѣмецкаго языка (оцѣль—*asuale*); другое же (огниво) могло быть составлено уже впоследствии, по примѣненіи стали къ высѣчкѣ огня изъ кремня. Изъ этого можно заключить, что, хотя въ миѳологіи представляются нѣкоторыя параллели для употребленія стали (Гриммъ Мнѳ. 635, 697; Аван. III, 539), ея производство не было извѣстно Праславянамъ (ср. Пьетте I, 170).

173.

*Выводы изъ восьмой главы.*I. Параллели для *праславянскихъ* словъ:

- а) въ матеріальныхъ остаткахъ: камень (§ 168), кремень (§ 169), глина (ib.), золото (§ 172), серебро (ib.), мѣдь (ib.), желѣзо (ib.);
- б) въ миѳахъ: камень (§ 168), песокъ (ib.), кремень (§ 169), соль (§ 171), золото (§ 172), серебро (ib.), мѣдь (ib.), желѣзо (ib.), олово (ib.);
- в) въ мѣстныхъ и племенныхъ названіяхъ: кремень (§ 169), глина (ib.), соль (§ 171);
- г) въ историческихъ свидѣтельствахъ: олово *stannum* (? § 172).

II. Параллели для *древнеславянскихъ* словъ:

- а) въ матеріальныхъ остаткахъ: янтарь (§ 170);
- б) въ миѳахъ: бисеръ (§ 170), янтарь (? ib.), свинець *plumbum* (? § 172), ртуть (ib.), оцѣль, огниво (ib.);
- в) въ историческихъ свидѣтельствахъ: янтарь (? § 170).

III. Параллели для *областныхъ* словъ:

- а) въ миѳахъ: алатырь (§ 170), алмазь (ib.).

IV. *Гомонимическія* параллели приложимы къ объясненію словъ:

- персть (§ 168), вапно (§ 169), руда (§ 172), мѣдь (ib.), олово (ib.), свинець (ib.).

V. *Историческія* заключенія:

- а) анализъ камней и земель въ праславянское время былъ очень ограниченъ (§§ 168, 169);
- б) въ языкѣ сохранились неясныя слѣды каменнаго періода славянской техники (§§ 168, 169),

- в) известь употреблялась уже у Праславянъ, какъ красильное вещество (§ 169);
- г) драгоценные минералы были доступны древнимъ Славянамъ лишь изъ вторыхъ рукъ, не исключая, быть можетъ, и янтара (§ 170);
- д) сѣра и соль были извѣстны Праславянамъ и могли разрабатываться въ Подкарпатьѣ (§ 171);
- е) золото и серебро, мѣдь, олово и желѣзо были знакомы Праславянамъ, но трудно рѣшить, черпались ли ихъ свѣдѣнiя изъ собственныхъ рудниковъ, или изъ торговыхъ сношенiй. Последнее особенно вѣроятно въ отношенiи къ желѣзу (§ 172).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ц а р с т в о р а с т е н i й.

§ 174.

Быліе, хворостъ, дерево.

Въ праславянскомъ не было слова, которое обнимало бы всѣ виды растительнаго царства. Самыми высшими обобщенiями являются: *быліе herba* (§ 50, 1), и *дерево arbor* (§ 67, 1). Связующимъ звеномъ служило, быть можетъ, праславянское *хворостъ virgultum* (§ 66, 4). Слово быліе могло употребляться и въ смыслѣ *planta*, *фитѣнъ*, но все таки въ приложенiи къ травамъ, а не деревьямъ, слѣд. лишь условно можно принять его за синонимъ приведенныхъ классическихъ словъ. Это замѣчанiе относится и къ другому праславянскому слову *зелье* (§ 50, 3). Третiй праславянскiй терминъ *трава* (§ 50, 4) совершенно устойчивъ въ своемъ значенiи *gramen*, *herba*. Что касается отличiй корневаго значенiя трехъ приведенныхъ словъ, то зелье очевидно основывается на впечатлѣнiяхъ зеленого цвѣта, а трава на употребленiи въ пищу. Слово же быліе чуть ли не въ сродствѣ съ глаголомъ быти, какъ греческое *φυτόν*; въ такомъ случаѣ по значенiю оно нѣсколько аналогично древнеславянскому *растение* (§ 50, 2). Къ слову трава приближается по образованiю и значенiю праславянское же *отава* (§ 50, 5), повторяющееся въ древнемъ названiи чешской рѣки Отава (Шафар. II, 466).

Не столь обширна родня праславянскаго хворостъ. Оно имѣетъ правда три синонима: *кустъ* (§ 66, 1), *гръмъ* (§ 66, 2), *керъ*, *корчъ*

(§ 66, 3), изъ коихъ два первые господствуютъ въ юговосточныхъ, а третій въ сѣверозападныхъ нарѣчьяхъ; но ни одинъ изъ нихъ не восходитъ несомнѣнно къ періоду праславянскому, хотя относительная древность этихъ словъ неоспорима, особенно же послѣдняго, въ его двойной формѣ: кърь, кръчь. Матеріальное значеніе разсматриваемыхъ словъ затемнилось, но можно догадываться, что хворость обозначалъ шелестящія, шумящія формы растений, кустъ названъ по густотѣ своего роста, а керь по сходству съ корнями растений. Слово грѣмъ Гриммъ сближалъ съ громъ, считая его, наряду съ дубомъ, священнымъ растеніемъ бога-громовника (Мю. 126), но это сближеніе довольно сомнительно.

Третью растительную форму составляютъ *деревья*, слово восходящее къ праславянскому періоду. Въ немъ соединены значенія лат. *arbor* и *lignum*, нѣм. *Baum* и *Holz*. Основнымъ конечно было первое, а не второе значеніе, такъ какъ первобытные люди представляли себѣ дерево не только живымъ, но и одушевленнымъ существомъ (Гриммъ Мю. 371; Маяг. во мн. мѣстахъ, см. Register). Древнѣйшее историческое упоминаніе слова дерево скрывается въ племенномъ названіи Древланъ русскихъ и полабскихъ (Шафар. II, 131 сл., 613 сл.).

§ 175.

Лугъ, гуща, лѣсъ.

Аналогично тройственности растительныхъ формъ и мѣста ихъ распространенія получили уже въ праславянскомъ три отдѣльныхъ названія, съ частными отгненіями: *лугъ* (§ 28, 1), *гуща* (§ 65, 2), *лѣсъ* (§ 65, 9). Изъ связи перваго съ лужа (§ 28, 1) видно, что влажное, низменное мѣсторасположеніе лежитъ въ основѣ наименованія лугъ. Гуща вполне соответствуетъ нѣмецкому *Dickicht* и древнеславянскому *чаща* (§ 65, 1). Другимъ древнеславянскимъ синонимомъ служитъ юговосточное *драчѣ* (§ 65, 3), для обозначенія колючихъ кустарниковъ, подобно латинскому *verges*. На переходѣ отъ чащи къ лѣсу стоятъ праславянскія слова: *гай* (§ 65, 4), *дубрава* (§ 65, 5). Корневое значеніе перваго не ясно; второе же означало мѣсто, поросшее дубомъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. деревьями, можетъ быть чернолѣсьемъ. Красный лѣсъ назывался въ праславянскомъ *боромъ* (§ 65, 6); самымъ же общимъ названіемъ для *silva* было *лѣсъ* (§ 65, 9), слово праславянское, съ неяснымъ корневымъ значеніемъ. Его древность подтверждается древнесербскимъ топографическимъ названіемъ *Леснухъ* Лѣсникъ (Шафар. II, 278).

Древнеславянскими синонимами лѣса являются: *воздь* (§ 65, 7) и *шума* (§ 65, 8), господствующіе въ нарѣчіяхъ югозападныхъ и чешскомъ. Корневое значеніе перваго не ясно; второе же означаетъ шумящее.

Въ западныхъ и южныхъ нарѣчіяхъ распространено особое названіе для просѣкъ или вытербленнаго лѣса: *мазъ* (§ 65, 10). Его корень не ясенъ.

Изъ обилія праславянскихъ и древнеславянскихъ названій для разныхъ видовъ лѣса видно, что первобытная славянская территория представляла страну лѣсистую. Это подтверждается какъ значительною ролью лѣсовъ въ славянскихъ мифахъ (Афан. II, 320 сл.; ср. лѣшіе ib. по указат., Гриммъ Миф. 41, 371 сл.), такъ и прямыми свидѣтельствами историческихъ источниковъ. Продотъ сообщаетъ, что Βουδίνου... γῆν νερόμενα πᾶσαν δασέα ὕλη παντοίη (IV, 21; Шафар. II, 673) и что ἡ δὲ χώρα σφέων πᾶσα ἐστὶ δασέα ἕρησι παντοίησι (IV, 109; ср. Шафар. II, 674). Тацитъ тоже представлялъ себѣ Венедовъ блуждающими по лѣсамъ и горамъ, раскинутымъ между Певцинами и Финнами (ib. 677). По Иорнанду Sclavini... paludes silvasque pro civitatibus habent (ib. 689); императоръ же Маврикій называетъ ихъ ἐν ὕλαις οὐκοῦντα (ib. 694).

По этимъ даннымъ можно утверждать, что прародиной Славянъ не были ни безлѣсныя степи южной Россіи или средней Азіи, ни безлѣсныя же тундры и болота сѣвера, такъ какъ за 70—71° с. шир. въ Европѣ и за 68° въ Сибири деревья уже не растутъ, слѣд. лѣсовъ нѣтъ, а лишь приземистый кустарникъ (Кл. 957; ср. 1041).

§ 176.

Корень, стебель, стержень.

Для подземной части растеній существуетъ праславянское слово *корень* (§ 51, 2), заключающее въ своемъ составѣ указаніе на замѣченное сходство его съ корой. Основнымъ же значеніемъ праславянскаго *стебель* (§ 51, 3) было—подпорка, fulcimen. При столь общемъ значеніи слово это могло прилагаться къ рослинѣ какъ травянистыхъ, такъ и деревянистыхъ растеній. Впослѣдствіи обнаружилось однако стремленіе выдѣлить послѣднія отъ первыхъ, при чемъ большая часть нарѣчій удержали, кажется, праславянское слово, видоизмѣнивъ его въ *стабаръ* (§ 51, 3) на югѣ и *стволъ* (§ 68, 1) на востокѣ.

Надрѣзанный и распростертый по землѣ травянистый стебель, столь обычный при жатвѣ, назывался въ праславянщинѣ *стержню* (§ 51, 4); для срединной же мякоти въ деревѣ, этого мозга растеній,

существуетъ праславянское названіе *стержень* (§ 68, 2). Сердцевина пустая искони зовется *дупломъ* (§ 68, 3), т. е. древесною пещерою (§ 37, 7), а въ нарѣчіяхъ восточныхъ и западныхъ *бортью* (§ 68, 4), пріютомъ пчель.

§ 177.

Лѣтѣрасль, щепъ.

Праславянское слово *лѣтѣрасль* (? § 67, 2) служило, судя по составу, для обозначенія годовыхъ побѣговъ дерева или молодыхъ отпрысковъ его. Побѣги боковые уже въ древнее время выдѣлены въ названіи *отрасль* (§ 67, 3).

Для обозначенія черенковъ, прививаемыхъ къ дичку, не находимъ праславянскаго названія. Изъ древнеславянскаго же *щепъ, щепъ* (§ 67, 5) видно, что прививка распространилась потомъ въ видѣ разщепки деревьевъ. Это согласно съ предположеніемъ Гена (376), что искусство прививки деревьевъ перешло къ народамъ средней Европы съ юга, изъ Греціи и Италіи, въ историческое уже время. Любопытно, что ульфилино слово для прививки: *intrinsicgan, intrusgjan* *ἐγκεντρῖζεν*, заимствовано, по мнѣнію Гена (377), со славянскаго трѣска (§ 74, 5). Если это вѣрно, то служило бы доказательствомъ, что культура деревьевъ распространилась у Славянъ раньше, чѣмъ у народовъ германскихъ, по крайней мѣрѣ въ некоторыхъ вѣтвей ихъ.

§ 178.

Вѣтвь, сукъ, розга.

Сюда относятся праславянскія слова: *вѣтвь* (§ 70, 1), *кита* (? § 70, 3), *сукъ* (§ 70, 5), *шишка* (? § 70, 6), *роза* (§ 71, 1), *лоза* (? § 71, 2), *пруть* (§ 71, 5).

Корневымъ значеніемъ слова вѣтвь было, кажется, вьющаяся, гибкая часть растенія; кита же указывало, вѣроятно, на кисте-образную ея форму. Древнеславянскими ихъ синонимами были: западное *галузъ* (§ 70, 2) и южное *грана* (§ 70, 4), изъ коихъ послѣднее могло указывать на зеленый цвѣтъ вѣтвей.

Сукъ соединяло въ своемъ значеніи понятія: *surgulus* и *podus*, приближаясь послѣднимъ къ шишка. Имѣлась ли при образованіи этихъ словъ въ виду аналогія съ шака кисть руки (§ 120, 10), какъ въ сан. *ṣākḥā* рука, вѣтвь (Аван. II, 491) и шишъ кукишъ (Даль), не беремся рѣшать.

Розга обозначало, кажется, сувъ употребляемый для ударовъ, какъ лат. *ferula* и югославянское *шиба* (§ 71, 3); лоза же примѣнялось болѣе къ живымъ прутьямъ, гибкимъ и вьющимся.

Къ понятію хлещущей розги приближалось, повидимому, и православянское пруть; а къ значенію вьющейся лозы древнеславянское *вица* (§ 71, 4).

§ 179.

Тычина, колъ, соха.

Для разныхъ формъ шестовъ и кольевъ находимъ слѣдующія древнѣйшія названія: *тычина* (§ 72, 1), *жердь* (§ 72, 2), *друкъ* (§ 72, 3), *колъ* (§ 72, 4), *соха, разоха* (§ 72, 5), *вилы* (§ 72, 6). Тычина означала первоначально шесть, воткнутый въ землю; жердь названа, быть можетъ, по употребленію въ изгородахъ; колъ по заостренному виду; соха, разоха по разщепленной, вилы же по изогнутой, извилистой формѣ. Корневое же значеніе слова друкъ не ясно. Быть можетъ форма дрѣкъ, дрѣгъ есть перестановка изъ грѣдь, грѣдь, грѣда (§ 73, 4)?

§ 180.

Пень, бревно, полѣно, щепя.

Сюда относятся праславянскія слова: *пень* (§ 73, 1), *колода* (§ 73, 2), *бревно* (§ 73, 3), *гряда* (§ 73, 4), *балванъ* (? § 73, 5), *полѣно* (§ 74, 1), *лучина* (§ 74, 3), *щепя* (? § 74, 4), *треска* (§ 74, 5). Первые три слова очень близки по значенію. Судя по гомонимамъ, пень означалъ нижнюю, корневую часть живаго дерева; колода же (отъ класть?) и бревно—лежащій его отрубекъ.

Гряда сблизается по звукамъ и значенію съ жердь; но ихъ корневое сродство доказать трудно.

Слово балванъ заимствовано, хотя и въ очень отдаленное время, изъ иностранныхъ языковъ, хотя и трудно точно указать источникъ этого заимствованія.

Полѣно и лучина названы по ихъ употребленію на тонку (палити) и освѣщеніе (лучь); щепя означала осколки расщепленнаго дерева, а треска какъ будто сродни слову трескъ *fragor*, на что указываетъ и второе значеніе его *saegmentum*. Примыкающія сюда древнеславянскія формы: *костеръ* (§ 74, 2) и *иверень* (§ 74, 6) не ясны этимологически.

§ 181.

Волокно, мездра, лубъ, кора.

Для наружной оболочки растений существуетъ пять праславянскихъ, повидимому, названій: *волокно* (? § 52, 1), *мездра* (? § 69, 1), *лубъ* (§ 69, 3), *лыко* (§ 69, 4), *кора* (§ 69, 5). Волокно названо такъ по своей тягучести; мездра, быть можетъ, по влажности подкожной плевы растений; лубъ чуть ли не содержалъ указанія на способъ его производства облупливаніемъ; кора отличалась, кажется, отъ предыдущихъ названій указаніемъ на твердость или жесткость состава, вслѣдствіе чего слово это рано получило приложеніе къ твердой оболочкѣ нѣкоторыхъ частей животныхъ въ видѣ скорлупы (§ 69, 5), а быть можетъ и кожи (ib.).

Къ этому же кругу представленій относятся древнеславянскія слова: *костерь* (§ 52, 2) и *болона* (§ 69, 2), изъ коихъ первое заключаетъ въ себѣ указаніе на жесткость состава (ср. § 58, 24), а второе, быть можетъ, на его мягкость или влажность, какъ мездра. Аналогично переходу растительнаго кора къ животному кожа, скорлупа, и слово болона, блана имѣетъ свою параллель въ древнеславянскомъ *пльва* (§ 69, 2). Впрочемъ этимологическое сродство этихъ словъ есть не болѣе, какъ предположеніе, на которомъ нельзя настаивать.

Изъ обилія названій разныхъ видовъ волоконъ, подкорья и коры растений, особенно древесныхъ, можно заключать объ ихъ примѣненіи къ потребностямъ жизни уже въ праславянское время.

§ 182.

Листъ, струкъ, колось.

Праславянское названіе для *folium* *листъ* (§ 53, 1). Его корневое значеніе не ясно. Параллельно съ нимъ уже въ древнее время образовались: *лепень* (§ 53, 2), *натъ* (§ 53, 3) и *ботва* (§ 53, 4). Первое обозначало, кажется, встарь тонкіе лепестки цвѣтковь и отсюда листки вообще; второе же и третье прилагались главнѣйше къ обозначенію листьевъ и травянистыхъ стеблей съѣдомыхъ растений.

Для сѣмянника нѣкоторыхъ растений существуетъ древнее названіе *струкъ* (§ 54, 1): его можно бы признать за праславянское, имѣи оно болѣе единства значеній по нарѣчіямъ и не будь подозрѣнія, что оно заимствовано съ нѣм. *Strunk*. Послѣднее ослабляется впрочемъ пра-

вильностию перезвуковъ въ нарѣчіяхъ предполагаемой основной формы стрѣкъ. Во всякомъ случаѣ корневое значеніе этого слова не ясно; можно предполагать, что въ немъ заключается понятіе твердаго, жесткаго, какъ въ кора, кожа (§ 181).

Твердоватая кожица на плодахъ, сѣменахъ и пр. называлась въ праславянскомъ *луска* или *луска*, *луцина* (§ 54, 2); въ немъ заключается, повидимому, представленіе ломкаго или обгрызаемаго, лущенаго. Древнеславянское же *лупина* (§ 54, 4) соотвѣтствуетъ лубу (§ 181) деревьевъ, т. е. означаетъ облупливаемую часть растенія.

Праславянское *колосъ* (§ 55, 1) чуть ли не основано на представленіи колючаго или прорѣзывающагося, какъ лат. *spica*, или ц. слав. осилию (§ 55, 2). Югославянское же *влатъ* (§ 55, 2) вѣроятно въ корневой связи съ *власъ* или *влакно* (§ 181). Подобная метафора отражается и на праславянскомъ *ряса* (§ 55, 3), означающемъ и сѣменные сережки деревьевъ, и ресницы на глазахъ, и бахрому на тканяхъ. Корневое значеніе слова *ряса* затемнилось.

Для колючекъ на растеніяхъ есть три праславянскихъ названія: *ось* (§ 55, 4), *шипъ* (? § 55, 5) и *бодеть* (? § 55, 6). Значеніе перваго и послѣдняго ясно при сравненіи съ *ось*, острый и бодать; слово же *шипъ* не ясно этимологически, но такъ какъ въ значеніи его соединяется и родовое понятіе колючка, и видовое роза (§ 78, 6), и переносное стрѣла, то надобно полагать, что и здѣсь въ основу легло представленіе остраго, колючаго.

§ 183.

Цвѣтъ, зерно, плодъ.

Праславянское *цвѣтъ* (§ 56, 1) соединяло въ себѣ издревле два значенія: *flos*, *color*. Ихъ взаимная связь очевидна; первенство же опредѣлить трудно, вслѣдствіе спорности этимологіи этого слова. Вѣроятнѣе однако предположеніе, что въ образованіи его отразились впечатлѣнія свѣтловыя, яркость красокъ, бѣлизна лепестковъ и т. п. Другое близкое по значенію праславянское слово *пупокъ* (§ 56, 2), какъ и сродное съ нимъ *пупъ umbilicus* (§ 127, 1), указываетъ, кажется, на вздутую форму цвѣточныхъ головокъ, подобно русскому *пуколка* (Даль), пол. *расzek* (§ 56, 3) отъ *пѣкатица*, *пѣквѣти гупри* (L. P.). Корневое значеніе древнеславянскихъ *броска* (§ 56, 4) и *перя* (§ 56, 5) не ясно: быть можетъ первое въ родствѣ съ *брошь*, *брускъ* (§ 58, 3), заключающимъ указаніе на яркій цвѣточный сокъ; второе же какъ будто указываетъ на перхоть или сухую пыль.

Для зародышевыхъ частей растений встрѣчаемъ три праславянскихъ названія: *сымя* (§ 51, 1), *зерно* (§ 57, 1), *ядро* (§ 57, 2). Первое прилагается и къ зародышамъ животныхъ, но лишь метафорически, такъ какъ его корень указываетъ на сѣянье, т. е. родъ земледѣльческой работы (ср. впрочемъ Аѳан. II, 489 сл.). Тотъ-же, повидимому, переходъ совершился и въ словѣ ядро nucleus (§ 57, 2), testiculus (§ 128, 1), въ смыслѣ внутренняго или вздутаго.

Корневое значеніе слова зерно не ясно: оно могло указывать либо на зрѣлый видъ сѣмени, либо на предназначеніе въ пищу въ измолѣ (ср. Аѳан. II, 758).

Для обозначенія растительныхъ плодовъ сохранились три праславянскихъ названія: *ягода* (§ 57, 3), *плодъ* (§ 57, 4) и *овощъ* (§ 57, 5). Первое указываетъ, быть можетъ, на мякотный характеръ плода, второе же на полноту или питательность сѣдимаго сѣмянника. Что касается слова овощъ, то оно образовалось чуть ли не на германской почвѣ.

§ 184.

Головня, уголь, пепель.

Для обозначенія пережженныхъ остатковъ растений находимъ три праславянскихъ названія: *головня* (§ 75, 1), *уголь* (§ 75, 2), *пепель* (§ 75, 4). Первое обозначало, вѣроятно, горящее, пылающее, второе—тлѣющіе или потухшіе остатки горючаго; третье же—последнюю его изгарь. Къ древнему періоду восходятъ также слова: *жаръ* (§ 75, 3), содержащее указаніе на свѣтотыя и теплотыя впечатлѣнія, затѣмъ *зола* (§ 75, 5), выражающее будто послѣдній отблескъ тлѣющаго огня, какъ заря по солнечномъ закатѣ, и наконецъ *лузь* (§ 75, 6)—влажный отваръ золы (ср. § 28, 1).

Почти всѣ эти слова: головня (ср. Аѳан. II, 329), уголь (Гриммъ Мнѳ. 634; Манг. см. Kohle въ Reg.; Аѳан. II, 194), пепель (Гриммъ Мнѳ. 676; Манг. см. Asche въ Reg.; Аѳан. II, 18, 32, 483, 485, III, 642), зола (Аѳан. II, 194, III, 100), играютъ роль въ арійскихъ мифахъ, вслѣдствіе своего отношенія къ огню и очагу земному, слѣд. и небесному.

§ 185.

Смола, деготь, клей.

Древесный сокъ имѣлъ въ праславянскомъ четыре названія: *смола* (§ 77, 1), *пеклю* (§ 77, 2), *деготь* (§ 77, 3) и *клей* (§ 77, 4). Слово смола

заключало въ себѣ указаніе на жидкій видъ древесныхъ выдѣленій. Древность этого слова доказывается какъ его присутствіемъ въ мѣоахъ (Аѳан. I, 788, II, 590, III, 20), такъ и племеннымъ названіемъ Смолянъ въ древней Руси, Македоніи и Полабьѣ (Шафар. II, 118, 237, 610). Пеклю указываетъ на пекущія, горючія свойства смолы, что видно и изъ мѣическихъ примѣненій его къ понятію ада (Гриммъ Мѣо. 464; Аѳан. III, 20). Деготь содержитъ, быть можетъ, указаніе на способъ добыванія этого пригорѣлаго древеснаго масла. Въ мѣоахъ онъ является символомъ облачныхъ водъ (Аѳан. I, 788 сл., III, 715). Клей наконецъ обозначалъ липкія овойства древеснаго сока.

§ 186.

Сажа, дымъ, чадъ.

Летучее вещество, отдѣляющееся при горѣніи тѣлъ какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, имѣло въ праславянскомъ три названія: *сажа* (§ 76, 1), *дымъ* (§ 76, 3), *чадъ* (§ 76, 4). Первое можно сближать и съ садити, осадокъ, и съ кадити, чадити; въ послѣднемъ случаѣ сажа и чадъ образованы по аналогичному впечатлѣнію запаха гари. Дымъ же чуть ли не обозначалъ воздушнаго, раздуваемаго вѣтромъ вещества.

Корневое значеніе древнеславянскихъ словъ *копотъ* (§ 76, 2) и *смудъ* (§ 76, 5) не ясно; но изъ заключенныхъ въ нихъ гомонимій видно, что первое относилось къ дыму, какъ веществу темному на видъ, а второе отправлялось отъ удушливаго запаха гари.

§ 187.

Виды дикорастущихъ травъ.

Въ § 58-омъ представленъ алфавитный списокъ болѣе 70 названий дикорастущихъ травъ, изъ коихъ одна половина отнесена нами къ праславянскому, другая же къ древнеславянскому періоду, за изъятіемъ нѣсколькихъ областныхъ. Теперь мы предложимъ рядъ отрывочныхъ замѣчаній о тѣхъ изъ упомянутыхъ словъ, на основаніи которыхъ можно сдѣлать какія нибудь географическія и этнографическія заключенія, слѣдуя при этомъ принятому въ § 58-омъ порядку и счету словъ.

1. *Бедренецъ*. Слово это какъ будто сродни нѣмецкому *Vibernelle*, *Pimpernelle* и латинскому *pimpinella*. Въ германскихъ мѣоахъ *Vibernelle* играетъ нѣкоторую роль (Манг. 81, 97). Отдѣльные виды *pimri-*

pellae растутъ въ средней Европѣ то въ дикомъ видѣ, то въ огородахъ (Кл. 1056, 1097). *Pimpinella anisum* и *p. saxifraga* употребляются въ медицинѣ (Шрофъ Фармакологія 558).

2. *Бобовникъ*. Славянское названіе аналогично нѣмецкому *Wasserbohne*. Что *menyanthes* очень древнее растеніе средней Европы, показываютъ его остатки въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Экстрактъ растеній *menyanthes trifoliata* и *veronica beccabunga* извѣстенъ въ медицинѣ (Шрофъ 142, 468).

3. *Брускъ*. Въ славянскомъ названіи выражается, быть можетъ, окрашивающій сокъ этого растенія, котораго родиной считаютъ востокъ; но и въ Европѣ онъ существовалъ въ очень древнія времена, какъ видно изъ находимыхъ его окаменѣлостей (Григорьевъ Ботаника 527). Культура бруска для техническихъ цѣлей восходитъ ко временамъ римскимъ и гальскимъ (Кл. 1092). Корень *rubiae tinctoriae* употребляется для лѣкарственныхъ цѣлей (Шрофъ 175).

4. *Буковица*. Названіе аналогично нѣмецкому *Bucheichel*. Въ германскихъ мѣахъ *Betonie* считается волшебнымъ зельемъ (Гриммъ Мнѣ. 632).

5. *Бьялена*. Растеніе это распространено по всей Европѣ, на мусорныхъ мѣстахъ (Кл. 1095); оно часто встрѣчается въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ (Гриммъ Мнѣ. 334, 632, XL; Аван. I, 177, II, 421). Экстрактъ изъ *hyoscyamus niger* извѣстенъ въ медицинѣ наркотическими свойствами (Шрофъ 709 сл.).

6. *Верба-трава*. Встрѣчается какъ въ тропическомъ, такъ и умѣренномъ поясахъ обоихъ полушарій. Его рус. синонимъ плакунъ-трава играетъ нѣкоторую роль въ мѣахъ (Аван. II, 413 сл., III, 497).

9. *Глистникъ*. Слово, очевидно, образованное изъ праславянскаго глиста (§ 85, 5), что указываетъ на древнее медицинское примѣненіе, согласное съ нынѣшнимъ употребленіемъ экстрактовъ изъ *artemisia absinthium* и *tanacetum vulgare* противъ глистовъ (Шрофъ 156, 510).

10. *Горечавка*. По образованію это слово аналогично нѣмецкому *Bitterwurz*, что согласно съ горькимъ вкусомъ генціанина, употребляющагося и въ медицинѣ (Шрофъ 139 сл.). *Gentiana* считается характернымъ растеніемъ сѣвернаго умѣреннаго пояса, хотя встрѣчается и въ жаркомъ на высочайшихъ горахъ (Кл. 951).

11. *Девесиль*. Названіе указываетъ на лѣкарственную силу растенія, играющаго роль въ народной медицинѣ и мнѣологіи (Гриммъ Мнѣ. CLXII; Манг. 97; Аван. III, 629). *Inula helenium* извѣстна и въ научной фармакологіи (Шрофъ 563).

12. *Диванка*. Распространена по всей землѣ, особенно же въ умѣренномъ поясѣ; употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 106).

13. *Дурманъ*. Въ названіи заключается, повидимому, указаніе на одуряющее дѣйствіе этого зелья. Дѣйствительно, какъ *datura stramonium*, такъ и *sicuta virosa* извѣстны въ медицинѣ, какъ сильныя наркотическія средства (Шрофъ 706, 737). Родину *daturae stramonii* полагаютъ въ Азій, по близости Каспійскаго моря; отсюда распространилась она по Татаріи, Сибири, Кавказу, южной Россіи и остальной Европѣ, гдѣ ея, кажется, не было еще во времена римской имперіи (Кл. 1095).

14. *Душица*. Въ этомъ названіи, а еще болѣе въ его синонимахъ: маткина-душка, бабина-душица, скрывается какое-то мнѣическое представленіе. Въ нѣмецкихъ мѣоахъ *origanum* (Dost) является волшебнымъ зельемъ (Гриммъ Мнѣ. 632, CLIII). *Origanum majorana*, *origanum dictamnus* и *thymus serpyllum* употребляются въ медицинѣ (Шрофъ 567 сл.).

15. *Дятлина*. *Trifolium pratense* распространенъ по средней Азій и всей Европѣ; его культура, какъ кормовой травы, въ Европѣ не очень древня, въ Германіи напр. съ XVI в. (Кл. 1088). *Vierblätziger Klee* и *Gartenklee* упоминаются въ германскихъ мѣоахъ (Гриммъ Мнѣ. 633, 661, LXXII, CLXII).

16. *Звонецъ*. Распространенъ въ умѣренной Европѣ и Азій. *Glockenblume* встрѣчается въ германскихъ мѣоахъ (Манг. 426).

19. *Ковыль*. Характеристичная сорная трава степныхъ мѣстностей (Григорьевъ 317).

22. *Крапива*. Названіе означаетъ, кажется, растеніе жгучее, какъ лат. *urtica* и древнеслав. жегала (§ 58, 22). Крапива играетъ роль въ мѣоахъ (Гриммъ Мнѣ. LXXX; Манг. см. Nessel по Register; Аван. II, 500, 507, III, 486, 497, 720). Въ древней Хорватіи была р. Крапива (Шафар. II, 314). Крапива распространена по всему свѣту, кромѣ нѣкоторыхъ острововъ и равнинъ жаркаго пояса (Кл. 964). Встарь его волокно употребляли на ткани, веревки, сѣти и пр., чѣмъ объясняютъ и сходство нѣмецкихъ словъ *Nessel* и *Netz* (Генъ 511). Впослѣдствіи культура льну и конопли вытѣснила изъ употребленія крапивныя волокна (Пикте I, 322).

23. *Копытникъ*. Обычное въ средней Европѣ по тѣнистымъ мѣстамъ растеніе (Кл. 936). Экстрактъ изъ *asagum eugoraea* употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 482).

24. *Костерь*. Слово это уже рассмотрѣно выше въ значеніи *fibra dura plantarum* (§ 52, 2, § 181). *Bromus secalinus* очень обычная въ средней Европѣ сорная трава въ ржаныхъ посѣвахъ (Григор. 316). *Festuca quadridentata* ядовита и употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 48).

25. *Куколь*. *Agrostemma githago* сорная трава въ поляхъ и посѣвахъ, съ ядовитыми сѣменами (Григор. 162). *Nigella sativa* имѣеть лѣкарственныя свойства (Шрофъ 581). По русскому повѣрью чертъ выкурить изъ кокуля первую водку (Аѳан. II, 380).

26. *Кукушка*. Названіе показываетъ, что съ этимъ растеніемъ соединяются мнѳологическія представленія: это подтверждается и на дѣлѣ мнѳами германскими и славянскими (Гриммъ Мнѳ. 141, 632, CLXI; Аѳан. III, 227, 294 сл.). Разные виды *orchidearum* распространены по всему свѣту въ лѣсахъ, по сырымъ лугамъ и т. п. (Григор. 291). Въ Европѣ насчитываютъ до 160 видовъ орхидныхъ растеній (Кл. 1010).

27. *Лебеда*. Разные виды лебеды распространены то какъ сорныя травы, то какъ овощъ (Григор. 269); они характерны для сѣвернаго умѣреннаго пояса, особенно Азіи (Кл. 951). *Atriplex* является въ германскихъ мнѳахъ (Гриммъ Мнѳ. 141).

27/2. *Лилія*. Растеніе это нерѣдко упоминается въ германскихъ и славянскихъ мнѳахъ (Гриммъ Мнѳ. 477; Манг. 39; Аѳан. II, 500). Родиной лиліи считаютъ Иранъ; изъ Мидіи она проникла въ Грецію и другія европейскія страны (Генъ 214, 516).

30. *Маточникъ*. Образованіе слова аналогично нѣмецкому *Mutterkraut*. Экстрактъ *melissae officinalis*, заключающей сахаристый сокъ (Григор. 244), употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 570).

31. *Медуница*. Растеніе обычное въ сырыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ тепло-умѣреннаго пояса (Григор. 237). Листы *pulmonariae* употребляются въ народной медицинѣ (Шрофъ 177).

32. *Модрица*. Въ названіи обозначенъ цвѣтъ этого обычнаго между посѣвами растенія (Григор. 257). Въ германскихъ мнѳахъ *Kornblume* играетъ нѣкоторую роль (Гриммъ Мнѳ. LXXIII).

33. *Молочай*. Слово образовано аналогично нѣмецкому *Wolfsmilch*. Въ славянскихъ мнѳахъ молочай попадаетъ въ видѣ «бѣсова молока» (Аѳан. III, 60, ср. II, 399). Разные виды *euphorbiae*, которыхъ насчитываютъ до 727, распространены по всему свѣту, особенно въ подтропическомъ поясѣ (Кл. 952); въ Азіи встрѣчается 57 видовъ, въ Европѣ 14 (Кл. 1010). Экстрактъ *euphorbiae* употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 499, 532). *Sonchus* тоже распространенъ почти по всему свѣту, кромѣ крайняго сѣвера (Кл. 964).

34. *Мята*. Хотя растеніе это распространено очень широко, однако родиной его были, кажется, берега Средиземнаго моря (Григор. 243). Въ послѣднемъ случаѣ вѣроятна и догадка Гена о происхожденіи славянскаго названія отъ латинскаго *mentha* (430). Въ славянскихъ мнѳахъ

изрѣдка встрѣчаемъ мяту (Аван. II, 497). Разные виды *menthae* употребительны въ фармакологіи (Шрофъ 569).

35. *Наперсточникъ*. Названіе соотвѣтствуетъ нѣмецкому *Fingergraut* и латинскому *digitalis*. Растеніе это обычно въ лѣсахъ средней Европы (Григор. 241) и извѣстно въ медицинѣ (*digitalis purpurea*), какъ сильное наркотическое средство (Шрофъ 761 сл.).

37. *Одоленъ*. Встрѣчается въ славянскихъ мѣахъ, какъ зелье ворожейное (Аван. II, 415 сл.). *Valeriana officinalis* имѣетъ лѣкарственную силу (Шрофъ 558 сл.).

38. *Омегъ*. Растеніе извѣстное въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ, что видно и изъ его синонимовъ: *Türhalm*, *Sturmhut*, царь-трава, лютикъ, купальница (Гриммъ Мнѣ. 133; Аван. II, 419). Оно растетъ въ тѣнистыхъ и сырыхъ мѣстахъ (Григор. 142, 145). *Aconitum* заключаетъ въ себѣ наркотическое начало и употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 749 сл.).

39. *Омеа*. Это растеніе считалось священнымъ у Кельтовъ, что отразилось и въ германскихъ мѣахъ; но въ славянскихъ не встрѣчаемъ его (Генъ 528; Гриммъ Мнѣ. 632, CLXII; Манг. см. *Mistel* по *Reg.*; Аван. II, 431 сл.). *Viscum* растетъ паразитомъ на лѣсныхъ плодовыхъ деревьяхъ (Григор. 322).

41. *Осотъ*. Въ основѣ этого слова скрывается, повидимому, тотъ же корень, что въ *ость*, *ось*: ихъ связь объясняется видомъ этихъ сорныхъ, колючихъ растений. Примѣненіе осота къ мѣамъ видно изъ его синонимовъ: чертополохъ, волчець и т. п. (Аван. I, 744, II, 108, 415 сл., 500, III, 804; ср. Манг. 15, 69). *Carduus* употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 145).

43. *Папоротникъ*. Подобно нѣмецкому *Faun*, это слово названо, кажется, по оперенному виду (Генъ 524), на что указываетъ и его сравненіе съ птичьимъ крыломъ въ мѣахъ (Аван. III, 803). Вообще должно сказать, что въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ папоротникъ стоитъ во главѣ волшебныхъ травъ (Гриммъ Мнѣ. 632, CLIII, CLXII; Аван. I, 744, II, 375 сл., 380 сл., III, 486, 497, 803 сл.). Не кроется ли здѣсь воспоминаніе о той порѣ, когда папоротники составляли преобладающую растительность Европы, о чемъ свидѣлствуютъ ихъ окаменѣлости (Григор. 334, 528), и какъ это остается понынѣ на нѣкоторыхъ островахъ теплыхъ морей, напр. на островѣ св. Елены, гдѣ папоротниковыя составляютъ $\frac{1}{2}$ всѣхъ явнотрачныхъ (Кл. 1019)? Въ каменноугольныхъ слояхъ находятъ окаменѣлости до 250 видовъ папоротниковыхъ растений (Кл. 348).

46. *Подбѣлъ*. Распространенъ въ Россіи (Григор. 259); употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 46).

48. *Полынь*. Въ названіи выражаются жгучія свойства растенія. *Wermuth* попадаетъ въ германскихъ миеахъ (Гриммъ Мие. LXXVI). Распространена полынь преимущественно въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, особенно въ Азій (Кл. 951), но и въ средней Европѣ растеть дико (Кл. 1096). Употребляется для лѣкарственныхъ цѣлей (Шрофъ 156 сл.).

49. *Прострѣлъ*. Въ названіи выражается рѣзкая сила этаго наркотическаго растенія. Въ русскихъ повѣрьяхъ прострѣлъ приводится въ связь со стрѣлами молніи; ему приписывается свойство заживлять раны (Аван. I, 268, II, 418). *Anemone pratensis*, равно какъ и *gentiana*, извѣстны въ фармакологіи (Шрофъ 773, 139 сл.).

50. *Протычъ*. *Tanacetum vulgare* извѣстно въ медицинѣ, какъ противуглистное средство (Шрофъ 510), подобно глистнику (§ 58, 9, § 187, 9).

52. *Псишка*. Названіе образовано аналогично нѣмецкому *Hundstern*. *Solanum dulcamara* распространена чуть не по всему свѣту (Григор. 229); *solanum* же *nigrum* растеть на половинѣ земнаго шара (Кл. 965). Пасленовыя растенія отличаются наркотическими свойствами, особенно же *solanum dulcamara*, имѣющая широкое примѣненіе въ медицинѣ (Шрофъ 786 сл.).

53. *Ранникъ*. Въ названіи выражены лѣкарственные свойства растенія, подобно нѣм. *Wundklee*. Дѣйствительно, оно употребительно въ народной медицинѣ отъ зубной боли, опухолей и т. п. (Григор. 245). Распространенъ ранникъ въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія (ib. 246).

54. *Рдестъ*. Остатки *potamogeton* находятся въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Теперь рдестъ часто встрѣчается въ тихотекучихъ и стоячихъ водахъ Европы (Григор. 320).

56. *Розопать*. Растеніе это употребляется въ народной и научной медицинѣ противъ бородавокъ (Григор. 150; Шрофъ 513).

57. *Ромашка*. Названа, повидимому, по румяному цвѣту отстоя. *Matricaria chamomilla* трава лѣкарственная (Шрофъ 571); она распространена по всей Европѣ между посьвами (Григор. 258).

58. *Рута*. Попадаетъ въ миеахъ (Гриммъ Мие. CLXI). Хотя растеніе это распространено теперь по всему сѣверному умѣренному поясу, однако родиной его полагають берега Средиземнаго моря (Григор. 182). Если это вѣрно, то и слово рута распространилось съ юга. *Ruta graveolens* употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 568).

59. *Серпъ*. Названіе образовано аналогично латинскому *serratula* и нѣмецкому *Schartenkraut*. Растеніе это извѣстно своимъ сокомъ, дающимъ желтую краску (Кл. 1093).

60. *Слизникъ*. Названіе находится, вѣроятно, въ корневой связи со словомъ *слизь* бѣлковинная жижка, вывариваемая изъ растений (Даль), такъ какъ и въ медицинѣ алтейный корень считается представителемъ слизистыхъ веществъ (Шрофъ 104). Разные виды *malvae* распространены по всѣмъ поясамъ, кромѣ холоднаго (Григор. 166). Медицинское употребленіе растений *malva* и *althaea* аналогично (Шрофъ 105).

61. *Сюлка*. Названіе аналогично нѣмецкому *Rechnelke*, а отчасти и латинскому *lychnis*. Растеніе довольно обычное въ Россіи (Григор. 163).

62. *Спорышъ*. *Polygonum hidropiper* встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204); *verbena* же играетъ роль въ германскихъ мѣахъ (Гриммъ Мнѣ. 351 сл.; 632 сл.). *Polygonum* распространень главнѣйше въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ; *verbena* растеть въ тропическихъ странахъ и рѣдко въ Европѣ (Григор. 267, 244).

64. *Тминъ*. Если судить по миграціямъ этого слова, то родиной *сими* были страны симитскія; отсюда онъ перешель въ Грецію, Италію и другія европейскія земли (Генъ 181 сл.). *Сагум сагви* распространень теперь повсюду, особенно въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ сѣвернаго полушарія, употребляясь какъ кормовая и лѣкарственная трава (Григор. 219; Шрофъ 578, ср. 581).

⁶⁴/₂. *Фіалка*. Слово это заимствовано изъ нѣмецкаго *Veilchen*, а послѣднее изъ латинскаго *viola*. Генъ считаетъ родиной фіалки Малую Азію; отсюда чрезъ Грецію она распространилась-де по Европѣ (222). Въ германскихъ мѣахъ фіалка играетъ роль, какъ первый весенній цвѣтъ (Гриммъ Мнѣ. 438, 441; Манг. 344, 582). Нѣкоторые изъ видовъ *violae* были, кажется, извѣстны и Славянамъ уже въ древнее время; объ этомъ свидѣтельствуетъ древнеславянское подлѣсокъ *viola canina*, *primula* (§ 58, 47).

65. *Хвоицъ*. Слово это сродни, безъ сомнѣнія, глаголу хвостать и сущ. хвостъ (§ 122, 8). Остатки *equisetum* находятся въ слояхъ каменноугольной формаціи (Григор. 528). Теперь хвоицы распространены въ сѣверномъ полушаріи, чаще всего между поворотнымъ и полярнымъ кругами (Григор. 336). Въ медицинѣ *equisetum arvense* извѣстно, какъ мочегонное средство (Шрофъ 515).

66. *Чемерица*. Въ названіи выразилось представленіе о ядовитомъ свойствѣ корневища этого растенія (ср. Аван. III, 59). Дѣйствительно, и въ научной фармакологіи корень растений *helleborus* и *veratrum album*

извѣстенъ своими наркотическими свойствами (Шрофъ 768, 746 сл.). *Helleborus* распространенъ въ лѣсахъ средней Европы (Григор. 145), а *veratrum album* чаще всего встрѣчается въ южноевропейской альпійской флорѣ (Кл. 1095).

67. *Чернобыль*. Растеніе упоминаемое въ германскихъ и славянскихъ мѣтахъ (Гриммъ Мѣт. 351, CLX; Лован. II, 574, 575); оно распространено въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ (Григор. 258). Корень *artemisiae vulgaris* употребляется въ медицинѣ противъ эпилепсии и т. п. (Шрофъ 158).

69. *Чернушка*. Название аналогично лат. *melanthium* и нѣм. *Schwarzkümmel*. Пряныя сѣмена *nigellae sativae* употребляются въ медицинѣ (Шрофъ 581).

72. *Щавель*. Въ этомъ названіи, равно какъ и его синонимахъ: кислица и нѣм. *Sauerampfer*, выражается кислый вкусъ растенія. Дико щавель растетъ по всей Европѣ; нѣкоторые же виды уже издревле воздѣлываются, какъ овощъ (Пикте I, 308; Кл. 1056; Григор. 267).

§ 188.

Грибы и лишайники.

1. *Губа* (§ 59, 1). Название это сродни, безъ сомнѣнія, праслав. губа *labrum*, ос (§ 113, 3) и югославян. губа *lepra* (§ 135, 15). Общей основой этихъ гомонимовъ могло служить представленіе вздутаго. Этимъ объясняется и широкое родовое значеніе ботаническаго названія губа, обнимающаго кромѣ грибовъ еще губки, т. е. виды животныхъ растеній, а въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ и паразитныя *polypori*. Родъ *fungus* распространенъ повсюду, но особенно въ умѣренномъ поясѣ на влажныхъ мѣстахъ (Григор. 359).

2. *Грибъ* (§ 59, 2). Если слово это въ этимологическомъ сродствѣ съ грѣбъ, хрибъ, хръбъ (§ 122, 1), то оно означало первоначально неровность, бугорчатость почвы. Подобно предыдущему слову, грибъ соединяетъ въ себѣ широкое родовое значеніе съ болѣе частными видами.

3. *Глыба* (§ 59, 3). Это третье родовое названіе для *fungus*, родственное, быть можетъ, рус. слову глыба.

4. *Голубеизъ* (§ 59, 4). Название соотвѣтствуетъ цвѣту гриба, подобно латинскому *agaricus violaceus*.

5. *Млѣчь* (§ 59, 6). Значеніе этого названія уясняется аналогіей нѣм. *Milchschwamm*.

6. *Мухоморъ* (§ 59, 8). Въ этомъ словѣ, подобномъ нѣм. Fliegen-gift, выражается знакомство Праславянъ съ ядовитыми свойствами *agarici muscarii*, очень обычнаго въ европейскихъ лѣсахъ, кустарникахъ, на пастбищахъ и т. п. (Григор. 359).

7. *Печерица* (§ 59, 9). Слово, очевидно, родственное праславянскому пещера (§ 37, 3); оно содержитъ, кажется, обозначеніе ямки, углубленія, въ которомъ скрывается грибокъ. *Agaricus campestris*—одинъ изъ употребительнѣйшихъ видовъ съѣдобныхъ грибовъ; уже древніе употребляли его въ пищу (Кл. 1087).

8. *Козлякъ* (§ 59, 11). По образованію и значенію козлякъ со-отвѣтствуетъ нѣмецкому Rehrilz.

9. *Сморчекъ* (§ 59, 12). По звукамъ и значенію слово это очень близко къ лат. *morchella*, нѣм. *Morchel*; но возможно сближать его и съ праславянскимъ смръчь, смръкъ (§ 80, 31), тѣмъ болѣе, что и растетъ обыкновенно сморчекъ на песчаной почвѣ, въ сухихъ лѣсахъ (Григор. 362). *Morchella esculenta* употребляется въ пищу (Кл. 1087).

10. *Трутъ* (§ 59, 13). Если производить это слово отъ трѣты, понимая послѣднее въ смыслѣ гнѣтити *ascendere* (L. P.), то названіе трута указывало бы, подобно нѣм. *Zunderschwamm*, на очень древнее употребленіе этого паразитнаго растенія при высѣчкѣ огня. То-же, по-видимому, значеніе имѣетъ *Zunder* и въ германскихъ мѣахъ (Гриммъ Мѣа. LXXVIII). *Polyporus officinalis* извѣстенъ въ фармакологіи (Шрофъ 501).

11. *Снѣть* (§ 59, 14). Въ корнѣ заключается, кажется, понятіе горѣнія, какъ и въ лат. *uredo*, *ustilago*, или нѣм. *Brand im Getreide*,—вслѣдствіе жгучаго, разрушительнаго свойства этого паразитнаго грибка. Въ германскихъ мѣахъ снѣть играетъ нѣкоторую роль (Манг. 227, 297).

12. *Головня* (§ 59, 16). Отношеніе этого слова къ головня *titio* (§ 75, 1) ясно изъ предыдущаго (§ 188, 11).

13. *Лишай* (§ 59, 17). Отношеніе двухъ значеній этого слова аналогично вышерассмотрѣнной гомониміи слова губа (§ 188, 1): *lichen* казался сыпью деревьевъ и скаль, какъ *impetigo*-лишаемъ человѣческой кожи. Та-же двойственность значеній, слѣд. и метафора, скрывается и въ нѣм. *Flechte*. *Lichen barbatus* встрѣчается въ германскихъ мѣахъ (Манг. 89). Лишайники распространены повсюду, отъ экватора до полюсовъ и отъ долинъ до высочайшихъ вершинъ (Григор. 357; Кл. 938, 951). Нѣкоторые виды лишайника употребительны въ медицинѣ (Шрофъ 152 сл.).

14. *Мохъ* (§ 59, 18). Окаменѣлости мха найдены и въ янтарѣ (Григор. 527). Онъ играетъ нѣкоторую роль въ германскихъ мѣахъ

(Гриммъ Мнѣ. 440, 520). Распространены мхи повсюду, до самаго глубокаго сѣвера (Кл. 951).

15. *Плютникъ* (§ 59, 19). Названіе аналогично лат. pulmonaria и нѣм. Lungenmoos, отъ праслав. плюшта pulmo (§ 124, 2). Видно уже въ древнее время этотъ древесный мохъ употреблялся, какъ лѣкарственное зелье въ болѣзняхъ дыхательныхъ путей (ср. Шрофъ 152 сл.). *Setgaria islandica* растеть, кромѣ о. Исландіи, по равнинамъ и лѣсамъ и средней Европы (Кл. 1095).

§ 189.

Огородные и стручковые овощи.

1. *Тыква* (§ 60, 1). Родина cucurbitae въ теплыхъ странахъ Азіи, можетъ быть въ Индіи. Въ умѣренномъ поясѣ тыква не растеть дико; въ холодномъ же ея вовсе нѣтъ (Пикте I, 309; Кл. 1059; Григор. 212).

2. *Лубеница* (§ 60, 2), *арбузъ* (§ 60, 3), *кавунъ* (§ 60, 4). Cucurbita citrullus не имѣеть праславянскаго названія. Это согласно съ историческими свѣдѣніями о распространеніи арбуза въ Европѣ: не ранѣе среднихъ вѣковъ онъ перенесенъ Турками въ Грецію и Татарами въ Россію изъ своей индо-персидской родины (Генъ 275—276; Кл. 1060).

3. *Дыня* (§ 60, 5). Cucurbita pepo происходитъ также изъ теплой Азіи, но проникла въ Европу раньше: нѣкоторые виды ея были извѣстны уже Римлянамъ и Грекамъ (Кл. 1059). Cucumis melo распространилась въ недавнее сравнительно время изъ Персіи и Закавказья (Кл. 1059 сл.; Генъ 272).

4. *Огурецъ* (§ 60, 6). Его родина, кажется, въ теплой Азіи (Пикте I, 309). Cucumis sativus былъ воздѣлываемъ уже Греками и Римлянами (Кл. 1060); отъ Грековъ переняли его Славяне, отъ послѣднихъ же Нѣмцы (Генъ 275).

5. *Капуста* (§ 60, 7). Kohl встрѣчается въ германскихъ мнѣсахъ (Манг. 248 и пр.). Родина brassicae oleraceae въ самой Европѣ (Генъ 451; ср. Пикте I, 306). Разные виды капусты производятся отъ трехъ основныхъ: 1. западноевропейскаго, 2. южнорусскаго и 3. греколатинскаго (Кл. 1056). Въ пищу стали употреблять ее, кажется, въ Италіи раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ (Генъ 451).

6. *Рѣпа* (§ 60, 10). Кара одно изъ самыхъ древнихъ культурныхъ растений (Генъ 58, 485; Пикте I, 303). Ея родина въ Европѣ; но распространена рѣпа и въ Сибири, и въ Индіи (Кл. 983, 1055).

7. *Рѣдька* (§ 60, 11). Хотя прародина *garhani sativi* находилась, повидимому, въ Азіи, но и въ южной Европѣ рѣдька растеть дико во многихъ странахъ (Кл. 1055). Культура ея (*radix syria*) восходитъ ко временамъ римскихъ императоровъ (Генъ 430); изъ Греціи и Италіи она распространилась въ среднюю Европу (Пикте I, 305).

8. *Свекла* (§ 60, 12). *Beta vulgaris* растеть дико по берегамъ средиземноморскаго бассейна, а также въ Персіи и Индіи (Кл. 1055). Культура ея, очевидно, распространилась съ юга.

9. *Морковь* (§ 60, 14). Растеть дико по всей Европѣ, гдѣ и находится ея родина (Генъ 452). Древніе народы мало ее воздѣлывали (Кл. 1055).

10. *Пастернакъ* (§ 58, 44). Распространенъ по всей Европѣ дико и въ огородахъ (Григор. 220). Судя по названію, культура его распространилась съ юга. Со времени введенія картофеля она значительно уменьшилась (Кл. 1055).

11. *Петрушка* (§ 58, 45). Растеть дико въ горахъ Фессаліи и Македоніи (Кл. 1055); разводится и въ средней Европѣ, какъ овощъ (Григор. 220). *Petersilie* встрѣчается въ германскихъ мѣсахъ (Манг. см. Reg.). *Aqua petroselini*—медицинское средство (Шрофъ 569).

12. *Картофель* *Solanum tuberosum*. Перенесенъ изъ Америки въ Европу не раньше 1586 г. (Кл. 1053), почему и не могло быть для него названій древнеславянскихъ. Теперь онъ распространенъ въ Старомъ Свѣтѣ до 67° с. шир. (Кл. 983).

13. *Хрѣнъ* (§ 60, 15). Растеть по всей Европѣ, особенно средней и сѣверной (Григор. 157), дико и культурно (Кл. 1055). Употребляется въ медицинѣ (Шрофъ 469).

14. *Горчица* (§ 60, 16). Въ названіи заключается смыслъ—herba amara. *Sinapis* уже въ древнія времена воздѣлывалась въ Греціи и Италіи (Генъ 183), откуда проникла, судя по слову *Senf*, въ Германію (ib. 184). И другіе арійскіе народы издавна употребляли горчицу, какъ овощъ (Пикте I, 296) и лѣкарственное растеніе (Шрофъ 469).

15. *Лукъ* (§ 60, 17). Растеніе это встрѣчается въ германскихъ и славянскихъ мѣсахъ (Гриммъ Мнѣ. CLI; Манг. 483, 486; Аван. II, 571). Родиной лука считаютъ среднюю Азію (Кл. 1022; Генъ 168). Употребленіе его, какъ пряности и овоща, у Египтянъ, Персовъ, Грековъ и Италійцевъ восходитъ къ очень древнему времени (Генъ 169—174). Нѣмцы переняли его отъ Италійцевъ (ib. 177), а Славяне, по мнѣнію Гена, отъ Кельтовъ (ib. 178). Впрочемъ сохранились извѣстія, что уже во времена Иродота лукъ былъ извѣстенъ въ Скиѣи (ib. 178), слѣд. Славяне могли перенять его и безъ посредства Кельтовъ. *Allium* и сера употребительны въ фармакологіи (Шрофъ 466 сл.).

16. *Чеснокъ* (§ 60, 18). Упоминается въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ (Гриммъ Мѣо. 609, 610, 632, LXX; Манг. 180; Аѳан. II, 275, 570 сл., 643). Въ дѣкомъ видѣ *allium sativum* встрѣчается въ степяхъ средней Азіи; его культура издавна распространилась вплоть до Китая (Кл. 1023).

17. *Сочиво* (§ 60, 19). Слово это соединяетъ въ нарѣчіяхъ два значенія: родовое *legumen* и видовое *lens*. Очевидно, что *ergum lens* было въ праславянщинѣ самымъ замѣтнымъ изъ представителей стручковыхъ растений. Окаменѣлости послѣднихъ находятся въ слояхъ третичной эпохи (Григор. 527; ср. Кл. 1204). Въ германскихъ мѣахъ *Linse* играетъ нѣкоторую роль (Гриммъ Мѣо. LXIX). Культура чечевицы восходитъ къ очень древнимъ временамъ. Древніе Египтяне, Евреи, Греки, Римляне воздѣлывали *ergum lens* (Пикте I, 290; Кл. 1058; Генъ 185 сл.). Генъ, основываясь на сходствѣ слав. ляща, нѣм. *Linse* и лат. *lens* (§ 60, 21), утверждаетъ, что Нѣмцы, Литовцы и Славяне заимствовали это растение изъ Италіи (186); но это опровергается праславянскимъ словомъ *сочивица* и нѣкоторыми географическими соображеніями, указывающими на западную Азію, какъ непосредственный источникъ заимствованія Славянами чечевицы (Кл. 1058).

18. *Бобъ* (§ 60, 22). Остатки боба находятся въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Онъ встрѣчается въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ (Гриммъ Мѣо. LXIX; Аѳан. II, 762). *Faba vulgaris* уже въ древнѣйшія времена воздѣлывался Евреями, Египтянами, Греками и Римлянами (Кл. 1058; Генъ 485). Иродотъ зналъ его у Алазоновъ на Гипанисѣ (Генъ 484). Пикте приписываетъ и Праарійцамъ знакомство съ бобомъ (I, 283).

19. *Горохъ* (§ 60, 23). Остатки гороху находятся въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Онъ встрѣчается и въ мѣахъ германскихъ и славянскихъ (Гриммъ Мѣо. LXIX; Манг. 234, 463, 484, 560; Аѳан. II, 757, 760 сл.). Родиной гороху считаютъ среднюю Азію; черезъ Кавказъ и Понтъ онъ распространился въ Европу, гдѣ уже Омиръ зналъ его (Генъ 185, 187, 188, 190). Праславянское слово *горохъ* также указываетъ на отдаленную древность этого распространенія.

20. *Фасоль* (§ 60, 24). Название указываетъ на чужеземное происхожденіе растенія. Родиной *phaseoli* считаются тропическія страны; его культура была уже въ древней Греціи (Кл. 1058).

21. *Макъ* (§ 58, 29). *Paraver rhoeas* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ славянскихъ мѣахъ макъ не лишенъ приложеній (Аѳан. III, 579). *Paraver somniferum* растетъ дико

по берегамъ Средиземнаго моря; его культура издревле была распространена въ Азіи, Греціи и Италіи (Кл. 1083; Пикте I, 292). Генъ полагаетъ, что макъ проникъ въ Европу изъ Азіи вмѣстѣ съ зерновыми хлѣбами, какъ сорная трава (270).

§ 190.

Ленъ, конопля, хмель, табакъ.

1. *Ленъ* (§ 61, 1). Особый видъ льна находятъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ каменнаго періода (Кл. 399, 1204; Генъ 512). Flachs встрѣчается въ германскихъ мѣахъ (Гриммъ Мѣо. 167, 239, 679, LXXXIV, LXXXVIII; Манг. 33, 73, 77 сл. и въ др. м., см. Reg.). Дико ленъ растетъ въ средней Россіи, странахъ прикаспійскихъ, западной Сибири, Закавказьѣ, которое считается нѣкоторыми родиною льна (Генъ 508; ср. Пикте I, 322; Кл. 1090). Культура льна восходитъ ко глубокой древности. Уже египетскія муміи закутаны въ льняные саваны (Генъ 143); Греки временъ Омира (ib. 151), Фракійцы при Иродотѣ (ib. 155), Германцы при Тацитѣ и Плиніи (ib. 156) прали ленъ и носили льняныя одежды. Все это говоритъ въ пользу древности культуры льна и у Славянъ. Въ настоящее время она распространена во многихъ поясахъ, но преимущественно успѣшна въ сѣверномъ умѣренномъ (Григор. 172).

2. *Конопля* (§ 61, 2). Встрѣчается въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ (Манг. 259, 328, 464, 510; Аван. II, 590). Родиной конопли считаютъ древнюю Бактрію, Согдіану, страны прикаспійскія и приаральскія (Генъ 166); ни Евреи, ни Египтяне не знали ея. Въ Европѣ конопля распространилась гораздо позже льна, кажется, чрезъ посредство Скивовъ и Фракійцевъ (ib.).

3. *Хмель* (§ 61, 5). Упомянется въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ (Манг. 232; Аван. II, 507). Въ дикомъ видѣ хмель растетъ въ Европѣ, на Кавказѣ и въ Сибири (Кл. 1056, 1086). Линней считалъ Россію его родиной (Генъ 410). Культура этой лозы сѣвера въ западной Европѣ не восходитъ къ очень глубокой древности. Классическимъ народамъ хмель былъ совершенно незнакомъ (Генъ 411); въ Германію онъ принесенъ, какъ думаютъ, восточными народами въ періодъ великаго ихъ переселенія (ib. 132), такъ какъ первое упоминаніе встрѣчается не ранѣе IX-аго вѣка. Ничто не мѣшаетъ однако предположенію, что у Славянъ онъ былъ извѣстенъ гораздо раньше.

4. *Табакъ* (§ 58, 63). Перенесенъ Португальцами изъ Америки въ Европу не ранѣе 1559 г. (Кл. 1055). Теперь его культура распространена по обѣ стороны экватора до 50° шир. (ib.). Это наркотическое зелье уже связалось у Нѣмцевъ и Славянъ съ нѣкоторыми народными повѣрьями (Манг. 141, 200; Аван. II, 507).

§ 191.

Виды хлѣбныхъ злаковъ.

1. *Жито* (§ 62, 1). Слово это имѣетъ въ славянскомъ столь же обширный смыслъ, какъ лат. frumentum или нѣм. Getreide, Korn. Его зоологическую параллель составляетъ живность, отъ того-же корня жив, жити. Названіе хлѣбныхъ злаковъ житомъ свидѣтельствуетъ о земледѣльской обстановкѣ праславянской жизни. Кромѣ родового значенія, жито имѣетъ и видовое, относясь то къ secale, то къ triticum, смотря по преобладанію въ странѣ того или другого изъ хлѣбныхъ злаковъ. Такая же двойственность и взаимное отношеніе значеній замѣтны и въ лат. frumentum (triticum) и нѣм. Korn (Roggen). Древность слова жито доказывается какъ его примѣненіемъ къ мисамъ (Гриммъ Мис. 617, CLV; Манг. 73 и пр.; Аван. III, 592 сл., 771 сл.), такъ и племеннымъ названіемъ Житичей въ древней Руси и Полабьѣ (Шафар. II, 146, 622). Вспомнимъ тутъ и слова Иродота о Гелонахъ въ его Скиѣи: Γελωνοὶ δὲ ὑτς τε ἐρύταται καὶ ἀποφάγου (Шафар. II, 674). Сѣверная граница хлѣбопашества переходитъ теперь за полярный кругъ, въ Сибирь до 55—60° с. шир. (Кл. 982); но докуда она простиралась за 2000 лѣтъ передъ симъ, рѣшить трудно.

Въ синонимахъ жита: *эбоже, обмліе* (§ 62, 23) также ясно отразился взглядъ народа хлѣбопашескаго: хлѣбъ является въ его глазахъ синонимомъ богатства, изобилія.

2. *Рожь* (§ 62, 4). Secale segetale найдена въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Родиной ржи Декандоль считалъ вѣнскую Австро-Венгрію (Hehn 480; ср. Пикте I, 272; Кл. 1049). Индусы, Египтяне и Греки не воздѣлывали ржи, такъ какъ въ жаркомъ климатѣ она можетъ расти лишь на горамъ (Кл. 1049). Въ латинскомъ языкѣ слово secale впервые встрѣчается у Плинія (Генъ 479). Праарійци тоже не воздѣлывали ржи, если судить объ этомъ по даннымъ языка (Пикте I, 272). Однако въ Македоніи, Фракіи и странахъ подальпійскихъ и подкарпатскихъ культура ржи очень древня (Генъ 479; Кл. 1049). Въ настоящее время культура ржи простирается до 65—

67° с. ш. (Кл. 983). Въ Силезіи рожь растеть до 1800', а на Пиндѣ до 3800' выс. (Кл. 1049).

3. *Ячмень* (§ 62, 5). Остатки его найдены въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 399, 1204). Gerste встрѣчается въ германскихъ мѣоахъ (Гриммъ Мнѳ. 661, XXXVII; Манг. 33). Декандоль считалъ родиной ячменя (*hordeum distichon*) Закавказье или Персію (Пикте I, 267; Кл. 1049); по другимъ онъ происходитъ изъ сѣверной Африки (Григор. 315). Культура ячменя очень древня: уже Египтяне вываривали изъ него напитокъ (Генъ 124); тоже извѣстно объ испанскихъ Иберахъ (*ib.* 125), Армянахъ, Фригійцахъ, Фракійцахъ (*ib.* 126), Иллирахъ, Паннонанахъ (*ib.* 127, 484), Кельтахъ (132), Германцахъ (131), Скиоахъ (128), прибавимъ— и Славянахъ. Въ настоящее время культура ячменя идетъ очень далеко на сѣверъ: въ Скандинавіи до 70° 36' с. шир., въ Россіи до 65, 5° (Кл. 1049). Его вертикальное распространеніе также превышаетъ границы ржи: въ Карпатахъ ячмень воздѣлывается выше 3000', въ Турціи до 3800', въ теплой Азіи до 14,004', въ Америкѣ до 13,800' (*ib.*).

4. *Овесъ* (§ 62, 6). *Avena sativa* попадаетъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ германскихъ мѣоахъ овена fatua имѣеть символическое значеніе (Гриммъ Мнѳ. 148). Родину овса полагають въ земляхъ австроугорскихъ, основываясь на томъ, что онъ здѣсь легко дичаетъ (Кл. 1049). У классическихъ народовъ овена была извѣстна лишь въ видѣ сорной травы (Генъ 477). Древніе Евреи, Египтяне, Индусы также не употребляли овса въ пищу (Пикте I, 278). Однако у народовъ сѣверныхъ онъ давно уже воздѣлывался. Такъ Плиній, описывая страны прибалтійскія, говоритъ: *Feruntur et Oonae, in quibus ovis avium et avenis incolae vivunt* (Шафар. II, 676). Древніе Германцы также употребляли овесъ въ пищу (Кл. 1049). Что у Славянъ уже въ древнее время овесъ былъ не сорною травою, а съѣдобнымъ лакомъ, видно изъ слова зобъ (§ 62, 7) отъ зобати edege. Теперь овесъ распространенъ вмѣстѣ съ ячменемъ даже въ самыхъ сѣверныхъ странахъ, до 70° с. шир. (Кл. 983), подымаясь въ Карпатахъ до 2700' (Кл. 1049).

5. *Пшеница* (§ 62, 8). *Triticum vulgare* найдена въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 399); она встрѣчается въ символикѣ германскихъ мѣоовъ (Гриммъ Мнѳ. XL, LXXXII). Декандоль считалъ родиной пшеницы страну между горами средней Азіи и берегами Средиземнаго моря (Пикте I, 261). Месопотамія или Малая Азія могла служить исходной точкой культуры пшеницы (Кл. 1048), которая уже въ очень древнее время распространена была въ Китаѣ, Палестинѣ, Египтѣ, Греціи и Италиі (*ib.*). Генъ полагаетъ, что въ средней Европѣ

воздѣлываніе пшеницы появилось сравнительно поздно, при чемъ Галлы были посредниками въ этомъ отношеніи между Италіей и Германцами (477). Праславянское слово доказываетъ однако, что въ восточной Европѣ культура пшеницы очень древня. Это согласно и со свидѣтельствомъ Иродота: ὑπὲρ δὲ Ἀλαζώνων οὐκ εὖσαι Σκύθαι ἀροτῆρες, οἱ οὐκ ἐπὶ σιτήσιν σπεῖρουσι τὸν σίτον ἀλλ' ἐπὶ κρήσιν (IV, 17; Шафар. II, 673). Теперь пшеница широко распространена по Старому и Новому Свѣту, составляя преобладающій хлѣбный плодъ въ западной, южной и средней Европѣ, западной и средней Азии (Кл. 983). На сѣверѣ пшеница воздѣлывается до 60° с. шир. (Григор. 314).

6. *Пыро* (§ 62, 9). Въ гомонимахъ этого слова сохранился слѣдъ того, какъ названія дикихъ травъ обращаются въ названія культурныхъ растений. *Triticum repens*—сорная трава, *triticum spelta*—хлѣбный злакъ (ср. Генъ 477; Кл. 1049). Послѣдній найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Родиной *triticum speltae* Декандоль считалъ Персію и Месопотамію (Пикте I, 276). Въ южной Европѣ полба была извѣстна уже въ классическое время. Страбонъ упоминаетъ у Иллировъ злакъ *ζελα*, соотвѣтствующій *triticum spelta* (Генъ 484). Въ настоящее время полба распространена особенно въ югозападной Европѣ и нѣкоторыхъ африканскихъ колоніяхъ (Кл. 1048).

7. *Просо* (§ 62, 11). Попадается въ германскихъ мѣтахъ (Гриммъ Мнѣ. LXXVI, XCV). Родина проса не опредѣлена ботаниками; но несомнѣнно, что культура его восходитъ къ самой глубокой древности въ Индіи, Китаѣ (Пикте I, 280), Эіопіи (Кл. 1049—1050), Греціи, Италиі (Генъ 58), Иберіи, Аквитаніи, Галліи, Фракіи (ib. 483—484), Скиѣи и Сарматіи (ib. 484). Генъ полагаетъ, что Славяне, Литовцы и Германцы жили слишкомъ далеко на сѣверѣ, чтобы предполагать у нихъ первобытную культуру проса (127); но если въ Скиѣи просо было распространено уже во времена Иродота (IV, 17), то могли знать его уже тогда и Славяне, у которыхъ просо въ самое древнее время считалось любимымъ кушаньемъ (Генъ 484), какъ о томъ свидѣлствуютъ Прискъ (ib. 127), имп. Маврикій (Шафар. II, 694) и Левъ Мудрый (ib. 700). Это подтверждается и обиліемъ древнихъ терминовъ, относящихся къ культурѣ проса: *боръ* (§ 62, 12), *яла* (§ 62, 13), *пшено* (§ 62, 14). Въ настоящее время культура проса распространена въ средней и южной Европѣ, гдѣ ея сѣверная граница почти совпадаетъ съ виноградною.

8. *Греча* (§ 62, 15). Родиной гречи считаютъ Китай, южную Сибирь и степи Туркестана (Генъ 440), гдѣ она растетъ и въ дикомъ видѣ (Кл. 1052). Римляне и Греки не знали *polygoum fagorugum* (ib.);

греча появляется въ Европѣ не ранѣе половины XV вѣка (Генъ 441). Генъ полагаетъ, что она перенесена изъ Азій Цыганами или Турками (442). Теперь греча распространилась до 60—65° с. шир. (Кл. 983). Въ Россіи она проникла и въ народныя повѣрья (Аван. II, 494).

9. *Рисъ* (§ 62, 16). Дико растеть по берегамъ рѣкъ восточной Индіи (Кл. 1050), которая и считается, наряду съ Китаемъ, прародиной риса (Генъ 431). Греки познакомились съ нимъ не ранѣе походовъ Александра Македонскаго (ib. 432). Главными распространителями риса на западъ были Арабы, водворившіе его культуру въ сѣв. Африкѣ и Испаніи, откуда онъ проникъ въ Италію, а впоследствии и въ Америку (ib. 435—437). Сѣверной границей распространенія риса служить 45° с. ш. (Кл. 983). Половина человѣческаго рода питается теперь этимъ хлѣбнымъ лакомъ (Кл. 1050).

10. *Кукуруза* (§ 62, 17). Подобно табаку и картофелю, она происходитъ изъ Америки, откуда перевезена въ Европу Испанцами въ XVI в. (Генъ 437 сл.). Изъ Венеціи она распространилась на востокъ (ib. 438), проникнувъ до Индіи, Китая и Японіи (Григор. 313). На сѣверъ доходитъ до 50° с. шир. (Кл. 983). Маисъ успѣлъ проникнуть въ германскіе миѣи (Манг. 269, 280, 361 сл. 541).

§ 192.

Болотныя растенія.

Сюда относятся три праславянскихъ слова: *тростъ* (§ 63, 1), *рогозъ* (§ 63, 4) и *ситникъ* (§ 63, 6). Неизвѣстно, каково изъ видовъ *arundo* назывался въ праславянскомъ тростью: скорѣе всего это былъ *arundo phragmites* котораго родина въ Европѣ, а не *arundo donax*, происходящій изъ теплыхъ странъ Азій или Африки (Кл. 1023) и не удаляющійся въ Европѣ отъ бассейна средиземноморскаго (Генъ 262). Окаменѣлости видовъ *juncus*, *scirpus* находятся въ мѣловыхъ слояхъ (Григор. 527). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ попадаются сѣмена растенія *scirpus lacustris* (Кл. 1204). На древность знакомства съ нѣкоторыми видами тростника въ средней Европѣ указываютъ германскіе и славянскіе миѣи (Гриммъ Миѣ. 354 сл., 455, 613; Манг. 353; Аван. II, 494 сл.). Это подтверждается и историческими свидѣтельствами. Выше (§ 159) приведенъ разсказъ Иродота, что въ странѣ Будиновъ находится: *λίμνη μεγάλη τε καὶ πολλή καὶ ἕλος καὶ κάλαμος περὶ αὐτήν* (IV, 109; Шафар. II, 674). Имп. Маврикій свидѣтельствуетъ о Слани-

нахъ, что они, искусно ныря въ водѣ: καλάμους ἐπὶ τοῦτω πεποημένους, μακροῦς, δι' ὄλου μεμεωμένους, κρατεῖν ἐν τοῖς στόμασιν αὐτῶν διήκοντας, μέχρι τῆς τοῦ ὕδατος ἐπιφανείας καὶ κειμένους ὑπτόους ἐν τῇ βάρῃ, δι' αὐτῶν ἀναπνεῖν (Шафар. II, 695).

Для отдѣльных видовъ болотныхъ растений кромѣ вышеприведенныхъ есть еще нѣсколько древнеславянскихъ названій: *череть* (§ 63, 2), *шаниз* (§ 63, 3), *палочникъ* (§ 63, 5). Это подтверждаетъ данныя объ обиліи рѣвъ, озеръ и болотъ на праславянской территоріи. Въ словѣ *ситникъ* (§ 63, 6) заключаются, повидимому, указаніе, что эти упругія растенія употреблялись Праславянами для вязанія, плетенія и т. п.

§ 193.

Ягодные травы и кусты.

Лишь два изъ относящихся сюда названій имѣютъ характеръ праславянскій: *малина* (§ 64, 1) и *купина* (§ 64, 3). Оба относятся къ роду *gubus*, при чемъ первое довольно опредѣленно указываетъ на *gubus idaeus*, тогда какъ второе колеблется между *gubus fruticosus* и *g. caesius*. Ко глубокой древности относится, кажется, и слово *ежевика* (§ 64, 2). Остатки *gubi idaei* найдены въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). *Brombeere* попадаетъ въ германскихъ миахъ (Гриммъ Мие. 677; Манг. 226, ср. 299). Въ настоящее время въ умѣренной Европѣ распространено много разновидностей *gubi*: такъ въ одной Англій насчитывается 35 породъ малины (Кл. 1069), а въ средней Европѣ до 45 ежевики (*ib.*).

Для разныхъ видовъ *fragaria* сохраняется два древнеславянскихъ слова: *суника* (§ 64, 4) и *трускавка* (§ 64, 5), изъ коихъ первое соотвѣтствовало, кажется, *fr. vesca*, а второе *fr. collina* или *fr. elatior*. Было впрочемъ и третье названіе для *fragaria*—*ягода* (§ 57, 3): съ общимъ значеніемъ *bassa* оно соединяетъ въ южныхъ и западныхъ нарѣчіяхъ частное—*fragum*, *fragaria*. Изъ послѣдняго можно заключать о распространенности суники въ странѣ древнихъ Славянъ. И теперь *fragaria vesca* очень обычна въ лѣсахъ умѣренной Европы и Америки (Кл. 1069).

Для разныхъ видовъ *vaccinium* существуютъ четыре древнеславянскихъ названія: *брусника* (§ 64, 7), *черника* (§ 64, 8), *боровика* (§ 64, 9), *клюква* (§ 64, 10). Брусника встрѣчается въ славянскихъ миахъ (Аван. III, 702); она растетъ главнѣйше въ хвойныхъ лѣсахъ, на песчаной почвѣ, въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ Старога и Новаго Свѣта (Кл.

951, 1008; Григор. 249, 523). *Vaccinium myrtillus* очень распространена въ лѣсахъ и прилѣскахъ средней и сѣверной Европы и сѣверной Азии, отъ равнинъ до снѣжной линіи и странъ полярныхъ (Кл. 1008). *Vaccinium oxucoccos*—болотная ягода сѣвернаго пояса Старога и Новаго Свѣта (Кл. 1008); она замѣняетъ на сѣверѣ лимонъ юга (Шрофъ 279).

Для разныхъ видовъ *gibes* не встрѣчаемъ древнихъ названій, а лишь областныя: *смородина* (§ 64, 11), *поръчки* (ib.) и т. п. Между тѣмъ *gibes gubgum* распространенъ въ умѣренной и сѣверной Европѣ, Сибири и Канадѣ (Кл. 1204). Не объясняется ли отсутствіе древнихъ славянскихъ названій этого кустарника тѣмъ, что его культура началась уже поздно, въ средніе вѣка, а въ Англии напр. лишь съ 1557 г. (Кл. 1069)? Это замѣчаніе относится и къ крыжовнику, *grossularia* (§ 64, 12): хотя онъ встрѣчается уже въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204) и широко распространенъ въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ Европы и Сибири, однако культура его не восходитъ къ древнему времени (Кл. 1069).

§ 194.

Виды кустарныхъ растений.

1. *Верескъ* (§ 78, 1). *Erica*—кустарникъ очень распространенный въ хвойныхъ лѣсахъ, на почвѣ песчаной и торфяной (Григор. 246). *Calluna vulgaris*—характерное растеніе сѣвернаго умѣреннаго пояса, отъ Шельды до Урала и Ньюфаундлена (Кл. 951, 1008); въ сѣв. Азии его вѣтъ (ib. 1008). *Calluna* любитъ почву сухую, степную (ib.).

2. *Тернъ* (§ 78, 2). *Rjunus spinosa* попадаетъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Терновникъ играетъ роль въ германскихъ и славянскихъ мифахъ (Гриммъ Миф. 412, 477, CLII; Манг. см. Dorn въ Reg.; Аван. II, 433, 499, 503, III, 497, 577 сл., 581). Въ книгѣ «Судей», въ разговорѣ деревьевъ, въ царя ихъ избрана не маслина, не смоква или виноградъ, а терновникъ, обладатель сирійскихъ степей (Генъ 141). Историческимъ подтвержденіемъ древности слова тернъ являются гг. Терново въ Болгаріи и Тернова на Словачинѣ (Шафар. II, 234, 517).

3. *Деренъ* (§ 78, 3), *свидина* (§ 78, 4), *глогъ* (§ 78, 5): эти три праславянскихъ слова обозначаютъ разные виды кустарника *cornus*, распространеннаго въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ сѣвернаго полушарія (Григор. 221; ср. Кл. 1069). Въ словѣ глогъ соединяется со значеніемъ *cornus femina* и другое—*crataegus*. Послѣдній встрѣчается

въ мѣахъ германскихъ и славянскихъ (Манг. 65, 178, 295, 343, 365, 426; Аван. III, 498, 581); онъ растеть преимущественно въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ (Кл. 951), употребляясь для изгородей и украшенія садовъ (Григор. 206).

4. *Шиповникъ* (§ 78, 6). Въ названіи заключается указаніе на колючія свойства кустарника. Упоминается въ славянскихъ мѣахъ (Аван. III, 486, 497 сл., 581). Растеть *rosa сапіна* по всей Европѣ, въ безчисленныхъ разновидностяхъ (Кл. 1069, ср. 951).

5. *Роза* (§ 78, 7). Встрѣчается въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ (Гриммъ Мѣо. 477, 478, 705; Манг. 164, 205, 207; Аван. II, 370, 387, 501). Родину розы полагають въ Мидіи и Персіи: чрезъ Арменію, Фригію и Фракію она проникла въ Грецію (Генъ 214), оттуда въ Италію и далѣе на сѣверъ (ib. 216). Слѣдъ заимствованія остался въ словѣ *роза*, изъ лат. *rosa*, греч. *ῥόδαι* (Генъ 516).

6. *Жимолость* (§ 78, 8). *Ligustrum vulgare* распространено по всей Европѣ, сѣв. Азии и сѣв. Америкѣ (Кл. 1092); *lonicera* тоже кустарникъ сѣвернаго умѣреннаго пояса, особенно средней Азии и сѣв. Америки (Григор. 251).

7. *Калина* (§ 78, 9). Въ славянскихъ мѣахъ имѣеть символическое значеніе (Аван. II, 184, 494, 499, 503). *Viburnum opulus* характеристическое растеніе сѣвернаго умѣреннаго и теплоумѣреннаго пояса (Кл. 951).

Другой видъ *viburnum lantana* имѣеть древнее названіе худика (§ 78, 10), очевидно отъ прил. худой непригодный, невзрачный.

8. *Бузина* (§ 78, 11). Остатки ея находятъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ германскихъ и славянскихъ мѣахъ *Hollunder*, или *Ellhorn* считается священнымъ растеніемъ (Гриммъ Мѣо. 374 сл., LXXIV, CIII сл.; Манг. 10, 16, 52, 63 и пр., см. Reg.; Аван. II, 347, 494, III, 803). Въ настоящее время бузина распространена въ большей части Европы и въ сѣв. Азии, особенно же любима она въ южной Германіи (Кл. 1029). Экстрактъ изъ *sambucus nigra*—любимое потогонное средство народной медицины (Шрофъ 572); *sambucus ebulus* тоже употребляется въ фармакологіи (ib. 502).

9. *Крушина* (§ 78, 12). Этимологически слово это сродни праслав. крушець (§ 45, 3); оно включаетъ въ себѣ понятіе ломкости, какъ и лат. *ghamnus frangula*. Окаменѣлости этого кустарника найдены въ слояхъ третичной эпохи (Григор. 527). Колючая крушина встрѣчается въ славянскихъ мѣахъ (Аван. II, 392), а *Elsebaum* въ германскихъ (Манг. 272, 288). *Rhamnus frangula* распространена въ теплоумѣренномъ, а еще болѣе въ южномъ подтропическомъ поясахъ (Григор. 185).

10. *Яловець* (§ 78, 13). Встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ германскихъ и славянскихъ мѣсахъ *juni-regus* не лишень значенія (Гриммъ Мнѳ. 375; Манг. 34, 65 и пр., см., Рег.; Аван. II, 389). Онъ характеризуетъ флору сѣвернаго умѣреннаго пояса (Кл. 951). *Juniperus communis* распространенъ въ 22 разновидностяхъ по Европѣ, Азій и сѣв. Америкѣ; другіе виды разсѣяны по Гималаямъ, Сири, Малой Азій, греческимъ островамъ и т. ц. (Кл. 1014). *Juniperus* находитъ примѣненіе въ медицинѣ (Шрофъ 521, 522, 612).

11. *Лещина* (§ 78, 15). Попадаетъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ германскихъ мѣсахъ *Haselstaude* не лишена примѣненій (Гриммъ Мнѳ. 546). *Corylus avellana* характеристична для сѣвернаго умѣреннаго пояса (Кл. 951); она распространена по всей Европѣ и сѣв. Азій (ib. 1032).

12. *Орѣшникъ* (§ 78, 16). Играетъ важную роль въ германскихъ и славянскихъ мѣсахъ (Гриммъ Мнѳ. XCII, CLII; Манг. см. *Nussbaum* по Рег.; Аван. II, 310 сл., 318 сл., 388 сл., 392 сл., 763, III, 52 сл., 473, 498, 711). Вѣроятная родина орѣшника по Декандолю въ Персіи и Кашмирѣ (Пикте I, 247), по Гену же въ Малой Азій или Арменіи (340, 345). *Juglans regia* распространился изъ Персіи въ Грецію, а оттуда въ западную Европу (Кл. 1032), почему онъ и называется у насъ грецкимъ орѣхомъ.

13. *Блющъ* (§ 78, 17). Упоминается въ германскихъ мѣсахъ (Гриммъ Мнѳ. 440 сл.; Манг. 322, 422, 434). *Hedera helix* характеризуетъ сѣверный умѣренный поясъ (Кл. 951). Доказательствомъ распространенности плюща у древнихъ Славянъ служить второй древній синонимъ его: *бръштанъ* (§ 78, 18).

§ 195.

Виноградъ, гроздь.

Сюда относятся три древнеславянскихъ слова: *виноградъ* (§ 79, 1), *лоза* (§ 79, 2), *трѣсь* (§ 79, 3) и одно праславянское: *гроздь* (§ 79, 4). Значеніе послѣдняго не имѣетъ полной опредѣленности: возможно, что праславянскимъ значеніемъ его было просто кисть плодовъ, точно такъ, какъ лоза означала первоначально *virga* (§ 71, 2), а трѣсь можетъ быть *vimen*. Хотя вино появляется въ мѣсахъ германскихъ и славянскихъ (Манг. см. *Wein* въ Рег.; Аван. II, 311, III, 265), однако оно могло проникнуть туда и позднѣе. Во всякомъ случаѣ, культура винограда восходитъ у Славянъ хотя и къ древней, но не къ первобытной

порѣ. Это подрываетъ мнѣніе Пикте о знакомствѣ съ винодѣліемъ Прарарійцевъ (I, 251). Вѣрнѣе соображенія Гена о симитскомъ происхожденіи винограда, котораго родина, на югъ отъ Каспійскаго моря, между Кавказомъ, Араратомъ и Гавромъ, совпадаетъ съ прародиной Симитовъ (67, 68). Изъ Закавказья и Арменіи виноградъ проникъ въ Сирію, Малую Азію и Грецію, гдѣ Омиръ хорошо былъ знакомъ съ виномъ (Генъ 69, 67). Изъ Греціи винодѣліе перешло въ Италію, отсюда же въ Галлію, Паннонію, Мизію (ib. 74, 77). Что касается винодѣлія на Днѣпрѣ, Бугѣ, Днѣстрѣ и Дунаѣ, то его выводятъ отъ Грековъ, въ Крыму отъ Генуезцевъ, въ Астрахани отъ Персовъ (Кл. 1070 сл.). Этому противорѣчитъ однако нѣсколько древнеслав. слово виноградъ, какъ будто указывающее на гот. *veinagards*, т. е. на западный итальяно-германскій источникъ винодѣлія.

Въ настоящее время культура винограда простирается на сѣверъ до 50—51° с. ш., при чемъ пограничная линія идетъ по Исполиновымъ горамъ и Бескиду, вплоть до Буковины, откуда направляется на востокъ примѣрно по 49° с. шир. Южная граница винограда идетъ отъ о. Ферро на Египетъ и Персидскій заливъ. Вертикальная линія подымается въ сѣв. Угріи до 900', въ европейской Турціи до 2100', на Альпахъ же до 2460' (Кл. 1070—71). Въ одной Европѣ насчитываютъ до 1400 породъ винограда (ib.).

§ 196.

Виды дикорастущихъ деревьевъ.

1. *Рябина* (§ 80, 1). Упоминается въ германскихъ и славянскихъ мѣтахъ (Гриммъ Мнѣ. 633; Манг. 40; Аѳан. II, 377, 379, 388, 392, 501, III, 492, 803). Рябина характеризуетъ лѣса сѣвернаго умѣреннаго и подзѣрѣтческаго поясовъ (Кл. 951, 1029). Для другихъ видовъ *sofbus* существуютъ три древнеславянскихъ названія: *оскуруша* (§ 80, 2), *бракъ* (§ 80, 3) и *мукиня* (§ 80, 4). Всѣ три названія преобладаютъ въ югославянскихъ нарѣчіяхъ. Мукиня образовано аналогично нѣм. *Mehlbaum*.

2. *Ива* (§ 80, 6), *ракита* (§ 80, 7), *верба* (§ 80, 8): все это праславянскія названія для разныхъ видовъ *salix*. Окаменѣлости ивы находятъ въ слояхъ третичной эпохи (Григор. 527). Въ германскихъ и славянскихъ мѣтахъ встрѣчаются: *Weide* (Гриммъ Мнѣ. LXXXII, CLVII; Манг. см. Reg.), *ива* (Аѳан. I, 333, III, 78 сл.), *ракита* (ib. II, 305, 325, 327, 495), *верба* (ib. I, 706, II, 15, 200, 325, 327, 389. сл., 477, 501, 504, III, 78, 491, 497). Разные виды *salix* распространены по

всѣмъ частямъ свѣта, но особенно въ сѣверномъ полушаріи, въ умѣренномъ и подъарктическомъ поясахъ, до 58—66° с. ш. (Кл. 951, 1027).

3. *Осіна* (§ 80, 9). Играетъ значительную роль въ германскихъ и особенно славянскихъ мифахъ (Манг. 69, 349; Аван. II, 305 сл., 345, 505, III, 486, 497, 516, 571, 575 сл., 581, 803). Осіна распространена по всей Европѣ, до крайняго сѣвера (70° с. ш.), а равно и въ Сибири (Кл. 1029; Григор. 522).

4. *Тополь* (§ 80, 11). Окаменѣлости найдены въ слояхъ третичной формации (Кл. 385). Тополь встрѣчается въ германскихъ и славянскихъ мифахъ (Гриммъ Миѳ. 354; Манг. см. Parrel въ Reg.; Аван. II, 500, 503, III, 706). Тополь пирамидальный родомъ, кажется, съ востока (Кл. 1029). Теперь тополь широко распространенъ въ средней и южной Европѣ, особенно въ Голландіи (ib.). Всѣ 15 разновидностей тополя любятъ влажную почву (ib.). *Populus nigra* также извѣстенъ Славянамъ съ древнихъ поръ, если судить по распространенному на славянскомъ югѣ и западѣ слову *янядь* (§ 80, 10), которому соответствуетъ рус. *осокорь* (§ 80, 2).

5. *Ольха* (§ 80, 12). Упоминается въ германскихъ мифахъ (Манг. 11, 167, 207). Распространена ольха по всей Европѣ, особенно въ болотистыхъ мѣстахъ; *alnus incana* переходить за сѣверный полярный кругъ (Кл. 1028).

6. *Береза* (§ 80, 13). Окаменѣлости встрѣчаются въ слояхъ третичной эпохи (Григор. 527). Береза очень обычное дерево германскихъ и славянскихъ мифовъ (Гриммъ Миѳ. 456; Манг. см. Birke по Reg.; Аван. II, 281, 322, 390, 500, 504, III, 78, 705 сл.). Она распространена по всему сѣверу Старого Свѣта, вплоть до 71° с. шир., даже всѣхъ лиственныхъ деревьевъ (Кл. 1028). На Карпатахъ береза подымается до 3,420', на южномъ Кавказѣ даже до 7,200' (ib.); но къ югу она не переходитъ линіи Гималаевъ (Никте I, 217). Изъ березовой коры уже Праславяне выгоняли, кажется, деготь (§ 77, 3); онъ употребляется и въ медицинѣ (Шрофъ 612).

7. *Берестъ* (§ 80, 14), *вязь* (§ 80, 15): два праславянскихъ слова для разныхъ видовъ *ulmus*; древнеславянское же *илемъ* (§ 80, 16) развилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ латиновѣмецкаго *ulmus*, *Ulme*. Окаменѣлости *ulmi* попадаютъ въ слои третичной эпохи (Григор. 527). Въ германскихъ мифахъ встрѣчаемъ изрѣдка *Ulme* (Манг. 8, 24, 51, 172) и *Rüster* (ib. 61). До 15 разновидностей ильма разсѣяно по равнинамъ и горамъ большей части Европы (Кл. 1029). Берестовая кора употребляется, подобно березовой, на выгонку дегтя (§ 77, 3) и въ фармакологіи (Шрофъ 172).

8. *Ясень* (§ 70, 17). Въ арійскихъ, особенно германскихъ и славянскихъ мифахъ священный ясень является чрезвычайно важнымъ, «всемирнымъ» деревомъ (Гриммъ Миф. 459 сл.; Манг. 8, 11, 24, 55 сл., 199; Аван. II, 140, 279 сл., 282, 346, 473 сл., 505, 780). *Fraginus excelsior* характеризуетъ сѣверный теплоумѣренный поясъ (Кл. 951); его сѣверная линія идетъ отъ Шотландіи чрезъ среднюю Скандинавію и южную Финляндію на среднюю Волгу (Кл. 941), постепенно отклоняясь отъ 63° с. ш. въ Норвегіи до 50—51° въ Россіи (Кл. 1028). Карпаты, западная Россія, Кавказъ, Швейцарія (до 3510') и пр. лежатъ въ области распространенія ясеня (Кл. 1028).

9. *Дубъ* (§ 80, 18). Гомонимика этого слова (*quercus, arbor*) показываетъ, что въ праславянское время дубъ былъ царемъ лѣсовъ, лучшимъ представителемъ древесной силы. Окаменѣлости дуба находятся въ третичной формации (Бл. 385). Въ арійскихъ мифахъ, особенно въ германскихъ и славянскихъ, дубъ—могучее дерево громовника—играетъ видную роль (Гриммъ Миф. 43 сл., 126, 342 сл., 374, 599, 605, 616, 677, СЛII; Манг. см. *Eiche* по Reg.; Аван. I, 307, 501, 554, 675, 709, 788, II, 7, 19 сл., 140, 294 сл., 324 сл., 346, 466, 474, 502, 505, 652, 670 сл., 704 сл., 776, III, 473, 539, 577, 581). *Quercus* господствуетъ въ теплоумѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія (Кл. 951). Изъ 230 его разновидностей въ Европѣ извѣстны 20 и въ Азій 97 (Кл. 1030). На сѣверѣ дубъ доходитъ въ Норвегіи до 65° с. ш., въ Россіи до 55° с. ш., въ восточной же Азій до 50° с. ш. (Кл. 1031).

Желудь (§ 80, 18) также встрѣчается въ славянскихъ мифахъ (Аван. II, 299—300, 713). Пикте заключаетъ, что уже Праарійцы питались желудями (I, 217). Это подтверждается и древнеславянскимъ синонимомъ желудя—*жиръ* (§ 80, 18).

10. *Бука* (§ 80, 19). Часто встрѣчается въ германскихъ мифахъ (Гриммъ Миф. 373, 599; Манг. см. *Buche* по Reg.). Родиной этого дерева считаютъ Германію, гдѣ и теперь въ Швабіи, Голштиніи, Шлезвигѣ и пр. стоятъ вѣковые буковые лѣса (Кл. 1031). Собственная область распространенія бука—средняя Европа между 45 и 58° с. ш. Въ Норвегіи бука доходитъ до 63° с. ш., въ Швеціи до 65°, въ Россіи до параллели Петербурга, Казани и Екатеринбурга. Въ южной Европѣ бука растетъ лишь по высотамъ горъ альпійскихъ, аппенинскихъ, пиренейскихъ, балканскихъ. Въ Карпатахъ бука достигаетъ 3.900' высоты; на Этнѣ же 6.653' (Кл. 1031). Эти данныя какъ будто подтверждаютъ догадку Пикте, что Нѣмцы примѣнили персидское *būk quercus* къ растенію *fagus*, въ чемъ за ними послѣдовали и Славяне уже въ очень отдаленное время (Шафар. I, 469). Это подтверждается и праславян-

скимъ *грабъ* (§ 80, 20), означающимъ дерево близкое къ буку и распространенное въ томъ-же теплоумѣренномъ поясѣ (Григор. 280).

11. *Каштанъ* (§ 80, 21). Декандоль считалъ его родиной южную Европу, Грузію и восточный Кавказъ (Шикте I, 249); Генъ же выводитъ каштанъ изъ Малой Азіи, предполагая его путь чрезъ Фракію, Македонію и Фессалію въ Грецію (во 2-мъ в. до Р. Х.) и оттуда въ Италію (341—342). Въ настоящее время каштанъ распространенъ въ сѣверномъ теплоумѣренномъ поясѣ Европы и другихъ частей свѣта (Кл. 951, 1032). Сѣверная линия каштана приблизительно совпадаетъ съ сѣв. предѣлами винограда (ib. 1031).

12. *Яворъ* (§ 80, 22). Играетъ нѣкоторую роль въ славянскихъ мифахъ (Аван. II, 500, 502). Въ разныхъ нарѣчіяхъ съ этимъ словомъ соединяются различныя значенія: на югѣ преобладаетъ значеніе *platanus*, асег *platanoides*, на западѣ же и востокѣ асег *pseudoplatanus*. Для опредѣленія начального значенія необходимо обратиться къ исторіи и географіи этихъ деревьевъ. Родину платана полагаютъ въ передней Азіи; изъ Фригіи, Ликии или Ирана онъ проникъ въ Грецію, повидимому уже послѣ Омира (Генъ 252). Изъ Греціи платанъ распространился въ Италію (ib. 253). И нынѣ лишь въ Греціи и на востокѣ сохраняетъ платанъ свой основной типъ и свободное развитіе (Кл. 1029). Разные виды асег (*acer platanoides*, *acer pseudoplatanus*, *acer campestre*) принадлежатъ издавна умѣренной Европѣ; изъ 36 разновидностей 6 считаются европейскими (Кл. 1029). Его находятъ въ окаменѣлостяхъ третичной эпохи (Кл. 385). Праславянское слово *кленъ* (§ 80, 23, ср. Аван. III, 706), обозначающее асег *campestre*, *acer pseudoplatanus*, также свидѣтельствуетъ въ пользу древняго знакомства Славянъ съ асег (Генъ 254—255). На этомъ основаніи можно предполагать, что и яворъ обозначалъ первоначально отдѣльные виды рода асег и лишь впоследствии, на югѣ, по сходству приложенъ къ *platanus orientalis*.

13. *Липа* (§ 80, 24). Въ германскихъ и славянскихъ мифахъ считается священнымъ деревомъ (Гриммъ Миф. 591, 599, 710; Манг. см. Linde по Reg.; Аван. II, 303, 347). По предположенію Гена, юго-восточная Европа, склоны Карпатъ и прилегающія равнины были встарь однимъ липовымъ лѣсомъ (Генъ 505). Въ самомъ дѣлѣ, липа туземна въ Европѣ: изъ 10 ея видовъ 6 принадлежатъ Европѣ и лишь 4 Америкѣ (Кл. 1029). *Tilia europaea* достигаетъ глубокаго сѣвера какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи (ib. 1030), хотя она предпочитаетъ климатъ теплоумѣренный (ib.). Липовый листъ употребляется въ народной медицинѣ и въ научной фармакологіи, какъ потогонное средство (Шрофъ 573).

14. *Мурва* (§ 80, 25). Изъ двухъ видовъ *mogus* ни одинъ не туземенъ въ Европѣ. *Mogus nigra* принесена въ Грецію изъ Мидіи или Понта, въ вѣкъ трагиковъ; чрезъ Италію, гдѣ шелковица была хорошо извѣстна въ вѣкъ Августа, она перешла во Францію, Англію, Германію (Генъ 333—337). *Mogus* же *alba* принесена изъ восточной Азіи лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ (ib. 338; Кл. 1068). На сѣверъ она не распространяется далѣе 53° с. ш.

15. *Лавръ* (§ 80, 26). Родина его находится вѣроятно на востокѣ, въ теплоумѣренномъ поясѣ (Кл. 951, 1026). Чрезъ Малую Азію лавръ очень рано сталъ извѣстенъ Грекамъ, у которыхъ слылъ священнымъ деревомъ Аполлона (Генъ 197, 193). Изъ Греціи лавръ распространился въ Италію (ib. 196) и далѣе по побережью Средиземнаго моря. Въ германскіе миѣи онъ проникъ чуть ли не по подражанію Грекамъ (Манг. см. *Lorbeer* по *Reg.*), такъ какъ *laugus nobilis* едва касается южныхъ границъ Германіи (Кл. 1026).

16. *Хвоя* (§ 80, 27), *сосна* (§ 80, 28), *боръ* (§ 80, 29), *ель* (§ 80, 30), *смерека* (§ 80, 31): всѣ эти пять праславянскихъ словъ относятся къ разнымъ видамъ хвойныхъ деревьевъ. Древность послѣднихъ въ Европѣ видна изъ находенія ихъ окаменѣлостей въ каменноугольной, юрской и мѣловой формаціяхъ (Григор. 528; Кл. 1200). *Pinus* и *abies* попадаютъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Извѣстно, что и янтарь (§ 43, 2) составился изъ смолы различныхъ породъ хвойныхъ деревьевъ. Въ германскихъ и славянскихъ миѣахъ хвойныя играютъ нѣкоторую роль. Такъ въ германскихъ миѣахъ встрѣчаемъ: *Fichte* (Гриммъ *Миѣ.* 354, 375, 679; Манг. 15, 21, 47), *Tappe* (Гриммъ *Миѣ.* 353 сл., 444, 456; Манг. см. *Reg.*), *Kiefer* (Манг. см. *Reg.*), *Pinie* (ib. 572), *Cederbaum* (ib. 293), *Lärchenbaum* (ib. 35, 101); въ славянскихъ же: сосну (Аѳан. II, 347), боръ (ib. II, 501; ср. Гриммъ *Миѣ.* 478), ель (Аѳан. II, 325, 504 сл., III, 752). Древнѣйшее историческое упоминаніе еловыхъ деревьевъ у Славянъ находимъ у Иродота, который говоритъ, что Βουδίνου... φειροτραφέουσι μόνου τῶν ταύτη (IV, 109), что толкуется: *Budini soli ejus regionis pices pineas edunt* (Шафар. II, 674). Доказательствомъ распространенности у Праславянъ сосны можетъ служить слово боръ, соединявшее въ себѣ значенія: *pinus*, *silva* (§ 80, 29, § 65, 6), подобно какъ дубъ и дубрава (§ 80, 18, § 65, 5). Хвойныя деревья во множествѣ разновидностей распространены въ сѣверномъ полушаріи какъ Старого (254 разновидностей), такъ и Нового (157) Свѣта (Кл. 1011). Въ подъярѣтическомъ поясѣ хвойныя составляютъ главную массу лѣсовъ (ib. 951); но и въ умѣренномъ поясѣ (45—58° с. ш.) они еще очень замѣтны (ib.). Сѣверная граница

хвойныхъ опредѣляется 70° с. ш. въ Европѣ и 68° с. ш. въ Сибири (Кл. 1012). Что касается отдѣльныхъ видовъ хвойныхъ, то изъ многочисленныхъ гомонимій праславянскихъ ихъ названій видно, что Праславыне не различали строго различныхъ видовъ, какъ это замѣчается и въ классическихъ языкахъ (Генъ 255). Такъ въ словѣ сосна соединялись значенія *pinus* и *abies*, хотя первое замѣтно преобладаетъ въ нарѣчіяхъ; въ словѣ смерека тоже смѣшеніе, съ преобладаніемъ однако значенія *abies*. Наибольшей опредѣленностію отличается слово ель *abies*. Изъ этого можно вывести, что Праславынамъ извѣстны были многіе виды хвойныхъ деревьевъ и что они замѣчали ихъ взаимное сходство. Отличіе сосны (боръ) отъ ели (смерека) было конечно наблюдаемо, но не въ такой ясности, чтобы устранять взаимное смѣшеніе ихъ. Замѣчательно, что лиственница (§ 80, 31), характеризующая лѣса сѣверовосточной Россіи (Кл. 1012), не имѣетъ древнеславянскаго названія: можетъ быть она смѣшивалась всеобще съ сосной или стала знакома Славынамъ лишь въ позднѣйшее время.

17. *Кипарисъ* (§ 80, 32). Хотя онъ упоминается изрѣдка въ мѣстахъ германскихъ и славянскихъ (Манг. 45; Аван. II, 501), однако знакомство съ нимъ Славынъ не восходитъ къ очень древнему времени. Родину кипариса полагаютъ на плоскогорьяхъ Кабулистана (Генъ 241); чрезъ Персію и Вавилонію онъ проникъ на о. Кипръ и, усвоивъ себѣ имя этого острова, распространился съ нимъ въ Грецію, Сицилію, Италію, въ бассейнѣ Средиземнаго моря (Генъ 241—245). Въ настоящее время кипарисъ въ 18 разновидностяхъ разсѣянъ по его побережьямъ въ южной Европѣ, Малой Азіи, Критѣ и сѣверной Африкѣ (Кл. 1014), едва касаясь при этомъ странъ славянскихъ.

18. *Тисъ* (§ 80, 33). Въ каменноугольныхъ слояхъ находятъ плодъ *trigonokaeron*, который приписываютъ виду тиса (Кл. 348). Различныя (до 17) виды тиса распространены по разнымъ странамъ сѣвернаго полушарія (Кл. 1011). Самый обыкновенный изъ нихъ *taxis baccata* растетъ въ горныхъ лѣсахъ средней и южной Европы и въ Азіи (Кл. 1013). Генъ полагаетъ, что тисъ перенесенъ къ Славынамъ и прибалтійскимъ Эстамъ съ Рейна (460). Во всякомъ случаѣ древность знакомства Славынъ съ тисомъ не можетъ быть оспариваема (ср. Пикте I, 229).

§ 197.

Виды плодовыхъ деревьевъ.

1. *Яблоня* (§ 81, 1). Въ слояхъ третичной эпохи попадаются окаменѣлости яблоней (Григор. 527); обугленные остатки яблокъ найдены

и въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ германскихъ и славянскихъ мѣсахъ яблоки имѣють символическое значеніе (Гриммъ Мнѣ. 442; Манг. см. Apfel по Reg.; Аван. I, 125, II, 308 сл., 370, 430, 433, 507, III, 265, 741). По Декандолю дивная яблоня туземна въ умѣренномъ поясѣ Европы и на Кавказѣ (Пикте I, 238). Культуру яблони въ Европѣ Генъ возводитъ ко временамъ отдаленнымъ, приписывая начало ея то Кельтамъ (537), то Римлянамъ (452), которые воздѣливали нѣсколько видовъ *mal* (Кл. 1066). Теперь въ садоводствѣ извѣстно до 500 породъ яблони (*ib.*), изъ коихъ нѣкоторыя распространены до 60° с. шир. (*ib.*). Къ очень древнему времени восходитъ культура яблони и въ средней Азіи, Кашмирѣ, сѣв. Индіи и Китаѣ (Пикте I, 238; Кл. 1066).

2. *Груша* (§ 81, 2). Подобно яблоку, груша часто упоминается въ германскихъ и славянскихъ мѣсахъ (Гриммъ Мнѣ. 48 сл., 591, 599; Манг. см. *Vigne* по Reg.; Аван. II, 327). Груша туземна въ тѣхъ-же странахъ, гдѣ и яблоня: въ умѣренной Европѣ, на Кавказѣ и пр. (Кл. 1066). Генъ предполагаетъ, что культура груши распространилась съ востока на западъ: отъ Грековъ къ Итальянцамъ, Кельтамъ и Германцамъ (537). Если бы оправдалось предположеніе Гена о происхожденіи латинско-славянскаго слова груша изъ языковъ понтскихъ или прикаспійскихъ (537), то можно бы думать, что и Славяне переняли съ востока воздѣливаніе груши; но едва ли слово груша, яруша не образовалось у Славянъ самостоятельно, изъ того-же корня, что и крушина (§ 78, 12). Теперь культура разныхъ породъ груши, которыхъ насчитываютъ до 1500 (Кл. 1066), простирается не только по всей Европѣ, но и въ глубину Азіи, до Китая, не захватывая однако сѣв. Индіи (*ib.*; Пикте I, 239).

3. *Дуля* (§ 81, 3). *Μήλον Κυδωνιον* принесено въ Грецію изъ области Кидоновъ на о. Критѣ, не позже VII в. до Р. X. (Генъ 209); изъ Греціи *malum cydonium* перешло въ Италію (*ib.* 210) и распространилось постепенно по всему побережью Средиземнаго моря. Дико дуля растеть въ Имеретіи; культура же разныхъ (до 8) породъ ея проникла до Кашмира, сѣв. Индіи и сѣв. Китая (Кл. 1066).

4. *Слива* (§ 81, 4) Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдена *prunus inscitia* (Кл. 1204); это подтверждаетъ догадку Декандоля (Пикте I, 242) и Гена (332), что этотъ видъ сливы туземенъ въ Европѣ. Въ германскихъ мѣсахъ изрѣдка упоминается слива (Гриммъ Мнѣ. 678, XCVI; Манг. 69, 223). Культура ея очень стара въ южной Европѣ; лучшія породы пересажены изъ Азіи (Генъ 332). Уже Римляне знали много разновидностей сливы; теперь ихъ насчитываютъ до

200 (Кл. 1067). Они распространены въ сѣверномъ умѣренномъ и подтропическомъ поясахъ (Григор. 201).

5. *Вишня* (§ 81, 5), *черешня* (§ 81, 6): ихъ взаимное отношеніе аналогично нѣмецкимъ Weichsel и Kirsche, но очень часто разные виды *segasus* смѣшиваются по нарѣчіямъ. Нѣкоторые изъ видовъ *segasus*, напр. с. *avium*, туземны въ Европѣ, особенно въ Греціи и на Кавказѣ (Кл. 1067; Пикте I, 244); но лучшія породы *rupus segasus* принесены, кажется, изъ Малой Азіи (Генъ 346): рассказываютъ, что Лукуллъ впервые перенесъ черешню изъ Понта въ Италію (*ib.* 347), откуда она распространилась по западной Европѣ. Генъ полагаетъ, что Славяне, по переселеніи въ котловину Дуная, переняли черешню отъ Нѣмцевъ (349). Это могло произойти лишь въ очень отдаленное время, такъ какъ иначе трудно бы объяснить органичность перезвуковъ нѣмецкаго Kirsche въ славянскомъ языкѣ.

6. *Брусковина* (§ 81, 7). *Amygdalus persica* въ названіи сохраняетъ воспоминаніе о своей персидской родинѣ. Изъ Персіи и Арменіи чрезъ Малую Азію проникъ персикъ въ Италію, въ императорское время, откуда распространился въ Грецію и другія южноевропейскія области (Генъ 368 сл.). Въ Крыму и Закавказьѣ онъ растетъ теперь дико, какъ и въ Персіи. Культура персика очень древня въ Китаѣ, который признается нѣкоторыми его прародиной. Породъ персика теперь извѣстно до 200 (Кл. 1068). Его область едва задѣваетъ южныя границы славянской земли.

7. *Смоква* (§ 81, 8). Родина смоквы въ симитской передней Азіи, именно въ Сиріи или Палестинѣ, гдѣ она часто упоминается уже въ Ветхомъ Завѣтѣ (Генъ 83). Греки переняли отъ Симитовъ смоквицу уже въ поомировское время; изъ Греціи же она проникла въ Италію (*ib.* 85). И теперь область распространенія смоквы не выходитъ за предѣлы сѣвернаго подтропическаго пояса (Кл. 952). Генъ полагаетъ, что Славяне могли узнать смокву не иначе, какъ чрезъ посредство Готовъ, вслѣдствіе чего и слово смоква онъ производитъ отъ готскаго *smakka* (501); но вѣроятнѣе предположеніе Шафарика объ обратномъ заимствованіи готскаго слова отъ Славянъ, такъ какъ послѣдніе гораздо раньше Готовъ сталкивались на Черномъ морѣ съ Греками и могли отъ нихъ узнать какъ плодъ смоквы, такъ и греческое названіе *σμητή*, воспроизведенное потомъ въ смокы (§ 81, 8).

8. *Маслина* (§ 81, 9). Родину ея полагаютъ въ южной части передней Азіи, въ странахъ симитскихъ, гдѣ она часто упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ (Генъ 87). Такъ какъ маслина любитъ море и известковыя горы, то она не водилась ни вглубь Азіи, ни въ Египтъ (*ib.*).

Отъ Симиговъ переняли маслину Греки во время близкое къ Омиру, которому *ἔλαιον* представлялось еще экзотическимъ произведеніемъ (ib. 88). Отъ Грековъ или Финивіанъ, не позже VI в. до Р. Х., проникла маслина въ южную Италію и распространилась по ней, такъ что въ I в. до Р. Х. Италія уже первенствовала въ культурѣ oleae (ib. 99). Въ настоящее время она сосредоточена въ бассейнѣ Средиземнаго моря, не распространяясь на сѣверъ далѣе 46° с. ш. (Кл. 1027 сл.).

§ 198.

*Выводы изъ девятой главы.*I. Параллели для *праславянскихъ* словъ:

- 1) въ матеріальныхъ остаткахъ: брускъ (§ 187, 2), папоротникъ (§ 187, 43), спорышъ (§ 187, 62), мохъ (§ 188, 14), сочиво (§ 189, 17), бобъ (§ 189, 18), горохъ (§ 189, 19), макъ (§ 189, 21), ленъ (§ 190, 1), рожь (§ 191, 2), ячмень (§ 191, 3), овесъ (§ 191, 4), пшеница (§ 191, 5), пырей (§ 191, 6), трость (§ 192), малина (§ 193), тернъ (§ 194, 2), бузина (§ 194, 8), лещина (§ 194, 11), ива (§ 196, 2), тополь (§ 196, 4), береза (§ 196, 6), берестъ, вязъ (§ 196, 7), дубъ (§ 196, 9), яворъ, клень (§ 196, 12), хвоя, сосна, боръ, ель, смерека (§ 196, 16), тисъ (§ 196, 18), яблоня (§ 197, 1), слива (§ 197, 4);
- 2) въ мнѣяхъ: лѣсъ (§ 175), головня, уголь, пепель (§ 184), смола, пекло, деготь (§ 185), бѣлена (§ 187, 5), девесиль (§ 187, 11), крапива (§ 187, 22), куколь (§ 187, 25), молочай (§ 187, 33), мята (§ 187, 34), осоть (§ 187, 41), папоротникъ (§ 187, 43), чернобыль (§ 187, 67), лукъ (§ 189, 15), чеснокъ (§ 189, 16), горохъ (§ 189, 19), макъ (§ 189, 21), конопля (§ 190, 2), хмель (§ 190, 3), жито (§ 191, 1), трость (§ 192), тернъ (§ 194, 2), глогъ (§ 194, 3), шиповникъ (§ 194, 4), калина (§ 194, 7), бузина (§ 194, 8), орѣшникъ (§ 194, 12), рябина (§ 196, 1), ива, ракета, верба (§ 196, 2), осина (§ 196, 3), тополь (§ 196, 4), береза (§ 196, 6), ясень (§ 196, 8), дубъ (§ 196, 9), яворъ (§ 196, 12), липа (§ 196, 13), сосна, боръ, ель (§ 196, 16), яблочно (§ 197, 1), груша (§ 197, 2);
- 3) въ мѣстныхъ и племенныхъ названіяхъ: отава (§ 174), дерево (§ 174), лѣсъ (§ 175), смола (§ 185), коприва (§ 187, 22), жито (§ 191, 1), тернъ (§ 194, 2);

- 4) въ историческихъ свидѣтельствахъ: лѣсъ (§ 175), бобъ (§ 189, 18), жито (§ 191, 1), овесъ (§ 191, 4), пшеница (§ 191, 5), пыро (§ 191, 6), просо (§ 191, 7), тростъ (§ 192), сосна (§ 196, 16).

II. Параллели для словъ древнеславянскихъ:

- 1) въ матеріальныхъ остаткахъ: бобовникъ (§ 187, 2), рдестъ (§ 187, 54), хвощъ (§ 187, 65), крушина (§ 194, 9), яловець (§ 194, 10);
- 2) въ мифахъ: зола (§ 184, верба-трава (§ 187, 6), душица (§ 187, 14), кукушка (§ 187, 26), лялія (§ 187, 27/2), одолень (§ 187, 37), омегъ (§ 187, 38), прострѣль (§ 187, 49), брусника (§ 192), роза (§ 194, 5), крушина (§ 194, 9), яловець (§ 194, 10).

III. Параллели для словъ областныхъ.

- 1) въ матеріальныхъ остаткахъ: крыжовникъ (§ 192);
- 2) въ мифахъ: табакъ (§ 190, 4), греча (§ 191, 8), кипарисъ (§ 196, 17).

IV. Гомонимическія сближенія приложимы къ словамъ: быліе (§ 174), гуца (§ 175), лоза (§ 178), пень (§ 180), цвѣтъ (§ 183), губа (§ 188, 1), грибокъ (§ 188, 2), головня (§ 188, 12), лишай (§ 188, 13), сочиво (§ 189, 17), жито (§ 191, 1), пырей (§ 191, 6), гроздь, лоза (§ 195), дубъ (§ 196, 9), жиръ (§ 196, 9), яворъ (§ 196, 12), боръ (196, 16).

V. Историческія и географическія заключенія:

- 1) Успѣхи умственныхъ обобщеній выразились въ раздѣленіи растительнаго царства на два основныя класса съ третьимъ переходнымъ (§ 174, § 175).
- 2) Ботаническая наблюдательность устремлена была болѣе на вѣшніе органы и части растений, чѣмъ на внутренніе (§ 176—183).
- 3) Отдѣльныя виды растений настолько были изучены, что многія ихъ внутреннія свойства были открыты и послужили основаніемъ для примѣненій техническихъ, медицинскихъ и питательныхъ, что выразилось отчасти въ названіяхъ соответственныхъ растений, отчасти же въ самомъ фактѣ древняго знакомства Славянъ имепно съ растеніями: а) *техническими*, б) *медицинскими* и γ) *питательными*, каковы:
  - а) брускъ (§ 187, 3), серпъ (§ 187, 59), береза (§ 196, 6), берестъ (§ 196, 7), липа (§ 196, 13);
  - б) бедронецъ (§ 187, 1), бобовникъ (§ 187, 2), бѣлена (§ 187, 5), глистникъ (§ 187, 9), горечавка (§ 187, 10), девесиль (§ 187, 11),

диванка (§ 187, 12), дурманъ (§ 187, 13), душица (§ 187, 14), копытникъ (§ 187, 23), костеръ (§ 187, 24), куколь (§ 187, 25), мяточникъ (§ 187, 30), медуница (§ 187, 31), молочай (§ 187, 33), мята (§ 187, 34), наперсточникъ (§ 187, 35), одолень (§ 187, 37), омегъ (§ 187, 38), подбѣлъ (§ 187, 46), полынь (§ 187, 48), прострѣлъ (§ 187, 49), протычъ (§ 187, 50), псинка (§ 187, 52), раникъ (§ 187, 53), розопастъ (§ 187, 56), ромашка (§ 187, 57), рута (§ 187, 58), слизникъ (§ 187, 60), хвощъ (§ 187, 65), чемерица (§ 187, 66), чернобыль (§ 187, 67), чернушка (§ 187, 69), мухоморъ (§ 188, 7), трутъ (§ 188, 9), плюсникъ (§ 188, 15), горчица (§ 189, 14), бузина (§ 194, 8), яловецъ (§ 194, 10), липа (§ 196, 13);

γ) къ питательнымъ растеніямъ между праславянскими непосредственно относятся слѣдующія: 11 видовъ стручковыхъ и огородныхъ овощей (§ 60, § 189), 7 видовъ хлѣбныхъ злаковъ (§ 62, § 191), 2 вида ягодныхъ кустарниковъ (§ 64, § 193) и 6 видовъ плодовыхъ деревьевъ (§ 81, § 197).

4) Праславянская территория изобиловала лѣсами (§ 175) и болотами (§ 192); она находилась въ *умѣренномъ* поясѣ Стараго Свѣта, вѣроятно въ Европѣ, простираясь широко отъ границъ теплаго до подъарктическаго пояса. Послѣднее явствуетъ изъ особаго изобилія древнихъ названій для характерныхъ представителей флоры означеннаго пояса. Въ доказательство соберемъ здѣсь представленныя въ изслѣдованіи приблизительныя опредѣленія областей распространенія растений:

а) по всему свѣту распространены: крапива (§ 187, 22), жукушка (§ 187, 26), молочай (§ 187, 33), псинка (§ 187, 52), слизникъ (§ 187, 60), губа (§ 188, 1), лишай (§ 188, 13), мохъ (§ 188, 14);

β) сѣверному умѣренному и холодному поясамъ свойственны: хвощъ (§ 187, 65), черника, боровика, клюква (§ 192), деренъ, свидна, глогъ (§ 194, 3), рябина (§ 196, 1), ива, ракита, верба (§ 196, 2), береза (§ 196, 6), хвойныя деревья (§ 196, 16);

γ) сѣверному умѣренному поясу принадлежатъ: лебеда (§ 187, 27), полынь (§ 187, 48), раникъ (§ 187, 53), спорышъ (§ 187, 62), чернобыль (§ 187, 67), ленъ (§ 190, 1), брусника (§ 193), верескъ (§ 194, 1), жимолость (§ 194, 6), яловецъ (§ 194, 10), лещина (§ 194, 11), плющъ (§ 194, 13);

δ) сѣверному теплоумѣренному поясу свойственны: верба-трава (§ 187, 6), медуница (§ 187, 31), калина (§ 194, 7), крушина (§ 194, 9),

- ясень (§ 196, 8), дубъ (§ 196, 9), каштанъ (§ 196, 11), кленъ (§ 196, 12), липа (§ 196, 13);
- е) въ Европѣ и сѣв. Азіи растутъ: дятлипа (§ 187, 15), бузина (§ 194, 8), осина (§ 196, 3);
- з) въ большей части Европы: бѣлена (§ 187, 5), ромашка (§ 187, 57), щавель (§ 187, 72), мухоморъ (§ 188, 6), шиповникъ (§ 194, 4), ольха (§ 196, 5), берестъ, вязъ (§ 196, 7);
- н) въ умѣренной Европѣ: бедренецъ (§ 187, 1), копытникъ (§ 187, 23), костеръ (§ 187, 24), наперсточникъ (§ 187, 35), яблоня (§ 197, 1), груша (§ 197, 2), слива (§ 197, 4), вишня (§ 197, 5).

Всѣ эти географическія примѣненія не имѣютъ, конечно, абсолютнаго, а лишь условное значеніе. Очень многія изъ растений, характеризующихъ одинъ поясъ, встрѣчаются и въ другихъ; но для насъ имѣли въ данномъ случаѣ важность нормы, а не отступленія. Мы не отрицаемъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и послѣднія могутъ видоизмѣнять заключенія, но при среднихъ выводахъ, основанныхъ на большемъ числѣ данныхъ, отклоняющее вліяніе такихъ отступленій не можетъ обнаружиться очень замѣтнымъ образомъ.

5. Со временъ самыхъ отдаленныхъ Славяне находились въ живыхъ сношеніяхъ съ окружающими народами, что выразилось въ раннемъ *усвоеніи* ими *растений чужеземныхъ*. Между послѣдними первое мѣсто занимаютъ хлѣбные злаки, огородные овощи, растения техническія и плодовые деревья, вообще питательныя растения; на второмъ планѣ стоятъ растения украшающія. Родина большей части *питательныхъ* растений оказывается въ средней или передней Азіи, но нѣкоторыя искони были туземны и въ Европѣ, то средней, то южной. Такъ изъ средней Азіи происходятъ тыква (§ 189, 1), арбузъ (§ 189, 2), дыня (§ 189, 3), огурецъ (§ 189, 4), лукъ (§ 189, 15), чеснокъ (§ 189, 16), горохъ (§ 189, 19), конопля (§ 190, 2), ячмень (§ 191, 3), греча (§ 191, 8); изъ передней или западной Азіи: чечевица (§ 189, 17), пшеница (§ 191, 5), смоква (§ 197, 7), маслина (§ 197, 8), виноградъ (§ 195); изъ южной Европы: свекла (§ 189, 8), петрушка (§ 189, 11); изъ средней Европы: капуста (§ 189, 5), рѣпа (§ 189, 6), морковь (§ 189, 9), пастернакъ (§ 189, 10), рожь (§ 191, 2), овесъ (§ 191, 4); изъ юго-восточной Азіи: рисъ (§ 191, 9); изъ Америки: картофель (§ 189, 12), табакъ (§ 190, 4), кукурузка (§ 191, 10). Столь же разнообразна родина *украшающихъ* растений: роза (§ 194, 5), каштанъ (§ 196, 11), кипарисъ (§ 196, 17) происходятъ изъ средней Азіи; платанъ (§ 196, 12), лавръ (§ 196, 15) изъ

передней Азии и т. п. Время усвоения Славянами культуры питательных и украшающих растений очень разнообразно, какъ различны и пути заимствованій въ этой области. Одни напр. растения могли быть вынесены Славянами изъ средней Азии въ періодъ начального ихъ выселенія съ юго-востока: они соотвѣтствуютъ дославянскому и праславянскому слоямъ славянскихъ словъ; другія же растения усвоены были впоследствии отъ Татаръ, Турокъ и т. п. Несомнѣнно, что классическіе народы, особенно Греки, были посредниками въ распространеніи у Славянъ нѣкоторыхъ растений, но кажется въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у Кельтовъ и Германцевъ, которые издавна совершенно отрѣзаны были отъ очаговъ старой азіатской культуры, съ коими Славяне никогда совершенно не разрывали связей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Царство животныхъ.

§ 199.

Праславянскаго названія для понятія animal не встрѣчаемъ; самое древнее изъ подходящихъ словъ *животное* (§ 83) имѣетъ по нарѣчіямъ разныя частныя примѣненія, особенно къ домашнему скоту и птицамъ. Изъ этого видно, что въ сознаніи Праславянъ не выработалось еще понятія о родовомъ единствѣ въ видовомъ разнообразіи живыхъ существъ. Когда же оно стало вырабатываться, то основою обобщенія послужило наблюденіе родоваго сходства въ строеніи и жизни домашнихъ животныхъ.

§ 200.

С л и з н я к и.

Для этого класса животныхъ, представляющаго такое разнообразіе формъ въ тропическихъ моряхъ, встрѣчаемъ очень мало древнихъ славянскихъ названій. Къ праславянскому періоду восходитъ, кажется, слово *плазъ* (§ 84, 1), но оно не имѣетъ полной опредѣленности значенія, соотвѣтствуя этимологически латинскому animal герепс. Древняго происхожденія должно быть и слово *слимакъ* (§ 84, 2): лишь его отсутствіе въ югославянскихъ нарѣчіяхъ мѣшаетъ признанію его словомъ

праславянскимъ. Этимологически оно чуть ли не однозначуще со слизнякъ. Разные виды *limax* находятся по влажнымъ мѣстамъ на сушѣ въ обоихъ полушаріяхъ (Кл. 1133, 1153). Улитка играетъ нѣкоторую роль и въ арійскихъ мифахъ (Гриммъ Миф. СЛІІІ; Губерн. 396 сл.). Съ *устрицами* (§ 84, 3) Славяне познакомились, судя по названію, чрезъ посредство югозападныхъ народовъ. Хотя окаменѣлости устрицъ находятся уже въ юрской формаціи (Кл. 370) и хотя онѣ водятся во всѣхъ европейскихъ моряхъ (Кл. 1133), вслѣдствіе чего рано стали знакомы всѣмъ западно-арійскимъ народамъ (Пикте 516), однако Славяне познакомились съ устрицами уже въ позднее сравнительно время.

Изъ названій полиповъ къ древнему періоду относится слово *карака-тица* (§ 84, 4), означающее, повидимому, существо долгоногое или многоногое, подобно греч. *καλύπτους*. Окаменѣлости полиповъ находятся въ силурской формаціи (Кл. 337); водятся они во всѣхъ Европейскихъ моряхъ: въ одномъ Средиземномъ морѣ 162 вида (Кл. 1176, 1179).

Изъ того обстоятельства, что для 20000 видовъ живыхъ и 20000 ископаемыхъ моллюсковъ (Кл. 1133) находимъ лишь четыре древнихъ названія, изъ коихъ развѣ одно несомнѣнно праславянское, можно заключать, что Праславяне населяли страну довольно удаленную отъ теплыхъ морей, изобилующихъ слизняками, или по крайней мѣрѣ, что они мало знакомы были съ фауною европейскихъ морей.

§ 201.

Ч е р в и.

Сюда относятся три праславянскихъ названія: *червь* (§ 85, 1), *пѣвица* (§ 85, 4), *листа* (§ 85, 5). Первое имѣетъ родовое значеніе; два послѣднія видовое—кровососовъ и нутряковыхъ паразитовъ. Къ древнему періоду восходитъ и слово *поправъ* (§ 85, 2), означающее, быть можетъ, животное ныряющее, пронизывающее насквозь предметы. Въ арійскихъ мифахъ черви, гложущіе сердцевину дерева и сердце челоуѣка, встрѣчаются довольно часто (Гриммъ Миф. 558, 660, 672, 675; Манг. 13, 66, 560; Аван. II, 719, III, 73, 74, 215, 575). Болѣе 2000 видовъ червей разсѣяно по всѣмъ поясамъ земли (Кл. 1133); до 300 видовъ найдено въ ископаемомъ состояніи (Л. 403).

§ 202.

Н а с ѣ к о м ы я.

Для понятія *insectum* нѣтъ праславянскаго названія. Слова *гзымышъ* (§ 86, 1) и *жужелица* (§ 86, 2) не имѣютъ характера праславянскаго,

хотя и восходятъ въ древнему періоду, при чемъ первое заключаетъ указаніе на ползучесть, а второе на жужжаніе насѣкомыхъ. Видно, что обобщеніе этого обширнаго класса животныхъ, заключающаго въ себѣ до 100000 видовъ, изъ коихъ 1322 найдено въ третичныхъ формаціяхъ (Кл. 386), не произошло въ праславянское время.

§ 203.

Гусеница.

Праславянское слово *гусеница* (§ 87) показываетъ, что метаморфозы насѣкомыхъ были наблюдаемы уже въ первобытное время. Это подтверждаютъ и мнѣя, связанные съ гусеницами въ германскихъ и славянскихъ преданіяхъ (Манг. см. Raure по Reg.; Аван. III, 214 сл., 234).

§ 204.

Гнида, вошь, клопъ.

Паразитныя насѣкомыя: *гнида* (§ 88, 1) и *вошь* (§ 88, 2) были извѣстны уже Праславянамъ, а первое быть можетъ и Праарійцамъ (Пикте I, 414). *Клопъ* же (§ 88, 3) или *стѣница* (§ 88, 4) сталъ извѣстенъ Славянамъ, какъ и другимъ Арійцамъ (Пикте I, 417), уже въ позднѣйшее сравнительно время. Теперь сіѣхъ распространенъ по всѣмъ поясамъ, отъ самаго глубокаго сѣвера до Патагоніи (Кл. 1148, 1174).

§ 205.

Жуки.

Сюда относятся два древнихъ слова: *хрущъ* (§ 89, 1) и *жукъ* (§ 89, 2). Оба названы по впечатлѣніямъ издаваемого ими хрустѣнія, жужжанія. Окаменѣлости жуковъ находятся въ каменноугольныхъ слояхъ (Кл. 349). Въ арійскихъ мнѣяхъ жуки не лишены символическаго значенія (Аван. II, 684, III, 293, 295 сл.; Губерн. 500 сл.; Манг. см. Käfer по Reg.). Особенно должно это сказать о *божьей коровкѣ* *sozzinella septempunctata*, которая была вѣроятно знакома уже въ древне-славянское время, какъ священный жучекъ солнечной зари, подобно нѣмецкому *Gotteskühlein, Sonnenkäfer* (Аван. III, 295 сл.). Жуки раз-

сѣяны по всему свѣту (Кл. 1116), но наибольшее ихъ число живетъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ (Кл. 1134): въ средней Европѣ насчитываютъ до 4100 видовъ жуковъ (ib. 1153). Праславяне умѣли отличать жуковъ отъ другихъ насѣкомыхъ, но не видно, чтобы они имѣли частныя названія для этого богатаго видами (до 80000) отдѣла насѣкомыхъ.

§ 206.

Пругъ, сверчекъ, стрекоза.

Для семейства saltatoria имѣется нѣсколько древнихъ словъ: *пругъ* (§ 90, 1), *скачекъ* (§ 90, 2), *кобылка* (§ 90, 3), *коникъ* (§ 90, 4), *саранча* (§ 90, 6), *сверчекъ* (§ 90, 7), *итуръ* (§ 90, 8); но изъ нихъ одно лишь (сверчекъ) можетъ быть признаваемо праславянскимъ. Въ названіяхъ этихъ насѣкомыхъ выражается то ихъ попрыгунчество (пругъ, скачекъ), уподобляющее ихъ крошечнымъ лошадамъ (кобылка, коникъ), то ихъ стрекотня (сверчекъ, ср. *стрекоза* § 90, 10), похожая на постукиванье молотка (*кузнечикъ* § 90, 8, ср. Аван. II, 739). Въ арійскихъ мнѣяхъ насѣкомыя этого семейства, какъ напр. Heuschrecke (Гриммъ Мнѣ. 661, 709; Gubern. 375), Grille (Гриммъ Мнѣ. 660, LXXIX, LXXXIX, CVII), cicada (Гриммъ Мнѣ. 709; Губерн. 512), пругъ (Аван. II, 739), сверчекъ (ib. II, 739, III, 215, 684), щуръ (ib. II, 89 сл.), имѣютъ символическое значеніе.

Хотя родина нѣкоторыхъ изъ рассматриваемыхъ видовъ находится въ теплыхъ странахъ (Кл. 1153, 1155), однако и въ умѣренномъ и даже холодномъ поясахъ они очень обычны (Кл. 1116, 1158, 1162). Сѣверный предѣлъ распространенія саранчи, которой родина въ средней Азии, пролегаетъ отъ Испаніи чрезъ Швейцарію, Баварію, среднюю Польши и югомъ Россіи до сѣв. Китая (Кл. 1123).

§ 207.

Блоха, комаръ, муха.

Сюда относятся четыре праславянскихъ слова: *блоха* (§ 91, 1), *комаръ* (§ 91, 2), *муха* (§ 91, 3) и *овадъ* (§ 91, 4). Корневое значеніе всѣхъ этихъ словъ въ славянщинѣ затемнилось. Въ арійскихъ повѣрьяхъ встрѣчаемъ и блоху (Гриммъ Мнѣ. LXX; Манг. см. Floh по Reg.), и комара (Аван. II, 139), и муху (Гриммъ Мнѣ. 559; Манг. см. Fliege по Reg.; Губерн. 511 сл.; Аван. III, 215 сл., 267, 729). Разные виды

этихъ насѣкомыхъ широко распространены по всѣмъ поясамъ какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта (Кл. 1167, 1171, 1116, 1148, 1170, 1176, 1127).

§ 208.

*Моль, мотылекъ, шелко-
вичникъ.*

Для насѣкомыхъ мотыльковыхъ существуетъ два праславянскихъ слова: *моль* (§ 92, 1) и *мотылекъ* (§ 92, 2). Къ древнему же періоду восходить, повидимому, и *нетопырь* (§ 92, 3). Мотыльки играютъ замѣтную роль въ мифахъ германскихъ и славянскихъ (Гриммъ Миф. 479, 559, 606, 609, 612, 671 сл.; Манг. см. Schmetterling по Reg.; Аѳан. II, 740, III, 215 сл., 234, 254, 293, 296, 566 сл., 810). Хотя изъ 22000 видовъ мотыльковыхъ насѣкомыхъ не менѣе 2200 распространены въ средней Европѣ, однако не видно, чтобы древніе Славяне умѣли различать даже главные изъ этихъ видовъ.

Что касается *шелковичника* (§ 92, 4), то его родиной считаютъ Китай и вост. Индію (Кл. 1127, 1162). Въ Европу *bombyx mori* проникъ не ранѣе VI в. по Р. Х.; въ теченіе среднихъ вѣковъ онъ распространился исподоволь по землямъ южнoевропейскимъ.

§ 209.

Муравей, оса, пчела.

Къ праславянскому періоду восходятъ слова: *муравей* (§ 93, 1), *оса* (§ 93, 2), *шершень* (§ 93, 3), *пчела* (§ 93, 4), *трутень* (§ 93, 5), *шмель* (§ 93, 6). Корневое значеніе первыхъ двухъ затемнилось; шершень вѣроятно означалъ насѣкомое шереховатое, названія же пчелы, трута и шмеля образованы по впечатлѣніямъ издаваемыхъ ими звуковъ. Въ арійскихъ мифахъ встрѣчаемъ нерѣдко муравья (Гриммъ Миф. 660, LXXI; Губерн. 372 сл.; Аѳан. III, 302, 312, 537) и пчелу (Гриммъ Миф. 660; Губерн. 506; Аѳан. I, 381 сл., 385, II, 740, III, 215, 785), а кой-гдѣ осу (Гриммъ Миф. СII; Губерн. 510) и шмеля (Губерн. 510; Аѳан. III, 234). Муравьи распространены въ разныхъ видахъ по всему свѣту (Кл. 1158, 1162, 1166, 1167, 1170). Осы также водятся и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ (Кл. 1172). Пчелы принадлежатъ Старому Свѣту и Австраліи (Кл. 1166); лишь съ 1675 г. распространились онѣ и по Америкѣ (ib. 1127). Пчеловодство восходитъ ко временамъ очень древ-

нимъ, хотя первоначально чуть ли не въ формѣ бортничества (Пяте I, 403; Генъ 117, 505). Шмели распространены во многихъ странахъ, но особенно въ средней Европѣ (Кл. 1153).

§ 210.

Паукъ, клещъ, ракъ.

Сюда относятся три древнихъ слова: *паукъ* (§ 94, 1), *клещъ* (§ 94, 2) и *ракъ* (§ 94, 3). Первое и послѣднее восходятъ къ періоду праславянскому. Окаменѣлости пауковъ найдены въ каменноугольномъ періодѣ (Кл. 349); многіе (до 1600) виды раковъ также найдены въ ископаемомъ состояніи (Л. 388). Въ арійскихъ мѣахъ паукъ (Гриммъ Мнѣ. 710, LXX, LXLIII, CXVII; Манг. см. Spinne по Reg.; Gubern. 466 сл.; Аѳан. III. 133) и ракъ (Гриммъ Мнѣ. 664; Губерн. 611 сл.) не лишены символическаго значенія. Хотя въ теплыхъ странахъ встрѣчается болѣе видовъ пауковъ и раковъ, чѣмъ въ умѣренныхъ и холодныхъ (Кл. 1135, 1182), однако и въ послѣднихъ они очень обычны.

§ 211.

Рыбы.

Рыба хорошо была знакома Праславянамъ не только въ родовомъ смыслѣ (§ 95), но и въ нѣсколькихъ видовыхъ отгѣнкахъ. Окаменѣлости рыбъ найдены въ силурской формациі (Кл. 337). Мнѣны всѣхъ Арійцевъ подтверждаютъ раннее ихъ знакомство съ рыбами (Гриммъ Мнѣ. 169, 646; Губерн. 592; Аѳан. III, 152). Изъ множества видовъ рыбъ, которыхъ извѣстно до 13000 (Кл. 1133), въ томъ числѣ до 853 въ Европѣ, древніе Славяне были знакомы со слѣдующими:

1. *Окунь* (§ 96, 1). *Perca fluviatilis* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арійскихъ мѣахъ окунь играетъ очень видную роль (Губерн. 607, 597; Аѳан. II, 219). Хотя главнымъ жилищемъ окуней служатъ тропическія моря (Кл. 1136), однако они водятся и въ умѣренныхъ поясахъ, въ морской и прѣсной водѣ (Кл. 1178; Л. 197).

2. *Судакъ* (§ 96, 2). *Lucioperca sandra* упоминается изрѣдка въ мѣахъ (Губерн. 607). Водится судакъ во всѣхъ значительныхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Балтійское, Черное и Каспійское моря, равно какъ и въ озерахъ, сообщающихся съ этими морями (Л. 198). Онъ могъ быть слѣдовательно знакомъ и древнимъ Славянамъ.

3. *Ершъ* (§ 96, 4). Ершъ встрѣчается въ русскихъ повѣрьяхъ; онъ водится въ прѣсныхъ водахъ сѣверной Европы (Л. 198).

4. *Лосось* (§ 96, 6). *Salmo salar* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ Эддѣ *Lachs* играетъ нѣкоторую роль (Губерн. 595). До 120 видовъ *salmo* водятся въ морскихъ и прѣсныхъ водахъ Старога и Новаго Свѣта (Л. 210). Въ Старомъ Свѣтѣ лосось распространенъ отъ Бискайскаго залива до Нордкапа и отъ Бѣлаго моря до Камчатки, южною границею для сѣвернаго лосося принимается 45° с. ш. (Кл. 1137).

5. *Пеструшка* (§ 96, 7). Въ названіи хорошо сохраняется первоначальное представленіе этой пестрой рыбы. Водится пеструшка по всей средней Европѣ (Кл. 1153), особенно въ быстрыхъ горныхъ потокахъ и холодныхъ проточныхъ озерахъ (Л. 210).

6. *Карпъ* (§ 96, 8). Окаменѣлости найдены въ третичной формации (Кл. 386, ср. 1204). Въ арійскихъ мѣахъ родъ *surginus* играетъ, наряду съ *regsa*, видную роль (Губерн. 607); но едва ли подъ нимъ разумѣлся встарь настоящій карпъ *surginus sagrio*, такъ какъ родина послѣдняго, кажется, въ средней Европѣ (Кл. 1127, 1153). Теперь карпы распространились далеко на сѣверъ и востокъ, по Европѣ и Азіи (Кл. 1137).

7. *Шаранъ* (§ 96, 9). Распространенность этого названія у Славянъ южныхъ и восточныхъ свидѣтельствовала бы о древности ихъ знакомства съ *surginus potdmanii*; но возможно предполагать и заимствованіе первыми отъ послѣднихъ, что согласно съ наибольшей распространенностію шарана въ Днѣпрѣ, Бугѣ и Днѣстрѣ (Л. 212), т. е. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Русь наиболѣе приближается къ задунайскому Славянству.

8. *Карась* (§ 96, 10). Хотя слово это заимствовано, повидимому, изъ латинскаго, однако *surginus sagassius* могъ быть и въ очень древнее время извѣстенъ Славянамъ, такъ какъ онъ свойственъ средне-европейскому поясу (Кл. 1153; Л. 212).

9. *Линь* (§ 96, 11). Это праславянское названіе обозначаетъ рыбу, обычную въ водахъ среднеевропейскаго пояса (Кл. 1153, Л. 213).

10. *Пискарь* (§ 96, 12). *Surginus gobio* водится во всей почти Европѣ, вплоть до Архангельска (Л. 213).

11. *Лещъ* (§ 96, 13). Встрѣчается въ арійскихъ мѣахъ (Губерн. 602 сл.); водится лещъ въ прѣсныхъ водахъ среднеевропейскаго пояса (Кл. 1153).

12. *Плотва* (§ 96, 14). *Surginus idus* распространена по Европѣ и Сибири (Л. 214).

13. *Елецъ* (§ 96, 15). *Cyprinus leuciscus* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204); онъ водится и теперь въ средне-европейскомъ поясъ (Кл. 1153).

14. *Язь* (§ 96, 16). Распространенъ въ рѣкахъ и озерахъ сѣверной и восточной Европы (Л. 214).

15. *Уклея* (§ 96, 17). Водится въ прѣсныхъ водахъ всей почти Европы (Л. 214).

16. *Сельдь* (§ 96, 18). Центръ распространения сельдей находится въ сѣверовосточной части Атлантического океана и прилегающихъ морей (Кл. 1121, 1176); это объясняетъ, почему Славяне познакомились съ этой рыбой чрезъ посредство Нѣмцевъ.

17. *Щука* (§ 96, 19). Окаменѣлости езох *lucius* встрѣчаются въ третичной формации (Кл. 386, ср. 1204). Въ арійскихъ мѣгахъ щука играетъ видную роль (Губерн. 595 сл.; Аван. II, 151 сл., 157 сл.). Водится она въ сѣверномъ поясъ обоихъ полушарій (Кл. 1136, 1137, 1153; Л. 215).

18. *Сомъ* (§ 96, 20). Попадается въ мѣгахъ (Аван. II, 241). Водится сомъ въ рѣкахъ, впадающихъ въ Балтійское, Черное, Азовское и Каспійское моря, а также въ большихъ рѣкахъ западной Европы (Л. 217). Въ рѣкахъ южной Азии и южной Америки сомъ также довольно распространенъ (Кл. 1137).

19. *Мень* (§ 96, 22). *Lota vulgaris* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). *Gadus lota* водится теперь въ прѣсныхъ водахъ средней и сѣверной Европы (Л. 219).

20. *Минога* (§ 96, 23). *Petromyzon fluviatilis* водится въ рѣкахъ системъ Нѣмецкаго, Балтійскаго и Бѣлаго морей; *petromyzon* же *marginus*—во всѣхъ почти европейскихъ моряхъ (Л. 228; ср. Кл. 1177).

21. *Угорь* (§ 96, 24). Въ языкѣ отразился взглядъ Праарійцевъ на сродство угря со змѣею (Пикте I, 510). Въ арійскихъ мѣгахъ угорь играетъ нѣкоторую роль (Губерн. 600 сл.); водится онъ въ прѣсныхъ водахъ системъ Средиземнаго, Нѣмецкаго и Балтійскаго морей (Л. 221; ср. Кл. 1177, 1178).

22. *Осетръ* (§ 96, 25). Встрѣчается въ русскихъ народныхъ повѣрьяхъ (Губерн. 604). *Acipenser sturio* распространенъ въ соленыхъ и прѣсныхъ водахъ Европы и сѣверной Азии, но преимущественно въ большихъ рѣкахъ Россіи (Л. 224; Кл. 1136, 1137).

§ 212.

Пресмыкающіяся.

Сюда относятся четыре праславянскихъ слова: *гадъ* (§ 97, 1), *ужъ* (§ 97, 2), *змѣя* (§ 97, 3) и *смокъ* (§ 97, 4). Первое изъ этихъ названій имѣетъ довольно общій и широкій смыслъ, свидѣтельствуя своими гомонимами о нелюбви Праславянъ къ пресмыкающимся животнымъ. Ужъ и змѣя заключаютъ, кажется, въ себѣ понятіе подвижности, какъ лат. *serpens*. Чуть-ли не тоже значеніе пресмыкательства лежитъ въ основѣ слова *смокъ*. Въ третичной формаціи встрѣчаются окаменѣлости змѣй (Кл. 386). Въ арійскихъ мифахъ змѣи играютъ очень обширную роль (Гриммъ Миф. 388, 394—397, 459, 466, 542, 557 сл., 593, 610, 612, 631, 659, 701; Манг. см. *Schlange* по Reg.; Губерн. 637 сл.; Аѳан. см. ужъ и змѣй по указат.). Особенное значеніе имѣлъ въ славянскихъ мифахъ *смокъ* (Аѳан. см. указат.); онъ соотвѣтствовалъ крылатому дракону германскихъ (Гриммъ Миф. 466, 542, 558, 572, 707; Манг. см. *Drache* по Reg.) и другихъ арійскихъ мифовъ (Аѳан. II, 285, 365, 509, 520, III, 478, 815). Древнѣйшее историческое свидѣтельство о змѣяхъ въ славянской землѣ находимъ у Иродота: • незадолго до нашествія Дарія Невры принуждены были, по его словамъ, ἐκλιπὼν τὴν χώραν πᾶσαν ὑπὸ δφίων, ὄφιας γάρ σφι πολλοὺς μὲν ἢ χώρα ἀνέφανε, οἱ δὲ πλεῖνες ἀνωθέν σφι ἐκ τῶν ἐρτίμων ἐπέπεσον, ἐς δ' πεζόμενοι (Νεῦροί) οὐκῆσαν μετὰ Βουδίνων τὴν ἐαυτῶν ἐκλιπόντες (IV, 105; ср. Шафар. II, 674).

Родина пресмыкающихся подъ тропиками; въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ ихъ на половину меньше (Кл. 1138). Змѣи не распространяются далѣе 62° с. ш. (Кл. 1138). Лишь изрѣдка попадаются онѣ у Бѣлаго моря (Кл. 1148). Морскія змѣи водятся лишь въ Индійскомъ и Великомъ океанахъ (Кл. 1139); летающіе же драконы встрѣчаются на Зундскомъ архипелагѣ (Кл. 1164, 1182).

§ 213.

Земноводныя.

Къ праславянскому періоду восходятъ слѣдующія названія: *ящерица* (§ 98, 1), *желвь* (§ 98, 2), *жаба* (§ 98, 3). Всѣ они имѣютъ родовое значеніе, относясь къ наиболѣе выдающимся типамъ амфибій.

Окаменѣлости ящерицъ находятся въ каменноугольномъ періодѣ (Кл. 349). Въ арійскихъ мифахъ ящерица не лишена символическаго

значенія (Гриммъ Мнѣ. ХСІ; Губерн. 634). Хотя *laserta* болѣе свойственна теплому поясу, однако и въ Европѣ встрѣчаются до 63 видовъ ящерицъ (Кл. 1140). По мѣрѣ приближенія къ сѣверу число видовъ сокращается и въ русской напр. Лапландіи водится лишь одинъ видъ ящерицы (Кл. 1148).

Окаменѣлости черепахъ встрѣчаются въ юрской формаци (Кл. 370); *testudo europaea* найдена въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арійскихъ мнѣяхъ встрѣчаемъ изрѣдка черепахъ (Губерн. 616). Распространены теперь онѣ по всему свѣту (Кл. 1140), но особенно въ теплыхъ краяхъ (Л. 163).

Rana esculenta найдена въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арійскихъ мнѣяхъ жабы играютъ значительную роль (Гриммъ Мнѣ. 631, 652; Манг. см. *Frosch* по *Reg.*; Губерн. 624 сл., 628; Аван. II, 450 сл., 624 сл., III, 256 сл., 451, 520). Изъ 380 видовъ лягушечныхъ животныхъ 45 свойственны сѣверному полушарію Старога Свѣта; изъ нихъ 4 вида собственно европейскихъ (Кл. 1138).

§ 214.

П т и ц ы.

Отъ праславянскаго языка осталось не только родовое названіе *птица* (§ 99), но и нѣсколько дюжинъ названій видовыхъ, свидѣтельствующихъ о близкомъ знакомствѣ Праславянъ съ пернатыми жильцами воздуха. Сотни двѣ видовъ птицъ, найденныхъ въ ископаемомъ состояніи (Кл. 1133; Л. 101), свидѣлствуютъ о древности ихъ пребыванія и въ сѣверныхъ предѣлахъ. Многіе мнѣи также связаны съ представленіями птицъ (ср. Аван. III, 214 сл.). Изъ 8.000 видовъ птицъ наибольшее число (1680) свойственно южной Америкѣ, но и Европа очень богата въ этомъ отношеніи, особенно въ семействѣ птицъ хищныхъ (Кл. 1141, 1168). Сѣверныя области Старога Свѣта содержатъ до 620 видовъ птицъ (Кл. 1142); изъ нихъ въ Европѣ встрѣчается до 503 видовъ, изъ коихъ многіе общи съ Африкою и Азіею, а 130 видовъ даже съ сѣв. Америкою (Кл. 1148).

Къ древнему времени относится знакомство Славянъ со слѣдующими видами птицъ:

1. *Воробей* (§ 100, 1). Встрѣчается въ германскихъ и славянскихъ мнѣяхъ (Гриммъ Мнѣ. 656, LXXIII; Аван. I, 510, II, 377 сл.). *Passer* водится по всему Старому Свѣту (Кл. 1141), а многіе виды и въ Америкѣ (Кл. 1168, 1173). Родиной домашняго воробья считаютъ берега Средиземнаго моря; по мѣрѣ распространенія хлѣбонашества въ западной

Европѣ онъ подвигался къ сѣверу, достигъ 70° с. ш., а съ начала XVIII в. появился на Ленѣ и Оби (Кл. 1128).

2. *Чижь* (§ 100, 2). *Fringilla spinus* распространенъ по Европѣ (Л. 127).

3. *Щеголь* (§ 100, 3). *Fringilla carduelis* довольно обыченъ въ Европѣ (Л. 127; ср. Кл. 1152).

4. *Чечетъ* (§ 100, 4). *Fringilla linaria* водится въ сѣверной Европѣ Азіи, Америкѣ (Л. 1127; ср. Кл. 1152).

5. *Зябликъ* (§ 100, 5). *Fringilla coelebs* распространенъ по Европѣ, проникая на сѣверъ и на горы дальше и выше воробьевъ (Л. 127; Кл. 1152); нѣкоторые виды зяблика водятся въ Огненной Землѣ и Полинезіи (Кл. 1174).

6. *Гиль* (§ 100, 6). *Rothschwänzchen* упоминается въ германскихъ мѣоахъ (Гриммъ Мѣо. ХСVI). Водится гиль въ холодныхъ странахъ Европы, перелетая зимою къ югу (Л. 126).

7. *Сниирь* (§ 100, 7). Въ названіи этой птицы выражается то-же представление, что въ нѣм. *Schneeammer*, *Winterling*.

8. *Соловей* (§ 100, 8). Царь пѣвчихъ птицъ получилъ свое названіе отъ того-же корня, что и Славяне. Въ арійскихъ мѣоахъ соловей встрѣчается не рѣдко (Губерн. 520 сл.; Аван. I, 302, 306 сл., 509, 514, III, 223, 671, 728). Разные виды соловьевъ водятся въ сѣверномъ поясѣ Стараго Свѣта (Кл. 1142): такъ *sylvia luscinia* распространена по бассейну Средиземнаго моря и сѣвернѣе его, до Англии; *sylvia philomela* въ юго-восточной Европѣ; *sylvia svecica* въ Швеціи и другихъ сѣверныхъ странахъ (Кл. 1151). Осенью соловьи улетаютъ въ теплыя страны.

9. *Жаворонокъ* (§ 100, 9). Изрѣдка встрѣчается въ арійскихъ мѣоахъ (Губерн. 548 сл.; Аван. III, 690). Разные виды жаворонка распространены въ сѣверномъ поясѣ обояхъ полушарій. Въ Европѣ извѣстно до 10 видовъ; нѣкоторые виды водятся и въ Африкѣ, средней Азіи и Сибири (Кл. 1151, 1154).

10. *Синица* (§ 100, 10). Упоминается въ литовскихъ мѣоахъ (Гриммъ Мѣо. 659). Разные виды *ragus* распространены въ большей части міра: *ragus major* во Франціи, *ragus ater* и *ragus palustris* во всей Европѣ, до Сибири, *ragus bicolor* отъ сѣв. Америки до сѣв. Россіи и Даніи, *ragus pendulinus* отъ южной Франціи до Польши и отъ Италіи до Крыма (Кл. 1152). Если-бы лингвистическія основанія были за древнеславянское происхожденіе названій: синица, сикора (§ 100, 10), то географическія не противорѣчили бы тому; но такъ какъ первыя не даютъ точекъ опоры для такого предположенія, то и вторыя теряютъ свою доказательную силу.

11. *Ивома* (§ 100, 11). Водится по всей почти Европѣ (Л. 120). *Otiolus galbula* распространена въ Вост. Индіи и на Зундскомъ архипелагѣ (Кл. 1162 сл.).

12. *Дроздъ* (§ 100, 12). Большая часть видовъ принадлежитъ холоднымъ странамъ (Кл. 1151; ср. Л. 120); но нѣкоторые водятся и въ теплыхъ, напр. *turdus selescus* въ Аравіи, гдѣ истребляетъ саранчу (Кл. 1159). *Turdus pilaris* путешествуетъ отъ Сибири до Европы (Кл. 1151). Въ древнемъ Римѣ дроздовъ разводили и держали по домамъ, какъ живность (Генъ 323).

13. *Косъ* (§ 100, 13). Нѣкоторые виды косовъ водятся въ сѣверныхъ странахъ и по высокимъ горамъ (Кл. 1151), другіе въ Африкѣ (ib. 1159), Бразиліи (ib. 1169) и т. д.

14. *Скворецъ* (§ 100, 14). *Sturnus vulgaris* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Отдѣльные виды скворцевъ распространены по всей почти Европѣ (Л. 128), другіе водятся въ Африкѣ (Кл. 1159), Бразиліи (ib. 1169), Огненной Землѣ (ib. 1174) и другихъ странахъ.

15. *Сорока* (§ 100, 15). Часто встрѣчается въ арійскихъ мѣахъ (Гриммъ Мнѣ. 388, 658 сл.; Губерн. 537; Аѳан. I, 509 сл., II, 108, 531, 604 сл., III, 217, 254, 513, 535 сл., 575). *Pica* распространена по сѣверному умѣренному поясу (Кл. 1149); нѣкоторые виды водятся и въ Патагоніи (ib. 1173).

16. *Соя* (§ 100, 16). Водится въ Европѣ (Л. 129).

17. *Кавка* (§ 100, 17). *Cogvus monedula* упоминается въ славянскихъ мѣахъ (Аѳан. I, 509 сл., III, 575); водится она въ Европѣ (Л. 129).

18. *Ворона* (§ 100, 18). По соображеніямъ Пикте *cogvus cognix* была извѣстна уже Праарійцамъ (Пикте I, 472). Въ мѣахъ ворона играетъ не малую роль (Гриммъ Мнѣ. 439, 650, 657, 680; Губерн. 527; Аѳан. III, 254, 482, 535, 607). Вороны распространены по всей Европѣ (Л. 129), до самаго глубокаго сѣвера (Кл. 1147); водятся и въ сѣв. Америкѣ (Кл. 1157).

19. *Воронъ* (§ 100, 19), *крукъ* (§ 100, 20). *Cogvus* часто встрѣчается въ арійскихъ мѣахъ (Гриммъ Мнѣ. 387 сл., 537, 558, 563, 651, 656 сл., 660, 663, 709; Манг. 151; Аѳан. I, 365, 455, 495, 497, 501, 507 сл., 510 сл., 527, II, 228, III, 14, 105, 221, 365, 482, 535, 787, 789). Въ древнихъ названіяхъ городовъ Варна въ Болгаріи (Шафар. II, 233) и Врановъ въ Моравіи (ib. 516) находимъ тотъ-же корень, что въ словахъ ворона, воронъ. Воронъ переноситъ всѣкую температуру, вслѣдствіе чего онъ распространенъ отъ Гренландіи до Мыса

Доброй Надежды и отъ Гудсонова залива до Мексики (Кл. 1149). Нѣкоторые виды водятся въ Вост. Индіи (ib. 1162).

20. *Удодъ* (§ 100, 21). Встрѣчается въ символикѣ арійскихъ мифовъ (Гриммъ Миф. LXXVII, LXXX; Губерн. 515 сл.). Хотя ирира принадлежитъ главнѣйше фавнѣ Средиземнаго моря (Кл. 1152), однако водится и въ другихъ частяхъ Европы (Л. 130).

21. *Ласточка* (§ 100, 22). По соображеніямъ Пикте она была извѣстна Праарійцамъ (I, 483). Въ арійскихъ мифахъ ласточка, какъ вѣстникъ весны, считается священной пташкой (Гриммъ Миф. 388, 438, 658 сл., LXXIII, XCII, XCVI, XCVII; Губерн. 523 сл.; Аван. I, 454 сл., 509 сл., 669, II, 378, 543, 685 сл., 728, III, 223, 294, 684 сл.). Ласточки распространены по всей Европѣ (Л. 131); осенью онѣ перелетаютъ къ Средиземному морю и въ Африку, гдѣ гнѣздятся зимою. *Hirundo rurpestris* принадлежитъ всему Старому Свѣту. Въ Бразиліи есть особыя виды ласточекъ (Кл. 1169).

22. *Стрижъ* (§ 100, 23). *Regulus* встрѣчается въ арійскихъ мифахъ (Губерн. 500 сл.). *Hirundo raparia* водится во всей Европѣ, распространяясь на сѣверъ до Сибири (Кл. 1169; Л. 131).

23. *Голубь* (§ 100, 24). По соображеніямъ Пикте Праарійцы не знали голубя; лишь по раздѣленіи Аріевъ на двѣ вѣтви, юговосточную и сѣверозападную, распространилось у нихъ знакомство съ этой нѣжной птицей (I, 399). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены остатки вида *columba palumbus* (Кл. 1204). Въ арійскихъ мифахъ, начиная съ Ведъ и кончая современными сказаніями, голуби играютъ очень видную роль (Губерн. 564 сл., Аван. 365, 491, 510, 540 сл., II, 217, 294, 378, 466 сл., III, 186, 221 сл.; 534, 545, 789). Дикій голубь распространенъ по всему свѣту: 6 видовъ водятся въ Европѣ (Кл. 1152), 8 въ сѣв. Америкѣ (ib. 1157), 32 въ Австраліи (ib. 1165); особыя породы населяютъ пальмовыя рощи Сахары (ib. 1158), плоскогорья средней Азіи (ib. 1159), лѣса Вост. Индіи (ib. 1162) и южной Америки (ib. 1171, 1173). Родиной домашняго голубя Генъ считаетъ Евфратъ; оттуда онъ перенесенъ въ Малую Азію, Грецію (296—297), Сицилію, Италію (300) и распространился по всей Европѣ (301), гдѣ теперь извѣстно до 100 породъ его (Л. 132). Если вѣрна догадка Гена, что славянское слово голубь образовано по аналогіи лат. *columba* (301, 525), то нужно бы признать Италію источникомъ знакомства съ голубями (домашними?) и для Славянъ.

24. *Горлица* (§ 100, 25). *Columba turtur* распространена по всей умѣренной и южной Европѣ (Л. 132; Кл. 1152).

25. *Кукушка* (§ 100, 26), *зетзица* (§ 100, 27). *Cuculus* часто встрѣчается въ арійскихъ мѣахъ, какъ бездомная и пророческая птица (Гриммъ Мнѣ. 389—394, 558, 704, 710; Манг. см. *Kukuk* въ Reg.; Губерн. 513; Аѳан. I, 509, III, 225 сл., 294, 686 сл., 728). Перелетная кукушка водится въ разныхъ видахъ во всемъ Старомъ Свѣтѣ и нѣкоторыхъ частяхъ Америки (Кл. 1151, 1162; Л. 113).

26. *Дятель* (§ 100, 28). Имѣеть символическое значеніе въ арійскихъ мѣахъ (Гриммъ Мнѣ. 388, 545, 658; Губерн. 542 сл.; Аѳан. I, 496, 512, II, 398, 471, III, 225, 803). Разные виды *picus* распространены по всему свѣту; особенно многочисленны они во влажныхъ лѣсахъ сѣверной и южной Америки (Кл. 1150, 1157, 1171, 1174), а также на Зундскомъ архипелагѣ (ib. 1163). Въ Европѣ извѣстно 8 видовъ; всѣ они водятся и въ Россіи (Л. 112).

27. *Желна* (§ 100, 29). Упоминается въ славянскихъ мѣахъ (Аѳан. I, 512, III, 225). *Picus martius* опустошаетъ лѣса умѣренной Европы (Кл. 1150); еще далѣе распространенъ *picus viridis* (ib.). *Picus canus* обитаетъ въ сѣверной Европѣ и на высяхъ горъ швейцарскихъ (ib.).

28. *Сова* (§ 100, 30), *выръ* (§ 100, 31). *Strix alves* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арійскихъ мѣахъ сова имѣеть символическое значеніе, какъ темная, волшебная птица (Гриммъ Мнѣ. 392, 660, 710, LXXIX; Манг. 127, 147; Губерн. 526; Аѳан. I, 502, 512, 529, II, 14, 105, 111, 222, 365). Разные виды совъ распространены чуть не по всему свѣту, достигая и глубокаго сѣвера (Кл. 1116, 1147, 1150).

29. *Ногъ* (§ 100, 32). Слово это заключаетъ, кажется, представленіе хищной птицы, летающей одиноко, а не стаями. Ногъ встрѣчается изрѣдка въ славянскихъ мѣахъ (Аѳан. I, 505). Онъ имѣлъ въ нихъ значеніе нѣсколько аналогичное грифу другихъ народовъ, отъ которыхъ это названіе и представленіе перешли и въ славянскіе мѣаы (Губерн. 494, 498; Аѳан. I, 503 сл., III, 787).

30. *Сипъ* (§ 100, 33). Пикте предполагаетъ, что *vultur* былъ знакомъ уже Праарійцамъ (I, 458). Въ арійскихъ мѣахъ онъ встрѣчается не рѣдко (Гриммъ Мнѣ. 558, 664; Губерн. 479, 492; Аѳан. II, 471, III, 14). Разные виды этой птицы летаютъ одиноко по умѣреннымъ и теплымъ краямъ какъ Старога, такъ и Новаго Свѣта (Кл. 1149, 1157, 1162, 1166, 1171).

Одинъ изъ видовъ сипа обозначалъ, кажется, древнеслав. *лунъ* (§ 100, 34); но опредѣлить его въ точности трудно, по разнообразію значеній этого слова въ нарѣчіяхъ. Всего вѣроятнѣе, что древніе Славяне не умѣли точно отличать разныхъ видовъ *vultur*, *milvus*, *falco*,

что отражается и въ сбивчивости значеній соотвѣствующихъ словъ въ новославянскихъ нарѣчiяхъ.

31. *Каня* (§ 100, 35). Въ умѣренномъ поясѣ Старога Свѣта, отъ Японiи до сѣв. Африки и южной Европы, распространенъ *milvus* въ двухъ главныхъ видахъ: *milvus regalis* и *milvus niger* (Кл. 1150). Послѣднiй обычнѣе перваго въ умѣренныхъ частяхъ Россiи (Л. 109). *Buteo lagopus* водится въ Европѣ, не исключая сѣверной, и въ сѣв. Америкѣ (Л. 109; Кл. 1150).

32. *Ястребъ* (§ 100, 36). Встрѣчается въ арiйскихъ мiаохъ (Аеан. I, 491 сл., II, 108, 228, 600). *Astur nisus* распространенъ повсемѣстно, кромѣ крайняго сѣвера (Л. 109); *astur* же *palumbarius* въ теплоумѣренномъ поясѣ Старога Свѣта, отъ Францiи и Африки до Сибири, (Кл. 1141). Въ древней Германiи ястребъ (*Habicht*) былъ птицеловомъ на охотахъ (Гриммъ Ист. 49, 460).

33. *Крагуя* (§ 100, 37), *кобець* (§ 100, 38). *Falco nisus* встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). У древнихъ Чеховъ крагуя слылъ священною птицею (Гриммъ Миѳ. 388 сл., Ист. 50). Пикте полагаетъ, что *éregvier* былъ извѣстенъ уже Праарiйцамъ; онъ употреблялся уже и въ древнее время, какъ охотничья птица (I, 468).

34. *Соколъ* (§ 100, 39). Разные виды *falco* (f. *milvus*, f. *palumbarius*, f. *nisus*) найдены въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арiйскихъ мiаохъ соколъ очень обычная птица (Гриммъ Миѳ. 658; Губерн. 479; Аеан. I, 123, 365, 489, 492 сл., 507, 516 сл., 540, II, 6, III, 535, 537). Разные виды сокола водятся во всѣхъ умѣренныхъ и теплыхъ странахъ Европы, въ Африкѣ вплоть до Мыса Доброй Надежды, въ Америкѣ и Австрали (Кл. 1141, 1150, 1162, 1166, 1169); нѣкоторые же виды свойственны одному арктическому поясу, распространяясь до глубокаго сѣвера, какъ *falco candicans*, *lithofalco* и др. (Кл. 1150). Къ очень древнему времени восходитъ соколиная охота. Гриммъ считалъ *Θρακiю* ея источникомъ для Германцевъ (Ист. 47 сл.), Пикте выводитъ ее изъ Персiи (I, 464), Генъ же приводитъ въ связь соколиную охоту у Кельтовъ и Германцевъ на западѣ съ подобнымъ обычаемъ въ древней *Θρακiи* и Индiи, указывая на Скиноовъ, какъ возможныхъ посредниковъ въ распространенiи этого искусства изъ Азiи въ Европу (324, 326, 327).

Изъ областныхъ названiй сокола къ древнему періоду восходитъ, повидимому, западнославянское слово *raroiz*, для котораго имѣется историческое свидѣтельство въ племенномъ названiи Рарожанъ въ Полабѣ VIII—IX-аго вѣка (Шафар. II, 608, 649).

35. *Орелъ* (§ 100, 40). *Aquila falva* и *aquila haliaetus* найдены въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арійскихъ мѣгахъ царственный орелъ играетъ видную роль (Гриммъ Мнѣ. 362, 386 сл., 460, 657, 664; Губерн. 479 сл.; Аван. I, 365, 456, 492 сл., 494, 496, 498, 501, 507, 510 сл., 528, 540, II, 6, III, 365, 570, 758). Разные виды орла водятся по всему сѣверу Старога Свѣта (Л. 107); въ Европѣ насчитываютъ до 10 видовъ, изъ коихъ большая часть свойственны южной, но нѣкоторые—средней и сѣверной Европѣ (Кл. 1150, 1147).

36. *Дрофа* (§ 100, 41). *Otis tarda* живетъ въ вост. Европѣ, *otis* же *tetrax*—въ Испаніи, южной Франціи и южнорусскихъ степяхъ (Кл. 1152). Другіе виды *otis* водятся на плоскогорьяхъ средней Азии и Африки (Кл. 1154, 1159), въ Вост. Индіи и Австраліи (ib. 1162, 1165).

37. *Журавль* (§ 100, 42). Птица эта была, кажется, знакома уже Праарійцамъ (Пикте I, 491). Хотя *grus sibirica* принадлежитъ главнѣйше Европѣ, однако онъ залетаетъ и въ сѣв. Африку, и въ умѣренную Азію (Кл. 1152). Особые виды *grus* водятся въ Вост. Индіи и Австраліи (Кл. 1162, 1185). Въ древнемъ Римѣ журавля держали, какъ домашнюю птицу (Генъ 323).

38. *Коростель* (§ 100, 43). Разные виды *scolopax* водятся почти по всей Европѣ, особенно южной и средней (Л. 142; Кл. 1153). *Rallus scolopax* попадаетъ и въ Патагоніи (Кл. 1173).

39. *Италлица* (§ 100, 44). *Vanellus* встрѣчается по всей Европѣ (Л. 144), но болѣе свойственъ сѣвернымъ, чѣмъ южнымъ странамъ (Кл. 1153).

40. *Куликъ* (§ 100, 45). Окаменѣлости *scolopax* находятся въ жѣловой формациі (Кл. 376). *Scolopax gallinago* имѣетъ символическое значеніе въ германскихъ мѣгахъ (Гриммъ Мнѣ. 126). *Tringa minima* считалась въ древней Исландіи и Даніи одиной птицей (Гриммъ Мнѣ. 108). Бекасы (*scolopax gallinago*) водятся чуть не по всему свѣту (Кл. 1116), особенно же въ странахъ сѣверныхъ (ib. 1152); нѣкоторые виды *scolopax* свойственны Вост. Индіи (ib. 1162) и Патагоніи (ib. 1173); *pumilus* и *tringa* характерны для арктическаго пояса (ib. 1153).

41. *Цапля* (§ 100, 46), *лежень* (§ 100, 47). *Ardea sibirica* встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Разные виды *ardea* распространены по всѣмъ климатамъ (Кл. 1141). *Ardea sibirica* водится во всей почти Европѣ (Л. 148), частяхъ Азии и Африки (Кл. 1152); *ardea alba* и *ardea nivea* господствуютъ въ южной полесѣ Европы (Л. 148, ср. Кл. 1152); особые виды встрѣчаются въ средней Америкѣ (Кл. 1166), Бразиліи (ib. 1169), Патагоніи (ib. 1173). *Sarginaulus* прилетаетъ лѣтомъ въ умѣренную Европу, но зимою онъ живетъ въ теплыхъ краяхъ (Кл. 1151).

42. *Бусель* (§ 100, 48), *стерль* (§ 100, 49). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены остатки *ciconia alba* (Кл. 1204). Въ арійскихъ мѣахъ аистъ играетъ роль нѣсколько аналогичную ласточкѣ, вѣстнику весны (Гриммъ Миѳ. 438 сл., 659, LXXI, LXXXI; Губерн. 539; Аѳан. I, 494 сл., II, 471, III, 254, 293). *Ciconia alba* водится въ умѣренной и южной Европѣ, западной Азіи и сѣверной Африкѣ; *ciconia* же *nigra* болѣе характеризуетъ вост. Европу (Кл. 1152; ср. Л. 148). Особые виды аиста водятся въ Вост. Индіи (Кл. 1162) и Патагоніи (ib. 1173); но они совсѣмъ неизвѣстны сѣв. • Америкѣ (Кл. 1157).

43. *Чайка* (§ 100, 51). *Lagus* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Изрѣдка встрѣчаемъ чайку въ славянскихъ мѣахъ (Аѳан. I, 553). Изъ 37 видовъ *lagus* 18 свойственны Европѣ (Л. 155).

44. *Нырокъ* (§ 100, 52). Ныряющій нырокъ названъ тѣмъ-же корнемъ, изъ котораго образовано древнее племенное названіе вѣтви Славянь Нуряне, предотовы *Νευροί* (IV, 17, 100, 102, 105, 119, 125; ср. Шафар. II, 673—675). Изъ 30 видовъ *fuligula* 5 водятся въ Европѣ (Л. 153).

45. *Утка* (§ 100, 53). *Anas boschas* найдена въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арійскихъ мѣахъ утка встрѣчается не рѣдко (Гриммъ Миѳ. 645, Губерн. 575 сл.; Аѳан. I, 516, 530, 533, 540, II, 517, 599, III, 186, 188, III, 545 сл.). Утка—птица сѣвера; лишь залетныя бываютъ на югѣ (Кл. 1126, 1147). Въ сѣверномъ полярномъ поясѣ изъ 41 вида птицъ 20 видовъ утиныхъ (Кл. 1148); особые виды водятся въ Австраліи (ib. 1165) и Бразиліи (ib. 1169). Домашняя утка происходитъ изъ дикихъ утокъ самой Европы (Генъ 320). Лишь *anas moschata* вывезена изъ Бразиліи (Кл. 1126).

46. *Гусь* (§ 100, 54). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены остатки *anser segetum* (Кл. 1204). Въ арійскихъ мѣахъ гусь довольно обычная птица (Гриммъ Миѳ. 241, 343, 386, 556, 603, 623, 645; Манг. 389 сл.; Губерн. 573 сл.; Аѳан. I, 500, 510, 516, II, 88, 732, III, 186, 188, 254). Въ древней Индіи, Греціи, Италиі гуси считались священною птицею (Пикте I, 387). Подобно уткѣ гусь—сѣверная птица (Кл. 1147); онъ водится и на Новой Землѣ (ib. 1148). Особые виды—въ средней Азіи (ib. 1154). Пикте предполагаетъ, что уже Праарійцы знали не только дикаго, но и прирученнаго гуся (I, 387). Въ гомеровское время Греки держали гусей, какъ живность (Генъ 321); въ Италиі гуси также рано были приручены (ib.). Очень вѣроятно, что у Славянь, вблизи сѣверной прародины утокъ и гусей, они тоже

рано были приручены, хотя на то и не имѣется положительных доказательствъ.

47. *Лебедь* (§ 100, 55). *Cygnus musicus* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арійскихъ мифахъ бѣлая лебедь очень часто является въ разныхъ символическихъ значеніяхъ (Гриммъ Миф. 240 сл., 339, 556, 623, 709; Губерн. 573 сл.; Аван. I, 500, 516, 540, 542, 553, II, 204 сл., 217 сл., 247, 314 сл., 568, 765, III, 160 сл., 186, 188 сл., 191, 240, 293, 367, 554). Лебедь очень широко распространенъ по свѣту: лѣто онъ проводитъ на сѣверѣ, зиму на югѣ (Л. 151), залетаетъ въ страны подъарктическія (Кл. 1147), на о. Исландію (ib. 1149), живетъ также на плоскогорьяхъ средней Азіи (ib. 1154), въ Австраліи (ib. 1165) и Патагоніи (ib. 1173). Уже въ древнемъ Римѣ его разводили, какъ домашнюю птицу (Генъ 323).

48. *Неясыть* (§ 100, 56). Подъ этимъ названіемъ разумѣлись различныя птицы: то *pelecanus*, то *vultur*, то *tantalus*. Основаніемъ тому служило, вѣроятно, первоначальное названіе этимъ словомъ вида птицы рѣдкой, залетной. Подобное имя встарь носилъ, по словамъ Багрянороднаго, одинъ изъ днѣпровскихъ пороговъ (Шафар. II, 155). Пеликанъ живетъ въ приморскихъ краяхъ теплыхъ странъ (Л. 154), въ Вост. Индіи (Кл. 1162) и пр. *Tantalus ibis* водится въ западной и средней Африкѣ (Кл. 1159); *tantalus* же *leucoccephalus* въ Вост. Индіи (ib. 1162).

49. *Тетеревъ* (§ 100, 57), *мушарь* (§ 100, 58). *Tetraonidae* характеризуютъ южную лѣсистую часть арктическаго полярнаго пояса (Кл. 1146 сл.). *Tetrao tetrix* водится въ умѣренной и сѣв. Европѣ (Л. 135); *tetrao* же *progallus* въ хвойныхъ лѣсахъ сѣвернаго пояса (Кл. 1152). Въ сѣв. Америкѣ также водятся два вида *tetrao*: *t. umbellus* и *t. cupido* (Кл. 1157).

50. *Рябчикъ* (§ 100, 59). *Tetrao bonasia* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Онъ встрѣчается и въ арійскихъ мифахъ (Губерн. 513 сл.). Рябчикъ распространенъ въ умѣренной и сѣверной Европѣ (Л. 135). На югъ онъ не переходитъ Альпъ и Пиренеевъ (Кл. 1152), въ Азіи же встрѣчается и на центральныхъ плоскогорьяхъ (ib. 1154).

51. *Перепелъ* (§ 100, 60). *Tetrao coturnix* встрѣчается въ арійскихъ мифахъ (Губерн. 550 сл.). Онъ распространенъ по всей почти Европѣ (Л. 135), водится въ сѣв. Африкѣ (Кл. 1152) и по плоскогорьямъ средней Азіи (ib. 1154). Встрѣчается *tetrao coturnix* и въ Вост. Индіи (ib. 1162).

52. *Куропатка* (§ 100, 61). *Perdix* упоминается въ арійскихъ мифахъ (Губерн. 513 сл.). Она водится по всей почти Европѣ (Л. 135), особенно въ средней ея части (Кл. 1152); встрѣчается и по плоскогорьямъ Африки (ib. 1159). Въ сѣв. Америкѣ куропатка не водится (ib. 1157). Въ древнемъ Римѣ *perdix* была разводима, какъ домашняя птица (Генъ 323).

53. *Куры*, *кура* (§ 100, 62), *кокошъ*, *кокошь* (§ 100, 63), *пѣтухъ* (§ 100, 64), *квоочка* (§ 100, 65), *пила* (§ 100, 67). *Gallus*, *gallina* играютъ роль въ арійскихъ мифахъ (Гриммъ Миф. 439, 609, 631, 648, 658 сл., 664 сл., 680 сл.; Манг. см. Nahn по Reg.; Губерн. 553; Аван. 42, 299, 467 сл., 518 сл., 531 сл., II, 88, 106 сл., 117 сл., 250, 259, 295, 324, 365, 373, 531, 663 сл., III, 3, 249, 281, 302, 305, 465, 478, 506, 523, 525, 566, 571, 607, 721, 754, 769, 770 сл., 788 сл., 802). Въ настоящее время куры распространены чуть не по всему свѣту (Кл. 1126). Родину ихъ полагаютъ въ Вост. Индіи, гдѣ водится *gallus bankiva*, считаемый прародителемъ нашего *gallus domesticus* (ib. 277, 1163; Л. 136). Генъ полагаетъ, что онъ распространился изъ Индіи на западъ не ранѣе мидоперсидскихъ походовъ (277), такъ какъ ни библія, ни Омиръ не знаютъ еще домашнихъ куръ (278; ср. Пикте I, 395). Черезъ Персію, гдѣ куры считались священными птицами (Генъ 278), онѣ достигли около VI в. до Р. X. Греціи (ib. 279), откуда перевезены въ Сицилію и Италію (ib. 283). Въ сѣверную Европу куры проникли вѣроятно не чрезъ Италію, а непосредственно изъ Ирана (ib. 287), при чемъ Славяне могли быть посредниками между Иранцами и народами германокельтскими.

54. *Пыранъ* (§ 100, 68), *индюкъ* (§ 100, 69). *Galloravo* происходить изъ сѣв. Америки или Мексики (Кл. 1126, ср. 1157). Можно предполагать, что югославянское и областное русское *пыранъ* прилагалось первоначально къ какой нибудь другой породѣ куръ и лишь впоследствии перенесено на *galloravo*, *meleagris*.

35. *Павлинъ* (§ 100, 70). Упоминается въ индійскихъ и греческихъ мифахъ (Губерн. 587 сл., Аван. I, 157; ср. III, 159). Родина павлина въ Вост. Индіи (Л. 135; Генъ 304). Финикиане перевезли его къ Средиземному морю; Соломонъ получалъ павлиновъ изъ Офира (Генъ 304). Чрезъ о. Самось рано проникъ павлинъ въ Грецію (ib. 305): въ V в. до Р. X. онъ былъ впрочемъ еще большею рѣдкостью въ Афинахъ (ib. 306). Чрезъ Карфагенъ, Сицилію, Сардинію распространился павлинъ въ Италію (ib. 308), а оттуда по всей теплой и умѣренной Европѣ (ib. 311). Славяне должны были получить его также изъ югозападной Европы, какъ показываетъ самое названіе.

§ 215.

Звѣрь, скотъ, говядо.

Сюда относятся три праславянскихъ слова: *звѣрь* (§ 101, 1), *скотъ* (§ 101, 2), *говядо* (§ 101, 4) и одно древнеславянское: *добытокъ* (§ 101, 3). Эти слова показываютъ, что млекопитающія животныя уже въ праславянское время раздѣлены были на два большихъ отдѣла: дикихъ звѣрей и домашнихъ скотовъ, подобно нѣм. Thier и Vieh (Гриммъ Ист. 28). Изъ этимологіи словъ: скотъ, добытокъ видно, что ручныя животныя составляли предметъ цѣнный, почти синонимъ богатства. Это свидѣтельствуешь о развитіи скотоводнаго промысла уже въ праславянское время, что подтверждается и словами импер. Маврикія о Славянахъ: *ὕψιστη δὲ αὐτοῖς κτήνος ἀλόγων παντοίων* (Шафар. II, 694).

§ 216.

Виды дикихъ и домашнихъ млекопитающихъ.

Изъ полуторы тысячи извѣстныхъ теперь видовъ млекопитающихъ животныхъ, изъ коихъ до 121 обитаютъ на европейскомъ материкѣ (Кл. 1133, 1142), Праславянамъ было знакомо непосредственно или посредственно до 40. Но уже въ древнее время эго число нѣсколько увеличилось и могло доходить до 50 видовъ, т. е. около трехъ пятыхъ извѣстнаго теперь въ средней Европѣ числа (85) видовъ (Кл. 1148). Разсмотримъ теперь эти праславянскіе и древнеславянскіе виды млекопитающихъ и представимъ нѣкоторыя данныя для географіи и исторіи ихъ распространенія.

1. *Китъ* (§ 102, 1). Окаменѣлости кита встрѣчаются въ третичныхъ формаціяхъ (Кл. 386). Въ арійскихъ мифахъ онъ упоминается изрѣдка, замѣняя, быть можетъ, какую-нибудь другую древнюю рыбу, напр. у Славянъ щуку (Губерн. 597; Аван. II, 160, 161), такъ какъ для народнаго пониманія китъ кажется рыбой, а не млекопитающимъ животнымъ, что выражается и въ названіяхъ: *Wallfisch*, *velgyba* и т. п. Разные виды кита разсѣяны по всѣмъ океанамъ (Кл. 1116), но особенно многочисленны они въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ (ib. 1174). Возможно, что прежде онъ чаще встрѣчался и въ европейскихъ моряхъ, такъ какъ вообще замѣчено постепенное вымираніе китовъ (Кл. 1130), наряду съ немногими другими остатками болѣе могучей древней фауны.

2. *Тюлень* (§ 102, 2). *Phoca vitulina* водится преимущественно въ арктическомъ и антарктическомъ океанахъ (Кл. 1175, 1176), заплы-

ваесть и въ Средиземное море (ib. 1178). Утверждаютъ, что тюлень есть также въ Каспійскомъ морѣ и Байкалѣ (ib. 1175). Другой видъ rhosa annulata водится въ Ледовитомъ и Великомъ океанахъ, въ Балтійскомъ морѣ, Ладожскомъ и Онѣжскомъ озерахъ (Л. 90).

3. Быкъ (§ 102, 3), бычай (§ 102, 4), волъ (§ 102, 5), коро́ва (§ 102, 6), юнецъ (§ 102, 7), яловица (§ 102, 8), теля (§ 102, 9). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены остатки *bos taugus* (Кл. 1204). Въ арійскихъ мифахъ быкъ и коро́ва играютъ очень обширную роль, особенно послѣдняя (Гриммъ Миф. 384, 576, 646, 655, 660; Манг. см. Куһ по Reg.; Губерн. 1—32, 70 сл.; Аѳан. I, 559, 653 сл., 717, II, 256, 365, 692 сл., 747, III, 47, 115, 302 сл., 474 сл., 485 сл., 491, 496, 523, 532, 551, 574, 577). Древнѣйшее историческое свидѣтельство о быкахъ у Славянъ находимъ въ словахъ Прокопія: *ῥόσων αὐτῷ* (своему богу) *βόας τε καὶ ἰσεία ἄπαντα* (Шафар. II, 692). Уже Праарійцы не только знали, но и приручили быка (Пикте I, 331). По мнѣнію Гена онъ былъ древнѣйшимъ упряжнымъ животнымъ (40). Предкомъ домашняго быка считается *bos igrus* (Генъ 410). Прирученіе произошло едва-ли не въ Азій (ib.). Праславяне несомнѣнно имѣли уже домашнихъ быковъ и воловъ, коровъ и телятъ, какъ видно изъ обилія праславянскихъ названій, сюда относящихся. Въ настоящее время быкъ распространенъ чуть не по всей землѣ, отъ Мыса Доброй Надежды до сѣвернаго полярнаго круга. Въ 1493 г. Колумбъ перевезъ быковъ и въ Америку (Кл. 1126). Теперь ихъ извѣстно 18 видовъ въ Старомъ Свѣтѣ и 2 въ Новомъ (Кл. 1143).

4. *Буйволъ* (§ 102, 10). Древніе Греки прилагали это слово къ антилонамъ, газелямъ, козулямъ, но не къ крупному рогатому скоту (Генъ 533). Итальянцы распространили это названіе на *bos igrus* (ib.). Но *bos bubalus* сталъ извѣстенъ въ Европѣ не ранѣе VI в. по Р. Х., когда онъ былъ приведенъ Аварами въ Угрію и оттуда распространился (ок. 600 г.) въ Италію (Генъ 408), Грецію, страны ниже-дунайскія и по Балканскому полуострову (Кл. 1126). Настоящей же родиной буйвола считаютъ Вост. Индію. (Генъ 407; Кл. 1161, 1162).

5. *Зубръ* (§ 102, 11), *туръ* (§ 102, 12). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены остатки *bos igrus* (Кл. 1198), *bos primigenius* (ib. 1204), *bos biso* (ib.). Въ славянскихъ мифахъ туръ встрѣчается не рѣдко (Аѳан. I, 661 сл., 673, III, 163, 537, 551, 664, 750; ср. Гриммъ Миф. 132; Шафар. I, 72, 549). Арконскій идолъ Свѣтовита держалъ въ правой рукѣ турій рогъ (Аѳан. I, 377). *Bos igrus* водился прежде по всей Европѣ (Л. 86). Въ 1755 г. убитъ послѣдній зубръ въ Пруссіи; съ тѣхъ поръ онъ уцѣлѣлъ еще лишь въ лѣсахъ

Бѣловѣжскихъ (Гродненской губ.), да на Кавказѣ (Кл. 1129). Сѣвероамериканскій *bos bivo* (до 62° с. шир.) и монгольскій *bos grunniens* представляютъ родственные съ зубремъ виды (Кл. 1186; ср. 1157).

6. *Баранъ* (§ 102, 13), *овца* (§ 102, 14), *ягня* (§ 102, 15). *Ovis agies* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Изъ данныхъ языка видно, что овцы были знакомы уже Праарійцамъ (Пикте I, 357). Въ арійскихъ мифахъ овца очень обычное животное (Гриммъ Миф. 31, 126, 566, 595, 614, 665, 709; Манг. см. Schaf, Hammel по Reg.; Губерн. 313 сл., 335 сл.; Аван. I, 682 сл., 714, II, 251 сл., 365, III, 302, 305, 496, 544, 702, 769 сл., 794). Дикія овцы живутъ понынѣ на плоскогорьяхъ средней Азии (Кл. 1154). Оттуда, повидимому, распространились онѣ во множествѣ видовъ по всей землѣ (ib. 1126). Теперь различаютъ 25 видовъ овецъ въ Старомъ Свѣтѣ и 2 въ Новомъ (ib. 1143). Прирученіе овецъ восходитъ къ очень древнимъ временамъ (Генъ 460). Праславяне имѣли уже, безъ сомнѣнія, домашнихъ овецъ, какъ видно изъ обилія праславянскихъ ихъ названій.

7. *Коза* (§ 102, 16). *Capra ibea*, с. *hircus* найдены въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204; ср. 386). Козель и коза часто встрѣчаются въ арійскихъ мифахъ (Гриммъ Миф. 31, 126, 384, 557, 563, 566, 595, 601 сл., 605, 614, 652; 709; Манг. см. Bock по Reg.; Губерн. 314 сл., 335; Аван. I, 334, 682, 684, 692, 714 сл., II, 257, 281, 332, 373, 663 сл., 767, III, 13, 302, 474, 506, 529, 544, 594, 770). Коза распространена теперь чуть не по всему свѣту, особенно въ странахъ гористыхъ (Л. 86; Кл. 1126): въ Старомъ Свѣтѣ различаютъ 18 видовъ и въ Новомъ 2 (Кл. 1143). Родиной домашней козы одни считаютъ среднюю Азію (Пикте I, 365), другіе сѣв. Африку (Генъ 504), третьи Кавказъ (Генъ ib.; ср. Кл. 1126, 1154). Праарійцы знали козу, но можетъ быть въ дикомъ, а не прирученномъ состояніи (Генъ 116, 504); то-же должно сказать и о Праславянахъ.

8. *Серна* (§ 102, 17). *Cervus carpeolus* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ германскихъ мифахъ *Gemse* попадаетъ изрѣдка (Манг. см. Reg.). *Cervus carpeolus* водится въ средне-европейской полосѣ; *gircarpa* же на скалистыхъ обрывахъ Альпъ и Карпатовъ (Кл. 1118), между границами деревьевъ и вѣчныхъ снѣговъ (ib.). Можно предполагать, что прежде серны распространялись далѣ ввышшняго, такъ какъ вообще замѣчено ихъ постепенное вымираніе (Кл. 1129).

9. *Олень* (§ 102, 18), *лань* (§ 102, 19). *Cervus elaphus* и *cervus dama* открыты въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 386, 402). Въ арійскихъ мифахъ олень и лань встрѣчаются не рѣдко

(Гриммъ Мнѣ. 460, 663, 664; Манг. 132, 151; Губерн. 404 сл.; Аван. I, 637 сл., II, 256, 281, III, 164, 464, 793). Пиетс предполагаетъ, что олень былъ знакомъ уже Праарійцамъ (I, 436). Разные виды оленей распространены какъ въ Старомъ (37 видовъ), такъ и въ Новомъ (14 видовъ) Свѣтѣ (Кл. 1143), особенно въ сѣверныхъ странахъ холоднаго и умѣреннаго поясовъ. *Cervus tarandus* водится въ сѣв. Европѣ, Азій, Америкѣ и на о. Шпицбергенѣ (Кл. 1147). достигая на югѣ границъ хлѣбопашества (ib. 1146). Въ Старомъ Свѣтѣ онъ прирученъ, но въ Новомъ нѣтъ (Кл. 1186). Прежде этотъ видъ водился и въ югозападной Европѣ, какъ о томъ свидѣлствуютъ Плиній и Цезарь, называвшіе его *scytharum tarandus* (Л. 84), и остатки въ слояхъ каменнаго періода (Кл. 402). *Cervus elaphus* водится и понынѣ въ средней Европѣ, до Альпъ и Вислы (Кл. 1148). Особые виды оленя встрѣчаются въ степяхъ прикаспійскихъ (ib. 1153), средней Азій (ib. 1186), Вост. Индіи (ib. 1161), Зундскомъ архипелагѣ (ib. 1163), Японіи (ib. 1156), средней Америкѣ (ib. 1166), Перу и Чили (ib. 1171), Патагоніи (ib. 1173). Въ нагорной Африкѣ олени не встрѣчаются (ib. 1159).

10. *Лось* (§ 102, 20). *Cervus alces* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ германскихъ мнѣахъ сохатый *Elenthier* встрѣчается изрѣдка (Манг. 131). Лось распространенъ въ сѣверной Европѣ и Азій до Амура, не переходя на юговостокъ 43° с. ш. (Кл. 1148). Въ старое время лось водился и въ западной Европѣ: не далѣе, какъ въ 1746 г. исчезъ онъ въ Саксоніи, а въ 1769 въ Галличѣ; въ Пруссіи и Норвегіи осталось по нѣскольку сотъ экземпляровъ, подъ охраною государственныхъ законовъ (Кл. 1129).

11. *Верблюды* (§ 102, 22). Окаменѣлости его найдены въ третичной формаци (Кл. 386). Пиетс предполагаетъ, что уже Праарійцы знали двугорбаго верблюда, но едва ли они его приручили (I, 383). Уйдя на западъ, Аріицы забыли этого азіатскаго звѣря, за исключеніемъ развѣ Славянъ и Готовъ (ib.). Родина двугорбаго верблюда (*camelus bactrianus*) находится въ нагорной средней Азій (Кл. 1154). Другой видъ *camelus dromedarius* болѣе свойственъ сѣв. Африкѣ (Л. 83). Новому Свѣту верблюдъ совершенно чуждъ (Кл. 1143).

12. *Конь* (§ 102, 23), *кобыла* (§ 102, 24), *орь* (§ 102, 25), *жеребя* (§ 102, 26), *жеребецъ* (§ 102, 27) *Equus caballus* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204); во Франціи и Бельгіи открыты зубы коня ископаемаго (ib. 1198, ср. 386). Въ Бразиліи и Перу также вырыты кости коня (ib. 1198, 1144, 1154). Въ аріискихъ мнѣахъ это благородное животное занимаетъ очень почетное мѣсто (Гриммъ Мнѣ. 28 сл., 126, 351, 376 сл., 380 сл., 384, 489 сл., 522,

526 сл., 576 сл., 603, 645, 655, 685, 688; Манг. см. Pferd по Reg.; Губерн. 220—277; Аван. I, 123, 552, 592, 621 сл., 631 сл., II, 100, 525 сл., III, 12, 112, 161 сл., 280, 283, 305, 474, 532, 544 сл., 792). Родину обузданной лошади полагаютъ въ степяхъ и плоскогорьяхъ средней Азіи (Генъ 21; Кл. 1126). Генъ утверждаетъ, что обузданы были лошади впервые не Аріями, а Тюрками (53). Персы заимствовали боевыхъ лошадей отъ Мидянъ (ib. 33). Въ Индію онѣ проникли также изъ сѣверозапада (ib.). Черезъ Ассирію (ib. 31) лошадь распространилась на западъ къ Евреямъ (ib. 28) и Арабамъ, воевавшимъ прежде на верблюдахъ (ib. 30, 31). Въ Египтѣ лошадь показывается не ранѣе 18 династїи (ib. 28). Изъ Ирана же распространилось коневодство къ Фракіянамъ, которыхъ лошади славились въ древности (ib. 46). Древніе Славяне, по словамъ Тацита, предпочитали сражаться пѣшими, чѣмъ существенно отличались отъ Скивовъ: *hi tamen (Venedi)... pedum usu ac pernecitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plaustro equoque viventibus* (Шафар. II, 678; ср. Генъ 46). Въ этой противоположности конныхъ степняковъ и пѣшихъ Славянъ отразился путь распространенія лошадей изъ Азіи въ среднюю Европу, а также намѣчены и посредники его. Обычай кастраціи жеребцовъ вышелъ, по мнѣнію Гена, также съ востока, отъ Сарматовъ, Скивовъ и другихъ степняковъ (471). Праславяне знали несомнѣнно не только дикихъ, но и обузданныхъ лошадей; это доказываетъ обиліе праславянскихъ названій этого животнаго. Въ настоящее время ручная лошадь распространена чуть не по всему свѣту (Кл. 1154, 1159, 1161, 1126). Дикія и одичалыя лошади водятся въ степяхъ прикаспійскихъ, средней Азіи и южной Америкѣ (Кл. 1153; Л. 80). Во время Плинія онѣ водились и въ средней Европѣ (Генъ 23). На Руси дикія лошади упоминаются при Владимірѣ Мономахѣ, въ Польшѣ же въ 1132 (Генъ 25).

13. *Мескъ* (§ 102, 28), *мулъ* (§ 102, 29). Уже Омиръ упоминаетъ *ἄμιβων ὄχρεστέρας* у Венетовъ пафлагонскихъ (Генъ 503). Библия указываетъ на Арменію и Каппадокію, какъ на родину мула (ib. 114, 115). Въ Италію онъ проникъ изъ Греціи (ib. 116). Мулъ и пони не ушелъ далеко отъ своей малоазійской родины. Въ Азіи *equus hemionus* встрѣчается въ дикомъ состояніи (Кл. 1187).

14. *Оселъ* (§ 102, 30). Изрѣдка онъ упоминается въ аріискихъ мѣстахъ (Гриммъ Мио. 709, LXXXI; Губерн. 287; Аван. III, 577). Предкомъ домашняго осла считаютъ *asinus onager*, который обитаетъ въ пустыняхъ передней Азіи и Персіи (Кл. 1126, 1154, 1155; Л. 81). Генъ принимаетъ Африку за родину осла, но безъ достаточныхъ осно-

ваній (113). Укрощенъ былъ осель, повидимому, Симитами (Пикте I, 356). Изъ Сиріи онъ распространился въ Малую Азію и оттуда въ Грецію (Генъ 113). Ни Омиръ, ни Изіодъ не знали еще осла (ib. 114). Въ Италиі онъ появился уже позже бронзоваго періода (ib. 503). Мало по малу осель, вмѣстѣ съ виноградомъ и маслиною, подвинулся и на сѣверъ, не переступая однако сѣверной границы распространенія этихъ растеній (ib. 114). Иродотъ говоритъ, что въ Скиѣи его времени не водились ни ослы, ни мулы, по причинѣ холода (ib. 502). И теперь осель держится южныхъ странъ, не перенося климата средней, а тѣмъ болѣе сѣверной Европы. Праславянамъ осель могъ быть знакомъ лишь въ южныхъ краяхъ ихъ территоріи, чрезъ посредство Грековъ или Римлянъ; не видно однако, чтобы Праславяне употребляли его, какъ выючное животное.

15. *Свинья* (§ 102, 31), *вепрь* (§ 102, 32), *кнорозъ* (§ 102, 33), *боровъ* (§ 102, 34), *порося* (§ 102, 35). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены: *sus scrofa*, *sus ferus*, *sus domesticus* (Кл. 1204, ср. 386). Въ арійскихъ мѣахъ *sus* играетъ значительную роль (Гриммъ Мѣо. 343, 384, 648, 654, 665, 667; Губерн. 339 сл.; Аѳан. I, 561, 768 сл., 770, 779, 781 сл., 786, II, 257 сл., 366, 495, III, 302, 304, 463, 533, 702, 748, 790). Дикая свинья распространена въ средней Европѣ и Азіи и сѣв. Африкѣ, не переходя къ сѣверу 55° с. шир., а на югѣ линіи Гималаевъ (Кл. 1143, 1148, 1153, 1155). Въ укрощенномъ состояніи свинья распространена по всему почти свѣту (Кл. 1126): 9 ея видовъ извѣстны въ Европѣ и Азіи, 3 въ Африкѣ и 2 въ южной Америкѣ (ib. 1143). Прародителемъ домашней свиньи считаютъ персидскую породу (Пикте I, 369). Пикте полагаетъ, что Аріи привели ее съ собой изъ Азіи въ Европу (ib.). Изъ обилія праславянскихъ названій для *sus* видно, что Праславяне уже имѣли домашнихъ свиней.

16. *Носорогъ* (§ 102, 36). Окаменѣлости *rhinoceros* найдены въ палеолитныхъ слояхъ западной Европы и Сибири (Кл. 173, 174, ср. 1197). Изрѣдка встрѣчается онъ въ славянскихъ мѣахъ (Аѳан. III, 639 сл.). Въ настоящее время носорогъ живетъ лишь въ жаркомъ поясѣ Старога Свѣта: въ Вост. Индіи, на Зундскихъ островахъ и въ Африкѣ (Кл. 1146, 1161, 1143).

17. *Слонъ* (§ 102, 37). Остатки вымершихъ слоновъ найдены въ палеолитныхъ слояхъ зап. Европы (Кл. 173), въ Англіи (ib. 1197) и на о. Мальтѣ (ib. 1145). Кости мамонта или *elephas primigenius* найдены во всѣхъ поясахъ, особенно въ Сибири (Л. 78; Кл. 174). Въ Европѣ жили нѣкогда и разные виды мастодона (Кл. 1144), котораго

остатки (*mastodon andium*) открыты и въ Перу (ib.). Теперь слонъ водится лишь въ жаркихъ странахъ Африки и южной Азии (Кл. 1143), гдѣ подымается до 6000' надъ уровнемъ океана (ib. 1118). Изъ Индіи слонъ распространился въ Китай, Цейлонъ и нѣкоторые изъ Зундскихъ острововъ (ib. 1126, 1161). Въ ведическихъ мифахъ слонъ играетъ нѣкоторую роль (Губерн. 410 сл.).

18. *Заяцъ* (§ 102, 38). *Lepus timidus* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арийскихъ мифахъ заяцъ встрѣчается довольно часто (Гриммъ Миф. 409, 650, 654, 710; Манг. см. Насе по Рег.; Губерн. 399 сл.; Аван. I, 641 сл., II, 599, 601, III, 255, 302, 305, 571, 693). Заяцъ распространенъ чуть не по всему свѣту. *Lepus variabilis* достигаетъ въ Европѣ 75° с. шир. (Кл. 1147), и до 5000' высоты (ib. 1118). Другіе виды водятся въ южной Европѣ (ib. 1155), Сардиніи, Египтѣ (ib.), пагорной Африкѣ (ib. 1158), степяхъ прикаспійскихъ (ib. 1153), Вост. Индіи (ib. 1161), Зундскомъ архипелагѣ (ib. 1163), Японіи (ib. 1156), сѣв. Америкѣ (ib. 1157), Бразиліи (ib. 1168).

19. *Кроликъ* (§ 102, 39). Его родина, по Гену, въ Испаніи (395); отсюда черезъ Италію и Францію кроликъ распространился по Европѣ (ib. 397) и Азіи, до Японіи (Кл. 1156). Теперь извѣстно до 46 видовъ этого плодovitаго звѣрка (ib. 1143).

20. *Бесерица* (§ 102, 40). *Sciurus eugoraеus* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 386). Пикте приписываетъ уже Праарійцамъ знакомство съ бѣлкой (I, 448). Въ арийскихъ мифахъ она не лишена символическаго значенія (Гриммъ Миф. 287, 290, 460, 652; Манг. 508; Аван. I, 644 сл., II, 280). *Sciurus* распространена чуть не по всему свѣту: она очень обычна въ лѣсахъ Европы (Л. 68; Кл. 1148), водится въ сѣв. и западной Африкѣ (Кл. 1155, 1158), въ передней Азіи (ib. 1155), Японіи (ib. 1156), на Зундскихъ островахъ (ib. 1146, 1163), Мадагаскарѣ (ib. 1160), въ Бразиліи (ib. 1168), Перу и Чили (ib. 1171).

21. *Полчокъ* (§ 102, 41). *Myoxus glis* водится въ югозападной Европѣ (Кл. 1148, 1155; Л. 68) и пагорной Африкѣ (Кл. 1158).

22. *Сусликъ* (§ 102, 42). Это слово соотвѣтствуетъ древнему племенному названію Сусли, Сусельцы, которое встрѣчается у Славянъ русскихъ (Шафар. II, 123), хорутанскихъ (ib. II, 352) и полабскихъ (ib. II, 622, 733). *Spermophilus* водится въ юговосточной части средней Европы (Кл. 1148), а также въ сѣв. Америкѣ (ib. 1156).

23. *Сурокъ* (§ 102, 43). *Arctomys marmota* живетъ на вершинахъ Альвъ и Татръ, между поясами лѣсовъ и снѣговъ (Кл. 1118, 1148);

водится онъ и въ сѣв. Америкѣ (ib. 1156). *Arctomys* же *bobac* распространенъ по южной Россіи и Сибири, отъ Вислы до Камчатки (Л. 70; Кл. 1148).

24. *Мышь* (§ 102, 44). *Mus silvaticus* встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 386). Въ арийскихъ мѣоахъ мышь играетъ нѣкоторую роль (Гриммъ Мпѳ. 612, 618; Манг. см. *Maus* по Reg.; Губерн. 372 сл.; Аѳан. I, 774, 776 сл., II, 531, III, 299, 451, 505 сл., 520). Мышь была знакома уже Праарійцамъ (Пикте I, 411). Генъ предполагаетъ, что мыши переселились изъ Азіи въ Европу вмѣстѣ съ Аріями (404). Теперь мышь распространена въ разныхъ видахъ по всему почти свѣту: 6—7 видовъ встрѣчаются въ средней Европѣ (Кл. 1148); множество мышей въ поляхъ Средиземнаго моря (ib. 1155) и въ Каспійскихъ степяхъ (ib. 1153). Въ пагорной Африкѣ извѣстно до 15 видовъ (ib. 1158). Въ Америку мышь проникла впервые на европейскихъ корабляхъ и расплодилась тамъ (ib. 1156). Нѣкоторые виды мышей живутъ выше сѣвѣнной линіи (ib. 1118).

25. *Щуръ* (§ 102, 45). Окаменѣлости нѣкоторыхъ видовъ крысъ встрѣчаются въ третичной формации (Кл. 386). Въ арийскихъ мѣоахъ *mus gattus* упоминается довольно рѣдко (Аѳан. I, 771, III, 300, 451). Въ Европѣ онъ былъ неизвѣстенъ въ древности (Л. 71), а появился изъ Азіи во время великаго переселенія народовъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ (Кл. 1128); *mus* же *desumans* распространился изъ Индіи чрезъ Персію и Россію въ Европу не ранѣе XVIII вѣка: въ 1730 г. онъ переѣхалъ въ Англію, а въ 1775 г. въ сѣв. Америку (ib.).

26. *Хомякъ* (§ 102, 46). Родиной его считаютъ востокъ; въ Каспійскихъ степяхъ донынѣ онъ водится въ пяти видахъ (Кл. 1153). Время его переселенія въ Европу не очень древне (Генъ 532; ср. Кл. 1128). Нѣмцы познакомились съ хомякомъ, кажется, чрезъ посредство Славянъ (Генъ 405). Теперь онъ довольно распространенъ въ средней Европѣ (Кл. 1148), но въ поясѣ Средиземнаго моря лишь въ восточной части (ib. 1155). Въ сѣв. Америкѣ есть особый видъ хомяковъ (ib. 1156).

27. *Бобръ* (§ 102, 47). Окаменѣлости встрѣчаются въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 386). Бобръ появляется изрѣдка въ арийскихъ мѣоахъ (Губерн. 401). Пикте предполагаетъ, что уже Праарійцы знали бобра (I, 444). Древнѣйшее историческое упоминаніе бобра на землѣ славянской находимъ въ словахъ Продота о странѣ Будиновъ: ἐν δὲ ταύτῃ (λιμνῇ) ἐνύδρις ἀλίχονται καὶ κάστορες καὶ ἄλλα θηρία τετραπόνοπρόσωπα (IV, 263; ср. Шафар. II, 674). Одно изъ древнепольскихъ племенъ называлось Бобрянами (Шафар. II, 424). Въ настоящее время бобръ уцѣлѣлъ главнѣйше въ подъарктическомъ поясѣ Старою

и Новаго Свѣта (Кл. 1147, 1157). Изрѣдка встрѣчается онъ въ умѣренной полосѣ Европы, въ степяхъ прикаспійскихъ (Кл. 1153), въ Семиградѣ, на Дунаѣ, Лабѣ, Ронѣ и пр. (ib. 1148, 1129). Но въ старое время бобръ гораздо болѣе былъ распространенъ по зап. Европѣ, вплоть до Англии и Шотландіи (ib. 1128, 1200).

28. *Выдра* (§ 102, 48). *Lutra vulgaris* встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 386). По мнѣнію Пикте выдра была знакома Праарійцамъ (I, 443). Въ вышеприведенныхъ словахъ Иродота о будинскомъ озерѣ упоминаются рядомъ съ бобрами и выдры (§ 216, 27). Подобно бобрамъ выдры распространены на глубокимъ сѣверѣ (Кл. 1147), но они водятся также и въ теплыхъ странахъ, напр. въ Японіи (ib. 1156), на Зундскихъ островахъ (ib. 1146), въ срединной Америкѣ (ib. 1166), Чили, Перу (ib. 1171) и т. п.

29. *Куна* (§ 102, 49). *Mustela foina* и *m. martes* открыты въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 386). Изрѣдка куна встрѣчается въ славянскихъ мѣоахъ (Аван. III, 303). Область распространенія кунъ находится въ сѣверномъ поясѣ Старата Свѣта (Кл. 1147; Л. 61). Въ средней Европѣ извѣстно 7 видовъ кунъ (Кл. 1148); они водятся и въ Сардиніи, Западной Азіи (ib. 1154), Вост. Индіи (ib. 1161), Египтѣ (ib. 1154), но не встрѣчаются въ пагорной Африкѣ (ib. 1158).

30. *Хорь* (§ 102, 50). *Mustela putorius* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Теперь онъ водится во всей Европѣ и сѣв. Азіи (Л. 61).

31. *Ласица* (§ 102, 51). Въ арійскихъ мѣоахъ встрѣчается не рѣдко (Гриммъ Мнѣ. 612, 655, 659; Губерн. 379 сл.; Аван. III, 299). Греки считали ласицу женщиной, за грѣхи любви обращенной въ звѣрка (Генъ 530). Въ древности она была приучаема ловить мышей (ib. 400). Теперь *mustela vulgaris* встрѣчается въ Европѣ и сѣв. Азіи (Л. 61).

32. *Горностай* (§ 102, 52). *Mustela erminea* встрѣчается въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Въ арійскихъ мѣоахъ горностай не лишенъ примѣней (Губерн. 401; Аван. III, 537). Онъ распространенъ въ Европѣ и Азіи (Л. 61), на высотахъ, между линіями деревьевъ и сѣговъ (Кл. 1118).

33. *Соболь* (§ 102, 53). Водится въ средней Азіи и Сибири (Л. 61). Соболь вымираетъ: въ Камчаткѣ напр. остается не болѣе пятой части прежняго количества этихъ пушныхъ звѣрковъ (Кл. 1129).

34. *Язвецъ* (§ 102, 54). *Meles vulgaris* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204). Водится теперь язвецъ въ средней Европѣ (Кл. 1148), достигая высоты 6000' (ib. 1118). Въ сѣв. Америкѣ

есть особый вид *meles labradoria* (ib. 1147). Генъ выводитъ европейскаго *meles taxus* съ востока, указывая на то, что онъ не былъ знакомъ древнимъ и перешелъ въ Италию изъ Германіи (404).

35. *Ежъ* (§ 102, 55). *Eripaseus europaicus* отысканъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 386). Въ арійскихъ мнѣяхъ ежъ встрѣчается изрѣдка (Губерн. 347). Онъ характеристиченъ для средней Европы (Кл. 1148), но водится и въ прикаспійскихъ степяхъ, а также въ Африкѣ отъ Нила до Мыса Доброй Надежды (ib. 1158).

36. *Кротъ* (§ 102, 56). Въ третичной формациі встрѣчаются его окаменѣлости (Кл. 386). Кротъ попадаетъ въ арійскихъ мнѣяхъ (Гриммъ Миѳ. 660, LXXX, LXXXIX, XCI, CV; Манг. см. *Maulwurf* по Reg.; Губерн. 380 сл., 396 сл.; Аѳан. I, 774, III, 787). Пикте предполагаетъ, что онъ былъ знакомъ уже Праарійцамъ (I, 453). *Talpa europaica* распространенъ чуть не по всей Европѣ (Л. 59), а *talpa saesa* въ южныхъ ея частяхъ (ib.).

37. *Медвѣдь* (§ 102, 57). Въ палеолитскихъ слояхъ находятъ кости медвѣдя (Кл. 173, ср. 386); *ursus spelaeus* найденъ во многихъ древнихъ пещерахъ западной Европы (Кл. 1198). Въ арійскихъ мнѣяхъ медвѣдь играетъ значительную роль (Гриммъ Миѳ. 385, 455, 571, 654, 680; Губерн. 414 сл.; Аѳан. I, 386 сл., 464 сл., II, 336, 600, 749, III, 302, 532, 544, 556). Разные виды медвѣдя распространены по всему сѣверному поясу, особенно въ полосѣ подъарктической. *Ursus maritimus* и *ursus arctos* живетъ отъ 55 до 86° с. шир. (Кл. 1147); бурый медвѣдь водится въ среднеевропейской полосѣ (Кл. 1148), въ Пиренеяхъ, Абрудцо (ib. 1154), Алтаѣ (ib.) и сѣв. Америкѣ (ib. 1156); особые виды встрѣчаются въ Японіи (ib.), Вост. Индіи (ib. 1161), на Зундскомъ архипелагѣ (ib. 1189), въ Абессиніи (ib. 1158) и даже Бразиліи (ib. 1168). Медвѣдь держится еще на высотѣ 6000' (Кл. 1118), *ursus ornatus* до 10—12000' (ib. 1118) и американскій до 16000' (ib. 1119). Въ Европѣ медвѣдь постепенно исчезаетъ; въ Англии онъ истребленъ уже въ 1057 г. (Кл. 1128).

38. *Песъ* (§ 102, 59), *сука* (§ 102, 60), *щеня* (§ 102, 61), *хортъ* (§ 102, 62), *выжлецъ* (§ 102, 63), *оларъ* (§ 102, 64). *Canis familiaris* найденъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204; ср. 386). Въ арійскихъ мнѣяхъ собака довольно обычное животное (Гриммъ Миѳ. 522, 534, 543; Манг. см. *Hund* по Reg.; Аѳан. I, 266, 568, 720 сл., 733 сл., 762 сл., II, 366, 531, III, 13, 61, 105 сл., 282, 302 сл., 485, 523 сл., 533, 544, 552, 556, 562, 568, 795). Собаку считаютъ самымъ древнимъ изъ домашнихъ животныхъ (Генъ 398); Праарійцы уже знали ее прирученную (Пикте I, 376). Она найдена и у дикарей Африки,

Океаниі, Мексики (ib.). Вопросъ о прародителѣ домашней собаки рѣшаютъ различно: одни производятъ ее отъ породы шпицовъ и овчарокъ (Кл. 1125); другіе отъ многихъ мѣстныхъ дикихъ породъ (Пикте I, 375). Европейскую собаку нѣкоторые выводятъ изъ Вост. Индіи (ib.). Теперь собака распространена чуть не по всему свѣту (Л. 63; Кл. 1125). Изъ обилія праславянскихъ названій собаки видно, что она хорошо была знакома Праславянамъ и употреблялась уже ими для охоты.

39. *Волкъ* (§ 102, 65). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены окаменѣлости волка (Кл. 1204). Въ арійской мифологіи волкъ играетъ важную роль (Гриммъ Миф. 150, 385, 557, 563, 593, 620 сл., 650, 654, 663, СХХХVIII; Манг. см. Wolf по Reg.; Губерн. 449 сл.; Аван. I, 710 сл., 735 сл., 762 сл., 792, II, 333, 600, 742, III, 302, 365, 527 сл., 544 сл., 549 сл., 559 сл., 586, 593). Пикте полагаетъ, что волкъ былъ извѣстенъ уже Праарійцамъ (I, 431). Иродотъ рассказываетъ, что по словамъ Скиновъ и Грековъ: ἔτεος ἐκάστου ἀλαξ τῶν Νευρῶν ἐκάστος λύκος γίνεσθαι ἡμέρας ὀλίγας καὶ αὐτὸς ὀπίσω ἐς τὸ αὐτὸ κατέσταναι (IV, 105; ср. Шафар. II, 674). То-же подтверждаетъ и древнее племенное названіе Вильци, въ сѣверозападномъ славянствѣ (Шафар. II, 568 сл.). Отсюда можно видѣть, что въ Праславяніи волки были очень распространены. Теперь canis lupus свойственъ сѣверному полушарію Старога и Новаго Свѣта (Кл. 1143, 1157). Въ сѣверной (ib. 1129) и средней Европѣ волкъ еще довольно обыченъ, особенно въ Подкарпатѣ (Кл. 1148, 1129); но въ южной Европѣ онъ уже рѣдокъ (ib. 1155). Въ Англіи волки истреблены въ очень древнее время (ib. 1200, 1125).

40. *Лисица* (§ 102, 66). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ найдены остатки canis vulpes (Кл. 1204, ср. 1198). Въ арійскихъ мифахъ хитрая лисица—обычный звѣрь (Гриммъ Миф. 385 сл., 439, 652, 680, 710; Манг. см. Fuchs по Reg.; Губерн. 434 сл.; Аван. I, 645 сл., 775, III, 255, 462 сл., 793). Полярная лисица живетъ на глубокомъ сѣверѣ (Кл. 1146), до 51° с. шир. (ib. 1147); лиса же обыкновенная водится въ средневропейской полосѣ (ib. 1148) и по берегамъ Средиземнаго моря (ib. 1156). Особые виды canis vulpes встрѣчаются въ Японіи (ib.), срединной Америкѣ (ib. 1166), Бразиліи (ib. 1168), Чили и Перу (ib. 1171) и Огненной Землѣ (ib. 1174).

41. *Котъ* (§ 102, 67), *мачка* (§ 102, 68). Felis catus попадаетъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ (Кл. 1204, ср. 386, 1198). Онъ довольно обыченъ въ арійскихъ мифахъ (Гриммъ Миф. 286, 290, 612, 623, 680; Манг. см. Katze по Reg.; Губерн. 371 сл.; Аван. I, 266, 568, 647 сл., 733, II, 119, 366 сл., 373, III, 105, 283, 299, 302, 465, 478, 485 сл., 523, 533, 539, 556, 562, 568, 790, 793). Дикая

кошка водится у Средиземнаго моря (Кл. 1155). Прародителемъ домашней кошки считается *felis maniculata* въ Пубіи и Кордофанѣ (Кл. 1158), или *catus ferus* (ib. 1125). Приручены были кошки впервые чуть ли не въ древнемъ Египтѣ, гдѣ онѣ считались священными животными (Генъ 398, ср. Пикте I, 381). Уже по Р. X. перевезена домашняя кошка въ Италію, а оттуда вмѣстѣ съ зерновыми хлѣбами и мышами распространилась она въ среднюю и сѣв. Европу (Генъ 403; Кл. 1125), гдѣ теперь извѣстны три вида кошекъ (Кл. 1148). Въ славянскомъ названіи сохранилось воспоминаніе о южной родинѣ кошекъ.

42. *Барсъ* (§ 102, 69). *Felis pardus* свойственъ теплому поясу Старога и Новаго Свѣта: онъ водится въ южной Испаніи (Кл. 1155), Африкѣ (Л. 64), западной Азіи (Кл. 1155), Китаѣ (ib.), Вост. Индіи (ib. 1161), срединной Америкѣ (ib. 1166), Бразиліи (ib. 1168), а также въ Сибири (ib. 174). Древніе Славяне могли познакомиться съ барсомъ изъ Азіи, на что указываетъ и восточный характеръ самаго названія (Генъ 532, ср. § 102, 54).

43. *Рысь* (§ 102, 70). Упоминается въ славянскихъ мѣоахъ (Аоан. I, 123, 647, III, 544 сл.). *Felis lynx*—самая большая изъ европейскихъ кошекъ; въ западной Европѣ она почти истреблена (Л. 65). Попадается еще рысь въ Пиренеяхъ (Кл. 1155), достигая въ нихъ 7500' высоты (ib. 1118). Въ сѣв. Америкѣ есть нѣсколько особыхъ видовъ рыси (ib. 1156).

44. *Левъ* (§ 102, 71). Въ древнихъ пещерахъ зап. Европы находятъ львиныя кости (Кл. 173). Левъ, царь звѣрей, играетъ роль въ арійскихъ мѣоахъ, особенно азіатскихъ и греческихъ (Губерн. 458 сл.). Во времена персидскихъ войнъ левъ водился еще въ Греціи, Фракіи, Сициліи; въ зап. Азіи онъ встрѣчался еще въ вѣкъ Крестовыхъ походовъ (Кл. 1129). Теперь левъ вымеръ на сѣверныхъ берегахъ Средиземнаго моря (ib.), но уцѣлѣлъ въ жаркой Африкѣ (кромя Египта и Ливійской степи), въ странахъ поевфратскихъ, Персіи и Вост. Индіи (Кл. 1143, 1155, 1161). Впрочемъ и въ послѣднихъ левъ вымираетъ (ib. 1129).

45. *Нетопырь* (§ 102, 72). Окаменѣлости *vespertilio* встрѣчаются въ третичной формаціи (Кл. 386). Въ арійскихъ мѣоахъ нетопырь не лишень нѣкоторыхъ примѣнствій (Гриммъ Мнѣ. LXXVII; Аоан. III, 111, 225, 301). Разные виды *vespertilio* распространены по всему свѣту, хотя преимущественно сосредоточены они въ тропическомъ поясѣ (Кл. 1143). Въ средней Европѣ извѣстны 17 видовъ нетопырей (ib. 1148); въ Вост. Индіи 4 вида (ib. 1161); въ Австраліи 23 вида (ib. 1165); въ Перу и Чили 4 вида (ib. 1171). Особые виды водятся въ срединной Америкѣ (ib. 1166) и Огненной Землѣ (ib. 1174).

46. *Опици* (§ 102, 73). Въ третичной формаціи обезьяна найдена и въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, какъ напр. Греціи и Пиренейскомъ полуостровѣ (Кл. 386, 387). Въ арійскихъ мѣстахъ кой гдѣ встрѣчаемъ обезьяну (Гримиѣ Мис. 680; Губерн. 414 сл.). Во множествѣ видовъ распространена *simia* въ жаркихъ странахъ Старого (111 видовъ) и Нового (91 видъ) Свѣта (Кл. 1142, 1154). Въ Европѣ удѣлѣлъ лишь одинъ видъ, около Гибралтара (*ib.*). Подъ тропиками обезьяны достигаетъ 6000' высоты (*ib.* 1118).

47. *Человѣкъ* (§ 102, 74). При этомъ словѣ и понятіи оканчивается зоологія и начинается антропологія и исторія. Какъ жаль, что исходный смыслъ его не ясенъ! Въ немъ долженъ выражаться первый проблескъ самосознанія нашихъ предковъ. И какъ заманчиво сближать это *человѣкъ*, *цлавѣкъ* съ древнѣйшимъ народнымъ названіемъ Словакъ, Словенинъ! Но доказать ихъ сродство не легко.

§ 217.

Выводы изъ десятой главы.

I. Параллели для *праславянскихъ* словъ:

- а) въ матеріальныхъ остаткахъ: червь (§ 201), хрущъ (§ 205), паукъ (§ 210), ракъ (*ib.*), рыба (§ 211), окунь (§ 211, 1), лосось (§ 211, 4), щука (§ 211, 17), змѣя (§ 212), ящерица (§ 213), желвь (*ib.*), жаба (*ib.*), птица (§ 214), скворецъ (§ 214, 14), голубь (§ 214, 23), сова (§ 214, 28), крагуй (§ 214, 33), соколя (§ 214, 34), орелъ (§ 214, 35), цапля (§ 214, 41), утка (§ 214, 45), гусь (§ 214, 46), лебедь (§ 214, 47), рябчикъ (§ 214, 50), быкъ (§ 216, 3), зубрь (§ 216, 5), овца (§ 216, 6), коза (§ 216, 7), серна (§ 216, 8), олень (§ 216, 9), лось (§ 216, 10), верблюдъ (§ 216, 11), конь (§ 216, 12), свинья (§ 216, 15), слонъ (§ 216, 17), заяцъ (§ 216, 18), веверица (§ 216, 20), мышъ (§ 216, 24), бобръ (§ 216, 27), выдра (§ 216, 28), куна (§ 216, 29), хорь (§ 216, 30), язвецъ (§ 216, 34), ежъ (§ 216, 35), кротъ (§ 216, 36), медвѣдь (§ 216, 37), песъ (§ 216, 38), волкъ (§ 216, 39), лисица (§ 216, 40), левъ (§ 216, 44), нетопыръ (§ 216, 45);
- б) въ мѣстахъ: червь (§ 201), гусеница (§ 203), хрущъ (§ 205), сверчекъ (§ 206), блоха (§ 207), комаръ (*ib.*), муха (*ib.*), мотылекъ (§ 208), муравей (§ 209), пчела (*ib.*), оса (*ib.*), шмель (*ib.*), паукъ (§ 210), ракъ (*ib.*), рыба (§ 211), окунь (§ 211, 1),

- лосось (§ 211, 4), щука (§ 211, 17), сомъ (§ 211, 18), угорь (§ 211, 21), осетръ (§ 211, 22), змѣя (§ 212), смоль (ib.), ащерица (§ 213), желвь (ib.), жаба (ib.), птица (§ 214), воробей (§ 214, 1), соловей (§ 214, 8), жаворонокъ (§ 214, 9), сорока (§ 214, 15), кавка (§ 214, 17), ворона (§ 214, 18), воронъ (§ 214, 19), удодъ (§ 214, 20), ласточка (§ 214, 21), стрижь (§ 214, 22), голубь (§ 214, 23), кукушка (§ 214, 25), дятель (§ 214, 26), желна (§ 214, 27), сова (§ 214, 28), сипъ (§ 214, 30), ястребъ (§ 214, 32), соколя (§ 214, 34), орель (§ 214, 35), утка (§ 214, 45), гусь (§ 214, 46), лебедь (§ 214, 47), рябчикъ (§ 214, 50), перепелъ (§ 214, 51), куро-патка (§ 214, 52), кура (§ 214, 53), быкъ (§ 216, 3), туръ (§ 216, 5), овца (§ 216, 6), коза (§ 216, 7), серна (§ 216, 8), олень (§ 216, 9), лось (§ 216, 10), конь (§ 216, 12), осель (§ 216, 14), свинья (§ 216, 15), заяць (§ 216, 18), веверица (§ 216, 20), мышь (§ 216, 24), бобръ (§ 216, 27), ласица (§ 216, 31), ежь (§ 216, 35), кротъ (§ 216, 36), медвѣдь (§ 216, 37), волкъ (§ 216, 39), лисица (§ 216, 40), рысь (§ 216, 43), левъ (§ 216, 44), нетопырь (§ 216, 45);
- в) въ мѣстныхъ и племенныхъ названіяхъ: воронъ (§ 214, 19), сусликъ (§ 216, 22), бобръ (§ 216, 27), волкъ (§ 216, 39);
- г) въ историческихъ свидѣтельствахъ: змѣя (§ 212), скотъ (§ 215), быкъ (§ 216, 3), конь (§ 216, 12), мескъ (§ 216, 13), осель (§ 216, 14), бобръ (§ 216, 27), выдра (§ 216, 28), волкъ (§ 216, 39).

II. Параллели для древнеславянскихъ словъ.

- а) въ матеріальныхъ остаткахъ: каракатица (§ 200), жукъ (§ 205), карпъ (§ 211, 6), селець (§ 211, 13), мень (§ 211, 19), буликъ (§ 214, 40), бусель (§ 214, 42), чайка (§ 214, 43), кить (§ 216, 1), носорогъ (§ 216, 16), горностаѣ (§ 216, 31), опица (§ 216, 46);
- б) въ мнѣсахъ: слимакъ (§ 200), жувь (§ 205), пругъ (§ 206), судаць (§ 211, 2), ершь (§ 211, 3), карпъ (§ 211, 8), лещъ (§ 211, 11), гиль (§ 214, 6), ногъ (§ 214, 29), буликъ (§ 214, 40), бусель (§ 214, 42), чайка (§ 214, 43), кить (§ 216, 1), горностаѣ (§ 216, 31), опица (§ 216, 46);
- в) въ мѣстныхъ и племенныхъ названіяхъ: нырокъ (§ 214, 44), неясуть (§ 214, 48).

III. Параллели для областныхъ словъ:

- а) въ матеріальныхъ остаткахъ: устрица (§ 200), шуръ (§ 216, 25);

б) въ мнѣсахъ: синица (§ 214, 10), павлинь (§ 214, 55), щуръ (§ 216, 25);

в) въ мѣстныхъ и племенныхъ названіяхъ: рарогъ (§ 214, 34).

IV. *Гомонимическія* параллели имѣются для словъ: плазъ (§ 200), кобылка (§ 206), кониць (ib.), кузнечикъ (ib.), гадъ (§ 212).

V. *Географическія* указанія:

а) по всему почти свѣту распространены: плазъ (§ 200), слимакъ (ib.), червь (§ 201), жукъ (§ 205), комаръ (§ 207), муха (ib.), муравей (§ 209), оса (ib.), шмель (ib.), окунь (§ 211, 1), лосось (§ 211, 4), сомъ (211, 18), змѣя (§ 212), жельв (§ 213), воробей (§ 214, 1), зябликъ (§ 214, 5), синица (§ 214, 10), скворецъ (§ 214, 14), воронъ (§ 214, 19), голубъ (§ 214, 23), кукушка (§ 214, 25), дятель (§ 214, 26), сова (§ 214, 28), ястребъ (§ 214, 32), соколъ (§ 214, 34), куликъ (§ 214, 40), цапля (§ 214, 41), бусель (§ 214, 42), лебедь (§ 214, 47), кура (§ 214, 53), быкъ (§ 216, 3), коза (§ 216, 7), конь (§ 216, 12), свинья (§ 216, 15), заяцъ (§ 216, 18), веверица (§ 216, 20), мышъ (§ 216, 24), выдра (§ 216, 28), песь (§ 217, 38), лисица (§ 216, 40), нетопыръ (§ 216, 45).

б) въ Старомъ Свѣтѣ водятся: пчела (§ 209), ежъ (§ 216, 35);

в) сѣверному полушарію Старога и Новаго Свѣта свойственны: щука (§ 211, 17), чечетъ (§ 214, 4), жаворонокъ (§ 214, 9), ворона (§ 214, 18), утка (§ 214, 45), гусь (§ 214, 46), медвѣдь (§ 216, 37), волкъ (§ 216, 39);

г) въ умѣренномъ и тепломъ поясахъ Старога и Новаго Свѣта водятся: сипъ (§ 214, 30), каня (§ 214, 31), рысь (§ 216, 43);

д) въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ Старога и Новаго Свѣта: олень (§ 216, 9), бобръ (§ 216, 27);

е) въ тепломъ поясѣ Старога и Новаго Свѣта: барсъ (§ 216, 42), опница (§ 216, 46);

ж) въ сѣверномъ полушаріи Старога Свѣта: соловей (§ 214, 8), иволга (§ 214, 11), дроздъ (§ 214, 12), косъ (§ 214, 13), сороза (§ 214, 15), ласточка (§ 214, 21), орелъ (§ 214, 35), тетеревъ (§ 214, 49), глухарь (ib.), лось (§ 216, 10), куна (§ 296, 29);

з) въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ Ст. Свѣта: осетръ (§ 211, 22), рябчикъ (§ 214, 50), сурокъ (§ 216, 23).

и) въ умѣренномъ и тепломъ поясахъ Ст. Свѣта: саранча (§ 206), журавль (§ 214, 37), неясыть (§ 214, 48), перепелъ (§ 214, 51), осель (§ 216, 14), левъ (§ 216, 44);

- і) въ умѣренномъ поясѣ Ст. Свѣта: дрофа (§ 214, 36), куро-патка (§ 214, 52);
- к) въ тепломъ поясѣ Ст. Свѣта: верблюдь (§ 216, 11), носорогъ (§ 216, 16), слонъ (§ 216, 17);
- л) въ Европѣ и сѣв. Азіи: плотва (§ 211, 12), стрижъ (§ 214, 22), хоръ (§ 216, 30), ласица (§ 216, 31), горностаѣ (§ 216, 32);
- м) въ югозападной Европѣ и сѣв. Африкѣ: полчекъ (§ 216, 21);
- н) въ юговосточной Европѣ и сѣв. Америкѣ: суслигъ (§ 216, 22);
- о) въ Европѣ: пискаръ (§ 211, 10), уклея (§ 211, 15), минога (§ 211, 20), чижь (§ 214, 2), щеголь (§ 214, 3), соя (§ 214, 16), кавка (§ 214, 17), удожь (§ 214, 20), желна (§ 214, 27), пигалица (§ 214, 39), нырокъ (§ 214, 44), зубрь (§ 216, 5), кротъ (§ 216, 36);
- п) въ средней и южной Европѣ: горлица (§ 214, 24), коростель (§ 214, 38), серна (§ 216, 8);
- р) въ средней и сѣв. Европѣ: мень (§ 211, 19);
- с) въ средней Европѣ: пеструшка (§ 211, 5), карпъ (§ 211, 6), карась (§ 211, 8), льнъ (§ 211, 9), лещъ (§ 211, 11), елецъ (§ 211, 13), угоръ (§ 211, 21);
- т) въ сѣв. и вост. Европѣ: язь (§ 211, 14);
- у) въ сѣв. Европѣ: ершъ (§ 211, 3), гиль (§ 214, 6);
- ф) въ вост. Европѣ: судакъ (§ 211, 2), шаранъ (§ 211, 7);
- х) въ сѣв. и средней Азіи: соболь (§ 216, 33);
- ц) во всѣхъ океанахъ: китъ (§ 216, 1), тюлень (§ 216, 2);
- ч) во всѣхъ европейскихъ моряхъ: каракатица (§ 200).

VI. Историческія заключенія:

1. Судя по большинству данныхъ относительно поясовъ распространенія праславянскихъ животныхъ, нужно предполагать, что Праславыне жили въ умѣренномъ поясѣ Стараго Свѣта и притомъ въ европейской его части.

2. Съ древняго времени Славяне были въ культурныхъ сношеніяхъ со многими азіатскими и европейскими народами, что отразилось въ усвоеніи отъ послѣднихъ многихъ животныхъ, особенно домашнихъ. Изъ Азіи переняты Славянами прямо или посредственно: шелковичникъ (§ 208), домашній голубь (§ 214, 23), кура (§ 214, 53), павлинь (§ 214, 55), быкъ (§ 216, 3), буйволъ (§ 216, 4), овца (§ 216, 6), домашняя коза (§ 216, 7), конь (§ 216, 12), мескъ или мулъ (§ 216, 13), осель (§ 216, 14), свинья (§ 216, 15), мышъ (§ 216, 24) щуръ (§ 216, 25), хомязъ (§ 216, 26), язвець (§ 216, 34); изъ Египта чрезъ Италію: домашній котъ (§ 216, 41); изъ Испаніи чрезъ Италію и Германію: кро-

ликъ (§ 216, 19); отъ Средиземнаго моря: устрица (§ 200), домашній воробей (§ 214, 1); отъ Германцевъ: сельдь (§ 211, 16); изъ сѣв. Америки чрезъ зап. Европу: пиранъ или индюкъ (§ 214, 54).

3. Праславяне несомнѣнно обладали слѣдующими домашними животными: кура (§ 214, 53), быкъ (§ 216, 3), овца (§ 216, 6), конь (§ 216, 12), свинья (§ 216, 15), песь (§ 216, 38). Другія могли быть также извѣстны, но прямыхъ доказательствъ тому не представляется.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Строеніе и отправленія животныхъ организмовъ.

§ 218.

Тѣло, трупъ.

Оба эти слова восходятъ къ праславянскому періоду (§ 104, 1, § 104, 2). Въ значеніи перваго какъ будто лежитъ уподобленіе съ мелькающей тѣнью, а втораго—съ неподвижной колодою, вслѣдствіе чего тѣло соотвѣтствуетъ понятію *согрус vivum*, а трупъ—*согрус mortuum*. Не видно, чтобы первое прилагалось, какъ теперь, къ обозначенію всего вообще вещественнаго. Впослѣдствіи такой смыслъ могъ въ немъ развиться; но исходною точкой было, кажется, представленіе животнаго организма. Сравнивая затѣмъ слова: *трупъ* (§ 104, 2), *стерво* (§ 130, 14), *мертв* (§ 130, 15), *падалъ* (§ 130, 16), можно думать, что первое прилагалось къ обозначенію остатковъ человѣческихъ, а послѣднія—животныхъ.

Различеніе *туловища* (§ 104, 3) и конечностей тѣла выработалось, повидимому, уже въ болѣе позднее время.

§ 219.

Кость, мясо, кровь.

Праславянскія слова: *кость* (§ 105, 1), *мозгъ* (§ 105, 2), *плоть* (§ 106, 1), *мясо* (§ 106, 2), *ножа* (§ 106, 3), *жила* (§ 107, 1), *кровь* (§ 107, 2) показываютъ, что твердая, мягкія и жидкія части животныхъ организмовъ ясно были различаемы уже первобытными Славянами. Въ названіи кости выражено, повидимому, понятіе острого, что соотвѣт-

ствууетъ первобытному обычаю выдѣлывать изъ костей орудія и украшенія (Кл. 1202). Для содержимаго костей существовало общее названіе мозгъ, обозначавшее, быть можетъ, вещество мягкое, разможенное, какъ облако или слякоть (ср. Аван. I, 118). Различія между *segebrum* и *medulla spinalis* въ славянскомъ языкѣ не замѣтно. Исконное различіе понятій, заключенныхъ въ словахъ: плоть, мясо, опредѣлить не легко; первое имѣло, кажется, значеніе болѣе широкое, чѣмъ второе. Быть можетъ понятія живой плоти и мертваго, съѣдомаго мяса также служили основами разграниченія соотвѣтствующихъ значеній, на что указываетъ отчасти и гомонимика слова плоть. Общимъ названіемъ для наружной оболочки животныхъ тѣлъ было кожа, соединявшее въ себѣ значеніе: *integumentum commune, cutis, pellis*. Для мышцъ не встрѣчаемъ праславянскаго названія, такъ какъ славянское *мышца* (§ 120, 4) чуждо нарѣчіямъ сѣверозападнымъ, слѣд. не восходитъ къ періоду праславянскому; къ-тому-же въ его значеніи болѣе выражается понятіе *brachium*, чѣмъ *musculus*, несмотря на возможность вліянія послѣдняго латинскаго термина на установленіе соотвѣтствующаго славянскаго. Очевидно, понятіе *musculus* лишь позже вошло въ сознаніе Славянъ. Въ словѣ жила искони смѣшаны представленія кровеносныхъ сосудовъ, какъ бьющихся (*arteria*), такъ и кровезовратныхъ (*vena*), съ одной стороны, а двигательныхъ и чувствительныхъ нитей (*nervus*) съ другой. Въ названіи наконецъ крови выражено, повидимому, представленіе рѣзкаго краснаго цвѣта заключенной въ жилахъ жидкости. Въ арійскихъ мѣтахъ выражается первобытный взглядъ народа на сходство крови животныхъ съ сокомъ растений (Манг. см. Blut по Reg.).

§ 220.

Перо, волосъ.

Оба эти слова восходятъ въ праславянскому періоду. (§ 108, 1, § 108, 5): первое заключаетъ въ себѣ представленіе летучаго, парящаго въ воздухѣ, какъ пернатая птица; второе же—покрывающаго поверхность животныхъ (ср. Аван. I, 681), какъ трава—лоно матери-земли (*ib.* 140; ср. Манг. Наагъ въ Reg.). Къ древнему же періоду принадлежатъ слова: *пухъ* (§ 108, 2), *шерсть* (§ 108, 3), *щетина* (§ 108, 4). Въ первомъ выражается представленіе вещества легкаго, какъ дыханіе вѣтра (пухатъ); во второмъ—шереховатаго, жесткаго. Исходное же значеніе слова щетина не ясно.

§ 221.

У д ъ, ч л е н ъ.

Праславянскія слова: *удъ* (§ 109, 1) и *членъ* (§ 109, 2) заключаютъ почти одинъ и тотъ-же смыслъ, лишь съ нѣскольکو болѣе широкимъ объемомъ послѣдняго, чѣмъ перваго. Исходное значеніе слова *удъ* не ясно, такъ какъ предполагаемое въ немъ Миклошичемъ представленіе сотканнаго довольно сомнительно; слово же *членъ* заключаетъ, по всей вѣроятности указаніе на гибкость суставовъ животнаго тѣла. Древнеславянское *суставъ* (§ 109, 3) очень аналогично лат. *compages* и нѣм. *Gelenk*.

§ 222.

Голова, черепъ, лицо.

Сюда относятся слѣдующія праславянскія названія: *голова* (§ 110), *черепъ* (§ 111, 1), *темя* (§ 111, 2), *лобъ* (§ 111, 3), *чело* (§ 111, 4), *челюсть* (§ 111, 6), *борода* (§ 111, 8), *лице* (§ 112, 1), *носъ* (§ 112, 4), *ноздря* (ib.), *рогъ* (§ 112, 7), *гребень* (§ 112, 8). Изъ гомонимовъ слова *голова* видно, что эта часть тѣла издревле считалась самой важной въ организмѣ. Въ названіи черепа отражается, повидимому, представленіе объ аналогичности его состава съ хрупкимъ черепкомъ посуды. Изъ костей черепа и лица различены были прежде всего четыре: *темя ossa parietalia*, *лобъ* или *чело os frontis*, *челюсть os maxiliare superius* и *борода os maxiliare inferius* или *mentum*. Впослѣдствіи отмѣчены были еще: *скранія ossa temporum* (§ 111, 5) и *щеки со скулами malaе, ossa malagia* (§ 111, 6, 9). Исходное значеніе всѣхъ этихъ словъ не ясно. Лицо или *обличье, обликъ* (§ 112, 1) человѣка, приближающееся въ гомонимахъ то къ матеріальному значенію *mala*, *гена*, то къ отвлеченному *persona*, отличено уже въ древнеславянское время отъ соответствующей части тѣла животныхъ присвоенными послѣднимъ названіями: *морда* (§ 112, 2), *рыло* (§ 112, 3). Въ словѣ *носъ* соединялись, безъ сомнѣнія, значенія и *os nasale*, и *sacum naarium*, что видно изъ производнаго *ноздря* (§ 112, 4). Для соответствующей послѣдней части тѣла животныхъ уже въ древнее время принято названіе *храни* (§ 112, 5), какъ органъ храпѣнья. Носъ же птицъ названъ былъ *клювомъ* (§ 112, 6), т. е. органомъ клеванья. Твердый наростъ на головѣ животныхъ искони зовется *рогомъ*, въ смыслѣ, можетъ быть, торчащаго, рѣзкаго; зубчатый же наростъ на головѣ нѣкоторыхъ птицъ названъ *гребнемъ*, какъ будто по аналогіи зубчатаго снаряда для загребанія, чесанія и пр.

§ 223.

Ротъ, губа, десна, зубъ.

Къ этому кругу понятій относятся пять праславянскихъ словъ: *ротъ* (§ 113, 1), *уста* (§ 113, 2), *губа* (§ 113, 3), *десна* (§ 114, 1), *зубъ* (§ 114, 2), и одно древнеславянское: *клькъ* (§ 114, 3). Изъ гомонимовъ слова *ротъ* (ср. § 35, 2) видно, что въ немъ заключалось представленіе выдающагося, торчащаго, какъ вершина съ кратеромъ вулкана. Последнее сравненіе объясняетъ, какъ отъ понятія *арех ogis* могъ совершиться переходъ къ *savim ogis*. Для понятія: *labia, labium* праславянской имѣлъ два синонима: уста, губы. Ихъ основное различіе не ясно, такъ какъ этимологія затемнилась. Въ названіи десенъ отразился взглядъ Праславянъ на назначеніе этихъ органовъ кусанія, жеванія. Для зубовъ Праславяне имѣли одно общее названіе; лишь впоследствии обозначены особымъ терминомъ клыки *dentes angulares* или *canini*, столь замѣтные у нѣкоторыхъ животныхъ, особенно кабановъ. Что же касается различенія *dentes incisivi, d. buccales, d. molares*, то мы не встрѣчаемъ его слѣдовъ у древнихъ Славянъ.

§ 224.

Языкъ, горло, шея.

Къ этому отдѣлу относятся праславянскія слова: *языкъ* (§ 115, 1), *юрло* (§ 116, 1), *шея* (116, 5), и древнеславянскія: *небо* (§ 115, 2), *юртань* (§ 116, 2), *лотъ* (§ 116, 3), *зѣвъ* (§ 116, 4), *выя* (§ 116, 6), *вратъ* (§ 116, 7), *кръкъ* (§ 116, 8). Исходное значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ видно изъ этимологіи или гомонимики: *языкъ* означалъ, повидимому, снарядъ для лизанія; *небо*—востяной сводъ, аналогичный небесному; *горло*, *гортань* и *глотъ* указываютъ на одинъ и тотъ-же звукоподражательный корень *гръ, глъ*—гаркать или глотать; *зѣвъ* сближаетъ представленія зіяющей пасти рта и пропастей земныхъ. Изъ четырехъ древнихъ названій для *collum* лишь *вратъ* имѣетъ нѣкоторую этимологическую ясность, означая какъ-бы вращательный снарядъ головы. Для слова *кръкъ* представляется аналогія въ древне-хорватскомъ названіи *о. Вели—Кръкъ* (Шафар. II, 320), но нельзя утверждать, что въ последнемъ заключается именно представленіе шеи, подобно слову *перешеекъ*. Что касается отгѣнковъ въ значеніяхъ синонимическихъ терминовъ: *горло, жерло* (§ 116, 1), *гортань, глотъ, зѣвъ* съ одной

стороны, а шея, выя, вратъ, кръвъ съ другой, то ихъ трудно установить. Всего вѣроятнѣе, что древніе Славяне не имѣли точнаго понятія о различіи *guttur* и *fauces*, *larynx* и *pharynx*, *collum* и *servix*, вслѣдствіе чего и въ языкѣ сохранились слѣды смѣшенія этихъ понятій.

§ 225.

Ухо, око, бровь.

Къ праславянскому періоду восходятъ слова: *ухо* (§ 117, 1), *око* (§ 117, 2), *зеница* (§ 117, 3), *бровь* (§ 117, 6), *ресница* (§ 117, 7); въ древнеславянскому же: *оько* (§ 117, 4) и *оьжда* (§ 117, 5). Корневое значеніе первыхъ двухъ не ясно; зеница или зрѣница соотвѣтствуетъ русскому зрачекъ, т. е. органъ зрѣнія по преимуществу; вѣю соединяетъ въ себѣ значенія *palpebra* и *operculum*, представляясь такимъ образомъ крышкой глазаго яблока; вѣжда въ связи, кажется, съ глаголами видѣти, вѣдати, какъ принадлежность выдащаго, пронизывающаго все (ср. Аеан. I, 171) органа; брови представлялись какъ будто бревнами или ободками глазной впадины, закрывающими ихъ, что облака землю (ср. Аеан. I, 174), ресницы же казались бахромою вѣкъ. Сравнивая одиночность термина, относящагося къ органу слуха, съ обиліемъ названій для частей органа зрѣнія, довольно вѣрно выражающихъ понятія: *oculus*, *pirilla*, *palpebra*, *supercilium* и *cilium*, мы убѣждаемся, что глаза гораздо болѣе привлекали къ себѣ вниманіе древнихъ Славянъ и Славянокъ, чѣмъ уши. Это происходило не отъ одной красоты и выразительности глаза, этого окна и вмѣстѣ солнца тѣла (Аеан. I, 158, 153, 164), въ сравненіи съ ухомъ, но также и отъ большей сокрытости частей послѣдняго, кромѣ ушной раковины, которая одна, безъ сомнѣнія, и разумѣлась подъ праславянскимъ *ухо*.

§ 226.

Коса, чубъ, усъ, грива, плешь.

Сюда относятся праславянскія слова: *коса* (§ 118, 1), *косма* (ib.), *чубъ* (§ 118, 3), *усъ* (§ 118, 7), *грива* (§ 118, 8), *плешь* (§ 118, 9), *лысина* (§ 118, 10), и древнеславянскія: *кика* (§ 118, 2), *хохолъ* (§ 118, 4), *ерякочъ* (§ 118, 5), *кудерь* (§ 118, 6), *кудли* (ib.). Этимологія почти всѣхъ этихъ словъ еще не достаточно установлена, почему корневое ихъ значеніе не вполне ясно. Въ арійскихъ мифахъ коса является

эмблемою тучъ (Аѳан. I, 117) и вмѣстѣ символомъ дѣвственности (ib. 238). Въ названіи одного изъ созвѣздіи косою также выразился взглядъ на священное ея значеніе у Праславянъ (§ 9, 8, § 118, 1). Можно заключать отсюда, что они носили длинные волосы, заплетая ихъ въ пряди, въ видѣ головнаго убора—кики, вѣрочки. Въ близости названій: *кждерь* и *кждель* (§ 118, 6) можно видѣть сближеніе волосъ съ пражей, что выражается и въ рус. прядь. Праславянское усы могло бы служить доказательствомъ древности обычая отпускать усы и бороду, если-бы устроить предположеніе объ усахъ или бородѣ бритыхъ, либо замѣченныхъ у иноплеменниковъ. Два праславянскихъ слова для *calvitium* (плѣшь, лысина) свидѣтельствуютъ о знакомствѣ Праславянъ съ этимъ патологическимъ явленіемъ, которое напоминало имъ аналогичное пятно на лбу животныхъ или просвѣтъ на небѣ (Аѳан. I, 116).

§ 227.

Плечо, руки, пясть, палецъ.

Для частей верхней конечности встрѣчаемъ слѣдующія древнія названія: *плечо* (§ 119, 1), *рамо* (§ 119, 2), *рука* (§ 120, 1), *десница* (§ 120, 2), *правица* (ib.), *мыщца* (§ 120, 3), *шуйца* (ib.), *мышца* (§ 120, 4), *пахъ* (§ 120, 5), *локоть* (§ 120, 6), *длань* (§ 120, 7), *пядь* (§ 120, 8), *пясть* (§ 120, 9), *юрсть* (§ 120, 10), *персть* (§ 120, 11), *палецъ* (§ 120, 12), *мизинецъ* (§ 120, 13), *ноготь* (§ 120, 14), *пазногътъ* (ib.). Основное различіе синонимовъ: плечо и рамо не ясно, такъ какъ корневой ихъ составъ затемнился. Не имѣется однако данныхъ для предположенія, что Праславяне различали составныя части плеча: ключицу, лопатку и плечевую кость. Для различенія правой и лѣвой руки встрѣчаемъ четыре древнихъ слова, изъ коихъ одно лишь (лѣвица) имѣетъ характеръ праславянскаго; три остальныхъ колеблются въ употребленіи Славянъ юговосточныхъ (десница, шуйца) съ одной стороны и сѣв. западныхъ (правица) съ другой. Отдѣльныя части руки: *anti-brachium*, *cubitus*, *carpus*, *metacarpus*, *digiti manus* отражаются до известной степени въ древнихъ названіяхъ: мышца, локоть, пясть, персть. Въ словѣ мышца со значеніемъ *brachium* сливаются побочныя: *ala*, *musculus*. Слово это находится въ подозрительной близости къ звукамъ латинскаго *musculus*, подъ вліяніемъ котораго и могло образоваться. Для понятія *axilla*, *ala* встрѣчаемъ въ восточныхъ и западныхъ нарѣчіяхъ древній терминъ—пахъ. Въ словахъ: локоть и пядь (*spithama*) заключается кромѣ матеріальнаго и отвлеченное значеніе единицъ измѣренія.

Такъ какъ пясть съ пальцами было древнѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ изъ орудій человѣка, то это повело къ образованію еще двухъ названій: *длань* и *горсть*, въ смыслѣ, кажется, орудій держанія и захватыванія. Родовымъ названіемъ для *digitus* было слово *персть*, въ смыслѣ дотрогивающагося или органа осязанія. Особыя названія получили затѣмъ въ праславянское уже время палець *pollex* и мизинець *digitus minimus*, т. е. противоположные члены перстной фаланги. Впослѣдствіи названіе самаго сильнаго и дѣятельнаго изъ перстовъ—палець сдѣлалось родовымъ для всѣхъ. Любопытна гомонимика слова мизинець: со значеніемъ *digitus minimus* соединяется, какъ аналогичное, *filius prostremus*. Быть можетъ въ этомъ отражается извѣстное пристрастіе древнихъ Славянъ къ младшимъ членамъ семьи, особенно сыновьямъ, столь понятное съ точки зрѣнія психологической и подтверждаемое нѣкоторыми памятниками историко-юридическими. Особое символическое значеніе приписывается большому пальцу и мизинцу и въ славянскихъ мифахъ (Афан. II, 736, 738, 740, 741; ср. Гриммъ Миф. 254). Въ словахъ: *персть* и *палець* уже слились представленія соотвѣтствующихъ частей верхнихъ и нижнихъ конечностей. То-же должно сказать и о словѣ *ноготь*, означающемъ роговую пластинку на концѣ какъ ручныхъ, такъ и ножныхъ перстовъ. Въ производномъ изъ него *пазноготь* обобщеніе прошло еще дальше, соединивъ въ этомъ словѣ значенія: *unguis* и *ungula*, т. е. *ноготь* и *копыто* (§ 121, 18).

§ 228.

Нога, бедро, голень, стопа.

Сюда относятся праславянскія слова: *нога* (§ 121, 1), *ладвея* (§ 121, 3), *стегно* (§ 121, 4), *бедро* (§ 121, 5), *голень* (§ 121, 6), *лытка* (§ 121, 8), *колено* (§ 121, 9), *плесна* (§ 121, 11), *стопа* (§ 121, 12), *пята* (§ 121, 13), *лапа* (§ 121, 17), *копыто* (§ 121, 18), и древнеславянскія: *кракъ* (§ 121, 2), *знатъ* (§ 121, 7), *лезна* (§ 121, 10), *подошва* (§ 121, 14), *дыбы* (§ 121, 16). Корневое значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ можетъ быть до извѣстной степени восстановлено путемъ этимологическаго разбора или изъ параллелей гомонимическихъ. Такъ *нога* по сближенію съ *ноготь* оказывается названіемъ орудія твердаго, устойчиваго; *кракъ* означаетъ органъ ходенія, какъ стопа—стоянія, ступанія; *ладвея* чуть ли не синонимъ мягкаго, нѣжнаго, а *стегно*—твердаго или прикрытаго; въ противоположность обнаженной голени; *колено* вѣроятно имѣло смыслъ сочлененія гибкаго, подвижнаго, уклон-

чиваго; пята, подобно пяди и пясти, означала напятое, натянудое или растянудое; слово подошва должно было первоначальню прилагаться къ шитой обуви и лишь по метафорѣ перешло къ обозначенію части ступни. Менѣе ясны исходныя значенія остальныхъ изъ вышеприведенныхъ древнихъ названій. Сравнивая приведенныя значенія съ анатомическими терминами твердыхъ частей нижней конечности, мы находимъ между ними значительное соотвѣтствіе. Терминамъ: os innominatum или os coxae соотвѣтствуетъ до извѣстной степени кракъ; os femoris или femur—бедро, стегно, лядвея; tibia—голень, гвять, лытка; articulatio genu—колѣно; ossa pedis—стопа; ossa metatarsi—плесна; talus—глезна; calx—пята, пятка. Для заднихъ конечностей животныхъ находимъ три особыхъ древнихъ термина: дыбы съ общимъ значеніемъ pedes posteriores, лапа въ соотвѣтствіе стопѣ, плеснѣ людей и копыто параллельное понятію ноготь (ср. § 227).

§ 229.

Хребетъ, задъ, чересла, хвостъ.

Для частей, примыкающихъ къ позвоночному столбу, встрѣчаемъ четыре праславянскихъ названія: *хребетъ* (§ 122, 1), *горбъ* (ib.), *тылъ* (§ 122, 2), *задъ* (§ 122, 3), и слѣдующія древнеславянскія: *руть* (§ 122, 4), *гузно* (§ 122, 5), *дуна* (§ 122, 6), *чересла* (§ 122, 7), *хвостъ* (§ 122, 8), *хоботъ* (§ 122, 9), *опашь* (§ 122, 10), *олонъ* (§ 122, 11), *очась* (§ 122, 12), *ръница* (§ 122, 13). Изъ гомонимии слова хребетъ видно, что оно означало собственно возвышеніе, при чемъ возможенъ былъ переходъ отъ горба или хребта животныхъ къ холмамъ и горамъ матери-земли. Шафарикъ производитъ отъ хрѣбътъ названіе Карпатъ, встрѣчающееся уже у Птолемея (I, 75). Слово тылъ заключало, кажется, въ основаніи своего значенія представленіе толстаго, жирнаго; задъ, задница указываетъ на расположеніе этой части тѣла въ отношеніи къ лицевой его сторонѣ; гузно могло указывать, судя по гомонимамъ, на вздудое, сборчатое, морщинистое, дуна же—на дуплистое, полое; чересла въ сродствѣ, очевидно, съ чересъ поясъ, какъ рус. поясница; хвостъ указываетъ на орудіе хвостанья, какъ опашь—обмахиванья и огонь—сгонки, вѣроятно насѣкомыхъ. Значеніе остальныхъ относящихся сюда названій не ясно. Въ смыслѣ анатомическомъ термину dorsum соотвѣтствуютъ древнія славянскія: хребетъ, тылъ, задъ. Можетъ быть первымъ обозначалась и columna vertebralis или rhachis, но доказательствъ тому не представляется. Для vertebrae lumbales и sacrales имѣется

одно общее древнее названіе: чересла. Термину же *os cossugis* соответствуют отчасти шесть вышеприведенныхъ названій для *cauda*; основное различіе этихъ синонимовъ установить трудно, какъ и различіе четырехъ древнихъ названій для *rodex*, *anus*: вѣроятно они прилагались къ разнымъ классамъ животныхъ.

§ 230.

Ребро, грудь, лоно.

Сюда относятся праславянскія слова: *ребро* (§ 123, 1), *бокъ* (§ 123, 2), *перси* (§ 123, 3), *грудь* (§ 123, 4), *вымя* (§ 123, 5), *лоно* (§ 123, 7), *ядро*, *нѣдро* (§ 123, 8), *пазуха* (§ 123, 9), *крыло* (§ 123, 10), и древнеславянскія: *титька* (§ 123, 6), *свѣжъ* (ib.). Замѣчательно обиліе синонимовъ между этими словами: ребро и бокъ въ значеніи *costa*, перси и грудь—*pectus*, лоно, нѣдро, пазуха и крыло въ смыслъ *sinus*—все это выраженія если не тавтологическія, то очень близкія взаимно. Лишь для понятій *mamma*, *papilla* не встрѣчаемъ праславянскихъ названій: не запрещала ли и тогда стыдливость обозначать прямо эти нѣжныя части женской груди?

§ 231.

Сердце, плуита, жабры.

Первыя два названія восходятъ къ праславянскому періоду (§ 124, 1, § 124, 2). Сердце, центръ системы кровеносныхъ сосудовъ, считалось искони средоточіемъ животнаго тѣла, что выражается въ параллельныхъ названіяхъ: *сердцевина*, *средина*; оно считалось издавна и источникомъ мужества или трусости, что видно изъ гомониміи нѣкоторыхъ нарѣчій. И въ арійскихъ мифахъ сердце не лишено символическаго значенія (Гриммъ Миф. 610 сл.). Въ названіи *плуца* какъ будто отражается знакомство нашихъ предковъ съ назначеніемъ этого дыхательнаго снаряда.

§ 232.

Брюхо, желудокъ, утроба

Къ этому отдѣлу органовъ пищеваренія относятся праславянскія слова: *желудокъ* (§ 125, 3), *требухъ* (§ 125, 4), *чрево* (§ 125, 5), *утроба* (§ 125, 6), и древнеславянскія: *брюхо* (§ 125, 1) и *животъ*

(§ 125, 2). Замѣчательна звуковая близость словъ желѣдъ *glans* (§ 80, 18) и желѣдѣкъ *stomachus, ventriculus*: ихъ могло сближать понятие питанія пассивнаго и активнаго, что отражается и въ древнемъ названіи животъ, по сравненію съ жиръ *glans* (§ 80, 18). Быть можетъ и въ словѣ *требухъ* выражается понятіе аналогичное со значеніемъ глагола: теревить, потреблять. Чрево обнаруживаетъ нѣкоторую близость со словомъ *кръвь*, хотя связь ихъ значеній не вполне ясна. Что взаимное положеніе и назначеніе разныхъ частей брюшной полости не ясно различаемы были древними Славянами, видно изъ сбивчивости смысла въ названіяхъ: *требухъ*, *чрево*, *утроба*. Въ каждомъ изъ нихъ смѣшаны понятія: *stomachus, intestina* и *uterus*.

§ 233.

Ятро, желчь, селезенка, железа.

Сюда относятся праславянскія названія: *ятро* (§ 126, 1), *желчь* (§ 116, 2), *слезена* (§ 126, 3), *железа* (§ 134, 4), и древнеславянское: *бурръ* (§ 126, 4). Слово *ятро* заключало, повидимому, въ себѣ представленіе органа внутренняго; *желчь* названа по желтизнѣ своего цвѣта; *слезена* — по слизистости состава; два остальныхъ слова не ясны этимологически. Приведенные термины довольно точно соотвѣтствуютъ анатомическимъ: *hepar* или *jesur, fel* или *bilis, lien* или *splen, glandula* и *ren*. Это позволяетъ намъ нѣсколько ограничить неблагопріятный для анатомическихъ познаній древнихъ Славянъ выводъ предыдущаго параграфа.

§ 234.

Пупъ, мудо, яйце.

Къ праславянскому періоду восходятъ слова: *пупъ* (§ 127, 1), *мудо* (§ 128, 1), *мошна* (§ 128, 2), *яйце* (§ 128, 3), *икра* (§ 128, 6); къ древнеславянскому же: *мѣхырь* (§ 127, 2), *матка* (§ 127, 3), *бѣлокъ* (§ 128, 4) и *желтокъ* (§ 128, 5). Въ названіи *пупъ* выражается нѣчто вздутое, какъ пупокъ или почка растеній (§ 183), либо сосокъ на груди (§ 127, 1); слово *мѣхырь* получаетъ объясненіе отъ сближенія съ *мѣхъ*, *мѣшекъ*, подобно слову *мошна scrotum*; *матка* въ связи конечно съ *мать*, какъ лат. *matrix* или нѣм. *Bärmutter*. Для зародышевыхъ частей животныхъ встрѣчаемъ три древнихъ названія: одно относится, повидимому, главнѣйше къ млекопитающимъ (*мудо*), другое къ птицамъ (*яйце*), третье къ рыбамъ (*икра*).

§ 235.

Морщина, перхоть.

Оба эти слова восходятъ къ древнему, но не праславянскому періоду (§ 129, 1, § 129, 3), подобно параллельному съ первымъ *враска* (§ 129, 2). Лишь предположивъ тожество послѣднихъ, можно относить ихъ (мръска=врѣска) къ первобытной эпохѣ. Въ такомъ случаѣ славянскій терминъ для гуга означалъ бы изломы кожи въ ея складкахъ или сборкахъ. Перхоть же представлялась нашимъ предкамъ какъ бы прахомъ или отрубями, разсыпанными по поверхности кожи.

§ 236.

Выдѣленія и разложенія животныхъ.

Сюда относятся праславянскія слова: *потъ* (§ 130, 1), *слеза* (§ 130, 2), *слина* (§ 130, 3), *хракъ* (§ 130, 5), *сморчекъ* (§ 130, 6), *сопля* (§ 130, 7), *возря* (§ 130, 8), *ювно* (§ 130, 12), *мои* (§ 130, 13), *стерво* (§ 130, 14), и древнеславянскія: *льнь* (§ 130, 4), *моча* (§ 130, 9), *сечь* (§ 130, 10), *лайно* (§ 130, 11), *мерси*, *мерха* (§ 130, 15), *падалъ* (§ 130, 16). Въ словѣ *потъ* скрывается, повидимому, представленіе влажныхъ капель (ср. Аван. II, 476); *слеза* могло быть синонимомъ выдѣленія, источника; *слина*—слизи или плевка; *глѣнъ*, судя по гомонимамъ, означалъ слизистый сокъ; *хракъ* указываетъ на звукоподражательное харкать; *сморчекъ* находитъ аналогіи въ водососательныхъ смерчахъ или водопроводныхъ трубахъ; *сопля* состоитъ въ этимологической связи съ соплѣніемъ носа, игрой соплѣлки и шумомъ сопота или водопровода; *моча*—синонимъ мокреди, *сечь* же—орошенія (ср. Аван. I, 671); въ словѣ *гнои* соединяются значенія разныхъ формъ и послѣдствъ гніенія какъ растительныхъ, такъ и животныхъ тѣлъ; *мерга*, *мерха* кажется однокореннымъ съ мертвечина, а *падалъ*—съ палымъ животнымъ. Замѣчательно обиліе древнихъ названій для *pituita*, *mucus*. Въ славянскихъ миеахъ *сопля* является иногда метафорой тучи (Аван. II, 372). Для *cadaver*, кромѣ трехъ приведенныхъ словъ, есть еще четвертое: *трупъ* (§ 104, 2); но оно прилагается, какъ указано выше (§ 218), главнымъ образомъ къ мертвому тѣлу человѣка, а не животныхъ.

§ 237.

Выводы изъ одинадцатой главы.

- I. Въ славянскихъ мѣсахъ встрѣчаются параллели для праславянскихъ словъ: палець, мизинець (§ 227), а въ мѣстныхъ названіяхъ для праслав. хръбъть (§ 229) и древнеслав. кръкъ (§ 224).
- II. Гомонимика приложима къ разъясненію древнихъ значеній словъ: черепъ (§ 222), ротъ (§ 223), небо (§ 224), вѣко (§ 225), мизинець (§ 227).
- III. Древніе Славяне имѣли довольно обстоятельное знакомство съ наружными частями животнаго, особенно человѣческаго тѣла; это видно изъ обилія относящихся сюда синонимовъ, каковы: лобъ и чело (§ 222), уста и губы (§ 223), плечо и рамо (§ 227), ребро и бокъ (§ 230), перси и грудь (ib.), лоно, нѣдро, пазуха и крыло (ib.), а также изъ приблизительной точности названій анатомическихъ частей глаза (§ 225), руки (§ 227) и ноги (§ 228). Изъ внутреннихъ органовъ были знакомы лишь болѣе выдающіеся и цѣльные, какъ напр. сердце (§ 231), плушта (ib.), ятро (§ 233), желчь (ib.), слезена (ib.), железа (ib.); для болѣе сложныхъ и незамѣтныхъ органовъ названія либо очень общи и сбивчивы, какъ: жила (§ 219), требухъ (§ 232), чрево (ib.), утроба (ib.), либо совершенно отсутствуютъ, напр. названія мышцъ (§ 219), хрящей, позвонковъ, внутреннихъ частей глаза, уха и т. п.
- IV. Анатомическія свѣдѣнія древнихъ Славянъ были гораздо обширнѣе физиологическихъ, какъ видно изъ скудости древнихъ терминовъ для отправленій животныхъ организмовъ. Въ названіяхъ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ сохраняются однако слѣды хоть смутныхъ понятій и объ ихъ функціяхъ, напр. въ словахъ: глотъ (§ 224), плушта (§ 231), желудокъ (§ 232), требухъ (ib.) и н. др.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Здоровье и болѣзненные явленія.

§ 238.

Здоровье, болѣзнь, недугъ.

Къ праславянскому періоду восходятъ слова: *здоровье* (§ 132, 1) и *болѣзнь* (§ 132, 2), къ древнеславянскому же: *хворь* (§ 132, 3), *язъ* (§ 132, 4), *недугъ* (§ 132, 5) и *немочь* (§ 132, 6). Корневое значеніе

перваго изъ приведенныхъ словъ не ясно; изъ гомонимовъ же втораго видно, что *morbus* представлялся Праславянамъ тождественнымъ съ *dolor*, что отражается и въ значеніяхъ слова *язв*. Три остальные слова сближаютъ понятія *morbus* и *infirmitas*, что особенно ясно въ составѣ словъ: недугъ и немочь, выражающихъ отрицаніе силы, мочи. Въ арийскихъ мифахъ болѣзни часто являются въ символическихъ формахъ демоновъ, нападающихъ на организмъ и разрушающихъ его (Гриммъ Миф. 668 сл.; Манг. см. *Krankheiten* по Reg.; Афан. III, 58 сл., 75).

§ 239.

Рана, мозоль, опухоль.

Сюда относятся праславянскія слова: *рана* (§ 133, 1), *мозоль* (§ 135, 5), *опухоль* (§ 134, 3), *горбъ* (§ 134, 6), и древнеславянскія: *язва* (§ 133, 2), *блizza* (§ 133, 3), *смуга* (§ 133, 4), *желвь*, *желвакъ* (§ 134, 1). Исходнымъ значеніемъ слова *рана* было, кажется, поврежденіе ударомъ, порѣзомъ и т. п.; *язва* чуть ли не означала раскрытой, треснувшей, зіяющей раны; въ словѣ *смуга* выражается, вѣроятно, темный цвѣтъ больныхъ пятенъ; въ гомонимахъ мозоли какъ будто отражается представленіе о происхожденіи ея отъ трудныхъ физическихъ работъ; *желвь*, *желвакъ* указываетъ, повидимому, на наружное сходство подкожной опухоли съ черепахою, сидящею въ раковинѣ; значеніе слова *опухоль* достаточно уясняется его сродствомъ съ цухомъ, какъ бы мягкимъ пушистымъ наливомъ частей тѣла; *горбъ* же въ связи, вѣроятно, съ *хръбтъ* (§ 35, 2), *грибъ* (§ 59, 2), въ смыслѣ возвышенія, вздутости. Для *зоба* (§ 134, 5) не встрѣчаемъ у Славянъ древняго названія: болѣзнь эта, распространенная въ Альпахъ, Пиренеяхъ, горахъ Скандинавскихъ, Гималаяхъ и т. д. (Кл. 933), и теперь очень рѣдка въ Карнатахъ и другихъ странахъ праславянскихъ.

§ 240.

Бородавка, прыщъ, оспа.

Изъ названій накожныхъ болѣзней къ праславянскому періоду восходятъ: *бородавка* (§ 135, 2), *пыла* (§ 135, 3), *прыщъ* (§ 135, 5), *вередъ* (§ 135, 7), *струпъ* (§ 135, 8), *мишш* (§ 135, 9), *оспа* (§ 135, 10), *короста* (§ 135, 12), *свербъ* (§ 135, 14), въ древнеславянскому же:

матежъ (§ 135, 1), *угорь* (§ 135, 4), *чирей* (§ 135, 6), *пархъ* (§ 135, 13), *проказа* (§ 135, 15). Въ словѣ *матежъ* выражается, повидимому, представлѣніе пятна; бородавка въ связи, кажется, съ понятіемъ борода, въ смыслѣ *barba* (§ 111, 8); *пѣга* указываетъ на производимую ею пестроту кожи или шерсти; въ названіи *угря* сохраняется, вѣроятно, древняя характеристика угристаго лица угорской Чуди; *прыщъ* выражаетъ, быть можетъ, аналогію между нарывами кожи и брызгами или пузырьками, взбивающимися на вспыснутой, вспѣнной поверхности воды; въ гомонимахъ слова *врѣдъ*, *вередъ* выражается общій характеръ древняго его значенія: *damnum, vulnus, fungunculus*; въ словѣ *лишай* скрестились ботаническое значеніе *lichen* и медицинское *impetigo*, подобно какъ въ слав. губа *fungus* (§ 59, 1), *lepra* (§ 135, 15) и въ нѣм. *Flechte lichen, impetigo*; *оспа* должна была означать первоначально сыпную болѣзнь вообще и лишь впоследствии, по распространеніи въ Европѣ настоящей *оспы*—*variolae*, утвердилась въ значеніи послѣдней; *короста* заключаетъ, повидимому, то-же корневое значеніе, что и *чесотка*, отъ *чесанія*, *зуда*; слово *пархъ* чуть ли не тождественно съ *прахъ*, *перхоть*; *проказа* указываетъ на грозныя, казнящія послѣдствія этой прилипчивой болѣзни. Нѣкоторыя изъ *накожныхъ болѣзней* соединены съ особыми повѣрьями и обрядами, напр. *веснушки* (Аѳан. II, 15), *лишай* (ib. III, 60; *Гриммъ Миѳ.* 674; *Манг.* 19), *оспа* (Аѳан. I, 204, III, 58, 68), *чесотка* (Аѳан. III, 72; *Гриммъ Миѳ.* 674; *Манг.* 228, 239), *проказа* (*Гриммъ Миѳ.* 674). Изъ обилія древнихъ названій для сыпныхъ болѣзней видно, что онѣ были распространены между древними Славянами и обращали на себя ихъ вниманіе. Лишь для *кори* (*morbilli*, § 135, 11) не встрѣчаемъ древняго названія: можно предполагать, что болѣзнь эта появилась въ позднѣйшее время (какъ и *variola*) или скрывалась прежде подъ однимъ изъ общихъ названій сыпей.

§ 241.

Бѣльмо, слѣпота, глухота.

Всѣ эти слова восходятъ въ праславянскому періоду (§ 136, 1. 2. 3). Въ основѣ названія *бѣльмо* то-же представлѣніе бѣлаго цвѣта, что и въ *медиц.* *leucoma* (λευκομα) или въ нѣм. *Weisses im Auge*. Корневое значеніе словъ *слѣпота* и *глухота* ясно по сравненію съ соотвѣствующими прилагательными: *слѣпъ*, *глухъ*. Особня представленія связаны съ *глазными болѣзнями* въ *германскихъ миѳахъ* (*Манг.* 17).

§ 242.

Оскомина, изгага, рыганье.

Изъ болѣзней органовъ пищеваренія праславянскія названія имѣютъ: *оскомина* (§ 137, 1), *изгага* (§ 137, 3), *рыганье* (§ 137, 5), *блевъ* (§ 137, 6), а древнеславянское: *смага* (§ 137, 2). Въ словахъ *смага* и *изгага* заключается представленіе жженія, какъ въ *ругosis*, *κέρως*; *рыганье* выражаетъ процессъ отрыжки, а *блевъ* образовано, повидимому, изъ звукоподражательнаго корня, родственнаго, быть можетъ, лат. *balbutire*. Областное *нуда* (§ 137, 4) выражаетъ состояніе принужденное, тошнющее.

§ 243.

Надуха, хрипота, кашель.

Для болѣзней органовъ дыханія встрѣчаемъ слѣдующія названія праславянскія: *хрипота* (§ 133, 3), *сипъ* (§ 138, 4), *кашель* (§ 138, 6), и древнеславянскія: *надуха* (§ 138, 1), *чехъ*, *чихота*, *кыхавица* (§ 138, 2), *одышка* (§ 138, 5), *сухота* (§ 138, 7). Въ словахъ *надуха* и *одышка*, *дыхавица* выражается связь съ процессомъ дыханія; *чехъ*, *чихота* и *кыхавица* образованы, кажется, изъ звукоподражательнаго корня, подобно слову *кашель*; *хрипота* уясняется сближеніемъ съ *храпъ* *pagis* (ср. § 112, 5), а *сипъ*, *сипота* сравненіемъ съ глаг. *сипѣть*, *сопѣти*, и существ. *сопѣль*, *сопотъ*, *сопля* (§ 26, 4, § 130, 7); *сухота* наконецъ выражаетъ болѣзненное изнуренье, происходящее отъ расстройства процессовъ питанія или дыханія, подобно греч. *φθίσις*, лат. *tabes* и нѣм. *Schwindsucht*. Съ нѣкоторыми изъ этихъ болѣзней связаны разныя мнѣшескія представленія, именно съ насморкомъ (Манг. I, 89; Аван. II, 17), *чихотой* (Гриммъ Мио. 647; Аван. II, 338, III, 602), *кашлемъ* (Гриммъ Мио. 674), *чахоткою* (ib. 673; Манг. см. *Schwindsucht* по Reg.; Аван. II, 16, III, 59).

§ 244.

Диа, корчи, надучая.

Первое и послѣднее изъ разсматриваемыхъ словъ относятся къ древнеславянскому періоду (§ 140, 1. 3); среднее же—*корчи* (§ 140, 2) восходитъ къ старинѣ праславянской. Корневое значеніе слова *диа* не

ясно; корчъ однозначенъ съ лат. convulsio, падучая же—съ медицин. morbus caducus и цѣм. Fallsucht. Въ арійскихъ мифахъ ломота (Гриммъ Миф. 671 сл., 673 сл.; Манг. 13, 15, 21; Аван. III, 61, 70, 72, 438), спазмы (Аван. III, 59) и особенно падучая (Гриммъ Миф. 673, 678 сл.; Манг. 263, 296; Аван. III, 59, 60, 67, 80, 635) соединяются съ особыми представленіями и обрадами.

§ 245.

Колика, грыжа, кила

Къ праславянской старинѣ восходить лишь послѣднее слово (§ 141, 3), но и два первыхъ довольно древняго образованія (§ 141, 1. 2). Замѣчательно сродство словъ: колика и кила съ соответственными греческими терминами: *κολική, κήλη*; но источникъ этого сходства довольно загадоченъ. Отношеніе же слав. грыжа къ глаг. грызти нѣсколько аналогично лат. tormina при tormentum, torqueo. Въ арійскихъ мифахъ встрѣчаются указанія на tormina, hernia (Гриммъ Миф. 673 сл.; Манг. 13 сл.; Аван. III, 68, 643).

§ 246.

Трясавица, зимница, горячка.

Сюда относится праславянское слово *трясавица* (§ 139, 1) и древнеславянскія: *зимница* (§ 139, 2), *горячка* (§ 139, 3), *огневица* (§ 139, 4). Корневое значеніе всѣхъ этихъ названій совершенно прозрачно. То, что народъ соединилъ подъ именемъ лихорадокъ, соответствуетъ въ медицинѣ двумъ различнымъ типамъ болѣзней: 1. febris intermittens и 2. typhus (abdominalis, exanthematicus, recurrens). Ни одинъ родъ болѣзней не связанъ со столькими мифическими представленіями, какъ разсматриваемыя, особенно въ мифахъ славянскихъ (Гриммъ Миф. 670, LXXV; Манг. см. Fieber по Reg.; Аван. I, 203, II, 15, III, 60, 67, 73, 81, 83, 86 сл., 643). Очевидно, что febris и typhus были грозными бичами населенія уже въ праславянское время.

§ 247.

Моръ, чума, зараза.

Первое изъ приведенныхъ словъ возникло въ праславянское (§ 142, 1), два же другія—въ древнеславянское время (§ 142, 2. 3). Въ на-

званіи моръ выражается смертельный характеръ этой болѣзни; зараза указываетъ на прилипчивыя, эпидемическія ея свойства; слово же чума иноязычнаго происхожденія. Хотя теперь названіе *pestis* присваивается предпочтительно бубончатой чумѣ, но въ древнее время въ этомъ терминѣ смѣшивались представленія о каждой повальной болѣзни. То же должно сказать и о славянскихъ: моръ, зараза. Восточная чума появилась въ Европѣ не ранѣе, какъ въ христіанскую эпоху, хотя въ Египтѣ, Ливіи, Сиріи она свирѣпствовала и въ языческое время; слѣдов. Славяне могли познакомиться съ ней хотя и въ древнее (юстиніаново?), но не въ первобытное время. Въ арійскихъ мифахъ моръ, *pestis* имѣютъ уже грозную извѣстность (Гриммъ Миф. 684 сл.; Манг. см. *Pest* по Reg.; Аван. III, 20, 69, 79, 82, 103 сл., 333, 357, 519, 522, 528 сл.).

§ 248.

Л ѣ к ѳ, в р а ч б а.

Въ праславянскомъ *лѣкъ* (§ 143, 1) и древнеславянскомъ *врачба* (§ 143, 2) находимъ указаніе на то, что уже въ древнее время Славяне стали прибѣгать къ врачевнымъ средствамъ противъ болѣзней. Если вѣрно сближеніе слав. *лѣкъ* съ санскр. *likh scagifigae*, а врачба съ корнемъ *вѣр шигшигаге*, то можно предполагать, что, рядомъ съ заговорами, какъ цѣлебной силой, наши предки прибѣгали и къ болѣе положительнымъ средствамъ, именно — хирургическимъ операціямъ. Нельзя сомнѣваться, что и разныя травы употреблялись уже въ праславянской медицинѣ, какъ это видно отчасти изъ ихъ названій, отчасти же изъ связанныхъ съ ними повѣрій и предрасудковъ. Словамъ: *быліе* (§ 50, 1, § 143, 3), *зелье* (§ 50, 3) свойственно въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ значеніе: *remedium, medicina*, но нѣтъ доказательствъ того же для первобытнаго времени.

§ 249.

Выводы изъ двѣнадцатой главы.

I. Въ арійскихъ мифахъ представляются *параллели* для словъ:

- а) *праславянскихъ*: болѣзнь (§ 238), иѣга (§ 240), лишай (*ib.*), короста (*ib.*), бѣльмо (§ 241), слѣиота (*ib.*), кашель (§ 243), корчи (§ 244), грыжа (§ 245), трясавица (§ 246), моръ (§ 247); и для:

б) *древнеславянскихъ*: проказа (§ 240), надуха (§ 243), чихота (ib.), сухота (ib.), дна (§ 244), падучая (ib.), зимница (§ 246), горячка (ib.), огневица (ib.).

II. *Гомонимика* приложима къ уясненію основныхъ значеній словъ: болѣзнь (§ 238), язва (§ 239); мозоль (ib.), желвь (ib.), угрь (ib.), вередъ (§ 240), лишай (ib.), оспа (ib.), моръ (§ 247).

III. *Заключенія историческія*:

- а) древніе Славяне имѣли довольно ясное понятіе о разныхъ видахъ болѣзней наружныхъ, особенно кожныхъ; гораздо смутнѣе же были ихъ представленія о болѣзняхъ внутреннихъ, особенно воспалительныхъ (§ 240, § 246);
- б) начало народной медицины восходитъ къ первобытной эпохѣ, при чемъ, кромѣ средствъ симпатическихъ или заговоровъ, употреблялись травы, а можетъ быть и ножъ (§ 248).

§ 250.

Заключительныя замѣчанія и выводы.

«Первою задачей лингвистической палеонтологіи, сказано въ нашемъ предисловіи (стр. VII), является выдѣленіе древнѣйшихъ словъ языка отъ старыхъ, а послѣднихъ отъ новыхъ». Для разрѣшенія этой задачи составлено было авторомъ въ первомъ (А.) отдѣлѣ изслѣдованій болѣе-тысячи уравненій, на основаніи которыхъ оказалось возможнымъ до 565 изъ разсмотрѣнныхъ словъ отнести къ группѣ праславянскихъ, 378 къ древнеславянскимъ и 81 къ областнымъ. По содержанію слова этихъ трехъ группъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: I. изъ области космографіи, метеорологіи, физики и географіи 102 первой группы, 56 второй и 17 третьей; II. изъ области минералогіи 19 первой группы, 11 второй, 7 третьей; III. изъ области ботаники 185 первой группы, 132 второй и 31 третьей; IV. изъ области зоологіи 137 первой группы, 73 второй и 19 третьей; V. изъ области анатоміи и физиологіи животныхъ 90 первой группы, 77 второй и 3 третьей; VI. изъ области медицины 32 первой группы, 29 второй, 4 третьей. Итакъ наиболѣе богатою оказывается ботаническая и зоологическая номенклатура древнихъ Славянъ; затѣмъ слѣдуетъ—физико-географическая и анатомическая; послѣднее же мѣсто занимаютъ названія медицинскія и минералогическія.

Очень возможно, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ нѣкоторыя слова третьей группы будутъ перечислены во вторую, а изъ послѣдней въ первую; но едва-ли много придется сдѣлать передвиженій обратнаго

рода. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не одно довѣріе въ точности избраннаго лингвистическаго метода, но и послѣдствія провѣрки его во второмъ (Б.) отдѣлѣ изслѣдованій, посредствомъ другихъ приемовъ и вспомогательныхъ средствъ. Для 95 праславянскихъ (по лингвистическимъ принципамъ) словъ оказались подтвердительныя параллели въ матеріальныхъ остаткахъ древности; для 186 въ мифахъ (въ обширномъ значеніи этого слова); для 25 въ древнихъ мѣстныхъ и племенныхъ названіяхъ и для 27 въ прямыхъ историческихъ свидѣтельствахъ: слѣдовательно въ 333 случаяхъ древность праславянскихъ словъ подтверждается и другими данными. Гораздо меньше число такихъ параллелей для словъ древнеславянскихъ (18 въ матеріальныхъ остаткахъ, 44 въ мифахъ, 3 въ мѣстныхъ названіяхъ и 3 въ историческихъ свидѣтельствахъ) и областныхъ (3 въ матеріальныхъ остаткахъ, 9 въ мифахъ и 2 въ мѣстныхъ названіяхъ), именно: 68 для первыхъ и 14 для вторыхъ. Это показываетъ, что содержаніе древнихъ слоевъ языка болѣе, чѣмъ новыхъ соотвѣтствуетъ содержанію древнихъ же наслоеній земли, народныхъ вѣрованій и сказаній. Итакъ хронологическіе выводы лингвистики съ одной стороны, а палеонтологія, мифологія и исторія съ другой, взаимно подтверждаются. Мы можемъ слѣд. пользоваться первыми для цѣлей послѣдней (исторіи).

Въ навомъ же видѣ представляется по даннымъ лингвистической палеонтологіи картина праславянской территоріи, а равно объемъ и содержаніе понятій объ ней нашихъ пращуровъ? Самымъ поразительнымъ въ отвѣтъ на означенный вопросъ является то, что физическій и умственный кругозоръ Праславянъ очень мало отличался отъ внѣшняго у поселянъ поднѣпровья, побужья, подкарпатья! Климатъ умѣренный; съ противоположностями зноя и холода, дождей и снѣговъ, съ перевѣсомъ дней ведреныхъ надъ ненастными; страна обилующая озерами и проточными видами, лежащая въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ моря, то равнинная, то гористая (стр. 48 сл., 289); богатство лѣсовъ (144, 335); очень разнообразная флора, со всѣми характерными признаками умѣреннаго пояса Стараго Свѣта (142 сл., 335 сл.) и соотвѣтственная тому фауна того-же пояса, преимущественно европейской ея части (198 сл., 370 сл.): не совпадаетъ ли это съ географическими условіями западныхъ областей Россіи и странъ подкарпатскихъ? Невольно вѣдоминается при этомъ вымышленная «Отцемъ исторіи» картина страны Будиновъ: Βουδῖνος, γῆν νεώμενον πᾶσαν δασέα Ἰλην παντοίην (IV, 12)... ἡ δὲ χώρα σφόδρα πᾶσα ἐστὶ δασέα Ἰθνη παντοίησι; ἐν δὲ τῇ Ἰθῆ τῇ κλειστότῃ ἐστὶ λίμνη μεγάλη τε καὶ πολλὰ καὶ ἕλος καὶ κάλαμος περὶ αὐτήν. ἐν δὲ ταύτῃ ἐνύδριος ἀλιαντικός. καὶ πᾶσι τοῖς καὶ ἄλλα ἰθρία τετραγωνοκρόβωπλα (IV, 109). Данныя

идеи истинны не только не противоречатъ историческимъ и природнымъ Славянъ въ сѣверозападныхъ предѣлахъ Скиѣи Иродота и Сарматіи Птолемея, но и рѣшительно подтверждаютъ ихъ.

Умственный круговоръ Праславинъ былъ столь же обширенъ, какъ и ихъ горизонтъ физическій. Они имѣли понятіе о мірѣ, какъ цѣломъ (272); наблюдали движеніе и расположеніе небесныхъ свѣтилъ (273 сл.); были знакомы со многими минералами и пятью металлами (61, 296); разнообразіе формъ растительнаго царства подведено было ими къ двумъ основнымъ типамъ, съ намеками на третій переходный (296 сл.); подмѣчены были не только внѣшніе органы, но и внутреннія свойства многихъ растений (334 сл.); изъ видовъ растительнаго царства знакомы были приблизительно: десятка три дикорастущихъ травъ (142), пять грибовъ и лишайниковъ (143), десятковъ огородныхъ и стручковыхъ овощей (ib.), три главныхъ представителя тенническихъ растений (ib.), 7 видовъ хлѣбныхъ злаковъ (143 сл.), 2 ягодныхъ кустарниковъ (144), 3 болотныхъ растений (ib.), 13 кустарныхъ растений (145), двѣ дюжины дикорастущихъ и полъ дюжины плодовыхъ деревьевъ (146), въ совокупности болѣе 100 видовъ дикихъ и культурныхъ растений; изъ области зоологической извѣстны были: до 20 видовъ суставчатыхъ (198), десятковъ рыбъ (199), полъ дюжины пресмыкающихся и земноводныхъ (199), дюжина три птицъ (199 сл.) и до 40 видовъ млекопитающихъ животныхъ (200 сл.), т. е. болѣе 100 видовъ животнаго царства; выработалось уже довольно обстоятельное знакомство со строеніемъ, а отчасти и отправлениями не только внѣшнихъ, но и нѣкоторыхъ внутреннихъ частей животныхъ организмовъ (244 сл., 383); различены были многія формы наружныхъ и даже нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзней (263 сл., 389), для излѣченія которыхъ употреблялись не только симпатическія, но и нѣкоторыя фармакологическія средства (388, 334 сл.). Никто не станетъ утверждать, будто столь обширный кругъ понятій и запасъ свѣдѣній выработался у Праславинъ вдругъ и внѣ всѣхъ историческихъ воздѣйствій со стороны окружающихъ народовъ: такая обстановка быта и ступень развитія предполагаютъ уже вѣка физическаго и умственнаго труда, борьбы съ природою, сношеній съ сосѣдами. Это и подтверждается вполне представленными выше данными для исторіи многихъ растений и животныхъ. Рядомъ съ представителями флоры и фауны собственно европейской, уже Праславянамъ извѣстны были и такіе ихъ виды, которыхъ родину предполагаютъ то въ средней, то въ западной Азіи: они могли быть усвоены Славянами лишь путемъ историческихъ (или доисторическихъ) сношеній съ народами востока и юга (стр. 336 сл., 371 сл.).

Такъ и на зарѣ своей жизни представляются намъ Славяне народомъ дѣятельнымъ, мыслящимъ, историческимъ.

А между тѣмъ старина, воспроизводимая праславянскимъ слоemъ языка, лежитъ очень далеко во мглѣ вѣковъ минувшихъ: она древнѣе сказаній Нестора, древнѣе Прокопія и Иорнанда. Несторъ говоритъ о раздѣленіи и расселеніи Славянъ, какъ фактъ очень древнемъ, далеко предшествующемъ даже времени жизни ап. Андрея: послѣдній видѣлъ-де уже Словѣнъ, нѣкогда дунайскихъ, на дальнемъ сѣверѣ, близъ Новгорода (Лѣтопись по Лаврент. сп. стр. 6, 7). Проконій также зналъ Славянъ уже раздѣленными на двѣ большія группы: *Σκλαβηνοί* и *Ἄνται*; время же ихъ сожительства подъ общимъ именемъ *Σκλάβοι* онъ считаетъ древнимъ: *τὸ παλαιόν* (Шафар. II, 692). И Иорнандъ свидѣтельствуетъ о раздѣленіи Славянъ его времени на многія племена, между которыми особенно значительны были Славяне и Анты: *quorum (Vinidagum) nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Slavini et Antes nominantur* (Шафар. II, 689). Языкъ праславянской восходитъ слѣдов. ко времени до VI в., и притомъ задолго до этого времени, такъ какъ и V-й, и даже IV-й и III-й вѣка нашей эры заключаютъ уже исторію ихъ расселенія, какъ это достаточно разъяснено изслѣдованіями Шафарика и дополненіями къ нимъ г. Дринова. Первые вѣка нашей эры представляется намъ гранью, раздѣляющей жизнь Славянства на двѣ части: 1. праславянскую и 2. древнеславянскую; вѣка же 9-й и 10-й, время зарожденія и обособленія славянскихъ государствъ, церковей и литературъ, соотвѣтствуютъ третьему, областному періоду въ наслоеніяхъ языка. Слова областныя могутъ слѣд. входить въ число матеріаловъ для исторіи одного (ближайшаго къ намъ) тысячелѣтія жизни Славянъ, древнеславянскія—для другого (средняго), праславянскія же—третьяго (древнѣйшаго).

Лингвистическая палеонтологія открываетъ возможность на два тысячелѣтія продолжить лѣтописи Славянства. Подобная наука не лишена интереса и значенія.

~~~~~  
 КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.  
 ~~~~~


ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ ¹⁾,

СТРАН. СТРОКА.

IV	5	вм. sak чит. tak
„	13	вм. págodnf чит. págodní
VII	1	вм. грамата чит. грамота
VIII	30	вм. свѣдуюція чит. слѣдуюція
„	40	вм. с. с. м. чит. ѣ. ѣ. м.
IX	40	вм. цитцемъ чит. цѣтуемъ
XI	19	вм. послѣдніи чит. послѣдніа
„	29	вм. розысканіяхъ чит. разысканіяхъ
„	37	вм. усложненіями чит. усложненіями
XII	21	вм. мѣтеж чит. мѣтежь
„	„	вм. zomet чит. zamet
XIII	11	вм. шипъ имѣеть напр. чит. напр. шипъ имѣеть
„	12	вм. на коренное значеніе чит. о коренномъ значеніи
„	29	вм. aestas чит. aestus
XV	1	вм. Слова чит. слова
„	3	вм. медицинѣ; чит. медицинѣ.
„	31	вм. словено-хорутанское чит. хорутано-словенское
XVII	18	вм. языку. чит. языку:
XIX	22	вм. серскихъ чит. сербскихъ
XX	26	вм. устнаго чит. устныхъ
XXI	12	вм. и чит. и
„	13	вм. 34. чит. 35.
„	20	вм. словъ. чит. словъ. См. Дополненія.
1	7	вм. Миръ чит. Міръ
„	8	прибав.: и съ гот. mēl Zeitmass (Гриммъ Мию. 457).
„	14	прибав.: кашуб. mieg терпѣніе (Стрем.).
3	18	прибав.: кашуб. gzoza зарница, gzorza заря (Стремл.).
„	40	прибав.: Ср. § 25, 6.
4	3	прибав.: Ср. § 5, 2.
„	6	прибав.: ср. гот. auhns Ofen (Гриммъ Мию. 359).

¹⁾ Объясненіе употребляемыхъ ниже сокращеній: вм.—вмѣсто; чит.—слѣдуетъ читать; прибав.—слѣдуетъ прибавить.

СТРАН. СТРОКА.

- 4 16 в. рlаm чит. рlаm,
 „ 24 прибав.: Ср. § 137, 3.
 „ 30 прибав.: Аван. сближаетъ съ ведро, отъ vâ flage (I, 176, 310). Въ карпаторус. ватра, ватриско означаютъ мѣсто, на которомъ былъ огонь и гдѣ копять сѣно (Чертежь).
 „ 37 прибав.: ср. Аван. II, 72;
 5 5 прибав.: Аван. сближаетъ нскра съ врѣсъ, кремьнь (I, 255).
 „ 25 прибав.: Ср. § 3, 5.
 „ 35 прибав.: ср. смага os aridum (§ 137, 2);
 6 4 в. ожегъ, рус. чит. ср. рус. ожегъ
 „ 36 в. дрѣзга чит. дрѣзга
 8 8 в. страпы чит. страны
 „ 35 прибав.: Ср. врѣсникъ Июнь (Аван. I, 745).
 9 21 в. но переходъ значенія, здѣсь совершившійся, не ясенъ. чит. въ рус. мѣсяцъ также называется иногда княгиней (Аван. I, 81).
 „ 25-28 в. Слово плънолоуна и т. д., до конца періода, чит. Гриммъ сближаетъ съ этимъ лит. pilnatis, серб. пуна, хорут. ропа, чеш. оупнек (Мно. 406 сл.), относя эти названія ко глубокой древности.
 „ 34 прибав.: Таково было мнѣніе и Я. Гримма (Мно. 407).
 10 23 прибав.: рус. возъ, хорут. voz, чеш. woz, серб. кола со- отвѣтствуютъ нѣм. Wagen, лат. plaustrum, греч. ἄμαξα (Гриммъ Мно. 102, 416 сл.; Аван. I, 609).
 „ 26 прибав.: ср. рус. батыева дорога, мышины тропки, ста- новище (Аван. III, 284 сл.), болгар. влакнен мост (ib. 814).
 „ 38 прибав.: ср. хорут. дѣжница, отъ dah горѣть (Аван. I, 86)?
 11 35 прибав.: ср. рус. сиверь холодный вѣтеръ (Аван. I, 183)
 12 15 прибав.: кашуб. раwnіе, реfніе полдень (Стремл.).
 13 2 прибав.: Генъ подводитъ подъ тотъ-же корень и еравій- ское Semele Erdgöttin (491).
 „ 23 прибав.: и дрв. вер. нѣм. wetar (Гриммъ Мно. 360).
 15 11 прибав.: пура засцыха, пурить мочиться (Аван. I, 672);
 „ 26 прибав.: ср. § 108, 2.
 „ 36 прибав.: Аван. сближаетъ рус. мзга дурная погода съ мозгъ (I, 118).
 16 17 прибав.: Шафарикъ производитъ слана отъ лит. szalna (II, 252).
 „ 29 прибав.: кашуб. szadomorz иней (Стремл.).

СТРАН. СТРОКА.

- 17 2 прибав.: ср. рус. хмора туманъ съ мелкимъ дождемъ (Аѳан. I, 166).
- „ 11 прибав.: Въ кашуб. błon облако (Стремл.).
- „ 18 прибав.: въ кашуб. tapcza дождевая туча (Стремл.).
- „ 33 прибав.: кашуб. grzem громъ (Стремл.).
- 18 12 прибав.: Шафар. производилъ слово молнія отъ фин. meny (II, 252), Яковъ Гриммъ сближалъ его съ гот. mjolnir, thun и слав. млѣть, млатъ (ср. Аѳан. I, 253, III, 782).
- „ 31 прибав.: ср. лит. perkunas (Шафар. I, 72; Гриммъ Мие. 116), сан. ragana, ragana молненосная туча, отъ rga' прыскать, расѣевать (Аѳан. I, 248).
- 19 11 прибав.: кашуб. tanga, tęга дуга (Стремл.; ср. Аѳан. III, 784).
- „ 17 прибав.: другіе разлагають на рай-дуга (Аѳан. III, 784, ср. I, 353)
- „ 18 прибав.: Аѳан. толкуеть веселка—висящая на воздухѣ (I, 354), но это странная натяжка.
- „ 29 прибав.: кашуб. viedro погода, niewiedro дурная погода (Стремл.).
- 20 14 прибав.: ср. Шафар. I, 470.
- „ 28 прибав.: ср. кашуб. szlaga слякоть (Стремл.);
- „ 31 вм. imber чит. pluvia, imber
- 21 8 прибав.: ср. чеш. pluta, plušt, лат. pluo (Аѳан. I, 135).
- 23 23 прибав.: Маценауеръ производитъ его отъ греч. φυσάριον (407).
- „ 28 прибав.: кашуб. rankierz пузырь на водѣ (Стремл.).
- „ 34 Слова: Не образовалось ли и т. д. слѣдуетъ вычеркнуть.
- 25 1 вм. Полыная чит. Полянъ
- „ 18 прибав.: другіе приводятъ его въ связь съ лат. pontus, греч. πόντος, сан. pantha, pãthas (Аѳан. II, 121).
- 27 10 вм. I, 552 чит. I, 74, 552
- 29 15 прибав.: кашуб. potok болото (Стремл.).
- 31 33 прибав.: кашуб. reva мель (Стремл.).
- 32 9 вм. поводиѣ чит. поводиѣ,
- 33 10 прибав.: ср. кашуб. kalesko лужа (Стремл.).
- 34 17 прибав.: Шафар. выводилъ бара изъ старогетскаго языка (I, 513).
- „ 34 прибав.: ср. рус. ляда, лядва болото поросшее вустарникомъ и лѣсомъ (Аѳан. II, 328);
- „ 36 прибав.: ср. кашуб. topicelj топь, болото (Стремл.);
- „ 40 прибав.: ср. дрѣвнеслав. племенное названіе Дреговичи (Шафар. II, 651);

СТРАН. СТРОКА.

- 35 10 прибав.: кашуб. *bielawa* болото (Стремл.), *meschnjosz* болотистая мшистая поляна (ib.), *pleta* заводь, лужа (ib.), *gaja* болото, топь (ib.), *zława* низменное мѣсто (ib.).
- „ 32 вм. *lutum*: чит. *lutum*, *limus*:
- 37 14 вм. древнеславянское чит. областное
- 38 2 прибав.: кашуб. *wóstrów* островъ (Стремл.).
- „ 14 прибав.: кашуб. *osech* островъ (Стремл.).
- 40 6 прибав.: Того-же мнѣнія и Котляревскій въ Погреб. обыч. 22.
- „ 15 вм. древнеславянское чит. областное
- „ 29 прибав.: Ср. Котляревскій Погреб. обыч. 130.
- „ 37 прибав.: слово *курганъ* заимствовано изъ тюркскихъ языковъ? Ср. Котляр. Погреб. об. 22.
- „ 40 прибав.: въ карпаторус. *грунъ*, *грунокъ* *Hügel* (Чертежъ);
- 41 6 прибав.: кашуб. *gzma* холмъ (Стремл.); пол. *stupa* могила (Котляр. Погреб. об. 122).
- „ 19 прибав.: въ карпаторус. половина горное пастбище, горный лугъ (Чертежъ);
- „ 34 прибав.: Шафар. производилъ *скала* изъ вельтскаго языка (I, 62, 439).
- 42 16 прибав.: въ карпаторус. *кичара* крутой холмъ (Чертежъ);
- „ 32 прибав.: кашуб. *osina* хребетъ горъ (Стремл.).
- 43 10 прибав.: ср. кашуб. *gzera*, *gzebka* холмики (Стремл.).
- „ 12 прибав.: Шафар. производитъ отъ хръбты слово Карпаты, рус. Горбы (I, 75, 282, 532).
- „ 24 прибав.: Ср. § 118, 4.
- 44 8 прибав.: въ карпаторус. *дебра steife Thalwand* (Чертежъ);
- „ 13 вм. древнеславянское? чит. праславянское? Шафар. *слижалъ яръ*, словац. *jaok řečisté*, съ гун. *var*, мадьяр. *árok* (I, 355).
- „ 14 прибав.: въ карпаторус. *ярокъ alveus, rivulus* (Чертежъ);
- „ 33 прибав.: ср. Шафар. III, 41;
- 46 30 вм. древнеславянское, распространенное чит. древнеславянское? оно распространено
- 47 2 вм. чеш. чит. ср. чеш.
- 48 18 прибав.: кашуб. *kula* яма (Стремл.).
- 50 19 вм. *paludotus* чит. *paludosus*
- „ 27 Слова: 3. *копно terra continens*; слѣдуетъ перенести въ 3-й столбецъ.
- „ 36 Слова: 4. *копецъ tumulus*; слѣдуетъ перенести въ 3-й столбецъ.

СТРАН. СТРОКА.

- 50 45 Слова: 2. аръ *vallis, fossa*; слѣдуетъ перенести въ 1-й столбецъ.
- 52 8 прибав.: Генъ сближаетъ песокъ съ греч. *πίσος, πῖσος*, отъ *pinsero, pisere stampfen*, и лат. *pisum* (К. и. Н. 189).
- 59 3 вм. *aes*: чит. *aes, curum*:
- „ 7 вм. *Metall; Kupfer* чит. *Metall, Kupfer*
- „ 14 вм. *plumbum* чит. *plumbum, stannum?*
- 60 13 вм. цѣлый чит. цѣлый,
- 61 10 Слова: 1. бисеръ *margarita*; слѣдуетъ перенести во 2-й столбецъ.
- „ 20 вм. *plumbum*; чит. *plumbum, stannum?*
- „ 27 Слово: *planta* слѣдуетъ зачеркнуть.
- 62 4 тоже.
- 63 12 прибав.: ср. Генъ 476.
- „ 20 прибав.: кашуб. *steblo* стебель (Стремл.).
- 64 14 прибав.: въ карпаторус. *кочанъ Krautstrunk* (Чертежъ);
- 65 10 прибав.: Ср. § 58, 24.
- „ 30 прибав.: въ карпаторус. *натеня зелень картофеля* (Чертежъ);
- 66 9 вм. древнеславянское. чит. праславянское?
- 67 26 прибав.: ср. Шафар. III, 41.
- 68 6 прибав. въ карпаторус. *ряса Kätzchen beim Hafer* (Чертежъ);
- 69 33 вм. древнеславянское? чит. областное?
- 70 14 прибав.: ср. лит. *sprogti sprossen, spurgas Sprosse*, греч. *σκαργί, ἀσκάραγος* (Фикъ II, 688).
- 71 14 вм. *jagoda* чит. пол. *jagoda*
- „ 39 прибав.: кашуб. *brzad, brzód, brzod, brzoad, obrzad, obrzut, łowrzut, wowrzut, wobrzut* фруктъ, плодъ (Стремл.), *brzadza* овощное дерево (ib.), *gełka* неразвившійся плодъ на деревѣ (ib.).
- 72 32 вм. *Bilsenkrauf* чит. *Bilsenkraut*
- 73 27 вм. *Девясиль* чит. *Девесиль*
- 74 16 прибав.: кашуб. *ostropierz бѣлена, datura stramonium* (Стремл.).
- „ 38 прибав.: ср. дат. *figekløver* (Гриммъ Мио. 633);
- 75 25-32 Эти 8 строкъ слѣдуетъ перенести въ § 60, на стр. 93-ю.
- „ 34 прибав.: въ карпаторус. *коприва id.* (Чертежъ);
- 77 5 прибав.: Взаимное отношеніе формъ: лебеда и лобода аналогично отношенію словъ: пепель и попель, Велеть и Волоть, Велесъ и Волось, бобръ и бобръ, Велинь и Волинь и т. п. (Шафар. II, 581). ^{27/2}. *Lilija lilium*: слово древне-

- славянское? Въ рус. лилія id. (Даль); серб. лѣјер id. (Вукъ), хорв. lilija, ljer id. (Стул.); хорут. lilija Lilie (Янеж.); чеш. lilie id. (Ранкъ); в. луж. lilija id. (Пфуль); пол. lilija id. (Б. Арк.).
- 77 18-23 Эти 6 строкъ слѣдуетъ перенести въ § 60, на стр. 93-ю.
- 79 11 прибав.: въ карпаторус. осеть Art der Distel (Чертежъ);
- „ 23 прибав.: кашуб. papragé папоротникъ (Стремл.).
- „ 27-39 Эти 13 строкъ должны быть перенесены въ § 60, на стр. 91-ю.
- 82 22-37 Эти 16 строкъ слѣдуетъ перенести въ § 61, на стр. 94-ю.
- „ 27 вм. tabakum чит. tabacum
- 83 13 вм. праславянскимъ чит. древнеславянскимъ (§ 122, 8)
- „ 23 прибав.: ср. чѣмеръ чертъ (Аван. III, 59).
- 84 23 вм. праславянскимъ чит. праславянскимъ (?)
- 85 21 прибав.: въ карпаторус. гливы видъ грибовъ (Чертежъ);
- 86 21 прибав.: въ карпаторус. козарь id. (Чертежъ);
- 88 21 прибав.: въ карпаторус. гарбузъ Wassermelone (Чертежъ);
- „ 29 вм. riehesse чит. richesse
- 89 18 прибав.: ср. Генъ 276.
- 90 7 прибав.: Ср. кашуб. vgek рѣпа (Стремл.).
- 93 17 прибав.: ревитово зръно *ῥεβίθιος*, ciceris (L. P.; ср. Генъ 189).
- „ 22 прибав.: въ карпаторус. пасуля id. (Чертежъ);
- 94 38 вм. sitya, çitya grain и греч. σίτος (I, 261, ср. Нехн К. и Н. 477), чит. g'ivatu, отъ g'iv vivere (I, 261), а Генъ сближаетъ съ греч. σίτος (477);
- 97 20 прибав.: въ карпаторус. оркишъ triticum spelta (Чертежъ);
- 98 12 вм. polygonum чит. polygonum fagorugum
- „ 18 прибав.: въ кашуб. letevka гречиха (Стремл.), изъ Литвы?
- „ 32 прибав.: въ карпаторус. тенгерица id. (Чертежъ), съ мадьяр. tengeré?
- 99 1 прибав.: Генъ же съ лат. trutina и греч. τρυτάνη (521).
- „ 8 прибав.: кашуб. strzena, strzana, strzescina тростникъ (Стремл.).
- „ 17 прибав.: ср. мадьяр. sás Schilf.
- 100 21 прибав.: въ карпаторус. ожина id. (Чертежъ);
- „ 28 вм. gubus чит. gubus caesius, g. fruticosus
- 101 15-20 Эти 6 строкъ слѣдуетъ перенести въ § 58, на стр. 81-ю.
- „ 40 прибав.: Аван. сближаетъ рус. жаравиха (ялюквя) съ жаркій (I, 98).
- 102 14 прибав.: въ карпаторус. гуцава id. (Чертежъ);

СТРАН. СТРОКА.

- 102 24 прибав.: въ карпаторус. хаща лѣсовъ (Чертежь);
- 104 33 прибав.: Гриммъ приводитъ въ связь грѣмъ съ громъ, громовникъ (Мно. 126).
- 105 14 вм. Хворость чит. Хворость *virgultum*,
- „ 25 прибав.: кашуб. *chłost* хворость (Стремл.).
- 106 33 прибав.: въ карпаторус. скѣпъ *surculus* (Чертежь);
- 107 9 прибав.: ср. § 121, 16;
- 109 22 прибав.: Генъ же и съ лат. *liceum* (510).
- 110 36 прибав.: полаб. *k'ůza* Haut (Шлейх.);
- 111 24 прибав.: кашуб. *vietv, vietła* вѣтвь (Стремл.).
- 112 20 прибав.: Шафар. выводилъ *hũl* изъ кельтскаго языка (I, 108).
- 113 30 вм. праславянское; чит. праславянское? Пикте роднитъ его съ ровга (I, 192),
- „ 34 прибав.: чеш. *loza Weinrebe* (Ранкъ);
- 115 27 прибав.: въ карпаторус. ослоцъ пень, стволъ срубленнаго дерева (Чертежь), ср. мадьяр. *ozlor* столбъ;
- 118 29 прибав.: Котляр. сближаетъ крада съ сан. *çradđa* священная жертва (Погреб. об. 130).
- 119 34 прибав.: ср. кашуб. *vieg*, пол. *wióg* стружка, щепка (Стремл.).
- 120 15 вм. праславянское? чит. праславянское;
- 121 19 прибав.: въ карпаторус. спуза остатѣи при выжиганіи угля (Чертежь). Въ кашуб. *łos* зола (Стремл.).
- 123 7 прибав.: кашуб. *smela* адъ (Аван. III, 20).
- „ 9 прибав.: Гриммъ сближаетъ пекло съ дрв. вер. нѣм. *bēl: Hölle* и новогреч. *κίσα id.* (Мно. 464; ср. Аван. III, 20).
- 124 3 вм. *erica*: чит. *erica, calluna vulgaris*:
- „ 24 прибав.: кашуб. *dzon, dzarna, darna* дернъ (Стремл.).
- 125 15 прибав.: Поттъ производитъ *rosa* изъ *řodča* (Генъ 516).
- 126 12 прибав.: ср. кашуб. *jiglena* можжевельникъ (Стремл.).
- „ 18 Слова: серб. *клека juniperus communis* (Вукъ), слѣдуетъ перенести 3-я строками ниже, въ § 78, 14.
- 129 20 прибав.: въ карпаторус. скоружа *corbus aucuparia* (Чертежь);
- 130 18 прибав.: кашуб. *vjiva, vjiła, vjevka* ива (Стремл.).
- „ 20 прибав.: въ карпаторус. рокита *Saalweide* (Чертежь);
- 131 7 прибав.: кашуб. *wos, woska* осина (Стремл.). Ср. рус. осокорь.
- 133 12 прибав.: ср. серб. грм *Art Eiche* (§ 66, 2; Аван. II, 298).
- 134 15 вм. *platanus, acer platanoides*: чит. *acer platanoides, acer pseudoplatanus, platanus*:

СТРАН. СТРОКА.

- 134 29 прибав.: ср. лит. *klevas*, дрв. норд. *hlinr*, сред. вер. нѣм. *linboum*, армор. *kelen* (Генъ 521).
- 135 4 прибав.: ср. греч. *λεπαν* *schalen*, лит. *lupti id.* (Генъ 510).
- „ 40 вм. *sōrtān* чит. *sōztdan*
- 136 19 прибав.: въ карпаторус. ялица *id.* (Чертежъ);
- 138 11 прибав.: ср. Шафар. III, 41.
- 141 32-33 Слова: 1. струкъ *siliqua*, *folliculus*, *caulis*; слѣдуетъ перенести въ 1-й столбецъ.
- 142 2-3 Слова: 3. почка *gemma*, *earpellum*, *nucleus*? слѣдуетъ перенести въ 3-й столбецъ.
- 147 34 прибав.: кашуб. *kaszka* маленькая улитка (Стремл.), *smek*, *smok* улитка (*ib.*).
- 148 28 вм. древнеславянское? чит. областное?
- 149 13 прибав.: кашуб. *chlistva* глеть (Стремл.).
- 150 19 прибав.: кашуб. *wōselnica*, *wansewnica* гусеница (Стремл.).
- 151 8 прибав.: кашуб. *plos* клопъ (Стремл.).
- „ 23 прибав.: кашуб. *chronet* жукъ (Стремл.).
- „ 36 прибав.: Божья коровка *coccinella septempunctata*, чеш. *boží křavička*, серб. бабе, пол. *babinka*, нѣм. *Gotteskühlein*, *Marienkäfer*, *Sonnenkäfer* (Аван. III, 295 сл.).
- 152 8 прибав.: ср. кашуб. *przondki*, *przodki* кузнечики, саранча (Стремл.).
- „ 17 прибав.: кашуб. *kobełka* кузнечикъ (Стремл.).
- „ 30 вм. *aeridium* чит. *aspidium*
- „ 31 прибав.: Пикте сближаетъ саранча съ сан. *ḡarabha*, отъ *ḡr laedere*, греч. *σέρφη* и лит. *skeris* (I, 527).
- 153 18 прибав.: ср. кашуб. *strzełka* стрекоза (Стремл.).
- 154 3 прибав.: кашуб. *chōmog* комаръ (Стремл.).
- „ 11 прибав.: ср. кашуб. *muga*, *mega* комаръ, мошка (Стремл.).
- „ 21 прибав.: кашуб. *owađ* овадь (Стремл.).
- „ 27 прибав.: кашуб. *gzika* оса (Стремл.);
- 155 17 прибав.: ср. однако терминъ *lepidopteron*.
- 156 40 прибав.: кашуб. *truna* трутень (Стремл.).
- 159 3 прибав.: кашуб. *jażdż* ершъ (Стремл.).
- „ 32 вм. *cyprinus* чит. *cyprinus carpus*
- 160 9, 10, 12 вм. *tinea* чит. *tinca*
- 162 19 прибав.: кашуб. *guszczeg* осетръ (Стремл.).
- 168 6 прибав.: кашуб. *woz* змѣя неядовитая (Стремл.).
- „ 20 прибав.: кашуб. *znija* выдра, змѣя (Стремл.).

СТРАН. СТРОКА

- 163 40 прибав.: ср. кашуб. smok, smek улитка (Стремл.).
- 164 18 прибав.: кашуб. jaszczegzesa, vjeszczegzesa ящерица (Стремл.).
- „ 20 прибав.: ср. ц. слав. коуцерь (Шафар. II, 733).
- „ 25 прибав.: ср. кашуб. guszczeg осетръ (Стремл., ср. § 96, 25).
- 165 21 прибав.: Въ кашуб. kantog жаба (Стремл.).
- 167 8 прибав.: кашуб. słovin соловей (Стремл.).
- 168 18 прибав.: кашуб. skorc скворецъ (Стремл.).
- 170 35 прибав.: ср. кашуб. vierzgulesa водная ласточка (Стремл.).
- 171 2 прибав.: кашуб. strgoż малая птица (Стремл.).
- „ 25 прибав.: кашуб. kikuszka кукушка (Стремл.).
- 173 11 прибав.: Генъ также соотносываетъ ястребъ съ astur (526);
- „ 18 вм. праславянское; чит. праславянское?
- 174 4 прибав.: Генъ сближаетъ кречетъ съ греч. κρηκός и араб. tshark (526);
- „ 33 прибав.: ср. кашуб. żog, żog журавль (Стремл.).
- 175 10 прибав.: въ кашуб. jemiętna буликъ (Стремл.).
- „ 27 прибав.: ср. кашуб. klabosan аистъ (Стремл.);
- „ 37 вм. древнеславянское? чит. областное?
- 176 28 прибав.: кашуб. kaeza утка (Стремл.);
- „ 32 прибав.: кашуб. łaska родъ дивихъ утокъ (Стремл.), klo-savica утка (ib.).
- 177 10 прибав.: кашуб. keŕ, kewr лебедь (Стремл.).
- 178 7 вм. Перепелка чит. Перепелъ
- 179 7 прибав.: Ср. нѣм. Hahn отъ санеге? и лит. gaidys Sānger, Hahn (Генъ 522 сл.).
- „ 13 прибав.: Ср. греч. κλέκων, лат. glosire (Генъ 524).
- „ 34 прибав.: Ср. Шафар. III, 42.
- 181 17 прибав.: кашуб. chova скоть (Стремл.).
- 182 2 прибав.: Ср. кашуб. zelinta тюлень (Стремл.).
- „ 23 прибав.: ср. кашуб. bula, буна волъ (Стремл.), лит. bullus (Гриммъ Ист. 32).
- „ 40 прибав.: кашуб. junc бычекъ (Стремл.).
- 183 14 прибав.: Гриммъ предполагаетъ, что телъ есть сокраще-
нiе изъ ителъ, родственнаго лат. vitulus и греч. ιταλός
(Ист. 33).
- „ 19 вм. праславянское? чит. древнеславянское?
- „ 25, 27 вм. Buffel чит. Büffel
- „ 37 прибав.: ср. Гриммъ Ист. 32.
- 185 16 прибав.: кашуб. sogeń серна (самецъ, Стремл.).

СТРАН. СТРОКА.

- 186 1 вм. древнеславянское? чит. праславянское?
 „ 8 прибав.: ср. Гриммъ Ист. 42.
 „ 22 прибав.: Гриммъ сближаетъ комонь съ *communia cohors*
 (Ист. 30).
- 187 19 прибав.: кашуб. *szeniga* вляча (Стремл.).
 „ 28 прибав.: кашуб. *zdrebian, zdgzebio* жеребенокъ (Стремл.).
 „ 37 прибав.: ср. старосерб. пастоухъ *equus admissarius* (Шафар.
 II, 733).
 „ 47 прибав.: кашуб. *pres* жеребець (Стремл.).
- 189 10 прибав.: кашуб. *pázemnica* молодая свинья (Стремл.).
 „ 13 прибав.: ср. Гриммъ Ист. 36.
 „ 21 прибав.: кашуб. *knors* боровъ (Стремл.).
- 190 7 прибав.: ср. кашуб. *pruz* некладеный свиной самецъ (Стремл.).
- 191 8 прибав.: Генъ сближаетъ плъхъ съ нѣм. *Bilchmaus*, дрв.
 прус. *peles Maus* и лат. *felis* (531).
 „ 31 прибав.: кашуб. *szug* крыса (Стремл.);
- 192 18 прибав.: кашуб. *vedra* выдра (Стремл.), ср. *znija id.*, змѣя (ib.).
 „ 30 прибав.: кашуб.: *tvorż, tvorz* хорекъ (Стремл.).
- 193 16 прибав.: кашуб. *jopsc* яздець (Стремл.).
- 194 2 прибав.: Шафар. же сближаетъ съ лит. *meszka* (II, 252).
 „ 18 прибав.: кашуб. *sobaka* собака, сува (Стремл.);
- 195 1 прибав.: Гриммъ высказалъ предположеніе, что щена есть
 сокращеніе изъ пьсчена (Ист. 39).
 „ 7 прибав.: Микуцкій сближаетъ хрътъ съ хрълъ *celer* (Авав.
 III, 794).
 „ 14 прибав.: ср. кашуб. *kortonok* пастушья собака (Стремл.).
 „ 29 прибав.: ср. дрв. серб. загаръ *canis venaticus*, отъ новогреч.
ζαγάριον (Шафар. II, 733 сл.).
- 196 2 прибав.: кашуб. *пјекага, пукага* волкъ (Стремл.).
 „ 5 прибав.: Микуцкій же отъ рин *laedere, interficere* (Авав.
 III, 793).
 „ 12 вм. праславянское? чит. древнеславянское?
- 197 15 прибав.: ср. кашуб. *szatopierz, szatopierz* летучая мышь
 (Стремл.).
- 198 15 Слова: 3. хробакъ, робакъ *verpis*? слѣдуетъ перенести въ
 3-й столбець.
- 199 45-47 Слова: 50. выпъ *ardea stellaris, larus*? слѣдуетъ перенести
 въ 3-й столбець.
- 200 28-29 Слова: 21. лось *servus alces*? слѣдуетъ перенести въ 1-й ст.

СТРАН. СТРОКА.

- 200 30-31 Слова: 10. буйволъ *bos bubalus*? слѣдуетъ перенести во 2-й столбецъ.
- „ 35-36 Слова: 45. шуръ *mus rattus*? слѣдуетъ перенести въ 3-й ст.
- 201 24-25 Слова: 67 котъ, котка *felis*? слѣдуетъ перенести во 2-й ст.
- 203 7 вм. Плоть, чит. Плоть
- „ 8 прибав.: ср. плънъ, плыть, *pluo* (Аван. I, 136).
- „ 26 вм. *pellis*: чит. *pellis, cutis*:
- 204 30 прибав.: ср. паряти *volare*, нѣм. *Farnkraut*, греч. *περιστέρα*, зенд. *ragena Feder* (Генъ 524).
- 205 16 прибав.: ср. лит. *plaukas*, нѣм. *Flachs* (Генъ 512).
- „ 31 прибав.: кашуб. *wud* бедро (Стремл.).
- 207 26 прибав.: кашуб. *slech* високъ (Стремл.).
- 208 18 прибав.: кашуб. *skardja* щека (Стремл.).
- 209 28 прибав.: кашуб. *plara* морда (Стремл.).
- 211 19 прибав.: кашуб. *lera* губы (Стремл.), *munie id. (ib.)*.
- 212 31 прибав.: кашуб. *przantrz* небо во рту (Стремл.).
- 213 17 вм. Гортань чит. Гортань *lagunx*,
- „ 23 вм. Глотъ чит. Глотъ *phagunx*,
- 217 39 прибав.: Ср. § 35, 2.
- 219 16 прибав.: кашуб. *lusyna* лобъ, чело (Стремл.).
- „ 38 прибав.: кашуб. *bagczoł* суставъ руки (Стремл.);
- 222 5 прибав.: ср. рус. пястье *metacarpus*, запястье *carpus*;
- „ 32 прибав.: ср. сан. *çákhá*, слав. сѣкъ (Аван. II, 491);
- 223 13 прибав.: ср. рус. корочунъ большой палець (Аван. II, 738);
- „ 32 прибав.: кашуб. *poke* ноготь (Стремл.).
- 224 26 прибав.: ср. кашуб. *kraszaj* шагъ (Стремл.).
- 225 10 прибав.: кашуб. *stegná* тропинка (Стремл.).
- 226 10 прибав.: кашуб. *wud* бедро (Стремл., ср. § 109, 1)
- „ 18 прибав.: кашуб. *klin* колѣни у сидящаго (Стремл.).
- 227 6 вм. *calx* чит. *tarsus, calx*
- „ 28 прибав.: Ср. § 68, 1.
- 228 6 прибав.: ср. кашуб. *kot* копыто (Стремл.).
- „ 15 прибав.: кашуб. *drapie* когти у кошки (Стремл.).
- „ 26 прибав.: кашуб. *krzebt* спина, хребетъ (Стремл.).
- 229 28 прибав.: кашуб. *sadzel* задница (Стремл.).
- 232 13 вм. *papilla* чит. *mamma, papilla*
- 234 35 прибав.: ср. кашуб. *zot, zoat* желудокъ (Стремл.), *zovd* брюхо (ib.).
- 237 18 прибав.: кашуб. *róvarka* почка (Стремл.).

СТРАН. СТРОКА.

- 239 31 прибав.: кашуб. *przost* рыбій нарость, икра (Стремл.);
- 243 19 прибав.: ср. нѣм. *sterben* (Котляревскій Погреб. об. 195).
- „ 23 прибав.: кашуб. *scirz* падаль, стерво (Стремл.).
- „ 24 прибав.: ср. нѣм. *Mähre* отъ кельт. *marca*, др. вер. нѣм. *marah equus*, *meriha equa* (Гриммъ Ист. 31).
- 244 6 вм. *туловише* чит. *туловище*
- 247 12 вм. ц. слав. чит. рус.
- „ 27 прибав.: Ср. рус. баба-яга, отъ *anh*, подобно *ahi ziti* (Аѳан. III, 588)?
- 250 4-21 Эти 17 строкъ слѣдуетъ перенести въ § 126, на стр. 237.
- 251 19 прибав.: ср. кашуб. *vedga* бородавка (Стремл.).
- 253 5 прибав.: ср. кашуб. *stug* гной, нарывъ. (Стремл.).
- „ 25 прибав.: ср. *шадра* *оспа* (Аѳан. III, 68).
- „ 28 прибав.: *boginje* отъ богъ (Аѳан. III, 58)?
- „ 32 прибав.: ср. *нежить* чертъ (Аѳан. III, 96 сл.)?
- 254 32 вм. *glaucoma* чит. *leucoma*, *maculae corneae*.
- 255 2 прибав.: кашуб. *bleszcz* бѣльмо (Стремл.).
- 256 7 прибав.: Ср. § 4, 3.
- 258 37 прибав.: кашуб. *dega* чахотка (Стремл.).
- 259 32 прибав.: кашуб. *róplonka* лихорадка, горячка (Стремл.).
- 260 17 прибав.: рус. *чемеръ* *спазмы*, ср. *чемеръ* *головокруженіе* (Аѳан. III, 59; ср. § 58, 66).
- 261 1 вм. *Грыжа* чит. *Грыжа* *hernia*,
- 262 1 прибав.: ср. лужиц. *koghe* (Аѳан. III, 103);
- „ 15 прибав.: ср. Гриммъ *Мин.* 668.
- 266 33 вм. *воображеніи* чит. *воображенія*
- 271 35 прибав.: 9. Гр.: Григорьевъ В. В. *Руководство къ ботаникѣ*. Москва 1861. 10. Л.: Лейнисъ. *Руководство къ зоологіи*. Перев. Д. Быковъ. Спб. 1868. 11. Шроффъ: Шроффъ К. *Руководство къ фармакологіи*. Со 2-го нѣм. изданія перевелъ Дородинъ. Москва 1866.
- 273 30 вм. *праславянскихъ* чит. *праславянскія*
- 275 33 вм. *Югославанъ* чит. *Югославявъ*
- 281 4 вм. 11—246 чит. 120, 646
- 283 2 вм. § 27, 6 чит. *ib.*
- 284 24 вм. *праславянскихъ* чит. *праславянскія*
- 285 24 вм. *соединяется* чит. *соединяются*
- 286 13 вм. *восходитъ* чит. *восходятъ*
- 287 36 вм. *историческія* чит. *историческія*

СТРАН. СТРОКА.

292	10	вм. имѣются чит. имѣется
301	18	вм. плѣва чит. плѣна
303	12	вм. праславянскихъ чит. праславянскія
306	16	вм. Vierblättziger чит. Vierblättriger
312	24	вм. Снѣсть чит. Снѣть
320	22	вм. праславянскихъ чит. праславянскія
„	25	вм. phragmites чит. phragmites,
321	1	вм. ἐπὶ τοῦτο κλοσπρέβουϛ чит. ἐπὶ τοῦτο κλοσπρέβουϛ
„	33	вм. существуютъ чит. существуетъ
322	34	вм. праславянскихъ чит. праславянскія
324	29	вм. древнеславянскихъ чит. древнеславянскія
325	28	вм. существуютъ чит. существуетъ
342	6	вм. древнихъ чит. древнія
345	3	вм. праславянскихъ чит. праславянскія
348	5	вм. страномъ чит. странамъ
356	3	вм. праславянскихъ чит. праславянскія
360	28	вм. упоминаются чит. упоминаются еще
364	22	вм. 501 чит. 50
380	19	вм. плушта чит. плюща
„	26	вм. плуща чит. плюща
383	28	вм. плушта чит. плюща

ОВЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

- Аван.: см. стр. 271.
Б. Арк.: см. стр. XXI.
Вернол.: см. стр. XX.
Богор.: см. стр. XVIII.
Бод.: см. стр. XX.
болгар.: болгарское нарѣчіе.
Бусл. Ист. X.: см. стр. XVIII.
вер. луж.: верхнелужицкое нарѣчіе.
Вольт.: см. стр. XIX.
Вольфъ: см. стр. XX.
Вукъ: см. стр. XIX.
Генъ: см. стр. 271.
Горбач. Акт. яз.: см. стр. XVIII.
Гр.: см. стр. 404.
греч.: греческій языкъ.
Гриммъ Ист.: см. стр. 271.
Гриммъ Мио.: см. стр. 271.
Губерн.: см. стр. 271.
Даль: см. стр. XVII.
Дан.: см. стр. XIX.
др. вер. вѣм.: древневерхненѣмецкій языкъ.
др. рус.: древнерусскій языкъ.
Закрев.: см. стр. XVIII.
зенд.: зендскій языкъ.
Каравел.: см. стр. XIX.
кашуб.: кашубское поднарѣчіе.
Кл.: см. стр. 271.
Л.: см. стр. 404.
Лавр.: см. стр. XIX.
лат.: латинскій языкъ.

Левч.: см. стр. XVIII.

Линде: см. стр. XXI.

лит.: литовскій языкъ.

L. P.: см. стр. XVII.

Мавг.: см. стр. 271.

Мацен.: см. стр. XVII.

Микуц.: см. стр. XXI.

н. луж.: нижнелужицкое нарѣчіе.

Носов.: см. стр. XVIII.

н. серб.: новосербское нарѣчіе.

нѣм.: нѣмецкій языкъ.

Петруш.: см. стр. XVIII.

Пикте: см. стр. XVI.

Писк.: см. стр. XVIII.

пол.: польское нарѣчіе.

полаб.: полабское нарѣчіе.

Пфуль: см. стр. XX.

Ранкъ: см. стр. XX.

резан.: резьянское поднарѣчіе.

рус.: русскій языкъ.

санскр.: санскритскій языкъ.

серб.: сербское нарѣчіе.

словац.: словацкое или угрословенское нарѣчіе.

Стремл.: см. стр. XXI.

ст. серб.: старосербское нарѣчіе.

Стул.: см. стр. XIX.

V. Gt.: см. стр. XVII.

Фикъ: см. стр. XVII.

Fremdw.: см. стр. XVII.

хорв.: хорватское нарѣчіе.

хорут.: хорутанословенское нарѣчіе.

Цанъ.: см. стр. XIX.

Цваръ: см. стр. XX.

Цейн. Срезнев.: см. стр. XXI.

Сеп. Skórb: см. стр. XXI.

ц. слав.: церковнославянскій языкъ.

Чертежъ: слово записано авторомъ въ с. Чертежъ, въ земп-
линской жупаніи Угорщины.

чеш.: чешское нарѣчіе.

Шафар.: см. стр. 271.

Шлейх.: см. стр. XXI.

Шрофъ: см. стр. 404.

Шул.: см. стр. XIX.

Шул. Р.: Шулека статья въ Радѣ ю. а. См. стр. V.

Юнгм.: см. стр. XX.

Янеж.: см. стр. XX.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ,

РАЗСМОТРѢННЫХЪ ВЪ I-й ЧАСТИ ИЗСЛѢДОВАНІЙ.

А.

алмазъ *diamas* 55, 292.
арбузъ *cucurbita citrullus* 88, 313.

В.

бабы *plejades* 10, 276.
багно *palus* 34.
балванъ *trabs, stipes, statua* 117, 300.
бара *palus* 34, 283 сл.
баранъ *ovis aries, vervex* 184, 358.
барсъ *felis pardus* 196, 366.
бедренецъ *pimpinella* 72, 304 сл.
бедро *femur, crus, соха* 225, 378.
бездна *vorago* 46, 287.
бердо *collis, mons* 39, 286.
берегъ *gipa, collis* 36, 285.
береза *betula* 131, 326.
берестъ *ulmus* 132, 326.
бздюха *lycoperdon bovista* 86.
бисеръ *margarita* 55, 291.
блевъ, блевотина *vomitio, vomitus* 256, 386.
блескъ *fulgur* 18.
близна *cicatrix* 248, 384.
блоха *pulex* 153, 340.
блющъ *hedera helix* 127, 324.
бобовникъ *menyanthes, veronica beccabunga* 72, 305.
бобъ *faba* 93, 315.
бобуръ *castor, fiber* 192, 363.
бодець *spina, stimulus* 68, 302.
божья коровка *coccinella septempunctata* 339.
бокъ *latus, costa* 231, 380.
болона *membrana, pellicula* 108, 301.
болото *palus, lutum* 34, 283 сл.
боль, болѣзнь *morbis, dolor* 247, 383.

боровика *vaccinium myrtillus, vaccinium vitis idaea* 101, 321.
боровъ *porcus* 189, 361.
борода *barba, mentum* 208, 374.
бородавка *verruca* 251, 384.
борть *sava arber, alveus arum* 108, 299.
боръ *milii genus* 97.
боръ *pinus silvestris, pinetum* 136, 329.
боръ *silva, pinetum* 103, 297.
ботва *folium, caulis* 66, 301.
ботянь, бусель *ciconia* 175, 353.
бревно *trabs, tignum* 117, 300.
брезгъ *diluculum* 3, 272 сл.
бровь, обрѣвь *supercilium* 215, 376.
броска *gemma, oculus* 70, 302.
бросква *brassica* 89.
брусквица, прасква *amygdalus persica* 140, 332.
брускъ *rubia tinctorum* 72, 305.
брусника *vaccinium vitis idaea* 101, 321.
брусь *cos* 53, 290.
брѣшлянъ, брѣштанъ *hedera helix* 127, 324.
брюква *brassica napobrassica* 89.
брюхо *venter* 234, 380.
брѣкъ *sorbus torminalis* 129, 325.
бубрегъ *ren* 237, 381.
бугай *bos taurus* 182, 357.
бугоръ *collis* 40.
бузина *sambucus nigra* 125, 323.
буйволъ *bos bubalus* 183, 357.
буквица *betonica* 72, 305.
букъ *fagus* 133, 327.
буракъ *beta vulgaris* 90.
буря *procella* 14, 278.
бусель см. ботянь.
быкъ *bos taurus* 182, 357.
быліе *herba* 61, 296.

быстрѣна flumen, medius alveus fluminis 30.
бѣлена hyoscyamus 72, 305.
бѣлокъ albumen ovi 239, 381.
бѣльмо leucoma, macula cornea 254, 385.

В.

валъ unda 22, 280 сл.
вапно calx 54, 290.
вариво legumen, edulium 92.
ватра ignis 4, 274.
веверица sciurus 190, 362.
ведро serenitas 19, 279 сл.
вепрь aper 189, 361.
верба salix 130, 325.
верба-трава lythrum salicaria 72, 305.
верблюдь camelus 186, 359.
вередъ ulcus, vulnus 252, 384.
верескъ erica 124, 322.
вертепъ spelunca 46, 287.
верхъ cacumen, collis 42, 286.
ветохъ lina senescens 10, 276.
виды furca, fuscina 116, 300.
винница, виноградъ vinea, vitis 127, 324 сл.
виръ vertex 30, 282.
вихоръ turbo 14, 278.
вища virga 114, 300.
вишня prunus cerasus, cerasum apronianum
139, 332.
влага humor 21, 280 сл.
влатъ arista, panicula 67, 302.
вода aqua 22, 280 сл.
возгра mucus 242, 382.
воздухъ aer 13, 278.
волдырь tuber 249.
волкъ lupus 195, 366.
волна fluctus 22, 280 сл.
волокну fibra, capillus, linum netum 64, 301.
волось pilus, crinis, capillus 205, 373.
волъ bos 182, 357.
воробей passer 166, 346.
ворона corvus cornix 169, 348.
воронецъ paris quadrifolia 73.
воронъ, гавранъ corvus 169, 348.
вселенная mundus 2, 272.
востокъ, восходъ oriens 11, 277.
вошь pediculus 150, 339.
враска ruga 240, 382.
вратъ collum 214, 375.
врачба curatio, medicina 262, 388.
вруля, изворъ fons 27, 282.
връкочъ crines plexi, nodus 218, 376.

выдра lutra 192, 364.
выжлепъ canis vestigator, canis avicularius
195, 365.
вымя uber 232, 380.
выпъ ardea stellaris, larus 175
вырей loca aprica, regio meridiana, para-
disus 8, 273.
выръ strix, bubo 172.
выя collum 214, 375.
вѣжда palpebra, supercilium 215, 376.
вѣко palpebra, operculum 215, 376.
вѣтвь ramus 111, 299.
вѣтеръ ventus 13, 278.
вѣтвеница anemone 73.
вѣялица imber nivium procellosus 15, 278.
вязъ ulmus effusus 132, 326.

Г.

гавранъ см. воронъ.
гадъ animal reptile, serpens 162, 345.
гай nemus 102, 297.
галузь ramus 111, 299.
гвоздь silva 103, 298.
гиль pyrnhula 166, 347.
глезна talus 226, 378.
глива fungus, agaricus 85, 311.
глина argilla 54, 290.
глиста helmintha, taenia 149, 338.
глистѣникъ artemisia, tanacetum, агоруп-
rum 73, 305.
глогъ cornus femina, crataegus 124, 322.
глотъ pharynx, gula 213, 375.
глухаръ tetrao urogallus 177, 354.
глухота surditas 255, 385.
глѣнь pituita, succus 241, 382.
гнать crus, tibia 225, 378.
гнида lens 150, 339
гной pus, stercus, fimus 242, 382.
говно stercus 242, 382.
говядо pecus, armentum, bos 181, 356.
голень crus, tibia 225, 378.
голова caput 206, 374.
голевня ustilago 87, 312.
головня titio, torris 120, 303.
голотъ glacies 24, 281.
голубецъ agaricus violaceus, agaricus cin-
namomeus 85, 311.
голубъ columba 171, 349.
гора mons 41, 286.
горбъ dorsum, gibber 228, 250, 379, 384.
горечавка gentiana 73, 305.

горлица *columba turtur* 171, 349.
 горло *guttur, jugulum* 212, 375.
 горностаг *mustela erminea* 192, 364.
 горохъ *pisum, faba* 93, 315.
 гортъ *pugillus, manus concava* 222, 377.
 гортань *larynx, guttur, canalis animae*
 213, 375.
 горчица *sinapis* 91, 314.
 горячка *febris ardens* 259, 387.
 грабъ *carpinus betulus* 133, 328
 градъ *grando* 21, 280
 грана *ramus, frons* 112, 299.
 гребень *crista galli, pecten* 210, 374.
 греча *polygonum fagopyrum* 98, 319.
 грибъ *fungus, boletus* 85, 311.
 грива *juba* 218 376.
 гроздь *racemus, uva* 128, 324.
 громъ *tonitru* 17, 279.
 грудь *pectus* 231, 380.
 груздь *agaricus piperatus* 85.
 груша *pirus, pirum* 138, 331.
 грънъ *frutex, fruticetum* 104, 296 сл.
 грыжа *hernia, torsio stomachi, tormina*
 261, 387.
 грида *trabs, pertica* 117, 300.
 грязь *coenum* 35, 284.
 губа *fungus, spongia* 85, 311.
 губа *labrum, os* 211, 375.
 гузно *podex, clavis* 229, 379.
 гусеница *eruca* 150, 339
 гусь *anser* 176, 353.
 гуца *fruticetum* 102, 297.
 гъмыжъ *insectum, repens* 149, 338.

Д.

дебрь *vallis* 44, 287.
 девесилъ *inula, carlina* 74, 305
 деготь *pix liquida, axungia* 123, 303 сл.
 дерево *arbor, lignum* 105, 296 сл.
 деревъ *cornus mascula* 124, 322
 десна *gingiva* 211, 375.
 десница *manus dextra* 220, 377.
 диванка *verbascum* 74, 305.
 длань *palma, vola* 221, 377.
 дна *arthritis, rheumatismus* 259, 386.
 дво *fundus* 36, 285.
 добытокъ *pecus, facultates* 181.
 дождь *imber* 20, 280.
 долина *vallis* 45.
 драчье *fruticetum, vepres* 102, 297.
 дрегва *palus, lacuna* 34, 284.

дроздъ *turdus* 167, 348.
 дрофа *otis tarda* 174, 352.
 дрѣвѣ, дрѣвѣ *pertica, tignum, vectis lig-*
neus 115, 300.
 дубрава *nemus, silva* 103, 297.
 дубъ *quercus, arbor* 132, 327.
 дуга *iris* 19, 279
 дуля *malum cydonium, pirus communis* 138,
 331.
 дуна *podex, natis* 230, 379.
 дуплина *caverna* 47, 287.
 дупло *cavitas arboris* 107, 299
 дурманъ *datura stramonium, cicuta* 74, 306.
 душица *origanum, serpillum* 74, 306.
 дыбы *pedes posteriores, furca* 227, 378.
 дымъ *fumus* 122, 304.
 дыни *cucurbita pepo, cucumis melo* 88, 313.
 дышавица, одышка *asthma* 258, 386.
 дятель *picus* 171, 350.
 дятлива *trifolium* 74, 306.

Е.

ежевика *rubus fruticosus* 100, 321.
 ежъ *erinaceus* 193, 365.
 елей *oleum* 41.
 елецъ *cyprinus leuciscus* 160, 343.
 ель *pinus abies, abies pectinata* 136, 329.
 ершъ *perca cernua, acerina cernua* 159, 343.

Ж.

жаба *rana* 165, 345.
 жабры *branchiae* 234, 380.
 жаворонокъ, скворанецъ *alauda* 167, 347.
 жаръ *aestus* 5, 274 сл.
 жаръ *pruina, carbo candens* 120, 303.
 жегавка, жегала *urtica* 76.
 желвакъ, желвь *tuber, tumor* 249, 384.
 желвь *testudo* 164, 345.
 железа *glandula* 250, 381.
 желна *picus martius, picus viridis, merops*
 171, 350.
 желтокъ *vitellus, luteum ovi* 239, 381.
 желудокъ *stomachus, ventriculus* 234, 380.
 желудъ *glans* 133, 327, 381.
 желчь *fel, bilis* 236, 381.
 желѣзо *ferrum* 59, 292 сл.
 жемчугъ *margarita* 55, 291.
 жердь *pertica* 114, 300.
 жеребецъ *equus mas, equus admissarius*
 187, 359.

жеребя pullus equi 187, 359.
 жерло fons 28.
 жерло guttur, fauces 213, 375.
 животина, животное animal 146, 337.
 животъ venter 234, 380.
 жидкость, жижа humor 22.
 жижа ignis, urens 4, 274.
 жила vena, nervus 203, 372.
 жимолость ligustrum vulgare, lonicera 125,
 323.
 жиръ glans 133, 327, 381.
 жито frumentum 94, 317.
 жужелица scoria 57, 338.
 жужелица insectum, scarabaeus 149.
 жукъ scarabaeus 151, 339.
 жупель sulphur 56, 292.
 журавль grus 174, 352.

З.

заль tergum, dorsum 229, 379.
 заливъ sinus 26, 282.
 западъ, заходъ occidens 11, 277.
 зараза contagio morbi, pestilentia 262, 387.
 зари splendor, diluculum 3, 272 сл.
 затока sinus 26.
 заходъ см. западъ.
 заяцъ lepus 190, 362.
 збоже frumentum 95.
 звонецъ campanula 75, 306.
 звѣзда stella 10, 275 сл.
 звѣздочникъ aster 75.
 звѣрь fera, animal 180, 356.
 здорovie sanitas, valetudo 246, 383.
 зегзица, зозуля cuculus 171, 350.
 зелье, злакъ herba 62, 296.
 земля terra 13, 277.
 зеница pupilla 215, 376.
 зерно granum 70, 303.
 зинница febris frigida 259, 387.
 злакъ см. зелье.
 змѣй, змѣя draco, serpens 163, 345.
 зной aestus 5, 274 сл.
 зобъ struma, ingluvius 250.
 зобъ avena, frumentum 96.
 зозуля см. зегзица.
 зола cinis 121, 303.
 золото aurum 58, 292 сл.
 зубрь bos urus, bos jubatus 183, 357.
 зубъ dens 211, 375.
 зѣвъ fauces, hiatus 213, 375.
 заблѣкъ fringilla coelebs 166, 347.

И.

ива salix, salix alba 130, 325.
 иверень assula, sarmentum 119, 300.
 ивка ajuga 75.
 иволга oriolus 167, 348.
 изворъ см. вруля.
 изгaga ardor stomachi, pyrosis 255, 386.
 изокъ cicada, gryllus 153.
 икра glaciei frustum 24, 281.
 икра ova piscium 239, 381.
 илемъ ulmus campestris 132, 326.
 иль lutum, limus 35, 284.
 индюкъ gallopavo 180, 355.
 иней pruina 16, 278.
 искра scintilla 5, 273 сл.
 источникъ fons 28, 282.

К.

кавка corvus monedula 169, 348.
 кавунъ cucurbita citrullus 88, 313.
 калина viburnum opulus, ligustrum vul-
 gare 125, 323.
 калужа lacuna, lutum 33, 283 сл.
 каль lutum 35, 284.
 камбала pleuronectes 161.
 камень lapis 51, 289.
 каня milvus, buteo lagopus 172, 351.
 капля, крапля gutta 23, 280.
 каплунь capro 179.
 капуста brassica 89, 313.
 каракатица sepiæ, polypus 148, 338.
 карась cyprinus carassius 160, 343.
 карпъ cyprinus carpus 159, 343.
 картофель solanum tuberosum 314.
 кашель tussis 258, 386.
 каштанъ fagus castanea 134, 328.
 квочка gallina glaciens 179, 355.
 керъ frutex 105, 296 сл.
 кивка coma, nodus 217, 376.
 кила hernia 261, 387.
 кипарисъ cupressus 137, 330.
 кислица rumex 84.
 кита ramus, fasciculus 111, 299.
 китъ cetus, balaena 181, 356.
 кланецъ semita 44, 288.
 клей gluten 123, 303 сл.
 клекачка staphylea pinnata 126.
 клень acer campestre 134, 328.
 клещъ acarus, ixodes ricinus 157, 342.
 клопъ cimex, ricinus 151, 339.

- клыкъ *dens caninus, dens exsertus* 212, 375.
 клювъ *rostrum, rostellum* 210, 374.
 клюква *vaccinium oxycoccus* 101, 321.
 ключъ *fons* 28.
 кнорозъ *aper non castratus* 189, 361.
 ковъ *metallum* 57.
 кобець *astur, falco apivorus* 173.
 кобыла *equa* 186, 359.
 ковыль *locusta, gryllus, cicada* 152, 340.
 ковыль *stipa* 75, 306.
 коготь *unguis animalium* 228.
 кожа *pellis, cutis* 110, 203, 372.
 коза, козелъ *capra, caper, hircus* 184, 358.
 козлякъ *boletus granulatus* 86, 312.
 кокорышъ *aethusa cynapium, corydalis* 75.
 кокошь, кокошь *gallus, gallina* 178, 355.
 колика *colicus dolor, tormina* 260, 387.
 колода *truncus, trabs* 116, 300.
 колосъ *spica* 67, 302.
 колъ *palus* 115, 300.
 колѣно *genu* 226, 378.
 комаръ *culex* 153, 340.
 комета *cometes* 10, 276.
 конопница *trifolium* 74.
 ковыль *locusta, gryllus* 152, 340.
 конопля *cannabis sativa* 94, 316.
 конь *equus* 186, 359.
 коперъ *anethum* 75.
 копецъ *tumulus* 40.
 копно *terra continens* 37.
 копоть *fumus, fuligo* 122, 304.
 коприва, крапива *urtica* 75, 306.
 копытникъ *asarum* 76, 306.
 копыто *ungula* 227, 378.
 кора *cortex* 109, 301.
 корень *radix* 63, 298.
 корова *vacca* 182, 357.
 короста *scabies* 253, 384.
 коростель *crex coturnix* 174, 352.
 корчь *spasmus* 260, 386.
 корь *moibilli* 253.
 коса *soma* 216, 376.
 косма *capillus, villus* 216, 376.
 костеръ *strues lignorum, rofus* 118, 300.
 костеръ *fibra dura plantarum* 65, 301, 306.
 костеръ *bromus secalinus, festuca* 76, 306.
 кость *os* 202, 372.
 кость *turdus, merula* 168, 348.
 котъ, котка *felis* 196, 366.
 кочявъ *caulis, culmus* 64.
 кошута *serva* 185.
 крагуй *accipiter, falco nisus* 173, 351.
 кракъ *pes, coxa, gressus* 224, 378.
 крапива см. коприва.
 крапля см. капля.
 крастavecъ *cucumis sativus* 89.
 кремень *silex* 53, 290.
 крестъ *solstitium* 8, 275.
 криница *fons* 28, 282.
 кровь *sanguis* 204, 372.
 кроликъ *lepus cuniculus* 190, 362.
 кротъ *talpa* 193, 365.
 крукъ *corvus* 169, 348.
 крушець *metallum* 57, 292.
 крушина *rhamnus frangula* 126, 323.
 крѣкъ *collum, cervix* 214, 375.
 крѣшь *saxum, rupes* 42, 286.
 крыло *ala, sinus* 233, 380.
 кудерь *capilli crispi* 218, 376.
 кудла *capilli turbati, villi* 218, 376.
 кузнечикъ *gryllus* 153, 340.
 куколь *agrostemma githago, nigella* 76, 307.
 кукуруза *zea mais* 98, 320.
 кукушка *cuculus* 171, 350.
 кукушка *orchis* 76, 307.
 куликъ *scolopax, numenius, tringa* 175, 352.
 куна *mustela* 192, 364.
 купина *rubus caesius, rubus fruticosus*
 100, 321.
 куропатка *perdix* 178, 355.
 куръ, кура *gallus, gallina* 178, 355.
 кусть *frutex, virgulta* 104, 296 сл.
 кыхавица *sternuatio* 257, 386.

Л.

- лавръ *laurus* 135, 329.
 лазъ *silva caesa* 104, 298.
 лайно *stercus* 242, 382.
 лалока *maxilla, mentum* 208.
 лань *serva, cervus dama* 185, 358.
 лава *planta animalium* 227, 378.
 ласица *mustela vulgaris* 192, 364.
 ласточка *hirundo* 170, 349.
 лебеда *atriplex* 76, 307.
 лебедь *cygnus* 177, 354.
 левъ *felis leo* 196, 367.
 ледъ *glacies* 24, 280 сл.
 ледекъ *ardea, ciconia, caprimulgus* 175, 352.
 ленъ *linum* 93, 316.
 лепень *folium* 65, 301.
 лещина *corylus avellana* 126, 324.
 лещъ *cyprinus brama* 160, 343.
 лилия *lilium* 307.

линь cyprinus tinca 160, 343.
 лина tilia 135, 328.
 лисица canis vulpes 196, 366.
 лисочка agaricus flabellatus, cantharellus 86.
 листь folium 65, 301.
 лице facies, vultus 208, 374.
 лишай lichen, mentagra, impetigo 87,
 253, 312, 384.
 лобъ frons, calvaria 207, 374.
 лоза virga, palmes 113, 299.
 лоза vitis 128, 324.
 локва palus, lacus 34, 283.
 локоть cubitus, ulna 221, 377.
 лоно sinus 232, 380.
 лосось salmo 159, 343.
 лопухъ lappa 77.
 лось cervus alces 186, 359.
 лубеница cucurbita citrullus 88, 313.
 лубъ liber 109, 301.
 лугъ pratum 32, 297.
 лугъ lix, lixivium 121, 303.
 лужа palus, lacuna 32, 283 сл.
 лука sinus 25, 282.
 лукъ allium, сепа 91, 314.
 луна luna 8, 275 сл.
 лунь vultur, falco rusticolus, milvus 172, 350.
 лунина cortex, folliculus 67, 302
 луска folliculus, cutis, squama 66, 302.
 лучина taeda 118, 300.
 лучъ radius, lux 3, 273.
 лыко liber 109, 301.
 лысна calvitium, macula alba 219, 376.
 лысть, лытка tibia, sura 225, 378.
 лъвица manus laeva 220, 377.
 лѣкъ curatio, medicina 262, 388.
 лѣсъ silva 103, 297 сл.
 лѣторасль germen, surculus 106, 299.
 лядвея lumbus, femur 224, 378.
 ляща lens 92.

M.

макрель scomber 159.
 макъ papaver 77, 315.
 малина rubus idaeus, morus idaeus 100, 321
 маслина olea, oliva 140, 332.
 матежь naevus 251, 385.
 матка uterus, matrix 238, 381.
 маточникъ melissa officinalis 77, 307.
 мячка felis 196, 366.
 мгла nebula 15, 278.
 медвѣдь ursus 193, 365.

медуница pulmonaria 77, 307.
 мездра, мезга corticis pars inferior, мем-
 брана 108, 301.
 ментузъ, мень gadus lota 161, 344.
 мель vadum, syrtis 31, 283.
 мерга, мерха cadaver 243, 372, 382.
 мескъ mulus 187, 360.
 метель imber nivium procellosus 14, 278.
 мечака ursa 194.
 мизинцевъ digitus minimus, filius postremus
 223, 377.
 многа petromyzon 161, 344.
 мръ mundus, pax 1, 272.
 младица novilunium 9, 276.
 млака lacuna 33, 283.
 млечный путь via lactea 10, 276.
 млѣчь agaricus piperatus 85, 311.
 могила tumulus 40, 286.
 модрица centaurea cyanus 77, 307.
 мозгъ medulla, cerebrum 202, 372.
 мозоль callum, vibex, pustula 249, 384.
 молнія fulgur 18, 279.
 молочай euphorbia, sonchus 77, 307.
 моль tineas 154, 341.
 морда vultus distortus, rostrum 209, 374.
 море mare 25, 281.
 морковь daucus carotta 91, 314
 морозъ frigus 7, 274 сл.
 морщина ruga 239, 382.
 моръ pestis 261, 387.
 мотылекъ papilio 155, 341.
 мохъ muscus 87, 312.
 моча, мочага, мочаръ lacuna, palus 33, 283.
 моча urina 242, 382.
 мошна scrotum, pera 238, 381.
 мракъ, сумракъ caligo, crepusculum 6, 273.
 мудо, мѣдо testiculus 238, 381.
 мукиня sorbus aria 129, 325
 мулъ limus 35, 284.
 мулъ mulus 188, 360.
 муравей formica 155, 341.
 мурва morus 135, 329.
 муха musca 154, 340.
 мухоморъ agaricus muscarius 86, 312.
 мышца brachium, ala, musculus 220, 373,
 377.
 мышъ mus 191, 363.
 мѣдь aes, cuprum 59, 292 сл.
 мѣль creta 54, 290 сл.
 мѣна novilunium 9, 276.
 мѣсяцъ luna, mensis 9, 275 сл.
 мѣхырь vesica 23, 237, 381.

мясо caro 203, 372.
мята mentha 78, 307.

И.

надуха catarrhus 256, 386.
наперсточникъ digitalis 78, 308.
насъкомое insectum 150.
натъ folium 65, 301.
небо coelum 12, 277.
небо palatum 212, 375.
недугъ infirmitas, morbus 247, 383.
незабудка myosotis 78.
немочь infirmitas, morbus 247, 383.
непогода tempestas 20, 279 сл.
непопырь papilio 155, 341.
непопырь vespertilio 197, 367.
неясныя pelecanus, vultur 177, 354.
новолуние novilunium 10, 276.
нога pes 224, 378.
ноготъ unguis 223, 377.
ногъ grys, vultur 172, 350.
ноздря naris 209, 374.
нора latibulum, specus 47, 287.
носорогъ rhinoceros 190, 361.
носъ nasus 209, 374.
нуда pausea 256, 386.
нырокъ mergus, fuligula 176, 353.
нѣдро, ядро sinus 233, 380.

О.

обиліе fruges, abundantia 95.
облако nubes 16, 278.
обликъ, обличіе vultus 208, 374.
обръвъ см. бровь.
обрѣда locusta 152.
овадь oestrus 154, 340.
овесъ avena 96, 318.
овощъ fructus 71, 303.
овца, овенъ ovis, aries 184, 358.
огаръ canis venatici genus 195, 365.
огневица febris ardens 259, 387.
огняно ignitabulum, chalybs 60, 294 сл.
огонь ignis 4, 273 сл.
огонъ cauda 230, 379.
огурецъ cucumis sativus 89, 313.
одоленъ valeriana 78, 308.
одышка см дыхавица.
озеро lacus 26, 282.
око oculus 214, 376.
окунь perca 158, 342.

олень cervus 185, 358.
олово plumbum, stannum 59, 292, 294.
ольха alnus 131, 326.
оманъ inula 73.
омегъ aconitum 78, 308.
омела viscum 78, 308.
опашъ cauda 230, 379.
опица simia 197, 368.
опока saxum 42, 286.
опухоль, буглима tumor 249, 384.
орель aquila 174, 352.
орляки aquilegia 79.
орь equus 186, 359.
орѣхъ, орѣшникъ нух, corylus 126, 324.
оса vespa 156, 341.
оселокъ cos 53, 290.
осель asinus 188, 360.
осетръ accipenser sturio 162, 344.
осина, ясика populus tremula 130, 326.
оскомина stupor dentium 255, 386.
оскоруша sorbus domestica 129, 325.
осоть carduus, cirsium 79, 308.
оспа pustula, variolae 253, 384.
острецъ carex 79.
островъ insula 37, 285.
ость spina, stimulus 68, 302.
отава foenum chordeum 62, 296.
отливъ и приливъ aestuum marinorum
recessus et accessus 25, 281.
отокъ insula 38, 285.
отрасль germen, surculus 106, 299.
оцѣль chalybs 60, 294 сл.
очась cauda 231, 379.

П.

павлинъ pavо 180, 355.
падаль cadaver 243, 372, 382.
падучая epilepsia 260, 386.
пазюгъ unguis, unguis 223, 377.
пазуха sinus, ala 233, 380.
палець pollex, digitus 223, 377.
палочникъ typha 99, 321.
панротникъ filix 79, 308.
пархъ scabies 254, 385.
паръ vapor 15, 278.
пастернакъ pastinaca 79, 314.
паукъ aranea 157, 342.
пахъ ala 221, 377.
пекло pix, infernus 123, 303 сл.
пенъ truncus, caudex 116, 300.
пенька cannabis 94.

- пепелъ cinis 120, 303.
 перга pollen 70, 302.
 перепелъ tetrao coturnix, perdix 178, 354.
 перо penna 204, 373.
 перси pectus 231, 380.
 персть digitus 222, 377.
 персть pulvis, humus 52, 289.
 перунъ fulmen, fulgur 18, 279.
 перхоть furfures 240, 382.
 песокъ arena 52, 289 сл.
 пеструшка salmo fario, salmo trutta 159, 343.
 песь canis 194, 365.
 петрушка petroselinum 79, 314.
 печерица agaricus campestris 86, 312.
 пещера specus 46, 287.
 пигалица vanellus 175, 352.
 пилъ pullus 179, 355.
 пискарь cyprinus gobio, petromyzon fluviatilis, muraena 160, 343.
 пиявица sanguisuga 148, 338.
 плазъ cochlea, animal repens 147, 337.
 пламень flamma 4, 273 сл.
 планета planeta 10, 276.
 плесна planta pedis 226, 378.
 плесо lacus, vertex 27, 282.
 плечо humerus 219, 377.
 плодъ fructus 71, 303.
 плотва cyprinus idus, leuciscus 160, 343.
 плоть caro 203, 372.
 пльволоуна plenilunium 9, 276.
 пльна pellis, pellicula 109, 301.
 пльсень mucor 36, 284.
 пльшь calvitium 219, 376.
 плюсникъ sticta pulmonacea, cetraria islandica 87, 313.
 плюща, плушта pulmo 234, 380.
 поводъ inundatio 32, 283.
 погода coelum, serenitas 19, 279 сл.
 подбълъ tussilago farfara 80, 309.
 подблскокъ viola canina, primula 80
 подошва vola, solea 227, 378.
 полба triticum spelta 97.
 полдень meridies 12, 277.
 поле campus 38, 285.
 полночь septentrio 12, 277.
 покой locus inundationi obnoxius 32, 283.
 полонина mons, pratium montanum 41, 286.
 полчекъ, полхъ myoxus glis 191, 362.
 полянъ artemisia absinthium 80, 309.
 полынья lacuna in glacie 25.
 полъно lignum fissum, segmentum e ligno
 fisso 118, 300.
 поляна campus, planities 38, 285.
 повравъ vermis, vermis intercus 148, 338.
 пороса porculus 190, 361.
 посковъ cannabis 94.
 посохъ fustis 116.
 потокъ torrens 29, 282.
 потопъ diluvium 31, 283 сл.
 потъ sudor 240, 382.
 почка gemma, carpellum, nucleus 69, 302.
 правница, правша manus dextra 220, 377.
 прамень radius 3, 273.
 прасква см. брусквица.
 прахъ pulvis 52, 289 сл.
 приливъ см. отливъ.
 природа natura, mundus 2, 272.
 пристань portus 26, 282.
 уроказа lepra 254, 385.
 пропастъ vorago 45, 287.
 просо milium panicum 97, 319.
 прострѣлъ anemone, gentiana 80, 309.
 протычъ tanacetum 80, 309.
 пругъ locusta 152, 340.
 прудъ stagnum, flumen, agger 27, 282.
 пругъ virga, surculus 114, 299.
 прыщъ pustula 252, 384.
 прыжа cuscuta 80.
 псянка solanum dulcamara, solanum nigrum 81, 309.
 птица avis 165, 346.
 пугыръ bulla 23.
 пунокъ gemma, calyx, umbilicus 69, 302.
 пупъ umbilicus 237, 381.
 пустыня desertum 39, 285.
 пулыца см. опухоль.
 пухъ pluma 204, 373.
 пучина mare, aequor 25, 281.
 пчела apis 156, 341.
 пшевица triticum 96, 318.
 пшено granum milii, puls miliacea 98.
 пыль pulvis 52.
 пыранъ gallopavo 180, 355.
 пыро tritici genus 97, 319.
 пѣга, пѣжина lenticula, macula 251, 384.
 пѣна spuma 24, 280 сл.
 пѣтель, пѣтухъ gallus 179, 355.
 пядъ palmus, spithama 221, 377.
 пядь pugnis 222, 377.
 пята calx 227, 378.
 пятиперстникъ potentilla 101.

P.

равнина planities 39, 285.
 разсвѣтъ см. свѣтъ 2, 272 сл.
 разсоха furca 116, 300.
 ракита salix caprea 130, 325.
 ракъ cancer 157, 342.
 рана humerus, lacertus 219, 377.
 рана vulnus, plaga 248, 384.
 ранникъ plantago, anthyllis vulneraria 81, 309.
 варогъ accipiter, falco sacer 174, 351.
 растение planta 61, 296.
 редька potamogeton, polygonum 81, 309.
 ребро costa 231, 380.
 реней lappa, agrimonia eupatoria 81.
 ресница cilium 216, 376.
 рожь rubigo 57, 292 сл.
 рожь oryza sativa 98, 320.
 роить podex, clunis 229, 379.
 робакъ, хробакъ vermis 148.
 ровъ fossa 47, 287.
 рогозъ typha, juncus 99, 320.
 рогъ cornu 210, 374.
 рожь secale 95, 317.
 роза rosa 125, 323.
 розга virga, sarmentum, palmes 113, 299.
 розопастъ chelidonium majus 81, 309.
 ромашка matricaria chamomilla, anthemis 81, 309.
 роса ros 16, 278.
 ротъ os, apex, collis 43, 210, 286, 375.
 ртуть hydrargyrum 58, 294.
 руда metallum 56, 292 сл.
 рука manus 220, 377.
 рута ruta 81, 309.
 рыба piscis 158, 342.
 рыганье ructatio 256, 386.
 рыло rostrum, os 209, 374.
 рысь felis lynx, pardalis 196, 367.
 рѣдка garbanus 90, 314.
 рѣчка fluvius 29, 282.
 рѣнь vadum, littus 31, 283.
 рѣпа rapa 89, 313.
 рѣшница cauda 231, 379.
 рябина sorbus aucuparia 129, 325.
 рябчикъ tetrao bonasia 177, 354.
 ряса julus, ornatus 68, 302.

C.

садра gypsus 54, 290 сл.
 сажа fuligo 121, 304.

саранча acridium, gryllus migratarius 152, 340.
 свекла beta cicla 90, 314.
 свербъ, своробъ scabies, prurigo 254, 384.
 сверчекъ gryllus 152, 340.
 свидина cornus sanguinea 124, 322.
 свинець stannum, plumbum 59, 294.
 свинья sus 188, 361.
 свѣтъ mundus 1, 272.
 сельдь clupea harengus 160, 344.
 сердце cor 233, 380.
 серебро argentum 57, 292 сл.
 серна caprea, capella rupicapra 185, 358.
 серпъ serratula 81, 310.
 сечь urina 242, 382.
 синица parus 167, 347.
 шишъ, сѣнь vultur 172, 350.
 шишъ, сишота raucedo, asthma 258, 386.
 ситникъ scirpus, juncus 99, 320.
 скала rupes, saxum 41, 286.
 скачекъ locusta 152, 340.
 скворецъ sturnus 168, 348.
 сковранецъ см. жаворонокъ.
 скоря cortex, pellis 109.
 скорлупа cortex, crusta, concha 110.
 скотъ pecus, animal 180, 356.
 скранія tempora, mentum 207, 274.
 слана, срѣнь pruina 16, 278.
 слань casus aquae, fluctus 31, 283.
 слатина palus, aqua salsa 33, 283.
 слеза lacrima 240, 382.
 слезена splen 236, 381.
 слезъ, слизникъ malva, althaea 82, 310.
 слива prunus, prunum 139, 331.
 слимакъ limax 147, 337.
 слина saliva 241, 382.
 слонъ elephas 190, 361.
 слота pluviae nivibus mixtae 20, 279 сл.
 слѣпота caecitas, caligo oculorum 255, 385.
 слюда phengites 53, 290.
 смага os aridum 255, 386.
 смерека abies excelsa, pinus picea, juniperus communis 136, 329.
 смерчъ typhon 14, 278.
 смоква ficus 140, 332.
 смокъ draco 163, 345.
 смола pix, resina, bitumen 122, 303 сл.
 смолка lychnis viscaria, asperula 82, 310.
 смородина ribes 102, 322.
 сморчекъ morchella 86, 312.
 сморчекъ mucus 241, 382.
 смуга vibex, limes fuscus 249, 384.

смудъ nidor, fumus 122, 304.
 снѣгирь pyrrohula 166, 347.
 снѣгъ nix 21, 280.
 снѣтъ uredo 87, 312.
 соболь mustela zibellina 193, 364.
 сова strix 172, 350.
 соколя falco 173, 351.
 солнопокъ locus apricus 7.
 солнце sol 8, 275.
 соловей luscinia 167, 347.
 соль sal 56, 292.
 сомъ silurus glanis 161, 344.
 сомя mucus 241, 382.
 сопоть casus aquae, canalis 31, 283.
 сорока pica 168, 348.
 сосна pinus, abies 135, 329.
 соха fustis, furca 115, 300.
 сочиво, сочивина legumen, lens 92, 315.
 соя pisa, coryus glandulus 168, 348.
 спорышъ polygonum, verbena 82, 310.
 срѣнь см. слана.
 ставъ, суставъ articulus, compages 206, 374.
 стволъ truncus 107, 297.
 стебель caulis, caudex 63, 298.
 стегно femur, crus 225, 378.
 степь desertum 39.
 стерво cadaver, reliquiae cadaveris 243, 372, 382.
 стержень medulla 107, 299.
 стерьъ stipula 64, 298.
 стерхъ ciconia, leucogeranus 175, 353.
 стокласъ bromus 76.
 стопа pes, planta pedis 226, 378.
 стрекоза libellula 153, 340.
 стремнина locus praeruptus 43, 286.
 стрижь hirundo riparia, regulus 170, 349.
 струкъ siliqua, folliculus, caulis 66, 301.
 струнь ulceris crusta, porrigo 252, 384.
 струя fluctus, flumen, torrens 29, 282.
 студенець fons, puteus 28, 282.
 стужа frigus 7, 274 сл.
 стѣница cimex 151, 339.
 судакъ lucioperca sandra 155, 342.
 сука canis femina 194, 365.
 сукрѣвица serum 204.
 сукъ surculus, nodus 112, 299.
 сумракъ ср. мракъ.
 суника fragaria vesca 101, 321.
 сурукъ arctomys 191, 362.
 сусликъ spermophilus, mus citellus 191, 362.
 суставъ см. ставъ.
 сухота phthisis, tabes 258, 386.

суша terra continens 37, 285.
 съсъкъ papilla, mamma 232, 380.
 сыроѣжка agaricus integer, agaricus deliciosus 86.
 съверъ septentrio, aquilo 11, 276 сл.
 съмя semen 62, 303.
 съра sulphur 55, 292.

Т.

табакъ nicotiana tabacum 82, 317.
 твердь firmamentum 12.
 теля vitulus 183, 357.
 темя vertex capitis 207, 374.
 теплица thermae 29, 282.
 теплота tepor, calor 5, 274 сл.
 тернь prunus spinosa, vepres, spina 124, 322.
 тетеревъ tetrao 177, 354.
 тина lutum 35, 284.
 тисъ taxus 137, 330.
 тита, цидя mamma, papilla 232, 380.
 тиннь cuminum, carum carvi 82, 310.
 тополь populus alba 131, 326.
 трава gramen, herba 62, 296.
 требухъ venter, stomachus, intestina 234, 380.
 треска assula, sarmentum 119, 299, 306.
 трескъ fulmen 18, 279.
 трость arundo 98, 320.
 трунь corpus, corpus mortuum 202, 372, 382.
 трускавка fragaria collina 101, 321.
 трутень fucus 156, 341.
 труть polyporus 86, 312.
 тръсь vitis, vinea 128, 324.
 трясавица febris 259, 387.
 туловище truncus 202, 372.
 туръ bos urus, taurus 183, 357.
 туча nimbus 17, 278.
 тыква cucurbita 88, 313.
 тылъ dorsum, tergum, occiput 229, 379.
 тычина pertica 114, 300.
 тьма tenebrae 6, 273.
 тѣло corpus 201, 372.
 тѣнь umbra 8, 273.
 тюлень phoca vitulina 182, 356.

У.

увозъ vallis, via profunda 45, 287.
 уголь carbo 120, 303.
 угоръ anguilla 161.

угорь varus 251, 344, 385.
 удодъ urupa 170, 349.
 удъ membrum 205, 374.
 ужъ coluber, natrix 163, 345.
 уклея cyprinus alburnus 160, 344.
 уста os, labrum 211, 375.
 устрица ostrea 147, 338.
 устье ostium 29, 282.
 усъ barba 218, 376.
 утка anas 176, 353.
 утроба intestinum, venter, uterus 235, 380.
 ухо auris 214, 376.

Ф.

фасоль phascolus 93, 315.
 фіалка viola 310.

Х.

хворость virgultum, sarmentum, frutice-
 tum 105, 296 сл.
 хворь morbus, corporis imbecillitas 247, 383.
 хвостъ cauda 230, 379.
 хвощъ equisetum 83, 310.
 хвоя frondes pineae, piceae et abiegnae,
 pinus, abies 135, 329.
 хмара nimbus 17, 278.
 хмель humulus lupulus 94, 316.
 хоботь cauda 230, 379.
 холмъ collis 39, 286.
 холодь frigus 7, 274 сл.
 хомякъ circetus 191, 363.
 хорть canis vertagus 195, 365.
 хорь mustela putorius 192, 364.
 хохоць cirrus 217, 376.
 хракъ pituita, phlegma 241, 382.
 храпъ naris 210, 374.
 хралъ rhonchus 257.
 хребеть dorsum, montes continui 42, 228,
 286, 379.
 хрипота raucedo 257, 386.
 хробакъ см. робакъ.
 хрущъ scarabaeus, melolontha 151, 339.
 хрѣць cochlearia armoracea 91, 314.
 худика viburnum lantana 125, 323.

Ц.

цапля ardea 175, 352.
 цвѣтъ flos 69, 302.
 цель, щель surculus 106, 299.

цица см. тита.
 дыпка digiti summi pedis 227.

Ч.

чадъ fumus 122, 204.
 чайка larus, vanellus, monedula 176, 353.
 чаща fruticetum 102, 297.
 чело frons 207, 374.
 человекъ homo 197, 368.
 челюсть maxilla 207, 374.
 червь vermis 148, 338.
 чемерица helleborus, veratrum 83, 310.
 череха prunus padus 130
 черенъ surculus 106.
 черепъ calva, cranium, testa 206, 374.
 чересла regio sacra, lumbi 230, 379.
 череть arundo phragmites 99, 321.
 черешня cerasus, cerasum 139, 332.
 черника vaccinium myrtillus 101, 321.
 чернобыль artemisia 83, 311.
 черноголовникъ prunella vulgaris 83.
 чернушка nigella, melanthium 83, 311.
 чеснокъ allium sativum 92, 315.
 чехъ, чихота sternuatio 257, 386.
 чечеть fringilla linaria 166, 347.
 чижь, чижиць fringilla spinus 166, 347.
 чирей ulcus, pustula 252, 385.
 чистецъ stachys 84.
 чихота см. чехъ.
 членъ articulus, membrum 205, 374.
 чобрь satureja 84.
 чопъ aspro zingel 158.
 чрево venter, uterus, intestina 235, 380.
 чубъ capilli verticis, cirrus 217, 376.
 чума pestis 261, 387.

Ш.

шаранъ cyprinus nordmannii 159, 343.
 шашъ carex, arundo 99, 321.
 шелковячникъ bombyx 155.
 шелуха folliculus, cutis 67.
 шерсть pili 205, 373.
 шершень scabro 156, 341.
 шея collum, cervix 213, 375.
 шибя virga 113, 300.
 шиповникъ rosa canina 125, 323.
 шипъ aculeus, spina 68, 302.
 шишка nodus, conus, galla 113, 299.
 шмель bombus 157, 341.
 штуръ gryllus, cicada, scorpio 153, 340.

штѣль eclipsis 9.
шуйца manus laeva 220, 377.
шума silva 103.

Щ.

щавель rumex 84, 311.
щеголь fringilla carduelis 167, 347.
щека mala, gena 208, 374.
щенья catulus 195, 365.
щепла taeda, lignum fissum 119, 300.
щепъ см. цепъ.
щетина seta 205, 373.
щиръ mercuriaris, amaranthus 84.
щука esox lucius 161, 344.
щуръ mus rattus 191, 363.

Ю.

югъ meridies 12, 276 сл.
юнецъ taurus, vitulus, juvencus 182, 357.

Я.

яблоня, яблоко malus, malum 137, 330.
яворъ acer platanoides, acer pseudoplatanus 134, 328.
ягла granum milii, puls miliacea 97.

ягня agnus 184, 358.
ягнядь populus nigra 131, 326.
ягода bacca 71, 303, 321.
ядро см. нѣдро.
ядро nucleus 70, 303.
язва morbus, dolor 247, 383.
язва foramen, latibulum 46, 287.
язва vulnus, plaga 248, 384.
язвецъ meles taxus 193, 364.
язъ, язъ moles, agger 47.
язъ cyprinus ballerus, idus melanotus 160.
344.
языкъ lingua 212, 375.
яйцо ovum 238, 381.
яловецъ juniperus 126, 324.
яловица vitula juvenca 183, 357.
яма fovea 47, 287.
явтарь succinum 55, 291 сл.
яруга fauces, vallis angusta 44.
яръ vallis, fauces 44, 287 сл.
ясенецъ dictamnus 84.
ясень fraxinus 132, 327.
ясика см. осина.
яскиня spelunca 46, 287.
ястребъ accipiter, astur 173, 351.
ятро jecur 236, 381.
ячмень hordeum 96, 318.
ящерица lacerta 164, 345.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посвященіе (стр. I—II).

Введеніе (III—XXII):

объ основаніяхъ и методѣ лингвистической палеонтологіи вообще, а славянской въ особенности (III—VIII); о способахъ хронологическаго распредѣленія славянскихъ словъ, въ связи съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, а также съ внѣшнимъ видомъ и внутреннимъ значеніемъ словъ (VIII—XIII); планъ нижеслѣдующихъ разысканій (XIV—XVI); списокъ лексикальныхъ пособій (XVI—XXII).

А.

Отдѣлъ лингвистическій (1—264).

Глава I. Разсмотрѣніе словъ, относящихся къ космографіи, метеорологіи, физикѣ и географіи (1—51):

міръ, съ явленіями свѣтовыми и тепловыми (1—8); небесныя свѣтила и части свѣта (8—12); явленія воздушныя (13—21); воды (21—36); суша, въ ея горизонтальныхъ и вертикальныхъ очертаніяхъ (36—48); выводы изъ 1-ой главы (48—51).

Глава II. Разсмотрѣніе словъ, относящихся къ геологіи, минералогіи и металлургіи (51—61):

камни и земли (51—54); драгоценныя минералы (55); сѣра и соль (55—56); руды и металлы (56—60); выводы изъ 2-ой главы (60—61).

Глава III. Разсмотрѣніе словъ, относящихся къ ботаникѣ (61—146):
общія названія (61—62, 102—106); органы и части растений вообще (62—71) и деревянистыхъ въ особенности (107—123)

виды дикорастущихъ травъ (72—84); грибы и лишайники (85—87); огородные овощи, растенія техническія и хлѣбные злаки (88—98); болотныя растенія (98—100); ягодыя травы и кусты (100—102); виды кустарныхъ растеній (124—129); виды дикорастущихъ (129—137) и плодовыхъ деревьевъ (137—141); выводы изъ 3-ей главы (141—146).

Глава IV. Рассмотрѣніе словъ, относящихся къ зоологіи (146—201): общія названія (146—147); животныя мякотныя и суставчатыя (147—158); рыбы (158—162); пресмыкающіяся и земноводныя (162—165); виды птицъ (165—180); виды млекопитающихъ (180—198); выводы изъ 4-ой главы (199—201).

Глава V. Рассмотрѣніе словъ, относящихся къ анатоміи и физиологіи животныхъ (201—246): общія названія (201—205); голова и шея, съ ихъ частями (206—219); верхнія (219—224) и нижнія конечности (224—228); наружныя и внутреннія части туловища (228—239); выдѣленія и разложенія животныхъ (240—243); выводы изъ 5-ой главы (244—246).

Глава VI. Рассмотрѣніе словъ, относящихся къ медицинѣ (246—264): общія названія (246—247); болѣзни наружныя (248—254) и внутреннія (255—261); лѣченіе (262); выводы изъ 6-ой главы (263—264).

Б.

Отдѣлъ историко-географическій и этнографическій (265—392).

Предварительныя замѣчанія (265—271):

о способахъ провѣрки данныхъ лингвистическихъ и объ историческихъ ихъ примѣненіяхъ (265—270); планъ второго отдѣла изслѣдованій и важнѣйшія пособія (271, ср. 404).

Глава VII. Небо, воздухъ, земля (272—289):

міръ, съ явленіями свѣтовыми и тепловыми (272—274); небесныя свѣтила и части свѣта (275—277); явленія воздушныя (278—280); воды (280—284); суша (285—288); выводы изъ 7-ой главы (288—289).

Глава VIII. Царство ископаемых (289—296):

камни и земли (289—291); драгоценные минералы (291—292); сѣра и соль (292); руды и металлы (292—295); выводы изъ 8-ой главы (295—296).

Глава IX. Царство растений (296—337):

общія названія (296—298); органы и части растений (298—304); виды дикорастущихъ травъ (304—311); грибы и лишайники (311—313); огородные овощи, техническія растенія и хлѣбные злаки (313—320); болотныя растенія (320—321); ягодные травы и кусты (321—322); виды кустарныхъ растеній (322—325); виды дикорастущихъ (325—330) и плодовыхъ деревьевъ (330—333); выводы изъ 9-ой главы (333—337).

Глава X. Царство животных (337—372):

мякотныя и суставчатыя (337—342); рыбы (342—344); пресмыкающіяся и земноводныя (345—346); птицы (346—355); виды дикихъ и домашнихъ млекопитающихъ (356—368); выводы изъ 10-й главы (368—372).

Глава XI. Строеніе и отправленія животныхъ организмовъ (372—383):

общія названія (372—374); голова и шея, съ ихъ частями (374—377); верхнія (377—378) и нижнія конечности (378—379); наружныя и внутреннія части туловища (379—381); выдѣленія и разложенія животныхъ (382); выводы изъ 11-ой главы (383).

Глава XII. Здоровье и болѣзненные явленія (383—389):

общія названія (383—384); болѣзни наружныя (384—385) и внутреннія (386—387); лѣченіе (388); выводы изъ 12-ой главы (388—389).

Заключительныя замѣчанія и выводы (389—392).

Поправки и дополненія (393—405).

Объясненіе сокращеній (406—408).

Указатель словъ, разсмотрѣнныхъ въ первой части изслѣдованій (I—XII).

